Ф95

Ш. ФУРЬЕ

НОВЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ МИР

ОГИЗ—СОЦЭКГИЗ—1935

Ш. ФУРЬЕ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
II

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. ДВОРЦОВА

ПЕРЕВОД И. А. ШАПИРО

*

Ш. ФУРЬЕ

НОВЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ МИР

ИЛИ

ИЗОБРЕТЕНИЕ МЕТОДА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ И ЕСТЕСТВЕННОЙ ИНДУСТРИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПО СЕРИЯМ ПОСТРОЕННЫМ НА СТРАСТЯХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1939

335
Ф. 95

„Новый промышленный и общественный мир"— наиболее систематизированное изложение воззрений великого французского социалиста-утописта Шарля Фурье (1772—1837 гг.).

В этом произведении Фурье подвергает бичующей критике язвы и пороки буржуазного общества, развивает оригинальные мысли о воспитании детей, о раскрепощении женщин, о закате буржуазного общества и др. На основе своих утопических идей Фурье конструирует в детальной форме фантастический план нового общественного строя.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помехи, чинимые изобретателям

Если вы заявите, что изобрели средство, позволяющее сразу учетверить продукцию промышленности, побудить всех господ добровольно освободить негров и рабов, безотлагательно просветить всех варваров и дикарей (которыми философия никогда не занималась), внезапно установить единство речи, мер, монет, типографских знаков и т. д., то умники непременно скажут, что это какое-то шарлатанство.

Автор должен был предвидеть, что гигантские обещания породят в читателе недоверие, и он не стал бы навлекать на себя подозрение в фиглярстве, не опирайся он на более чем достаточные доказательства. Шарлатаны от науки остерегаются колебать установившиеся мнения. Они прибегают к хитрым, вкрадчивым приемам. Они избегают публично объявлять неправдоподобные вещи. Но тот, кто обнародывает действительные открытия, был бы только шарлатаном, если бы никому не перечил. Он не вносил бы ничего нового: Колумб, Галилей, Коперник, Ньютон, Гарвей, Линней были вынуждены вести лобовую атаку против своего века, опровергать наиболее укоренившиеся мнения.

Между тем, академические учреждения противодействуют опровержению аккредитованных наук. Чтобы втереться в ряды привилегированных софистов, как правило, надо воскурять фимиам. Роль изобретателя совершенно иная: он не претендует на академическое кресло и не обязан придерживаться академического тона; он не может восхвалять предрассудки, которые он только что рассеял. Требовать, чтобы изобретатель не удалялся от унаследованных им идей, равносильно требованию, чтобы естествоиспытатель, вернувшись из исследовательской экспедиции, не представил бы ни единого нового растения. Те, кто привез нам из Америки хинную корку, табак, картофель, какао, ваниль, индиго, вигонь кошениль, не лучше ли они послужили нам, чем если бы они привезли только известные уже виды растений?

Один новейший писатель правильно сказал: «грех провозглашения новых истин прощают последним» (*Тома,* Похвальное слово о Декарте).

Такова моя вина: я открыл много новых и чрезвычайно полезных наук. Драгоценнейшие новшества были отвергнуты по их оглашении: картофель и кофе были запрещены постановлениями парламента; оспенная сыворотка, паровая машина тоже были вначале опорочены. Какой-то врожденный дух противоречия побуждает цивилизованного противодействовать открытиям и ругать тех, кто их делает. Самолюбие различных классов находит себе пищу в этом вандализме; философы склонны глушить изобретения, подрывающие престиж их систем; зеваки считают остроумным высмеивать, как и в век Колумба, теорию, прежде чем она проверена; в силу этого все слои населения готовы отвергнуть изобретения и даже новшества, наполовину признанные. Севинье рукоплескали, когда она сказала: «Кофе надоест людям так же, как и трагедии Расина».

Чтобы обосновать недоверие к изобретателям и преследования, которым они подвергаются, говорят, что между ними много шарлатанов. Но это — вина ученого мира, который не установил никакого испытательного жюри и организовался так, чтобы благоприятствовать интриге. Укажите шарлатана, который был бы отвергнут, укажите изобретателя, которого приняли бы благосклонно. В свое оправдание академии перекладывают вину на малопросвещенные века; а наш век, слывущий просвещенным, — не отверг ли он Фультона и Лебона, изобретателей парохода и газового освещения? В послесловии читатель найдет главу, где французские ученые выдают себя с головой: они пытаются снять с себя обвинение в вандализме; для виду они его осуждают, а в действительности практикуют в отношении людей беззащитных, чья теория задевает чье-либо самолюбие.

Но об этом дальше. Более важно пояснить читателю предмет, которым мы его займем, лестницу обществ, которые выше цивилизации и механизм которых, наконец, открыт. Человечество в своем социальном движении должно пройти 36 периодов; я даю здесь таблицу первых периодов; этого достаточно для настоящей книги.

Шкала первого возраста социального мира. (Относительно трех других возрастов см. гл. LIV.)

Периоды, предшествовавшие промышленности	К. Хаотический, без человека. С. 1. 1. Первобытный, так называемый райский. С. 2. 2. Дикость, или инертность. С. 3.
Промышленность раздробленная, лживая и отталкивающая	3. Патриархат, мелкая промышленность. 4. Варварство, средняя промышленность.

Промышленность общественная, истинная и притягательная	5. Цивилизация, крупная промышленность. 6. Гарантизм, полуассоциация. 7. Социантизм, простая ассоциация. С. 4. 8. Гармонизм, сложная ассоциация. С. 5.

Примечание. Буквы С указывают эпохи минувших и грядущих творений, речь о которых будет в гл. LIV.

Я не упоминаю периода 9-го и последующих потому, что мы теперь можем подняться только к периоду 8-му, который уже бесконечно счастливее четырех существующих обществ. Он распространится внезапно и самопроизвольно на весь человеческий род, под влиянием лишь материальных благ, утех и в особенности промышленного притяжения — механизма, совершенно неизвестного нашим политикам и моралистам. В этом механизме все более и более чувствуется потребность, так как без него не удастся побудить к земледельческому труду ни негров Сан-Доминго, невзирая на приманки, некоторое раскрепощение, авансирование материальных средств; ни негров Бразилии, невзирая на опыты одного колонизатора, столь же справедливого, сколь и великодушного; ни дикарей Америки, невзирая на попытки секты Оуэна, которая похвалялась открытиями в области новой общественной и притягательной промышленности и потерпела полную неудачу. Ни одна орда, ни один негровладелец не хотели принять систему Оуэна, резко противоречащую природе и столь мало выгодную, что эта секта не смеет и заикнуться о прибылях: они, значит, весьма посредственны! Истинно же общественный метод, *притягательный и естественный*, дал бы с первого же года учетверенную продукцию. Насколько секта Оуэна далека от этого результата, а также от промышленного притяжения!

Чтобы создать это притяжение, нужно было открыть метод, именуемый *сериями, построенными на страстях*, и изложенный в настоящем произведении. Он устанавливается постепенно в периодах 6, 7, 8-м предшествующей таблицы. Период 6-й создает только полупритяжение и не мог бы еще соблазнить дикарей; период 7-й начал бы их увлекать, период 8-й соблазнит, кроме того, праздных богачей. Благодаря изобретению серий, основанных на страстях, являющихся механизмом 8-го периода, можно будет миновать периоды 6 и 7-й.

Познание лестницы социальных судеб рассеет наши предвзятые представления о счастье. Об этом предмете мы имеем столь смутное понятие, что философия нам уступает около *30 ложных прав человека*, право верховной власти и другие, в которых нет никакой надобности, и в то же время отказывает нам в 7 естественных правах: 1) охоте; 2) рыбной ловле; 3) сборе плодов; 4) пастьбе; 5) внутреннем союзе; 6) беззаботности; 7) внешней краже.

Только в 8-м периоде можно получить полностью эти свободы или предпочитаемые им равноценные блага. Социальный мир перейдет к этому 8-му периоду, минуя 6 и 7-й, открытие и прохождение которых потребовали бы еще многих веков вследствие влияния обскурантизма — этой старой интеллектуальной язвы, которую создала ученая древность; она рисовала нам природу, задернутую непроницаемой завесой. Послушаем, что говорит об этом Цицерон: «Latent ista omnia, crassis occultata et circumfusa tenebris, ita nulla acies gumani ingenii tanta sit, quae in coelum penetrare, in terram intrare possit».

Вот та непроницаемая завеса, которая мерещилась ученой древности. Новейшие писатели впадают в другое преувеличение, похваляясь потоками света, а меж тем они порождают только нищету, обман, угнетение и порочный круг.

Некоторые скромные ученые (Монтескье, Вольтер и другие, упоминаемые ниже) хотели распространить более разумные взгляды, провозгласить, что социальная политика еще не вышла из пеленок, что разум блуждает в лабиринте. Так думали многие знаменитые люди от Сократа и Аристотеля до Монтэня; они говорили: «Я знаю лишь то, что я ничего не знаю». Этим умеренным взглядам суждено было потерпеть крушение; крайности взяли верх, в особенности среди философов, горделивых, как Кребильон, который думал, что после него не найти уже сюжета для трагедии. Таким образом, политики, метафизики, моралисты, экономисты думали или делали вид, что думают, что человеку не изобрести общества более возвышенного, чем цивилизация и варварство, предел их узких концепций. Они по горло сидят в химерах совершенствуемой цивилизации (отвергаемых в VI и VII разделах); они увлекаются жалким бюджетом в 400 тыс. франков в Париже. В послесловии я доказываю, что в новом социальном строе каждый из них получит от своего труда свыше 400 тыс. франков дохода.

Пусть же перестанут бить тревогу по поводу открытия новых судеб общества. Но страх не рассуждает: ослепленные корпорации не отступают, в массе их не обратить в новую веру. Не важно. Достаточно разубедить хотя бы незначительное меньшинство, привлечь его приманкой огромной славы и огромного богатства, обеспеченных любому выдающемуся писателю, который осмелится первым разоблачить химеры, именуемые политикой, морализмом, экономизмом, — подлинную катаракту, которая слепит человеческий разум: эти науки в конечном счете только удалили народы от путей социального прогресса. В этом произведении читатель увидит, что маленький опыт естественной или общественной организации с участием 1 800 человек сделает посмешищем общества циви-

лизованное и варварское; он докажет, что они не являются конечным назначением человека.

Тогда придет конец нашим бесполезным ученым спорам о счастье, о мудрости, о добродетели, о человеколюбии; будет доказано, что истинное счастье состоит в пользовании большим богатством и бесконечно разнообразными удовольствиями. Эту истину наши философы отрицали, потому что их наука никому не может дать этого рода счастья, ни даже сибаритам и монархам. Цезарь, взойдя на трон мира, находит там только пустоту и восклицает: «неужели это все!». Мадам де Мэнтенон говорит: «Неужели вы не видите, что я умираю от тоски среди богатства, которое трудно себе вообразить, и что только помощь бога мне мешает рухнуть в изнеможении». (Видно, очень слаба эта помощь, если она умирает от тоски!) Она добавляет: «Зачем не могу я показать вам, какая тоска снедает вельмож и как трудно им заполнить свой день! Люди всех состояний испытывают ужасную пустоту, тревогу, усталость и желание познать что-нибудь другое». То же в других выражениях сказал Гораций: Post equitem sedet atra cura.

Напрасно парижские сибариты похваляются своим талантом *прожигать жизнь;* путем сопоставления с наслаждениями общественной гармонии (период 8-й предшествующей таблицы) я докажу, что их жизнь весьма пошла и скучна и что при новом общественном строе человек, на долю которого выпадет минимальная доза богатства и удачи, будет все же счастливее парижских сибаритов, потому что он сможет отдаться своим двенадцати страстям, комбинированное развитие которых — единственный залог полноценного счастья.

Философы убеждают цивилизованные народы, что они быстро идут к совершенству, в то время как их гнетут все новые и новые невзгоды, из которых 24 описаны в главе XLVIII; в числе прочих — бич государственной задолженности, непрерывно возрастающей; при первой же войне между западными народами она приведет ко всеобщему банкротству, а затем и к революциям.

Есть и много других неопознанных язв: таковы противозаконные захваты торговли, которая грозит все заполонить, что начинает, наконец, тревожить правительства; только новая общественная (sociétaire) теория дает в руки средство свалить этого политического Титана (см. VI раздел).

Порок наших так называемых преобразователей заключается в том, что они обличают отдельные злоупотребления, вместо того чтобы критиковать цивилизацию в целом, этот порочный круг злоупотреблений, гнездящихся во всех ее частях; надо выбраться из этой пучины бедствий. Я указываю 32 выхода.

За три тысячелетия философия не сумела изобрести никакого нового установления производственно-политического и общественного характера; в основе ее многочисленных си-

стем — распределение по семьям, а семья есть союз самый маленький и самый разорительный. Какое бесплодие мысли!

И вот, наконец, являются новые идеи, — теория, которая приспособляется к видам правительства вместо того, чтобы их дразнить филантропическими мечтаниями, которыми лишь маскируют свой подлинный лик смутьяны. Всякий министр благосклонно приемлет метод, который, учетверив действительный доход, позволит сразу удвоить налоги, в то же время облегчив наполовину бремя налогоплательщиков. (Они будут платить только вдвое с учетверенного дохода.)

Еще более блестящие результаты получатся, если произвести такое изменение во всем мире — диком, варварском и цивилизованном: преобразовать все на основе опыта, произведенного на ограниченной площади в 16 квадратных километров с участием 1 800 человек. Какой контраст с философией, которая разрушает царства без гарантии положительных результатов и присоединения к ее системам варваров и дикарей!

Бедная цивилизация делает гигантские усилия из-за пустяков: посылка сухопутных армий и военных флотов для освобождения (и то сомнительного) десятой части Греции; революции и убийства ради опытов освобождения негров; бесплодные попытки помощи бедным. Все эти труды пигмеев должны прекратиться: человеческий род *весь целиком* будет освобожден и получит помощь; он всюду перейдет к притягательной промышленности, как только познает на опыте одного кантона, какое обилие богатств, удовольствий и добродетелей она сулит.

Здесь наступит конец химерам и неистовствам партийного духа: видя истинный удел человека — *механизм страстей*, каждый настолько устыдится безрассудств цивилизации, что постарается их забыть как можно скорее.

Вынужденный разоблачить здесь порочные профессии, торговлю и тому подобное, я порицаю не тех, кто от них получает выгоду: вина лежит на политике цивилизации, которая толкает народы к пороку, не открывая им иных путей достижения богатства, кроме практики обмана.

Придется часто повторять сказанное, чтобы рассеять некоторые предрассудки, иллюзии «стремления к *совершенствованию* в этой цивилизации, где зло делает десять шагов вперед, когда добро делает только один шаг»; стремления к богатству посредством раздробленной промышленности, скудный продукт которой, будучи в 4 раза меньше продукта новой общественной промышленности, призрачен еще вследствие пагубного отсутствия предела росту народонаселения; и, наконец, иллюзорно установление добрых нравов до изобретения притягательной промышленности, единого залога добрых нравов и справедливого распределения.

В Париже пытаются уничтожить нищенство, это — попытка с негодными средствами: комитет не знает, что надо действовать в деревне прежде, чем в городе; произвести реформу в сельском хозяйстве, на фабриках, в торговле и в домашнем быту. Для этого не требуется изысканий: уже найдены реальные средства для искоренения и для предупреждения этой язвы путем перехода к фазам 2, 3 и 4-й нижеприводимой таблицы.

Сколько писателей ищут нового сюжета: вот наиболее благодарный из всех когда-либо представлявшихся. Я едва могу разработать двадцатую часть — поле обширно для сотрудничества. Я начну с введения, где отвергну наши мнимые социальные совершенства; в них нет и тени мудрости; это — мир, *поставленный на голову* в политике и промышленности, с их сумасшедшей претензией «слепых, которые ведут слепых» (Евангелие).

ВВЕДЕНИЕ

I. Общее изложение и предварительные понятия

Людям как нельзя более свойственно желание удвоить свой доход благодаря счастливой случайности, вроде выгодной женитьбы, наследства или синекуры. Но если бы удалось найти средство не только удвоить, но учетверить реальный доход каждого, то такое открытие, без сомнения, было бы как нельзя более достойно общего внимания.

Таков будет результат применения естественного общественного метода: во Франции годовая продукция, оцениваемая в шесть миллиардов, поднимется с первого года режима ассоциации до двадцати четырех миллиардов; пропорционально этому увеличится она и в других государствах.

Самое колоссальное богатство призрачно, если не опирается на определенный порядок распределения, гарантирующий:

пропорциональное распределение и приобщение бедного класса к пользованию возросшим продуктом,

равновесие населения, неограниченное размножение которого вскоре свело бы на-нет учетверение и даже удесятерение реального богатства.

Эти проблемы — камень преткновения для современных наук — полностью разрешены благодаря открытию естественного общественного строя, краткая характеристика которого будет дана ниже.

Заглавие *Новый промышленный мир,* казалось мне, наиболее точно обозначает этот прекрасный общественный порядок, который, в числе прочих достоинств, обладает способностью создавать промышленное притяжение. Когда он будет установлен, наши празднолюбцы и даже щеголихи будут на ногах с 4 часов утра, зимой и летом, чтобы с жаром отдаваться полезным трудам, уходу за садом и птичником, выполнению домашних обязанностей, работе на фабриках и прочим занятиям, возбуждающим отвращение в богатых классах при механизме цивилизации.

Все эти работы станут привлекательными под влиянием совершенно неизвестного нам распределения, которое я назову: *серии, основанные на страстях,* или *серии контрасти-*

рующих групп. Это — механизм, к которому стремятся все страсти, единственный порядок, который соответствует заветам природы. Дикарь никогда не втянется в промышленность, пока не увидит, что она осуществляется посредством серий, построенных на страстях.

В этом режиме практика истины и справедливости ведет к богатству; а большинство пороков, действующих разлагающе при наших нравах (например чревоугодие), становятся стимулом промышленного соревнования. Гастрономические утонченности здесь поощряются как инструмент мудрости. Такая система прямо противоположна механизму цивилизации, который ведет к богатству путем *лжи* и усматривает мудрость в лишениях и умерщвлении плоти. В силу этого контраста цивилизация, где царят ложь и отталкивающая промышленность, будет называться *миром навыворот, а строй ассоциации — миром в прямом смысле,* основанным на применении истины и притягательной индустрии.

В особенности для ученых и художников ассоциация будет *новым миром* и *миром в прямом смысле.* Они внезапно получат в руки предмет своих самых пылких желаний — огромное богатство, в двадцать и в сто раз больше того, на что они могут надеяться при цивилизации, где путь их подлинно усеян терниями и жизнь полна неприятностей и рабской зависимости.

Что касается других классов, которым я сулю учетверенный доход, то сначала они заподозрят меня в преувеличении. Но теория ассоциации так легка для понимания, что каждый сможет о ней судить и оценить в точности, правда ли, что описанный здесь под названием страстных серий естественный метод может дать продукт в четыре раза больше того, который дает наша раздробленная промышленность, разделенная на столько производственных единиц, сколько есть брачных пар.

Один предрассудок во все времена мешал исследованию вопроса об ассоциации. Люди говорили: «В домашнем быту невозможно объединить 3—4 семейства в одно хозяйство: не пройдет и недели, как возникнут распри, особенно между женщинами; тем более невозможно ассоциировать 30 или 40 семейств, а 300 или 400 семейств и подавно».

Это совершенно ложное рассуждение: ибо если бог желает осуществления на земле экономии и механики, то он может опираться только на самую многочисленную ассоциацию; поэтому неудачи маленьких соединений из 3 и 30 семейств были предвестниками успеха более многолюдных ассоциаций, при условии предварительного исследования теории естественной ассоциации, или метода, угодного богу и соответствующего его заветам. Таково притяжение — проводник воли бога в общественной механике. Бог управляет материальным миром посредством притяжения; если бы для управ-

ления социальным миром он употреблял другое средство, в его системе не было бы единства действия, а была бы двойственность.

Изучение страстного притяжения непосредственно приводит к открытию общественного механизма. Но изучая ассоциацию до исследования притяжения, мы рискуем целые века проблуждать в лабиринте ложных методов, проникнуться к ним отвращением и разувериться в осуществимости такого строя. Именно это происходит теперь, когда проблема ассоциации, игнорируемая в течение трех тысяч лет, начинает привлекать к себе внимание ученого мира.

За последние годы много пишут по поводу термина *ассоциация*. Но авторы не усвоили существа вопроса, не могут определить ни цели общественной связи, ни формы и методов, которые она должна принять, ни условий, которые должны быть соблюдены, ни результатов, которые это должно дать. Суждения по этому вопросу столь расплывчаты, что людям и в голову не приходит учредить конкурс для определения пути, которого надо держаться в столь новом исследовании. Такой конкурс заставил бы признать, что известными средствами тут не добиться успеха и что нужно искать других средств в науках еще девственных и нетронутых, особенно в науке о страстном притяжении, которая ускользнула от внимания Ньютона, хотя он и близко подошел к ней. Я докажу, что это — единственный путь успешного развития ассоциации.

Если бедные, если рабочий класс не чувствуют себя счастливыми в данном социальном строе, то они будут нарушать его актами недоброжелательства, кражами, восстаниями. Такой строй не достигнет цели, которая заключается в ассоциировании страстей, равно как элемента материального, в примирении страстей, характеров, вкусов, инстинктов и разного рода неравенств.

Но если, в целях удовлетворения бедного класса, обеспечить ему благосостояние, авансировать обильный *минимум* продовольствия, платья и пр., то это значило бы поощрять праздность и лень. Доказательство тому мы видим в Англии, где ежегодная помощь бедным в сумме 200 млн. только умножает число нищих.

Лекарство же от лени и других пороков, дезорганизующих общество, — изыскание и открытие механизма промышленного притяжения, превращающего труд в удовольствие, обеспечивающего трудовую дисциплину народа и погашение *минимума*, который ему авансирован.

В силу этих соображений, чтобы методически разрабатывать теорию ассоциации, надо прежде всего изучать путем анализа и синтеза страстное притяжение, чтобы определить, не содержит ли оно начал промышленного притяжения. Таков правильный ход исследования; этого не подметили те, кто писал об ассоциации туманно и поверхностно. Если бы они

изучали притяжение, они открыли бы теорию серий, построенных на страстях, без которой невозможно прочно обосновать общественный механизм, ибо без этих серий нельзя выполнить предварительных условий, каковы:

Промышленное притяжение.

Пропорциональное распределение.

Равновесие населения.

Помимо литературных произведений на тему об ассоциации были сделаны в этом отношении практические попытки, опыты в Америке и в Англии. Секта, руководимая мистером *Оуэном,* претендует на роль основателя нового общественного строя (l'état sociétaire). В действительности она делает обратное: она дискредитирует идею ассоциации вследствие ложности применяемого ею метода, во всех отношениях противного природе или притяжению. Поэтому секта *Оуэна* не соблазнила ни диких, ни цивилизованных соседей: ни одна орда, ни одна провинция Соединенных штатов не захотели принять этот монастырский режим общности имущества, этот полуатеизм или отсутствие богослужения и другие чудовищные вещи, которые мистер *Оуэн* украшает именем ассоциации. Он играет словом, которое теперь в моде, он делает из него предмет спекуляции, прикрываясь филантропическими формами. А апатия корпорации ученых в этом крупном вопросе, их нежелание уточнить условия, которые необходимо выполнить, и цель, которой надо достигнуть, льют воду на мельницу интриганов и дают им возможность сбить с толку общественное мнение в этом вопросе.

Никто из авторов или предпринимателей не затрагивает существа вопроса — проблему ассоциации в сельском и домашнем хозяйстве не только денежных средств и промышленных способностей массы имущественно неравных семейств, но и проблему сочетания страстей, характеров, вкусов, инстинктов, проблему их развития в каждом индивидууме без ущерба для массы; никто не оказывает содействия проявлению с раннего детства производственных призваний, которых у ребенка так много, с тем чтобы роль его соответствовала голосу природы, чтобы можно было часто разнообразить работы и придать им столько очарования, чтобы родилось промышленное притяжение.

Вместо такого подхода к своей задаче, писатели только поверхностно касались предмета, блистали умом, но не дали теории ассоциации. Этот вопрос был поднят точно для того, чтобы его заглушить. Поэтому термин *ассоциация* опошлен и дискредитирован. В глазах одних он прикрывает предвыборные интриги и биржевые махинации; другие видят в нем орудие атеизма, потому что секту *Оуэна,* упразднившую богослужение, в Америке стали именовать сектой атеистов. Все эти обстоятельства бросают на подлинную ассоциацию такую тень недоброжелательства, что я счел неудобным поместить в за-

головке настоящего моего сокращенного произведения слово *ассоциация*, утратившее всякий смысл, с тех пор как оно служит ширмой для всех интриг.

Чем более злоупотребляли этим словом, тем важнее дать о существе предмета предварительные понятия и натолкнуть читателя на мысль о том, что так как подлинная ассоциация — искусство использовать в производстве все страсти, все характеры, вкусы и инстинкты — является новым социальным и промышленным миром, то читатель должен заранее знать, что в этой теории он найдет принципы совершенно противоположные его предрассудкам. Последние рисуют ему строй цивилизации как путь совершенствования и как назначение человека, в то время как очевидно, что народы наиболее цивилизованных стран столь же бедны и столь же несчастны, как варварское население Китая и Индостана, и что раздробленная промышленность, или хозяйство семейного типа, является лишь лабиринтом бедствий, несправедливости и лжи.

Остановим прежде всего наше внимание на наиболее осязательном результате режима ассоциации — на учетверенном продукте. Большое объединение будет употреблять для выполнения различных функций лишь сотую часть людей и машин, требуемых теперь вследствие сложности наших маленьких хозяйств. Вместо 300 кухонных очагов и 300 хозяек можно будет иметь 4—5 больших кухонь, приготовляющих пищу различного ассортимента, приуроченного к 4—5 ступеням благосостояния, потому что новый общественный строй не допускает равенства. Десятка знатоков своего дела будет достаточно, чтобы заменить 300 женщин, необходимых при режиме цивилизации, не обладающем многими механизмами, используемыми кухней, приготовляющей пищу на 1 800 человек (это наиболее подходящее число). Такое объединение предоставит каждому возможность абонироваться на питание и услуги различной цены, без какого бы то ни было ограничения индивидуальной свободы.

При таком положении вещей народ будет затрачивать на обильное питание гораздо меньше того, что он тратит теперь на свой скудный стол. Сбережение горючего будет огромно, и оно обеспечит восстановление лесов и климатов гораздо лучше, чем сотня невыполнимых законоположений об охране лесов.

Труд в домашнем хозяйстве будет столь упрощен, что $^7/_8$ домашних хозяек и работниц окажутся свободны и смогут быть использованы для производительных работ.

Наш век считает своей отличительной особенностью дух ассоциации. Между тем, земледелие раздроблено по семействам, этим наименьшим из возможных людских соединений. Трудно вообразить объединения людей более мелкие, более неэкономичные и более антиобщественные, чем хозяйства наших деревень, образуемые одной супружеской парой или

семьей в 5—6 человек. Деревня строит 300 хлебных амбаров, 300 погребов, которые размещаются и обслуживаются весьма скверно, в то время как при ассоциации было бы достаточно одного хлебного амбара, одного погреба, надлежащим образом размещенных и снабженных инвентарем; они использовали бы десятую часть людей, требуемых теперь при раздробленном хозяйстве и подворной его организации.

Агрономы помещали порой в газетах статьи об огромных выгодах, которые получило бы земледелие от крупных товарищеских объединений, если бы можно было применить страсти 200 или 300 семейств, сообща возделывающих землю, и осуществить ассоциацию *как материальных интересов,* так и *интересов, обусловливаемых страстями.*

Но они не пошли дальше бесплодных пожеланий, сетуя на их неосуществимость, обусловленную, по их мнению, имущественным неравенством, различием характеров и т. д. Между тем как эти неравенства отнюдь не служат препятствием, наоборот, для товарищеского объединения это — существенный двигатель: невозможно организовать страстные серии без большого неравенства состояний, характеров, вкусов и инстинктов. Если бы этих неравенств не существовало, их следовало бы создать и их установить во всех отношениях: только тогда можно было бы ассоциировать страсти.

В строе цивилизации мы видим проблески ассоциации *только материального порядка,* зародыши, обязанные своим появлением инстинкту, а не науке. Инстинкт подсказывает сотне деревенских семейств, что общественная печь обойдется гораздо дешевле как в смысле кладки, так и по потреблению топлива, чем сто маленьких домашних печей, и что 2—3 опытных хлебопека будут лучше управляться, чем сотня женщин у ста маленьких печей, два раза из трех греша в отношении нагрева и выпечки хлеба.

Здравый смысл подсказал жителям севера, что если каждая семья будет варить себе пиво, оно обойдется дороже хорошего вина. Монастырь и военная казарма инстинктивно понимают, что одна кухня, приготовляющая кашу для 30 человек, лучше и дешевле 30 отдельных кухонь.

Крестьяне департамента Юры, видя, что из молока одного двора не приготовить сыр *грюер,* объединяются, сносят каждый день молоко в общую сыроварню, где поставки молока каждым лицом отмечаются на деревянных табличках, а из собранного таким образом из малых количеств молока приготовляется, с незначительными затратами, в большом котле объемистый круг сыра.

Почему наш век, который кичится своими познаниями в экономике, не подумал развить эти маленькие зародыши ассоциации и построить на этой основе полноценную систему, применимую к совокупности семи производственных функций, каковы: 1) труд домашний; 2) труд земледельческий; 3) труд

фабричный; 4) труд торговый; 5) труд преподавательский; 6) изучение и применение наук; 7) изучение и применение изящных искусств.

Все эти функции нужно выполнять совокупно в возможно большем объединении. При ознакомлении с теорией читатель поймет, что последнее должно охватывать 1 800 человек. При наличии свыше 2 000 человек объединение выродится в нестройное и запутанное сборище; при числе менее 1600 человек слабы будут связи, общество будет подвержено ошибкам механизма и будет страдать пробелами промышленного притяжения.

Однако можно будет сделать с небольшими затратами опыт в малом масштабе с сокращенным числом участников, 600—700 человек. Результаты будут менее блестящи, выгоды — меньше, но достаточны для доказательства того, что объединение с надлежащим числом участников, — в 1 800 человек, — могло бы полностью осуществить выгоды и гармонические соглашения, описанные в нижеследующей теории.

Как только посредством этого опыта будет установлено, что механизм, называемый фалангой страстных серий, создает промышленное притяжение, подражатели найдутся с быстротой молнии: все дикари, все африканские негры возьмутся за производство. Через 2—3 года сахар будет обмениваться на равное в весовом отношении количество зерна и соответственно все продукты жаркого пояса.

Другое преимущество среди тысячи будет заключаться во внезапном погашении государственных долгов во всех странах вследствие учетверения дохода. Доход Франции, оцениваемый в шесть миллиардов, поднимется до 24 миллиардов; государственная казна куда легче снимет два миллиарда с двадцати четырех, чем теперь один с шести. Получится *относительное* уменьшение налога наполовину, но при *действительном* его удвоении.

Нужно представить эту перспективу сначала французским и английским читателям, особенно Англии, где бремя государственного долга столь тяжело. Франция быстро идет навстречу этой опасности и тем нужнее ей обнародуемое мною открытие.

Следует ли удивляться, что изобретение теории, которая должна изменить лицо земли, задержалось до нашего времени? Ее никогда не искали и, следовательно, не могли открыть. Можно случайно найти клад, напасть на золотую россыпь; но теория, требующая вычислений, не открывается, покуда ее не ищут и не учреждают конкурса для ее нахождения.

Впрочем, только последние сто лет люди занимаются теориями производства. Древность этого предмета не изучала; этому мешало рабство: оно создало бы много препятствий на

пути изобретения общественного механизма, неприменимого при наличии рабов.

Новейшие народы, уже свободные от рабовладельческих навыков, могли бы поразмыслить над земледельческой и домашней ассоциацией; но их экономисты наталкивались на предрассудок, говоривший, что дробление сельского хозяйства по семьям соответствует природе человека и является его неизменным уделом. Все их теории покоятся на этом первоначальном заблуждении, сильно подкрепленном моралью, вся мудрость которой сводится к признанию семьи и к умножению хижин.

Таким образом, экономисты освятили, как необходимые, два коренных порока, установленные еще до них: *дробление земледелия и лживость торговли,* предоставленной индивидуальной конкуренции, насквозь проникнутой ложью и занимающей в двадцать раз больше людей, чем понадобилось бы при правдивом режиме.

На этих двух пороках покоится общество, называемое *цивилизацией;* оно не только не соответствует назначению человеческого рода, но и является наиболее скверным из промышленных обществ, которые он мог бы образовать; оно столь вероломно, что возбуждает презрение даже у варваров.

Впрочем, на лестнице социального движения цивилизация занимает важное место: именно она создает необходимые средства для приближения к ассоциации; она создает крупную промышленность, возвышенные науки и изящные искусства. Следовало использовать эти средства, чтобы подняться еще выше по социальной лестнице, не коснеть вечно в пучине бедствий и глупостей, именуемой цивилизацией, которая, невзирая на свои промышленные успехи и потоки ложных знаний, не умеет обеспечить народу труд и хлеб.

На других планетах, как и на нашей, человечество вынуждено на протяжении приблизительно сотни поколений проходить через ложный и раздробленный строй, обнимающий 4 периода: дикость, патриархальность, варварство и цивилизацию. Оно должно томиться в этом строе, пока не выполнит двух условий. Эти условия таковы:

1. Создание крупной промышленности, возвышенных наук и изящных искусств: эти средства необходимы для установления нового общественного режима, несовместимого с бедностью и невежеством.

2. Изобретение механизма ассоциации, этого нового промышленного мира, противоположного дроблению.

Было много способов преуспеть в этом; я кратко изложу их в дальнейшем. Всеми ими пренебрегли, в том числе и исследованием притяжения, обусловленного страстями, заняться которым побуждали успехи Ньютона в исчислении материального притяжения.

Первое условие очень хорошо выполнено: мы уже давно подняли промышленность, науки и искусства на достаточно высокую ступень. Уже афиняне могли бы установить сосьетарный строй, заменив рабство выкупами с ежегодными платежами.

Но второе условие отнюдь не выполнено: в течение ста лет, с тех пор как люди стали заниматься промышленностью, никто не подумал об изобретении механизма, противоположного дроблению на маленькие домашние хозяйства; никто даже не предложил заняться изысканием строя комбинированного производства по линии домашнего хозяйства и земледельческих функций. Сотни премий за разрешение незначительных ученых споров, за праздные писания и ни единой медали за изобретение естественного общественного порядка!

Между тем каждый замечает, что социальный мир отнюдь не достиг цели и что успехи промышленности — лишь приманка для толпы. В Англии, столь превозносимой, половина населения вынуждена работать по 16 часов в день в зловонных мастерских, чтобы заработать *семь французских су,* — и это в стране, где жизнь (subsistance — средства к жизни) дороже, чем во Франции. Сколь мудра природа, которая внушает дикарям глубокое презрение к этой промышленности цивилизованных, роковой для тех, кто работает, и выгодной лишь бездельникам да нескольким начальствующим! Если бы промышленность имела назначением лишь эти скандальные результаты, бог не создал бы ее, или, вернее, он не заложил бы в человеке эту жажду богатства, которую не может утолить промышленность ни цивилизации, ни варварства, потому что она ввергает в нищету всех производителей, чтобы обогащать нескольких баловней, которые, как послушаешь, считают себя еще бедными.

В противовес софистам, превозносящим этот социальный хаос как быстрое движение к возрастающему совершенствованию, остановимся подробнее на трех главных условиях социальной мудрости, из коих ни одно не осуществимо в строе цивилизации. Эти условия суть:

Промышленное притяжение.

Пропорциональное распределение.

Равновесие населения.

Экономия средств.

Это совершенно новый предмет, к нему придется возвращаться, чтобы освободить читателя от многочисленных предрассудков и внушить ему верные принципы.

Выше я уже отметил, что если бы цивилизованный народ пользовался обильным *минимумом,* если бы ему были гарантированы питание и приличное содержание, то он предался бы праздности, потому что промышленность цивилизации есть нечто чрезвычайно отталкивающее. Итак, необходимо, чтобы в новом общественном строе (le régime sociétaire) труд был

столь же привлекателен, как теперь наши праздники и зрелища. В этом случае, возвращение авансированного *минимума* будет обеспечено производственным притяжением, или страстью народа к чрезвычайно приятным и чрезвычайно прибыльным работам. Эта страсть может сохраниться лишь при методе справедливого распределения, обеспечивающего каждому индивидууму, мужчине, женщине или ребенку, три вида дивиденда, приуроченных к его трем промышленным способностям — *капиталу, труду, таланту* — и для него вполне достаточных.

Каково бы ни было это благосостояние, народ скоро вновь впал бы в нужду, если бы он размножался без ограничений, подобно населению при цивилизации, — этим муравейникам Англии, Франции, Италии, Китая, Бенгалии и пр. Итак, надо открыть средство, гарантирующее от бесконечного увеличения населения. Наши науки не указывают никакого предохранителя от этого бича. Теория страстного притяжения содержит четыре гарантии; ни одна из них не может, однако, быть введена при цивилизации, так как это общество несовместимо с социальными гарантиями, как мы это увидим в VI и VII разделах настоящей книги.

Есть много других пороков, против которых сосьетарный строй должен обладать действенными гарантиями: одного воровства уже достаточно, чтобы сорвать все попытки ассоциации. Предохраняющие от пороков средства находятся в механизме серий, построенных на страстях, а цивилизация не может воспользоваться ни одним из них. Все гарантии, которые она пытается применить, оказываются недействительными. Часто она ухудшает зло, как это было с торговлей неграми и с финансовой ответственностью. Существует специальная теория гарантий, а наши науки ее прозевали, как и теорию ассоциации.

Последняя открывает для индивидуального честолюбия великолепные возможности: мы видим, как множество людей, выдающихся по своему положению, богатству и знаниям, добивается в течение долгих лет министерского портфеля, а то и меньших постов; после тяжелых усилий они нередко терпят неудачи и выносят из этой борьбы досаду на всю жизнь.

Вот для почтенных честолюбцев новая карьера, куда более блестящая, чем пост сменяемого министра! Она сулит успех несомненный и быстрый: роль основателя ассоциации не связана ни с какими интригами и сразу поднимет претендента на вершину богатства и славы.

Всякий свободный мужчина или свободная женщина, имеющие капитал в 100 000 франков в закладной на недвижимое имущество и пользующиеся достаточно хорошей репутацией, чтобы стать во главе компании акционеров с капиталом в два миллиона франков, может основать *естественную ассоциацию*, или *привлекательную промышленность*, сразу распространить

ее на весь земной шар, втянуть дикарей в земледелие, привить варварам нравы более просвещенные, чем наши, добиться добровольного (convenu) освобождения рабов, без возвращения их в рабство, установить во всем мире единство языка, мер, монет, типографских знаков и т. д. и произвести сотню других чудес, за что он получит блестящую награду по единогласному решению государей и народов.

Преимущества, обеспеченные этому основателю и его акционерам, или кооператорам, столь огромны, что следует отложить их опубликование. Я освещу этот вопрос в послесловии, в разделе *Кандидатура*.

Я настаиваю, что при цивилизации у человека мало шансов достигнуть известности и богатства. Это требует чудовищного труда и сопряжено с бесчисленными неприятностями. Покойный герцог де-Ларошфуко-Лианкур отличился на полезном поприще — поощрения промышленности. Это принесло ему много огорчений и, полагаю, мало прибыли. Помимо того, он не достиг намеченной цели — улучшения положения рабочего класса. В дальнейшем читатель увидит, что успехи промышленности, пока существует цивилизация, таят в себе для народа еще одну лишнюю опасность.

В 1827 г. банкир, пользовавшийся высоким доверием, задумал образовать промышленное товарищество, для этой цели он собрал уже 25 миллионов, надеясь довести капитал до 100 миллионов. На эти деньги можно было бы организовать прекрасные предприятия, которые прославили бы их инициатора. Но тотчас же возникли затруднения, и общество пришлось ликвидировать.

Тот же банкир, желая создать большой хозяйственный комбинат, объединяющий 37 пивоваренных заводов Парижа, образовал для этого дела компанию с капиталом в 30 миллионов. Но это объединение натолкнулось на препятствие, встретило сопротивление и распалось после многих тягостных попыток.

Таким образом, факты говорят о том, что для богатых людей нет более поприща, позволяющего быстро прославиться, получать хороший доход и избежать неприятностей.

Поприще, открываемое пред ними ныне, соединяет в себе все преимущества и не представляет никакого препятствия. Оно служит интересам правительства и народов, богатых и бедных; оно гарантирует быстроту действия: менее чем два месяца хлопот, и вопрос, несомненно, будет решен. За два месяца основатель изменит судьбу всего мира, побудит человечество отказаться от цивилизации, варварства и дикости и установить новое общественное единство, которое является его провиденциальной судьбой.

И чтобы достигнуть этого торжества, во сто раз более блестящего, чем торжество завоевателей, нужно ли обладать колоссальным богатством? Нет. Достаточно среднего достатка (fortune bourgeoise), требуемого для права быть избранным в

парламент, т. е. 300 тысяч франков; из них 100 тысяч в мобильных капиталах; эти деньги будут даны под закладную на недвижимое имущество со взиманием большого процента для организации в виде опыта механизма ассоциации.

Легкость этого предприятия, гарантия быстрого успеха покоятся на том, что оно согласуется со всеми страстями. Я это уже доказал при обсуждении большого вопроса об освобождении рабов. Оно будет принято, одобрено и даже выдвинуто государями, нетерпеливо ожидающими момента, когда можно будет использовать выгоды сосьетарного строя. Отныне ни один класс не будет ущемлен в своих денежных интересах, между тем как следование известным методам Брисco, Вильберфорсов и обществ уничтожения торговли рабами нарушает интересы рабовладельцев.

Заметим хорошенько это свойство, присущее механизму ассоциации — *удовлетворять все классы,* все партии. Именно в силу этого ему легко достигнуть успеха, и маленький опыт, предпринятый с 700 человек, внезапно вызовет всеобщую метаморфозу, потому что таким образом воплотятся в жизнь все благодеяния, о которых философия только мечтает, — подлинная свобода, единство действия, царство истины и справедливости, ставших путем к богатству. При строе же цивилизации, где истина и справедливость не ведут к богатству, невозможно, чтобы им отдавали предпочтение. Поэтому мы видим, что во всем законодательстве цивилизации господствуют обман и несправедливость, которые возрастают по мере прогресса промышленности и наук.

Народ инстинктивно предугадывает свою провиденциальную судьбу — лучше, чем ученые; он называет строй цивилизации *миром навыворот.* Это понятие подразумевает возможность *мира в прямом смысле,* теорию которого остается открыть.

Класс ученых не предчувствовал этого нового социального мира, который был ему указан аналогией. В материальной природе мы видим распределение ложного и истинного:

комбинированный и справедливый порядок среди планет,

несогласованный и ложный порядок среди комет.

Не подчинены ли и социальные отношения этой двойственности движения?

Не может ли существовать порядок истины и свободы в противоположность строю лжи и принуждения, который царит на земном шаре? Успехи промышленности и просвещения лишь усугубляют общую фальшь отношений и бедность классов, несущих на себе бремя этой промышленности: наши простолюдины, наши рабочие гораздо более несчастливы, чем дикарь, живущий беззаботно и свободно и иногда в изобилии, когда охота или рыбная ловля удачны.

Философы, руководствуясь своими собственными учениями, должны были бы понять истинное предназначение человека и

двойственность механизма в социальном движении, как и в движении материальном. Все они в один голос заявляют, что в системе вселенной существуют единство и аналогия. Послушаем, что говорит об этом один из наших знаменитых метафизиков:

«Вселенная создана по образцу человеческой души, и аналогия каждой части вселенной с целым такова, что одна и та же идея постоянно отражается от целого во всех частях и от каждой части в целом» (*Шеллинг*).

Этот принцип как нельзя более правилен: автор и его ученики должны были отсюда заключить, что если материальный мир подчинен двум механизмам — планетной согласованности и кометной запутанности, то социальный мир тоже должен быть подчинен двум механизмам, иначе не существовало бы аналогии между двумя мирами — материальным и социальным, не было бы единства в системе вселенной. А так как очевидно, что наши общества — цивилизация, варварство и дикость — представляют собой состояние несогласованности и лжи разобщенности, *мир навыворот*, то нужно было искать путей *мира в прямом смысле*, или режима истины и общественной гармонии, применимой к страстям и к производству, и поощрять эти искания конкурсами и наградами.

В 1798 г. случай открыл мне зародыш этой теории, и, затратив 30 лет труда, мне удалось упростить ее настолько, чтобы сделать ее доступной малообразованным людям и даже людям легкомысленным и врагам науки. Я имею в виду исследование удовольствий: оно по силам как мужчинам, так и женщинам.

Каждая женщина, желающая прославиться и имеющая некоторые денежные средства, может претендовать на пальмовую ветвь основательницы мирового единства и стать во главе опытной организации. Эта роль весьма подошла бы мадам Сталь, которая стремилась к большой известности и обладала состоянием, в 20 раз превосходившим сумму, необходимую для осуществления опыта.

Некоторые люди, не имеющие денежных средств, могут также домогаться такого триумфа: известный писатель может убедить какого-либо друга человечества, вроде баварского короля, предпринять этот социальный опыт. В этом случае человек, который будет содействовать осуществлению этой идеи в качестве оратора или пропагандиста, приобщится к славе и награде основателя.

Для этого предприятия в Европе имеется добрых 100 тысяч кандидатов, располагающих необходимыми средствами: будет нетрудно убедить одного из них, доказав ему, что это принесет ему огромное богатство и великую славу. Я вернусь еще к этому предмету: здесь он слишком слепил бы. Счастливейший придворный фаворит не может получить маленького наследственного государства; как же поверить, что основатель

нового общественного строя получит обширную империю? Это будет чрезвычайно точно доказано.

II. Громадный доход ассоциации

Одной из причин, задержавших изобретение сосьетарного механизма, было отсутствие у людей представления об огромных доходах ассоциации; эта перспектива возбудила бы надежды и стимулировала изучение нового социального строя.

Материала хватило бы на несколько томов; я ограничусь, однако, несколькими страницами, где буду исходить из предположения, что ассоциация установлена повсюду и что место деревень заступили промышленные фаланги, примерно по 1 800 человек в каждой.

Будем различать у них доходы отрицательные и положительные.

Отрицательный доход получится, когда люди будут зарабатывать, *ничего не делая,* больше, чем цивилизованные при напряженном труде.

Например: я доказал, что кухня ассоциации сэкономит в топливе $^{9}/_{10}$ и в рабочей силе $^{19}/_{20}$ того, что расходуется кухнями отдельных хозяйств. Кроме выгоды от всех этих сбережений преимуществом будет и значительное улучшение процесса производства: доход будет одновременно положительный и отрицательный, потому что к неисчислимому сбережению топлива прибавится преимущество восстановления лесов, источников, климатов.

Будем рассуждать дальше на основе нашей гипотезы общественного хозяйства; возьмем хотя бы рыбную ловлю в маленьких реках: путем комбинированного бездействия, путем соглашения относительно начальных и конечных сроков рыбной ловли можно десятикратно умножить количество рыбы и сохранить ее в водоемах для откармливания.

Таким образом, в силу одного только бездействия товарищеские объединения, называемые промышленными фалангами, получат в десять раз больше рыбы, ведя согласованную работу по уничтожению во всей прилегающей местности выдр, затрачивая на рыбную ловлю в десять раз меньше времени и рабочих рук, чем это делаем мы.

Таковы различные статьи, где доход может быть увеличен в десять и даже в двадцать раз по сравнению с нашим. Я, значит, отнюдь не преувеличиваю, когда оцениваю продукцию нового общественного строя как четырехкратную по сравнению с нашей. Из дальнейшего изложения видно будет, что эта средняя цифра (moyen terme) ниже действительной. Сколько поводов исследовать, действительно ли открыт метод естественной ассоциации и притягательной промышленности! Продолжим нашу оценку.

Прекращение воровства даст огромный плюс *без затраты какого бы то ни было труда.* Сбор плодов — наиболее легкий из всех сборов урожая; однако боязнь краж в 9 случаях из 10 мешает осуществлению задуманных древонасаждений и побуждает строить дорогостоящие и вредные каменные ограды.

Ассоциация, будучи избавлена от угрозы воровства, затратит на 30-кратное увеличение древесных насаждений меньше, чем мы на их огораживание и охрану. У нее будет такое обилие плодов, что она будет питать ими детей круглый год, консервируя плоды научным способом и употребляя их в виде компотов и варенья, которые будут стоить дешевле хлеба. Режим страстных серий обладает способностью создавать промышленное притяжение, втягивать в земледельческий труд дикарей, негров и т. д. Следовательно, жаркий пояс скоро будет весь возделан и сахар будет не дороже равного ему по весу количества зерна. В этом случае компот, на четверть состоящий из сахара, станет для бедного класса питанием менее дорогим, чем хлеб; ведь фрукты 3-го сорта, идущие на изготовление компота и мармелада, почти ничего не будут стоить, столь необозримы будут плодовые сады, когда нечего будет опасаться воровства и когда восстановление климатов, в результате общих и методических мероприятий, станет надежным обеспечением урожаев. Последние теперь сведены к одной трети того, чем они будут благодаря этому восстановлению, ожидаемому на пятом году нового общественного строя.

Вместо этого сверхизобилия цивилизованные лишены даже самых необходимых фруктов; из боязни воровства они не дают созреть даже тому небольшому количеству плодов, которым они обладают. *Добродушные* и *простые* деревенские жители столь плутоваты, что не оставили бы в незапертом саду ни одного плода на дереве, если бы плоды не снимались неспелыми. Из опасения воровства они собирают урожай фруктов один раз в год вместо трех, что чрезвычайно вредно отзывается на качестве.

Для 300 семейств небольшого городка понадобилось бы 300 каменных оград. Это обошлось бы втрое дороже самих древонасаждений. Сверх того плодонасаждение сильно затруднено боязнью обмана при покупке саженцев. Эти обманы прекратятся, когда торговля перейдет от лживых приемов, применяемых в строе цивилизации, к честным способам нового общественного строя.

Итак, ясно, что люди в этом строе, ничего не делая или делая чрезвычайно мало, заработают в десять раз больше, чем цивилизованные при усиленной работе. Прибыль часто будет двоякого порядка, как в следующем примере.

В строе цивилизации 100 молочниц несут на рынок 300 крынок молока; в строе ассоциации все это молоко повезет

один человек в бочке на рессорной телеге, запряженной одной лошадью, заменив, таким образом, 100 женщин, 300 крынок и около 30 ослов. Такая экономия идет от простого к сложному, от производителя к потребителю, потому что, приехав в город, молочник распределит свою бочку молока между 3—4 *прогрессивными хозяйствами* (хозяйствами приблизительно из 2 000 человек, образующими ассоциированные города). 50-кратная экономия на транспорте отразится экономией на распределении между тремя-четырьмя хозяйствами, вместо 1 000 семейств, которым приходится раздавать молоко теперь.

Одной из наиболее блестящих сторон нового промышленного строя будет правдивость в торговом деле. Ассоциация заменит индивидуальную, несолидарную, лживую, сложную и произвольную конкуренцию конкуренцией корпоративной, солидарной, истинной, упрощенной и гарантированной; использует вряд ли и одну двадцатую часть рабочих рук и капиталов, которые торговая анархия, или лживая конкуренция, отрывает от земледелия, возлагая на них паразитические функции, что бы ни говорили экономисты. Ибо все, что может быть устранено из механизма без уменьшения его полезного действия, играет паразитарную роль. Приспособление для вращения вертела делается с двумя колесами; если же какому-нибудь конструктору вздумалось бы соорудить приспособление с 40 колесами, 38 из них были бы лишними. Именно так функционирует лживая торговля, или система сложной конкуренции, которая кишмя кишит агентами.

Индустриальная фаланга, или ассоциированный кантон, заключит одну сделку купли или продажи вместо 300 противоречивых сделок, которые заключают 300 глав семейств, теряя на рынках и в кабаках 300 дней для продажи по одному мешку такого количества съестных припасов, которые общественная фаланга продала бы оптом двум или трем соседним фалангам или провинциальному комиссионному агентству. В торговле, как в любой другой отрасли отношений, механизм цивилизации всегда страдает излишней сложностью, всегда чрезмерно разорителен и ложен. Весьма удивительно, что наши философы, которые выдают себя за страстных поклонников святой истины, так же горячо отстаивают индивидуальную торговлю, или анархию обмана. Встречали ли они когда-нибудь в какой бы то ни было отрасли торговли святую истину? Уж не нашла ли она себе убежище среди лошадиных барышников или среди виноторговцев? Не больше, чем под колоннадой биржи.

Мы имеем также вне индустрии тысячи паразитарных профессий, из коих некоторые бросаются вам в глаза; таковы судейские должности, покоящиеся только на пороках режима цивилизации; они отмерли бы с установлением нового общественного строя. Другие чрезвычайно паразитарные функции

ускользают от наблюдения и считаются даже полезными; таково изучение языков, работа чрезвычайно тягостная и ровно ничего не дающая.

В самом деле: с момента установления нового общественного строя будет принят временно единый язык, может быть, французский, при условии добавления к нему от трех до четырех тысяч недостающих ему слов. Всякий ребенок будет воспитан так, чтобы с младенческих лет говорить на этом языке. В силу этого каждый, не изучая языков, сможет общаться со всем человеческим родом, и в этом отношении будет себя чувствовать гораздо лучше тех, кто, затратив 20 лет на изучение 20 языков, не может теперь объясняться с $^3/_4$ существующих наций.

Совершенство будет еще более огромным в области общественных работ. Теперь государство, слывущее богатым, — Франция — не располагает и 200 миллионами для исправления ее жалких дорог; в ассоциации же на всем земном шаре от одного кантона к другому будут проведены широкие дороги с различными тротуарами. Эти прекрасные дороги будут строиться и содержаться каждым кантоном без взимания налога, за исключением дорог общего пользования для курьеров и гужевого транспорта.

Говорят, кадастр Франции должен обойтись в 100 миллионов и потребует 50 лет труда. Но он будет почти бесполезен, потому что к моменту завершения этой работы границы владений будут совершенно изменены. В будущем строе кадастр всего земного шара потребует не свыше года работы и почти ничего не будет стоить, потому что каждая фаланга за свой счет произведет съемку плана своего кантона и укажет на нем характер почв каждого участка.

Некоторые функции цивилизованных людей поглощают в 1 000 раз больше времени, чем это необходимо: выборы у нас вызывают потерю около 5 дней на каждого избирателя, включая предвыборные собрания, время, потерянное в пути, и т. д. В ассоциации выборы потребуют не более $^2/_3$ минуты, и избиратели будут избавлены от всякого путешествия. Это составит приблизительно $^4/_{1000}$ времени, поглощаемого выборами теперь. Я опишу в настоящем кратком изложении этот способ выборов, которые займут меньше одной минуты и в которых будут участвовать 300 миллионов избирателей.

Я мало касался грядущей общественной продукции. О ней можно будет судить лишь тогда, когда известно будет влияние метода так называемых *страстных серий*, равно как и доставляемые им способы совершенствования и экономии. Мы увидим, что с помощью этого метода общественный продукт (produit sociétaire) увеличится более чем в 4 раза по сравнению с нашим.

Например, арденский конь представляет собой наиболее жалкую лошадиную породу во всей Европе. Вместо арденского коня, не стоящего и ста франков, фаланги Ардена сумеют

развести в своей стране лучшие породы лошадей, за которых теперь охотно заплатили бы 2 000 франков и продолжительность жизни которых будет вдвое больше.

Там, где с первого взгляда как будто невозможно добиться хотя бы удвоения продукции, как в культуре винограда, урожай которого нельзя собирать два раза в году, новый общественный строй сумеет добиться увеличения продукции более чем в 4 раза путем комбинирования различных средств, а именно: 1) методическое и полное выдерживание, 2) общее сохранение на лозе до созревания, 3) подбор по сортам и предельное срезание, 4) установление равновесия температуры, обусловливающего улучшение качества, 5) то же мероприятие, благоприятно влияющее на увеличение количества.

Совокупность этих мероприятий не только увеличит сбор винограда более чем в 4 раза, но и каждое из них в отдельности может в ряде случаев дать такой же результат.

Вот пример из собственных наблюдений: молодое вино, только что приготовленное после сбора винограда, стоило 5 су за литр. Искусно выдержанное в течение 5 лет, оно расценивалось уже в 10 су и находило покупателя по 50 су за литр, т. е. по цене в 5 раз превышающей себестоимость, включая проценты на капитал и другие расходы.

Но из всей продукции этого кантона даже одна десятая часть не была выдержана и сохранена, таким образом, в течение 5 лет. Большинство виноделов торопится продать вино, которое нужно выдерживать 5 лет, оно не выдерживается и 5 месяцев; его разопьют бедные семьи в третьеразрядных кабачках, прежде чем вино достигнет одной четверти своей возможной стоимости.

Если к общей выгоде выдерживания вина, которое уже само по себе может учетверить действительную стоимость некоторых вин, добавить прибыль от четырех других мероприятий, станет ясно, что от одного и того же виноградника ассоциация сумеет получить десятикратный доход, так как каждое мероприятие удвоит его. Он возрастет особенно вследствие прекращения бедствия, называемого *второй зимой*, или *желтой луной:* задерживая вегетацию, оно препятствует сбору второго урожая и очень часто наносит ущерб первому урожаю.

Как общее правило, при цивилизации $^{2}/_{3}$ людей следует признать непроизводительными; я дам соответствующую подробную таблицу. Сюда относятся не только явно непроизводительные люди, каковы военные, таможенные чиновники, служащие налогового управления, но также большинство людей, которые считаются полезными работниками, как домашняя прислуга и даже земледельцы, у которых многие занятия паразитичны. Я видел однажды, как 5 детей охраняли 4 коров, причем последние поедали хлебные колосья. Такие непо-

ладки встречаются на каждом шагу в постановке дела у цивилизованных.

Если учесть грядущее бережное отношение к людям, изнемогающим теперь от усталости, излишеств, неблагоразумных морских путешествий, эпидемий, заразных болезней, то окажется, что между народами цивилизованными и народами, живущими новым общественным строем, существует огромная разница в отношении производственных способностей или дохода, который можно получить от массы населения, занимающей данный участок земли. Численное выражение этой разницы будет 1 : 10.

В самом деле, если мужчины, женщины и дети с трехлетнего возраста до глубокой старости будут работать удовольствия ради; если ловкость, страсть, механизация, единство действия, свобода передвижения, восстановление температуры, крепость и долголетие людей и животных поднимут средства производства на невероятно высокую ступень, то эти благоприятные обстоятельства, вместе взятые, очень скоро приведут к удесятерению массы продуктов. И только во внимание к привычкам я возвещаю учетверенный доход, боясь ошеломить ослепительными перспективами, хотя и чрезвычайно точными.

Улучшение скажется, главным образом, на судьбе детей. Они теперь очень плохо воспитываются в своих семьях, которые в хижинах, чердаках и домах не имеют ничего из того, что необходимо для ухода за детьми: ни средств, ни влечения, ни знаний, ни навыков, которые для них требуются.

В таких больших городах, как Париж, и даже в меньших, каковы Лион и Руан, дети являются жертвами антисанитарных условий: их умирает там в 8 раз больше, чем в здоровых деревенских условиях. В целом ряде парижских кварталов, где циркуляция воздуха преграждается узкими дворами, постоянно царит зловонная удушливая атмосфера, особенно пагубно отзывающаяся на детях в возрасте до 1 года. Среди них свирепствует смертность, уносящая семь детей из восьми, между тем как в здоровых деревнях Нормандии смертность этого возраста детей составляет 1 на 8. В фалангах смертность будет составлять едва один на 20. Но там, несмотря на это благоприятное обстоятельство, детей будет меньше, чем у цивилизованных. Земля, несмотря на четверной и даже десятикратный продукт, все же вскоре была бы, как и теперь, наводнена несчастными, если бы ассоциация не обладала способностью установить равновесие в области народонаселения, как и во всех других отраслях социальной механики (см. раздел о равновесиях).

Я показал, приведя некоторые подробности, сколь грандиозны будут прибыли ассоциации: полная картина этих прибылей заполнила бы несколько томов. Но нужно было напечатать, по крайней мере, сжатый их очерк. Неопубликование

сборника кратких обозрений является непростительной ошибкой. Прочтя этот сборник, каждый мог бы заключить, что бог в качестве *верховного эконома* не мог бы не приготовить средство для организации этого режима экономии и правды, откуда может родиться столько чудес. Полагать, что бог об этом не подумал, все равно, что признать его врагом экономии и механизации.

На это возражают: *столько совершенства не создано для людей!* Что знают они? Зачем отчаиваться в божеской мудрости до исследования его предначертаний путем изучения *перманентного социального откровения* или притяжения страстей, цели которого можно определить лишь путем правильного применения анализа и синтеза?

Предполагать, что та или иная степень совершенства создана не для людей, значило бы обвинять бога в злой воле, потому что он обладает верным средством применить к человеческим отношениям ту систему, которая ему угодна. Это средство есть притяжение, которое распределяет один только бог. Это его магический жезл, побуждающий всякую тварь выполнять божественную волю. Поэтому, если богу нравится режим социального совершенства, режим общественного единения, справедливости и истины, то, чтобы заставить нас установить этот режим, ему достаточно сделать его привлекательным для каждого из нас. Именно это он и сделал. В этом убедится всякий, читая трактат об общественном механизме, состоящем из страстных серий; каждый воскликнет: вот то, чего я желаю, это было бы для меня наивысшим счастьем!

Значит, совершенство создано для людей, если оно соответствует сокровенному желанию бога, в чем нельзя сомневаться. Из-за слабой надежды на бога мы не нащупали путей социального совершенства, которые так легко открыть, исследуя притяжение.

Но это исследование сначала кажется нелепым: оно нам показывает, что каждый хотел бы иметь миллионы и дворец; как поступить, чтобы всех наделить этими благами?

Легкомысленные возражения! Разве это — основание, чтобы отказаться от дальнейшего изучения? Бесстрашно продолжайте вашу работу, следуйте наставлениям ваших философов, которые предписывают *вам исследовать область науки целиком и полностью;* заканчивайте же то, что Ньютон начал, именно — вычисление притяжения; оно вам поможет понять, что желать иметь миллионы и дворец значит желать слишком малого, потому что в строе ассоциации беднейший человек будет пользоваться 500 000 дворцов, где он найдет бесплатно гораздо больше удовольствий, чем может себе доставить король Франции, располагающий 35-миллионной рентой и дюжиной дворцов. Его удовольствия сводятся к тому, что он выслушивает просителей, добивающихся синекур, слушает всякие сплетни придворной клики, подвергается пыткам эти-

кета; он находит успокоение только в картах или на охоте, которая выродилась в убийство, в утеху мясника.

Значит, мы желаем слишком малого; это и докажет вычисление притяжения. Бог уготовил нам счастье, значительно превосходящее наши жалкие вожделения: будем просить многого у того, кто может много дать; ожидать от него посредственного богатства, посредственных удовольствий значило бы оскорблять его великодушие. Назначение человеческого рода либо неизмеримое счастье в божественном новом общественном строе, либо непомерное несчастье под управлением человеческих законов, в строе раздробленной и лживой индустрии, которая, в сравнении с ассоциированной индустрией, не дает и одной четверти реального продукта и одной сороковой части наслаждений.

Цивилизованные готовы пренебрегать усталостью, подвергаться риску кораблекрушения и другим опасностям, лишь бы удвоить свое состояние или заработать небольшие деньги. Вот особенно благоприятная возможность быстро учетверить свое состояние без необходимости покидать родину, подвергаться риску потери здоровья и денег! Что же нужно для этого делать?! воскликнет читатель. Ничего другого, как развлекаться с утра до вечера, потому что развлечения будут побуждать к труду, который станет более привлекательным, чем теперешние зрелища и балы.

Чем ослепительнее эти перспективы ассоциации, тем важнее убедиться, точна ли ее теория, действительно ли открыт способ исследования промышленного притяжения и механизма страстей. Чтобы приучить людей к этому странному новшеству, нужно будет посвятить их немного в сущность движения и судеб, слывших непостижимыми и задернутыми непроницаемой завесой. Завеса, или катаракта, чрезвычайно плотная действительно существует, она слепит человеческий ум. Это 500 000 томов, авторы которых разглагольствуют против страстей и притяжения вместо того, чтобы их изучать.

О притяжении, которое с первого взгляда может показаться ослепительным и абсурдным, нужно судить не по его внешним проявлениям, но по механизму в целом, к которому направлены его импульсы; они кажутся нам порочными, когда мы их рассматриваем подробно. Чтобы расположить читателя к доверию, я сейчас поясню цель одного из этих импульсов, слывущих порочными.

Возьмем самую распространенную склонность, которой больше всего противодействует воспитание, а именно лакомство детей, их страсть к сластям вопреки наставлениям педагогов, рекомендующих им любить хлеб и есть хлеба больше, чем других предметов питания. Значит, природа действовала весьма неразумно, наделив детей вкусами, столь противоречащими здравым учениям! Всякий ребенок принимает за наказание завтрак из сухого хлеба: ему хочется сладкого крема,

молочного кушанья, сладкого пирожного, мармелада и компота, фруктов сырых и цукатов, лимонада, апельсиновой воды и сладкого белого вина. Ясно заметим себе эти склонности, свойственные всем детям. По этому поводу необходимо разобрать большой спор: предстоит решить, кто прав и кто неправ — бог или мораль.

Бог, распределяя притяжение, наделяет всех детей склонностью к лакомствам; при желании он мог бы наделить их склонностью к сухой корке хлеба и к воде, и, таким образом, он бы послужил целям морали. Почему же он сознательно действует наперекор здоровым доктринам цивилизованных? Объясним побудительные причины.

Бог сообщил детям склонность к тем предметам питания, которые будут самыми дешевыми при новом общественном порядке. Когда весь земной шар будет заселен и вся земля обработана, когда товарооборот будет свободен, когда будут уничтожены таможенные пошлины, — сладкие блюда, упомянутые мною выше, будут дешевле хлеба; в изобилии будут такие предметы питания, как плоды, молочные продукты и сахар, а отнюдь не хлеб, цена которого значительно поднимется, потому что работы по производству зерна и ежедневный труд по приготовлению из него хлеба тягостны и мало привлекательны; их нужно будет оплачивать дороже, чем работу плодовода и кондитера.

А так как приличествует, чтобы дети расходовали на питание и содержание меньше отцов, то бог правильно поступил, наделив их страстью к сластям и лакомствам, которые будут дешевле хлеба, как только будет установлен новый общественный строй. Тогда здравые моральные учения окажутся совершенно ошибочными в вопросе питания детей, как и во всех других вопросах, где они противоречат притяжению. Люди признают, *что бог сделал хорошо, все то, что он сделал;* что он имел основание внушить детям склонность к молочным продуктам, фруктам и сладкому пирожному и что вместо потери 3 000 лет на разглагольствования против самого мудрого дела рук божьих — распределения вкусов и страстных влечений — моралисты лучше изучали бы цели этого распределения путем исследования совокупности этих импульсов, которые мораль хулит под предлогом, что они вредны при строе цивилизации и варварства. Это верно, но страсти сотворены богом не для цивилизации и варварства. Если бы бог хотел исключительно поддерживать эти два общества, он внушил бы детям любовь к сухому хлебу, а отцам — любовь к бедности, потому что такова участь подавляющего большинства цивилизованных и варваров.

Исследование способа применения каждой отрасли притяжения, каждой полезности в механизме ассоциации будет занятием забавным и заманчивым. Все будут признаны столь же точно и хорошо приспособленными, как и любовь детей

к лакомству; каждый убедится, что его страсти, его наиболее критикуемые инстинкты находят ценное применение в новом социальном строе. Было ли когда-либо открытие более лестное для всего мира?

«Но, скажут люди, каким образом случилось, что столь ценное открытие является делом неизвестного, не состоящего членом ученой организации? Сколько знаменитых людей, от Платона до Вольтера, изучали науки: мыслимо ли, чтобы они пропустили столь драгоценное открытие? Это невероятно. Это вычисление притяжения и ассоциации — сплошное шарлатанство. Это — галлюцинация, пустое сновидение».

Так рассуждают гордецы; они оскорблены тем, что какой-то неизвестный присвоил себе пальмовую ветвь, которую столько людей могли бы сорвать раньше его. Люди предпочитают отвергнуть удачное открытие, поскольку оно сделано каким-то посторонним человеком. Сверх того, для самолюбия уместно указать новые идеи. Сто тысяч пигмеев XV в. мнили себя гениями, глумясь над Христофором Колумбом, который им доказывал шарообразность земли, вероятность существования нового материка.

Я отвечаю клеветникам: каким образом чрезвычайно полезные открытия — стремя и рессора, — будучи по силам каждому, были упущены учеными в течение двадцати веков? В Риме и Афинах не было недостатка в хороших механиках, способных сделать эти легкие открытия. Любой каретник, любой кавалерист мог изобрести рессору и стремя, вещи, в которых все имели большую надобность, потому что каждый путешествует либо в экипаже, либо верхом. Коляски Цезаря и Перикла были столь же тряски, как и наши; римские наездники наживали серьезные болезни, от которых оградило бы стремя; по дорогам на некотором расстоянии друг от друга расставлялись тумбы, чтобы помочь всадникам садиться на лошадей.

Учитывая оплошность ученой древности в отношении этих двух изобретений, доступных самому рядовому человеку (bon simple), можно ли удивляться тому, что ученый мир прозевал столь обширную и блестящую теорию, как теория страстного притяжения? Впрочем, зачаток ее стал известен только сто лет тому назад, с тех пор как Ньютон проник в тайну всеобщего тяготения. Если в течение 20 веков ученые были столь легкомысленны, что не напали на такие легкие открытия, как рессора и стремя, то они вполне могут в течение одного века игнорировать трансцендентные науки, к которым принадлежит исследование притяжения. Вычисление силы притяжения теперь легко понять, поскольку оно уже сделано и дело налажено. Но его исследование было для ученых труднее, чем для других людей, потому что ученый мир весь пропитан доктриной, называемой *моралью,* этим смертельным врагом притяжения страстей.

Мораль учит человека воевать с самим собой, сопротивляться своим страстям, их подавлять, презирать; она внушает ему, что бог не сумел мудро организовать наши души, наши страсти; что он нуждается в наставлениях Платона и Сенеки, чтобы научиться распределять характеры и инстинкты. Проникнутый этими предрассудками, приписывая богу немощи, ученый мир оказался не в состоянии исследовать естественные импульсы или притяжение страстей, которое базируется на страстях, на которые мораль обрушивает гонения, низводя их на степень пороков.

Правда, эти импульсы не приводят к добру, когда мы им отдаемся разобщенно; но следовало вычислить результаты их действия на массу, примерно, в 2 000 человек, объединенных в ассоциацию, а отнюдь не их действие на семьи или на изолированных людей. Об этом ученый мир не подумал. Изучая этот вопрос, он понял бы, что, как только число членов ассоциации достигает 1 600, естественные импульсы, называемые притяжениями, стремятся образовать серии контрастирующих групп, где все толкает на путь производства, ставшего привлекательным, и к добродетели, которая стала выгодной.

Видя этот механизм или хотя бы исследуя его свойства, ученые поймут, что *бог сделал хорошо все, что он сделал,* и что вместо безрассудной потери 30 веков на то, чтобы хулить притяжение — дело рук божьих, — следовало, как это сделал я, употребить тридцать лет на его изучение. Науки должны придерживаться ими же установленных правил: *исследовать полностью природу, изучить человека, вселенную и бога.* Вместо того чтобы критиковать наши притяжения, каждое в отдельности, науки должны были бы их изучить в полной мере, в их совокупности, в применении к многочисленным массам. Притяжение есть двигатель человека, это — посланец, которого бог употребляет, чтобы привести в движение вселенную и человека. Значит, изучить *человека, вселенную и бога* можно только путем изучения притяжения в *целом* по линии страстей и материи.

Наконец, оплошность исправлена, план страстного притяжения открыт и мир может мгновенно перейти к счастливым провиденциальным судьбам. Остается проверить, верна ли теория, это основное, что нужно исследовать. И совершенно неуместно придираться к изобретателю по поводу форм его теории. Шарлатанам от ассоциации было оказано столько благосклонности! Подлинный же изобретатель требует только справедливости. Шарлатаны нашли достаточно средств, чтобы за последние двадцать лет основать два десятка учреждений, которые как в Англии, так и в Америке совершенно не достигли цели. Изобретатель же подлинной системы хочет образовать только одно учреждение, которое в два месяца достигнет цели и вызовет всеобщее подражание благодаря приманке, заключающейся в прибыли и в удовольствиях.

Но, скажут мне, этот изобретатель повинен в том, что он не в ладах с некоторыми науками, пользующимися доверием. Эх! Не будь у меня разногласий с политическими и моральными науками, я был бы таким же софистом, как и все прочие. Галилей, Колумб, Коперник, Ньютон, Линней изобличали свой век во лжи. Изобретатель обязан выступить против господствующих заблуждений; шарлатан же, чтобы легче обманывать, — льстить всем софистам. Который из двух заслуживает доверия?

Утверждают, что история просвещает народы и исправляет их суждения. Это — глубокая ошибка: в наши дни народы относятся к изобретениям более враждебно, чем во времена Галилея. Сотни раз история им показывала, что великими открытиями люди чаще обязаны игре случая, чем умозрениям гения; что гений и здравый ум редко бывают уделом умников, придерживающихся рутины и мало восприимчивых к новым идеям.

Невзирая на уроки истории и опыта, мир требует, чтобы изобретатель был академиком по форме выражения и стилю. Разве академики изобрели зрительное стекло и компас? Нет, дети и люди столь безвестные, что их имена не уцелели для потомства.

Когда сокровище извлечено на свет, спешите им пользоваться вместо предъявления судебного иска тому, кто его нашел. Зачем спорить с ним о формах и о стиле? Не все ли равно, на каком провинциальном наречии он говорит! Разве это умаляет ценность изобретения?

Зоилы, утверждающие, что изобретатель должен быть проникнут академическим духом, что хорошего дало ваше красноречие новейшим народам? Исследованием этого вопроса будет закончено предисловие.

III. Порочный круг промышленности в строе цивилизации

Во всякой науке царство лжи предшествует царству истины: до возникновения экспериментальной химии на сцене орудовали алхимики; до точной астрономии господствовала судебная астрология; до нарождения общественной экономии в течение целого века господствовала антиобщественная экономия, или теория дробления, поощряющая мелких производителей — этих маленьких промышленных вандалов.

Всюду новые науки попадают во власть софизма, прежде чем разум наметит путь их развития. Поэтому, едва зародится идея ассоциации, как завладевшие общественным мнением обскуранты сосьетарного метода уже вводят людей в заблуждение.

Сколько наук, и наиболее почитаемых, окутаны мраком — раньше чем наступит царство истины! Например, мораль: ка-

ким образом примирить ее с ней самой? С одной стороны, она проповедует нам презрение к богатству и любовь к святой истине. С другой стороны, она возбуждает любовь к торговле, которая только и стремится что накоплять богатства посредством всякого рода коварства. Ту же непоследовательность, то же противоречие мы находим во всех науках, называемых философскими.

В прошлом веке Кондильяк сказал так об их представителях: «Искусство злоупотреблять словами, не понимая их значения, является для них искусством рассуждать. Делая одно ложное предположение за другим, они запутались среди множества заблуждений; и эти заблуждения, ставшие предрассудками, были ими приняты за принципы. Когда положение вещей достигло этого пункта, когда заблуждения, таким образом, накопились, то остается только одно средство для восстановления порядка в мышлении — это забыть все то, чему мы научились, и, как говорит Бэкон, переделать человеческий разум».

То был век скромности: люди не считали для себя постыдным признать, что та или иная наука находится еще в младенческом состоянии, в особенности социальная политика. Ее корифеи с горечью и презрением ее изобличали. Послушаем их.

Монтескье: «Просвещенные общества поражены болезнью бессилия, внутренним пороком, тайным и скрытым ядом (дробленность)».

Жан-Жак Руссо: «Это — не люди, существует какое-то потрясение, причины которого мы не умеем доискаться».

Вольтер: «Явите очам моим человека: пристыженный незнанием самого себя, я стараюсь проникнуть в свое существо, в свое я; но какой глубокий мрак окутывает еще природу».

Бартелеми: «Эти библиотеки, мнимые сокровищницы возвышенных знаний, — лишь жалкое хранилище противоречий и заблуждений».

Сталь: «Неточные науки разрушили много иллюзий, не установив никакой истины; рассуждения привели нас вновь к неизвестному, старость вернула нас в детство».

Теперь зрелище меняется: весь этот лабиринт философских систем преобразован в потоки просвещения, в быстрое движение и в возвышенный полет в сферу совершенствований. Особенно в промышленной политике наш век выставляет напоказ свои успехи: гордясь некоторым прогрессом материального характера, он не замечает, что в политике он движется в обратном направлении и что его быстрое движение есть движение рака, который пятится назад.

Индустриализм — новейшая из наших научных химер; это — мания производить беспорядочно, безо всякого метода по части пропорционального вознаграждения, безо всякой гарантии приобщения производителя, или рабочего, к растущему

богатству. Недаром мы видим, что промышленные области наводнены нищими в той же, если не в большей, мере, чем аграрные.

Важно уже в предисловии рассеять иллюзии индустриализма и выявить пороки промышленности, потому что этот режим в корне противоположен политике нового общественного строя, покоящегося на следующих основаниях:

индустриальное притяжение, пропорциональное распределение,

экономия средств, равновесие населения

и другие положения, от которых во всем далека система индустриализма с ее беспорядочным производством, без гарантии справедливого распределения.

Будем судить здесь о системах по их результатам. Это Англия является центром внимания (point de mire), образцом подражания для наций, предметом зависти последних. Чтобы оценить счастье английского народа, я сошлюсь на неопровержимые свидетельства. Собрание цеховых мастеров Бирмингама от 21 марта 1827 г. заявляет: «Промышленность не может защитить рабочего от нищеты, несмотря на его непритязательность; масса батраков ходит почти голая за отсутствием платья и буквально умирает с голоду в стране, где имеется сверхизобилие продуктов питания». Это признание тем более свободно от подозрений, что оно исходит от класса цеховых мастеров, заинтересованных в снижении заработной платы рабочих и в сокрытии их нищеты.

А вот и второй свидетель, равным образом заинтересованный в сокрытии слабой стороны своей нации; это экономист, индустриалист, изобличающий свою собственную науку.

Лондон, палата общин, 26 февраля 1826 г. мистер *Хюскиссон* (Huskisson), *министр торговли,* говорит: «Наши шелковые фабрики используют тысячи детей, которых держат на привязи с 3 часов утра до 10 часов вечера. Сколько им платят в неделю? 1½ шиллинга, 37 французских су, *около 5½ су в день;* и за это вознаграждение они находятся на привязи 19 часов, под наблюдением подмастерьев, вооруженных кнутом, которым бьют ребенка, если он на мгновение останавливается».

Это — фактическое восстановление рабства. Очевидно, чрезмерная промышленная конкуренция низводит цивилизованный народ на ту же ступень бедности и порабощения, на которой находится население Китая и Индостана, славящееся с древнейших времен своими чудесами в области земледелия и фабричного производства.

На одну доску с Англией можно поставить Ирландию: в силу двух крайностей — чрезмерного развития земледелия и большого дробления поместий — она дошла до того же состояния нищеты, к которому приходит Англия вследствие других двух крайностей — чрезмерного развития фабричного

производства и крупного землевладения. Этот контраст в одной и той же империи хорошо выявляет порочный круг промышленности строя цивилизации.

Дублинские газеты 1826 г. говорят: «*В народе* свирепствует эпидемия; больные, попав в больницу, выздоравливают, как только их накормят». Значит, их болезнь — это *голод*. Не надо быть колдуном, чтобы это угадать, потому что они вылечиваются, лишь только им удается поесть. Не опасайтесь распространения этой эпидемии на вельмож: лорд-губернатор или архиепископ Дублина никогда не заболеют от голода, скорее — от несварения желудка.

В местах же, подчиненных режиму цивилизации, где народ не умирает от непосредственных приступов голода, он умирает *медленно* вследствие *полуголодного* существования, полного лишений; он умирает по причине *спекулятивного* голода, вынуждающего его питаться нездоровыми съестными припасами, от голода, угрожающего ему в будущем, заставляющего его изнуряться на работе, браться за опасные для здоровья занятия, работать до переутомления, результатом чего являются лихорадки, недуги: во всех этих случаях причина смерти — голод.

А если народ не страдает от голода, чем он питается? Чтобы об этом судить, следует присмотреться к тому, что ест французский крестьянин даже в провинциях, славящихся своей плодородностью. Восемь миллионов французов вовсе не едят хлеба, питаются только каштанами или другими заменителями (pauvretés); 25 миллионов французов не пьют вина, а между тем, вследствие перепроизводства винограда приходится бросать в мусорные ямы целые урожаи.

Таков величественный полет индустрии к совершенству. И, однако, ежегодно появляется с дюжину новых философий, толкующих о национальном богатстве. Сколько богатств в книгах и сколько нищеты в хижинах!

Этим иллюзиям противопоставим действительность. Разве можно считать величественным полетом состояние Лондона, который, участвуя в помощи бедным ежегодно в сумме 200 миллионов, содержит еще:

117 000 зарегистрированных бедных, состоящих на иждивении приходских благотворительных организаций,

115 000 бедных, оставленных без всякой помощи, — нищие, жулики, бродяги, среди которых имеется: 3 000 укрывателей воров и краденого (один из них обладает капиталом в 20 миллионов), 3 000 евреев, распространяющих фальшивые монеты, побуждающих слуг обкрадывать своих господ и сыновей — обкрадывать своих отцов.

Итого 232 000 бедных в этом городе — крупнейшем центре промышленности. Франция идет к той же нищете. Париж имеет 86 000 бедных учтенных и, может быть, столько же не учтенных. Французские рабочие столь несчастны, что в про-

винциях с крупной промышленностью, как Пикардия, между Амьеном, Камбрэ и Сен-Кантен, крестьяне живут в земляных хижинах, не имея постели; они делают себе ложе из сухих листьев, которые зимой превращаются в навоз, полный червей; просыпаясь, родители и дети снимают с тела приставших к нему червей. Питание в этих лачугах отличается таким же изяществом, как и их меблировка. Такова счастливая участь прекрасной Франции. Можно привести дюжину областей, где нищета дошла до такой же степени, — это Бретань, Лимузэн, Верхний Овернь, Севенны, Альпы, Юра, Сент-Этьен и даже прекрасная Турэнь, называемая садом Франции.

В ответ на это индустриалисты говорят, что надо распространить просвещение и образование. На что оно несчастным, которым не на что существовать? Оно толкнет их к бунту.

Эта деградация человечества порождает атеизм. Он возрастает по мере развития промышленности в строе цивилизации. Эта промышленность кажется насмешкой природы над человечеством: атеизм — неизбежный результат затянувшейся цивилизации, широко развившей промышленность, прежде чем она постигла метод пропорционального распределения и гарантии минимума для народа, т. е., другими словами, прежде чем она уяснила естественный или божественный кодекс, регулирующий индустриальные отношения.

Бог создает социальные кодексы даже для насекомых. Мог ли он упустить из виду кодекс для человеческого рода, гораздо более достойного его забот, чем пчелы, осы и муравьи? Мог ли он создать страсти и элементы производства, не ведая, для какого строя они предназначаются? В этом случае он был бы более неблагоразумен, чем наши рабочие, потому что архитектор, сосредоточивая строительные материалы, предварительно составляет план здания, для постройки которого он хочет их употребить.

Бог должен был предвидеть немощь наших законодателей: Солона, Юстиниана, Монтескье, Тарже. Если эти люди считают себя способными делать социальные кодексы, то бог и подавно умеет их создать. *В качестве опоры для своих законов наши законодатели используют только принуждение, полицию и виселицы.* Бог укрепил бы свои законы на притяжении, единственным распределителем которого он является. Сотня примет предвещала существование божественного кодекса, следовало объявить конкурс на его изыскание и для начала определить метод, которым нужно руководствоваться в этой работе.

Божественный кодекс, будучи методическим, должен прежде всего создать устав для производства, которое есть первичная функция, между тем как управление зарождается лишь впоследствии. Значит, нужно было искать законы, установленные богом для производства, порядок, установленный им для работ земледельческих и домашних.

Публицисты, наоборот, целые 3 000 лет занимались только управлением, только административными и религиозными злоупотреблениями. Они начали рассуждать о производстве лишь сто лет тому назад, не думая, однако, об исправлении его неурядиц. По недосмотру ли, или вследствие систематического заблуждения они расхваливали два коренных порока индустрии: *дробление производства* и *торговый обман,* прикрашенный именем свободной конкуренции.

Значит, наука находится на ложном пути: вместо того чтобы бороться за уничтожение пороков двух отраслей, называемых земледелием и торговлей, она сосредоточивает свое внимание лишь на двух других отраслях — власти правительственной и духовной, касаться которых, значит вызывать вспышки народного движения, а зачастую даже усиливать злоупотребления. Между тем, исправляя, посредством системы ассоциации, пороки земледельческого и коммерческого режима, можно действовать в полном согласии с существующей властью, которая нашла бы для себя выгодным учетверение дохода и прекращение всех партийных споров; последние будут вызывать сострадание, как только люди перейдут к счастливому строю ассоциации.

После этого очерка общих пороков индустрии и науки остается сказать об их пороках в отдельности и об ошибках системы. Это предмет, который потребовал бы целого тома; я дам только краткое его изложение.

Наши экономисты, смущенные зрелищем упорно растущей нищеты, начинают подозревать, что их наука на ложном пути. По этому поводу недавно возник спор между Сэем и Сисмонди; последний, вернувшись, после осмотра заморских чудес, заявил, что Англия и Ирландия с их колоссальной промышленностью не более как обширные скопления нищих, что индустриализм до настоящего времени только область химер. Сэй возражал, защищая честь науки. Но, говоря откровенно, политическая экономия была приведена в замешательство кризисом перепроизводства в 1826 г. Она старается выгородить себя. Главари школы, вроде покойного Дугела Стюарта (Dugalde Stewart), уже заявляют, что роль наук пассивная и что ее задача сводится к анализу существующего зла. Это все равно как если бы врач сказал больному: «Мое дело — определить вашу болезнь, а отнюдь не указывать вам лечебные средства». Такой врач был бы в наших глазах смешон. Однако именно такую роль отводят себе теперь некоторые экономисты: видя, что их наука лишь усугубила зло, и затрудняясь найти от него противоядие, они говорят нам, как лисица козлу: «Постарайся выйти из положения, примени все усилия, на которые ты способен».

Но и при такой пассивной роли, при этом эгоистическом оправдании немощи данной науки, им весьма трудно будет сдержать слово и дать анализ зла. Потому что они не хотят признать его в полном объеме — сознаться, что все порочно в индустриальной системе, что во всех отношениях она представляет мир дыбом. Такое признание вырвалось недавно у Сисмонди: он признал, что потребление происходит *навыворот*, что в основу оно кладет фантазии праздных людей, а отнюдь не благополучие производителя. Это уже первый шаг к аналитической искренности. Но разве механизм навыворот ограничивается потреблением? Разве не очевидно, что *товарооборот* извращен посредниками, так называемыми *торговцами, негоциантами,* которые, став собственниками продукта, обманывают производителя и потребителя и сеют беспорядки в индустриальной системе своими махинациями по части спекуляции, ажиотажа, мошенничества, вымогательства, банкротства и т. д.

Разве не ясно, что *конкуренция происходит навыворот?* Она стремится снизить заработную плату и приводит народ к нищенству в результате прогресса промышленности; по мере ее роста рабочий вынужден соглашаться на все более и более низкую плату ввиду усиленного предложения рабочих рук; с другой стороны, чем более возрастает число торговцев, тем труднее им получить прибыль и тем сильнее влечет их к обману. Вот уже три пружины индустриального механизма, действующие неправильно. Я легко насчитаю их 30 (см. VI раздел), почему же открыто признается только одна — потребление навыворот?

Промышленность страдает еще более явной превратностью — это *противоречие между интересами коллектива и индивидуума.* Каждый производитель находится в войне с массой и относится к ней недоброжелательно в силу личного интереса. Врач желает своим согражданам часто и длительно болеть лихорадкой; прокурор желает, чтобы были затяжные процессы в каждой семье. Архитектору нужен пожар, который превратил бы в пепел четверть города, а стекольщик радуется граду, который перебил бы все стекла. Портной, сапожник желают, чтобы платье было сделано из плохой ткани, а обувь из скверной кожи, с тем чтобы эти изделия износились в три раза скорее — ради блага торговли; таков их припев. Суд считает желательным, чтобы Франция продолжала ежегодно совершать 120 000 преступлений, подлежащих судебному разбирательству, чтобы кормить сотрудников уголовных судебных палат. Таким образом, в цивилизации всякий отдельный человек находится в преднамеренной (intentionnelle) войне с массой; это — неизбежный результат при антиобщественном индустриальном строе. Это смехотворное явление исчезнет в новом общественном строе, где благо индивидуума совпадает с благополучием всей массы.

Из всех признаков, заставляющих взять под подозрение нынешнюю промышленность, наиболее ошеломляет простая шкала распределения. Говоря *простая,* я разумею шкалу, которая возрастает с одного конца.

Вот пример, относящийся к 5 классам:

	Бедный	*Нуждающийся*	*Средний*	*Зажиточный*	*Богатый*
A	0	1	2	4	8
B	1	2	4	8	16
C	2	4	8	16	32
D	4	8	16	32	64
E	8	16	32	64	128

Линия *A* представляет начало обществ, когда различие состояний было мало осязательно, когда бедный класс, отмеченный в таблице *нулем,* вообще не существовал.

По мере роста общественного богатства, как это видно по линиям *B, C, D, E,* следовало бы, чтобы бедный класс участвовал в нем пропорционально, т. е. чтобы на ступени богатства *E,* когда богатый может расходовать в день 128 франков, бедный имел бы, по крайней мере, 8 франков, как это указано в таблице. В этом случае шкала была бы *сложной,* возрастая пропорционально, но не равномерно для пяти классов. Но так как в цивилизации шкала возрастает с одного конца, то бедный класс всегда остается на нуле; таким образом, если богатство достигло 5-й степени, *E,* богатый класс, конечно, получает свою долю — 128 франков, а бедный — только нуль, потому что он всегда имеет меньше необходимого. Таким образом, шкала в строе цивилизации идет по диагонали — 0, 2, 8, 32, 128 и масса, или бедный класс, не только не приобщается к растущему богатству, но и получает в результате добавочную порцию лишений, видя большее разнообразие благ, наслаждаться которыми он не может; он даже не уверен, что найдет себе работу, которая для него является проклятием и которая ограждает его лишь от голодной смерти.

С этой точки зрения, ленивые народы, вроде испанцев, счастливее трудолюбивых; испанец уверен, что получит работу, когда ему угодно будет ее взять, в то время как француз, англичанин, китаец этим преимуществом не пользуются.

Это отнюдь не значит, что социальный режим Испании заслуживает похвалы, вовсе нет. Я хочу только выполнить задачу, намеченную в заголовке этой главы, — доказать порочность всего круга раздробленной промышленности, или промышленности цивилизации: своим прогрессом она создает элементы счастья, но не само счастье; последнее сможет зародиться только в режиме промышленного притяжения и пропорционального распределения, соответственно линии *E.* Это распределение невозможно, пока промышленность внушает отвращение; только в состоянии крайней бедности народ соглашается в ней работать. Сверх того, так как цивилизация,

при чрезмерном населении, производит едва одну четверть того, что будет производить ассоциация, то нет возможности обеспечить этим людским муравейникам прожиточный *минимум*, или *приличное* существование.

Этот порочный круг промышленности настолько бросается в глаза, что со всех сторон начинают брать ее под подозрение и удивляться, что *бедность при цивилизации порождается самим избытком*. Я только что описал пять пороков; каждого в отдельности было бы достаточно, чтобы породить эту неурядицу. Можно себе представить, что получается, когда все пять пороков действуют одновременно и совместно с 50 другими, еще не указанными (см. раздел VI).

После того как мы установили неизбежность народного злосчастия в строе цивилизации, заметим, что успехи промышленности мало или ничего не добавляют к счастью богатых. В наши дни парижская буржуазия имеет более красивую мебель, более красивые безделушки, чем имели вельможи в XVII в. Что это добавляет к счастью? Наши дамы со своими кашемировыми шалями, более ли они счастливы, чем когда-то Севинье и Нинон? Мелкие буржуа Парижа едят за столом из золоченого фарфора. Разве благодаря этому они счастливее министров Людовика XIV, Кольберов, Лувуа, которые имели посуду фаянсовую?

Без сомнения, подлинное удовольствие доставляют усовершенствования, создающие удобство, какова экипажная рессора. Но утонченная роскошь, ласкающая глаз, как фарфор, надоест за одну неделю; она возбуждает лишь зависть бедняка, который воображает, что богатый класс находит большое счастье в обладании этими безделушками. Они будут полезны только в новом общественном строе, где они будут, с одной стороны, стимулировать промышленное притяжение, с другой стороны — многообразить созвучия страстей, а это — подлинные наслаждения, и они будут доступны бедному, как и богатому, невзирая на крайнее неравенство состояний. Тогда беднейший из людей будет черпать в жизни гораздо больше наслаждений, чем теперь богатейший монарх, потому что общественный строй, именуемый страстными сериями, породит общественные гармонии или духовные радости, теперь почти неведомые вельможам, и поднимет чувственные утонченности на такую степень совершенства, о которой цивилизованный мир не может иметь представления.

Итак, повторяю, промышленность цивилизации может создать только элементы счастья, но отнюдь не самое счастье. Напротив, будет доказано, что чрезмерное развитие приведет цивилизацию к чрезвычайно большим бедствиям, если она не сумеет открыть средства для достижения подлинного прогресса социальных отношений. Я сказал, что наша политика движется на манер рака, хотя и похваляется быстрыми успехами. Анализ этого попятного движения будет довольно лю-

бопытен. Этому движению способствуют две противоположные партии: *либералы* и *индустриалисты*, с одной стороны, *реакционеры* и *абсолютисты* — с другой. Различие между теми и другими заключается в том, что реакционная партия не отрицает своего стремления воскресить X век, между тем как либеральная партия воображает, что она ведет к совершенству. Это ложь: она двумя способами тащит колесницу вспять. В специальных главах читатель увидит, что наука не сумела поднять цивилизацию на ступень того единственного прогресса, на который она была способна, — к *восхождению к 4-й фазе*.

Каждый из социальных периодов — цивилизация, варварство, патриархальный строй, дикое состояние — подразделяется на четыре фазы, аналогичные четырем возрастам жизни: 1) детство, 2) юность, 3) возмужалость, 4) дряхлость. Четвертая фаза — дряхлость — иногда является реальным прогрессом. Об этом можно судить на примере Египта, который, усвоив военную тактику, искусство мореплавания и точные науки, входит в 4-ю фазу варварства — фазу дряхлости, постепенно ведущую к 1-й фазе цивилизации. Значит, это подлинный прогресс, подобно тому как глубокая ночь является приближением к утру.

Если бы цивилизация сумела перейти из 3-й фазы (нынешнего ее состояния) к 4-й фазе, еще не народившейся, эта смена была бы чрезвычайно благоприятной, потому что человечество приблизилось бы к следующему периоду, к периоду социальных гарантий, высшей ступени, смежной с цивилизацией. Гарантия — это благо, о котором мечтают все философы, не умея подойти к нему ни с какой стороны. Чтобы возвыситься до гарантий, надо выйти за пределы цивилизации и подняться на следующую ступень. Наши науки не только не умели нас продвигать от одного периода к другому, но и не смогли нас продвинуть вперед в пределах цивилизации хотя бы от 3-й фазы к 4-й, механизм которой я объясню в VII разделе.

По этому поводу заметим, что после стольких работ о цивилизации философы и публицисты еще не подумали сделать ее точный анализ, разложить ее на четыре фазы, с определением отличительных особенностей каждой (например, анархия торговли в 3-й фазе), и выявить общие черты, присущие всем четырем ее фазам, каков союз крупных воров, добивающийся повешения мелких. Затем выявить признаки сплетения, заимствованные у других периодов; таков военный кодекс, заимствованный у низшего периода, именуемого воровством; а монетная система, единственная сфера отношений, где царит гарантия истины, является заимствованием у высшего периода, периода взаимных гарантий, еще не народившегося.

Принимая во внимание, что наши науки забыли произвести анализ цивилизации, первое исследование, которого требовал методический порядок, можно ли удивляться тому, что

они пренебрегли многими другими исследованиями, образующими новые и обширные науки, как ниже поименованные, которые я располагаю в одну строку с соответствующим классом ученых:

Моралисты — Анализ цивилизации.
Политики — Теория взаимных гарантий.
Экономисты — Теория приближения к ассоциации.
Метафизики — Теория притяжения, основанного на страстях.
Натуралисты — Теория универсальной аналогии.

Поскольку ни одна категория ученых не выполняет своей главной задачи, неудивительно, что они забывают столь мелкие детали, как анализ порочного круга промышленности, система которой, очевидно, грешит против четырех оснований мудрой политики, а именно:

Промышленного притяжения, применимого к трем категориям упрямых людей — к детям, дикарям, праздным богачам.

Пропорционального распределения, удовлетворяющего каждого соразмерно его трем производительным способностям — капиталу, труду и таланту.

Равновесия населения, поддерживаемого на уровне ниже числа, которое привело бы низшие классы к материальной нужде.

Экономии средств, или максимального сокращения непроизводительных элементов, торговцев и прочих, число которых теперь так велико, что оно охватывает $^2/_3$ цивилизованных людей.

Индустриалисты избегают этих проблем и сотни других, которые можно было бы поставить перед теми, кто приписывает себе усовершенствование социальной системы посредством развития дробного земледелия и анархии торговли, или конкуренции обмана. Писатели умеют только воскурять фимиам господствующим порокам, чтобы не надо было искать от них лекарства. Мы видим, что наука *проходит мимо* таких основных вопросов, как равновесие населения, говоря, что в этом ничего нельзя понять. Именно так распутывает Стюарт загадку избыточного населения, подхваченную после него Уоллесом (Wallace) и Мальтусом, понявшими в ней не больше его.

Вопросы социальной политики будут все неразрешимы, пока базой для умозрений будет служить режим цивилизации, этот интеллектуальный лабиринт, круг, порочный во всех отношениях. Но почему никто не пытался изобрести новое общество? Это было бы прекрасным поприщем для стольких писателей, которые напрасно тратят время в бесплодных поисках нового сюжета. Если же случайно они натолкнутся на какую-либо новую идею, какова идея *промышленной ассоциации,* они спешат затемнить и запутать ее, приплетая к ней свои старые софизмы, вплоть до самых смешных, какова *общность имуществ, нежное братство истинных филантропов, объединенных единством взглядов.*

Чуждый моральных пошлостей, которые пускает в ход секта Оуэна, новый общественный строй нуждается в разногласиях, как и в согласиях. Начинать надо именно с раздоров. И чтобы образовать фалангу из страстных серий (сосьетарный кантон из 1 800 человек), нужно способствовать проявлению по меньшей мере 50 000 разногласий, прежде чем организовать согласия. По этому примеру можно судить, насколько наш век был далек от путей ассоциации, привнося в изучение этого вопроса все ложные суждения морали о страстях и о путях социальной гармонии.

Индустриализм, как я сказал, является новейшей химерой из наших научных иллюзий, к тому же наиболее аккредитованной; раньше чем приступить к существу вопроса, я должен был ее опровергнуть, разочаровать в ней ее сторонников, показать им порочный круг плохо направленных усилий этой индустрии, действующей без цели и без метода.

Но почему обнаруживают такую неспособность люди столь ученые, столь искусные писатели? Почему их прекрасный талант привел лишь к тому, что бросил нас из Харибды в Сциллу? *Это потому, что они идут по лабиринту без компаса.*

Напомним по этому поводу их принцип относительно аналогии (Шеллинг, цитированный выше). Если существуют единство и аналогия в системе природы, то мы должны иметь в политике, как и в области материальной, два путеводителя. Мореплаватели руководствуются намагниченной стрелкой компаса и звездами; нужно, чтобы социальная политика также имела два путеводителя, свой компас и свой контр-компас. Не было бы ни единства системы, ни аналогии, если бы бог не снабдил социальный мир, как и мир материальный, двумя путеводителями, чтобы направлять его движение. Прежде чем указать эти два социальных компаса, надо дать почувствовать их отсутствие и усилия, сделанные человеческим разумом, чтобы их открыть как в производстве, так и в управлении.

В индустрии. Я выбираю в качестве признака природные наклонности и искусство их проявить. Это искусство людям совершенно чуждо; за примером недалеко ходить.

Молодой возчик, 23 лет, вез металл на завод Манби и Вильсон в Шарантоне. Вид этого завода, который, как говорят, ужасен, очаровал его и пробудил в нем призвание, его *промышленное притяжение,* до той поры неизвестное ни его родителям, ни ему самому. Он поступил на завод и там сделал столь быстрые успехи, что по истечении года мог заменить чрезвычайно ценного рабочего, главного литейщика, которому платили 22 франка в день.

Каким укором это звучит нашим промышленным методам, нашим теориям воспитания, совершенствования и изучения

человека! Почему не умеют они разглядеть и выявить с раннего возраста производственные призвания каждого ребенка, использовать их для различных трудов, к которым его призывает природа? Это не по плечу цивилизации; из Метастаза она хочет делать привратника, из Жан-Жака Руссо и Франклина — двух отсталых рабочих. Только благодаря чрезвычайно редкой случайности некоторым одаренным людям удается избежать этого засасывания и занять, хотя бы поздно, пост, к которому они предназначены инстинктом. Этот возчик набрел на свое призвание только в 23 года и то по счастливой случайности.

Очевидно, что нам недостает компаса, ключа, чтобы расшифровать эту волшебную книгу промышленных или научных притяжений и призваний. Способствовать их проявлению можно только путем применения страстных серий — главного компаса всякой отрасли социальной механики и, в особенности, воспитания.

Стоящая перед нами в этой области задача — это способствовать проявлению у всякого ребенка в возрасте от 3 лет не *одного, но двадцати* призваний; с четырехлетнего возраста он должен уже чрезвычайно искусно участвовать в двадцати производственных сериях, зарабатывать больше стоимости его питания и содержания; попеременно упражнять там все свои материальные и интеллектуальные способности и развивать их в полной мере.

Вместо выявления и практического применения двадцати призваний в возрасте 4 лет, у цивилизованного часто ни одно призвание не выявлено и в 20 лет. Если он — выходец из народа, его родители насильно определяют на работу, *не считаясь с его инстинктом;* на этой работе он будет прозябать, потому что каждый человек становится несчастным, когда он не выполняет роли, предназначенной ему природой. Если он принадлежит к зажиточному классу, он может быть и к 30 годам не приобретет себе положения; из ста молодых людей, посылаемых в университеты, на юридический и медицинский факультеты, успешно заканчивают курс едва ли 20.

Проявление призваний, искусство их развивать с раннего возраста являются камнем преткновения для наших наук. Это говорит о том, что мы действуем без компаса в деле управления инстинктами, даже в практике земледелия; последнее представляется деревенским ребятам в таком виде, что возбуждает только их отвращение. Наши науки в промышленном воспитании, как и во всем, видимо, идут не по путям природы или притяжения; ясно, что нужно прибегнуть к новой науке, чтобы заручиться компасом, указывающим надлежащее направление производственным занятиям. Этим путеводителем, этим компасом является *серия, построенная на страстях.* Если она правильно организована, сообразно правилам, изложенным мною в I разделе, человек от колыбели до дрях-

лого возраста всегда будет втянут в работу соответственно общественному интересу и своему собственному и найдет наиболее мудрое применение своим физическим и интеллектуальным способностям.

Надо найти и второй социальный компас, потому что природа дает не один, а два во всех областях; значит, она должна нам дать контр-компас и в социальной механике. Сначала я отмечаю его отсутствие.

В Управлении. Инстинкт помог нам открыть зародыш естественных гарантий (гарантию истины и экономии), и мы сумели применить его только к монетной системе, к единственной сфере отношений, где царствуют истина и экономия. Что же такое монетная система? Это налоговое управление с двумя противовесами, образованными обменом и серебряных и золотых дел мастерством: их конкуренция поддерживает правительство на путях экономии и истины. Это — система, которую следовало бы применить коммерческому и управленческому механизму в целом, чтобы ввести сюда гарантии экономии и истины.

Монетное дело есть монополия, но монополия *сложная* с двумя противовесами; в этом отношении она полностью отличается от *простой* монополии, какова табачная монополия, не имеющая противовесов и потому произвольная.

Таким образом, мы имеем в руках один из двух социальных компасов; это сложная монополия, которую инстинкт помог открыть всем правительствам. Но они не сумели применить его к торговле и захватить ее в свои руки для блага народов, нуждающихся в гарантии истины и экономии в товарообороте.

Обманутые софизмами о свободе, правительства позволили изъять прекраснейшую часть своего владения, они предоставили торговлю частным лицам, конкуренции и мошенничеству, лживой и запутанной анархии.

Какой из двух методов предпочтителен: метод ли гарантии, который господствует в монетной монополии, или метод анархической свободы торговли, который увеличивает с каждым днем число своих агентов, засасывает капиталы, создает помехи, обусловленные обманом, и запутывает механизм? Чтобы об этом судить, следовало бы на некоторое время передать монетную систему в ведение торговли, с допущением свободной конкуренции. Мы вскоре имели бы в каждом государстве двадцать тысяч фабрикантов по чеканке монеты; уверяя в своей честности, согласно коммерческому обычаю, они распространяли бы в неограниченном количестве монеты низкой пробы: все сделки были бы затруднены, и промышленность впала бы в хаос.

Отсюда очевидно, что промышленная гарантия заключается в *сложной монополии или в налоговом управлении с двойным противовесом* и что режим лживой конкуренции — это отсут-

ствие всякой гарантии. Значит, именно сложная монополия является вторым социальным компасом. Его применение в торговле открыло бы нам выход из цивилизации и подняло бы нас к периоду взаимных гарантий — промежуточному этапу между строем цивилизации и строем ассоциации.

Таким образом, наши философы в их мечтах о социальной гарантии отправляются очень далеко искать сокровище, которое находится у них под руками и зародыш которого они видят в самой замечательной из наших систем, в монетной системе, осуществляемой посредством монополии с двойным противовесом.

О социальных противовесах они имеют смутное понятие; они беспрестанно рассуждают о балансе, противовесе, гарантиях, равновесии. Но, наследники причуд древней философии, они хотят ввести эти противовесы в управление, тогда как их следует внедрить в производство.

Это ложное развитие может породить только беспорядки: правительства, которые они хотят сковать конституциями, всегда будут сопротивляться с полным успехом. Реформа должна коснуться только производства. Как только оно будет организовано в механизм гарантии или механизм ассоциации, всякое правительство сочтет для себя выгодным уничтожить злоупотребления, которые оно поощряет в строе цивилизации.

Значит, реформаторы должны были бы обратить свое внимание именно на производство; чтобы ориентироваться на этом поприще, следовало бы воспользоваться одним из двух компасов: или *монополией с двойным противовесом,* которая уже существует в зародыше и которая, благодаря своему расширению, привела бы к периоду социальных гарантий; *или сериями, построенными на страстях;* изобретение их, более трудное, чем изобретение монополии, привело бы к ассоциации, дальнейшему уделу человечества. (Гарантии являются только переходом, промежуточным этапом между несчастной судьбой, называемой цивилизацией, и счастливой судьбой, или сосьетарным строем.)

Изобретение сложной монополии более соответствовало духу нашего века, который из кожи лезет вон в борьбе против простой монополии, осуществляемой Англией в морской торговле. Эта промышленная тирания пала бы, как и все другие тирании, перед сложной монополией, и сама Англия нашла бы в этом выгоду. Это изобретение прославило бы науку, называемую экономией, или экономизмом, которая предпочитает пасовать и утверждает, что ее задача ограничивается анализом существующего строя. Почему же она не выполнила хотя бы этого обязательства, дав анализ торговли, который открыл бы нам чудовищные мерзости (см. гл. XLIII, XLIV). Мы пришли бы отсюда к заключению о необходимости очистить эту клоаку пороков, реформировать этот нелепый механизм, который при помощи 60 вредных своих частей, из

коих пять были выше приведены (потребление навыворот, обращение навыворот, конкуренция навыворот и т. д.), делает из промышленности западню для народов, одновременно усугубляя их нищету и испорченность. Некоторые полагают, что люди теперь не более лживы, чем они были раньше: однако полвека тому назад можно было за небольшие деньги достать ткани с прочной окраской и натуральные съестные припасы. Ныне всюду господствуют фальсификация и обман. Земледелец стал таким же обманщиком, каким некогда был только торговец. Молочные продукты, растительные масла, вина, водка, сахар, кофе, мука — все бесстыдно фальсифицируется. Бедные люди не могут достать себе натуральных съестных припасов; им продают только медленно действующие яды, настолько дух торговли сделал успехи, проникнув в самые захудалые деревушки.

Ссылаясь на этот результат в оправдание своих отсталых взглядов, реакционная партия может считать свои выступления хорошо обоснованными, особенно после кризиса перепроизводства 1826 г. Тем не менее обскурантизм в нынешних обстоятельствах — ресурс опасный и достойный презрения; он мог выполнить блестящую роль, завладеть которой противники либерализма не сумели. Они должны были сделать то, чего не умеют делать либералы: *двигаться вперед по социальной лестнице,* добиться реального прогресса посредством реформы системы торговли, операции очень легкой, которая во Франции дала бы доход в 200 миллионов государству и миллиард нации. Кроме того, она дала бы еще более ценное преимущество — гарантию истины и экономии в механизме товарооборота, который нынешняя анархия запутывает до невероятной степени. В течение последнего полстолетия торговля четырехкратно увеличила число своих агентов, причем объем труда лишь мало или нисколько не изменился; мошенничество возросло в той же пропорции, как и поглощение капиталов.

Если бы обскуранты сумели произвести эту операцию, применить к торговле монетную систему, *сложную монополию* или налоговое управление с двойным противовесом, они отняли бы у либералов симпатии общественного мнения и могли бы им сказать: «именно мы ведем социальный строй к совершенству: вы умеете только двигать его в обратном направлении, простираясь у ног золотого тельца, используя свое красноречие на воскурение фимиама режиму анархии и торгового обмана, вместо того чтобы напрягать все силы для изыскания способа честной торговли».

В заключение отметим, что софисты, утверждающие, что они основывают ассоциацию, или пишущие на эту тему, не имеют никакого понятия о двух компасах. Они не имеют представления даже о втором, называемом монополией с двойным

противовесом; в существующем строе он, подобно алмазу, остается незамеченным и попирается ногами.

С другой стороны, эти практические деятели и теоретики впадают все в порок схоластического безверия, в заблуждение, заключающееся в ожидании от человеческого разума, т. е. от законодательства, знаний, которых нужно добиваться у божественного разума путем изучения притяжения, или *естественного закона*.

Вместо того чтобы заняться этим изучением, сосьетарные объединения вовлекаются в политические и религиозные споры. Некоторые доходят чуть ли не до разрыва с богом; таковы оуэнисты, лишившие бога общественного богослужения. Этого жалкого новшества было бы достаточно, чтобы сказать, даже до ознакомления с их догмами и методами, что они ничего не понимают в ассоциации.

Если бы они сколько-нибудь могли представить себе этот механизм, они знали бы, что в строе ассоциации любовь к богу становится пылкой страстью всех людей: наслаждаясь здесь в каждое мгновение новыми удовольствиями и плавая по океану утех, они постоянно будут чувствовать потребность выразить свое благоговение творцу столь прекрасного строя. Они не только не прекратят богослужения, но будут находить в нем постоянное для себя очарование. Религиозных собраний в храмах будет им недостаточно для выражения благодарности создателю; в группах труда или удовольствия им захочется видеть в своей среде некоторую эмблему благодетеля мира, приобщить его некоторым образом к своему счастью и на всяком собрании затянуть ему хвалебный гимн.

Даже атеисты, видя шедевр божественной мудрости, гармонию антипатических страстей и характеров, индустрию, ставшую привлекательной даже для сибаритов, детей, влекомых с младенческого возраста к добру; превосходство импульсов, создаваемых притяжением, — атеисты, говорю я, видя эти чудеса, почтут для себя за честь вернуться к религии. Они будут горячее всех славить бога и позорить законы цивилизации. Последние предстанут пред людьми в их подлинном свете, как произведение адского духа. Эти законы сумели только унизить добродетель, обеспечив пороку полный успех, зародили сомнения в существовании провидения, печати которого не видно было на предательствах режима цивилизации, на позорных результатах промышленности, подлинной пытки для тех, кому суждено в ней участвовать, унижающей просвещенного человека, ставя его ниже дикаря и животного.

Я сожалею, что необходимость сократить изложение обязывает меня опустить много предварительных понятий. Следовало бы, в особенности, дать ученым и художникам очерк неизмеримых богатств и славы, которыми они будут пользоваться в новом строе. Они склонны мрачно смотреть на открытия, боясь, как бы новая наука не повредила их торговле

системами. Вынужденные пресмыкаться для получения жалкого дохода, они считают призрачной мечтой идею социального строя, где ученые и художники будут занимать высшие посты и легко зарабатывать сокровища, достающиеся в строе цивилизации только спекулянтам и интриганам.

Как нелепа эта страстная преданность социальному строю, где они занимают последнее место, потому что в цивилизации ученые и художники порабощены и унижены более, чем кто бы то ни было. Они превозносят святую истину, как лучшего друга людей; едва ли, однако, в дружбе она с философами; если осмеливаются они ее провозгласить, их грабят и преследуют, как Виллемэнов, Лакретели, Мишо, Лежандра, Тиссо, Лефевра-Жино и т. д.

Я берусь им доказать, что в строе ассоциации, где они будут пользоваться полной свободой, им будет легче заработать *миллионы,* чем теперь тысячи франков, и что самый рядовой деревенский учитель там станет ценным человеком, тем паче люди, способные руководить в какой-нибудь отрасли областной нормальной школой. В новом общественном строе народ должен быть образован и посвящен в науки и искусства. Это — средство достижения общего богатства, поэтому нынешние мракобесы будут с готовностью насаждать там просвещение.

Картины этого будущего благосостояния ученых слишком ослепительны для людей, приученных к бедности. Они всегда подозревают преувеличение и полагают, что я, как финансисты, ставлю лишние нули. Ничего подобного. Все будет арифметически доказано. Далекий от раздувания цифр, я, напротив, обычно сокращаю сумму наполовину. Мы увидим, что только одна из новых наук — *аналогия* — должна дать авторам доход *от 5 до 6 миллионов франков за лист в 16 страниц.* Она потребует, по крайней мере, 3 000 томов, размером настоящей книги и будет выпускаться в свет отдельными листами, чтобы удовлетворить общее нетерпение. Это будет только одна отрасль огромных доходов, которые новый строй обеспечит ученым и художникам.

После этого вольно им цепляться за скудный бюджет в 400 тысяч франков в год в Париже! Это значит уподобляться бедняку, который, получив, благодаря блестящему наследству, возможность жить в особняке и отказаться от своей хижины, стал бы опасаться, что он умрет с голоду без своих глиняных горшков и деревянных ложек.

Можно понять врачей, встревоженных магнетизмом, что он урезал бы в ряде случаев поле их деятельности, не обеспечив им компенсации. Совсем иначе обстоит с изучением притяжения, которое является золотоносной рекой для всех ученых и художников.

Переходя к этой теории и желая приковать к ней внимание читателя, я напоминаю ему о цели, к которой она ведет:

она даст богатство и сверх того счастье, которое нельзя получить от одного только богатства и которое заключается в полном развитии страстей. От этого блага богатейшие цивилизованные люди еще чрезвычайно далеки. Читатель убедится, что даже счастливейший из них, монарх могущественный, молодой, красивый и крепкий здоровьем не может достигнуть той степени счастья, которой в новом общественном строе будет наслаждаться беднейший из людей того же возраста и того же состояния здоровья. Тут придет конец всем философским спорам об истинном счастье: человечество поймет, что оно не является уделом цивилизации, где наиболее превозносимые сибариты еще бесконечно далеки от счастья [1].

[1] В 1822 г. я опубликовал произведение, озаглавленное *Трактат о домашней земледельческой ассоциации*. Этот трактат, состоящий из двух больших томов, содержит важные подробные данные, которые не могли найти места в этом кратком изложении. При случае я на них буду ссылаться, указывая том цифрами I и II.

НОВЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ МИР ИЛИ ЕСТЕСТВЕННЫЙ МЕТОД АССОЦИАЦИИ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

АНАЛИЗ ПРИТЯЖЕНИЯ СТРАСТЕЙ

ПЕРВОЕ СООБЩЕНИЕ

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПОНЯТИЯ О СЕРИЯХ, ПОСТРОЕННЫХ НА СТРАСТЯХ

ГЛАВА I

О ТРЕХ ЦЕЛЯХ ПРИТЯЖЕНИЯ И ОБ ЕГО ДВЕНАДЦАТИ СПОСОБНОСТЯХ, ИЛИ ОСНОВНЫХ СТРАСТЯХ

Страстное притяжение есть импульс, вложенный в человека природой раньше способности размышлять; он действует вопреки разуму, долгу, предрассудку и пр.

Во все времена и повсюду притяжение, основанное на страстях, стремилось и стремится к трем целям:

1) К роскоши, или удовольствию пяти чувств.

2) К группам и к сериям групп, к дружеским связям.

3) К механизму страстей, характеров, инстинктов, следовательно — к универсальному единству.

1. Цель — роскошь. Она обнимает все чувственные удовольствия; стремясь к ним, мы, по существу, желаем здоровья и богатства как средства удовлетворения наших чувств: мы желаем *внутренней роскоши,* или телесной силы, утонченности и силы чувств; мы желаем также *внешней роскоши,* или денежного богатства. Нужно обладать этими двумя средствами, чтобы достигнуть первой цели притяжения страстей, заключающейся в удовлетворении пяти органов чувств: *вкуса, осязания, зрения, слуха, обоняния.*

Анализ чувств — предмет совершенно новый. Мы даже не знаем шкалу способностей каждого чувства и его применения в семи степенях (см. об этом предмете, I, 395, Функции чувств, расположенных по ступеням шкалы. I, 417, Та же по-

степенность, примененная к зрению и к другим чувствам. II, 444, Обратное притяжение, или сочетание низменных чувственных вкусов и их употребление в общей гармонии).

2. Цель — *группы и серии*. Притяжение стремится образовать четыре группы.

	Наименование	*Типы*
Старшие	Группа дружбы	. . . Круг
	Группа честолюбия, корпоративной связи	. . . Гипербола
Младшие	Группа любви	. . . Эллипс
	Группа отцовства или семьи	. . . Парабола

Все группы, образованные свободно на основе страстей, относятся к одному из этих четырех родов.

Как только группа становится многочисленной, она делится на подгруппы, образуя серию частей, отличающихся оттенками взглядов и вкусов. Серия может образоваться даже в маленькой группе из 7 лиц; через несколько дней совместной работы группа представит три оттенка, или партии, по два-три, два члена; если же группа достигает 20 человек, в ней скоро обнаружатся 5, 6, 7 оттенков взглядов и вкусов.

Отсюда очевидно, что все группы стремятся образовать серию, или лестницу, разновидностей по роду и по виду и что серии групп являются второй целью притяжения во всех функциях чувств и души.

Например, чувство слуха требует в музыкальных аккордах серии из трех групп: *верхних звуков, средних* и *низших;* затем серии инструментов, соответствующих группам, численно неравным. Так обстоит дело и со всеми чувственными утехами; ни одна из них не является полной, если не распределена в серию групп. Всюду, где в пользовании удовольствиями или в выполнении работ нет распределения по сериям и выбора определенной ступени, мы видим неудовлетворенность, бедность.

Повидимому, создатель считал группы и серии весьма необходимыми, потому что он ввел это распределение во всех трех царствах: естествоиспытатели могут классифицировать свои объекты только по группам и сериям. Почему бы не произвести соответствующего опыта со страстями?

3. Цель — *механика страстей* или серии групп: стремление согласовать пять чувственных способностей: 1) вкус, 2) осязание, 3) зрение, 4) слух, 5) обоняние, с четырьмя душевными способностями: 6) дружба, 7) честолюбие, 8) любовь и 9) отцовство. Это созвучие устанавливается при посредстве трех малоизвестных и оклеветанных страстей, которые я назову: 10) *кабалист,* 11) *папийон* и 12) *композит.*

Они должны установить гармонию страстей внутри и извне, в их внутренней и внешней игре.

Внутренняя игра: каждый хотел бы установить в игре своих страстей такое равновесие, чтобы порыв одной благоприят-

ствовал порыву всех других; чтобы честолюбие, любовь влекли только к полезным связям, а отнюдь не к надувательству (duperie); чтобы чревоугодие способствовало улучшению здоровья, а не надрывало его; наконец, чтобы, отдаваясь слепо страстям, итти путем богатства и здоровья. Это равновесие, основанное на стихийной отдаче себя во власть природы, даровано животным и недостижимо для человека цивилизованного, варвара и дикаря. Страсть приводит животное к благу, а человека — к гибели.

Недаром человек в нынешнем строе находится в состоянии войны с самим собой. Его страсти сталкиваются: честолюбие мешает любви, отцовская любовь — дружеской, и так относительно каждой из двенадцати страстей.

Отсюда рождается наука, называемая *моралью,* которая стремится эти страсти обуздать. Но обуздать — не значит механизировать, гармонизовать. Задача заключается в том, чтобы достигнуть самопроизвольного механизма страстей, не глуша ни одной из них. Бог был бы нелепым, если бы он дал нашей душе способности бесполезные или вредные (см. I, 231, тезис о притяжениях, пропорциональных предназначениям).

Внешняя игра: чтобы ее регулировать, нужно было бы, чтобы каждый человек, преследуя только свой личный интерес, постоянно служил интересам массы. В действительности имеет место как раз обратное. Механизм цивилизации — это война каждого индивидуума против массы, режим, при котором каждый заинтересован в обмане публики. Это — внешний разлад страстей; весь вопрос в том, чтобы установить их внутреннюю и внешнюю гармонию, третью цель притяжения.

Чтобы этого достигнуть, каждый прибегает к насилию и на свой лад предписывает своим подначальным заповеди, именуя их здравым учением. Отец семейства подчиняет свою жену и своих детей режиму, возводимому им на степень мудрости. Помещик навязывает свои здравые заповеди кантону, где он господствует; чиновник, министр действуют таким же образом в отношении страны, которой они управляют. Щеголиха хочет обновить свои туалеты, руководствуясь здравыми учениями о хорошем тоне; философ — переделать все конституции; школьник с помощью кулака заставляет соблюдать его здравые правила в детских играх.

Таким образом, каждый хочет привести страсти массы в действительную гармонию со своими собственными страстями; так каждый стремится к *внешней* механике страстей, убеждая себя, что он творит счастье тех, кого он подчиняет своим капризам. Точно так же каждый желает установления внутреннего механизма, который привел бы его страсти в гармонию с самими собой. Отсюда ясно, что третья цель притяжения — это внутренний и внешний механизм страстей.

Этот механизм должен управляться тремя страстями, которые мы приводили под номерами 10, 11 и 12; их можно назвать *распределяющими, или механизирующими.* Каждой из них я даю три специальных названия с тем, чтобы выбор предоставить придирчивым читателям:

10) *Кабалист,* интригующая, вносящая разлад.

11) *Папийон,* меняющаяся, противоречивая.

12) *Композит,* одушевляющая, сцепляющая.

В дальнейшем изложении я дам определение этих трех совершенно неизвестных страстей. Именно они управляют игрой страстных серий; всякая серия лжива, когда она не открывает простора для трех механизирующих страстей.

В строе цивилизации они клеймятся как пороки. Философы считают, что страсть десятая, дух интриги, есть зло; что все должны быть единого мнения, быть братьями. Они точно так же осуждают одиннадцатую, так называемую папийон — страсть к порханию — потребность разнообразить свои наслаждения, порхать от одних удовольствий к другим, они осуждают и страсть двенадцатую, так называемую композит, потребность упиваться одновременно двумя наслаждениями, сочетание которых поднимает опьянение на ступень экзальтации.

Эти три страсти клеймились как пороки, хотя каждый в отдельности их обоготворяет; действительно, они служат источником порока в строе цивилизации, где они могут действовать только в кругу семьи или корпорации. Бог же создал их для серий контрастных групп; они тяготеют именно к этому строю и могут порождать лишь зло, будучи применены к строю другого порядка.

Это главные из двенадцати коренных страстей; это они управляют остальными девятью; именно от их комбинированного вмешательства рождается истинная мудрость, или равновесие страстей, путем противовеса удовольствий.

Двенадцать страстей имеют целью единство действия.

Потребность единства, которую я назову *унитеизмом,* сильно проявляется у завоевателей и у философов.

Завоеватели мечтают о единстве, насильно устанавливаемом путем террора или всеобщего подчинения; частично они его устанавливают. Это единство обратное — насильственное.

Философы мечтают об единстве прямом и самопроизвольном, о всеобщем человеколюбии или братстве всех народов, о воображаемой федерации.

Таким образом, каждый на свой лад мечтает о единстве как целого, так и деталей. Каждая нация хотела бы, чтобы ее языком говорил весь мир. Цивилизованные народы жаждут единства более, чем варвары; им хотелось бы, чтобы санитарные карантины были всемирными; значит, они чрезвычайно склонны к стержневой страсти, которую я называю *унитеизмом:* он для остальных двенадцати страстей — что белый цвет в отношении радуги.

Строй ассоциации быстро претворит в жизнь все мыслимые единства, будь то по линии полезности, как единства карантинов, языка, меридиана; будь то в отношении удовольствия, каково единство диапазона и других мелочей. Отсюда в числе других преимуществ последует искоренение случайных болезней, чумы, эпидемий, оспы, сифилиса, чесотки и других неэндемических ядов.

Коротко говоря, притяжение имеет три центра, или очага.

Нас толкают в этом направлении двенадцать двигателей, или коренных страстей: пять чувственных, четыре душевных и три механизирующих.

Научимся с этой первой главы отличать притяжение от долга; например, никакой законодатель не возвел обед на степень долга, потому что обед является естественным желанием, или притяжением.

Будем же считать притяжением только такое неизменное, природное влечение, как склонность принимать пищу, невзирая на догмы и учения о долге, которые это запрещали бы. Всякая теория долга, морали и интеллектуальной цепи привела бы только к превратному пользованию средствами и целями притяжения.

ГЛАВА II

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СЕРИЯХ, ПОСТРОЕННЫХ НА СТРАСТЯХ

Искусство ассоциировать сводится к умению образовать и развивать в полном созвучии массу или фалангу серий, построенных на страстях, вполне свободных, движимых единственно притяжением и приспособленных к семи промышленным функциям и к удовольствиям.

Наше исследование здесь, таким образом, ограничится двумя пунктами:

Внутренним распределением серий и их групп и подгрупп.

Их внешним распределением или сцеплением и самопроизвольной кооперацией с другими сериями сосьетарной фаланги и фалангами соседними.

Природа применяет серии (ряды) групп в плане всей вселенной: три царства — животное, растительное и минеральное — представляют нам только серии групп. Самые планеты представляют серию более совершенного порядка, чем порядок, установленный в царствах: царства группируются в простые или свободные серии (слово *свободные* означает, что число их групп неограничено); планеты же образуют серию сложную или соразмеренную; этот порядок, более совершенный, чем простой, неизвестен астрономам и геометрам. Вот почему они не могут объяснить причины распределения светил, сказать, почему бог дал больше или меньше спутников

тем или иным планетам, почему он дал кольцо одной, а другой — ничего.

Серия, построенная на страстях, — это союз различных групп, расположенных по ступеням в восходящем и нисходящем порядке, объединяемых тождеством склонности к какой-нибудь деятельности, например, культивированию какого-нибудь плода, и образующих особую группу для каждого вида труда, имеющего отношение к предмету, которым она занимается. Разводя гиацинты или сажая картофель, серия должна образовать столько групп, сколько сортов гиацинта можно развести на ее участке; то же самое и для культивирования картофеля.

Распределение на группы должно регулироваться притяжением; каждая группа должна состоять исключительно из членов, влекомых страстью без участия таких стимулов, как потребность, мораль, рассудок, обязанность и принуждение.

Если бы серия не была организована на основе страсти и методического распределения, она не достигла бы геометрических свойств при распределении. В ней отсутствовало бы главное — *влияние крайних групп, равное двойному влиянию средней группы;* она не могла бы фигурировать в общественной фаланге.

Серия, построенная на страстях, действуя изолированно, не имела бы геометрических свойств, как бы правильна она ни была; можно было бы в каком-либо городе попытаться образовать серию на основе приятного труда, например, культивирования цветов, ухода за красивыми птицами; это было бы бесполезно: нужны серии объединенные и механизированные числом 45—50, *по меньшей мере*; это наименьшее число, с которым можно производить опыт, приближаясь к общественной связи и к промышленному притяжению.

Я сказал, что механизм серий, построенных на страстях, нуждается в раздорах столько же, сколько и в согласиях; он использует разнообразие характеров, вкусов, инстинктов, неравенство состояний, запросов, образования и т. д. Серия питается только контрастирующими неравенствами, расположенными по ступеням. Она требует столько же противоречий или антипатий, сколько согласий и симпатий, подобно тому как в музыке для образования аккорда приходится исключить столько же нот, сколько их включают.

Несогласия настолько необходимы в серии, построенной на страстях, что каждая группа должна быть в полной антипатии с двумя смежными и в градуированной антипатии с более отдаленными, подобно тому как музыкальная нота существенно различается от двух своих смежных: Re дисгармонирует с Do и с Mi-бемоль.

Кроме своих геометрических свойств, сказывающихся на распределении прибыли, объединение серий, построенных на

страстях, имеет еще великолепные свойства по линии социальной гармонии: *соревнование, справедливость, истинность, прямое созвучие, обратное созвучие, единство.*

Соревнование поднимает всякий продукт на наивысшую ступень по качеству и количеству.

Справедливость — средство удовлетворять каждого в его стремлении к похвалам, к поддержке, к продвижению.

Истинность, диктуемая страстью, кроме того, обязательна ввиду недопустимости лжи.

Прямое созвучие, путем увязки аналогий и контрастов.

Обратное созвучие, или растворение индивидуальных антипатий в коллективных сближениях.

Единство действия — сотрудничество всех серий в мероприятиях, которые ведут к единству.

Строю цивилизации присущи все противоположные свойства: вялость, несправедливость, обман, разлад, двойственность.

Механизм серий, построенных на страстях, никогда не покоится на иллюзиях: он употребляет только средства безусловно привлекательные, обычно исполненные четырех прелестей: две для чувств и две для души; в крайнем случае одно наслаждение чувственное и одно духовное или два очарования для души в функциях, несовместимых с чувственными радостями.

Серия, построенная на страстях, правильна и приобретает все вышеописанные свойства лишь тогда, когда она выполняет следующие три условия:

1. *Компактность,* или сближение разновидностей, культивируемых смежными группами. Семь групп, производящих семь чрезвычайно различных сортов груш, как белая бера, груша костянка, руслет, груша бези, желтая осенняя груша, жемчужная груша, груша бонкретьен, не могли бы образовать стройную серию; между группами такой серии не было бы ни симпатий, ни антипатий, ни соперничества, ни соревнования, за отсутствием того сближения или той компактности культивируемых видов груш, свойственной таким трем сортам бер, как белый, серый и зеленый. Страсть, называемая кабалист, была бы лишена порыва, между тем это одна из тех трех страстей, которые должны управлять всякой серией, построенной на страстях.

2. *Короткие сеансы:* самые длинные ограничены двумя часами. Не будь этого установления, человек не мог бы участвовать в трех десятках серий; согласованность распределения и механизм промышленного притяжения были бы уничтожены; длинные сеансы затрудняли бы страсть, называемую папийон, стремление порхать от удовольствия к удовольствию, одну из трех страстей, которые должны управлять всякой серией, по-

строенной на страстях, и создавать противовес излишествам, избирая одно из двух удовольствий во все часы дня.

3. *Выполнение работы по операциям:* работа каждого должна ограничиваться той или иной частичной трудовой операцией. Если культивирование моховой розы представляет собой пять или шесть различных операций, группа должна использовать для дела пять или шесть подгрупп, которые разделят между собой эти функции соответственно вкусу каждого. Метод работы в строе цивилизации, обязывающий человека выполнять все трудовые операции в работе, препятствовал бы свободной игре страсти, называемой *композит,* или воодушевление, одной из трех, которые должны управлять каждой серией, построенной на страстях.

В итоге, механизм серий сводится к вполне точному правилу, определенно установленному, заключающемуся в необходимости развивать три распределительные страсти — 10, 11 и 12, используя три метода: компактность, короткие сеансы, выполнение работы по операциям. Эти методы — не что иное, как сама страсть, естественный эффект страсти.

Я разовью это правило в специальных главах: но следует установить его с самого начала, чтобы дать понять, что в теории промышленного притяжения и в гармонии страстей нет ничего неясного или произвольного. В самом деле, задача в том, чтобы обеспечить свободное развитие двенадцати коренных страстей; иначе будет угнетение, а не гармония. Эти двенадцать страстей стремятся образовать серии, в которых страсти той и другой категории, называемые *чувственными* и *нежными,* будут управляться категорией *механизирующих* страстей. Значит, остается проверить, правда ли, что, образуя серии групп, где три механизирующие страсти получат полный простор, можно обеспечить свободу развития девяти другим страстям без всякого конфликта. В этом случае все двенадцать страстей будут развиты и удовлетворены у каждого отдельного человека и, следовательно, каждый достигнет счастья, которое заключается в полном свободном развитии страстей. Эта доктрина, противоположная всем системам цивилизации, есть единственная теория, соответствующая заветам природы и предугадываемым предначертаниям бога, который, повторяю, был бы негодным механиком, если бы он создал наши страсти, чтобы препятствовать счастью слабых, к выгоде сильных, согласно методу цивилизации и варварства.

В теории, которую я сейчас предложу, читатель не найдет ни одного элемента моего изобретения: я употреблю только три из двенадцати страстей для управления совокупным целым посредством наибольшего и наиболее экономного сочетания серий; таково единодушное желание человеческого сердца, и такое распределение проводится во всей системе постигнутой природы.

ГЛАВА III

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ О ПЕРСОНАЛЕ СТРАСТНЫХ СЕРИЙ

Мы называем группой собрание, даже толпу зевак, собранных воедино скукой, без страсти, без цели; пустые умы людей, занятых единственно, чтобы убить время в ожидании новостей. В теории страстей под словом группа разумеется масса, объединенная тождеством склонности к выполняемой функции. Три человека идут вместе пообедать; им подают суп, который нравится двум и не нравится третьему; в этот момент они не образуют группы, потому, что они придерживаются различных мнений по занимающему их вопросу. Их вкусы не тождественны, что сказывается на оценке поданного супа.

Двое, которым нравится этот суп, образуют *ложную* группу. Чтобы быть правильной и установить равновесие страстей, она должна состоять, по крайней мере, из трех лиц и быть устроена, как механизм, называемый *весами:* он состоит из трех сил, из коих средняя поддерживает равновесие между двумя крайними. Коротко говоря, нет группы, которая состояла бы меньше чем из трех лиц, тождественных в смысле склонности к выполняемой функции.

Мне ответят: «Эти три человека, несмотря на несогласие между ними в таком мелком вопросе, как суп, солидарны в главном — это близкие друзья». В этом случае группа дефективна, потому что она *проста,* сведена исключительно к душевной связи. Чтобы ее поднять на ступень *сложного,* надо добавить чувственную связь — суп, который нравился бы всем троим.

«Что за беда! несогласны относительно супа, сойдутся на других блюдах. Кроме того, эта группа в действительности скреплена двумя связующими началами, помимо дружбы, этим трем лицам свойственно чревоугодие, они связаны интригой, они сходятся за обедом, чтобы согласовать выборную интригу: вот вам двойная связь, связь сложная, которой вы требуете».

Эта сложная связь, образуемая двумя душевными связями, хаотична; настоящая сложность требует сочетания утех духовных и чувственных и должна быть свободна от раздора: трапеза начинается несогласием в отношении супа, и группа искажена, невзирая на двойную связь.

Еще хуже будет обстоять дело с хлебом и вином. Сотрапезники *A, B, C* будут относиться к хлебу разно, их вкусы резко противоположны: полное расхождение хотя бы в вопросе о степени солености: *A* хочет очень соленого хлеба, *B* предпочитает полусоленый, *C* просит малосоленого хлеба. Между тем им подают только один сорт хлеба согласно суще-

ствующему в цивилизации порядку; а нужно было бы, по крайней мере, девять сортов, именно: три сорта по степени солености, три сорта по степени закваски и три сорта по выпечке; кроме того, необходимо, чтобы эти девять разновидностей приготовления различались по трем сортам муки: кисловатой, из зерна, произрастающего на каменистом участке, средней и жирной, вроде круп из Шартра. Всего требуется двадцать семь сортов хлеба, чтобы дать группе из трех человек *гармонический* обед, чтобы обслуживание было согласовано со страстями и притяжением. Подобную лестницу разновидностей нужно установить относительно вина, супа и большинства блюд, которые подаются на празднествах.

«Э, сколько изощрений в вашем новом промышленном мире, чтобы накормить обедом трех человек; они никогда не будут довольны; еще труднее удовлетворить 800 миллионов жителей земного шара».

Это заблуждение: теория серий, построенных на страстях, дает средства удовлетворить в деталях все эти фантазии и 100 тысяч других, порождаемых строем ассоциации. Поэтому я и сказал, что самый маленький из *гармонийцев,* из народов, установивших строй ассоциации, будет значительно счастливее любого цивилизованного монарха. Семилетнее дитя, воспитанное в гармонии, будет высмеивать наших нынешних сибаритов. Оно им докажет, что ежеминутно они грубо грешат против утонченности чувственных и душевных удовольствий. Без этой новой науки о развитии и утонченности страстей нельзя образовать вполне методические серии, способные выполнить все три условия.

А так как серии, построенные на страстях, слагаются только из групп, то нужно прежде всего научиться образованию групп.

«А! Группы, любопытно! Это должно быть очень забавно!»

Так рассуждают остряки, когда речь зайдет о группах; приходится сначала выслушать от них уйму приторных двусмысленностей. Но забавен предмет, или нет, ясно одно. Никто ничего не знает о группах и даже не умеет образовать правильную группу из трех лиц, а тем паче из тридцати.

Между тем мы имеем многочисленные труды по исследованию человека: какое представление могут они нам о нем дать, если они обходят молчанием элементарную часть — анализ групп? Все наши отношения сводятся к образованию групп, а между тем группы никогда не были предметом исследования.

Цивилизованные народы с извращенным инстинктом склонны всегда предпочитать ложное истинному; они избрали стержнем своей социальной системы, по существу, ложную группу; пара, вступившая в брак, — группа ложная, в силу числа, ограниченного двумя; ложная вследствие отсутствия свободы и ложная вследствие различия и несогласия во вкусах, сказывающихся с первого дня в вопросе расходов, блюд, гостей и тысячи мельчайших деталей, как температура ком-

наты. Но поскольку цивилизованные народы не сумели гармонизовать первоначальные группы — из двух до трех человек, еще менее сумеют они гармонизовать целое.

Я говорил лишь о *подгруппах,* минимальный состав которых 3 человека; *полная группа* в новой общественной механике должна быть по меньшей мере *из семи,* потому что она должна содержать три подразделения, называемые подгруппами, из коих средняя должна быть сильнее крайних, чтобы их уравновешивать. Группа из семи дает три деления, 2, 3, 2, применимые к трем частям единой функции. В этом случае группы из двух, ложные в изолированном действии, становятся приемлемыми вследствие связи с другими.

Если центр, образуемый тремя лицами, находится в равновесии с подгруппами 2 и 2, находящимися на крайних пунктах, это объясняется тем, что центр всегда захвачен наиболее привлекательной работой, он, следовательно, имеет численное превосходство — лишнюю единицу и превосходит притяжением тоже на единицу. Таким образом, его влияние равносильно влиянию 4 членов подразделения, используемых для двух других функций.

Группа из 6 членов, при подразделении ее на 2, 2, 2, была бы плохо уравновешена: ее центр был бы столь же слаб численно, как и каждое крыло; между тем, как общее правило, нужно усиливать центр и делать крылья неравными: численность восходящего крыла должна превышать численность нисходящего. Вот, например, три деления, приуроченные к 12, 16 и 24.

12 секционеров делятся на 4, 5, 3.
16 — на 2, 3—2, 3, 2—2, 2.
24 — на 2, 4, 2—3, 4, 2—2, 3, 2.

Эти подразделения должны устанавливаться не по приказу начальника, но в силу притяжения самопроизвольного распределения работ. Нужно, чтобы одно только притяжение побуждало 24 товарищей, разводящих те или иные цветы, те или иные овощи, к образованию девяти указанных подгрупп и втягивало во столько же различных функций. Это то, что я называю во второй главе выполнением работы по операциям.

В этом кратком изложении нужно было бы посвятить, по крайней мере, 30 страниц кропотливым подробностям распределения на группы, а я собираюсь уделить этому не больше трех страниц. Вследствие такой краткости элементарных наставлений бесчисленное множество ошибок будет совершено при создании ассоциации, если я не буду принимать в ней участия; группы, серии будут колебаться по численности, будут обладать недостаточным притяжением, в них будут всякого рода разномыслие и искажения. В этом обвинят мою теорию и совершенно напрасно: следует возложить вину на тиранию общественного мнения, которое не позволяет изобретателям дать удовлетворительные теории. 5—6 томов отводят

для какого-нибудь трактата по химии, по ботанике и даже для романа; а изобретателю науки, от которой зависит судьба человеческого рода, едва дают выпустить один том.

Серии распределяются таким же образом, как и группы, они оперируют группами, как группы оперируют индивидуумами. Серии должны содержать, по крайней мере, 5 групп, число 24 — минимальное для полной серии. Вышеприведенное подразделение 24 членов выполняет 7 требуемых условий, именно:

Три группы 2, 4, 2—3, 4, 2—2, 3, 2, неравны.
Центральная группа сильнее каждой из крайних.
Верхняя крайняя сильнее нижней.
Две крайние группы — трехчленные.
Самая маленькая группа доводится минимум до 7 участников.
Подгруппы каждого члена усилены в центре.
Три группы представляют правильную прогрессию из 7, 8, 9.

Значит, эта серия строго правильна, хотя и ограничена возможно меньшим числом: 23 не соответствовало бы ни третьему, ни шестому условиям.

Группа из 7 человек удовлетворительна, но группа из 9 более совершенна и может добавить к своим трем подгруппам стержень или главу и одного промежуточного или секционера переходящего. Пример:

Переходящий	1	промежуточный.
Верхнее крыло	2	бакалавры.
Центр	3	знатоки.
Нижнее крыло	2	новообращенные.
Стержень	1	глава.

Это распределение, естественно, устанавливается во всяком объединении — производственном или развлекательном, где есть простор страстям и инстинктам. Так как человек инстинктивно враждебен равенству и склонен к строю иерархическому или прогрессивному, то эта лестница ступеней установится в серии из 9 групп, как и в группе из 9 человек, при наличии полной свободы.

Так как числа 7 и 24 суть минимальные для полной группы и для полной серии, то для активного оперирования этим числом надо иметь замену больным и отсутствующим и увеличить группу, по меньшей мере, до 12, а серию до 40 членов, благодаря чему можно будет иметь руководителей и заместителей переходящих и их помощников.

Во всякой серии восходящее крыло слагается из групп, выполняющих наиболее трудные работы; нисходящее крыло охватывает работы легкие и обычные; центр обнимает наиболее благородные и наиболее привлекательные работы, потому что он должен, как я уже говорил, уравновешивать оба крыла двойным превосходством по числу членов и по силе притяжения.

Вот пример, взятый из серии, культивирующей груши.

Промежуточное	4 группы,	культивирующие айву — сорта гибридные.
Восходящее крыло	10 групп,	культивирующих груши хрустящие.
Центр	12 »	» тающие груши.
Нисходящее крыло	8 »	» мучнистые груши.
Стержень	2 группы,	главный штаб производства и аппарата.

Все серии, образующие фалангу, вместе взятые, подразделяются на девять степеней, или девять сил, а именно:

1. Класса.
2. Порядка.
3. Рода.
4. Вида.
5. Разновидности.
6. Мелочей.
7. Чрезвычайно малых величин.
8. Промежуточного.
9. Бесконечно малого.

Было бы слишком долго останавливаться на деталях, которых требует этот предмет, и в то же время бесполезно излагать слишком кратко предмет столь новый. При случае я этого буду касаться. (Подробности о промежуточном см. II, 440, о бесконечно малом — II, 444.)

Я настаиваю на легкомыслии цивилизации, которая утверждает, что изучила человека, тогда как она забыла проанализировать группы, их контрастные свойства (I, 386), их порывы на различных ступенях (I, 392). Это такая же оплошность, как если бы в земледелии были забыты злаковые растения и находились в пренебрежении, оставались бы неизвестны пшеница, ячмень, овес, как это было в течение многих тысячелетий с кофе, пока опьянение коз не открыло нам глаза на его свойства.

Ученый мир рабски коснеет в предрассудке, потому что данный предрассудок был присущ тому или иному учителю. Аристотель не упоминал о кофе, и на этом основании 20 последующих веков заключают, что кофейное дерево и его бобы не заслуживают внимания. Платон не занимался анализом групп, значит группы недостойны изучения. Так рассуждает гений цивилизации, и после этого он претендует *на усовершенствование разума!!!*

ГЛАВА IV

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ГРУППАМИ ВНУТРИ СЕРИЙ

Механизм серий, построенных на страстях, есть новый социальный мир, главным образом, в силу его способности получать экономию и прибыль от всякого мероприятия, разорительного в строе цивилизации. Например, если бы у нас нужно было доставить к обеду 27 сортов хлеба (см. выше) или около 30, включая промежуточные сорта, как-то: ячменный, ржаной или иные, притом трех различных степеней свежести — теплым, суховатым и черствым, а всего 90 сортов, было бы отчего разориться даже Лукуллу. Однако этот огромный ассортимент становится экономичным в сериях, по-

строенных на страстях, поскольку он благоприятствует промышленному притяжению, которого не существовало бы, если бы выпекали хлеб только одного или двух сортов.

То же можно сказать о должностных лицах, или чиновниках, которые так дорого обходятся в строе цивилизации. В новом общественном строе их обилие есть путь согласия и соревнования; тут они становятся более производительны, чем подчиненные. В силу этого должностные лица в 3 или 4 раза превышают нынешних. Отметим чиновников только двух родов — для промышленности и для парадов, — и те и другие необходимы каждой серии. В качестве должностных лиц промышленного управления выбирают образованных и опытных членов и в качестве распорядителей парадов — богатых членов, которые могут представительствовать, расходовать деньги и придавать блеск сериям.

В строе цивилизации начальники не расходуют ничего на подначальных; наоборот, если надо устроить званый обед в честь города, муниципальная администрация этим руководит. Но она помогает только своим аппетитом, а публика оплачивает расходы, ничего не кушая; хорошо еще, если оплачивать приходится действительные расходы, а очень часто их раздувают вдвое против действительной стоимости празднества.

В серии, построенной на страстях, роль распорядителей парада совершенно иная. Это они оплачивают расходы за членов серии, допускаемых к пиршеству бесплатно. Они точно так же участвуют и в более крупных расходах, каковы покупка саженцев и семян. Их щедрость была бы весьма дурного тона, если бы они ограничивались ролью Амфитриона, угощающего обедом. Во всяком случае, званые обеды обходятся ассоциации очень дешево, потому что из их стоимости высчитывается то, что израсходовали гости на свою еду за абонированными ими столами 1, 2 и 3-го класса, и, кроме того, все остатки, передаваемые за полцены на столы третьего класса.

Два рода чиновников — для народа и для промышленности — имеются как в группах, так и в сериях; каждая серия имеет своего капитана, лейтенанта и младшего лейтенанта для парадов и своего ректора, вице-ректора и помощника ректора в промышленности. Так же и в каждой группе.

Кроме того, по различным функциям представительства или производства устанавливаются всюду высший и низший штабы. В строе гармонии чем больше чиновников, тем больше доход. Эффект, противоположный тому, что наблюдается при цивилизации, где начальники чаще всего играют роль пиявок, число которых необходимо сократить.

Наличие двоякого рода чиновников очень нравится всем трем классам: богатому, среднему и бедному. Докажем это. Богатый человек тут выигрывает в доходе, в дивиденде на капитал: доход возрастает прямо пропорционально энтузи-

азму, вносимому в работу. Чтобы воодушевить народную массу при производстве, нужны вожди, которые бы участвовали в работе и своим кошельком поддерживали бы дело, которому пылко отдается вся серия. Бедный находит здесь для себя выгоду благодаря занимательному труду, обильному продукту, дивиденду и беззаботности, обусловленной гарантией *минимума,* которую возместит промышленное притяжение бесплатными званными трапезами на празднествах каждой группы или серии: а так как торжественные пиршества стоят при ассоциации очень мало (это будет доказано), то бедный человек в течение года участвует в доброй полусотне званых обедов, пользуясь там первоклассным столом; это один из способов распространить на народ культурные нравы высших классов. Впрочем, в строе гармонии народ даже за столом третьего класса получает пищу лучше той, которая подается в богатых семьях при цивилизации, где нет рационального подбора блюд.

Множество разновидностей начальствующих представляет еще одну приманку для бедного класса; я имею в виду прелесть мифологического культа или полубогов, избираемых каждой серией, каждой группой: это удел бедной молодежи. Но этот обряд не будет установлен в опытной фаланге. А так как средний класс приобщается к двум другим, то его интересы совпадают в данном случае с их интересами.

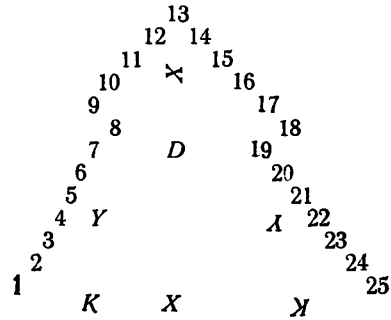
В строе ассоциации функция чиновников распространяется на три пола: мужской, женский и средний, или подростков. Всякая серия, основанная на страстях, выбирает своих руководителей пропорционально наличию у нее членов разного пола, а так как некоторые серии состоят из женщин или детей либо исключительно, либо в большинстве, то никакое объединение одного пола не пойдет искать себе начальствующих среди членов другого пола, разве только явится особая необходимость. Сто женщин, разводящих гвоздику для парфюмерии, не возьмут в наставники мужчину, чтобы он их возглавлял как на работе, так и в совете и на параде; но если серия состоит из двух или трех полов, она соответственно этому сформирует и свой корпус чиновников. Впрочем, выбор здесь совершенно свободен, единственным правилом является полезность.

Я опускаю ряд подробностей относительно расположения серий по рангу, они распределяются отнюдь не по объему продукции: серия плодоводов, чрезвычайно производительная, занимает одно из последних мест в шкале вознаграждений, потому что она очень сильно к себе влечет; а серия оперы, которую мы считали бы излишней, будет из числа наиболее вознаграждаемых, потому что эта серия — самая полезная в смысле общественного воспитания.

Следовало бы остановиться здесь на промежуточных сериях и группах; но это — один из тысячи предметов, которые

я вынужден опустить в этом кратком изложении. Промежуточное сочетание, или смешанный вид переходной связи, обесславлено нашими предрассудками; и, однако, невозможно образовать правильную серию, не включив в нее на двух крайних точках промежуточные группы и даже подпромежуточные. Повидимому, природа сильно дорожит промежуточным элементом, потому что она включила его во все свои творения, как мы это видим на примере амфибий, летающей рыбы, летучей мыши, угря и на многих других примерах; наиболее замечательна известь — сочетание огня и воды.

Закончим таблицей созвучий и разладов страстей серии простого порядка. Предположим, что существуют 32 группы, культивирующие разновидность какого-нибудь растения:



✕	группа стержневая.		*K*	группа промежуточная восходящая.	
X	»	контрстержневая.			
Y	»	подстержневая восходящая.	*Ж*	»	промежуточная нисходящая.
Λ	»	подстержневая нисходящая.	*D*	»	дифракции.

Притягательная сила, или симпатия контраста, устанавливается от каждой группы к той, которая расположена на расстоянии, равном половине общего протяжения шкалы. Таковы 1 и 13, 2 и 14, 5 и 17, 9 и 21.

Симпатия будет менее сильна между 1 и 12, 1 и 14, 5 и 16, 5 и 18, и еще меньше между 1 и 11, 1 и 15, 5 и 15 и 5 и 19. Она пойдет, таким образом, убывая до расстояния, равного $^1/_4$ шкалы, где она исчезнет, так что 13 не имеет более симпатий с 7 и 19 и еще меньше с 8 и 18, где возникает уже легкая антипатия; последняя возрастает от 13 к 9 и 17, и шкала разлада последовательно усиливается с тем, чтобы образовать ярко выраженную антипатию от 13 к двум смежным с нею группам 12 и 14 и несколько менее сильную от 13 к ее двум подсмежным 11 и 15 и т. д.

Шкала симпатий и антипатий не одна и та же в группах крайних — 1 к 3 — 23 к 25 — и в группах центральных; но исследование этих вариантов нас вывело бы за пределы этого краткого изложения. Достаточно будет сказать, что тридцать лет исследований и мое чутье в этом деле меня научили по-

нимать во всех подробностях волшебную книгу серий, построенных на страстях, согласия и разлады их групп и противовесы, которые нужно установить на всех пунктах серий. Подождите следующих разделов, чтобы судить, знаю ли я достаточно глубоко эту теорию. Пока я ограничусь тем, что скажу, обращаясь к предполагаемым основателям: где буду я, там механизм будет действовать хорошо, без единой ошибки, невзирая на отсутствие достаточных средств. Там, где меня не будет, возможны сотни оплошностей, плохие водители приведут к кораблекрушению, а ответственность возложат на меня, чьих наставлений они не выполнят, или где они потерпят неудачу, за отсутствием подробных указаний, которых я не могу дать по вине общества, ограничивающего меня одним томом.

Покончим с элементарными понятиями. Стержневая группа $\asymp$ находится в симпатии со всеми группами, за исключением подстержневых групп *Y* и *Λ*; $\asymp$ культивирует разновидность, превосходство и великолепие которой столь поразительны (примером может служить серая бера между грушами), что смежные группы 11, 12, 13, 14, 15 соглашаются уступить ей первенство с тем, чтобы состязаться с соперниками на смежных и подсмежных ступенях.

Подстержневые группы *Y* и *Λ*, естественно, находятся в контрастном согласии в качестве возглавляющих оба крыла, объединенных заговором против центра.

Противостержневая группа *X* не находится в симпатии ни с какой другой группой, кроме как стержневой группы $\asymp$; но она не имеет антипатий ни к одной из них. (В серии, производящей груши, противостержневая группа будет та, которая культивирует большую жесткую группу, несъедобную в сыром виде.)

Дифракционная группа *D* находится в полусогласии с другими. (Дифракция — кривое зеркало стержня. Альбинос есть дифракция потерявшего истинную окраску белого человека, европейца, ставшего смуглым от солнца; лось есть дифракция оленя; но довольно об этом предмете.) Переходные группы *K* и *Ж* созвучны с крылом, которое они завершают, и с крылом другой серии, с которым они находятся в контакте. Таким образом, группа, культивирующая гладкий персик или сливу-персик, находится в согласии с одним крылом серии слив и с одним крылом серии персиков.

Я взял в данном случае серию весьма правильную, культивирующую все сорта растения. Если же, в силу неприспособленности почвы, она разводит только некоторые разновидности этого вида, согласия и разлады могут менять пропорции в различных направлениях. Но, объясняя правила механизма, всегда имеешь в виду серии полные. (О вариантах созвучий см. гл. VII, *Ложные серии.)*

В страстных сериях всех видов (их очень много как в свободном порядке, так и в соразмеренном) созвучия страстей и симпатий, тайна которых кажется цивилизованным непостижимым волшебством, являются на самом деле механизмом, организованным согласно геометрическим методам. В этом вопросе, как во всяком другом, цивилизованные подходят к природе упрощенно, они думают, что все симпатии постоянны; между тем, бывают симпатии прочные, случайные, периодические и т. д. Это исследование относится к одному из *новых научных миров,* доступа куда гений цивилизации не сумел себе открыть; но в этом мире нет ничего непроницаемого, вопреки существующему мнению: вся природа есть необозримый механизм симпатий и антипатий, чрезвычайно методически регулируемый и весьма проницаемый для гения, лишь бы он предварительно изучил две теории притяжения страстей и ассоциаций, которыми наши мудрецы никогда не хотели заниматься.

Нынче они сильно обмануты; целых двадцать лет мистифицирует их своими происками секта Оуэна, выдвигая на первое место софизмы об ассоциации, и глушит изыскание естественного метода. А опыт применения последнего был бы для всех ученых и художников неисчерпаемым источником богатства.

ВТОРОЕ СООБЩЕНИЕ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СТРАСТЕЙ В СЕРИЯХ

ГЛАВА V

О ТРЕХ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СТРАСТЯХ, ИЛИ ОРГАНИЧЕСКИХ ПРУЖИНАХ СТРАСТНЫХ СЕРИЙ

Затруднительным будет не распределение материальной части серии; я мог бы в случае надобности добавить много наставлений к тем, которые я изложил по этому предмету в предыдущих четырех главах.

Помеха, которой следует опасаться, имеет отношение к игре некоторых страстей, которые моралисты захотят заглушить; а между тем, серия, наилучше сформированная, утратила бы все свои свойства: промышленного притяжения, прямого согласия неравенства, косвенного согласия антипатий и т. д., если пренебречь комбинированным развитием трех двигателей (ressorts), которые я назвал страстями механизирующими или распределяющими. Если одна из трех глушится в какой-либо серии, серия извращается, созвучия и промышленное притяжение точно так же становятся фальшивыми, сохраняют лишь внешнее подобие, что приводит к нарушению головного равновесия, равновесия распределения.

Дадим определение этих страстей.

Я начинаю со страсти *папийон:* это потребность в периодическом разнообразии, контрастных положениях, изменении

обстановки, пикантных приключениях, новостях, способных создать иллюзию и пробудить к деятельности и чувства и душу одновременно.

Эта потребность в смене занятий дает себя чувствовать умеренно каждый час, а более интенсивно — каждые два часа Если она не удовлетворена, человеком овладевают равнодушие и скука.

Полное развитие этой страсти ложится в основу счастья, приписываемого парижским сибаритам; т. е. искусство жить, *прожигать жизнь* (vivre si bien et si vite), разнообразие и последовательное чередование удовольствий, наконец, быстрота движения, — счастье, от которого парижане бесконечно далеки. [См. II, 598 — Сопоставление дневного времяпрепровождения человека в гармоническом строе с самым счастливым днем цивилизованного, невозможность для последнего подняться хотя бы на один день на ту ступень счастья, которым пользуется ежедневно наименее удачливый из людей в строе гармонии.]

Посвящая отдельным работам чрезвычайно короткие промежутки времени от $1^1/_2$ до 2 часов максимум, каждый может в течение дня выполнить 7—8 видов привлекательных работ, разнообразить следующий день, включиться в группы, отличные от тех, где он был накануне. Этот метод соответствует желанию 11-й страсти, так называемой *папийон,* которая стремится порхать от удовольствия к удовольствию и избегать крайностей, в которые впадают беспрерывно цивилизованные, затягивая работу на 6 часов, посвящающие пиршеству тоже 6 часов и балу тоже 6 часов, а то и всю ночь в ущерб сну и здоровью.

Эти удовольствия цивилизованных людей всегда абсолютно непроизводительны, между тем как новый общественный строй разнообразит удовольствиями труд, ставший привлекательным. Опишем это чередование, дав таблицу двухдневного времяпрепровождения двух гармонийцев — одного бедного и одного богатого.

Часы	*День Луки в июне*
в $3^1/_2$	Подъем, туалет.
» 4	Сеанс в конюшенной группе.
» 5	» в группе садовников.
» 7	*Завтрак.*
» $7^1/_2$	Сеанс в группе косарей.
» $9^1/_2$	» » » огородников, работающих в парниках.
» 11	» в серии скотного двора.
» 1	*Обед.*
» 2	Сеанс в серии лесоводства.
» 4	» в промышленной группе.
» 6	» в серии поливки.
» 8	Биржа.
» $8^1/_2$	*Ужин.*
» 9	Развлечения.
» 10	*Сон.*

Примечание. В каждой фаланге имеется биржа — не для того, чтобы вздувать цены на землю и на продовольственные продукты, но чтобы договориться о собраниях трудового и развлекательного характера.

Я исходил здесь из троекратного принятия пищи в течение дня, как это будет в начале гармонии. Но когда гармония полностью воплотится в жизнь, то напряженная деятельность, привычка к коротким и разнообразным сеансам будут вызывать чудовищный аппетит: существа, рожденные и воспитанные в строе гармонии, будут вынуждены принимать пищу 5 раз в день, и это будет не слишком много для поглощения огромного количества продуктов питания, которое породит новый строй. Богатые будут менять свои занятия чаще, чем бедные, и иметь лучший аппетит и больше силы. Здесь все будет противоположно тому, что мы видим в строе цивилизации.

Я сейчас опишу в основном (en cadre) день богатого человека, принимающего пищу 5 раз и выполняющего функции более разнообразные, чем у вышеозначенного Луки, деревенского жителя, с самого начала завербованного в фалангу.

День Мондора летом

Часы	Сон с $10^1/_2$ часов вечера до 3 часов утра.
В $3^1/_2$	Подъем, туалет.
» 4	Двор общественного собрания, хроника ночи.
» $4^1/_2$	Первый *завтрак*, первое принятие пищи сопровождается производственным парадом.
» $5^1/_2$	Сеанс в группе охотников.
» 7	» » » рыболовов.
» 8	Второй *завтрак*, чтение газет.
» 9	Сеанс в группе огородников с передвижными тентами.
» 10	» на богослужении.
» $10^1{}_2$	» в группе птицеводства.
» $11^1/_2$	» в библиотеке.
» 1	*Обед*.
» $2^1/_2$	Сеанс в группе парников со свежей температурой.
» 4	» » » экзотических растений.
» 5	» » » живорыбных садков.
» 6	*Закуска* на свежем воздухе.
» $6^1/_2$	Сеанс в группе мериносов.
» 8	» на бирже.
» 9	*Ужин*, пятая трапеза.
» $9^1/_2$	Дворец искусств, концерт, бал, зрелища, приемы.
» $10^1/_2$	*Сон*.

В этой таблице очень мало времени уделено сну: гармонийцы будут спать очень мало; утонченная гигиена, наряду с разнообразием сеансов, приучит человека не утомляться работой; в течение дня организм не будет изнашиваться и будет нуждаться лишь в чрезвычайно коротком сне; к этому приучатся с младенческих лет благодаря обилию удовольствий, для наслаждения которыми не будет хватать дня.

Чтобы облегчить частые передвижения, которых требует такой образ жизни, во всех корпусах фаланстера или зданиях

фаланги будут устроены улицы-галереи на уровне первого этажа и ниже, отапливаемые трубами зимой и освежаемые летом; далее, кулуары на столбах между параллельными корпусами и подземные ходы для сообщения между фаланстером и хлевами; таким образом, можно будет пройти под навесом залы, мастерские и хлевы, не зная, тепло или холодно на дворе. В деревне будут пользоваться большими легкими колясками на 18 человек для перевозки групп земледельцев.

Некоторые цивилизованные утверждают, что это устройство обойдется очень дорого: в действительности же оно будет стоить бесконечно меньше того, что расходуется теперь на платья и экипажи, на предохранение себя от сырости и грязи, на лечение насморков, флюсов и лихорадки, приобретаемых благодаря резким переменам температуры и излишествам.

Другие говорят, что частая смена сеансов потребует много времени на передвижение: в действительности потребуется от 5 до 15 минут, в среднем меньше четверти часа на полевые передвижения и меньше половины этого времени на внутренние.

Жалеть о такой потере времени — все равно, что предлагать упразднить сон, потому что это время потеряно для промышленности. Обеспечить отдых значит увеличить производительность труда: люди будут предаваться труду со всем пылом, работа гармонийцев будет исполнена горячего усердия, за один час они сделают больше, чем дают за 3 часа наши наемные рабочие — медлительные, неискусные, скучные ротозеи, засыпающие с лопатой в руках. Трудовой пыл гармонийцев стал бы вредным эксцессом, не умеряйся он перерывами благодаря смене сеансов. Но критикам хочется всегда судить о новом общественном механизме на основании навыков и средств системы цивилизации.

Перехожу к другим механизирующим страстям.

Кабалист и композит представляют совершенный контраст: первая — порыв умозрения и рассудка; вторая — порыв слепой, состояние упоения и воодушевления, зарождающихся под влиянием чувственных и духовных наслаждений, испытываемых одновременно.

Кабалист, или дух партий, — это мания интриговать, чрезвычайно сильная у честолюбцев, придворных, корпоративных организаций, коммерсантов и светских людей. Отличительной чертой интриги всегда было сочетание расчетливости со страстью: у интригана все построено на расчете: жест, взгляд, все обдуманно и, однако, быстро. Этот пыл десятой страсти, называемой *кабалист,* является, таким образом, рассудочным и образует контраст со слепым стремлением порывов, характерным для 12-й страсти — *композит.* Каждая из этих двух страстей стимулирует группы промышленной серии посредством двух противоположных импульсов.

Кабалист является для человеческого разума потребностью столь властной, что, за отсутствием реальных интриг, он жадно ищет искусственных — в игре, в театре, в романах. Если вы соберете компанию, то нужно им создать искусственную интригу, засадив их за карты или выдумав какой-нибудь предвыборный заговор. Нет человека несчастнее придворного, сосланного в провинцию, в маленький мещанский городок, где нет интриг. Купец, бросивший торговлю и очутившийся вдруг в стороне от торговых хитросплетений, столь многочисленных и длительных, чувствует себя, несмотря на богатство, самым несчастным из людей.

Главное свойство страсти *кабалист* в механизме серии — возбуждать разногласия или соперничество между группами довольно родственного характера, чтобы оспаривать пальму первенства и влиять на исход голосования.

Группы, культивирующие беру раннюю белую, беру позднюю белую и беру зеленую пятнистую, не будут созвучны. Эти группы смежных оттенков, по существу, завистливы и взаимно недоброжелательны. То же самое будет с тремя группами, культивирующими ранет — желтый, серый и зеленый.

Несогласованность между смежными оттенками — общий закон природы: пунцовый цвет очень плохо сочетается со смежными цветами — вишневым, алым, но очень хорошо с цветами противоположными: яркоголубым, яркозеленым, черным, белым. Нота *ре* не созвучна ни *до*-диезу, ни *ми*-бемолю, с ней смежны и очень мало созвучны *до* и *ми,* образующие с ней целый тон. Повторяю, что в общественной гармонии диссонансы так же нужны, как и созвучия.

Но диссонансы не могут возникнуть между группами с мало приближенными оттенками, как обе группы, культивирующие жемчужную грушу и грушу апельсиновую. Различие между этими двумя грушами слишком осязательно, чтобы судьи могли колебаться; они одобрят и ту и другую, заявив, что между ними слишком мало сходства, чтобы можно было их сравнить; таким образом, зависть и дух партии не вспыхнут между двумя культивирующими их группами и игра страсти *кабалист* не будет иметь места.

В каждой серии, построенной на страстях, будь то промышленная или развлекательная, надо образовать весьма сближенную в оттенках шкалу функций, *шкалу компактную, или плотную.*

Это — верное средство дать действенный толчок страсти *кабалист,* поднять каждый продукт на ступень высокого совершенства, пробудить горячий пыл в работах и вызвать сильное сближение между членами каждой группы.

Этот блестящий результат был бы упущен, если бы не содействовали утонченности вкусов как потребителя, так и производителя. К чему гармонийцам большое совершенство в культуре каждой разновидности продукта, если они будут

иметь дело с публикой, напичканной моралью, с однообразными вкусами, с публикой, принимающей пищу только для того, чтобы умерять свои страсти, и отказывающей себе в любой чувственной утонченности в угоду репрессивной морали? В этом случае совершенные культуры деградировали бы за отсутствием ценителей, страсть кабалист утратила бы свою активность в группах производителей и группах, ведающих отделкой продукта; сельское хозяйство вновь спустилось бы на низкую ступень, как теперь, когда один на сотню цивилизованных вряд ли способен судить о превосходстве того или иного предмета питания. Благодаря этому продавец, фальсифицируя продукты, имеет 99 шансов продать их; по той же причине все предметы питания столь скверны при цивилизации.

Чтобы предотвратить эту неурядицу, новый общественный строй будет воспитывать детей в духе *кабалистическом* по трем линиям — потребления, приготовления и производства. Он приучит их с раннего детства развивать и обосновывать свои вкусы в отношении каждого блюда, каждого соуса, каждого способа приготовления; требовать относительно малейшей снеди, чтобы она подавалась разнообразно в соответствии с различными вкусами, наконец, построить среди потребителей шкалу интриги, чтобы распространить ее затем на работы по приготовлению, консервированию и производству.

Такое разнообразие вкусов, чрезвычайно разорительное при цивилизации, станет экономичным и производительным в ассоциации. Оно обеспечит ей двойное преимущество:

возбуждать промышленное притяжение,

способствовать производству и потреблению по сериям.

Механизм серий, построенных на страстях, мгновенно бы расстроился, не охвати он потребления. К счастью, именно здесь легче всего его ввести с помощью двух шкал или серий вкуса, из коих одна касается приготовления, а другая — качества. Лестница требований рождается сама собой всюду, где дается простор естественным импульсам. Например, в трактире, где каждый оплачивает свою еду и где нет ни отца, ни хозяина, ни влияния, которое обязывало бы скрывать свои фантазии, вы видите, что в отношении малейших блюд — салата, яичницы — обнаруживаются различные вкусы, требуется до 10—12 вариаций; почти столько же различных требований, сколько людей в трактире, если их не больше 7.

Таким образом, склонность к разнообразному приготовлению пищи, или к кухонной серии, проявляется всюду, где она не подавляется. Я знаю, цивилизации не под силу удовлетворить это множество вкусов; любое домашнее хозяйство разорилось бы, если бы ему пришлось приготовлять с полдюжины различных обедов — отдельно для отца, матери, детей, слуг. Именно в силу этого отец призывает на помощь мораль, доказывая, что люди должны иметь однообразные

вкусы, и устанавливая их по своему усмотрению. Это хорошо в строе цивилизации; но мы будем говорить о другом строе, где разнообразности, расположенные по ступеням, будут более экономичными для приготовления и значительно более производительными при возделывании; значит, незачем впутывать мораль для глушения этой склонности.

Итак, опытная фаланга должна стремиться к развитию в народе большого разнообразия вкусов в отношении всех съестных припасов. Она приучит народ располагать свои фантазии в компактной последовательности, различая малейшие, хотя бы и чрезвычайно сходные, оттенки. Без этой компактной лестницы не удастся установить между смежными группами каждой серии диссонансов, развивающих страсть *кабалист*, одну из трех, которые должны руководить сериями.

Композит, или экзальтирующая страсть, порождает созвучный энтузиазм. Импульса *кабалист*, или духа партии, недостаточно, чтобы наэлектризовать группы в их работах: нужно пустить в ход два контраста — рассудочный порыв страсти *кабалист* и слепой порыв страсти *композит;* последняя является более романтической из страстей и наиболее враждебной рассуждению. Я сказал, что она рождается из совокупности многих чувственных и душевных удовольствий, вкушаемых одновременно. Страсть *композит* будет неполноценной, если образуется из многих удовольствий только одного порядка — либо сплошь чувственных, либо сплошь душевных. Нужно, чтобы эта страсть участвовала во всех трудах общества, чтобы она и страсть *кабалист* вытеснили низменные побуждения, действующие в цивилизованной промышленности: необходимость кормить своих детей, боязнь умереть с голоду или попасть в рабочий дом для нищих.

Вместо этих отвратительных импульсов сосьетарный строй умеет, благодаря непрерывному использованию трех механизирующих страстей, и в особенности страсти *композит*, вдунуть в каждую промышленную группу четырехкратное очарование, а именно: две иллюзии чувственного порядка и две — душевного, итого четыре симпатии между членами одной и той же группы.

Две симпатии душевного характера заключаются в созвучии тождества и контрастов.

Между членами группы имеется созвучие тождества: они непременно придерживаются одних взглядов на деятельность, которую они избрали по влечению и которую они вольны оставить; созвучие тождества становится могучим очарованием, когда человека поддерживает отряд сотрудников, ревностных, способных и доброжелательных вместо нерасторопных и грубых наемников, этих оборванных плутов, которых приходится привлекать для работы в строе цивилизации. Присутствие приятной и дружественной компании рождает живое усердие к труду в течение короткого сеанса и готов-

ность вновь встретиться, а иногда и собираться для групповой трапезы в часы перерыва в работе.

Второе очарование, относящееся к душе, это — очарование контраста: я сказал и повторяю, что для создания контраста между различными промышленными группами одной серии нужно эти группы расположить по последовательным и приближенным оттенкам, и в компактном и сжатом порядке; отсюда рождаются раздоры каждой группы со смежными и созвучия — с группами противоположными противо-центру. (По этому вопросу см. таблицу свободной и полной серии, помещенную в конце гл. IV.)

Кроме этих двух душевных симпатий тождества и контраста, промышленную группу должны стимулировать другие два проводника чувственного очарования, каковы: прелесть специального совершенства или превосходства, до которого каждая группа доводит свой продукт, и чувство гордости при получении за это похвал; затем прелесть коллективного совершенствования или роскошь целого, господствующая в работах и продуктах серии в целом.

Некоторые группы могут быть лишены одного из этих четырех очарований или обладать ими в слабой степени; неважно, ибо достаточно уже двух очарований, чтобы создать промышленное притяжение. Сверх того читатель увидит, что у него имеется много других источников; в последующих главах я насчитываю их свыше 12. В порядке вещей, чтобы у ассоциированного производства было столь же много приманок, сколько отталкивающих моментов у промышленности в строе цивилизации.

Этот возбудитель чувственных и душевных очарований будет неполным, мало активным в фаланге опытной. Но в ней мы увидим прекрасные зародыши, быстро растущие; и этих проблесков будет достаточно, чтобы предвидеть высокую ступень, на которую поднимется промышленное очарование, когда новый порядок приобретет устойчивость и будет осуществляться поколением, воспитанным в строе гармонии, огражденным от двойного зла, которым поражены дети, воспитанные цивилизацией, которая калечит тело ложной гимнастикой, а души — предрассудками.

Чтобы резюмировать сказанное о трех страстях, называемых механизирующими, которые являются тремя органическими импульсами индустриальной серии, заметим, что если они не будут развиваться комбинированно, все три одновременно, промышленное притяжение не зародится, или вернее, если и обнаружится, то лишь для того, чтобы постепенно ослабевать, а вскоре и совсем исчезнуть.

Таким образом, чтобы подняться к привлекательной промышленности, необходимо в качестве непременного условия образовать серии групп, подчиненных игре трех страстей:

соперничающих в силу страсти *кабалист,* или рассудочного порыва, порождающего несогласия между смежными группами, лишь бы шкала группы была компактна и образована вкусами и функциями чрезвычайно родственных оттенков;

экзальтированных в силу страсти *композит,* или слепого порыва, рождаемого очарованием чувств и души, когда эти два вида очарования сочетаются и поддерживаются четырьмя вышеуказанными согласиями;

сцепленных страстью *папийон,* поддерживающей две предыдущие и усиливающей их активность посредством коротких сеансов и свободы выбора нового удовольствия, периодически доставляемого раньше, чем у человека наступит пресыщение и даже равнодушие.

Я настаиваю на важном значении страсти *папийон,* которую в наши дни наиболее хулят; на необходимости коротких и разнообразных сеансов, на принципе, осуждаемом всей промышленностью цивилизации. Посмотрим, каковы следствия этого метода в области материальной и страстей.

В *материальной* области эта страсть устанавливает равновесие здоровья: здоровью неизбежно наносится ущерб, если человек в течение 12 часов предается однородному труду, будь то ткачество, шитье, письмо или иная работа, при которой части тела и ум не упражняются поочередно. В этом случае здоровье терпит ущерб даже при длительной земледельческой работе, как и при конторской: одна изнашивает члены и внутренние органы, другая отравляет (vicie) твердые и жидкие части тела.

Еще хуже, если активный или неактивный труд продолжается целые месяцы, целые годы. Недаром в ряде стран восьмая часть рабочего населения страдает грыжей, не говоря уже о лихорадках, вызываемых излишеством и плохим питанием. Различные фабрики химических продуктов, стекольные заводы и даже мануфактурные фабрики подлинно убивают рабочих в силу одного только факта продолжительности труда. Опасность была бы устранена установлением коротких двухчасовых сеансов, имеющих место только два-три раза в неделю.

Богатый класс, не знающий этих невзгод, страдает другими болезнями: апоплексией, подагрой, ревматизмом, незнакомыми бедному земледельцу. Тучность, столь обычная среди богатых, свидетельствует о коренном нарушении здорового равновесия, о противоестественном режиме труда и удовольствий. Здоровое предназначение человека — вечно разнообразить функции, упражнять поочередно каждую способность тела и ума и поддерживать, таким образом, всестороннюю деятельность и равновесие. Это упускают парижские сибариты, похваляющиеся своим уменьем прожигать жизнь; этот образ жизни осуществим только в сериях, построенных на

страстях; парижане чувствуют потребность в нем, но не имеют никакого представления о его сущности.

В духовном отношении: страсть *папийон* вызывает созвучие характеров даже противоположных. Например, *А* и *В* — два человека неуживчивого характера; но из 60 групп, посещаемых *А*, находится $^{11}/_{3}$ — 20, где его интересы совпадают с интересами *В*, где он извлекает пользу из вкусов *В*, хотя и противоположных его собственным. То же самое происходит со вкусами *В* в отношении *А;* таким образом, не любя друг друга, они начинают соблюдать осторожность в своих отношениях, взаимно оказывают друг другу уважение и покровительство.

Следовательно, интерес, который разъединяет друзей в строе цивилизации, объединяет даже врагов в новом общественном строе; он примиряет антипатические характеры благодаря косвенному сотрудничеству, рождаемому сцеплением или переменой функций на коротких сеансах.

Именно в силу этой краткости сеансов, серия хотя бы из 30 человек может вводить своих членов в сотню других серий и образовать с последними узы дружбы и интереса. Мы увидим дальше, что это сцепление необходимо, чтобы достигнуть двух главных целей: 1) справедливого распределения тройного дивиденда, назначаемого капиталу, труду и таланту; 2) совершенного согласия в отношении материальной заинтересованности в силу жадности, которая в настоящее время служит самым обильным источником раздоров.

Значит, именно посредством использования наиболее хулимой философами страсти к перемене — *папийон* — нам удается разрешить все проблемы, над которыми безуспешно ломали свои головы философы. В какое отчаяние придут они при мысли, что они не учли значения коротких сеансов и не приняли во внимание результатов, которые они должны дать!

Нужно, подобно моралистам, быть врагом природы и очевидности, чтобы отрицать потребность в разнообразии, которая, как мы видим, господствует даже в материальных делах. Всякое наслаждение, затягиваясь, надоедает, притупляет органы и ослабляет удовольствие; трапеза, продолжающаяся 4 часа, несомненно причинит вред; опера, длящаяся 4 часа, в конце концов наводит тоску на зрителя. Душа, как и тело, требует разнообразия; недаром у большинства представителей обоих полов сердца чрезвычайно изменчивы.

Каждый мужчина и каждая женщина хотели бы иметь гарем, если бы средства и закон это позволяли. Суровые голландцы, столь нравственные в Амстердаме, содержат в Батавии свои гаремы с ассортиментом женщин трех цветов: белых, негритянок и метисок. Такова тайна морали; это — сплошное лицемерие, приспосабливающееся к обстоятельствам и сбрасывающее маску, как только это можно сделать безнаказанно.

Расы имеют потребность в чередовании и скрещивании

как в царстве растительном, так и в животном. При отсутствии этого разнообразия они вырождаются. Желудки точно так же нуждаются в чередовании: обычное разнообразие блюд облегчает пищеварение, но желудок вскоре отказался бы принимать наилучшие блюда, если бы ему преподносили их ежедневно.

Любая добродетель пресыщает душу, если не чередуется с какой-нибудь другой добродетелью. Ум также требует такого чередования: характеры, находящиеся в сильной мере во власти страсти, называемой *папийон,* чувствуют потребность одновременно заниматься двумя или тремя интригами будь то по линии честолюбия или любви, читать одновременно две или три книги.

Земля и та жаждет чередования посевов и разнообразия плодов: растение хочет чередования воспроизводства — посредством семян, саженцев, отводков и т. д.; почва хочет обновления и переноса земли; значит, вся природа хочет разнообразия; во всем мире только моралисты и китайцы хотят однообразия и монотонности; недаром китайцы являются существами самыми лживыми и наиболее чуждыми заветам природы.

Сами моралисты косвенно санкционируют потребность в разнообразии, суля нам все новые и новые прелести от подчинения их священным доктринам, учащим презирать богатство, любить скуку, плохой стол, постную похлебку и т. д.

Так как три страсти, *кабалист, папийон и композит* наиболее критикуются моралью, являющейся антиподом природы, то надо полагать, что эти страсти играют большую роль в социальном механизме, желательном для природы; они держат руль потому, что именно они играют ведущую роль в сериях, построенных на страстях: механизм любой серии будет извращен, если она не будет благоприятствовать комбинированному действию этих трех страстей, образующих нейтральный род в гамме 12.

Активный род — четыре страсти души, группы.

Пассивный род — пять страстей чувственных.

Нейтральный род — три страсти механизирующие.

Они нейтральны потому, что представляют только игру некоторых из девяти остальных; каждая из трех может развиваться лишь постольку, поскольку она приводит в движение, по меньшей мере, две страсти из 9.

Именно в силу этой причины они ускользнули от внимания аналистов, и ни один из них не удосужился выдать им патент на существование. Мне удалось их открыть только в результате исследования среднего рода, неведомого новейшим народам, но фигурировавшего у древних. В этом вопросе, как и во всяком другом, гений новейших народов все более и более удаляется от путей природы, хотя и гордится своим возвышенным полетом к совершенству.

Заметим, что три нейтральные страсти приводят к цели, к гармонии и к равновесию страстей всеми средствами, которыми пренебрегает мораль. На протяжении настоящего краткого изложения мы увидим, что это равновесие, о котором до сих пор столь напрасно мечтали, рождается в игре страсти папийон, которая предотвращает все излишества, беспрерывно доставляет новые удовольствия — раньше чем человек успеет пресытиться данным удовольствием. Она, значит, приводит страсти к равновесию благодаря обилию удовольствий, а отнюдь не к рассудочной умеренности, ибо она использует два порыва:

кабалист, или рассудительный порыв, и

композит, или слепой порыв.

Без периодического вмешательства страсти *папийон,* или мании порхать от одного удовольствия к другому, обе эти страсти толкали бы людей к крайностям даже в отношении добродетели.

Таким образом, промышленными сериями будут управлять три двигателя, наиболее порицаемые моралью, — два контрастных порыва, умеряемых непостоянством. Таков секрет равновесия страстей; к этому можно будет притти только путями, противоположными нашим бредням об умеренности и холодном рассудке, только путем использования страстей наиболее опороченных, каковы чревоугодие и жадность; в новом общественном строе они наиболее полезны для общей гармонии. Об этом можно будет судить, начиная с третьего раздела, где мы начинаем применять принципы, изложенные в двух первых.

Примечание. Так как эта глава наиболее важная, потому что она содержит определение трех импульсов, которые должны всем руководить, то я счел необходимым дать ей те размеры, которые должна бы иметь любая глава, посвященная столь новому предмету. Все здесь будет бесцветным при отсутствии подробных объяснений. *Sic voluere dii:* так того требует монополия гения, который отвергает всякую новую идею и сводит новую науку к нескольким страницам и в силу принципа:

«Ни у кого не окажется ума, кроме нас и наших друзей».

При всем их уме — достигнут ли они цели, к которой ведет моя теория? *Она стремится сочетать с практикой добродетели четырехкратные успехи — чувств и души, вместо четырехкратных невзгод, обрушиваемых на человека, если он доверится учениям морали.*

ГЛАВА VI

О ТРЕХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВИЯХ МЕХАНИЗМА СТРАСТНЫХ СЕРИЙ

Мы переходим от трех причин, или двигателей, к трем следствиям, которые они должны порождать. Когда какой-либо

пункт доктрины имеет величайшую важность и образует основу неизвестной теории, этот пункт необходимо осветить с различных сторон, чтобы освоить с ним различные умы. Самый правильный метод может потерпеть крушение у некоторых читателей; поэтому нужна здесь предосторожность, усвоенная в математике, где дается доказательство прямое и обратное. Эта глава будет обратным доказательством предыдущей: в ней будет трактоваться тот же предмет, но объясненный в обратном порядке.

Три механизирующие, или нейтральные, страсти играют роль *причин* при образовании серий, построенных на страстях, потому что они во всех направлениях содействуют этому распределению. Они порождают непременно три следствия в каждой страстной серии: следствие страсти *кабалист* — компактная последовательная расстановка групп; следствие страсти *папийон* — краткость сеансов и свобода их выбора; следствие страсти *композит* — разделение труда.

Мы построим доказательства на этих трех следствиях; мы установим, что это — рычаги, которыми должны орудовать эти три страсти; что ни одна из них не может действовать с пользой без применения рычага, с которым она слита. Сначала мы будем итти от причин к следствиям, затем от следствий к причинам.

Я уже говорил о страсти *кабалист* и об ее специальном следствии. В главе V я доказал необходимость *компактного и последовательного* расположения групп для возбуждения духа интриги, зависти и соперничества, вызывающего соревнование между группами. Чтобы толкать их к соревнованию, надо взять под вопрос окончательное суждение, создать нерешительность судей. Если бы нужно было судить о двух группах мало сходных, например, разводящих яблоки ранет и кальвин, то решение о месте, отводимом этим группам, принято было бы без колебаний; но если речь будет итти о двух разновидностях ранет или двух разновидностях кальвин, в таком случае судьи будут колебаться, спорить, прежде чем отдать первенство той или иной из культивирующих их групп. Эти колебания породят зависть, претензии, раздоры и интриги между группами, разводящими эти два соперничающих сорта яблок. Такая борьба служит пищей для страсти, называемой *кабалист;* она основана на претензиях, оперирующих последовательно расположенными малейшими разновидностями и даже тонкостями, но не видами; она требует в сериях мельчайших градаций, возможно более компактных.

Я перехожу ко второму рычагу, к производству работы по отдельным заключающимся в ней *трудовым операциям,* от чего зависит развитие страсти композит.

Распределение работы по отдельным операциям заключается в прикреплении специально подгруппы к каждой мелкой операции в работе, взятой в целом. Возьмем разведение

какого-нибудь цветка, например жонкиль (разновидность нарцисса).

Группа, которая этим займется, должна будет выполнять много функций. Рассмотрим три категории:

по обработке земли — копать, унаваживать, удобрять, смешивать и поливать землю; к каждой из этих функций будут прикреплены отдельные члены группы, а не группа в целом, многие члены которой не обладают склонностью к этим различным трудовым операциям;

по оборудованию и инвентарю, т. е. забота об орудиях труда, об инструменте, о приготовлении и установке навесов (потому что в строе гармонии всякая клумба цветов защищена от солнечного зноя и от ливня), забота о павильоне и о хранящемся в нем рабочем платье. (Каждая группа имеет павильон — убежище близ участка, который она обрабатывает.)

по воспроизводству, т. е. забота о цветочных луковицах, их выдергивание, сортировка, этикетирование и классификация разновидностей, сбор и хранение семян и посев последних.

Наконец, стержневая функция, т. е. заведывание архивами, и вспомогательная функция, т. е. забота о прохладительных напитках.

Вот, по меньшей мере, дюжина различных трудовых операций. Ни один член группы не захочет выполнять все, он согласится только на один или два, максимум на три вида труда; значит, нужно образовать дюжину подгрупп, прикрепленных к каждой из этих частичных функций. Так как промышленное притяжение всегда свойственно частям, а не целому, то можно быть уверенным, что все члены группы почувствуют скуку и отвращение к работе, если будут от каждого из них требовать выполнения всех перечисленных операций. Но в группе, состоящей хотя бы из двенадцати человек, легко можно образовать 12 групп в составе 3, 4 и 5 лиц, страстно увлеченных той или иной отраслью труда и даже несколькими из числа 12.

Исследуем, каким образом производство работы по отдельным заключающимся в ней трудовым операциям является источником энтузиазма и производственной роскоши, развивающей страсть композит.

Каждая из подгрупп сильно увлекается тем видом труда, который она избрала, и в этой работе развивается сообразительность, ловкость, вносимые во всякую привлекательную, любимую работу; в результате этого каждая из 12 подгрупп полагается на остальные 11 по части совершенствования всех других отраслей: каждая говорит остальным 11: мы будем наилучшим образом обслуживать избранный нами участок работы, работайте же тщательно и вы на своем участке, и тогда вся совокупность работы будет выполнена в совершенстве.

Доверие, дружба, очарование будут тем сильнее, чем шире будет применяться разделение труда, при котором каждый прикрепляется к функциям, которые почитает и превосходно выполняет.

Почему в строе цивилизации труд так удручает *даже в случае влечения к нему?* Потому, что хозяин обязан за всем наблюдать. Я часто беседовал с любителями цветов, вынужденными для выполнения тяжелых работ нанимать рабочих, которые крадут семена и луковицы, если им поручают сеять, вырывать и собирать; они не только не проявляют никакого интереса к труду, но и работают медленно, наносят ущерб делу, лишь бы проработать лишний день. Недаром случается, что человек, задумавший разводить цветы или плоды, начинает испытывать к этому делу отвращение; его обманывают, обкрадывают всюду, где он сам не присутствует. Его плохо обслуживают даже те из наемных рабочих, которые имеют хорошие намерения; его земледельческие работы являются для него чашей горечи, не говоря уже о грозящих ему кражах. Известно, что маршал Франции Бирон умер от горя, видя, что все выращенные им фрукты украдены в одну ночь. Таковы прелести цивилизации, способной к совершенствованию; вот приятные удовольствия, сулимые моралью друзьям полевых работ.

Сопоставьте с этим механизмом обманов, именуемым цивилизацией, радости ассоциированного производства на основе разделения труда, в строе, *где воровство и обман невозможны.* Сравните печальную участь агронома цивилизации с удовлетворением, получаемым этими 12 подгруппами, из коих каждая, будучи уверена в превосходном выполнении излюбленной ею части работы, полагается на 11 других в деле доведения всех отраслей труда до той степени совершенства, которой она добилась в своей отрасли. А затем решайте, соответствует ли производство цивилизации природе человека, который справедливо жалуется, что находит в ней только пропасть ловушек и беспокойства, только океан невзгод.

Рассмотрим теперь метод дробного выполнения работ как путь индустриальной роскоши, необходимой для питания страсти композит, или экзальтации, которая не допускает никакой умеренности в удовольствиях.

Каждая из 12 подгрупп, культивируя тот или иной цветок, стремится побуждать другие, доказывая им, что она достойный их кооператор; поэтому она старается придать как можно больше блеска избранной ею отрасли труда, отсюда рождается личная денежная помощь для сообщения пышности каждому виду труда.

Крез является членом подгруппы навесов для грядок с северным лютиком (двух окрасок — в верхней и нижней части). Лукулл состоит членом группы, разводящей крапчатый лютик: оба, в яростной погоне за общественным мнением, чрез-

вычайно хотят придать блеск облюбованному ими цветку. Они производят расходы на покупку пышных навесов из шелковой материи с бахромой, с фестонами и другими украшениями. Фаланга ограничилась бы изящными навесами из полосатого тика, они же хотят иметь великолепные навесы, чтобы иностранец, привлеченный этой роскошью, устремился бы к их грядкам с лютиком и чтобы последние снискали славу царицы цветочных клумб данной местности.

Всякий богатый человек сделает то же самое для подгрупп, где он состоит членом; так народится всеобщая роскошь на земледельческих работах и в мастерских, и, следовательно, производственное очарование выльется в экзальтацию, что необходимо для игры страсти 12-й, называемой композит.

Мне возразят, не каждая индустриальная подгруппа найдет себе Лукулла; в подгруппы сапожников и башмачников Лукуллы не поспешат войти, как они спешат в подгруппы гвоздики или лютика. Это неверно. В дальнейшем читатель увидит, что новому общественному воспитанию свойственно расставлять богатых людей по всем видам труда, лишь бы этот класс был соответственно достаточен по численности и правильно распределен.

Как общее правило, разделение труда сообщает производству двоякого рода очарование: материальное, вследствие пышности, которую оно создает в каждой отрасли, и духовное, в силу энтузиазма, который оно порождает в каждой подгруппе, которая в восторге оттого, что она избавлена от целого ряда операций, связанных с работой, которой она занимается, и что эти операции выполняются искусными товарищами.

Зачастую отдельная производственная операция обособляется в целую отрасль: если данная группа не выделит достаточного числа членов для выполнения какой-то трудовой операции, например, для установки навесов, то можно, черпая работников в ряде групп или серий, собрать воедино массу людей, страстно увлеченных этой работой, с тем чтобы они выполняли ее для различных групп цветоводов.

Не будь отдельных трудовых операций, группы не наслаждались бы тождествами вкусов; ведь из 12 человек, питающих страстное влечение к разведению гвоздики, ни один не будет иметь склонности к 12 различным операциям, содержащимся в этой работе, и потому среди участвующих в ней членов возникли бы раздоры, не будь разделения труда. С другой стороны, и прелести контраста не существовало бы между двумя группами, не будь они энтузиастами своей работы: очаровательны только контрасты гармонии, отнюдь не контрасты разлада.

Значит, разделение труда является средством возвеличения страсти *композит,* или экзальтирующей, и обеспечения ей полного развития. Порыв этой страсти зиждется на разделении

труда, как порыв страсти *кабалист* на компактной последовательной расстановке групп, доведенной до мельчайших разновидностей.

Я доказал, что два рычага, называемые *компактная последовательная расстановка и разделение труда,* будучи приложены к сериям свободных групп, обеспечивают в них полноценное развитие двух страстей — *кабалист* и *композит.* Мне остается доказать, что третий рычаг — *короткие сеансы по выбору,* будучи применены к сериям свободных групп, обеспечивают размах страсти *папийон.*

Если предположить, что каждый отдельный человек имеет свободу выбора этих коротких сеансов, то чем короче и многочисленнее они будут, тем легче будет достигнуть равновесия страстей и оградить от эксцессов.

Вот почему в ассоциации богатые сильнее и крепче бедных: они имеют больше возможностей менять, разнообразить свою работу, посещая до тридцати сеансов в течение дня, ограждать себя от пресыщения с помощью *сочетания* или совмещения многочисленных удовольствий в одном и том же сеансе. Таких наслаждений нет у богатого при цивилизации.

Короткие сеансы в группах обеспечат быстрое развитие страсти *папийон* только в том случае, если удовольствия не будут связаны ни с каким риском и частая перемена работ сможет содействовать здоровью и величайшему благополучию каждого.

Резюмируя сказанное, приходим к заключению, что три органических импульса серий:

страсть *кабалист,* или рассудочный порыв,

страсть *композит,* или слепой порыв,

страсть *папийон,* или мания разнообразия,

настолько идентичны с тремя рычагами — компактной последовательной расстановкой групп, разделением труда и короткими сеансами по выбору, что можно с таким же успехом обосновать теорию импульсов или рычагов, потому что одно порождает другое: действие этих шести двигателей в страстной серии нераздельно.

Рассматривая три импульса как *причины* и три рычага как *следствия,* можно двумя способами проверить правильность серии, потому что внимательное исследование ее механизма должно выявить три действующие причины, приводящие к трем следствиям, и три следствия, вызванные действием трех причин.

Это — двойной метод проверки; чтобы удостовериться, правильно ли построена производственная серия как под углом зрения теории, так и под углом зрения практики, каждый должен выбрать один из этих двух пробных камней: достаточно, если в серии можно обнаружить три действующие причины, — можно быть уверенным в наличии там трех следствий, и *обратно.*

Так как теория ассоциации опирается только на искусство приводить в комбинированное движение эти три механизирующие страсти, призванные всем управлять, то необходимо их как можно полнее изучать. Ниже я добавляю некоторые подробности.

Наши моралисты порицают дух интриги, между тем как экономисты и литераторы только и делают, что стараются во всех отраслях производства или потребления его возбуждать, разнообразя моды, обсуждая спорные вопросы вкуса живописи, поэзии и т. д., а также тонкости искусства, неуловимые для простого народа. Именно посредством градации этих деликатных оттенков серия, построенная на страстях, может наэлектризовать два десятка групп и заразить их этим утонченным коварством — от потребителей до производителей; по окончании коротких сеансов она расставляет каждого из своих членов: от потребления они переходят к участию в производственном труде и вносят туда партийный дух, которым они проникнуты.

Наши промышленные компании на молебнах при открытии деятельности просят святого духа оградить их от коварных замыслов, сделать всех их братьями, с одними и теми же взглядами. Это значит предлагать святому духу устроить бунт против бога; потому что, уничтожив страсть к интриге, святой дух разрушил бы страсть, которую бог создал, чтобы оперировать на разногласиях, которую должна содержать всякая правильно расставленная серия. Вот почему утешитель отнюдь не поддается на их просьбу, оставляет страсти в том состоянии, в котором их создал бог.

Недаром по окончании молебна делегаты, далекие от того, чтобы солидаризироваться во взглядах, начинают организовывать заговорщические комитеты и прибегают к интригам и происка партийного духа. Таков всегдашний результат этой безрассудной молитвы, где люди предлагают святому духу подражать философам и постараться изменить божеские законы в отношении использования страстей.

Страсть *композит* столь имманентна человеческой природе, что люди презирают всякое существо, которое имеет склонность к простым удовольствиям, которые ограничиваются одним видом наслаждения. Пусть человек имеет восхитительный стол только для себя и никогда никого не будет приглашать, он будет осыпан вполне заслуженными насмешками. Если же он собирает у себя хорошо подобранную компанию и если она сочетает у него за столом чувственные удовольствия с душевными, то здесь благодаря этому царствует дружба, его будут восхвалять, потому что его банкеты являются удовольствием *сложным, а не простым.*

Честолюбие похвально лишь постольку, поскольку оно приводит в действие два органических импульса этой страсти: интерес и славу. Оно низменно, если имеет побудительной

причиной только один интерес; оно является предательской иллюзией, если стремится только к славе. Значит, нужно подниматься от простого к сложному, добиваясь одновременно интереса и славы. Любовь прекрасна лишь постольку, поскольку она представляет сложное чувство, соединяющее двойное очарование чувств и души; она становится пошлой и обманчивой, если ограничивается одним из этих удовольствий.

Страсть *папийон* приводит к равновесию между телесными и духовными способностями, что является залогом физического здоровья и развития ума. Только она может создать то всеобщее доброжелательство, о котором мечтают философы; поэтому, если участники какой-нибудь работы рассеяны в сотне других групп, то в силу этого состояния получается, что каждая группа имеет друзей во всех других группах. В механизме строя цивилизации мы наблюдаем как раз обратное: каждая профессия равнодушна к интересам других профессий, а часто даже враждебна им.

Страсть папийон является мудростью с оттенком сумасшествия; то же самое можно сказать о двух других страстях.

Эти три страсти чрезвычайно активны у детей, у нейтрального пола, который, будучи лишен двух страстей, называемых *низшими сердечными* страстями, половой любви и отцовской любви, с большим увлечением отдается трем механизирующим страстям: поэтому мы видим, что дети склонны к *интриге*, к *экзальтации* и к *непостоянству* даже в играх, которые никогда не продолжаются свыше двух часов без перемен. Именно согласно этой склонности детей работа серии будет лучше организована среди них, чем среди отцов.

Я должен был с достаточной полнотой определить эти три страсти и употребляемые ими три рычага, дабы предупредить произвольные приемы при основании ассоциации. Для каждой индустриальной серии мы имеем две категории правил, каждая по три; соблюдение их нужно проверять; и всякое нарушение одного из шести правил сделает серию подозрительной, подобно золоту, которое при испытании оказывается низкопробным. Такая проверка покажет, что все ассоциации, образуемые в Англии и в Америке, в высшей степени порочны, потому что им неизвестны ни образование, ни употребление страстных серий, равно как и шесть правил, соблюдение которых необходимо при формулировании серий, которое есть первый акт на пути нового общественного механизма.

Остается объяснить, в каком смысле серии, построенные на страстях, коллективно стремятся к единству действия, которое является целью бога как в социальном, так и в материальном движении.

Страсти разделяются на три разряда: активный, обнимающий четыре сердечные страсти, пассивный — пять чувственных, и нейтральный — три механизирующих, действие которых выражается в комбинированном развитии двух других раз-

рядов; они оперируют в духе единства, ничему не препятствуя, и развивают все три разряда страстей в полном согласии.

Мораль, напротив, стремится посеять вражду среди страстей, она хочет, чтобы страсти душевные заглушали чувственные побуждения, чтобы рассудок угнетал душевные страсти и чтобы нейтральные страсти вовсе были устранены. Значит, мораль стремится заглушить или сталкивать между собой три разряда страстей, принести одни в жертву другим, вместо сочетания их в общем развитии, свободном для всех, откуда рождалось бы единство действия.

Так как система философии устанавливает только разногласия, препятствия и конфликты в игре страстей, то она представляет собой двойственность действия во всех отношениях; она является противоположной единству и должна дать результаты, обратные тем, которые дает единство; последнее могло бы нам доставить сложное, но не простое счастье: счастье чувств и души одновременно; мораль же, которая приводит страсти в состояние конфликта между собой и приносит одну в жертву другой, создает только сложное несчастье, а не простое; несчастье чувств и души у огромного большинства.

Недаром справедливый человек, который в новом общественном строе приобрел бы и богатство и честь, в строе философии или цивилизации пожинает только бедность и клевету. Этот результат вызывает возмущение, но он будет признан весьма нормальным, когда станут известны законы социального движения; так как бог предоставляет нам свободу выбора между его заповедями и законами философов, то мы должны ожидать от человеческих законов результатов, совершенно противоположных тем, которые вытекают из божеских законов, т. е. двойного счастья для злых и двойного несчастья для добрых: таково постоянное следствие цивилизации, или философского режима.

Бог, как и мы, оплакивает это состояние расстройства, неизбежное в первые века существования земного шара; он нам всегда предоставляет свободу выйти из него: притяжение, которое нам разъясняет его общественный кодекс, беспрестанно дает себя чувствовать; мы всегда можем легко исследовать его импульсы, определить его механизм и организовать режим страстных серий, куда ведет нас притяжение.

ГЛАВА VII

О ЛОЖНЫХ СЕРИЯХ. КОРРЕКТИВЫ, КОТОРЫЕ НУЖНО В НИХ ВНЕСТИ

После правил, изложенных в главах V и VI, следовало бы дать некоторые приложения или примеры извращенных серий; *дать какографии, построенные на страстях,* которые по-

могли бы читателю различать, в каких случаях серия, построенная на страстях, отвечает требованию — создавать производственное притяжение и в каких случаях серия бывает извращена, неуравновешена и нуждается в коррективах.

Чтобы хорошо понять точный метод, нужно изучить ложный.

Я приготовил примеры в двух следующих сериях *A* и *B*, из которых каждая содержит 7 групп, разводящих груши.

Серия A, *чрезвычайно извращенная*

Верхнее крыло груши хрустящие	Группа желтой осенней груши. » груши костянки.
Центр груши тающие	Группа белых бер. » серых » » зеленых пятнистых бер.
Нижнее крыло груши мучнистые	Группа груш бонкретьен. » » русслет.

Группы	Серия B, *менее извращенная*
Верхнее крыло 1, 2;	разводящие 2 сорта белой беры.
Центр 3, 4, 5	» 3 » серой »
Нижнее крыло 6, 7	» 2 » зеленой »

Нужно было бы объяснить, в каком случае эти серии нарушат или будут соблюдать правила *соперничества, экзальтации и сцепления,* изложенные в главе V, и правила *компактной последовательной расстановки групп,* коротких сеансов и разделения труда, изложенные в главе VI. Нужно было бы объяснить, каким образом серия *B* приблизится к этим правилам, которые совершенно нарушены серией *A;* каким образом эта серия *A* будет лишена четырех импульсов симпатии, вытекающих из тождества, контраста, специального совершенства и коллективного совершенства.

Чтобы точно разработать этот предмет, нужна была бы глава такого же размера, как предыдущие пятая и шестая; последующие главы потребовали бы еще большего размера. Между тем критики, уважаемые и заслуживающие доверия в подобном вопросе, требуют чрезвычайной краткости изложения — не свыше 300 страниц, под угрозой, что книгу не будут читать. Приходится, таким образом, ограничиться указанием только предметов, которые следовало бы разрабатывать. Касаться их слегка значило бы посеять сомнения вместо того, чтобы дать разъяснения. Рассуждения, содержащиеся в главе, которую я опускаю, имели целью доказать: что во всякой индустриальной серии, расположенной по видам, каковой была бы серия из 12 групп, культивирующая 12 видов луковичных цветов: тюльпан, лилию, жонкиль, нарцисс, туберозу, ирис, далию и т. п., имеется пробел по части разлада; что нужно расставлять группы серии, по крайней мере, по разновидностям и предпочтительно по мельчайшим оттенкам и признакам; что никогда нельзя располагать группы по видам

и еще того менее по родам, так как разновидности являются признаком градаций, откуда рождается диссонанс.

Я уже установил этот принцип, рассуждая о компактной и последовательной расстановке групп; единственно она может породить ученые споры, упорство партий и соревнование, отсюда вытекающее. Надо довести смежные группы серии до того, чтобы они считали друг друга лже-умниками, профанами, еретиками, людьми, лишенными и вкуса и здравого смысла. Вышеуказанная серия *B* приблизилась бы к этому состоянию упорного раздора, между тем как серия *A* насаждала бы только апатию и братство. Серия *A* не возбуждала бы никакого интереса в других сериях; серия *B* имела бы со всех сторон единомышленников, которые вмешивались бы в ее интриги. Она была бы сцеплена интригой со всей массой фаланги, она имела бы связь, которую серия *A* не могла бы создать. Последняя имеет тот недостаток, что охватывает культуру области, а не кантона, потому что почти никогда не встретишь кантона площадью в квадратную милю, с почвой, пригодной для разведения трех родов груш — хрустящих, тающих и мучнистых. Природа разнообразит качество почвы на участках, удаленных друг от друга на 1, 2, 3 мили; поэтому серия, которая пожелает культивировать эти три рода груш, рискует потерпеть неудачу в отношении двух родов и быть искаженной вследствие недостатка притяжения и энтузиазма.

Напротив, серия, которая охватывает только один род груш или даже половину этого рода и которая совершенствует в нем разновидности и малейшие оттенки, возбуждает энтузиазм в соседних кантонах, как и в своем кантоне; она достигает внутреннего и внешнего сцепления посредством интриг.

Это правило противоположно методам цивилизации, где каждая провинция, каждая деревня хотела бы иметь ассортимент всех видов и обходиться без покупки у соседей. В строе гармонии руководствуются совершенно противоположным принципом: кантон предпочитает ограничиваться одним видом груши или картофеля, разрабатывать 20 разновидностей этих плодов и овощей, поставлять 20 возов их соседним кантонам и получать от них в свою очередь 20 возов других видов, которые на его участке не могли бы быть доведены до совершенства, необходимого для механизма страстного влечения. Добавим, что в новом общественном строе нечего опасаться торговых обманов, которые теперь затрудняют обмен и вынуждают каждого разводить 20 видов овощей или плодов, чтобы предохранить себя от сношения с недоброжелательными и нечестными соседями.

Я сказал, что те, кто попытается без меня основать опытную фалангу, допустят тысячи ошибок по части расстановки групп в своих страстных сериях; они поступят неправильно в 9 из 10 случаев, воображая, что следуют буквально моим пра-

вилам. Так, серия *A*, которая с первого взгляда кажется чрезвычайно правильной, на самом деле является скопищем всех пороков:

ее центр не имеет связи с двумя крыльями;

каждое крыло состоит из слабой некомпактной лестницы в отношении расстановки групп;

каждое подразделение апатично за отсутствием раздоров.

Я в ней насчитал бы еще много других пороков, хотя центр и хорош, если его рассматривать изолированно.

Серии, расположенные таким образом, образовали бы только какофонию, а отнюдь не гармонию, построенную на страстях. Они не только были бы лишены индустриального притяжения, но и имели бы совершенно неправильный механизм распределения. Эти неудачи побудили бы людей упрекать изобретателя, говоря, что его теория — нелепость. В V и VI главах я дал по части распределения чрезвычайно точные правила; необходимо здесь добавить какографии, чтобы приучить изучающего этот вопрос к полному приложению метода. Если последний применяется неполно, то весь индустриальный механизм может быть лишен соперничества, экзальтации и сцепления.

Главный порок серии *A* — это отсутствие разлада между смежными группами: виды 1, 2, 6, 7 не имеют соперничества с центром, который, со своей стороны, не имеет соперничества с ними. Весь механизм соперничества и соревнования разрушается, если расстановка групп недостаточно компактна. Укажем лекарство от этого порока, средство восстановления компактности, которая не допускает никакой лестницы видов.

Допустим, что в одной фаланге вкусы проявляются таким образом, что приходится образовать серию *A*. С этим нужно будет мириться, как бы порочна эта серия ни была, потому что никогда не следует препятствовать порыву притяжения. Но искусство придет на помощь природе, и, чтобы привести эту серию к компактности, руководящее собрание, или ареопаг фаланги, исследует сначала, какой из пяти видов культивируемых серий наилучше подходит к данному участку.

Допустим, что это вид хрустящей груши, называемой берой; нужно будет действовать таким образом, чтобы показать преимущества этой культуры, не противодействуя ничьему притяжению. Значит, будет объявлено, что четыре вида груш, относящиеся к крыльям серии, не подходят для данного участка, не могут прославить кантон и фигурировать на его гербовом щите[1]. Они будут *находиться в тени* и должны будут

---

[1] В строе гармонии гербовые щиты не столь маловажны, как у нас: они являются эмблемой промышленных средств и славы, которой пользуется фаланга; они представляют ее естественные и искусственные богатства.

Цивилизация, всегда безрассудная, выбирает гербы, лишенные смысла: проходящий лев, крест, развороченное песчаное поле и прочий вздор,

носить на знамени знак полутраура в виде фиолетового крепа с серебряной бахромой, указывающей на неодобрение кантона.

В то же время будут приложены усилия, чтобы организовать полную серию по грушам бер. подобную серии *B*, чтобы поднять ее к 10, 12, 15-й группам, и если возможно, организовать вторую серию по тающим грушам, сорта бези или других сортов, с тем чтобы полностью разрабатывать род груш там, где он может достигнуть превосходства.

Что касается четырех групп, находящихся в тени, если они дадут удовлетворительные груши, они будут присоединены как гибридные ветви к сериям их вида, которые они будут успешно разрабатывать в других кантонах.

Во всех суждениях о видах, которые надлежит оставить в тени, пристрастие не может иметь места, потому что фактически судьей будет вся область в целом, поскольку она обнаружила готовность или безразличие к заказам на тот или иной продукт. Сорта, которые находят мало покупателей или не находят их вовсе, очевидно, являются второстепенными и должны по праву оставаться в тени.

Следуя по этому пути, всякий кантон сможет ограничиться теми видами, в которых он достигнет превосходства культуры или производства, и не будет заниматься теми видами продукции, которые он мог бы выпускать лишь среднего качества. Эти продукты он будет брать ассортиментом, подобным серии *B*, в кантонах, которые дают этот продукт превосходного качества. Этим кантонам он будет в свою очередь продавать в подобном ассортименте те продукты, в производстве которых он достигнет наибольшего совершенства.

Все эти поставки будут делаться в постепенном и компактном ассортименте по оттенкам. Фаланга не продает тысячи квинталов зерна одного и того же качества, она продает тысячи квинталов, отличающихся последовательно пятью, шестью, семью важными оттенками, проверенными при хлебопечении; эти оттенки зависят от почвенных условий и методов обработки земли.

В отношении незначительных предметов питания следует сказать, что фаланга никогда не будет продавать всю партию продуктов одного и того же сорта; с коммерческой точки зрения правильно отпускать последовательный ассортимент разновидностей, потому что потреблять нужно по сериям качеств, дабы установить между производителями хорошо заинтригованные серии. Нужно правильно связать потребление с производством, применить к обоим идентичный механизм. Этот порядок вещей будет объяснен в последующих разделах.

В строе ассоциации каждый кантон будет производить наилучшие съестные продукты, но каждому придется обра-

---

достойный общества, которое во всех отношениях является только хаосом безрассудства и лжи.

щаться за покупками к 20 соседям, вопреки обычаю, существующему в строе цивилизации.

Торговля с соседями в строе гармонии по меньшей мере в сто раз превысит нашу торговлю, потому что в отношении каждого вида овощей, репы, капусты фаланга получит десять поставок от десяти соседних фаланг, у которых она возьмет десяток заказов на известные сорта капусты, посылая им такие же грузы той капусты, в производстве которой она достигнет совершенства и которые она будет отпускать в постепенной последовательности вкусов. Эта огромная торговля установится только относительно высококачественных продуктов; посредственные сорта не найдут покупателей, потому что их употребление нарушило бы механизм индустриального притяжения, нарушило бы три правила соперничества, экзальтации, сцепления.

Такой механизм прямо противоположен тому, чем является наш мир навыворот, наша цивилизация, неспособная к совершенствованию, где всякое промышленное движение идет наперекор вышеуказанным трем правилам. Недаром у нас съестных припасов плохого качества в двадцать раз больше и расходятся они легче, чем хорошие, за которые никто не хочет платить надлежащую цену и даже не умеет отличить от плохих. Мораль приучает цивилизованные народы есть без разбора хорошее и плохое. Эта грубость вкусов служит опорой обмана в торговле и сельском хозяйстве. Судить об этом можно, сопоставив два механизма — ассоциации и цивилизации.

ГЛАВА VIII

О ВИДАХ И О СИЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ

В дополнение к элементарным понятиям рассмотрим степени индустриального притяжения и формы его употребления. Этих степеней всего три: притяжение прямое, или сходящееся, косвенное, или смешанное, обратное или расходящееся и ложное.

1. Притяжение будет *прямым,* когда оно рождается из самого предмета, на который оказывает влияние какая-либо человеческая деятельность. Архимед, изучая геометрию, Линней, изучая ботанику, Лавуазье — химию, работали отнюдь не ради наживы, но в силу плзменной любви к науке. Принц, культивирующий гвоздики и апельсиновые деревья, принцесса, воспитывающая чижей и фазанов, работают отнюдь не из жадности, потому что это занятие потребует больше расходов, чем даст дохода. Значит, они страстно увлечены самим предметом, самим занятием. В этом случае притяжение является прямым или сходящимся с трудом; этот вид притяжения будет господствовать в $^{7}/_{8}$ общественных функциях, когда серии, построенные на страстях, будут методически образованы.

Большинство животных и растительных домашних видов могут в строе ассоциации возбуждать прямое притяжение; оно сможет иметь место даже в отношении свиньи, когда промышленные серии будут хорошо заинтригованы.

2. Притяжение будет только *косвенным,* когда оно исходит от постороннего для данной деятельности средства — из приманки, достаточной, чтобы преодолеть отвращение, не преследуя наживы. Таково положение натуралиста, которому приходится иметь дело с отвратительными пресмыкающимися и с ядовитыми растениями: он не любит этих гадких животных, о которых он заботится, но научное рвение и страсть к предмету дают ему возможность преодолеть отвращение, даже не будучи заинтересованным в доходе. Это косвенное притяжение присуще функциям ассоциации, лишенным специальной привлекательности; они образуют $^1/_8$ всех работ фаланги.

3. Притяжение *расходящееся,* или ложное, — это то, которое находится в разногласии с производством и намерением; это положение, при котором рабочий движим только потребностью в самом необходимом; когда в силу кабальных условий или моральных соображений он не испытывает ни радости, ни вкуса к своему труду, ни косвенного энтузиазма.

Этот род притяжения, недопустимый в сериях, построенных на страстях, является, однако, единственным, который умеют создавать политика и мораль. Именно оно господствует при цивилизации в $^7/_8$ работ. Они ненавидят свой промысел, он является для них альтернативой голода или скуки, пыткой, на которую они идут медленным шагом, задумчивые и удрученные.

Всякое расходящееся притяжение вызывает реальное отвращение, создает состояние, в котором человек вынужден подвергать себя наказанию, сожалея об этом. Новый общественный строй несовместим с этим третьим родом притяжения; здесь, даже в наиболее отталкивающих занятиях, какова очистка сточных вод, должно быть достигнуто, по меньшей мере, косвенное притяжение; должны быть пущены в ход импульсы, свободные от закабаленности, импульсы благородные, как дух корпорации, религиозный дух, дружба, человеколюбие и т. д. Значит, нужно будет совершенно изгнать из товарищеской фаланги расходящееся притяжение, труд, основанный на насущнейшей потребности, на крайней необходимости.

Проведем здесь параллель между видами и силами индустриального притяжения в двух режимах.

Строй цивилизации представляет: $^1/_9$ косвенного притяжения, $^7/_9$ притяжения расходящегося, пассивного отвращения, $^1/_9$ активного отвращения, или отказ от промышленной деятельности со стороны богатых, праздных людей, мошенников, нищих и т. д.

Анализ режима нового общественного строя (sociétaire) представит: $^1/_9$ притяжения косвенного, $^7/_9$ прямого притяже-

ния, $^1/_9$ застоя, вызванного болезнью, нетрудоспособностью, старостью, младенчеством, но отнюдь не какими-либо склонностями.

Прямое притяжение, таким образом, распространится на огромное большинство работ, а косвенное — на все остальные; последнее тут будет еще чрезвычайно сильным и равным наиболее пылким притяжениям, которые нам известны.

Приманка заработка, которая у наемного рабочего возбуждает только расходящееся притяжение, выбор, на худой конец, между голодом и скукой, будут часто благородным импульсом в ассоциации. Зайдет ли речь о срочном, но игнорируемом изобретении, каково средство, предохраняющее от дыма, — сосьетарный строй сумеет сочетать две приманки — жадность и славу. Допустим, что назначена награда в 10 франков за открытие бездымного способа. Тот, кто разрешит эту задачу, получит со стороны всего земного шара сумму в 5 миллионов франков, распределяемых между 500 тысяч фаланг, которые сможет образовать нынешнее население земного шара. Изобретатель получит также диплом магната всего земного шара, дающий право повсеместного пользования почестями, связанными с этим рангом. (Каково ослепление этих ученых, враждебных теории ассоциации, которая поднимет их на ступень огромного богатства!)

Богатство будет колоссальным даже в самых незначительных отраслях, потому что, если какой-либо пустяк, ода или симфония, вознаграждается двумя су согласно голосованию большинства 500 тысяч фаланг земного шара, то автор получает удостоверение от конгресса сферического единства. Снабженный этой бумагой, он представляет в Константинополь (естественное местопребывание конгресса) переводный вексель на 50 тысяч франков. Он может в течение года несколько раз получать такую сумму и даже еще бо́льшую. Допустим теперь, что автор хорошей драматической пьесы присужден к награде в один франк; это составит для автора 500 тысяч франков наличными плюс выручка от продажи экземпляров, по крайней мере, по 10 на каждую фалангу, что составит 5 миллионов экземпляров, без допущения обмана или подделки. Если установить автору по 4 су с экземпляра, то это составит еще один миллион франков. А всего полтора миллиона франков дохода от хорошей пьесы, трагедии или комедии с гарантией, что рассмотрение, принятие и представление не будут отсрочены ни на мгновение и что никакая интрига не сможет помешать правильности суждения.

Я беру на себя смелость утверждать, что корпорация ученых вскоре сама заявит, что она была в состоянии умопомешательства, когда она отвергла теорию ассоциации, более желательную для ученых, чем для всякого другого класса цивилизованных людей.

Второй вид притяжения, притяжение *косвенное,* которое в сосьетарном строе будет употребляться только редко, может еще доставить могучее средство; вот один такой пример.

В 1810 г. в Льеже угольная шахта была затоплена, и 24 рабочих остались под землей без пищи. Чтобы их своевременно освободить, нужно было в очень короткий срок выполнить значительные подземные работы: все их товарищи с горячностью взялись за дело, наиболее сильные добивались превосходства над другими, считая это для себя делом чести; и в четыре дня была выполнена работа, которую наемные рабочие вряд ли сделали бы в двадцать дней. Поэтому сообщения гласили: *То, что было сделано в четыре дня, невероятно,* и это было сделано не вследствие денежной заинтересованности; рабочих оскорбляло упоминание о деньгах для поощрения их к усиленной работе и спасению товарищей, находившихся под землей.

Очевидно, труд, неприятный сам по себе, как подземная работа шахтеров, может стать *косвенно привлекательным,* если он поддерживается благородными побуждениями. Такова способность, которой пользуются серии, построенные на страстях. Они создают большое количество косвенных притяжений, которые, по меньшей мере, равны по силе прямым притяжениям: о них читатель сможет судить по параграфу *Маленькие орды.*

Приведу еще один пример косвенного притяжения. При взятии Магоны (Mahona) французские солдаты карабкались по столь отвесным скалам, что маршал Ришелье, не понимая, каким образом они смогли подняться, хотел на следующий день повторить этот штурм в виде парада. В спокойном состоянии солдаты не смогли вскарабкаться на эти скалы, которые они накануне одолели под неприятельским огнем. Между тем их побуждала не надежда на грабеж, потому что в крепости нечего было грабить: это был корпоративный дух, слепой порыв, который масса, страстно увлеченная, сообщает каждому из своих членов. В этом случае соучастники творят чудеса, невероятные для них самих. (Следствие 12-й страсти, *композит,* или экзальтирующей.)

Люди видели столько подобных примеров, что прекрасное свойство косвенного притяжения должно было, наконец, привлечь к себе их внимание. Наш век, увлеченный индустриализмом, должен был бы объявить конкурс на исследование средств применения в промышленности одного или другого из двух видов притяжения: прямого и косвенного, порождающих чудеса. Животные, занимающиеся промыслами (бобры, пчелы), получили от природы дар *прямого* притяжения к своему промыслу; не имеет ли природа в резерве некоторые средства, чтобы сообщить человеку способность производственного притяжения, свойственного животным?

Здесь нужно повторить сказанное выше: философия поучает нас, что *не нужно полагаться на природу, ограниченную известными средствами.* Значит, эта природа может иметь неведомые нам средства, чтобы ввести притяжение в промышленную практику; но где искать этих средств? И в этом опять философия нас поучает, приказывая — «полностью исследовать область науки, считать, что нет ничего законченного, покуда остается еще кое-что сделать». В исследованиях же притяжения все нужно сделать сначала — как в отношении анализа, так и в отношении его применения. Этот труд еще не начат и никем не замышлен, даже не было сделано предварительного разграничения между тремя видами притяжения, которые я только что определил. Это предмет, изучению которого философия упрямо препятствует. А между тем, как разрешить проблему внедрения прямого и косвенного притяжения в промышленное производство, если мы не хотим изучать притяжение посредством анализа и синтеза?

ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕРВОМУ РАЗДЕЛУ

ГЛАВЫ ОПУЩЕННЫЕ

Я тут рассматривал восемь элементарных предметов, а опустил, по крайней мере, вдвое или втрое больше. Этот пробел легко заметить. Например, с первых же строк раздела мы находим таблицу четырех групп, подразделенных на две старшие и две младшие. По этому поводу читатель скажет: «Что означает этот научный жаргон «старшие и младшие группы»? Говорящие так не знают, что для объяснения этого потребовалась бы обширная глава, а затем еще глава, чтобы классифицировать эти четыре группы по две: на сложные и простые, для указания признаков, мотивирующих такое подразделение.

На это возразят: «изложите нам ваши мысли кратко». Я соглашаюсь, чтобы показать, что чрезмерная краткость затуманивает новый предмет, вместо того чтобы дать о нем удовлетворительные понятия. Попробуем.

Различие между старшим и младшим зависит от влияния двух начал — материального и духовного, называемых *телом и душой.* Группы семьи и любви относятся к младшему порядку, потому что материальные начала здесь господствуют, в особенности в группе семьи, которую крепко гнетет материальное, потому что невозможно порвать кровные связи, сменить родителей, как меняют друзей, любовь, товарищей. Значит, семейная группа не свободна; вследствие этой вечной цепи она страдает изъяном в механизме страстей и может приносить пользу только при постепенном уничтожении ее антисоциального характера — эгоизма, который побуждает отца жертвовать обществом ради семьи, считая все дозволенным там, где задеты интересы жены и детей.

Группа любви, хоть и сильно подчиненная материальному началу, не является, однако, его рабой; духовное начало иногда господствует в любовной связи, как это бывает в тех случаях, когда человек покидает очень красивую любовницу, чтобы сменить ее на некрасивую, ум и качества которой его пленили. Таким образом, эта группа, не находящаяся под исключительной зависимостью материального начала, благороднее другой, младшей.

Группа честолюбия, или корпоративная связь, имеет доминантой славу и интерес. На нее действует богатство, или производственный фактор, более благородный, чем телесный. В силу этой причины, а также любви к славе, эта группа принадлежит к мажорному ладу, где господствует начало духовное.

Группа дружбы почти полностью свободна от материальных дел, не считая производственных отношений; она вся относится к духовному началу. Значит, она входит в мажорный лад (см. о 8 элементарных импульсах четырех групп; I, 389).

Я называю *сложными* две группы — честолюбия и любви, потому что *в сериях, построенных на страстях, а не в цивилизации,* они имеют свойство развивать прямое равновесие двух начал — материального и духовного, поддерживать правильное колебание импульсов души и чувств, открывая в то же время простор их развитию.

Две другие группы являются простыми потому, что могут достигнуть равновесия чувств и души только косвенным путем; нужно, чтобы одна прониклась материальным началом (см. раздел IV, Маленькие орды), от которого она слишком оторвана, а другая отрешилась бы от материального начала, которому она слишком рабски подчиняется (см. раздел V). Значит, эти две группы достигают гармонии только косвенным путем, или путем коренного изменения их характеров.

Два вышеозначенных определения оставляют желать многого, они только слегка касаются пунктов доктрины, нуждаются в пространных комментариях; они затемняют предмет вместо того, чтобы его объяснить; они дают повод для критики скептикам и придирчивым спорщикам; чтобы избежать этой неприятности, я часто буду опускать или затрагивать лишь слегка тот или иной вопрос. Не потому, что я затрудняюсь дать все требуемые разъяснения; проблемы гармонии я могу осветить в 10 раз лучше, чем этого требуют возражения; но я должен избегать того, что могло бы нас преждевременно завлечь в область теории. Что касается кратких изложений, на которые имеется спрос, то я только что доказал, что они могут лишь породить сомнения, вместо того чтобы внести ясность.

Чтобы должным образом осветить это двойное подразделение групп на *мажорные* и *минорные, сложные* и *простые,* нужно было бы дать, по меньшей мере, две главы, размером равные пятой и шестой главам, и столько же о каждом кон-

трастном свойстве четырех групп, например, свойстве увлечения. Когда речь будет итти о том, чтобы мужественно встретить опасность в случае войны или пожара, окажется, что эти четыре группы подчинены совершенно различным влияниям.

Группа дружбы: все смущенно выступают;
« честолюбия: высший увлекает низшего;
« любви: женский элемент увлекает мужской;
« семьи: низший увлекает высшего.

(См. I, 387, Контрасты групп в относительном влиянии на тон и на критику.) Исследование каждого из этих предметов необходимо для изучения групп и обязывало бы к длинным рассуждениям о сравнениях и о контрастах, целое же должно было бы быть подкреплено приложением свойств четырех конических секций, являющихся типами четырех групп.

Оставляя в стороне эти проблемы, я ограничусь напоминанием, что притяжение страстей, которое принимается за шутку, является необозримой и геометрической наукой; а так как публике угодно иметь только чрезвычайно краткий очерк ее, то следует, в деле выбора материала, положиться на единственного человека, в течение тридцати лет обозревавшего этот новый научный мир. Желаемое краткое изложение достигнет цели, если оно приведет читателей к признанию невозможности поверхностно изложить столь обширную науку, которой я собирался посвятить не краткое изложение, а девять больших компактных томов: два из них опубликованы в 1822 г. и предназначались для предварительного ознакомления с различными отраслями и для зондирования общественного мнения о размерах, которых надо придерживаться для каждого тома. Вместо того чтобы помочь мне уяснить это, меня осыпали оскорблениями — обычная награда изобретателей, особенно во Франции.

Я ограничусь необходимой документацией для предварительного опыта с домашней и земледельческой ассоциацией. Когда этот опыт будет сделан, публика признает важность этой новой науки и будет сожалеть о том, что упустила возможность ознакомиться с ним. Наш XIX век следует в этом отношении по пятам XV века, который решился поверить в существование нового материка лишь после того, как Колумб вернулся с самородками золота и с краснокожими дикарями. Это обращение в новую веру или возвращение на путь добра, когда грех уже невозможен, обычны для современной цивилизации; она будет отрицать *новый промышленный мир* до последнего мгновения! Но не беда: ведь достаточно будет маленького комитета основателей, чтобы произвести внезапно всемирное превращение: pauci, sed boni. («лучше меньше, да лучше»).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОПЫТНОЙ ФАЛАНГИ

ТРЕТЬЕ СООБЩЕНИЕ

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

ГЛАВА IX

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ И ПЕРСОНАЛА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПРИЕМ И УСТРОЙСТВО

Я должен с самого начала предупредить и должен буду часто напоминать: чтобы быть в состоянии руководить опытной производственной организацией, или фалангой с урезанными ступенями, нужно знать механизм фаланги полноценной — на 1 800 человек. Фаланге малого масштаба потребуется только одна четверть капиталов, необходимых для организации полной фаланги. Но судить о сокращениях, допустимых при урезанной фаланге по каждой отрасли, можно, только зная полный механизм, гармонию в развернутом виде. Именно ее мы и опишем в пяти разделах (1—5), содержащих принципы и их приложения; они послужат основанием для исследования сокращенной гаммы, помещенной в конце пятого раздела. Итак, если перспективы покажутся слишком ослепительными, надо помнить, что на первых порах строить будут не в столь грандиозном масштабе; но необходимо знать механизм высокой гармонии страстей, чтобы определить, какие сокращения возможны на его низших ступенях.

Я различаю три вида приготовлений материального характера:

1) Образование акционерного общества.

2) Постройка зданий, их оборудование, приобретение материалов и продуктов, распашка участков, посадка деревьев.

3) Привлечение членов товарищества и их последовательное размещение.

1. *Образование акционерного общества.* Так как в этом отношении нужно будет итти по пути, совершенно противоположному обычно применяемым методам, избегать наплыва

мелких акционеров, *pauci, sed boni*, то я считаю уместным отослать читателя по этому вопросу к параграфу «*Кандидатура*», помещенному в послесловии.

Допустим, что это общество окончательно образовано и располагает капиталом, необходимым для начинания в крупном масштабе, поэтому изучать теорию необходимо в крупном масштабе, чтобы уметь построить организацию в уменьшенном масштабе.

2. *Распределение материальных средств опытного кантона.* Этот вопрос будет освещаться на протяжении всего раздела, равно как и мероприятия, относящиеся к механизму притяжения, пункт, в котором акционерное общество на каждом шагу делало бы серьезнейшие ошибки, если бы оно руководствовалось господствующим предрассудком.

3. *Привлечение членов, принятие их и последовательное размещение.* В этом отношении следует придерживаться метода, прямо противоположного тому, что делается в учреждениях цивилизации, где вдруг и сразу размещаются все сотрудники. Организация опытной фаланги (я имею в виду укомплектованную) должна пройти 5 ступеней, а именно:

Наемные рабочие, вспомогательная когорта.		100
Зародыш	1. Ядро и управление.	300
Функционирует на $^1/_4$	2. Подготовительный класс . . .	400
» на $^1/_2$	3. Промежуточный класс.	600
» на $^3/_4$	4. Зажиточный класс	400
Функционирует полностью.	5. Богатый класс.	200
		2000

а для примерного основания только 900 человек.

Нужно немного увеличить число лиц в опытной фаланге — до 1 900—2 000, включая сюда и когорту наемных рабочих, потому что этой фаланге придется преодолевать больше трудностей, чем фалангам, которые будут основаны впоследствии: численный состав их будет уменьшаться — сначала до 1 800, а затем до 1 700. Нормальная численность — 1 620, ее нужно будет немного увеличить, особенно в течение первых поколений, которые не будут обладать достаточной силой.

Метод требует рассмотрения сначала вопроса о строениях, о почве. Но эти несколько сухие подробности я откладываю до другого раза. Начнем с рассмотрения правил, которыми нужно руководствоваться при последовательном устройстве отрядов.

Если бы здание и насаждения были расположены близко друг от друга, то всю фалангу можно было бы организовать в девять месяцев, а именно: первый отряд — в августе, второй — в сентябре, третий — в октябре, четвертый — в марте, пятый — в мае.

При организации фаланги большого масштаба нельзя будет действовать столь быстро, потому что нужно будет строить здания и делать насаждения, а затем устраивать лю-

дей в отдельных корпусах здания по мере их отстраивания. Поэтому я полагаю, что организация фаланги займет срок в 21—24 месяца; организация же фаланги уменьшенного масштаба ограничится тремя отрядами, которые будут устроены: первый — в августе, второй — в октябре, третий — в марте. Но прежде всего нужно будет поставить на работу 100 человек наемных рабочих (⅔ мужчин и ⅓ женщин), которые будут использованы для тяжелых подготовительных работ; эти работы ослабили бы промышленное притяжение, если бы пришлось их выполнять членам фаланги. Эта сотня наемных рабочих явится как бы костылем для опытной фаланги, которая будет чрезвычайно затруднена пробелами притяжения и будет вынуждена опираться на внешнюю поддержку — как в большом, так и в малом масштабе.

Если акционерное общество захочет привлечь сразу все 1 900 человек — членов полной фаланги или 800 человек — уменьшенной, то оно потерпит неудачу. Прежде всего, оно потерпит материальный ущерб, потому что рабочие, не зная, на какой работе их будут использовать, оказались бы очень требовательными; с другой стороны — классы зажиточный и богатый не имели бы доверия к фаланге и отказались бы дать какое бы то ни было обязательство. Дело должно быть организовано так, чтобы те и другие добивались допуска в фалангу как особой милости, а чтобы этого достигнуть, надо действовать рассудительно при организации первого отряда.

С классом производителей нужно будет договариваться по поводу установления твердой суммы оплаты труда, которую нанимаемый может всегда потребовать в случае недоразумений при товарищеском дележе дохода (я, к сожалению, опускаю важные подробности относительно этих обязательств). Управление фаланги может заранее не сомневаться в том, что распределение не вызовет возражений. Поэтому привлекаемые рабочие должны быть удовлетворены путем предложения им твердой оплаты.

Если на участке, где строится фаланга, расположено какое-нибудь большое здание — замок или монастырь, сдающиеся в наем, то в нем следует разместить сначала ядро или первый отряд, приблизительно в 300 человек, и сверх того управление фалангой. Первый отряд будет состоять большей частью из садовников, которые подготовят плодовые сады, сделают пересадку деревьев и выполнят все работы, которыми нужно заниматься задолго до организации фаланги: размещение животных, консервирование плодов и овощей, посев растений, которые — как спаржа и артишоки — не плодоносят в первом году.

Первая задача будет состоять в приучении новичков к развитию притяжения, в побуждении их к выявлению своих страстей, своих вкусов, инстинктов. Они будут чрезвычайно удивлены — как отцы, так и дети — тому, что вместо гру-

бого обращения и нравоучений их вкусы будут поощряться, в их занятия будет вноситься очарование посредством коротких и разнообразных трудовых сеансов, они будут разбиты по группам и подгруппам, которые будут страстно увлекаться теми или другими блюдами, теми или другими видами приготовления пищи. Кроме того, вкусы трех полов, чрезвычайно различные, будут распределены в порядке постепенного и последовательного разнообразия.

Акционерное общество не преминуло бы осудить этот порядок и потребовать, чтобы в этом объединении была установлена дисциплина сообразно здравым доктринам торговли и морали. Рассмотрим лучше преследуемую цель. Задача будет заключаться не в том, чтобы создать цивилизованных людей, но в том, чтобы воспитать гармонийцев, привести их к промышленному притяжению посредством быстрого образования серий, построенных на страстях. Чем скорее они будут образованы, тем скорее народится притяжение. Кратчайший же путь — это утонченное и последовательно расположенное по оттенкам чревоугодие. Сначала будут образованы серии потребления, затем эта система серий распространится на кулинарные приготовления: этот механизм, будучи организован за столами и в кухнях, установится впоследствии на земледельческих работах и в мастерских по консервированию плодов и овощей. Этот тезис будет разработан нами в третьем и в четвертом разделах; здесь я ограничиваюсь только предварительным его изложением.

Эта доступная нам мудрость о гастрономии, расположенной в последовательном порядке по оттенкам, есть импульс, данный нам богом для того, чтобы быстро и верно действовал механизм притяжения, чтобы можно было достичь успеха с первых месяцев опыта. Такая мудрость очарует всех начинающих: она будет не очень прибыльна в первом отряде из 300 человек, потому что выгоды ощутит серийная организация лишь по достижении фалангой численного состава в 600 человек. Но это посев, необходимый для подготовки путей создания режима промышленного притяжения; он установится с момента вступления в фалангу второго отряда, когда продукт станет четырехкратным.

Заметим по этому поводу, что в вопросах гастрономии, разведения цветов, наслаждения оперой и прочих занятий, признаваемых легкомысленными или вредными, я буду вынужден непрерывно опровергать доктрины цивилизации. Я не спорю против того, что эти занятия в нынешнем строе вредны, но я их рассматриваю в строе, основанном на сериях, где они становятся путями к благу.

Как только население соседних городов и сел узнает об образе жизни 300 членов, положивших начало фаланге, об их коротких трудовых сеансах, об их свободном переходе с одной работы на другую, по меньшей мере, четыре раза в день,

о подаче к столу блюд по выбору, с градациями качественных оттенков, о старании руководителей разнообразить удовольствия мужчин, женщин и детей, — все это вызовет возбуждение в производительном классе соседней местности. Только и будут говорить, что о благополучии этих членов вновь образованной фаланги. Любая семья рабочих, ремесленников, мелких земледельцев будет завидовать их положению, и те, кто раньше колебался, будут теперь добиваться приема в фалангу, как высшей милости.

Полагаю, что к этому времени одно крыло фаланстера будет уже построено и подготовлено к вселению членов фаланги; значит, наступит момент привлечь второй отряд из 400 человек, из которых часть должна состоять из рабочих — инструкторов, плотников, каретников, сапожников, слесарей; другая часть — из мелких земледельцев, учителей начальной школы, потому что режим серий, построенных на страстях, очень скоро побуждает взрослых и детей добиваться образования, которое в строе цивилизации они получают только принудительно.

При организации этого второго отряда управление фалангой сможет выбрать хороших рабочих; последние, будучи соблазнены образом жизни членов фаланги, станут предлагать свои услуги в количестве, в десять раз превосходящем необходимое число, и следовательно, можно будет выбрать наилучших.

Так как этот набор доведет ядро до 700 человек, то можно будет перейти от подготовительных работ к первым производственным работам или к функционированию производства на $^1/_4$. Тогда начнется испытание механизма серий, который может быть вчерне организован при наличии не менее 600 человек (см. таблицу фаланги, глава X, Подразделение на дружины и хоры). Управление выдаст всем привлеченным комплекты рабочего и парадного платья; группы начнут выходить на работу со знаменами, гимнами и фанфарами. Будут также установлены три ступени питания: в первом отряде существуют только две разновидности питания и сверх того стол управления.

Только после этого предварительного устройства механизма серий можно будет заметить свойство притяжения, его геометрическую точность, способность механизма ограждать от излишеств чередованием удовольствий, совершенством труда и промышленным пылом, возрастающим пропорционально гастрономическим утонченностям, любви к богатству, ставшей путем добродетели, втягиванию детей в производительный труд, использованию диссонансов на фоне общей гармонии и косвенного созвучия антипатий. Все эти чудеса, действие которых распространится на массу в 700 человек, не могли обнаружиться в ядре из 300 человек. Но ядро из

700 человек и даже из 600 даст результаты, которые не оставят никакого сомнения относительно грядущего падения цивилизации (см. подробности в разделах III и IV).

Тогда все взоры устремятся к этому зародышу гармонии; акции будут расходиться нарасхват по двойной цене; многие представители богатого класса заявят о своем желании участвовать в третьем отряде, к приему в который управление непосредственно приступит. Люди тем больше будут добиваться приема в фалангу, чем яснее они увидят результаты одного из прекраснейших свойств режима, построенного на сериях, — *относительное увеличение богатства в 20 раз* или способность учетверить эффективный доход — до 4 000 вместо 1 000, т. е. возможность вести в фаланге с суммой в 4 000 франков образ жизни, который стоил бы 20 000 франков в строе цивилизации.

Доступ в третий отряд будет затруднен, так как он должен состоять из учителей, искусных ремесленников, опытных земледельцев, агрономов и артистов, имеющих задачей дать высококультурное воспитание малообразованным людям фаланги и в особенности детям.

При выборе желающих вступить в фалангу богатых или бедных нужно будет учитывать целый ряд качеств, порочных или бесполезных в строе цивилизации; таковы: точность музыкального слуха, вежливость семейств, художественное дарование; кроме того, следует придерживаться правил, противоположных философским идеям:

предпочитать семейства, имеющие мало детей,

вводить одну треть холостяков,

предпочитать характеры со странностями,

устанавливать постепенную лестницу возрастов, богатства, просвещения.

Индустрия нового строя извлекает большую выгоду из таких способностей, как точность слуха; их презирают софисты, придерживающиеся принципа: *кто хорошо поет и танцует, мало подвигается вперед,* — принципа чрезвычайно ложного в товарищеской механике и в особенности в опытной фаланге, которая значительно продвинется вперед, если будет иметь людей чрезвычайно вежливых, хорошо поющих и танцующих.

Прежде всего она будет иметь (я говорю о фаланге большого масштаба) большой доход от любопытных крестьян: одна только эта отрасль дохода утроит капитал акционеров. Этот сбор в большей части будет потерян, если фаланга представит любопытным лишь грубых людей, неспособных к материальным эволюциям гармонии и к использованию движения страстей, требующего большой утонченности. Так как понадобится подбор рабочих-инструкторов, по крайней мере, трех по каждому ремеслу, дабы установить конкуренцию в методах производства, и если каждый из этих рабочих, привлеченных из города, привел бы большую семью, то оказалось

бы, что чуть ли не половина отцов и детей неспособны к земледелию, что испортило бы товарищеский механизм, в котором земледелие должно занимать высокое место.

Кредитование и текущий счет, относящийся к выдаче авансов на питание, платье, квартиру и пр., фалангой ведутся отнюдь не на семью, но исключительно на отдельного человека. Он не может договариваться за себя, за жену и за детей; договор заключается с каждым отдельно, за исключением детей моложе трех лет, содержимых на средства фаланги, когда они бедного происхождения. В силу этого всякий рабочий, обремененный маленькими детьми, будет стараться попасть в фалангу; но управление будет принимать детей лишь в надлежащих пропорциях; я их укажу в другом месте.

Со вступлением третьего отряда фаланга должна будет иметь, по крайней мере, две трети растений в плодоносящих видах; значит, она должна будет произвести расход по пересадке фруктовых деревьев в кадки. Если дерево большое и применять этот метод невозможно, то нужно будет использовать способ, недавно опубликованный в Шотландии сэром Стюартом, который, путем обнажения корней, успешно пересаживал деревья всякой величины. Благодаря этим приемам удастся избежать порчи механизма в первые два-три года неблагодарными и малоинтригующими работами, каковы работы в молодых фруктовых садах; они могли бы пленять группы лишь с момента появления на деревьях плодов.

Опытная фаланга, даже в уменьшенном масштабе, должна будет заботиться о благополучии сотни наемных рабочих, ею привлеченных: их надо поднять на ступень благоденствия, близкую той, которой пользуются члены фаланги; это достигается путем внесения разнообразия в их работу и другими средствами обеспечения приема их в первые фаланги, которые будут образованы, или даже в свою фалангу, если она — сокращенная и способна расшириться от 900 до 1 800 человек. Нужно, чтобы в этом объединении всякий был счастлив, даже животные; благополучие последних является существенной частью общественной гармонии и одним из источников ее богатства. Она обеднела бы и испортила свой механизм, если бы придерживалась эгоизма Платона; последний вместо того, чтобы искать способа исцеления от человеческих бедствий, благодарил богов за то, что избавили его от общего несчастья, сделав его мужчиной, а не женщиной, греком, а не варваром, свободным, а не рабом. Я вернусь еще к эгоизму Платона и его единомышленников: можно ли удивляться тому, что философы с таким характером не исследовали притяжения, которое служит средством обеспечить счастье всем.

Нетрудно предугадать, что любой рабочий, любой крестьянин, вступив в фалангу, захочет абонировать свою жену, своих детей на питание низшей степени, поместить их за сто-

лами третьей категории, сам абонируясь на вторую категорию. Он пожелает также присвоить себе всю сумму, причитающуюся ему как члену фаланги, или уступить жене и детям только небольшую ее часть. Таковы нежные отцы цивилизации; нежные крестьяне хотят все присвоить под предлогом сохранения чистых основ морали; эта тирания мужей и отцов недопустима в новом общественном строе. Сверх того, к концу первого месяца всякий член фаланги отнесется с презрением к этой хищности, усвоенной цивилизацией, и обрадуется освобождению его от заботы по содержанию жены и детей; последние в результате индустриального притяжения будут зарабатывать больше того, что необходимо на покрытие расходов по их содержанию.

Фаланга, располагающая третьим отрядом, сможет подняться *к большому приближению или к полупроизводству*, требующему наличия 1 300 человек. Тогда начнутся операции высокой гармонии, состоящие в привлекательном или естественном воспитании, которое могло быть намечено лишь вчерне в четверти производства, ограниченного 700 человек.

Естественное воспитание (третий раздел) будет сильной приманкой для богатого класса: достаточно увидеть детей фаланги, чтобы убедиться, что даже монарх со всеми своими сокровищами и наемными гувернерами не может дать своим детям и четверти того материального и интеллектуального развития, которое получит беднейшее дитя фаланги. В силу этого все богатые люди, имеющие наследников, сохранение которых чрезвычайно для них важно, будут оспаривать друг у друга право вступления в один из двух последних отрядов — четвертый или пятый, или будут просить о приеме туда их детей, с уступкой им акций по курсу, который к этому времени в три раза превысит их нарицательную стоимость.

Я сказал, что наиболее осязательное свойство гармонического воспитания — развивать с младенческого возраста (с 3—4 лет) десятка два промышленных призваний даже у того ребенка, который в условиях семейного строя цивилизации был бы упрямым лентяем; пробудить в этом ребенке склонность к наукам и искусствам, к материальной и интеллектуальной утонченности, не принимая для этого никаких иных мер, кроме предоставления простора притяжению, природе и всем его фантазиям (см. разделы III и IV). Ребенок, воспитываемый от рождения в сериях, построенных на страстях, будет к четырем годам сильнее, чем ребенок строя цивилизации к 6 годам, и интеллектуально более развит, чем большинство детей к 10 годам.

Чтобы выявить с наибольшим блеском эти свойства натурального метода, нужно оставлять места для детей со стороны, которых государи и вельможи предложат в большом числе. Поэтому нужно будет избегать допуска в первые три отряда простых людей, обремененных семьей, что вызвало бы

перегрузку фаланги детьми. Достаточно для организации хореографических кружков в возрасте от 5 до 13 лет до 144 детей обоего пола, а с их руководителями до 160. Между тем число детей в возрасте от 5 до 13 лет у 1 300 представителей строя цивилизации достигает, по крайней мере, 220. Поэтому в первых трех отрядах нужно будет сократить естественную пропорцию детей и принимать пансионеров со стороны; предложений будет поступать очень много.

Допустим, что третий отряд включится в фалангу в начале осени. 1 300 членов фаланги смогут в течение зимы образовать достаточно связей, чтобы развернуться блестящим образом к весне, когда фаланге придется заняться вербовкой членов до полного состава и формированием последних двух отрядов — четвертого и пятого. Тогда фаланга сможет произвести великий переворот и наладить *в шесть недель производство полным ходом* и совершенно покончить со строем цивилизации. Этот строй уже будет осужден всеми голосами; но зимой, когда производство будет развернуто наполовину, страсти будут дремать вследствие отсутствия двух высших классов, и лишь по вступлении последних в фалангу явно обнаружатся пороки цивилизации, и она будет осмеяна даже своими наиболее упорными защитниками.

Опустим подробности организации четвертого и пятого отрядов, потому что вначале предполагается ограничиться маленькой фалангой — всего из трех отрядов. Этого уже достаточно, чтобы привлечь огромную массу любопытных крестьян: они придут со всех концов, чтобы лично убедиться, действительно ли открыта провиденциальная судьба человека, т. е. общественный механизм страстей, действительно ли естественный закон идет на смену моральным бредням, стремящимся подавлять, умерять и изменять природу, поднять свет божественной истины просвещением Катона и Тарже.

ГЛАВА X

КЛАССИФИКАЦИЯ, УПРАВЛЕНИЕ, СМЕТА

В недрах цивилизации всякое объединение блюдет только иерархию ранга или богатства: новый общественный строй применит несколько других способов классификации, до сих пор неизвестных, как классификация по характерам; для цивилизованных — это непроницаемая загадка; далее пойдет классификация по темпераментам; медицина сводит их к четырем, но в действительности их столько же, сколько индивидуальных характеров, и распределены они тоже, как последние. Однако потребуется длительное испытание, прежде чем удастся извлечь необходимое и установить правильную градацию характеров и темпераментов.

Сначала нужно будет установить классификацию *коллективных характеров* в соответствии с различными возрастами; они распределятся самопроизвольно, никто не будет обязан входить в ту или иную возрастную категорию.

Ниже помещаемая таблица представляет серию соразмеренную или сложную; возможно, что в опытной фаланге удастся образовать только такую серию.

Примечание. Здесь можно отметить, что размеренная серия, так же как и простая, доступна подразделению на три корпуса — крылья и центр; но если разложить эту серию пополам, то пришлось бы установить другое деление на четыре корпуса; сейчас нет надобности на этом останавливаться.

32 хора, их корпоративный дух и отличающие их постепенные оттенки будут обильным источником созвучий, лишь бы возрасты, трибы и хоры складывались на основе полной свободы. В фаланге уменьшенного масштаба — из 800 членов + 100 наемных рабочих — нельзя отличить половинчатого характера; действие половинчатого характера можно будет установить только в массе, состоящей приблизительно из 1 600 человек. Дальше я определю разницу между полным характером и полухарактером.

Дети будут горячо стремиться к образованию корпоративной лестницы возрастов, шести триб — 1, 2, 3, 4, 5, 6, что не исключает продвижения вперед детей раннего развития и отодвигания отсталых.

Лестница возрастов очень нравится детям и необходима для соревнования, для тона и импульса, которые должны быть даны по ступеням и сообщены от ступени № 6 до низших ступеней. Все воспитание имеет стержнем ступень № 6 (см. III и IV разделы).

Старший возраст охотно образует трибы 14, 15, 16, потому что 6 хоров этих триб пользуются различными преимуществами в отношении питания, платья, квартир, средств передвижения и т. д.: патриарх (16-я ступень) обслуживается в отношении питания по первому классу, как бы беден он ни был; преподобный и почтенный имеют право на питание по второму классу, невзирая на отсутствие у них средств; то же самое относится к платью, квартире и экипажу. Наши новейшие народы, как подлинные дикари, оставляют на произвол судьбы стариков, детей и больных; праздным богачам при переездах в изобилии предоставляются мягкие матрацы, между тем как раненые перевозятся в тряских фургонах, необорудованных приспособлениями для лежания, что чрезвычайно мучительно. Ни один моралист за них не заступится. Вот благодеяния совершенствуемой цивилизации, вот результат ее филантропических и моральных разглагольствований!

Седьмая и восьмая трибы — еще юные — и девятая и десятая — еще молодые — без какого бы то ни было сопротивления расположатся по лестнице возрастов, за небольшими ис-

ключениями, потому что все будет свободно в этой классификации, начиная от 7-й трибы и до 16-й. Критический возраст начинается с триб 11, 12, 13-й; и можно было бы полагать, что стареющих женщин будет мало прельщать участие в этих трибах и что они наотрез откажутся к ним примкнуть. Ничего подобного. Новый общественный строй порождает массу интересов, отличных от наших: одно из следствий — обеспечение любви и уважения старикам, к которым в строе цивилизации молодые люди относятся с полным пренебрежением.

В главе, посвященной объединениям, основанным на влечении, мы увидим, что эмблема преклонного возраста, в наши дни чудовищная для стареющих женщин, станет для них приманкой. Впрочем, каждый сможет войти в ту трибу, которая ему понравится. Женщина 40 лет сможет встать в ряд с женщинами 30 лет, если ее туда примут, а добиться приема будет легко.

Классификация возрастов старше 20 лет совершено свободна, поэтому я не указываю возраста для трибы 7-й и выше.

В этой градации возрастов наиболее ценно то, что она облегчает естественное воспитание и порождает в детях корпоративный дух, который влечет их к занятиям и производительному труду.

Фаланга крупного масштаба

Распределение в 16 триб и 32 хора.
Различие полного и полухарактера, управления и дополнений.

Разряды	Роды	Возрасты	Количества		
Восходящие дополнения	Грудные младенцы	0—1	72		
	Младенцы	1—2	60		180
	Шалуны	2—3	48		
	Трибы и хоры				
Восходящие переходные	1. Бамбэны и бамбинки	3—4½			60
		Полный характер		Полухарактер	
Восходящее крылышко	2. Херувимы и херувимки	4—6½ 38		19	
	3. Серафимы и серафимки	6½—9 44		22	
	4. Лицеисты и лицеистки	9—12 50		25	
	5. Гимназисты и гимназистки	12—15½ 56	392	28	196
	6. Юноши и девушки	15½—20 62		31	
	7. Совершеннолетние обоего пола	68		34	
	8. Зрелые обоего пола	74		37	
	Управление		54		27
Центр	9. Атлеты обоего пола	70		35	
Нисходящее крыло	10. Возмужалые обоего пола	64		32	32
	11. Утонченные » »	58		29	
	12. Умеренные » »	52	364	26	182
Нисходящее крылышко	13. Благоразумные » »	46		23	
	14. Преподобные » »	40		20	
	15. Почтенные » »	34		17	
	Полухарактер			405	405
	Полный характер				810

Продолжение

Переходные нисходящие	16. Патриархи обоего пола		45
Нисходящие дополнения	Больные	30	120
	Слабые	40	
	Отсутствующие	50	
	Итого		1 620

Примечание. От этой цифры придется отступить, установив:
для фаланги первого поколения до 1 800
для опытной фаланги 1 900 и 100 наемных рабочих 2 000
для организации, приближающейся по структуре к фаланге, 800 + 100 наемных рабочих 900

Нужно отметить в классификации триб неравенство двух больших подразделений, ведь природа устанавливает меньшую численность для нисходящего возраста, бо́льшую — для восходящего. Поэтому я и распределил 14 триб полной гармонии следующим образом: 38, 44, 50, 56, 62, 68, 74 = 54 = 70, 64, 58, 52, 46, 40, 34, отказавшись от распределения по числам, соответственно равным: 36, 42, 48, 54, 60, 66, 72 = 54 = 72, 66, 60, 54, 48, 42, 36. Вторая лестница предполагала бы численное равенство обоих возрастных подразделений. В действительности, наоборот, в течение 30 лет будет численно преобладать первое подразделение, потому что в строе цивилизации детей очень много.

Категория полноценного характера обнимает 810 человек; это существа с полноценным развитием телесных и интеллектуальных способностей. Трех- или четырехлетний ребенок не может, даже при новом общественном воспитании, обладать ловкостью, смышленностью и ярко выраженными наклонностями, как это бывает при характере, достигшем полного развития. В таком юном возрасте он имеет мало ясно выраженных вкусов, он ко всему относится поверхностно; только в период от 4 до 4½ лет его натура ясно проявляется, можно уже распознать его главные и второстепенные страсти, его инстинкты и прочее. Следовательно, триба бамбэнов не отличается от полухарактеров. То же самое можно сказать о трибе патриархов. Старик 16-й возрастной ступени не имеет больше физических способностей и не может ни представлять полноценного характера, ни принимать участие в активной деятельности.

Отсюда вытекает, что половинчатый характер может относиться к 14 трибам — от 2 до 15-й. Сюда входит 405 индивидов, вкусы которых мало различаются, неустойчивы и весьма полезны для связывания функций, потому что половинчатый характер как бы дублирует два характера полноценных. Эта разновидность, презираемая в строе цивилизации, пользовалась бы в строе гармонии большим престижем; нейтральный и неустойчивый характеры в гармонии чрезвычайно полезны.

Категория эволюций и маневров, так называемая активная гармония, охватывает 12 триб, от 2 до 13-й.

Я сказал, что каждый день собирается биржа, или совещательное собрание, для установления на ближайшие дни расписания трудовых сеансов, застольных и развлекательных, а также для установления порядка по обмену когортами между соседними фалангами. Механизм биржи при ассоциации чрезвычайно отличен от механизма наших торговых бирж, который ведет к невероятному запутыванию дел. В какие-нибудь полчаса биржа в строе гармонии распутает больше интриг и заключит больше сделок, чем биржа цивилизации в полдня. Применяемый для этого метод — одна из тех многочисленных деталей, которые приходится опускать в кратком изложении.

Управление, на которое возложено руководство текущими делами и забота об общем обслуживании, является только представителем ареопага, тогда как последний пользуется со стороны общественного мнения авторитетом, полным доверием. Ареопаг состоит: 1) из руководителей всех производственных и увеселительных серий, потому что развлечения в гармонии так же полезны, как и труд; 2) из трех почтенных триб, состоящих из старейшин и патриархов; 3) из главных акционеров, получивших право голоса путем покупки акций, и из акционеров, купивших акции позже на свои сбережения; 4) из магнатов и магнаток фаланг. Ниже будет дан подробный список ареопага с подразделением его по трем полам.

Ареопагу не приходится вырабатывать уставы и придерживаться каких-либо правил, так как вся жизнь фаланги регулируется притяжением и корпоративным духом триб, хоров и серий. Он высказывает лишь свое авторитетное мнение по поводу важнейших дел, как то: жатвы, сбора винограда, возведения построек и т. п. Его мнения горячо подхватываются, как компас, дающий направление производству, но они не обязательны: та или иная группа может отложить сбор своего урожая, невзирая на мнение ареопага.

Ареопаг не оказывает никакого влияния на главную операцию — на распределение дивидендов пропорционально капиталу, труду и таланту. Одно только притяжение является судьей, обеспечивающим справедливость в этом деле (см. раздел V).

Ни ареопаг, ни управление не несут призрачной ответственности — в отличие от финансовых управлений цивилизации, которые умеют скрывать свои проделки за бесконечным количеством цифр. В общественном строе гармонии счетоводство является делом специальной серии, которой поручается ведение всех книг, причем каждый может их проверить.

Впрочем, при новом порядке счетоводство чрезвычайно несложно. Здесь не знают ежедневных платежей, здесь чужда привычка цивилизации всегда иметь под рукой деньги. Каждый имеет кредит в соответствии с его состоянием или с его предполагаемыми доходами в *притягательном производстве.*

Смежные фаланги не рассчитываются ежедневно за продаваемые друг другу продукты: скот, птицу, овощи, фрукты, масло, молоко, фураж, вино, дрова и т. д. Всему этому ведется запись, а расчеты производятся в определенные сроки, путем установления взаимных компенсаций между кантонами и областями. Что касается индивидуальных авансов, выдаваемых в виде пищи и иного снабжения, то расчеты по ним производятся только к концу операционного года, после заключения баланса и распределения дохода.

Налоги в пользу казны и промышленных армий, о которых речь будет ниже, также не требуют много труда от сборщиков податей. Каждая фаланга регулирует свои платежи с фиском путем выдачи 4 обязательств, оплачиваемых поквартально в главном городе провинции. Что касается промышленных армий, то каждый отряд, посланный в ту или иную провинцию или округ, пользуется определенным кредитом, причем все расходы он оплачивает квитанциями, выписываемыми на его округ, так что никакой поставщик не сможет нажиться путем взяточничества и хищения.

Все спорные дела разбираются арбитражем. Каждый участник фаланги в любой момент может получить обратно стоимость его акций, за вычетом остающейся до конца года части дивиденда и погашения в счет инвентаря.

Для детей не требуется никакого опекуна: никто не может отнять ни гроша из их состояния, заключающегося в акциях, зарегистрированных в главной книге каждой фаланги и приносящих определенный процент или дивиденд, устанавливаемый каждый год после инвентаризации. Таким образом, малолетний не подвергается никакой опасности, и его состояние, находящееся в фаланге в виде акций, увеличивается благодаря начисляемым процентам до совершеннолетия (20 лет), когда он сможет им свободно располагать.

Нужно различать три категории богатства и расходов на питание. В гармонии, где всякое равенство является политическим ядом, такая градация необходима. Среди принятых членов некоторые обладали уже небольшим капиталом, земельными участками, скотом или земледельческими орудиями, которые они продали, или получили компенсацию за снесение своего жилища. Такие вклады обеспечат им акцию или долю акции. Они образуют класс, вышестоящий по сравнению с массой членов, и, если пожелают, смогут быть допущены к табльдоту второй категории, куда войдут также лица, заслуживающие кредита благодаря своим ценным производственным знаниям.

Первый класс будет создан из главных рабочих, инструкторов, завербованных в городе, и кредиторов, предоставивших фаланге значительные суммы. Далее, сюда войдут земледельцы, которые предоставили фаланге большие земельные участки или годные для использования дома, и таким обра-

зом оказались крупными акционерами. Эти три степени будут необходимы для фаланги уменьшенного типа.

Управление, или руководящий комитет акционеров, образует четвертый класс, который может хорошо освоиться в фаланге лишь с момента включения в нее последних отрядов.

Некоторые богатые семьи, быть может, решат войти в фалангу еще осенью; это было бы весьма полезно для активирования интриг в течение зимы, предшествующей началу полного хода работ в фаланге.

Чтобы произвести весной решительный сдвиг, нужно заблаговременно тренировать членов и *в особенности детей* в хореографических и других упражнениях, от оперных представлений до духовной музыки. Необходимо добиться того, чтобы эта фаланга, хотя и при недостаточной численности, сумела к концу зимы предстать *во всеоружии материальном и духовном;* чтобы она научилась маневрировать, как танцоры и оперные артисты, и уже являла собой равновесие страстей и чередование удовольствий, ограждающие ее от всяких излишеств; тем самым она должна дать понять, что этот эффект станет общим, когда механизм будет доведен до полного развития, со включением последних отрядов.

Настаивая на необходимости действовать путем последовательного введения отрядов, я доказал, что только привлечение первого, чрезвычайно малочисленного, отряда потребует больших усилий. Перехожу к оценке расходов.

Средства, необходимые для основания фаланги большого масштаба. Для фаланги уменьшенного масштаба потребуется только четверть нижеприводимых сумм:

Годовая наемная плата за земельные участки и здания.	600 000
Постройка жилищ и скотного двора	5 000 000
Скот, растения и сельскохозяйственный инвентарь	1 200 000
Расходы по привлечению рабочих, членов и авансы	1 200 000
Экипировка, белье, посуда	1 000 000
Мануфактурные фабрики, мастерские, сырье	1 500 000
Съестные припасы на 6 месяцев	800 000
Посевы притяжения	800 000
Канцелярские расходы, управление, разные сделки	600 000
Рабочие, сотрудники не-члены	400 000
Пересадка деревьев в кадки	400 000
Консервирование плодов и овощей	300 000
Общественная библиотека	300 000
Музыка и опера	300 000
Ограждения и решетки	200 000
Непредвиденные расходы	400 000
Всего	15 000 000

Для основания фаланги уменьшенного масштаба достаточно четырех миллионов. Можно начать даже с двумя миллионами, потому что, как только дело будет начато, акционеров найдется больше, чем нужно.

Все же следует предупредить, что при основании фаланги малого масштаба неизбежны убытки.

Перепродажа акций, из которых $^2/_3$ резервированы и стоят 10 миллионов, смогла бы дать 40 миллионов в том случае, если бы вновь основанная фаланга имела блестящий успех, внезапно устанавливающий величайшую гармонию страстей.

В этом случае можно рассчитывать на получение дохода от любопытных крестьян, который нужно оценивать в 50 миллионов для первых двух лет, когда фаланга большого масштаба будет единственной, и для третьего года, когда ее механизм будет работать в совершенстве.

При взимании с любопытных в среднем 100 франков в день, 600 человек в день дадут 44 миллиона в два года, а в третьем году этот доход еще более увеличится. Но фаланга уменьшенного масштаба, где созвучия не столь великолепны, не произведет в Европе такой сенсации, а потому и число богатых туристов, привлекаемых любопытством, будет значительно меньше.

Фаланга малого масштаба едва привлечет четверть возможного количества любопытных, и, следовательно, ее доход будет в четыре раза меньше.

Мне скажут, что нелегко найти охотников подписать акции на 15 миллионов. Да, потому что умы цивилизованных сомневаются только в делах верных, не подверженных риску. Но там, где дело касается сумасбродства, найдутся капиталы и в 100 миллионов. Разве не предлагали недавно французам безрассудное предприятие — превращение Парижа в морской порт? Пустая тщеславная затея, которая обошлась бы в 300 миллионов согласно смете, а в действительности, может быть, и вдвое больше, потому что сметные исчисления на такого рода работы всегда бывают преуменьшены, а возможные препятствия не принимаются в расчет.

Здесь речь будет итти только о четырех миллионах, из которых для начала понадобятся только два миллиона. А сколько есть капиталистов, которые могли бы взять на себя целиком расход по организации фаланги! Один пэр Франции недавно поместил три миллиона в обанкротившееся предприятие Паравей. Если находится столько людей, готовых участвовать в опасных авантюрных делах, то неужели не найдется ни одного человека для начинания, не подверженного риску?

Так как опытная фаланга обязана строить, то ей следовало бы купить, а отнюдь не арендовать, земельный участок. Но для сбережения акционерного капитала она должна будет арендовать участок, а если возможно и здания, с правом выкупить их в течение двух лет по условленной цене. Коль скоро она будет организована, всегда найдутся капиталы, нужные для выкупа.

Хотя всякий участок хорошего качества пригоден для опыта, тем не менее следует искать пересеченную местность с разнообразным рельефом, с невысокими горами, как в Водском кантоне (Vaud), в Савое (Savoie), Шаролэ (Charollais),

в прекрасных долинах Бриго (Brisgau) и Пиренеев (Pyrénées) и от Брюсселя (Bruxelles) до Галле (Halle). Словом, местность, годную для разнообразных сельскохозяйственных культур, с красивой и многоводной рекой.

Нужно устраивать фалангу близко от большого города. Неважно, если фаланга будет находиться от него на расстоянии 10 миль, лишь бы любопытные могли добраться из этого города в фалангу без ночлега в пути. Если фаланга окажется слишком далеко от больших городов, весной ей трудно будет вербовать богатые семьи, которые должны войти в нее в это время года.

В отношении зданий нужно поменьше рассчитывать на приспособление существующих домов: здание, пригодное для общения цивилизованных людей, непригодно для отношений, вытекающих из индустриального притяжения. Как бы ни приспосабливали существующие здания, они всегда будут неудобны для размещения и работы в них серий. Нынешние монастыри можно было бы купить, но все они имеют тот недостаток, что представляют собой простой корпус (комнаты расположены рядом по одной стороне здания), их скотные дворы тоже непригодны для распределения животных по сериям.

Один или даже несколько обширных замков, которых так много в окрестностях Парижа, можно использовать для размещения в них любопытных крестьян, останавливающихся на один день. Красивый дом, удаленный от фаланстера на $^1/_4$ или $^1/_2$ мили, также будет чрезвычайно полезен для замка (castel) или сельскохозяйственного склада. Но следует избегать окружения фаланстера деревней, потому что даже в случае втягивания всей этой деревни в фалангу, придется сносить все ее постройки, что чрезвычайно разорительно и дало бы только пустой участок.

Если фаланстер окажется по соседству с какой-нибудь деревней или с семьями, не состоящими его членами, они будут вносить перебой в механизм фаланги своими неуместными выступлениями, и с ними придется непрестанно возиться. Значит, нужно, чтобы участок был ненаселенным, хотя бы пришлось для его освоения вырубить и выкорчевать часть леса.

Впрочем, если в кантоне имеется несколько семейств, живущих поодаль друг от друга, их можно рассматривать как будущих членов фаланги и оставить для них место в фаланстере. Они с большой готовностью войдут в опытную фалангу и сдадут свои полоски земли в обмен на акции. В особенности женщины, увидя новый порядок, преисполнятся такого отвращения к своему домашнему хозяйству, что станут с нетерпением стремиться поскорее избавиться от скуки жизни. Что касается детей, интересующихся фалангой, им не следует показывать ее, потому что, увидев хотя бы один раз

хоры и группы детей в механизме притяжения, они заболеют от тоски, если им придется их покинуть.

Я внес в смету расходы на ограждения как необходимые. Уже ежедневное допущение любопытных крестьян вызовет значительное загромождение лишними людьми; нужно, по крайней мере, оградить себя от вторжения незванных гостей и построить заборы всюду, где нет естественного ограждения — реки или решетчатой стены. Я говорю решетчатой, потому что новый общественный строй не допускает монастырских стен, ставящих преграду зрению. Только при дурном вкусе цивилизованных можно привыкнуть к этим отвратительным перспективам.

ГЛАВА XI

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУР НА ТРИ СИСТЕМЫ

Чтобы внести в полевые работы интригу, очарование, разнообразие, то, что возбуждает три механизирующие страсти, нужно распределить сельскохозяйственные работы ассоциации на три системы, связанные между собой и приспособленные к различным местностям: 1) простая, или массивная; 2) переходная, или неопределенная; 3) сложная, или сцепленная.

1. *Простая, или массивная, система* исключает всякие сплетения; она безраздельно господствует в наших провинциях крупного сельского хозяйства, где с одной стороны идут сплошь пашни, с другой — сплошь леса, тут — луга, там — виноградники; и это несмотря на то, что в каждом массиве есть большое количество участков, пригодных для других культур, особенно в лесах, где нужно прорубить просеки для циркуляции воздуха, для лучшей инсоляции, для лучшего созревания стволов.

2. *Переходная, или неопределенная, и смешанная система.* Это тип *английских садов,* идея которых принадлежит китайцам. Этот метод, сочетающий как бы случайно виды культуры, применяется у нас в малом масштабе и никогда на всей территории кантона. Новый общественный строй широко будет его применять для общего украшения и для придания прелести производству. Нынешние массивы лугов, лесов, полей утратят унылый вид благодаря применению переходной системы.

3. *Сцепленная, или сложная, система* представляет собой противоположность системы цивилизации, где все запирается под замок и баррикадируется. В гармонии, где не приходится опасаться какого-либо воровства, метод сцепления полностью применим и производит самый блестящий эффект. Каждая земледельческая серия старается пустить ростки на различные пункты, устраивать передовые линии и отдельные цветочные клумбы на участках всех других серий, где оперативный центр удален от ее центра. Вследствие этого смешения

(подчиненного условиям района) кантон оказывается усеян группами, общая картина оживляется, пейзаж становится разнообразным и живописным.

Эти три системы могут быть сравнены со стилем греческой архитектуры. После трех греческих колонн не сумели найти ничего нового, разве несколько легких вариантов. То же самое будет со всевозможными земледельческими методами; все они — лишь видоизменения вышеуказанных трех систем.

Массивная система практикуется в примитивном хозяйстве цивилизованных людей: они, с одной стороны, валят в кучу все хлебные злаки, с другой — каждый из них в своем саду злоупотребляет методом сцепления, нагромождая 20 видов растений там, где следовало бы культивировать каких-нибудь два-три или четыре.

Фаланга, возделывающая свой кантон по комбинированной системе, начинает с того, что намечает пригодные для каждого участка два-три вида растений. Можно всегда успешно делать смешение культур, за исключением чрезвычайно ценного виноградника, который все же может, в виде дополнения к стержневой культуре, давать плоды и овощи. Эти сочетания имеют целью сводить вместе различные группы, устраивать интересные для них встречи на работах, связанных с их собственными, и возможно реже оставлять группу изолированной в своих занятиях.

С этой целью каждая отрасль культуры стремится вклиниться в другие культуры: цветник и огород, устраиваемые у нас вокруг жилища, там пустят свои ответвления по всему кантону. Их центр находится в близком соседстве с фаланстером, но они распространяются по окрестностям мощными линиями, отдельными массивами, постепенно уменьшающимися, вклиниваясь в поля и луга, почва которых может быть для них пригодной. Точно так же фруктовые сады, хотя и не столь приближенные к фаланстеру, имеют в его близости некоторые посты связи, линии или блоки деревьев или шпалер, входящие в овощной огород или цветник.

Это сцепление, будучи приятно для глаз, приобретает еще больше значения в силу приносимой им пользы — амальгамирования страстей и интриг. Особенно необходимо устраивать *марьяжи групп,* встречи мужских групп с женскими на почве сцепления их культур. Идея марьяжа групп забавна и дает повод для двусмысленностей, но здесь имеются в виду производственные встречи, весьма благонравные; они столь же полезны, сколь бесплодны наши собрания в салоне и в кафе. Например, если серия, культивирующая вишни, устраивает большое собрание в своем саду на расстоянии четверти мили от фаланстера, то следует, чтобы в промежутке между 4 и 6 часами вечера вместе с нею и в ее соседстве собирались: 1) когорта соседней фаланги в составе двух полов, пришедшая помочь работникам данной серии; 2) группа цветочниц кан-

тона, пришедшая обрабатывать полосу в 100 саженей для мальвы и далии, которые образуют перспективу для соседней дороги и бордюр для овощного поля, смежного с фруктовым садом; 3) группа серии огородников, пришедшая культивировать овощи на этом поле; 4) группа из серии, культивирующей растение клопец, пришедшая для устройства алтаря секты [1] между полем, отведенным для овощей, и вишневым садом; 5) группа молодых девушек, занимающаяся земляникой и приходящая к концу сеанса для обработки просеки в соседнем лесу, засаженной кустами земляники.

Без четверти шесть рессорные фургоны фаланстера привозят всем этим группам закуску, она подается в замке работников, культивирующих вишни, от $5^{3}/_{4}$ до $6^{1}/_{4}$. Затем группы расходятся, образовав дружеские связи и установив время производственных и других собраний на следующие дни.

Многие представители цивилизации скажут, что они не хотели бы, чтобы эти собрания посещали их жены или дочери. Это значит судить о новом общественном строе на основании того, что наблюдается в строе цивилизации. Отцы с величайшей готовностью будут отпускать своих жен и дочерей в производственные серии, зная, что все происходящее там не может остаться тайной. Женщины же чрезвычайно осторожны там, где они знают, что все их поступки станут известны отцу, мужу или соперницам. Ничего подобного не бывает в доме цивилизованного человека, где отец, если он желает установить надзор за поведением жены или дочери, всегда оказывается обманутым окружающими.

Так как в гармонии браки заключаются очень легко, *даже при отсутствии приданого,* девушки обыкновенно выходят замуж в возрасте от 16 до 20 лет. До этого периода им можно предоставить полную свободу, потому что они сами следят друг за другом, как мы это увидим в специальных главах; потому что нет более верного стража для женщины, чем око соперниц.

В отношении подробностей сочетания трех земледельческих систем я отсылаю к трактату II, 48 до 67; там читатель найдет замечания, полезные для основателя фаланстера о марьяжах групп, о взаимоотношениях полов в индустриальной серии и о способах извлечения из них пользы для достижения дальнейшей цели — согласованности распределения, без

[1] На этих полевых алтарях, устраиваемых на вершине холма из цветов или кустов, ставятся статуи, бюсты основателей секты, людей, которые отличились в своих работах и обогатили индустрию какими-нибудь полезными методами. Они являются мифологическими полубогами секты или индустриальной серии. Специально назначенный для этого человек открывает сеанс, сжигая благовоние в честь полубога. Так как индустрия в глазах гармонийцев является наиболее высокой функцией, то они заботятся о возбуждении всех импульсов энтузиазма, как мифологические почести, оказываемые мужчинам или женщинам, послужившим человечеству путем усовершенствования индустрии.

чего весь новый общественный механизм рухнет на следующий же день по возникновении распри в связи с дележом дивидендов.

Правильное слияние трех систем культуры есть средство сочетать доброе с прекрасным. Эти системы даже неизвестны агрономам цивилизации, которые употребляют только их карикатуры, а именно:

По линии *массивной системы* — простое нагромождение лесов или полей. Их нивы, глупо восхваляемые поэтами, являют самое однообразное зрелище; а леса у них представляют собой хаотические, бесформенные и мало производительные массивы, за отсутствием надлежащего ухода, который в строе цивилизации не простирается на леса. В этом отношении мы еще дикари. Отсюда эта система сцепления относится к периоду дикости, точно так, как военный устав — к сцеплению варварского периода.

Переходная система у нас может применяться только в местах развлечения, как то: в королевских садах, в Тиволи и в загородных ресторанах. Но и там она охватывает только небольшое пространство, где господствует без всякого слияния с двумя другими системами и, что еще хуже, без всякой производительности, без связи доброго с прекрасным. Значит, это — лишь карикатура на переходную систему.

Система сцепления: в наших земледельческих культурах мы видим только обратное сцепление, или рассеивание, ведущее к оскудению и обезображиванию земли. Триста сельских семейств обрабатывают триста огородов капусты, расположенных в различных пунктах, из которых едва 30 пригодны для этой культуры; и в их 300 огородах найдется не более десятка малоценных сортов этого вида овощей, между тем как фаланга, ограничиваясь тридцатью капустными огородами, рассеянными на благоприятных участках, будет на них успешно культивировать сто разновидностей капусты. Значит, в отношении применения методов земледельческой культуры, как и во всякой другой отрасли промышленной системы, наши действия идут вразрез с предначертаниями природы.

ГЛАВА XII

ЕДИНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗДАНИЙ

Чрезвычайно важно предупредить произвол в постройках: каждый основатель фаланги захочет расположить здание согласно своей фантазии. Между тем, здесь должен соблюдаться метод, согласованный во всех отношениях с характером работы и быта серии. Наши архитекторы, не знакомые с ними, не могли бы составить надлежащий план; между тем, если материальная часть извращена, то в той же степени это извратит и влечения.

Цивилизованные, с их извращенными инстинктами, не преминули бы предпочесть самое порочное расположение. Так было в «Новой гармонии»; ее основатель *Оуэн* выбрал именно ту форму здания, которой нужно было избежать: форму квадрата, или сплошного однообразия. Одно из неудобств квадрата заключается в том, что бурные собрания, удары молота, упражнения на кларнете, независимо от того, в каком пункте этот шум зарождается, разносятся по площади, наполняя шумом более чем половину квадрата. Я мог бы указать двадцать случаев, когда квадратная форма вносит неурядицу. Достаточно взглянуть на план этого здания (The cooperative magazine, for January 1826), чтобы убедиться, что автор его не имеет никакого понятия о механизме ассоциации. Впрочем, его квадрат может быть пригодным для монастырских собраний, подобных тем, которые он основывает, так как сущность их — однообразие.

Главная причина, которая помешает продуктивно использовать здания цивилизации, заключается в том, что там почти невозможно устраивать *серистеры* или большое количество зал и комнат, предназначенных для страстных серий. Существующие скотные дворы имеют тот же недостаток. Однако некоторые нынешние здания можно будет использовать для размещения фаланги уменьшенного типа, но ни в коем случае не для фаланги большого масштаба, план которой я даю ниже.

Двойные линии представляют корпус зданий, белое обозначает дворы и пустые пространства. Линии, состоящие из извилистых точек, обозначают течение ручья с двойным каналом. Прямая линия от *L* до *L* представляет большую дорогу, которая пройдет между фаланстером и скотным двором; но следует остерегаться проводить внутренние дороги в опытной фаланге, которую, напротив, нужно будет окружить оградой, чтобы избавить ее от надоедливых посетителей.

P — площадь, предназначенная для парадов, в центре фаланстера.

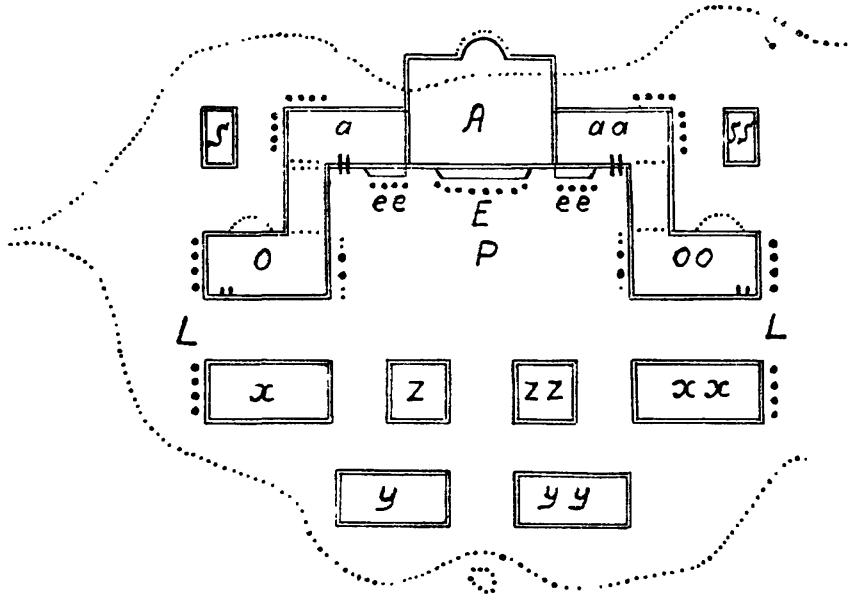
A — главный двор, предназначенный для зимних прогулок, украшенный смолистыми растениями и снабженный постоянными навесами. *a, aa, o, oo* — дворы, помещенные между жилыми корпусами.

Жирные точки обозначают колоннады и перистили, расположенные разнообразно с большими промежутками вне 12 колонн ротонды.

x, y, z, xx, yy, zz — дворы, относящиеся к зданиям, предназначенным для сельскохозяйственных работ.

||, || обозначают 4 паперти, закрытые и отапливаемые, не выдающиеся наружу. *E, ee* — три портала впереди корпуса для различных служб. Двойные точки между двумя корпусами здания обозначают кулуары, устроенные на колоннах первого этажа.

План фаланстера большого масштаба. Длина площади P — 200 туаз. Длина передней линии — 260 туаз.



Здания, большой двор которых *A* окружен и расположен по соседству, предназначаются для занятий, требующих покоя: здесь можно разместить церковь, биржу, ареопаг, оперу, наблюдательную башню, колокольню, телеграф, почтовых голубей. В одном из малых крыльев (флигель) — помещение для занятий, шумных и неудобных для соседей.

Выдающаяся половина квадрата *A*, задняя часть, специально предназначена для размещения богатых людей, которые здесь окажутся вдали от грохота и шума производственных мастерских и близ главных цветников, зимнего сада — приятных уголков, которых совершенно лишены столицы цивилизованных, несмотря на то, что плохая погода чаще бывает их уделом, чем хорошая.

Оба двора *a, aa,* примыкающие к флигелям, предназначены — один для кухонь, а другой — для конюшен и роскошных экипажей. Оба должны быть по мере возможности под навесами. Я не обозначаю проходных арок.

Два здания *S* и *ss* смогут быть использованы: одно — для церкви, если захотят ее изолировать, другое — для оперного зала, который также благоразумно изолировать. Они будут иметь подземное сообщение с фаланстером.

Два двора *О* и *оо*, помещенные в центре каждого флигеля, предназначены: один — для караван-сарая, другой — для шумных мастерских, для плотников, кузнецов, слесарей, для музыкальных школ на духовых инструментах. Благодаря такому расположению удастся избежать неудобства наших городов, где на каждой улице кто-то терзает вам уши: либо рабочий по металлу, либо торговец железом, либо учащийся на кларнете, от игры которого могут лопнуть барабанные перепонки у пятидесяти соседних семейств, между тем как торговец известью или углем угощает белой или черной пылью, мешающей открыть окна, грязнит лавки и все окружающее в угоду свободе торговли.

Флигель, предназначенный для караван-сарая, содержит залы для приезжающих. Они размещаются здесь для того, чтобы не загромождать центр фаланстера, и располагаются в зданиях для сельскохозяйственных работ, ближе к группам полей и садов, не загораживая внутренность дворца.

Все дети богатых и бедных родителей размещаются в антресолях, чтобы пользоваться услугами ночных сторожей, а также потому, что они должны во многих отношениях, и в особенности в вечернее время, быть изолированы от старших. Необходимость этого станет понятна при чтении третьего раздела, в котором этот вопрос разбирается.

Большинство патриархов размещается в первом этаже.

Если придать фаланстеру слишком большие размеры, то отношения между отдельными частями ослабеют. Поэтому необходимо удвоить жилые корпуса, как это видно на плане: некоторые *(х)*, размером в 80 × 40 саженей, можно подразделить на два или четыре отдельных корпуса различной формы.

Между этими двойными корпусами будет устроено двоякого вида сообщение: 1) подземное, 2) по кулуарам, расположенным на колоннах второго этажа, в точках, где корпуса зданий сближаются, как в *а* и *аа*.

Чтобы экономить стены и площадь, нужно будет строить высокие здания, по крайней мере 4-этажные, не считая фриза. Добавляя сюда антресоли, мы получим всего 6 этажей, включая сюда отдельные павильоны, устроенные на крыше. Это — жилье для проходящих промышленных армий.

Следует избегать при постройке зданий расположения комнат по одну сторону, как это мы видим в наших монастырях, дворцах, госпиталях и т. д.

Чтобы активировать взаимоотношения, все жилые корпуса должны иметь двойной ряд комнат, достаточно глубоких, чтобы в них можно было устроить альковы и кабинеты. При таком характере строительства будет достигнута большая экономия.

Улица-галерея — это наиболее важная часть. Те, кто видел галерею Лувра в Парижском музее, могут ее рассматривать как образец улицы-галереи в строе гармонии. Она также будет покрыта паркетом и устроена в первом этаже; ее окна,

подобно церковным, могут быть высокими, широкими и закругленными сверху во избежание трех рядов маленьких окон. Все же придется значительно уменьшить эту роскошь в опытной фаланге даже большого масштаба.

Первый этаж будет иметь несколько проходов на улицу-галерею, но здесь галерея не может тянуться непрерывно, как во втором этаже, в котором она не будет прерываться проездами для карет и папертями.

Эти галереи, в которых в любое время года будет умеренная температура благодаря отопляющим и вентилирующим трубам, служат столовой в случае прохода промышленной армии. (Этого не будет иметь опытная фаланга.)

Эти сообщения под навесами в новом общественном строе тем более необходимы, что перемещения здесь чрезвычайно часты, так как смены работ не должны продолжаться более $1^1/_2$—2 часов.

Убежища и проходы под навесами представляют собой роскошь, которой в строе цивилизации лишены даже короли. Чтобы войти в их дворец, вы подвергаете себя дождю или стуже; приближаясь к фаланге, всякая карета проезжает через покрытую навесом паперть и попадает затем на паперть, отапливаемую, как вестибюли и лестницы.

Я ничего не скажу о павильонах на крыше. Описывать все эти мелочи невозможно.

Серистеры, или места собрания серий, нисколько не похожи на наши общественные залы, где люди вступают во взаимоотношения беспорядочно, без градации. Бал или званый обед образует у нас одно собрание, без подразделений. Новый общественный строй не допускает такого беспорядка: серия всегда имеет 3, 4, 5 подразделений, которые и занимают смежные залы. Каждый серистер должен иметь прилегающие к его залам комнаты и кабинеты для групп и комитетов каждого деления. Например, для банкетного серистера или столовых нужно иметь 9 весьма неравных по величине зал, а именно:

1 — для патриархов,
2 — для детей,
3 — для бедного класса,
2 — для среднего класса и
1 — для богатого класса,

не считая зал караван-сарая, кабинетов и маленьких салонов, необходимых либо для обедающих по заказу, либо для компаний, которые пожелают изолироваться от общих столов своего класса, хотя они будут обслуживаться тем же буфетом.

Квартиры предоставляются и сдаются в наем управлением каждому члену фаланги. Квартиры должны быть расположены в виде *сцепленных рядов:* если они сдаются по различной цене — 50, 100, 150 до 1 000 франков, то нужно избежать последовательной беспрерывной прогрессии, что привело бы

к размещению в центре всех дорогих квартир, а наиболее дешевых — в конце крыльев. Необходимо, напротив, перемежать ряды квартир в следующем порядке:

Расположение в виде сложной лестницы

В двух флигелях по цене:	50, 100, 150, 200, 250, 150, 200, 250, 300 350.
В двух корпусах крыльев по цене:	250, 300, 350, 400, 450, 500, 400, 450, 500, 550, 600, 650.
В центре по цене:	550, 600, 650, 700, 750, 800, 850, 700, 750, 800, 850, 900, 950, 1000.

Например, чтобы достигнуть связи между этими двойными лестницами, необходимо устроить так, чтобы квартиры одного крыла были расположены последовательно, как показано ниже, с чередованием цен: 250, 400, 300, 450, 350, 500, 400, 550, 450, 600, 500, 650.

Простая прогрессия, постоянно возрастающая или падающая, имела бы чрезвычайно серьезные неудобства: она задевала бы самолюбие и парализовала бы различные рычаги гармонии; она собирала бы в центре весь богатый класс, а во флигелях — всю бедноту. В силу этого жители флигелей лишились бы уважения и рассматривались как низший класс. Нужно различать классы, но не нужно их изолировать.

Посредством перемежающейся прогрессии какой-нибудь человек, живущий в центре *A*, в парадном квартале, может оказаться менее состоятельным, чем занимающий квартиру в крыльях, потому что главные аппартаменты крыла, оплачиваемые по 650 франков, гораздо лучше, чем последние квартиры в центре, оплачиваемые по 550. Если бы в фаланстере существовал квартал, населенный мелким людом, квартал, который подвергается различным насмешкам, как это имеет место в каждом городе, то был бы потерян чрезвычайно важный вид согласия — слияние трех классов: богатого, среднего и бедного.

Правильная фаланга, каковыми они будут к концу 40 лет, будет иметь 3 или 4 замка, расположенных в наиболее посещаемых местах ее кантона; сюда будут приносить завтрак или вечернюю закуску в случаях, когда соседние когорты соединятся в данной местности для какой-нибудь работы. Они потеряли бы зря время, возвращаясь для принятия пищи в фаланстер, который может находиться в стороне от их обратного пути.

Каждая серия будет также иметь свой замок в пункте, расположенном вблизи ее земледельческих работ; каждая группа — свой бельведер или маленький складочный павильон. Но в опытной фаланге не будет всей этой роскоши; здесь будет достаточно нескольких скромных сараев и убежищ. Нужно будет только стараться хорошо расположить фаланстер и средства, способные соблазнить, как, например, крытые навесом сообщения.

Они будут чрезвычайно сильной приманкой для богатых людей, которые с первого же дня почувствуют отвращение к домам, дворцам и виллам строя цивилизации, к улицам, покрытым грязью, и к экипажам, в которые надоедает по двадцать раз в день садиться и выходить. Им будет приятнее в дождливое или холодное время ходить по паркету или по стеклянному полу на все внутренние собрания, шагать по кулуарам, отапливаемым или охлаждаемым, в зависимости от времени года. Для любопытных крестьян это — первый соблазн: он побудит их обежать все мастерские, скотный двор, восхищаться ловкостью групп, их хорошим внешним видом, их постепенным расположением по трудовым операциям. Через три-четыре дня они примут участие в некоторых из этих операций; таким образом, даже в фаланге уменьшенного масштаба желающих вступить в нее представителей богатого класса окажется больше, чем нужно.

Остается сказать о материале строительства: в этом отношении нужно будет итти по пути экономии, строить из кирпича и из бута, потому что, даже при основании полноценной фаланги большого масштаба, в этом первом опыте невозможно точно определить подходящие размеры для каждого серистера и для каждого скотного двора. Эту пропорцию можно будет точно установить лишь тогда, когда будет известно, каким видом труда предпочтет каждая фаланга заниматься, и когда, благодаря опыту нескольких лет, будут точно выявлены соперничества и согласия в каждой стране.

Через три-четыре года каждая фаланга будет иметь много новых взаимоотношений, много новых серий, которых она сперва не в состоянии была организовать; следовательно, здания, построенные вначале, окажутся весьма неудобными через 10 лет, а тем более через 20 и 30 лет. Тогда все фаланстеры земного шара будут заново перестроены с большой пышностью, потому что люди на опыте познают, что в новом общественном строе роскошь в архитектуре, как и во всем остальном, является семенем притяжения и, следовательно, путем к обогащению.

В этом плане я выпускаю много подробностей: я их дал в достаточном количестве, чтобы они могли служить руководством при организации фаланги уменьшенного масштаба, акционеры которой, сокращая данный план, должны будут к нему по возможности приближаться в смысле расположения зданий.

ЧЕТВЕРТОЕ СООБЩЕНИЕ

УМОЗРИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ПРИГОТОВЛЕНИЙ

Я должен был посвятить здесь две главы тем камням преткновения, на которые придется натолкнуться при организации фаланги уменьшенного масштаба, и тем порокам управления, которых нужно вначале избегать. Обе эти инструкции, хотя

и чрезвычайно важные для основателей фаланги, я в числе прочих опускаю, чтобы сократить изложение; я на них остановлюсь в заключении, если позволит место.

ГЛАВА XIII

ИССЛЕДОВАНИЯ О ТОМ, КАКИЕ СЕРИИ НУЖНО ПРЕДПОЧИТАТЬ В ЖИВОТНОМ ЦАРСТВЕ

Опытная фаланга поступила бы неразумно, если бы она стремилась образовать серии во всех отраслях деятельности, где это окажется возможным. Нужно сделать отбор: я сейчас намечу принципы такого отбора.

Вначале фаланге будет нехватать многих средств производства, как то: плодовых садов, лесов с методическим лесооборотом, животных, гармонически развитых путем комбинированного воспитания, ирригационных каналов и т. д. Между тем необходимо будет образовать большое число серий, потому что теория указывает, что

для фаланги полной гармонии и согласий высшего порядка количество серий должно быть . . . . . .405 — $^{9}/_{9}$,

для контурной гармонии, сообразно слабым средствам, которые будут налицо в первые годы. . . . . 135 — $^{3}/_{9}$;

для *минимального* опыта на самой низкой ступени приближения . . . . . 45 — $^{1}/_{9}$.

Рассмотрим же ассортимент серий, который можно будет выбрать, чтобы поднять опытную фалангу на *наивысшую ступень контурной гармонии,* организовать в ней, по меньшей мере, 135 хорошо механизированных серий и даже от 150 до 200. Выбор должен будет пасть:

1) На царство животное предпочтительно перед царством растительным, потому что царство животное поддерживает серии в постоянном действии в течение зимней безработицы.

2) На царство растительное предпочтительно перед промышленным производством, потому что оно более привлекательно и прямо способствует согласиям (см. гл. VII).

3) На приготовление пищи, потому что эта работа производится непрерывно и является инициативной в промышленном притяжении (см. раздел IV). Этот труд связан с производством и потреблением и наиболее способен поддерживать дух интриги.

4) Наконец, на фабрики притягательные в большей мере, чем на прибыльные, так как политика основателей фаланги должна иметь целью полное равновесие страстей, а отнюдь не прибыли, которые плохо вяжутся с новой общественной системой. Эти прибыли вылились бы в надувательство, если бы они не вели к цели, заключающейся в быстром развертывании механизма промышленного притяжения, в расстройстве си-

стемы цивилизации с первой же кампании, со второго месяца полного хода работ, и в получении, благодаря блестящему успеху, награды и прибылей от основанного дела, дохода от любопытных и т. д.

Установив эти принципы, я перехожу к обозрению занятий, наиболее подходящих для опытной фаланги, страдающей от многочисленных пробелов притяжения и от своего одиночества (solite).

Начнем с царства животного, исключая живущих в воде, именно с домашних и производительных животных.

Это царство наиболее бедно полезными видами. Два вредных акта творения, заселившие наш земной шар, дали нам так мало ценных помощников в виде птиц и четвероногих, что Франция располагает едва 16 видами, из которых некоторые слишком мало подразделены на разновидности, чтобы дать занятие целой серии групп. Эти виды следующие:

Собака	баран	курица	утка
лошадь	овца	фазан	гусь
осел	свинья	голубь	индюк
бык	кролик	павлин	цесарка.

Эти виды, из которых я исключаю курицу, не могли бы дать занятие пятнадцати промышленным сериям из 3, 4, 5 групп, культивирующих такое же число разновидностей; осел, овца, кролик, павлин, цесарка едва займут одну или две группы по каждому виду; разве только будут образованы серии *по пищевым градациям,* в ведении которых находились бы разновидности, предназначенные для питания и изготовления одежды, и которые боролись бы за превосходство различных способов ухода, применяемых к одному только виду животных. Именно этот путь и нужно будет избрать.

Эти серии по уходу за животными — *искусственны,* потому что они устанавливаются на основе не природных различий вида, но отличительных особенностей воспитания и выкармливания. Это — *привитые* серии, которые искусственно вводят систему серии там, где природа не представляет средств ее установить.

Примечание. Я помещаю павлина среди производительных птиц. Римские гастрономы считали его очень лакомым блюдом. Странно с нашей стороны пренебрежение этим блюдом, как странно в богемцах их отвращение к ракам: они не считают возможным их есть, хотя их реки полны раков. И тот же рак является изысканным кушаньем парижан, которые в отношении гастрономии стоят несравненно выше богемцев.

Лебедь и кошка не считаются производительными, хотя лебяжий пух и находит себе весьма выгодное применение, а кошачье мясо охотно едят, даже не будучи голодны. Это мясо равноценно кроличьему; спрос на него особенно велик в осажденных городах.

Верблюд, буйвол и бизон — животные не местного происхождения — ни во Франции, ни в Англии; сверх того, первые два, вследствие своей малой привлекательности, не могли бы быть предметом эксплоатации для опытной фаланги; она не должна себя загромождать крупными животными. Уход за ними отнимает слишком много рук и времени, а это было бы препятствием для образования многочисленных серий.

Другие виды, как куропатка, которую легче приручить, чем курицу, и которую можно, с помощью собак, водить стаями, находятся в полном пренебрежении. Вероятно, перепел также стал бы ручным *во втором или третьем поколении*, как и дикая утка, которая не приручается в первом поколении. Забота о куропатках и перепелах даст занятие чрезвычайно полезным сериям, с большой силой притяжения.

Два акта творения, заселивших наш земной шар, отличаются ужасающей бедностью по части производительных насекомых. Одна только пчела может занять серию по различным видам ухода или *привитую серию,* искусственно созданную.

Я не принимаю во внимание кошениль, насекомое теплого климата. Я не знаю, какова продолжительность жизни этого насекомого и заменяющего его насекомого червеца: может ли оно дать занятие серии или только временной группе.

Разведение шелковичного червя — труд, совершенно не подходящий ни в каком смысле для опытной фаланги. Этот труд отвратителен и имел бы то неудобство, что отвлекал бы всю молодежь в ту пору, когда нужно будет работать в садах, на скотных дворах, в голубятнях, где интриги слияния трех классов — бедного, среднего и богатого — начнут завязываться; нужно будет остерегаться всего того, что могло бы ослабить эти интриги. Сверх того, этот труд отвлекал бы еще от работы с печами-инкубаторами, которая совпадает по времени, чрезвычайно хорошо увязывается со всей земледельческой системой и имеет то преимущество, что дает средства к существованию серии *бесконечно малой* (см. определение этой серии, гл. XIV).

Разведение крупных четвероногих, лошадей и быков, мало подходит для интриг опытной фаланги. Она на этом потеряет слишком много времени, не обладая ни ловкостью, ни знаниями, которые приобретут поколения, воспитанные в строе гармонии. Кроме того, она не будет иметь лошадей и быков, усовершенствованных гармоническим уходом; с 1 000 таких животных легче справиться, чем с 12 нынешних. Значит, работа по уходу за лошадьми и быками будет в большинстве случаев возложена на когорты из ста наемных рабочих. Они будут чрезвычайно необходимы в этой отрасли труда, потому что фаланга будет иметь больше быков и гораздо больше лошадей, чем наши деревенские жители, особенно маленьких лошадей карликовой породы, на которых могла бы ездить детская кавалерия (см. раздел III).

Резюмируя сказанное, приходим к заключению, что домашние птицы и четвероногие смогут дать средства к существованию лишь небольшому числу серий. Чтобы увеличить число последних, нужно будет прибегнуть к способу, который я назвал *серией режима, или привитой серией.* Этот способ заключается в том, что благодаря различным методам питания и содержания уход за одним и тем же животным порождает дух партии, раздора и соперничества между различными группами. Это значит возложить на методическую серию труд, который, сам по себе, не мог бы явиться предметом соперничества серий.

Невзирая на такие возможности увеличить в животном царстве число промышленных серий, не думаю, чтобы можно было образовать на этой основе более 20 серий, потому что нужно исключить серию цыплят, птиц, которые, представляя более, чем какие-либо другие, возможности для подразделения, будут отнесены к серии высшего порядка, порядка *бесконечно малого.*

Я считаю, что можно будет создать особую животную серию по уходу за собаками; их воспитание будет служить занятием для целого ряда групп и партий, потому что на собак будет возложено много обязанностей, выполняемых теперь людьми. Каждая фаланга будет отправлять ежечасно к соседним фалангам собак с привязанными к шее срочными, но малоценными письмами и через них же получать ответы. Голуби будут выполнять на дальние расстояния те же функции, что собаки по соседству.

Новый общественный строй сделает ручными многие виды животных, загнанные в воды и леса жестокостью или предрассудками цивилизованных. Ассоциация будет иметь парки с ручными зайцами, как мы имеем ручных кроликов. Говорят, будто заяц упрям и не приручается. Да! в первом поколении, как и дикая утка; во втором поколении он станет ручным благодаря двум средствам, неизвестным цивилизованным, а именно:

перерождению в домашнем состоянии во втором и третьем поколениях и

единым и гармоническим методам ухода.

Именно с помощью этих средств ассоциация будет иметь стаи различных водных и лесных птиц столь же легко, как мы имеем стаи гусей, хотя дикий гусь — самая недоверчивая и неприступная из птиц и приводит в отчаяние охотника; и однако, по существу он таков же, что и домашний гусь.

Из числа четвероногих ассоциация будет разводить стада зебр (quaggas), диких ослов, которые будут выдрессированы, как наши лошади. У нее будут стада вигоней, парки бобров, строящих свое водяное сооружение, и, может быть, также ручных оленьих самок и ланей.

Будет у нее также в озерах и в специальных рыбных садках много смешанных рыбных пород, около 20 видов морских рыб, *постепенно* акклиматизированных в пресной воде, садки мерланов, макрелей, камбалы и палтусов в странах, где эти рыбы даже неизвестны. Различия между бытом прирученных животных и бытом диких обусловят оттенки вкуса, какие наблюдаются между мясом дикого кабана и домашней свиньи, мясом утки домашней и дикой.

Учитывая наличные средства, можно полагать, что птицы и животные дадут занятие, примерно, двум десяткам серий, включая сюда и привитые, или искусственные, серии.

Можно было бы добавить сюда еще 10 серий, именно: две охотничьи, две для рыбной ловли, три для птичников, три для выкармливания рыбы в бассейнах. Всего 30 промышленных серий по животному царству.

Рыбный промысел вскоре даст возможность организовать значительно большее число серий, но это будет только тогда, когда различные районы будут состязаться в этой отрасли, столь же чуждой цивилизованным, как и уход за лесами. А ведь рыба, будучи самым здоровым и приятным продуктом питания, в то же время дешевле других, потому что она питается излишками своего быстрого размножения. Но мы не умеем использовать ни рыб, ни плодовых деревьев, которые нам дают только четверть возможного урожая.

ГЛАВА XIV

ПРОМЫШЛЕННЫЕ СЕРИИ В ЦАРСТВЕ РАСТИТЕЛЬНОМ, ПО СОХРАНЕНИЮ И ОБЩЕМУ УПРАВЛЕНИЮ

Было бы слишком долго исследовать одну за другой серии, которые можно организовать по растениям. Я ограничиваюсь напоминанием правила *компактности* (гл. VI) и инструкции об оставлении *в тени* всякого растения, которое не могло бы стать объектом для серии компактной, хорошо расположенной в постепенном порядке по близким оттенкам.

Разведение растений, включая сюда леса, луга, теплые и вентилируемые оранжереи, сможет занять в течение весны и лета 50 серий. В строе цивилизации известны только теплые оранжереи. По этому пункту, как и по многим другим, умы цивилизованных придерживаются полностью *симплизма*, или простой формы, типичной для гения цивилизации. *Сложные* оранжереи, или теплые и вентилируемые, всесторонне используемые, будут, как и птичники, отраслью чрезвычайно мощного притяжения для трех полов и главным образом для богатого класса. Значит, нужно будет уделить много внимания организации этого рода промышленности.

Разведение лесов и лугов, методически смешиваемых и рассаживаемых, явится подробностью огромного значения; ка-

ждый участок леса и луга получит те деревья и те виды растений, которые для него будут наиболее подходящими. Будут образованы серии *полевого парада,* устраивающие алтари и бордюры из цветов и кустарников вокруг участков, предназначенных для каждого вида растения. Эта роскошь является чрезвычайно ценной отраслью притяжения и интриги.

Привлекательные ремесла, даже в случае организации фаланги большого масштаба, дадут возможность образовать не более 10 — 12 серий (см. подробности в гл. XV и XVI).

Общий итог серий:

Животное царство	30 серий	100 серий.
Растительное »	50 »	
Ремесла	20 »	

Для достижения требуемого числа — 135 серий — остается образовать еще четыре десятка; рассмотрим же домашние работы, способные нам дать недостающие серии, не считая приготовления пищи, которое будет предметом особого счета.

1, 2, 3. *Амбары* для хранения зерна, овощей, кормов. 4, 5, 6. *Погреб, подвал* для хранения пива, сидра, уксуса и других напитков и *главный погреб,* обильно снабженный продуктами и весьма благоустроенный для показа любопытным. 7, 8, 9. *Хранение фруктов:* будет закупаться огромное количество фруктов для консервирования; эта отрасль займет, по крайней мере, три серии. 10. *Овощехранилище,* место для сохранения в траве или под землей или в сосудах с обработкой. 11. *Маслобойня.* 12. Общее *семеноводство.* 13. *Молочная ферма* без производства сыра. 14, 15, 16. *Подавальщицы и камеристки,* обслуживание за столом и уборка комнат. 17. *Серия меблировки* — сохранение движимого имущества, начиная от зеркал до кухонной посуды. 18, 19. *Ирригация,* включая сюда заботу о насосах и трубах. 20. *Няни,* заботящиеся о сестере малышей. 21. *Кормилицы,* включая сюда их заместительниц. 22. *Воспитательницы и воспитатели* обоего пола, занимающиеся с детьми в возрасте от 2 до 3 лет и способствующие проявлению у них промышленных призваний. 23. *Воспитатели* и *воспитательницы,* занимающиеся с детьми в возрасте от 3 до $4^1/_2$ лет, способствующие выявлению их характеров и дающие оценку характерам и темпераментам. 24. *Медицинский персонал* всех квалификаций, вплоть до санитаров. 25, 26. *Учебная часть,* гораздо более обширная, чем в строе цивилизации. Я имею в виду обучение земледелию и ремеслам. 27, 28. *Маленькие орды* и *маленькие банды* — главные серии по линии воспитания (см. раздел III). 29, 30, 31. *Гармония* вокальная и инструментальная, серия пения, гимнов, серия струнных инструментов и серия духовых инструментов. 32. *Комедия* — серия по различным ее видам, расположенным в постепенном порядке. 33. *Опера* всех видов. 34, 35. *Хореография* и *гимнастика.* 36. *Периодическая повинность.* 37, 38. Наконец, *две се-*

рии переходного порядка в животной и растительной промышленности, а может быть, и четыре.

Эти 40 серий составляют дополнение к предыдущим 100, потому что *минимум* контурной гармонии — это 135 серий. К сожалению, я опускаю подробности, касающиеся каждого вида работ, и даю только один отрывок.

Периодическая повинность охватывает все работы, где притяжение изолировано или отсутствует, как занятие почтальона или курьера, дежурного на телеграфе, дежурного по богослужению или по поднятию знамени, или дежурного по колокольне, ночные дежурства двух сторожей — фаланстера и караван-сарая, дежурный по утреннему подъему в фаланстере и на скотном дворе, ночной сторож, караульный у огня и на маяке и т. п.

Серия, несущая повинность, получает большой дивиденд, кроме откупной платы богатых, которые откупаются от этих дежурств, как у нас от военной службы. Откупная плата поступает серии в целом, а не отдельным ее членам, потому что индивидуальное обслуживание по найму было бы унизительным в ассоциации.

Кроме того, членов этой серии поощряют различными льготами, как то: предоставлением им стола второго класса (они обычно абонированы на стол третьего класса); принимаются также меры к тому, чтобы день отбытия повинности, наступающий приблизительно каждые полмесяца, был бы днем веселья для участников этой работы.

Эти предосторожности покажутся совершенно излишними цивилизованным, которые привыкли рассматривать порабощение как моральную мудрость. Но здесь идет речь о создании промышленного притяжения, согласованного распределения и слияния трех классов. Следовательно, нужно особенно остерегаться унизить какое-либо занятие и возбудить недовольство какого-либо класса; нужно иметь верные средства для придания веселья отталкивающим и презираемым работам (см. о маленьких ордах в разделе III).

Я здесь повторяю правило, преподанное мной там, где речь шла о работах по животному царству: нецелесообразно посвящать себя уходу за крупными видами — лошадьми, быками и большими растениями, лесными деревьями, это отнимало бы слишком много времени у нашего малоопытного поколения. Однако нельзя пренебрегать этим так, как это имеет место теперь. Но основная цель — образовать большое число серий, хорошо связанных интригой: серии, разводящие маленькие цветочки и мелкие овощи, будут почти столь же полезны, как и серии, культивирующие дубы и ели, уход за которыми потребует в десять раз больше времени.

Кроме этой массы свободных серий, которые я выше описал, фаланга должна иметь в центре своего механизма, по крайней мере, четыре серии с точным размером функций и

четыре серии, распределяющиеся по бесконечно малым оттенкам. Опытная фаланга сможет образовать только одну серию с точным размером функций, именно серию возрастов и 32 хора (глава VII) и максимум две серии, подразделяющиеся до бесконечно малого по принципу подсерий; по курятнику возможно будет образовать одну серию (в расположении этой серии вместо 8 ступеней будет максимум 5 — см. I, 446—457).

Можно будет образовать вторую серию, подразделяющуюся до бесконечно малой величины по гастрономии: это удовольствие, вполне допускаемое нашими нравами, запрещается только моралью.

До сих пор мы определили число серий, которые сможет образовать опытная фаланга, приблизительно в 140; но я заявил уже, что нужно еще принять в расчет большую отрасль, отрасль приготовления пищи, благодаря которой общее число серий достигает 200; потому что поварское искусство сможет создать около 60 серий, тем более ценных, что большинство из них будут постоянными, работающими круглый год.

Нет такого продукта питания в царстве животном или растительном, который не мог бы занять и заинтриговать процессом своего приготовления серию, а иногда и несколько серий; курица и свинья, картофель и капуста, каждое в отдельности послужит предметом занятия нескольких серий, которые можно будет даже сделать *двойными*[1], путем увязки интриг приготовления с интригами производства.

Коцебу говорит, что парижские рестораторы умеют приготовлять яйца 42 способами. Он в Париже не нашел ничего более замечательного. Значит, яйца могут служить предметом занятия для трех двойных кулинарных серий, из коих каждая могла бы состоять из 12—15 групп.

Но это большое число серий удастся образовать лишь постольку, поскольку будет принят принцип, противоположный установкам моралистов, принцип крайнего рафинирования вкусов и страстей, средство, без которого разновидности вкуса не были бы оценены и серии не могли бы образовать своих лестниц ни в отношении продуктов, ни в отношении кулинарного приготовления. Как можно было бы заинтриговать 20 групп, культивирующих 20 разновидностей одного

---

[1] Следовало бы дать главу о видах серий. Выше я указал *двойные* серии, я говорил также о *привитых* сериях, о *сцепленных* сериях при рассмотрении вопроса о жилищах; есть большое число других серий, определение которых заняло бы большую главу; но если останавливаться на всех дидактических мелочах, мы никогда не кончили бы с изложением элементарных сведений.

Например, нужно будет образовать серии *отраслевые*, которые черпают из всех серий того же рода: если речь идет о семенах, каждая серия собирает и сохраняет свои семена, но главная семенная серия черпает во всех других, чтобы образовать коллекцию с полным ассортиментом и приготовленную к продаже. Значит, отраслевая серия является стержневой для всех остальных того же рода.

вида, если бы потребители ели безразлично каждый из этих 20, не различая ни качества продукта, ни его приготовления?

Кухня, столь презираемая философами, оказывает на земледельческое соревнование то же действие, что прививка на фрукты: она удваивает его ценность. Интриги сельскохозяйственных работ, интриги ухода за животными и птицей удваивают свою интенсивность в результате связывания их с интригами кулинарного приготовления. Отсюда рождаются *двойные* серии. Одна стимулируется другой; они являются могучими силами промышленного притяжения.

В нынешнем порядке вещей земледелие страдает двумя пороками, противоположными этим прекрасным свойствам кухни в ассоциации: один — это отталкивающий труд, выполняемый по найму и в силу необходимости; другой — это предоставление хорошей пищи только праздным. Тот, кто обрабатывает землю, не заинтригован ни специальным притяжением к своему промыслу, ни особенностью своего способа обработки, ни спорами относительно приготовления продукта, потому что он ими не питается или ест только его отбросы, к тому же чрезвычайно плохо приготовленные. Фаланга, напротив, должна производить каждый животный или растительный продукт в таком количестве, чтобы его хватило для абонентов на стол третьей категории: иначе они не будут заинтригованы в этом производстве.

Таким образом, наш земледельческий механизм порочен во всех отношениях вследствие отсутствия интриг, относящихся к продукту, и отсутствия чувственной утонченности, являющейся уделом только праздных, для которых она совершенно бесполезна, потому что она лишь внушает им презрение к плачевным условиям существования народа, который трудится для удовлетворения их прихотей.

Этот коренной порок механизма цивилизации станет для нас более осязательным, когда мы полностью познакомимся с теорией ассоциации. Попутно следует заметить, что методы, употребляемые моралью, всегда идут вразрез с намерениями природы. Это главный тезис, который должен быть доказан в трактате о притяжении страстей, потому что мораль и притяжение друг другу враждебны: мораль хочет привести к социальному согласию путем подавления страстей, притяжение ведет к этому путем полного развития страстей.

ГЛАВА XV

ВЫБОР ФАБРИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО РЫНКА

Этот выбор является одной из наиболее щекотливых операций. Речь идет об установлении между мануфактурами и земледелием того взаимного соответствия, при котором ка-

ждый из этих 2 видов производства способствовал бы успеху другого: они пришли бы к столкновению, если бы не соблюдался принцип благоприятствования подъему промышленного притяжения предпочтительно перед видами на денежную прибыль; такая ошибка свойственна всем руководителям при цивилизации.

В соответствии с этим правилом нужно будет при выборе фабричных производств фаланги заботиться о наличии у каждого из них двоякого рода связи с земледелием:

в плоскости страсти к интриге и

по линии местного интереса.

Отметим предрассудки, враждебные этим двум методам.

Фабричные производства, столь восхваляемые в политической системе новейших народов, которые ставят их на одну доску с земледелием, фигурируют в новом общественном строе только как вспомогательные, в дополнение к земледельческой системе, как занятия, подчиненные запросам последней.

Я отнюдь не хочу сказать, что их будут мало ценить в новом строе, потому что всякая фаланга организует свое фабричное производство и всякий индивидуум, который с юного возраста воспитан в строе гармонии, будет участником целой дюжины производств. Но фабричные производства займут только второе место, и, невзирая на возможные прибыли, они будут оставлены втуне, когда не смогут более питать интриги, связанные с земледелием кантона.

Предлагать устроить в опытной фаланге хлопчатобумажную фабрику было бы большой ошибкой, потому что эта фаланга, которую я себе мыслю во Франции, Германии или Англии, не будет разводить хлопка. Ее соседи также не будут его разводить; следовательно, она построила бы фабрику, лишенную связи с местными культурами и местными страстями.

Фабрика этого рода вполне допустима лишь тогда, когда фаланги окрепнут в результате производственного опыта нескольких лет, связей и соперничества с соседними фалангами, благодаря механизму частной торговли и т. д. Тогда будет уместно иметь в каждой фаланге фабрику, обрабатывающую иногороднее сырье; это будет для нее средством связи с отдаленными районами.

Но опытная фаланга, механизм которой еще слаб ввиду отсутствия соседей и вследствие многих других пробелов притяжения (II, 631), не может позволить себе роскошь иметь фабрики, лишенные связи с местным земледелием: ведь вначале фаланга — это дитя в колыбели: с ним надо обращаться иначе, чем со взрослыми людьми. Значит, она должна будет по линии мануфактур оперировать исключительно местными или соседними продуктами и производить только продукты, имеющие отношение к ее земледельческим интригам.

Будем различать две категории фабричных производств, которыми она должна будет заниматься: *обиходные и спекулятивные*.

Я называю обиходным производством работы, удовлетворяющие повседневную потребность; таковы занятия столяров, сапожников, портных, прачек и т. д. Этого рода фабрики общеполезны, необходимы и не являются спекулятивными, потому что ни один кантон не может без них обойтись. Сюда я добавляю те фабрики, надобность в которых имеется во всяком соседнем округе, как седельные мастерские, бочарни, шляпочные мастерские, артели ножовщиков и т. д. и т. д.

Спекулятивные фабрики — это те, продукт которых является предметом внешней торговли и на подборе которых мы еще остановимся. Установим сначала для этого подбора три общих принципа:

1) Установить притяжение пропорциональной силы для трех полов: не всякая фабрика сможет одинаково подходить для всех полов. Нужно будет даже соблюдать эту градацию, выбирая одну по вкусу детей, другую по вкусу женщин и третью по вкусу мужчин, таким образом, чтобы совокупность спекулятивных фабрик могла создать для каждого из трех полов пропорциональные дозы притяжения.

2) Сохранить для женщин половину мест в прибыльных отраслях. Нужно будет избегать того, что наблюдается у нас, где на женщин возлагаются неблагодарные занятия, где философия им отводит рабскую роль, полагая, что женщина создана только для того, чтобы варить суп и чинить старые штаны.

В ассоциации женщины весьма скоро займут то место, которое предназначила им природа: роль соперниц мужского пола, а отнюдь не его подчиненных. Нужно заботиться о том, чтобы этот эффект получился сразу в опытной фаланге; иначе ее механизм будет поколеблен в различных точках.

3) Организовать каждую фабрику в серию соперничеств по тройному и четверному методу. Значит, нужно будет привлекать рабочих инструкторов в тройном количестве и по тройной системе.

Так как эти рабочие будут привлечены для воспитания фаланги, для подготовки учеников, проникнутых страстью к интриге, то нужно будет остерегаться по каждому роду занятий иметь только одного учителя; для всякого рода производства должно быть три или четыре учителя, потому что один мог бы оказаться плохой школы, как мы это наблюдаем среди парикмахеров в Париже, большинство которых не умеет брить, не имеет понятия о том, как ставить и держать бритву, и еще меньше о многочисленных второстепенных предметах их искусства. Ни один из них не умеет поддержать мыльную пену в теплом состоянии; они совершают десятки ошибок столь же смешных, а когда их в этом упрекают,

когда им указывают, что они должны делать, то они выражают крайнее удивление и говорят, что никто им до сих пор этого не говорил.

Значит, нужно для всякого ремесла привлечь столько, сколько возможно будет рабочих, *недовольных существующими* в их профессии приемами, учителей с претензиями, способных *создать школу,* вызвать соперничество, битвы, соревнования. В опытной фаланге нельзя будет точно соблюдать это правило; это потребовало бы привлечения слишком большого количества рабочих, потому что хорошие рабочие чрезвычайно редки; а так как часто они не умеют ни обучать, ни анализировать процесс своего ремесла, то пришлось бы привлечь теоретиков и практиков, что было бы слишком накладно, а потому нужно ограничиться приближением к цели.

После этого изложения принципов, которыми следует руководствоваться при выборе спекулятивных фабрик, я сейчас опишу серию фабрик, которые мне казались предпочтительными для опытной фаланги. Я их указываю за отсутствием лучших предложений.

Спекулятивные фабрики первой очереди:

1. Для мужчин и мальчиков — столярная мастерская *A*
2. » женщин и девочек — парфюмерная фабрика *B*
3. » мужчин, женщин и детей — кондитерская *C.*

Спекулятивные фабрики второй очереди для трех полов:

4. Сыроварня *D*
5. Колбасное производство *E*
6. Искусственное консервирование *F*
7. Цветочное семеноводство *G*

Стержневая ⋉ фабрика струнных инструментов.

Переходная *K* птицеводство.

Примечание. Я указываю здесь только фабрики постоянного характера, а отнюдь не те, которые имеют кратковременное существование, как печи-инкубаторы.

Посмотрим, согласуется ли этот выбор с коллективными притяжениями и соответствует ли он вышеустановленному правилу о создании двоякого рода связей по линии *страсти и интереса* между фабриками и местным земледелием.

1. *А. Столярная мастерская.* Обработка дерева нравится мужчинам всякого возраста и в особенности детям, для которых высшим счастьем является возня с маленькими пилами, маленькими топорами и маленькими рубанками, сверлами, ножницами и т. д.; столярная мастерская полна для детей такого же очарования, как и кондитерская.

Эта фабрика установит *связь страсти* между двумя возрастными категориями мужского пола, между отцами и детьми, затем связь местного интереса, благодаря использованию местного сырья, потому что для производства мебельной фанеры будут применяться во Франции ореховое, вишневое

дерево, вяз, ясень, клен, предпочтительно перед иностранными древесными породами, затем дуб и другие породы для внутреннего остова мебели.

Фаланга, изучая дефекты древесины при обработке ее в столярной мастерской, примет надлежащие меры для устранения этих дефектов в разводимых лесах и при хранении срубленного леса. Таким образом, будут установлены связи *страсти и местного интереса* с производимым предметом, который фаланга захочет дать наилучшим как продукт ее сельскохозяйственной культуры и ее фабрик.

2. *В. Парфюмерия* нравится женщинам всякого возраста, взрослым и детям. Парфюмерное производство хорошо увязывается с обработкой цветочных полей, которая в новом общественном строе выполняется женщинами. Эта фабрика представит еще то преимущество, что она внушит женщинам интерес к полевым работам, приучит их культивировать в большом поле под передвигаемым навесом цветы, которые они теперь выращивают в горшках без всякого соперничества и энтузиазма, равнодушные к интересам своей страны и к ее репутации.

Парфюмерное производство и связанные с ним земледельческие работы вполне по вкусу слабому полу, подобно тому как обработка дерева соответствует наклонностям сильного пола. Впрочем, эти две фабрики смогут допускать различные смешения полов, так как каждая сможет дать занятие и другому полу, как и детям.

3. *С. Кондитерская.* Работы, связанные с этим производством, соответствуют вкусам всех трех полов и всех возрастов.

Управление печами и замешивание теста — тяжелый труд, который подобает мужчинам.

Женщины займутся приготовлением фруктов и других материалов, раскладыванием теста по формам и т. д.

Дети найдут здесь большое количество мелких занятий, как заделка изделий в коробки, их сортировка и наклейка этикеток. Эта фабрика, употребляя в своем производстве сахар, цветы, фрукты, растения, духи и ликеры, имеет чем удовлетворить вкусы различных возрастов и полов; она чрезвычайно хорошо связана с местной промышленностью, так как употребляет продукты местного происхождения в комбинации с продуктами, привозимыми из дальних стран.

К тому же опытной фаланге будет на месте обеспечен сбыт ее кондитерских изделий любопытным богатым людям, которые захотят ее осмотреть и провести в ней три-четыре дня. Было бы нелепо со стороны фаланги тратить время от времени сотни тысяч франков на покупку кондитерских изделий, производство которых обойдется ей вдвое дешевле и будет значительно благоприятствовать промышленному притяжению.

Такой подбор спекулятивных фабрик наилучшим образом соответствует первоначальным запросам опытной фаланги. Она должна будет пригласить для производства этих трех видов, по меньшей мере, двенадцать хороших учителей по четыре на каждую из трех отраслей.

Все же эти производства, хотя чрезвычайно подходящие, не могли бы возбудить никакого притяжения, если бы мастерские фаланги были столь грязны, как наши, которые в силу своей неприглядности не могут служить приятным зрелищем, способствовать внедрению роскоши и возбуждать энтузиазм. Роскошь — это первая цель притяжения, это его первая потребность; поэтому она не может народиться непосредственно в промышленности, откуда роскошь изгнана; это — порок всех наших мастерских в строе цивилизации.

Но если серистер кондитерского производства построен для 500 — 600 человек — мужчин, женщин и детей, носящих роскошные платья и располагающих высококачественными орудиями труда, то можно будет, даже в печном зале, наиболее грязном, достигнуть красоты форм путем облицовки печей различными мраморными плитками, частой покраской стен в серый и коричневый цвет и частым освежением карнизов. Другие комнаты, не подверженные копоти, могут быть снабжены всякого рода украшениями, серистер в целом будет не менее соблазнителен, чем сахарные часовни наших кондитеров к новому году.

Эти три фабрики первой очереди имеют целью давать в течение зимы занятие большим, хорошо заинтригованным сериям и восполнять пробелы земледельческого притяжения.

Перехожу к фабрикам второй очереди, которые близко соприкасаются с земледелием, но могут быть обособлены от последнего и образовать самостоятельные предприятия.

4. *D. Сыроварня,* производство сыра и масла. Опытная фаланга могла бы продавать свои молочные продукты соседнему городу, но гораздо лучше производить из молока сыр; он непременно будет высокого качества вследствие забот фаланги о кормах и тщательного ухода за коровами.

Производство молочных продуктов по сердцу женщинам, это их удел; нравится оно и детям. Производство сыра представляет различные занятия и мужчинам.

Такая фабрика прекрасно сочетается со скотоводством; она чрезвычайно способна возбуждать соперничество вокруг различных систем откармливания животных и ухода за ними. О преимуществе той или иной системы можно будет судить по вкусу сыра трех различных партий, приготовленных из молока одного и того же животного при различных системах ухода за ним. Если бы продавали молоко, как таковое, то нельзя было бы узнать, какого качества сыр или масло из него получается. Чем определеннее будет установлено преимущество того или иного молока, тем с большим увлечением

различные группы будут применять свои методы. Значит, такое производство соответствует обоим правилам: здесь налицо и страсть к интриге и местная заинтересованность.

5. *E. Колбасное производство* тоже хорошо связано с механизмом земледелия и привлекательно даже для женщин; они очень искусны в приготовлении различных свиных изделий. Мужчины охотно возьмут на себя труд по засолке мяса, а дети непрочь повозиться с кишками. Впрочем для неприятных работ можно использовать когорту из 100 наемных рабочих.

Такую фабрику можно отнести к числу притягательных. Страсть к интриге здесь развивается в связи с уходом за свиньями, число которых в фаланге будет очень велико благодаря наличию множества отбросов кухни и столовых. Будет установлено несколько систем откармливания свиней, и серия колбасного производства станет оперировать свининой различного качества и различного вкуса в зависимости от способа кормления.

В этом производстве будет применяться способ вымачивания, который дает прекрасные продукты, вроде гамбургской копченой говядины. Эта серия чрезвычайно полезна для постепенного приучения детей к работе мясников, чтобы к концу двух лет можно было обходиться без наемных мясников, находящихся вне гармонии.

6. *F.* Искусственное *консервирование* фруктов и овощей — отрасль промышленности чрезвычайно распространенная, привлекательная, но сильно пренебрегаемая по Франции, где не умеют консервировать даже зеленые бобы, тогда как в Германии консервируют зеленый горошек, приготовляют кислую капусту, повидло из слив и много других продуктов из овощей и плодов. Гармонийцы будут снабжать этими продуктами свои столовые в течение всего года, даже столовые низшего класса, или третьей категории.

Франция умеет консервировать плоды только для приготовления водки и некоторых низкосортных продуктов, вроде сушеных груш. Опытная фаланга должна будет объединить все отрасли искусственного консервирования и сделать их главным предметом занятий своих первых отрядов, которые будут организованы до функционирования половины производства. Они будут применять методы Аппер (d'Appert) и другие, чтобы максимально расширить эту серию, чрезвычайно ценную как для хорошего стола любопытных крестьян, так и для населения самой фаланги: они будут питаться плодами и ценными овощами в ту пору, когда их не имеют даже вельможи в столицах.

7. *G. Цветочное и овощное семеноводство.* Искусство собирать, приготовлять, сортировать и сохранять семена почти неведомо цивилизации. Крестьянин об этом предмете не имеет понятия и не располагает необходимыми для этого сред-

ствами. Труд семеновода возлагается на нескольких горлодеров-торгашей, таких же мошенников, как и продавцы саженцев.

В первой фаланге этот труд будет выделен в особую серию, с которой будет находиться в деловых отношениях каждая земледельческая серия и группа. Это — серия *отраслевая:* она черпает необходимый ей материал во всех сериях того же порядка, во всех сериях растительного царства. Партии семян ей поставляются для продажи, независимо от семян, которые сохранит каждая группа для своего употребления.

Читателя удивит то, что я выдвигаю в качестве главной фабрики производство струнных и духовых музыкальных инструментов: мне возразят, что такая фабрика недостаточно удовлетворяет двум указанным мною условиям.

Это — заблуждение: она хорошо сочетается с земледелием вследствие употребления древесины для своего столярного цеха; связывается она также хорошо и со способностями женщин и детей через свой цех инкрустации, производящей мелкие украшения из дерева, слоновой кости, перламутра и т. д. Я полагаю, что будут приняты украшения из перламутра и дерева, а отнюдь не из меди.

В этой отрасли труда связь на основе страсти будет обусловлена тем, что каждый член фаланги к концу шести месяцев станет музыкантом, за исключением наций, лишенных музыкального слуха, каковы французы. В Италии же и в Германии каждый станет музыкантом по истечении трех месяцев по организации ассоциации. Каждый займется музыкальными инструментами и будет проявлять живой интерес к этому производству. Оно увлечет все три пола и будет благоприятствовать музыкальному прогрессу, имеющему огромное значение в гармоническом воспитании.

Что касается денежных выгод, то в начале существования ассоциации музыкальные инструменты будут как нельзя более ценны. В течение первых трех лет станет совершенно невозможно приобрести такой инструмент и вдруг найти в продаже миллион органов, 20 миллионов скрипок и альт, 6 миллионов басов и контрабасов и соответственное количество всех других оркестровых инструментов. Следовательно, фабрика музыкальных инструментов будет чрезвычайно удачной по выбору производства и чрезвычайно выгодной в отношении индустриального притяжения и прибыли.

К. Птицеводство, или разведение красивых птиц — больших и маленьких, — также труд, который хорошо соответствует требованиям двоякого рода связи и продукты которого будут чрезвычайно ценны, потому что каждой фаланге нужны разного рода птичники. Это — важная отрасль притяжения и средство для воспитания в детях богатого класса ловкости и умения в уходе за голубями. Этой отраслью промышленности пренебрегают в строе цивилизации, потому что птицы имеют неприглядный вид в грязных и вонючих лавчонках парижских

птицеводов; птиц с неприятным криком и птиц поющих садят вместе без разбора в тесные клетки, где их движения стеснены и где они заболевают инфекционными болезнями.

Серистер птицеводства будет огромной голубятней с рядом отделений для различных видов птиц: все они будут содержаться роскошно и удобно на большом пространстве, где устроены летние вольеры с деревьями и кустами, ручьями, газоном и навесами. Беспокойные птицы, вроде попугаев, будут достаточно удалены, чтобы не тревожить птиц гармоничных или мирных.

Птицеводство — отрасль промышленности, которая не могла бы быть организована в крупном масштабе у цивилизованных, она будет одной из достопримечательностей опытной фаланги.

Таких фабрик будет много, что позволит первой фаланге организовать торговлю предметами фабричного производства с другими фалангами, образованными вокруг нее. Что касается людей, живущих в условиях цивилизации, то отсутствие торговых сношений с ними не имеет для фаланги значения, потому что правильная торговля может быть установлена только между фалангами, а всякая торговля со лживыми существами, каковы цивилизованные, не может ни в коем случае возбуждать интриги, благоприятные для промышленного притяжения.

Некоторые основатели будут настаивать на выборе более изящных производств, чем *D* и *E*, каковы вышивание, позументирование, способные увлечь женский пол. Но эти работы чрезвычайно неблагодарны в отношении прибыли. Сверх того, они могут удовлетворить только одно из требований, т. е. способствовать притяжению страстей, но отнюдь не устанавливать связь с местными производствами. Значит, обе эти фабрики не могли бы питать интригу соперничества по линии эксплоатации животного и растительного царства. Между тем, сыроварня, колбасное производство хотя и не представляют собой изящных производств, однако соответствуют вкусу женщин, связываются с работами в животном и растительном царстве посредством соперничества по линии систем кормления, качеств молочных продуктов и мяса.

Вышивка и позументные работы представляют то преимущество, что они удобны для зимних занятий двух классов — богатого и среднего; но это удобство обусловлено только отсутствием интриг, которых эти два класса лишены в своем домашнем быту. Этой духовной пустоте не будет места в ассоциации. Впрочем, можно допустить функционирование и этих двух фабрик и других, исследование которых завело бы нас слишком далеко.

Я не стану утверждать, что 9 фабрик, обозначенные *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F*, *G*, ≍, *K*, были бы исключительно подходящи для опытной фаланги. Повторяю, подбор фабрик, рассчитанных

на легкую и быструю выгоду, способных интриговать серию, должен сообразоваться с местными средствами, которых я не могу предвидеть; я хотел только указать правила, которые должны служить компасом при подобном выборе; показать, как должно установить двойную связь — интриги и местного интереса — между членами фаланги и их земледельческими работами.

ГЛАВА XVI

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ СЕРИЯМИ ЛОЖНЫМИ И РЫХЛЫМИ

От спекулятивных фабрик мы переходим к фабрикам обиходным, которые могут дать занятие дюжине серий столь необходимого характера, как прачечная, обработка дерева, обработка кожи и т. д.

Эти серии, которые я сейчас перечислю, в большинстве своем будут дефективны, мало совместимы с двумя из трех правил, установленных в главе VI, — компактность лестницы и *выполнение работ по отдельным операциям*. Это — неизбежный недостаток в течение первых 15 — 20 лет формирования нового общественного строя.

Различных видов труда, некомпактно расположенных по шкале, окажется в опытной фаланге около 50, что составит дюжину серий. Опытная фаланга не пожелает страдать от надувательства со стороны городских рабочих, не станет прибегать к ним каждый раз, когда нужно вбить гвоздь; это значило бы некстати загромождать фалангу цивилизованными. Чтобы обеспечить себя в этом отношении, фаланга пригласит инструкторов по всякого рода домашним работам, которых насчитывается четыре-пять категорий: обработка дерева, кожи, металлов, тканей и т. д. Из этих различных видов труда можно будет составить следующие серии:

A. По дереву — плотники, столяры.
B. То же — бочары, корзинщики.
C. По коже — сапожники, перчаточники, брючники.
D. Смешанные — седельщики, шорники, сундучники.
E. По железу — слесаря, изготовляющие шпоры, кузнецы.
F. Смешанные — каретники, колесники, ножовщики.
G. По украшениям — шляпочницы, вышивальщицы, позументщицы.
H. По тканям — портные, портнихи, штопальщицы, гладильщицы, корсетницы.
I. По металлам — котельщики, изготовляющие железные печи, жестянщики, ламповщики, литейщики, делающие насосы.
L. Смешанные — токари, оружейники.
M. То же — часовщики, ювелиры.
N. По полотну — белошвейки, ткачихи.

Остается ряд профессий, которые трудно распределить по сериям ввиду малой их связи между собой. Таковы: 1) шляпочник, 2) драпировщик, 3) торгующий птичьими перьями, 4) изготовляющий соломенные изделия, 5) делающий парики,

6) выводящий жирные пятна, 7) делающий картонажные изделия, 8) скорняк, 9) печатник, 10) зонточник, 11) упаковщик, 12) чехольщик и 13) оптик.

Фаланге большого масштаба нужны все эти профессии. Ей было бы неприятно прибегать к городским рабочим, чтобы напечатать свой биржевой бюллетень и другие мелкие вещи, починить косы, табакерку, ложку, нож, шляпу. Инструктора, привлеченные во второй и третий отряды, должны подготовить мастеров по этим различным видам труда. Не организуя ткацкой фабрики, нужно иметь хотя бы одну ткацкую группу, чтобы возбудить склонность к этому труду, особенно у некоторых детей, которым он вполне подходит.

Но поколение, воспитанное в строе цивилизации, медленно проникается влечением к этим общеупотребительным видам производства, которые, в силу этой причины, не смогут в первые годы служить базой для правильных серий по каждому виду труда, указанному под цифрами 1—13, и даже по родам труда, обозначенным буквами от A до N. Многие из 12 серий A — N будут лишены компактности в расположении своих групп и, следовательно, будут недостаточно проникнуты страстью к интриге (гл. VI). Это будут серии *(рыхлые),* неполные в отношении импульсов гармонии и равновесия отраслей. Первому поколению необходимо будет удовлетвориться этими дефективными сериями, так называемыми рыхлыми или некомпактными.

Занятия в 1—13 видах труда ведут к образованию только отдельных групп: они не имеют между собой связи; но каждая, по истечении 30 лет, образует серию, потому что дети, воспитанные в новом общественном строе, будут приобщаться к чрезвычайно большому числу ремёсл, при условии *выполнения работ по операциям,* так что для мало распространенной профессии, как упаковщик или зонточник, фаланга легко найдет 3 десятка членов для образования серии.

Образование рыхлых и плохо расположенных серий — ошибка, в которую будут часто впадать неопытные основатели фаланги. Необходимо их предупредить; я слегка уже касался этого в главе VII под заглавием ложные серии. Между рыхлыми и ложными сериями разница небольшая; я называю *ложной* серию, которая плохо подобрана, плохо расположена по оттенкам, но исправима, как это указано в главе VII. *Рыхлая* серия страдает тем же недостатком — неточным постепенным расположением по оттенкам, но она лишена возможности устранить этот недостаток, потому что составлена из профессий, без которых нельзя обойтись, хотя они и недостаточно смежны, чтобы из них образовать серию компактную, хорошо расположенную по оттенкам. В главе VII я дал пример ложной серии; здесь я добавляю пример чрезвычайно методический рыхлой серии.

Работа по металлу.

Переход восходящий — ламповщики, жестянщики.

Крыло восходящее — котельщики, оружейники, слесаря, кузнецы, делающие шпоры.

Центр — каретники, колесники, делающие режущие инструменты.

Крыло нисходящее — делающие насосы, сундучники.

Переход нисходящий — ножовщики.

Здесь ремесла расположены в постепенном порядке, но удалены друг от друга: это — лестница видов, а не разновидностей. Этот порок характерен для рыхлых серий: им недостает компактности, их лестница хотя и правильна, однако не имеет достаточно ступеней, и в силу этого их группы неспособны на смежные соперничества и градуированные разногласия смежных групп. Это — серии с урезанной лестницей, потому что она образована из видов; хорошая лестница образуется только из очень близких разновидностей, несозвучных и завистливых. А здесь эти двенадцать групп имеют слишком отличные друг от друга занятия, чтобы порождать разногласия: они образуют рыхлую серию, лишенную игры страсти к интриге.

Первому поколению придется образовать по всем функциям обиходных фабрик и даже в других отраслях промышленности такие дефективные серии, слагающиеся из далеких друг от друга видов. Сверх того, механизм нового общественного строя сможет быть вначале только рыхлой гармонией, потому что он будет лишен свободы любви, которую можно установить только во втором или третьем поколении; не будет у него и гармонизованной семьи, которая народится лишь в четвертом и пятом поколениях (см. раздел V, то, что касается гармоний семейств и наследства).

К счастью, земледельческие серии опытной фаланги не будут страдать таким недостатком компактности, который парализовал бы все; их можно будет образовать по лестнице разновидностей, хорошо различаемых по оттенкам, способствующим полному развитию трех механизирующих страстей.

Принципы, которые я только что установил о выборе и направлении как обиходных, так и спекулятивных фабрик, резко противоречат принципам науки, называемой политической экономией, в глазах которой всякая индустрия полезна, лишь бы создавала легионы голодных, которые продают себя по дешевой цене завоевателям и владельцам мастерских. Извращенная конкуренция всегда приводит эту массу к наименьшей заработной плате в эпоху подъема промышленности и к нищенству во время застоя.

Новый общественный строй видит в промышленных предприятиях только дополнение к земледелию, средство отвлекать людей от затишья страстей в долгие зимние будни и проливные дожди. Поэтому все фаланги земного шара будут иметь фабрики, но они будут стараться довести фабричные

продукты до самого высокого совершенства, дабы прочность этих предметов сократила до минимума время фабричной работы.

Установим по этому поводу принцип, не известный всем экономистам, принцип, относящийся к главе восьмой — о видах и силе притяжения.

Для фабричного труда бог выделил дозу притяжения, соответствующую *четверти времени*, которое человек нового общественного строя может уделить труду. Остальные три четверти должны быть употреблены на уход за животными, за растениями, для работы на кухне, в промышленных армиях и, наконец, для всякого иного труда, не связанного с фабричным производством, к которому я не отношу кухни повседневного потребления, потому что они относятся к домашнему обслуживанию.

Если бы в фаланге превысили дозу притяжения для фабричного производства, если бы этому роду труда уделяли больше четверти времени, предназначенного для индустрии, если бы, наконец, фабричному производству отдавалась половина времени, предназначаемого для не-домашних работ, то фабричное производство, а следовательно, и земледелие вскоре утратило бы силу притяжения, потому что у земледельческих серий была бы отнята треть их производственного времени и, следовательно, треть их членов, а вследствие этого соответственно уменьшались бы их компактность и их активность.

Таким образом, всякий механизм индустриального притяжения был бы расстроен, если бы гармонийцы поступали, как цивилизованные, беспорядочно, без соблюдения установленной природой соразмерности между объемом индустриального труда и мерой специальных притяжений.

Кроме того, эта пропорция была бы извращена во всех отраслях фабричного труда, если бы изготовлялись, как теперь, продукты низкого качества, разорительные для общества, потому что ткани и краски плохого качества, сокращая продолжительность носки платья наполовину, треть или четверть, заставляли бы увеличивать в такой же пропорции производство и соответственно сокращать сумму времени и количество рабочих рук, занятых в земледелии.

Софисты ответят, что это было бы средством увеличить население. Но это именно порок, которого желательно избегнуть в строе гармонии: с момента, когда земной шар будет укомплектован и население его достигнет приблизительно 5 миллиардов человек, нужно будет обеспечивать счастье живущих, а отнюдь не увеличивать численность населения. Это счастье стало бы уменьшаться от нарушения равновесия притяжения путем отнятия времени у земледельческих работ, отдав фабрикам больше того, что предназначено им природой. Последняя, организуя интриги серий, чтобы поднять всякий

продукт на степень совершенства, стремится свести работы на фабриках к возможно более короткому времени.

Именно в силу этого принципа фабрики, вместо того чтобы сосредоточиться, как теперь, в городах, где скучиваются муравейники несчастных людей, будут рассеяны по всем сельским местностям и фалангам земного шара, дабы человек, отдаваясь фабричному труду, никогда не уклонялся от путей притяжения, стремящегося использовать фабрики в качестве вспомогательного элемента и вносящего разнообразие в земледелие, а отнюдь не в качестве главного занятия как для кантона в целом, так и для каждого из его членов.

Дав эти элементарные сведения об образовании серий, объединим все эти правила в одно общее предписание, гласящее: трем механизирующим страстям должны быть обеспечены все возможности для полного развития во всех отраслях труда. Расширение же фабричного производства за счет сельскохозяйственного, наиболее притягательного, привело бы только к нелепому результату, к ослаблению тех трех страстей, активность которых является залогом промышленного притяжения и всех благ, от него ожидаемых.

ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ОБМАН КЛЕВЕТНИКОВ; СЕКТА ОУЭНА

Читатель мог уже заметить, что моя социальная теория не имеет ничего общего с произволом различных составителей систем. В основу ее положен специальный метод, почерпнутый у природы, соответствующий тяготению страстей и геометрическим теоремам, потому что механизм страстных серий геометричен во всех отношениях; доказательства этому мы увидим в главах, трактующих о распределении (раздел V) и об аналогии (раздел VII).

Теперь мы можем исследовать нелогичность действий, совершенных в этом отношении XIX веком, который в деле, имеющем немаловажное значение для изменения судьбы человеческого рода, в деле изобретения социального метода доверяется хвастунам, перекрасившимся филантропам и не обязывает их следовать определенному правилу как в теории, так и на практике.

Мы видим, что нужно было изобрести социальный метод, серию, построенную на влечении; открытие требовало глубоких исследований о расположении и применении этой силы, совершенно чуждой механизму цивилизации.

При сколько-нибудь методическом образе действия от таких претендентов, как Роберт Оуэн или другие, потребовали бы изобретения, а отнюдь не уставов и чудачеств, вроде общности имуществ, отказа от религиозных верований, внезапного уничтожения брака: это — причуды политического сорви-го-

ловы, а отнюдь не новые средства. Однако именно этому вздору XIX век оказывал свое доверие в течение 20 лет.

Заметим, что с самого начала Роберт Оуэн действовал вразрез с идеей ассоциации; не зная, что земледелие должно быть основой социального механизма, он собрал в Нью-Лэнарк две тысячи ткачей, не имея ни акра годной для обработки земли. Совершив эту грубую ошибку, он похвалялся, что убедит нации последовать его методу, и рекомендовал себя государям как преобразователя социального мира. Его наука ничем не отличалась от науки софистов — *дерзать все*, делать в качестве сорви-головы бешеную ставку на новшества, согласно поговорке *смелым счастье помогает*, и в особенности громко звонить о своей филантропии; эта маска всегда помогает обману.

Каким образом наш век после стольких опытов, после того как в течение сорока лет перед ним прошли все честолюбцы, пристегнувшие себе титул филантропа, мог пойматься еще на эту лицемерную филантропическую удочку? Истинный филантроп сказал бы: «нужно произвести опыт с ассоциацией, но в то же время изыскивать естественный метод и объявить конкурс на это открытие».

Столь честным путем никогда не идут люди, которые хотят играть роль, не имея для этого подлинных данных: мистер Оуэн предпочел выдать себя за изобретателя, он построил систему, являющуюся вторым изданием системы Пэнна, основателя квакеров. Я в другом месте проведу между ними параллель. Отметим только в методе Оуэна прием политического сорви-головы, готового итти на любой риск, творить чудовищные вещи, не задумываясь над последствиями.

Например, проповедуя свободу любви, он закрывает глаза на следствия корпоративной любовной оргии, которые не преминули бы установиться, когда бы новая секта укрепилась. Видимо, механизм свободной любви столь же плохо ему известен, как и следствия безбожия. Прежде чем допустить хотя бы половинчатую свободу любви, надо ввести противовесы; между тем сами гармонийцы смогут создать их только по истечении 15 — 20 лет существования ассоциации.

Сверх того, изменения могут быть внесены в любовные взаимоотношения лишь по требованию правительства, духовенства, отцов и мужей: когда эти четыре категории сообща вынесут решение о нововведении, можно быть уверенным, что оно полезно и безопасно.

Без сомнения, брачная система порождает массу пороков; я описал немалое их количество в моей интермедии (II, 363 — 426). Однако все эти неурядицы не являются достаточными для упразднения брака; но последний должен быть сведен к методической лестнице: браки должны быть расположены в виде регулярной серии, обнимающей 7 ступеней, плюс переходная и стержневая.

Рассматривая первую и вторую ступень, не очевидно ли, что бесплодный брак является связью менее сильной, чем брак, дающий ребенка? Вот различие между первой и второй ступенью, остается установить семь других. Я опускаю эти подробности, отмечая, что после определения всех девяти ступеней брака нужно будет обеспечить такое положение вещей, которое дало бы противовес и гарантию против злоупотребления свободами, не предвиденного софистом Оуэном. Он хочет сразу эмансипировать, распустить вожжи в любви, точно мы находимся на острове Таити, в стране Гамиля, в Лансерте, на Яве, в Лапландии и в других местах, где обычаи и предрассудки установили противовесы.

Не будем спорить по этому поводу, потому что этот вопрос станет актуальным только спустя 30 лет существования гармонии. Но первому поколению гармонийцев необходимо будет оставить любовь в состоянии всеобщего лицемерия и обмана, характерных для цивилизации: любовь и отцовство — это страсти, которые могут быть приведены к истинному режиму последними. Это обстоятельство совершенно игнорируется теми, кто, подобно мистеру Оуэну, хочет произвести со свободой страстей опыт столь же безрассудный, как опыт философов 1791 года с внезапным освобождением негров.

Обилие этих софистов настраивает против истинных изобретателей и навлекает несправедливую хулу на наш век, которая никогда не принимала столь уродливых размеров. Впрочем, это — хронический порок цивилизации; наиболее ценные открытия подвергались гонениям в отношении их обнародования: кофе и картофель были официально запрещены и поставлены на одну доску с ядами; изобретатель парохода Фультон и изобретатель газового освещения Лебон не находили в Париже людей, готовых их выслушать.

На основании этих недавних оплошностей недобросовестных критиков можно судить о доверии, которого заслуживают их суждения. Они выдают себя за поборников просвещения, врагов невежества; они обзывают иного министра новым Омаром, а иное общество — гасителем света. Но кто они сами, когда печатают, что *не может быть открытия по исследованию притяжения,* и побуждают *не читать книги,* которая содержит полную теорию притяжения, теорию, один отрывок которой дал Ньютон?

Таким образом, XIX век проявил себя достойным наследником XV века и поколения, которое преследовало Колумба и Галилея. Тогда на новые науки ополчалось суеверие; теперь против них ополчаются те, кто именует себя врагом суеверия. Такова разгадка их мнимого усердия на пользу просвещения, их возвышенного образа мыслей: они ополчаются на суеверие только для того, чтобы занять его место, угнетать так же и даже больше, чем угнетало оно.

Странная непоследовательность! Они превозносят до не-

бес человека, который был инициатором в деле исследования притяжения, Ньютона, обстоятельно разработавшего бесполезную отрасль из чистого любопытства: что за польза нам знать вес каждой планеты? Осталось исследовать две важные отрасли притяжения:

полезное, или теорию притяжения, основанного на страстях;

приятное, или теорию аналогии и причин.

Разрабатывающий эти две науки трактуется как грубое животное зоилами, которые, однако, восторгаются Ньютоном, разработавшим отрасль *бесполезную* — материальных следствий притяжения, без объяснения хотя бы единственной причины.

Спросите последователей Ньютона, почему бог дал 7 спутников Сатурну, а 4 Юпитеру, который вдвое больше по величине; почему он дал кольцо Сатурну, а не Юпитеру, — они не смогут дать на это никакого ответа.

Их наука тем не менее прекрасна своей математической точностью. Но она — только зародыш, ограничивающийся объяснением следствий, а не причин. В момент же, когда теория причин открыта, нужно либо заклеймить позором Ньютона, так как он начал изучать притяжение, либо оказать покровительство его преемнику, еще более достойному поддержки, так как он разработал обе отрасли полезного и приятного, из коих одна ведет к социальному счастью, куда более ценному, чем наука.

Добавим, что исследование аналогии хотя и является отраслью развлечения, однако имеет свою полезную сторону потому, что именно этой новой науке мы обязаны открытием всех естественных противоядий, даже большей частью неизвестных, — против подагры, водобоязни, эпилепсии и других болезней, которые все еще являются камнем преткновения для искусства. Нашему веку, и в особенности Франции, следовало бы покончить с неблагожелательным отношением к изобретателям и оказать наиболее ценному открытию если не положительное покровительство, то хотя бы некоторое гостеприимство, не отказываясь от сомнений, порождаемых соображениями, доступными каждому беспристрастному человеку. Вот их краткое резюме:

«Ведь это впервые нам представляют систематическую теорию в вопросе ассоциации, который считался неразрешимым, а механизм гармонии страстей — непроницаемой загадкой. Если эта теория применима на практике, то она даст нам блага, о которых напрасно мечтали все века: исчезновение нищенства благодаря гарантии минимума бедному классу, добровольное уничтожение рабства и торговли неграми, воцарение истины и справедливости, основанное на богатствах, к которым они ведут в новом строе. Следовательно, благоразумно исследовать эту теорию, указать ее сла-

бые стороны, предложить самым искусным людям исправить ее, *если они могут*, а в противном случае испробовать ее на практике, ничем не рискуя, потому что эта теория касается лишь земледельческих и домашних работ, явно прибыльных благодаря вводимому ею режиму сочетания и экономии».

На это умники возражают: «Можно бы прислушаться к этим словам, если бы автор соблюдал общепринятые формы и воздавал должное современной августейшей философии». Да! Такова хитрость всех софистов; между тем изобретателя следовало бы взять под подозрение; если бы он придерживался этой лицемерной манеры, было бы полное основание думать, что он такой же шарлатан, как и многие другие, и старается выдвинуться всеми *правдами* и *неправдами:* все эти ученые контрабандисты умеют говорить академическим тоном, который служит проводником заблуждений и фиглярства. Здесь речь идет о том, чтобы пробуждать умных людей от сна, навеянного на них иллюзиями и обманом, доказать, что они в силу своей легковерности пали первыми жертвами составителей систем.

Целые 20 лет толкуют об ассоциации; если бы они приняли меры, чтобы достигнуть цели — истинной ассоциации, и не окажи они безрассудного доверия софисту Оуэну, они получили бы истинную теорию; практический опыт привел бы к полной метаморфозе; хаос цивилизации, варварства и дикости исчез бы, ученые и художники жили бы в богатстве и не были бы вынуждены, как теперь, выступать против цензуры и обскурантизма (которые они сами практикуют по отношению к изобретателям); они пользовались бы полной свободой, богатством и почестями, не будучи под властью какого-нибудь Омара.

Чтобы их избавить от этого обмана, чтобы их излечить от мании, побуждающей их выбирать себе удел рабства и бедности, неужели я должен валяться у них в ногах? Чем более я льстил бы им, тем менее они мне поверили бы. Недавно, когда универсальные системы были в моде, мы видели, как один красноречивый софист щедро воскурял фимиам ученым, хвалил всех поименно; и все же ему не удалось внушить им доверие к своей универсальной системе. В этой системе он позабыл только дать анализ человека или анализ страстей и притяжения, анализ трех механизмов — цивилизации, варварства и дикости, их характеров — перманентных, последовательно развивающихся и переплетающихся между собой; анализ мерзостей цивилизации, каковы: лживая торговля, или конкуренция и товарооборот навыворот; он забыл также дать теорию будущих и прошедших судеб, теорию *причин* в движении и т. д.

Ученые вполне основательно упрекнули его в том, что он не сказал ничего нового, что он в других лишь выражениях повторил то, что сказано до него сотней других. Я поставил бы

себя в один ряд с этими умниками — сочинителями систем, — если бы стал прибегать к их академическим приемам, которые часто дают сомнительные результаты. Льстя сильным академического мира, указанный выше автор снискал лишь банальные поздравления в том, что он заставил публику себя читать.

Тон лести не свойствен изобретателям; вместо ораторской гибкости им присущи прямота и твердость, которыми Гораций восхищается в справедливом человеке: *non civium ardor prava jubentium mente quatit solida.* Мой предмет не допускает лести, я собираюсь поставить в укор людям их неверие в провидение, их безнадежность и малую активность в деле исследования божественного кодекса, их немилосердие и халатное отношение к изобретению, которое должно сразу положить конец рабству, бедности и другим человеческим невзгодам.

Здесь единственно подходящий тон, это — тон проповедника; никто не требует от Боссюэ и Бордалу, чтобы они восхваляли развратный век; их одобряют, когда они мечут громы против ложных доктрин, вводящих нас в заблуждение. И если я не обладаю их красноречием, я тем не менее должен придерживаться их манеры, с презрением относиться к банальной гибкости ученых шарлатанов, быть откровенным и чистосердечным, как это подобает изобретателю, опирающемуся на математические и неопровержимые доказательства.

Камнем преткновения ученого мира будет зависть: люди досадуют, когда какой-то выскочка отнимает у них наилучшую добычу; и первым долгом каждый старается отрицать, заглушить открытие, которое он не может присвоить, разгромить простеца-изобретателя, который, вопреки монополии гения, хочет выйти в ряды привилегированных, игнорируя правило, говорящее:

«Ни у кого нехватит ума, кроме нас и наших друзей».

Я знаю, если бы речь шла о посредственном изобретении, было бы неблагоразумно нарушать этот закон. Новейший поэт *Виоле ле-Дюк* очень хорошо сказал: «Если вам приходит в голову какая-нибудь новая мысль, *умейте высказать ее осторожно, как их собственную мысль, только иначе изложенную».* Так, чтобы получить охранное свидетельство на свое открытие, автор должен сказать людям, монополизировавшим гениальность: «Я обязан этим открытием именно вашим обширным знаниям, вашим ученым произведениям, из коих я почерпнул основные элементы моего открытия; вы создали все материалы этой новой науки, я их использовал, следуя вашим мудрым методам; я только уплачиваю свой долг, посвящая вам изобретение, которое принадлежит вам больше, чем мне; это только цветочек, оторванный от вашего венца, и я должен водворить его на место».

На эти слова философский мир ответил бы: «Вот произведение, написанное с мудростью и с беспристрастием; автор

умеет заставить себя читать, его тон благопристоен, его стиль цветист, сочен и боек. *Aera metet Sosiis — dignus intrare in nostro docto corpore.*»

Представиться таким образом, с кадилом в руке, значило бы обманывать ученый мир; в его интересах гораздо лучше сказать ему откровенно, каковы будут выгоды его и мои, т. е. указать каждому его долю.

Их доля будет огромна: к денежным прибылям, указанным выше, они смогут присоединить жатву славы не менее грандиозную. Я передаю им в руки неисследованные недра; моя теория открывает им доступ в новый научный мир — к двадцати наукам, которые я один не могу разрабатывать даже частично. Я сохраню за собой только науку о притяжении страстей, но и здесь останется много сказать после меня; что касается других наук, я передаю им от них ключ: наука об аналогии потребует более 200 тысяч весьма обширных статей, я же смогу с трудом дать 200, потому что я недостаточно сведущ в трех отраслях естественной истории; мне нужно было бы употребить три года на углубленное их изучение, я этого не смог сделать и не смогу.

Таким образом, ученые могут поздравить себя с тем, что добыча выпадает человеку, который не может сам с ней справиться и вынужден предоставить бо́льшую ее часть им, сохранив за собой только честь изобретения. Судьба благоприятствовала им, передав мне кладезь научных открытий: человек более меня просвещенный мог бы забрать все в свои руки.

После столь откровенного объяснения остается предостеречь их от склонности к клевете и зависти, жертвами которых они стали бы в данном случае. Я предоставлю говорить людям, пользующимся бо́льшим престижем, чем я; они упрекают их в ослеплении гордостью и мелочностью. Кондильяк им говорит: «Новые науки, разработанные с большой ясностью, с большой точностью, не всем по-плечу: те, кто ничего не читал, их поймет лучше тех, кто много учился, и в особенности тех, кто много писал».

Ослепленные гордостью и завистью, они утверждают, что наука о притяжении страстей, *разработанная с большой ясностью, с большой точностью,* непонятна. Девушки 15 лет прекрасно поняли механизм страстных серий, истолкованный тремя причинами и тремя следствиями, как указано в главах V и VI; а ученые с большим опытом будут утверждать, что это туманно; они просто не хотят понимать. Если бы меня не было в живых и можно было бы беспрепятственно заняться плагиатом, они превосходно сумели бы понять и вывернуть наизнанку мою теорию, пытаясь присвоить ее себе по частям, потому что никто не рискнет присвоить ее целиком. Мое *право собственности* на нее слишком хорошо установлено хулой современников, заявляющих, что *не может быть открытия в теории притяжения.* Почему не противопоставили они это муд-

рое решение Ньютону? Почему не отлучили от церкви Ньютона, как отлучили Христофора Колумба, которому римский двор поторопился отпустить грехи, одумавшись впоследствии; точно так же поступят и антагонисты теории ассоциации: они не замедлят осудить свои акты вандализма.

Выше цитированный Кондильяк отметил гордость, которая их восстанавливает против новых наук; другой указал на их мелочность. Я привожу дословно его отзыв об оскорблении, нанесенном одному знаменитому человеку недобросовестными современными ему критиками.

«Бэкон, пророческий гений которого был современником XVIII века, Бэкон, открывший в своих произведениях для читателя неисчерпаемую сокровищницу истин, согрешил тем, что взлетел слишком высоко; он витал на такой большой высоте над людьми и идеями своего времени, что не оказывал на них никакого влияния» [*Жуи* (Jouy)].

То же самое имеет место теперь; мое учение, как и учение Бэкона, отнюдь не слишком возвышенно, но наш век, подобно веку Бэкона, слишком мизерен, чтобы до него добраться, за исключением нескольких избранных, которых придется поискать; *pauci sed boni*. Я ищу только таких людей, которые, подобно Бэкону и Кондильяку, дали бы своему веку мудрый совет — *переделать человеческий разум, забыть все то, что усвоено из философских наук,* еще более реакционных, чем во времена Христа, который упрекал их в мракобесии, говоря: «Горе вам, книжники и фарисеи, присвоившие себе ключ науки и, не войдя туда сами, закрыли ее еще для тех, которые хотели туда войти» (От Луки, глава XI).

Книжники нашего времени все те же, что и во времена Христа. Ньютон дал им ключ к науке о притяжении; они им завладели, но, не сумев войти и продвинуться в ней дальше Ньютона, изучить отрасли, не разработанные этим геометром, они хотят утаить эту науку и стараются опорочить изобретателя, который, продолжив исчисления Ньютона, принес миру теорию притяжения страстей и единства ассоциации; науку, при отсутствии которой все прочие служат лишь посрамлением разума. Ибо к чему нам эти научные трофеи, пока масса лишена необходимого, пока ее положение хуже участи диких животных, живущих счастливо, беззаботно и свободно.

«Это верно, говорят критики, но в вашей теории вам следовало пощадить глубоко почитаемые науки, какова деликатная наука о морали, ласковая и чистая подруга торговли». А! Именно ее связь с торговлей и с ложью делает ее презренной; в последний момент она отреклась от своих убеждений, ее ошибки были извинительны, когда она проповедовала презрение к богатствам на том основании, что в строе цивилизации приобрести богатство честным путем почти невозможно, но она утратила право на уважение с тех пор, как вошла в сделку с духом торговли. Если бы она обрушилась

на него в поисках строя, согласного с истиной, она открыла бы себе прекрасный выход из цивилизации, блестящее поприще социального прогресса. Но она трусливо уступила пороку, пользующемуся успехом, и стала боготворить *золотого тельца:* разве может она претендовать на уважение?

Признаюсь, пока не была известна теория притяжения, или гармонического развития страстей, люди должны были придерживаться репрессивного метода, называемого моралью; но с настоящего момента она бесполезна, и мы не обязаны заключать с ней почетный договор о сдаче, потому что она отвергла свет, теорию ассоциации, которая одна только может обеспечить награду добродетели, и потому что она во все времена не выполняла своих обязанностей, не производила всестороннего анализа цивилизации и ее характерных черт (раздел VI), не исследовала способа торговли, согласного с истиной. Она спекулировала, торгуя системами: их ежегодно появляется добрых четыре десятка — во славу торговли моралью.

В этом году мы имели только 17 трактатов о морали, — писала в 1803 г. одна газета, огорчаясь по поводу столь скромного урожая. Она имела в виду только Францию. Если же добавить другие государства, которые в свою очередь торгуют моралью или фабрикуют мораль, каковы: Англия, Германия и Италия, то количество трактатов достигнет, по крайней мере, сорока в год, даже в голодные времена. А так как все эти трактаты противоречивы и сегодня опровергается то, что писалось вчера, то, повинуясь наставлениям сладкой и чистой морали, пришлось бы в течение года менять поведение и нравы, по крайней мере, сорок раз. Кроме того, нужно иметь много денег, чтобы покупать это множество книг с учеными спорами о морали, много времени и терпения, чтобы их прочесть, и много ума, чтобы их понять, потому что их авторы сами себя не понимают. Могут ли они нам объяснить, каким образом можно в одно и то же время быть другом торговли и врагом бесчестно нажитых богатств? Эти два догмата морали столь же разумны и согласованы, как и все другие. Есть ли хоть один догмат, на который сами авторы не взирали бы с сожалением? Сенека проповедовал отказ от богатств — немедленный, не дожидаясь завтрашнего дня, чтобы без промедления стать последователем философии, а сам накопил состояние в 100 миллионов франков. Таким образом, мораль была всегда только ораторским фиглярством и маской честолюбия. Всякий лицемер, замышляя какой-либо обман, тщательно прикрывается моралью.

Мне возразят, что мораль хоть и прикрывает лицемерие, тем не менее сама по себе хороша. Нет, она порочна и по двум причинам: во-первых, она приводит к гибели всякого, кто пытается точно применять на практике ее учение, и ведет к богатству того, кто пользуется ею как маской, а не

как указателем пути; во-вторых, ее заповеди противоречивы и в большинстве своем не применимы на практике, как заповедь, которая повелевает любить и поддерживать священную истину. Попробуй человек притти в салон и сказать там святую правду о собравшихся, попробуй он разоблачить плутни того или иного присутствующего финансиста и любовные похождения той или иной из присутствующих дам — и все станут его срамить; попробуй он опубликовать истину, — всю правду о расхищении общественных сумм и скомпрометировать высокопоставленных лиц — и он увидит, куда ведет практика священной истины. Все догматы морали в равной мере не применимы на практике.

Впрочем, разве не доказано фактами, что мораль постоянно приводит к следствиям, противоположным ее обещаниям, и что чем больше трактатов о морали производит на свет нация, тем более утопает она в разврате? Вот наука, обманывающая как на практике, так и в теориях, сплошь противоречивых. Она плохо кончила, она проституировала себя на старости лет, связавшись с меркантильным духом, источником всех пороков: религия не осквернила себя этой мерзостью.

Но, спросят у меня, откуда такая ненависть к чувствительной морали? Она объясняется тем, что лицемеры опираются на мораль, черня теорию притяжения. Они с завистью глядят на зарождение науки, которая даст блага, обещанные коварной моралью, установит царство истины, справедливости и добрых нравов, приведет к богатству тех, кто будет ими руководствоваться в жизни, и к разорению и бесчестию тех, кто попытается основать свое поведение на лжи.

Кое-кто из хулителей готов также прикрыться религиозным духом, чтобы доказать, что теория притяжения не вполне гармонирует с религией. На эти лицемерные заявления отвечу не я, им ответит евангелие. Слова Христа приведут их в замешательство. Я посвящу этому предмету специальную главу.

Именно в силу того, что моя теория во всех пунктах развивается в том же направлении, что и религия, она должна быть в разладе с новейшими книжниками и фарисеями, лукавыми моралистами, акробатами добродетели. Христос хорошо их изобличил и проклял как мракобесов, как вандалов-софистов, которые, делая вид, что ищут света, сообща стараются его загасить при первом же его появлении. Они и теперь те же, что и во времена Христа; разве преминут они опорочить образцовое произведение божественной мудрости, кодекс общественного единства и гармонии страстей, приложенных к промышленности?

Если моралисты добросовестны и дорожат такой репутацией, почему не приняли они вызова, почему они не произвели опыта, чтобы практический результат его разрешил спор между их наукой и моей? Если они хорошего мнения о своем методе и плохого о моем, то они должны желать, чтобы испы-

тание наглядно привело меня в замешательство. Это было бы для них блестящей победой. Я ставлю себе цель, к которой якобы стремятся и они: установить царство истины, справедливости и реальных добродетелей. Скоро увидим, какой из двух методов приводит к цели.

Если мой метод справедлив, то он должен разрешить спор в шесть недель полного его приложения. Их метод применяется не шесть недель, но 30 веков во многочисленных государствах, и в результате этого зло только прогрессирует. Кроме того, они дали возможность произвести, по крайней мере, 20 опытов применения лже-сосьетарного метода Роберта Оуэна. Хвалебные панегирики в газетах обеспечили автору сбор по подписке для большего числа затеянных им предприятий. Как известно, все они потерпели неудачу, потому что ни один рабовладелец не пожелал применить этот метод на неграх и ни одна орда не пожелала им воспользоваться.

Значит, моралисты ошиблись в системах ассоциации, как и в системах индустриального дробления. Их средства, очевидно, иллюзорны, и это является благоприятной предпосылкой для теории, противоположной их доктринам, могущей дать показательные результаты в несколько недель. Если они не примут вызова, то это будет доказательством их сугубой недобросовестности и беспечного отношения к подлинному социальному прогрессу.

Предупредим же их относительно ложного положения, в которое они себя ставят. Случайное событие может заставить всех их немедленно отречься от своих взглядов: стоит какому-либо знаменитому писателю, желающему играть крупную роль, высказаться, хотя и с оттенком *сомнения*, в пользу рассмотрения теории и производства опыта, как скомпрометированные недобросовестные критики поспешат отречься от своих слов, не дожидаясь испытания, которое сделало бы их посмешищем. Критики Колумба пришли в замешательство, когда исповедник Изабеллы, более справедливый, чем ученые, настоял на рассмотрении заявления великого путешественника; поражение клеветников было полным.

Здесь роль сомневающегося более надежна для писателя; потому что желающий проверить Колумба подвергался двоякого рода риску: кораблекрушения в неизвестных морях и бесплодных блужданий, сбившись с пути в поисках материка; производя же опыт с промышленным притяжением, никакому риску не подвергаешься, а огромный доход во всяком случае гарантирован. Предлагая такое испытание, писатель, опираясь на принцип Декарта, *сомнение и опыт*, пожнет блестящий успех. Он будет в политике тем, чем был Августин Блаженный в религии; он ниспровергнет ложных богов науки, дряхлое здание философии; он станет апостолом социальной метаморфозы. Я еще вернусь к огромному богатству, которое эта роль обеспечит инициатору.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ГАРМОНИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

ПЯТОЕ СООБЩЕНИЕ

ВОСПИТАНИЕ МЛАДЕНЦЕВ

ГЛАВА XVII

ВОСПИТАНИЕ У ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ПРОТИВОРЕЧИТ ПРИРОДЕ И ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ

Переходя от принципов к их приложению, я должен напомнить, что кажущаяся трудность теории ассоциации заключается в правильном распределении по трем производительным способностям: *капиталу, труду и таланту*. Строй цивилизации умеет справедливо распределять лишь сообразно капиталу, в соответствии с капиталовложением. Это — задача арифметическая, не проблема для гения; гордиев узел нового общественного механизма — это удовлетворить каждого по труду и таланту. Именно это препятствие пугало людей во все века и мешало научным изысканиям.

Чтобы всеми правдами и неправдами добиться разрешения этой двойной проблемы распределения, секта Оуэна пускает в ход общность имущества, отдавая все массе, весь доход, кроме дохода от акций. Это значит, что она не осмеливается даже подойти вплотную к проблеме ассоциации.

Достигнуть равновесия в распределении можно лишь путем распространения гармонии страстей на три пола. Дети, которым мы не отводим никакой роли в социальной механике, являются главной пружиной в общественной гармонии и промышленном притяжении. Значит, надо сначала исследовать импульсы, которые притяжение порождает у малолетних, которые, будучи лишены двух страстей — половой любви и отцовской, не обладают для образования страстных серий столькими ресурсами, как зрелый возраст. Изучив метод на детях, будет тем легче применить его к сложившимся полам, которые обладают большими средствами, большим числом страстей. Значит, начинать надо с воспитания детей, тем более, что эту отрасль механизма следует организовать в первую очередь, потому что дети, будучи мало извращены предрас-

судком и недоверчивостью, будут более послушны притяжению, чем отцы. Они отдадутся притяжению полностью с первой же недели и очень скоро покажут превосходство режима страстных серий.

Новое общественное воспитание имеет целью полное развитие материальных и интеллектуальных способностей, применение всех их, даже удовольствий, к производительной промышленности.

Воспитание в строе цивилизации следует противоположным путем, оно подавляет и извращает способности ребенка; тот небольшой простор, который воспитание предоставляет, лишь удаляет детей от производительного труда, делает его для них ненавистным, побуждает их к разрушению. Таким образом, это воспитание дает молодому поколению направление, противное природе, потому что первая цель природы или притяжения это — *роскошь*. Ее же может порождать только промышленность, всюду ненавистная ребенку, несмотря на то, что продукты промышленности — игрушки, султаны из перьев, лакомства — сильно его влекут. Следовательно, ребенок получает ложное развитие, он находится в состоянии войны с самим собой. Наши мнимые исследователи не замечают этих противоречий механизма. Проанализируем их, деля *роскошь на внутреннюю и внешнюю*.

Роскошь внутренняя — это *физическая сила и утонченность чувств*. Воспитание цивилизованных вредит здоровью, оно ослабляет ребенка прямо пропорционально издержкам на воспитание. Сотня детей десятилетнего возраста, взятых наугад в богатом классе, где им дают гувернеров и врачей и хорошую пищу, окажутся менее крепкими, чем сотня деревенских детей, полуголых, выносящих непогоду, питающихся черным хлебом и не знающих врача. Таким образом, воспитание у цивилизованных удаляет человека от здоровья, или внутренней роскоши, вопреки прилагаемым усилиям. Оно удаляет его также от утонченности чувств, которые от природы грубы у деревенского ребенка и искусственно огрубевают у ребенка богатого. Отцы и наставники противодействуют его склонности к драгоценным украшениям и в особенности к гастрономической утонченности — главной пружине естественного, или гармонического, воспитания.

С другой стороны, цивилизованные даже в деревне менее сильны, чем дикари, чуждые какой бы то ни было философской системы воспитания. (Я говорю о странах, где соседство цивилизованных, несущее им гнет, крепкие напитки, болезни и т. д., не привело еще дикарей к вырождению.)

Между тем у цивилизованных нередки примеры долголетия; оно свидетельствует о том, что человек сможет жить очень долго, когда на помощь ему придут естественное воспитание и притягательная промышленность. Он обычно будет жить больше 100 лет, подобно семейству Ровен в Венгрии:

менее сильные из его членов жили 142 года, а некоторые доживали и до 170 лет, причем как мужчины, так и женщины.

Недавно во Франции хирург Тиман из Водемона в Лотарингии умер (октябрь 1825 г.) в возрасте 140 лет, при состоянии здоровья, которое позволило бы ему прожить еще 40 лет.

«Накануне смерти, говорится в докладе, он с большим искусством и твердой рукой произвел операцию рака у старой женщины. Он никогда не пускал себе кровь, не принимал слабительного, ни каких-либо других лекарств, так как никогда не был болен, хотя не проходило дня без того, чтобы он не выпивал за ужином, этого он никогда не пропускал». Его преждевременная смерть была, видно, следствием тяжелого впечатления, произведенного на него сделанной им накануне операцией. Такое здоровье будет нормальным явлением в ассоциации.

Наше воспитание, удаляющее нас от здоровья, или внутренней роскоши, вредит также внешней роскоши, или богатству. Выше я уже отмечал манию разрушения у детей и их отвращение к полезному труду. Но из всех доказательств наиболее ошеломительное дано во введении: *о глушении призваний*. Я приводил пример возчика, ставшего искусным литейщиком в силу случайности, в силу неожиданного приобщения к этой работе. Этот факт выносит приговор всем системам воспитания в строе цивилизации; они не дают возможности распознать и развить с раннего возраста промышленные призвания, которых может быть у ребенка 20—30, а не одно единственное. Больше того, эта система воспитания извращает любой характер. Сенека и Буррус воспитали Нерона, у которого в строе гармонии был бы очень хороший характер. Кондильяк, со своими метафизическими тонкостями, сумел создать только глупца. Жан-Жак Руссо не осмелился воспитывать своих детей. Дидро и многие другие тоже не блистали в этой области. Впрочем, цивилизация прекрасно чувствует, что ее воспитание совершенно противоестественно; это чуть ли не единственный пункт, в котором она достаточно скромна, чтобы признать, что положение заставляет желать много лучшего.

Я опускаю несколько чрезвычайно важных подробностей, указывающих на то, что воспитание цивилизованных находится в резком противоречии с *природой*. Остается исследовать противоречие этого воспитания *здравому смыслу* вследствие путаницы методов и двойственности действия. Независимо от вариантов системы народного образования, в домашнем быту и в свете применяют еще дюжину разнородных методов, сообщающих ребенку столько же противоречивых импульсов, которые к зрелому возрасту поглощаются новым воспитанием, так называемым *светским духом*. Эту главу я тоже опускаю для краткости. Четыре таких метода я описал в моем труде (II, 284). Но их гораздо больше; я насчитываю до 16 методов, применяемых отцами, наставниками, соседями,

родственниками, товарищами, лакеями и т. п. Я ограничусь здесь описанием одного из них.

Светский, или поглощающий, метод наводит лоск на все остальные: он исключает или преобразовывает все то, что ему не подходит. Когда юноша 16 лет вступает в свет, его научают смеяться над догматами, которыми его устрашали и сдерживали с раннего возраста, его научают сообразоваться с нравами изысканного общества, глумиться, подобно ему, над моральными теориями, враждебными наслаждению, а затем и над принципами честности, когда от легких любовных интриг он перейдет к делам честолюбия. Какая нелепость со стороны наших наук воспитывать детей по системе взглядов и правил, пренебрегаемых и даже предаваемых поруганию с момента достижения ими зрелого возраста! Ведь ни один двадцатилетний молодой человек, если представится возможность адюльтера, не захочет, подобно целомудренному Иосифу, сопротивляться прекрасной Залихе, повинуясь морали и священным доктринам. Такой молодой человек, если бы он нашелся, стал бы притчей во языцех для публики и для самих моралистов. Пожилые люди еще более смеялись бы над финансистом, который, невзирая на гарантию безнаказанности, не присвоил бы себе плохо лежащих денег. Все в один голос назвали бы его глупцом, мечтателем, который не знает, «что, когда пища во рту, ее нужно проглотить». В какое ложное положение ставят себя наши науки этими учениями о совершенствуемой цивилизации: они достигли совершенства лишь в смысле практической неприменимости или глупости. Такова в шестнадцати противоречивых системах воспитания — *наследственность,* стремление отцов передать детям свои недостатки. Адвокат, торговец ставят детям в пример хитреца; отец еврей восхваляет низкопоклонника; пьяница восхищается человеком, который пьет с раннего детства; игрок приучает детей любить игру. И после всего этого мораль рассказывает нам сказки, будто отец дан нам природой в наставники!

Перейдем к естественному, или гармоническому, воспитанию, совершенно чуждому этих противоречий. Я его подразделяю на четыре фазы и одну прелюдию, или пердварительную обработку, применяемую к раннему возрасту.

Прелюдия	в младенческом возрасте,	или в первые годы 0—2 года.
1 фаза	первоначальное воспитание	в раннем детстве 2—4½ »
2 »	последующее воспитание	в среднем детском возрасте 4—9 лет.
3 »	дальнейшее »	» отрочестве 9—12½ »
4 »	позднее »	» юношеском возрасте 15½—20 »

ГЛАВА XVIII

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Первые годы, или младенчество

Крупная проблема, которую должно разрешить новое общественное воспитание, заключается в том, чтобы извлечь из

характера Нерона, Тиберия, Людовика XI такую же пользу, как из характера Тита, Марка Аврелия, Генриха IV.

Чтобы достигнуть этой цели, следует с колыбели развивать в ребенке естественные наклонности, которые семейное воспитание старается подавить или извратить даже у грудного ребенка. Цивилизация окружает этот возраст только чисто материальными заботами. Иное дело новое общественное воспитание: здесь, начиная с шестимесячного возраста, будут активно развиваться интеллектуальные способности, как и физические, извращаемые у нас с ранних лет.

Имея дело с детьми, уже испорченными воспитанием цивилизации, опытная фаланга сможет лишь с трудом применять установки гармонии к возрастам от 9 до 20 лет; но она сможет успешно воздействовать на детей 2—9 лет и еще успешнее на младенцев 0—2 лет.

Примечание. В дальнейшем я выдвину ряд принципов касательно единства и интегральности воспитания; их следовало бы поместить здесь, но эта дидактика может показаться скучной читателю.

Прежде всего заметим, что содержание крайних возрастов, маленьких детей до 3 лет и патриархов или больных, рассматривается в ассоциации как дело милосердия, вменяемое в обязанность общественному организму, и фаланга бесплатно воспитывает ребенка до 3 лет; кантон в целом несет расходы по содержанию серистеров для грудных младенцев, отнятых от груди, и для детей 2—3-летнего возраста. (Я не включаю сюда детей 3—4 лет, которые уже зарабатывают на свое содержание.) Что касается серии нянь, то они, как и все остальные, получают дивиденд из общего дохода.

Линия, которой следует держаться в частных вопросах общественного воспитания, та же, что и во всем механизме; задача сводится всегда к образованию серий как по исполнителям работ, так и по видам работ. Значит, придется образовать серию нянь, серию зал и серию детей; все три серии должны различаться по родам и видам. Младенческий возраст обнимает категории детей грудных и отнятых от груди. Эти две категории подразделяются, без различия пола, на три серии, а именно:

Младенцы грудные и отнятые от груди { мирные или благодушные, упрямые или хитрые, надоедливые или дьявольские.

Чтобы разместить эти две категории ребят, нужны два серистера, из коих каждый должен состоять, по крайней мере, из трех зал со вспомогательными комнатами в виде дортуаров, расположенных подальше от зал с шумными детьми, комнат, предназначенных для занятий нянь и кормилиц, и комнат врачей, которые ежедневно осматривают детей богатых и бедных безразлично.

Заметим по этому поводу, что расчеты врачей в строе гармонии, как и расчеты людей любой другой профессии, прямо противоположны нашим эгоистическим расчетам цивилизованных [1].

В большой фаланге функция няни или ее помощницы дает занятие едва двадцатой или двадцать четвертой части того огромного числа женщин, которые заняты этой работой в строе цивилизации, и, однако, беднейшее дитя обслуживается там значительно лучше, чем дитя монарха в строе цивилизации. Объясним этот механизм.

Серия нянь и их помощниц обнимает, примерно, четверть работающих женщин, но отнимает у них лишь шестую часть времени, посвящаемого уходу за детьми в цивилизации. Таким образом, время, потребное теперь для этой функции, сокращается в строе гармонии в двадцать четыре раза. Проверим правильность этого утверждения.

Для шести зал двух серистеров грудных и отнятых от груди младенцев требуется ежедневно 18 нянь в 6 смен, чередуемых каждые 2 часа, и 6 старших нянь специально для инспектирования и руководства. Всего, следовательно, 24 няни дежурят каждый день с таким же числом помощниц — большей частью девочек, в возрасте от 7 до 9 лет. Некоторые из них в этом возрасте чрезвычайно усердно выполняют обязанности по уходу за детьми. Следовательно, общее число женщин и девочек, требуемых для ухода за младенцами, приблизительно 48 в день.

---

[1] *Гармоническая медицина.* В строе цивилизации врач зарабатывает в соответствии с числом пациентов; значит, ему выгодно, чтобы болезни были многочисленны и продолжительны, главным образом, среди богатого класса.

Обратное имеет место в строе гармонии: здесь врачи вознаграждаются дивидендом из общего дохода фаланги. Размеры дивиденда условные: они увеличиваются на 1, 2, 3, 4, 5, 6 десятитысячных или снижаются в такой же степени, в зависимости от *коллективного* и *сравнительного* состояния здоровья фаланги в целом. Чем меньше у нее будет больных и умерших в течение года, тем выше будет дивиденд, выделяемый врачам. Их услуги оцениваются по результатам и по сравнению с санитарной статистикой соседних фаланг, живущих в одинаковых климатических условиях.

Врачи строя гармонии, как и компании по страхованию жизни, заинтересованы в предупреждении, а отнюдь не лечении болезни. Поэтому они энергично следят за тем, чтобы ничто не подтачивало здоровья всех классов, чтобы фаланга имела красивых стариков, очень крепких детей и чтобы смертность в ней была сведена до *минимума.*

Зубные врачи заботятся о челюстях: чем меньше они лечат зубы, тем больше они зарабатывают; поэтому они усердно следят за состоянием зубов как у детей, так и у взрослых.

Короче говоря, эти работники заинтересованы в том, чтобы каждый имел хороший аппетит, хороший желудок, хорошие зубы. Если бы они, подобно нашим врачам, спекулировали на индивидуальных болезнях, то в их профессии была бы двойственность действия, как в механизме цивилизации, который представляет собой всеобщую войну индивидов против масс. И после этого наши политические науки смеют говорить об единстве действия!

А так как дежурство бывает один раз в три дня, то серия нянь и их помощниц должна состоять из 144 человек, из коих ежедневно работает одна треть. Добавив 6 старших служащих, всего получим 150 женщин для серии нянь и их помощниц. Это четверть того, что употребляет цивилизация, потому что поселок с населением в 1 800 человек насчитывает 900 женщин, из коих 600 заняты уходом за детьми.

Няни, число которых в строе гармонии сокращается в четыре раза, затрачивают только шестую часть времени, которое употребляют нынешние женщины, потому что в серистере дежурство имеет место раз в три дня и продолжается только 8 часов; между тем, няни при цивилизации работают 16 часов, а в городах порой и того больше.

Значит, уход за детьми сводится к $^1/_{24}$ времени и рабочих рук, которые употребляет цивилизация:

до $^1/_4$ сокращение числа работниц,

до $^1/_3$ — рабочих дней,

до $^1/_2$ — часов дежурства.

Эти три числа, будучи перемноженными, дают в произведении $^1/_{24}$.

Мне могут возразить, что расчет преувеличен, так как деревенские женщины не посвящают 16 часов уходу за детьми. Это верно, они работают также в поле, но зачастую отдают ребенку часть ночи: мать и дочь ухаживают за ним, если он болен, а его крики тревожат и сон отца, а это — реальная потеря для крестьянина, который имеет потребность в отдыхе. Впрочем, чтобы быть точным, сократим сумму трех экономий до $^1/_{12}$ вместо $^1/_{24}$, я имею обыкновение всегда сокращать наполовину правильную оценку.

Перехожу к сопоставлению двух методов.

Няня не обязана проводить все двадцать четыре часа в серистере, как солдат на карауле или как няни богатого класса: достаточно, чтобы она приходила в часы дежурства.

Эта работа надоела бы, если бы приходилось ее выполнять ежедневно: няня может в течение двух свободных дней не вмешиваться в уход за детьми. Невзирая на смену нянь, уход не меняется, потому что их серия подразделена на группы, соревнующиеся между собой и применяющие разные системы, причем работать по той или иной системе допускаются только те, кто страстно увлечен именно этой системой.

Няня может, вследствие отъезда или другой причины, оставить вместо себя заместительницу. Ночная работа ее отнюдь не утомляет, потому что в кабинетах серистера имеются постели для нянь, которые захотели бы провести тут часть ночи между двумя дежурствами, например от полуночи до 4 часов.

В строе цивилизации няню бранят и оскорбляют те, кто нанял ее на это вечное рабство; в строе гармонии она непрерывно слышит слова приветствия от матерей, которые при-

ходят в серистер кормить грудью или повидать ребенка, полюбоваться хорошим состоянием подстилок и колыбелей.

Серия нянь и их помощниц получает не только большой дивиденд, но и большие почести. Они рассматриваются как общие матери и занимают почетные места на празднествах. Их занятие дает возможность продвигаться вперед по службе, потому что оно требует большого наличия должностных лиц в количестве, равном, по крайней мере, одной трети всего числа нянь. Нужно сочетать все эти приманки и легкость работы, чтобы образовать серию, крепко построенную на увлечении и интриге, при труде, который сам по себе столь мало привлекателен.

Эти няни чрезвычайно ценны для матерей строя гармонии, которые не могут, подобно нашим, заниматься уходом за детьми. В новом общественном строе мать посещает около 40 промышленных групп, активно участвуя в их интригах, ей очень досадно, что роды оторвали ее на целый месяц от всех собраний, где завязывались различные интриги; следовательно, оправившись от родов, она спешит повидать все эти группы; она не будет беспокоиться о ребенке, уверенная, что о нем прекрасно заботятся в серистере младенцев, где день и ночь дежурят опытные няни, предрасположенные самой природой для этой работы.

Я сказал, что младенцы грудные и отнятые от груди распределены по шести различным залам — на мирных, упрямых и надоедливых, дабы крикуны не беспокоили ни мирных, ни даже упрямых, с которыми можно ладить. Няни, имея свободу выбора, идут на работу в тот зал, куда их зовет притяжение, и побуждаются к работе соперничеством с соседними фалангами, отличающимися друг от друга по методу работы. Няни кладут в основу своей работы разные системы, они применяют их к различным группам детей: это служит предметом интриги для отцов и матерей, из коих каждый становится страстным поклонником метода той или иной группы нянь. Вынужденные беречь свою репутацию, они, прежде чем принять детей в спальные залы, испытывают и сортируют их в отборочном зале.

Цивилизация, практикующая в своих методах *упрощенчество,* знает только колыбель в качестве убежища для грудного ребенка. Гармония всегда действует в сложном порядке, сообщает ребенку два положения: он укладывается или в колыбель или в эластичную плетенку. Она помещается на высоте подоконника, натянутая на подпорки, образующие углубления, где каждый ребенок может лежать, не мешая соседям. Веревочные или шелковые сетки, размещенные на некотором расстоянии друг от друга, сдерживают ребенка, не мешая ему ни двигаться, ни видеть окружающее и приближаться к соседнему ребенку, от которого он отделяется только сеткой.

В зале поддерживается соответствующая температура, при которой можно держать ребенка в легком платье и избегать хлопот с пеленками и шубами. Движение колыбелей механизировано: можно одновременно качать 20 колыбелей. Один ребенок может выполнять эту работу, которая у нас заняла бы двадцать женщин.

Кормилицы образуют серию и должны быть классифицированы по темпераменту, дабы их можно было подобрать к детям, особенно в случае изменения молока. Вскармливание кормилицами чрезвычайно часто применяется в строе гармонии, потому что оно очень выгодно и мало утомительно и потому что гармонийцы, более справедливые, чем Жан-Жак Руссо, полагают, что там, где мать слобого здоровья, весьма благоразумно дать ребенку здоровую кормилицу; это значит привить ему нечто постороннее, укрепить его; природа не возражает против таких скрещиваний. Поручить же кормление слабого ребенка матери со слабым здоровьем значит истощать обоих в угоду моралистам, их моральным бредням. Впрочем, способы вскармливания чужой грудью будут значительно усовершенствованы и будут применяться либо наряду с естественным вскармливанием для выяснения преимуществ того или другого, либо изолированно. В новом общественном строе мать, как бы богата она ни была, не может помышлять об изолированном воспитании своего ребенка; у нее он не получит и четверти забот, которые ему оказывает серистер младенцев; ни при каких затратах не создать дома корпорации нянь, *работающих по влечению,* опытных в своей профессии, беспрерывно сменяющихся и распределенных по трем характерам, в соответствии с характером детей. Принцесса, невзирая на все ее издержки, не имела бы зал, столь искусно обслуживаемых, эластичных плетенок по соседству с детьми, развлекающими друг друга и рассортированными по характеру. Воспитание младенцев особенно ярко покажет, что богатые и сильные мира при цивилизации не располагают теми средствами, которые гармония в изобилии предоставляет даже беднейшим отцам и детям.

В строе цивилизации, наоборот, грудной ребенок является мучителем дома, организованного так, чтобы мучить его самого. Ребенок, сам того не понимая, добивается порядка, который он нашел бы в серистере гармонии; не находя этого, он своим криком приводит в отчаяние родителей, слуг, соседей, вредя в то же время своему собственному здоровью.

Здесь мы вынуждены коснуться зачатков интеллектуального воспитания, которое даже сильные мира при цивилизации не в состоянии обеспечить своим детям в возрасте от одного до двух лет. Добиваясь этого, они несут огромные расходы, а в результате только извращают характер ребенка, подрывают его способности и вредят его здоровью.

Чтобы рассеять самообман, я сошлюсь на принцип, который, надеюсь, не будет оспариваться, а именно: «Два крайних возраста переходного характера следует предохранять от сильных страстей и успокаивать, потому что их органы и чувства еще не обладают достаточной силой, чтобы претерпевать бурные эмоции, которые для них вредны, а зачастую и смертельны; но они могут переносить нежные эмоции; значит, последние применимы при воспитании детей в возрасте 0—2 года».

Возьмем в качестве примера культивирование чувств, применяемое к массе детей.

В возрасте 6 месяцев, когда мы не думаем еще обучать младенцев чему бы то ни было, надо уже принимать многочисленные предосторожности для воспитания и рафинирования их чувств, приучать их к ловкости, предупреждать пользование одной кистью или одной рукой, обрекающее другую руку на вечную неловкость, развивать в ребенке с колыбели музыкальный слух, организуя вокальные трио и квартеты в залах грудных младенцев и гуляя с младенцами под звуки маленького духового оркестра. Надо также применять методы для развития в детях тонкости слуха и музыкальных способностей; я имею в виду тонкость, присущую носорогам и варварам; следует упражнять таким образом и другие чувства.

Каждое из пяти чувств может быть всесторонне усовершенствовано, и этого надо добиваться при воспитании ребенка в строе гармонии. В области физического воспитания няни будут иметь различные, соперничающие между собой, системы. Благодаря этому ребенок в условиях ассоциации будет в три года более смышленым, более способным к производительному труду, чем многие дети 10 лет при цивилизации, где они в этом возрасте питают отвращение к промышленности и к искусствам.

Воспитание в цивилизации пробуждает в ребенке с колыбели только антисоциальные причуды; каждый старается извратить его инстинкт, чтобы в последующем возрасте извратить его ум. Например, во Франции родители и слуги наперебой поют ему песни, перевирая мотив и не соблюдая такта, ему не дают упражнять пальцы ноги и приучают его портить себе одну руку.

Цивилизованные люди полагают, что пальцы ноги бесполезны, гармонийцы будут ими пользоваться так же, как и пальцами рук. Например, гармония будет иметь орган с клавиатурой для пальцев ноги; и органист, сидя верхом на скамейке, будет работать пальцами ноги почти так же, как пальцами руки. Он будет нажимать педали пяткой, как мы нажимаем ступней.

Профессия няни потребует, таким образом, множества талантов: чтобы быть няней, недостаточно, как во Франции, петь, фальшивя, мотив, да пугать детей волком. Няни будут

особенно стараться предупреждать крик детей; тишина им необходима, и страсти к интриге и к соревнованию будут проявляться в искусстве поддерживать тишину.

Шум, производимый маленькими детьми, столь удручающий теперь, значительно поубавится, в серистерах они будут гораздо спокойнее, и это вполне понятно, так как сварливые характеры смягчаются в обществе себе подобных. Разве мы не видим изо дня в день, как забияки и рубаки умиротворяются и их несносный нрав меняется в компании им подобных. Так будет и с младенцами, воспитанными в серистере гармонии и распределенными по многим залам в зависимости от характера. Я полагаю, что младенцы третьего рода, надоедливые или демонические, будут менее злы, менее крикливы, чем благодушные в наши дни. Как произойдет это смягчение? *Будут ли, согласно заповеди морали, изменены страсти маленьких детей?* Конечно, нет. Их будут развивать без излишеств, предоставляя им возможность находиться в симпатичном для них окружении. В первые два года младенцы грудные и отнятые от груди будут распределяться по тройным сериям в группы благодушного, смешанного и хитрого характера.

Какое развлечение будет предоставлено этим дьявольским отпрыскам? Это предстоит выдумать няням: побуждаемые соперничеством методов, они в первый же месяц догадаются, чем можно успокоить ребенка и положить конец этому адскому гаму. Я ограничиваюсь принципиальным установлением необходимости соединять их в корпус и распределять по сериям возраста и характера, подобно тому как располагаются няни по сериям характеров и систем. Серия всегда является компасом всякой мудрости в общественной гармонии; это — путеводная звезда, ниспосланная нам богом, луч света. Уклониться от режима серии значит добровольно погрузиться во мрак.

Воспитание маленьких детей — область, где легче всего потерпеть неудачу, потому что такие дети не могут поведать ни своих потребностей, ни своих инстинктов: все нужно угадать. Какое же существует для этого средство? Только одно, подсказанное притяжением самим отцам: образовать по всем линиям серии — занятий, темпераментов, характеров, возрастов, методов.

Ввиду необходимости единого воспитания и слияния классов среди детей я рекомендовал — и повторяю данный мною совет — выбирать для опытной фаланги вежливые семьи, в особенности из низшего класса, потому что нужно будет в процессе работы смешивать этот класс с богатыми, обеспечивая в этом слиянии очарование, которое во многом зависит от учтивости подначальных. Вот почему население окрестностей Парижа, Блуа и Тура весьма подходит для опыта, при условии производства удачного отбора.

Остается проверить правильность указанных положений и их соответствие направлению трех механизирующих страстей,

которые должны всем управлять и комбинированная игра которых является залогом равновесия и гармонии (гл. V и VI).

Страсть к интриге (Cabaliste) питается в залах, где младенцы воспитываются соперничающими методами, которые применяют няни в данной фаланге и в соседних. Эти методы возбуждают споры и партийные разногласия среди родителей. Они имеют возможность доверить свое дитя по выбору той или иной категории нянь, при условии согласия последних; няни не принимают ребенка, способного компрометировать их репутацию. Если, вследствие порочного темперамента или излишней хитрости, ребенок не был принят ни одной группой нянь, его помещают в зале для переходных характеров, уход за которыми таков же, как и за другими.

Сам ребенок в этом младенческом возрасте еще не способен к интриге, будучи лишен слова; в сфере интриги он знает только одно средство — плач, посредством которого он заставляет родителей подчиняться ему.

Страсть к творчеству (Composite) развивается у нянь в силу двойного очарования: 1) Выполнение работы по операциям, дающим возможность ограничиться тем или иным предпочитаемым занятием, не перегружая себя другими, в отличие от нянь строя цивилизации, где приходится выполнять всю работу. Няни и их помощницы в строе гармонии разделяют между собой труд, каждая выполняет в часы дежурства только ту часть, которую она на себя взяла. В серистере всегда имеется 16 нянь, помощниц и старших; это больше чем нужно, чтобы распределить занятия сообразно наклонностям. 2) Дань похвал, расточаемых им родителями, сторонниками практикуемого ими метода, соседями по кантону или путешественниками, страстными поклонниками этого метода. У детей страсть к творчеству порождается двойным очарованием эластичных плетенок, расположенных в смежных отделениях. Они тут приобретают свободу и гибкость движения для тела, а для ума — контакт с себе подобными, сближение с которыми их радует; этот контакт был бы опасен и причинял бы неприятности, не будь шелковых или льняных сеток между клетками.

Страсть к переменам (Papillonne) удовлетворяется у нянь перемежающейся работой, занимающей только один день из трех — 8 часов в 4 смены, в промежутке между которыми они могут заниматься другими делами, в отличие от рабства матерей и нянь при цивилизации, не знающих передышки. У ребенка эта страсть утоляется чередованием колыбели и эластичной плетенки и сменой чувственных радостей — пищи, концертов, зрелищ, игрушек, прогулок в повозках и т. д.

Таковы для воспитания младенцев твердые правила, но не системы, которые можно варьировать сообразно желанию каждого. Я буду придерживаться тех же основных положений в деле воспитания других детских возрастов и в отношении их

отцов; отстаивать комбинированное развитие трех механизирующих страстей, которые должны управлять девятью другими и, следовательно, управлять совокупностью нового общественного механизма, распределенного по страстным сериям, вне которых невозможно достигнуть комбинированного действия трех руководящих страстей.

В довершение доказательств следовало бы проверить на каждом положении, благоприятствует ли оно игре трех механизирующих страстей; все, что может их затруднять, ложно и должно быть уничтожено, заменено приемом, приводящим к цели.

Преподанные выше правила воспитания младенческого возраста есть не что иное, как применение принципов, установленных в главах V и VI, а так как они применимы ко всем возрастам и ко всем отношениям, то мы видим, что создатель предусмотрел для всех возрастов весьма простые методы, соблюдение которых гарантирует от всякого уклона от правильного пути. Не будем же внимать голосу алармистов, пугающих нас непроницаемостью тайн. В Евангелии сказано: *Ищите и обрящете.* Но в воспитании, как и во всем, они предпочитали торговать произвольными и репрессивными системами вместо того, чтоб исследовать систему природы; но стоит только ее познать, как распрощаешься со всеми их методами цивилизации, ведущими к подавлению и извращению страстей как у детей, так и взрослых.

ГЛАВА XIX

ВОСПИТАНИЕ ЛЮТЭНОВ СТАРШИМИ ДЕТЬМИ ОБОЕГО ПОЛА (БОНЕНАМИ И БОНИНАМИ)

Я только что описал период чисто физического воспитания, когда все сводится к культивированию высших чувств, к искусству их выправить и предохранить от извращений, которым они подвергаются в цивилизации с младенческих лет. Из тысячи французских детей 999 имеют испорченный слух, то же в отношении других внешних чувств.

Мы переходим к начальным ступеням ребенка в производстве и в промышленном притяжении, без которого воспитание сплошь фальшиво: так как первая из трех целей человека это — богатство и роскошь, то можно смело сказать, что его воспитание превратно и что он идет вспять, если с первых шагов, примерно с двухлетнего возраста, он не отдается самопроизвольно производственному труду, источнику богатства, а, подобно ребенку цивилизации, только и делает, что вредит — пачкает, ломает, производит опустошения, а глупые родители считают все очаровательным.

Эта двойственность действия в младенческом возрасте, этот инстинкт, с ранних лет идущий вразрез с притяжением,

были бы позором для создателя, если бы он не изобрел другого механизма, способного согласовать страсти и притяжение во всяком возрасте. Исследуем этот механизм в отношении первого возраста, способного к производительному труду.

Как только дитя может ходить и действовать, его переводят из класса младенцев (пупонов) в класс детей (лютэнов). Если ребенок с самого рождения воспитан в серистерах фаланги, в возрасте 21 месяца он будет достаточно крепким, чтобы перейти к лютэнам. Между такими детьми не различают двух полов; в этом возрасте надо их смешивать, чтобы облегчить проявление призваний и амальгаму полов на одной и той же работе. Пол начинают различать только в дружине бамбэнов (от 3 до $4^1/_2$ лет).

Я уже сказал, что природа наделяет каждого ребенка большим числом производственных инстинктов, числом около 30, из коих одни — первичные, или ведущие, и должны привести к вторичным. Задача в том, чтобы сначала выявить первичные инстинкты: ребенок клюнет на эту удочку, стоит только ее забросить. Поэтому, как только он начинает ходить и оставляет серистер пупонов, старшие дети (бонены и бонины), которым он передается, торопятся обойти с ним все мастерские, все устраиваемые поблизости производственные собрания; и так как всюду он находит маленькие инструменты, индустрию в миниатюре, которой занимаются дети $2^1/_2$—3 лет, то ему тоже хочется подержать эти инструменты в своих руках, копать, возиться с ними, и таким образом по истечении 2 недель можно узнать, какие мастерские его влекут, каковы его промышленные инстинкты.

Так как работы фаланги чрезвычайно разнообразны (см. гл. XV и XVI), то немыслимо, чтобы ребенок, увидев их, не стал утолять некоторые из преобладающих у него инстинктов; они проявятся при виде маленьких инструментов, с которыми будут возиться дети старше его на несколько месяцев.

Если послушать отцов и наставников нашей цивилизации, *дети — маленькие лентяи.* Сплошная неправда: в возрасте от 2 до 3 лет дети чрезвычайно склонны к промышленному труду, но нужно знать пружины, которые природа хочет пустить в ход, чтобы втянуть их в производство *в сериях, построенных на страстях, а отнюдь не в строе цивилизации.*

Господствующие склонности у детей таковы: 1) *копание,* или склонность все брать в руки, все осматривать, во всем рыться, беспрерывно разнообразить занятия; 2) *производственный шум,* склонность к шумным работам; 3) *обезьяничание,* или мания подражания; 4) *промышленная миниатюра,* любовь к маленьким мастерским; 5) *последовательное влечение* от слабого к сильному.

У детей много и других склонностей, но я ограничусь пока перечнем этих пяти, совершенно неизвестных цивилизованным. Исследуем метод, который необходимо применять, чтобы

использовать эти наклонности для производства с раннего возраста. Бонены и бонины используют сначала манию во всем копаться, явно преобладающую у ребенка двух лет. Он хочет всюду войти, все держать руками, перевернуть все то, что он видит. Поэтому необходимо держать его в пустой комнате, иначе он все переломает и все перебьет.

Эта склонность все брать в руки — естественная приманка для промышленности; чтобы втянуть его в производство, его поведут в маленькие мастерские. Там он увидит детей $2^1/_2$—3 лет, работающих уже маленькими инструментами, маленькими молотками. Он дает волю своей подражательной мании, так называемому обезьяничанию. Ему дадут некоторые инструменты, но ему захочется быть вместе с детьми 26, 27 месяцев, которые уже умеют работать и которые его оттолкнут.

Он будет упрямиться, если эта работа соответствует его инстинктам, тогда находящийся при нем бонен, или патриарх, научит его какой-нибудь операции, и он очень скоро сумеет приносить крохотную пользу, что послужит для него введением. Исследуем такой эффект на мелкой работе, доступной самым маленьким детям, какова очистка и сортировка зеленого гороха. Эта работа, возлагаемая у нас на тридцатилетнего, будет поручена детям 2, 3, 4 лет: в зале стоят наклонные столы с рядом углублений; две бамбинки сидят у приподнятой стороны стола и вынимают зерна из стручка. Благодаря наклону стола брошенные ими зерна катятся к нижней стороне стола, где сидят три лютэна или лютины 25, 30, 35 месяцев, которым поручена сортировка и которые снабжены специальными инструментами.

Им нужно отделить самые маленькие горошины для сладкого рагу, средние — для свиного рагу и большие — для супа. Девочка 35 месяцев выбирает сначала самые маленькие горошины, которые труднее всего сортировать; все большие и средние она направляет в среднее углубление стола, где девочка 30 месяцев направляет в третье углубление те горошины, которые кажутся ей большими, отправляет обратно в первое углубление маленькие, а средние — спускает в корзину. Мальчик 25 месяцев, сидящий у третьего углубления, имеет очень мало работы, он направляет обратно некоторые средние горошины во второе углубление и собирает крупные в свою корзинку.

Начинающего *лютэна* нужно будет посадить в третьем ряду; он с гордостью займется толканием крупных горошин в корзину; это — ничтожный труд, но ему будет казаться, что он делает столько же, как и его товарищи. Он увлечется работой, проникнется духом соревнования и, начиная с третьего сеанса, сумеет заменить маленького лютэна 25 месяцев для переброски горошин второй величины во второе отделение, в собирании только горошин первой величины, которое легко отличить. Как только он научится этому незначительному

труду, ему торжественно пришьют к шапочке помпон аспиранта группы по очистке гороха.

Предосторожность, применяемая во всех общественных мастерских, — это возложение на маленьких детей труда ничтожного значения вроде принятия нескольких больших горошин, направляемых ребенку для опускания в корзинку. Это можно было бы сделать без него и без потери времени, но в этом случае была бы упущена индустриальная приманка, на которую нужно всегда ловить лютэна, пришедшего в мастерскую, и даже *бамбэна и херувима,* потому что, если ребенок не вовлечен в работу с двухлетнего возраста, он сможет в нее втянуться в 3 или 4 года.

Эта приманка, предназначенная для детей различного возраста, может быть для ребенка 24 месяцев только слабым намеком труда, но она льстит его самолюбию, убеждая его в том, что он что-то сделал и что он почти равен детям 26—28 месяцев, уже участвующим в этой группе, уже носящим султаны и украшения, внушающие глубокое уважение начинающему ребенку.

Значит, двухлетний ребенок находит в маленьких мастерских фаланги множество приманок, которые цивилизация не сумела бы ему предложить; их всего около 20; таблицу их я даю ниже.

Импульсы, способствующие проявлению призваний:

1) Очарование от маленьких инструментов различного размера для различных возрастов и маленьких мастерских.

2) Гармонические игрушки или использование всего ассортимента нынешних игрушек — повозки, куклы и т. д., для нужд обучения или для промышленного сотрудничества (см. гл. XVIII).

3) Приманка украшений, получаемых в зависимости от достижений; султана из перьев уже достаточно у нас, чтобы очаровать деревенского парня, побудить его к отказу от своей свободы. Можно себе представить, какое впечатление произведет сотня почетных украшений, предназначенных для вовлечения ребенка в занятие, доставляющее удовольствие в приятном кругу детей, близких ему по возрасту.

4) Преимущественные права участия в параде и заведывания инструментами; известно, какова власть этих приманок над ребенком.

5) Веселье, неразрывно связанное с детскими собраниями, которые работают ради удовольствия или в силу притяжения.

6) Энтузиазм, возбуждаемый фалангой, где ребенок может пользоваться всеми удовольствиями, доступными его возрасту.

7) Собрания за обеденным столом, разнообразные ежедневно, в зависимости от интриг данного момента, с кушаниями, приспособленными ко вкусу ребят, которые имеют свою специальную кухню.

8) Влияние гастрономии, которая расположена по сериям, имеет свойство стимулировать земледельческие культуры любовью к лакомствам и увязывать воедино весь промышленный механизм (см 7-е сообщение).

9) Гордое сознание выполненной работы; быть может, это пустяк, но ребенок считает его чрезвычайно важным: эту иллюзию в нем поддерживают.

10) Мания подражания; она у детей обычно преобладает и десятикратно усиливается под влиянием успехов старших детских дружин.

11) Полная свобода выбора вида работы и ее продолжительности.

12) Абсолютная независимость, или свобода, от подчинения всякому начальнику, который не был бы выбран по влечению.

13) Выполнение работы по отдельным операциям или право выбирать во всяком производстве ту операцию, в которой ребенок хочет упражняться.

14) Очарование коротких сеансов, которые часто разнообразятся, изобилуют интригами и желательны вследствие их редкости. Они редки даже в том случае, когда имеют место ежедневно, потому что они поочередно занимают не свыше одной трети или одной четверти всех участников.

15) Официальное вмешательство патриархов, боненов, менторов, которых очень любят маленькие дети, обучаемые лишь постольку, поскольку они этого просят.

16) Отсутствие родительской лести, отсутствующей в новом общественном строе, где ребенка оценивают и наставляют равные ему.

17) Материальная гармония, или единство действия, неизвестное в мастерских цивилизации и практикуемое в мастерских гармонии, где работа производится совместно с военными и хореографическими упражнениями, — метод, чарующий детей.

18) Влияние прогрессивного распределения, которое уже само по себе очаровывает ребенка и обусловливает ловкость, необходимую в промышленных занятиях.

19) Коллективное увлечение или прелесть следования за своими товарищами, возбуждаясь гимнами, украшениями, празднествами и т. д.

20) Дух корпорации, весьма сильный у детей и весьма многообразный в режиме ассоциации.

21) Соревнование и соперничество между хорами и их смежными отделениями, между группами одного и того же хора, одной и той же серии, между подгруппами.

22) Периодическое стремление подняться либо к высшим хорам и дружинам, либо к средней и высшей категории каждой дружины.

23) Энтузиазм, порождаемый чудесами, производимыми высшими, по степени, хорами, согласно закону почтения к старшим (1, 387).

24) Интриги между соседями или состязания между детьми соседних фаланг и встреча с их когортами. Этот импульс будет отсутствовать в опытной фаланге.

Я не упоминаю здесь других стимулов, которые действуют только на возраст старше четырех лет: это — конкуренция между полами и инстинктами, приманка наживы и высоких дивидендов. Эти два импульса не имеют влияния на детей 2—3 лет *(лютэнов)* и очень мало на детей 3—4½ *(бамбэнов);* они начинают развиваться только среди детей 4—6½ лет *(херувимов).*

Соединение всех этих приманок окажет свое действие в срок менее одного месяца, по истечении которого у ребенка проявятся три или четыре из его первоначальных призваний, которые со временем обусловят проявление других. Призвания, связанные с более трудной работой, смогут проявиться только в возрасте в 32 месяца.

Проявление будет легким, если будет соблюдено главное правило (гл. V и VI) о пробуждении трех механизирующих страстей. Они могут зарождаться уже у младенцев до двух лет, но в большой мере у детей 2—3-летнего возраста. Все три страсти будут полностью удовлетворять у них ознакомление с окружающим миром, их копанье и рытье в земле и опыт работы в маленьких мастерских, где все для них полно очарования и интриги.

Бонен или бонина, водя ребенка из одной мастерской в другую, умеют выбирать подходящее время для ознакомления его с той или иной работой; они отмечают, что ему как будто нравится, повторяют это два-три раза, чтобы убедиться в зарождении наклонности; смотрят, не нужно ли выждать несколько месяцев, пока не проявится призвание, не форсируя его установление; ведь известно, что в течение года он обнаружит около тридцати наклонностей, безразлично, каких именно.

Бонен обычно сопровождает одновременно трех маленьких детей в возрасте 2—3 лет. С одним было бы мало шансов на успех, но среди трех один окажется более искусным, другой более заинтересованным и один из двух вовлечет третьего в работу. Все трое не должны быть одного возраста; кроме того, бонен расставляет их по выполняемым операциям в мастерских: одного он ставит на работу по очистке зеленого гороха, уводя с собой тех, которые не взялись работать, а также того, который работу закончил.

Работа по определению призваний у детей подходит обоим полам и требует специального таланта, который можно встретить как у мальчиков, так и у девочек; талант бонн обычно свойствен одиноким женщинам, за редкими исключениями.

Наилучшим стимулом для начинающего ребенка служит правдивость, которой он никогда не находит ни у отца, ни у матери, так как сообща они только то и делают, что хвалят

его промахи. В общественных мастерских происходит обратное: дети между собой не делают друг другу поблажек и безжалостно высмеивают растяпу, его с пренебрежением прогоняют; он идет жаловаться к патриарху или бонену, те дают ему надлежащее наставление и вновь его приводят к работам, когда он почувствует себя достаточно подготовленным. И так как ему всегда дают чрезвычайно мелкие и чрезвычайно легкие работы, то он очень скоро проникает в дюжину групп, где его воспитание совершается чрезвычайно быстро в силу чистого притяжения, потому что быстро и хорошо научаются только тому, что изучается по влечению.

Изо всех импульсов, которые могут побудить ребенка к производительному труду, наименее известно и наиболее извращено в цивилизации — *восходящее влечение,* склонность всякого ребенка подражать тем, кто немного старше по возрасту, поддаваться всем их внушениям, почитание за честь совместного с ними участия в каком-нибудь виде их развлечений (все работы служат развлечением для детей строя гармонии; они работают только в силу притяжения).

Эта мания влечения к старшим чрезвычайно гибельна теперь, потому что развлечения группы свободных детей теперь *либо* вредны, *либо* опасны, *либо* совершенно бесполезны. Но дети гармонии будут заниматься только производительным трудом благодаря вышеупомянутым приманкам; это откроет всем глаза на основное заблуждение, в которое впали в строе цивилизации все авторы систем воспитания. Они предполагали, что естественным учителем является отец или наставник, поучаемый отцом; между тем, природа высказывается в обратном смысле, она хочет отстранить отца от воспитания сына по трем мотивам: 1) отец старается передать ребенку свои наклонности, заглушить порыв природных призваний, почти всегда различных у отца и сына, 2) отец склонен к лести и излишнему восхвалению мало-мальски хороших поступков ребенка; последний же, напротив, нуждается в очень суровой критике со стороны очень требовательных товарищей, 3) отец извиняет все неловкости ребенка, а в некоторых случаях он выдает их даже за совершенство, как это делают философы с их гнусной цивилизацией, которую они называют совершенствованием ума. Значит, отец тормозит прогресс, к которому ведет постоянная критика, если она воспринимается ребенком.

Чтобы устранить влияние этих пороков отцовского воспитания, природа внушает ребенку отвращение к урокам отца и наставника. Поэтому ребенок хочет приказывать отцу, а отнюдь не подчиняться ему. Начальники, которых он выбирает себе по влечению, — всегда дети, на одну треть или на одну четверть старше его самого, например: в возрасте 18 месяцев он благоговеет перед ребенком 2 лет и по влечению выбирает его в свои руководители. В два года он выберет

ребенка 30 месяцев; в три года — ребенка 4 лет; в 8 лет — ребенка 10 лет; в 12 лет — юношу 15 лет.

Это влечение к старшим вдвое усилится, если ребенок увидит старших детей, связанных корпоративно и пользующихся заслуженным уважением благодаря их успехам в индустрии и в учебных занятиях. Значит, естественными учителями каждого возраста являются дети немного постарше. Но так как в строе цивилизации все имеют дурные наклонности и влекут друг друга к дурным поступкам, то невозможно установить среди них иерархию полезных импульсов: этот эффект возможен только в сериях, построенных на страстях, вне которых естественное воспитание неосуществимо на практике даже в приближениях.

Это воспитание будет самым поразительным из чудес, которыми люди придут восхищаться в опытной фаланге, где семь разрядов детей будут воспитывать друг друга и будут направляться, сообразно заветам природы, *восходящим влечением,* которое может вести лишь к благу всей массы. Поэтому, если юноши, — разряд наиболее высокий в индустрии, в занятиях, в нравах, — проявляют себя только с хорошей стороны, то они непременно увлекут за собой гимназистов, толкнув их на добрый путь; такое же влияние окажут гимназисты на лицеистов, лицеисты на серафимов, затем на херувимов, на бамбэнов и на лютэнов. Эти семь корпораций, предоставленные восходящему влечению, будут соперничать в превосходстве и активности при выполнении полезных работ и при установлении социальной гармонии, несмотря на полную свободу. Видя это чудо, люди перестанут сомневаться в том, что притяжение есть сила, ниспосланная богом, поскольку оно развивается в сериях, и что в этом механизме оно воистину является десницей бога, направляющей человека к наибольшему благу.

Эта гармония — громовой удар для цивилизации и для философии — потерпит неудачу, если притяжение не будет развиваться во всех доступных ему областях. Любовь неприемлема в опытной фаланге, но исключение ее не создаст затруднения для механизма, состоящего из семи разрядов детей, занимающихся производительным трудом. Вот почему необходимо сначала сделать упор на организацию детей, этого единственного из трех полов, который мог бы притти сразу к полной гармонии.

Несколько заключительных слов о функции старших детей (bonnins); далекие от того, чтобы льстить или оправдывать ребенка, они будут усматривать свою задачу в том, чтобы умело организовать со стороны различных групп отказ в принятии его, порицание за плохую работу и тем самым побудить его к отомщению своим врагам, доказав свою ловкость. Отцу не по силам такая функция: он обвинил бы группу, толкнувшую его ребенка, утверждал бы, что эта группа — варварская,

враждебная природе. Ясно, что для выполнения обязанностей боненов и бонин, а также нянь нужен твердый и справедливый характер, требуются люди, проникнутые страстью *кабалист*, люди, которые в силу корпоративного духа страстно отдаются делу воспитания маленьких детей вообще, отнюдь не стремясь удовлетворить каприз того или другого из них.

В этой серии, как и во всякой другой, повышение по должности достигается лишь успехом целого коллектива. Каждый бонен конкурирует со своими соперниками; каждый может подбирать детей применительно к своим приемам работы — приемам, с помощью которых он рассчитывает выявить призвания как полноценные, так и половинчатые. При подборе детей он руководствуется сведениями, полученными от нянь, работающих в серистере младенцев, откуда выходят лютэны.

Важность функции боненов и бонин основывается на том, что они имеют дело с возрастом, наиболее ответственным при воспитании: если ребенок хорошо успевает в своем индустриальном дебюте, это — залог непрерывного успеха на протяжении всего детства. Посвященный в десяток промышленных отраслей, он скоро познакомится с сотней их и к 15 годам освоится почти со всеми видами земледельческих работ, со всеми фабричными производствами, с наукой и искусством, которыми занимаются его фаланга и соседние фаланги.

Исследуем этот эффект. Данный ребенок, хотя он и сын принца, обнаруживает с трех лет склонность к сапожному мастерству и хочет посещать сапожную мастерскую, где работают люди столь же учтивые, как и другие члены ассоциации. Если этому воспрепятствовать, если подавить его влечение к сапожному делу под тем предлогом, что это занятие, с точки зрения философии, низкое, недостойное, он возненавидит другие занятия, у него пропадет интерес к той работе и к тем занятиям, в которые его постараются вовлечь. Но дайте ему возможность начать с того, к чему его влечет, — с сапожного мастерства, и у него вскоре явится желание познакомиться с веревочным производством, с кожевенным делом, затем с химией по линии различных способов обработки кожи, затем с земледелием, чтобы изучить качества, приобретаемые кожей животных при той или иной системе ухода, системе корма и воспитания. Понемногу он включится во все отрасли индустрии благодаря первоначальному соревнованию в сапожном мастерстве. Неважно, с какой точки он начал, лишь бы в течение своей молодости он усвоил общие знания по всем видам промышленности своей фаланги и проникся чувством дружбы ко всем сериям, которые посвятили его в эти отрасли труда.

Такое образование не может быть приобретено в строе цивилизации, где все бессвязно. Ученые говорят, что науки образуют цепь, каждое звено которой увязано с целым и ве-

дет от одного к другому. Но они забывают, что наши раздробленные отношения сеют раздоры между всеми индустриальными классами, в силу чего каждый относится равнодушно к трудам другого. Между тем как в фаланге каждый заинтересован во всех сериях вследствие интриг с некоторыми из их членов по вопросам гастрономии, оперы, земледелия и т. д. Значит, связи наук недостаточны, чтобы толкнуть на изучение; нужно сюда добавить связь самих занятий и связь индивидов и интриг соперничающих между собой групп и лиц, что совершенно неосуществимо при цивилизации.

Остается еще привести некоторые подробности о воспитании детей 2, 3 лет (лютэнов), но их можно отнести к следующей главе, где я буду говорить о воспитании детей следующего возраста *(бамбэнов)*.

ГЛАВА XX

ВОСПИТАНИЕ ТРИБЫ БАМБЭНОВ МЕНТОРАМИ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛА

Мы переходим к классу чрезвычайно интересному среди детей ассоциации, к классу, который с 4 лет умеет уже *зарабатывать много денег;* я должен громко заявлять об этой заслуге, потому что она больше всего ценится в цивилизации как у ребенка, так и у взрослого.

Дети, о которых идет речь, *бамбэны и бамбины,* возраста 3—$4^1/_2$ лет, занимают очень видное место в фаланге; они образуют первую трибу из шестнадцати триб гармонии. Но первая и шестнадцатая, два крайних возраста или возрасты переходные, отступают в ряде пунктов от общего правила; например, они не имеют подразделения на трибы половинчатого характера. Причины этого я уже объяснил выше.

Различие, существующее между полноценным характером и половинчатым, составляет главный принцип для организации воспитания *бамбэнов,* доверенного особой категории служащих. Название *менторы,* которое я им даю, мало соответствует назначению, потому что ментор — это человек, который подавляет естественные наклонности, подменяя их доктринами. Менторы же гармонии, напротив, ставят себе задачей чрезвычайно точное развитие характера, дабы определить его место в общей лестнице и чтобы это место было хорошо известно к $4^1/_2$ годам, когда ребенок должен войти в хоры херувимов и херувимок.

Другая задача менторов заключается в определении темперамента ребенка и его места в лестнице, состоящей из 810 темпераментов полноценного достоинства и 405 половинчатого достоинства.

Определить характер и темперамент было бы невозможно, если бы ребенок на протяжении года, проведенного в разряде

начинающих (лютэнов), встречал помехи на пути удовлетворения своих промышленных или гастрономических фантазий; период лютэнизма есть период выявления у ребенка тех и других наклонностей. Его тяготение к различным отраслям промышленности уже проявилось, и окружающие видят, на каком поприще он хочет подвизаться, для каких занятий предназначила его природа. То же самое в области гастрономии. Ребенок 3 лет имеет ярко выраженные вкусы в гастрономии; за обеденным столом, в кухне он участвует в интригах, а следовательно, и в садах, в огородах; этого рода страсти не встретить у ребенка 26 или 28 месяцев: таким образом, мальчик 36 месяцев вполне подготовлен к переходу в разряд *бамбэнов*.

У детей 2—3 лет не подчеркивают половых различий, одевая юбку и штанишки: это могло бы помешать проявлению призваний и нарушить пропорцию мальчиков и девочек в каждом занятии. Хотя каждая отрасль индустрии более подходит тому или другому полу, шитье — женщине, а пахота — мужчине, однако природа желает смешения иногда в равной доле, а для некоторых работ в пропорции одного к трем и, по меньшей мере, одной восьмой другого пола в каждом роде труда. Таким образом, хотя винный погреб — специальность мужчин, однако серия, работающая в погребе, должна иметь в своем составе восьмую часть женщин для участия в изготовлении вин белых, шипучих, не перебродивших, сахарных и других сортов, которые нравятся женщинам. Некоторые же женщины, как жена ученого Питискуса, любят крепкие вина и, в случае надобности, готовы продать библиотеку ученого, чтобы тайно оплатить счет виноторговца.

Благодаря такому смешению в каждой работе женский пол вступит в плодотворное соперничество с мужским полом; отстранив же весь пол от какой-нибудь функции, например медицины или преподавания, мы устранили бы такую конкуренцию и тем самым помешали бы развитию соответствующих инстинктов у детей 2—3 лет, что значило бы фактически исключить соперничество. Различие в костюме препятствовало бы проявлению инстинктов; девочки обособлялись бы от мальчиков; между тем как в этом возрасте нужно их смешивать, дабы наклонности *внеполовые*, мужские наклонности у маленькой девочки и женские наклонности у маленького мальчика, проявились беспрепятственно благодаря наличию двух полов в каждой мастерской, в каждой работе.

Эти наклонности уже проявлены в возрасте 3 лет, когда ребенок переходит в дружину бамбэнов и бамбинок. Здесь начинают различать полы, которые было целесообразно смешивать, когда дело касалось лютэнов. Может показаться, что это смешение есть отступление от общего правила, от соперничества полов, которым питается десятая страсть, страсть к интриге. На это нужно заметить, что дети в возрасте 2—3 лет

представляют полупереходный класс в индустрии, потому что они только слегка в нее вникают, дети же 3—4½ лет уже вплотную подступают к производству. А природа требует, чтобы в периоды, образующие переходный характер, были отступления от общих законов движения, поэтому на крайней точке каждой серии растений или животных помещаются переходные типы, так называемые промежуточные, смешанные, гибридные: айва, гладкий персик, угорь, летучая мышь, продукты, которые составляют исключение, отступление от общих методов, и которые служат связью.

Не зная теории исключений или переходов, теории промежуточных видов, новейшие народы всюду терпели неудачу при изучении природы; они начинают замечать свою ошибку.

У менторов та же цель, что и у других наставников, — направлять все способности ребенка к производительной индустрии и к полезному учению посредством надлежащих приманок.

Что касается индустриальной приманки, то здесь первоначальным средством всегда является серия, или тройное деление. Производится ли работа с бамбэнами или с херувимами, или с иными, нужно всегда различать три степени: *высокую, среднюю и нижнюю* — разграничение, которое мы применяли даже к младенцам по линии как возрастов, так и характеров. Чем больше серий будет образовано, тем легче будет работать механизм. Серия из четырех делений не менее совершенна, чем серия из трех.

Сначала эта лестница применяется к наставникам: для воспитания раннего детства образуется серия из четырех делений, из боненов и бонин и воспитателей обоего пола. Ни один из этих наставников не оперирует всеми характерами; каждый из них прикрепляется к определенной категории детей, для него наиболее подходящей — либо по уже проявившимся страстям, либо по промышленным наклонностям детей. Каждый при подборе детей для воспитания считается со своими симпатиями; в отличие от цивилизации, ни один не возьмет на себя руководства детьми, набранными без разбору. Ребенок, с своей стороны, выбирая себе наставников, повинуется голосу сердца. Так как режим взаимного притяжения должен установиться при воспитании, как и во всем, то достаточно было бы допустить путаницу, смешение характеров, как это имеет место у цивилизованных, — и это взаимное притяжение исчезло бы.

Я не буду останавливаться на методах, применяемых общественными воспитателями для различения характеров и темпераментов; эта отрасль воспитания вначале не будет применена на практике. Кроме того, прежде чем об этом говорить, следовало бы дать понятие об общей клавиатуре характеров (см. раздел V).

Опытная фаланга будет располагать квалифицированными в этой области должностными лицами; вместо людей, неспособных умело различать естественные наклонности детей и да-

вать им правильное развитие, у нее будут люди, умы которых не испорчены моралью, люди, которые не будут побуждать ребенка подавлять притяжение, презирать «вероломные богатства», воевать со своими страстями и т. д. Такого рода бредни, именуемые ныне *святыми доктринами,* неприемлемы в строе, где нужно будет с двухлетнего возраста побуждать ребенка к рафинированию страстей, потому что его темперамент и характер не поддаются точному определению, пока он не выявит ярко своих наклонностей в области работы и питания.

Функция боненов и бонин состоит в искусстве содействовать выявлению призваний; она распространяется на *бамбэнов,* как и на *лютэнов,* потому что есть много видов индустрии, которые просто недоступны последним, где их наклонности не подвергались испытанию; есть такие отрасли труда, которые доступны лишь десятилетнему возрасту, а другие — лишь пятнадцатилетнему. До перехода в трибу херувимов, где одного соревнования достаточно, чтобы давать ребенку направление, нужно будет применять к нему методы искусственного выявления наклонностей. Здесь приходится коснуться *гармонических игрушек* — своего рода промышленной приманки, которую будут применять для лютэнов и бамбэнов. Я сейчас покажу, как их применять.

Низус и Эвриаль достигли трех лет и с нетерпением ожидают перевода в трибу *бамбэнов,* которые имеют хорошие костюмы, красивые султаны и располагают отведенным для них местом на параде, не играя там, однако, активной роли.

Чтобы быть допущенным в эту трибу, нужно проявить ловкость в различных родах индустрии; они в этом направлении горячо работают.

Эти два *лютэна* еще слишком малы для участия в работах по садоводству. Однако однажды утром бонен Илларион приводит их в центральное место работ, где многочисленный отряд *бамбэнов* и *херувимов* только что произвел сбор овощей. Эти овощи грузятся в двенадцать маленьких повозок, в каждую из которых впряжена собака. В этом отряде участвуют друзья Низуса и Эвриаля, два бывших *лютэна,* недавно принятые в дружину бамбэнов.

Низус и Эвриаль хотели бы присоединиться к бамбэнам, но ими пренебрегают, говоря, что они ничего не умеют делать, и в виде опыта одному из них поручают запрячь в тележку собаку, а другому дают связать в пучок маленькие репы. Они не могут справиться с этой работой, и бамбэны их безжалостно прогоняют, потому что дети в своей среде чрезвычайно требовательны в отношении количества труда. Их подход противоположен подходу отцов, которые умеют только льстить неискусному ребенку под тем предлогом, что он еще слишком мал.

Низус и Эвриаль, отвергнутые *бамбэнами,* возвращаются сильно опечаленные к бонену Иллариону, который им обещает, что через три дня они будут допущены в этот отряд, если они поупражняются в запряжке собак. Затем мимо них проходит красивый обоз из маленьких изящных тележек: *херувимы* и *бамбэны* по окончании работ одели свои пояса и султаны и шествуют с барабанами и трубами, распевая гимн и неся знамя.

Низус и Эвриаль, отвергнутые этой блестящей компанией, садятся с плачем в кабриолет бонена. Тотчас же по возвращении домой Илларион ведет их в магазин гармонических игрушек, показывает им деревянную собаку, обучает их запрягать ее в маленькую тележку, затем приносит им корзинку маленьких картонных реп и луковиц, обучает их связывать в пучки и предлагает им проделать такие же упражнения завтра; он побуждает их отомстить за нанесенные им оскорбления и внушает им надежду, что они скоро будут допущены в трибу бамбэнов. Затем эти два *лютэна* отводятся к какой-нибудь группе и передаются другому бонену, так как Илларион уже провел с ними свое двухчасовое дежурство. На следующий день они спешат повидать Иллариона, чтобы повторить с ним пройденный накануне урок. После трехдневной практики он поведет их к группе, собирающей маленькие овощи, они сумеют там принести пользу, и их примут в разряд новичков. На обратном пути, в 8 часов утра, им будет оказана крупная честь — они будут приглашены на завтрак вместе с бамбэнами.

Таким образом, общение с массой детей будет увлекать к добру двух ребят младшего возраста, а в цивилизации они тянулись бы за старшими только для того, чтобы вместе с ними творить зло, ломать, рвать, опустошать.

Отметим здесь плодотворное употребление игрушек: теперь, если дадут ребенку повозку, барабан, то он в тот же день превратит их в щепки, и во всяком случае они не приносят ему никакой пользы. Фаланга даст ему все эти игрушки различной величины и научит использовать их с воспитательной целью. Если ребенок возьмет барабан, то для того, чтобы быть допущенным в группу маленьких барабанщиков — детей, которые уже участвуют в хореографических упражнениях. Игрушки, предназначенные для девочек, куклы и пр., будут использованы ими точно так же, как повозка и барабан мальчиками (см. 7-е сообщение).

Критики скажут, что, вместо того чтобы возить овощи на 12 маленьких повозках, экономнее было бы возить на большой. Я это знаю, но эта маленькая экономия лишила бы нас возможности развивать с раннего возраста в ребенке ловкость в земледельческих работах — погрузке, запряжке и перевозке; затем мы лишились бы еще более ценного преимущества — возможности способствовать детским интригам при разведении овощей, в котором они примут участие, оказывая малень-

кие услуги, которые постепенно вызовут в них страстное влечение к земледелию в целом. Пренебрегать этим посевом индустриального притяжения и средствами, способствующими проявлению призваний, было бы ложной экономией; такое сбережение столь же пагубно, как и конкуренция, снижающая заработную плату, которая делает рабочих жертвами своего рода гладиаторского боя: они убивают друг друга *политически,* чтобы отвоевать себе право на труд.

Стимул, который невозможно использовать в цивилизации и который имеет решающее значение в новом общественном строе, — это быстрое созревание некоторых детей. Во всех категориях встречаются рано созревшие дети, умственно или физически. Я видел ребенка, который в 18 месяцев и в умственном и в физическом отношении был равноценен трехлетнему. Эти дети поднимаются по разрядам раньше времени; это — предмет зависти и соревнования для детей одного с ними возраста, общество которых они покинули. Цивилизация же не может сделать стимулом соревнования это раннее созревание, которое гармония использует в материальном и интеллектуальном отношениях. Преждевременное продвижение ребенка производит сильное впечатление на наиболее искусных детей трибы, которую он оставляет. Они удваивают усилия, чтобы его догнать и поскорее держать переходные испытания; этот импульс в большей или меньшей степени сообщается и отстающим, и воспитание идет успешно благодаря этим маленьким пружинам, из которых цивилизация не может сделать никакого употребления, потому что ни индустрия, ни учебные занятия не обладают силой притяжения вне серий, построенных на страстях.

Только ассоциация может предоставить ребенку во всех отраслях индустрии материал, расположенный в порядке постепенности, что служит очарованием для раннего возраста. Такова будет лестница повозок, лопат и инструментов семи различных величин, приуроченных к семи корпорациям — лютенам, бамбэнам, херувимам, серафимам, лицеистам, гимназистам и юношам. Режущие инструменты — топоры, рубанки — не даются еще ни лютэнам, ни бамбэнам.

Главным образом благодаря употреблению этой лестницы удается извлечь выгоду из *обезьяничания,* или страсти к подражанию, которая господствует у детей; и чтобы усилить этот соблазн, различные машины подразделяются еще по размерам добавочно. Так, например, тот или иной инструмент, которым пользуются лютэны, делается трех размеров, приуроченных к категориям высших лютэнов, полулютэнов и низших лютэнов. Об этом должны позаботиться те, кто будет руководить подготовкой к образованию опытной фаланги.

Такая же лестница применяется для установления промышленных степеней, каковы: аспирант, неофит, бакалавр, лиценциат и различные должностные звания.

Во всяком труде, будь то хоть собирание спичек, устанавливается эта лестница степеней и знаков отличия, дабы ребенок мог спуститься или подняться на одну ступень, в зависимости от успехов. Дети, строя гармонии, имеют ту же слабость, что и взрослые цивилизованные люди: страсть к погремушкам, пышным титулам, к декорациям и т. д. Ребенок трех лет, высший лютэн, имеет уже, по крайней мере, 2 десятка почетных званий и декораций, как то: лиценциат в группе спичек, бакалавр в группе по очистке овощей, неофит в группе по разведению резеды и т. д., с декоративными знаками, характеризующими занятие. Распределение этих степеней происходит с большой пышностью на парадах.

Нетерпеливое домогательство со стороны детей этих почетных званий, равно как и перехода из нижнего в средний и высший эшелоны каждого хора является для них большим стимулом. Этот возраст, в котором корыстный интерес играет малую роль, а любовь никакой, целиком отдается честолюбию и жажде славы; каждый ребенок горит желанием перейти в дружину и эшелон повыше, торопится опередить свой возраст, но сдерживается строгостью экзамена и трудностью задач. Каждая дружина оставляет в этом отношении выбор вступающему, потому что безразлично, в каких промышленных группах ребенок примет участие. Он только должен высказать свою способность работать в известном числе групп, которые, допуская его в свой состав, тем самым удостоверяют его ловкость и сноровку. Такая аттестация есть результат проверки на деле; ее не получить по протекции: надо участвовать в испытании и обнаружить требуемую долю умения. Группы детей чрезвычайно самолюбивы, и ни одна из них не приняла бы в свой коллектив кандидата, который навлек бы на группу насмешки при состязании с соседними фалангами.

Для примера возьмем бамбину $4^1/_2$ лет, домогающуюся принятия в хор херувимов. Она подвергается, примерно, следующим испытаниям: 1) музыкальное и хореографическое выступление в опере, 2) перемыть 120 тарелок в полчаса, не разбив ни одной, 3) очистить полквинтала яблок в назначенное время, срезав не больше указанного, 4) перебрать определенное количество риса или другого зерна в установленное время, 5) уметь разжечь и поддерживать костер, действуя быстро и разумно. Сверх того, от нее потребуют удостоверения, что она является лиценциаткой в пяти группах, бакалавром в 7 и неофитом в 9 группах. Эти испытания, выбор которых предоставляется кандидатке, требуются для перехода из одного хора в другой; для перехода из эшелона в эшелон, например из младших херувимов в средние херувимы, требуются другие испытания и т. д.

Гармоническое воспитание гнушается обычаем цивилизации выдавать награды детям, а иногда и родителям; оно оперирует только благородными факторами, более справедли-

выми, чем награды, столь часто выдаваемые по протекции, как это было с выдачей деценальных премий в царствование Бонапарта. Оно делает упор на честолюбие и материальную заинтересованность, т. е. на быстрое продвижение со ступени на ступень, и на выгоды, проистекающие от получения больших дивидендов в нескольких сериях (см. гл. XIX, таблица импульсов для раннего детства; я приведу много других для отрочества).

До девяти лет испытание касается физической стороны в большей мере, чем духовной, а после девяти лет — больше духовного, чем физического, так как физически ребенок уже сложился.

В раннем детстве прежде всего добиваются полного развития физических данных и равномерного развития органов внешних чувств. Для принятия бамбэнов или бамбин в херувимы от них требуется, кроме пяти трудовых операций и вышеуказанных удостоверений, еще выдержать испытание в *интегральной ловкости* различных частей тела; например, им дают семь следующих упражнений: 1) упражнение для левой руки и кисти, 2) правой руки и кисти, 3) левой ноги и ступни, 4) правой ноги и ступни, 5) одной руки и двух кистей, 6) двух ступней и одной ноги, 7) одного из четырех членов.

Кроме того, от них требуется в соответствии с их возрастом понимание того, что только бог способен управлять социальными судьбами и что нет этой способности у человеческого разума, законы которого порождают только варварство и цивилизацию, только обман и угнетение.

Для перевода херувимов в серафимы к детям предъявляют требования еще более строгие как по линии физических упражнений, более трудных, чем предыдущие, так и в интеллектуальном отношении, ставя вопросы, доступные ребенку в возрасте 6 лет.

Если от детей младшего возраста требуется выполнение большинства или всех физических упражнений, то это сообразовано с импульсами данного возраста, имеющими материальную почву.

В строе гармонии стараются только содействовать притяжению, благоприятствовать развитию природных данных так же усердно, как цивилизация стремится их подавить.

Так как воспитание кончается двумя хорами — юношей и девушек (jouvenceaux et jouvencelles), то для перехода в хоры совершеннолетних им не приходится подвергаться испытаниям. Но во всех хорах и эшелонах детства такие испытания производятся по всем ступеням. Это — могучий двигатель, который побуждает ребенка нетерпеливого научаться выдержке, а стыдящегося своих неудач — страстно жаждать наставлений.

Хоры и трибы, даже самые юные, чрезвычайно самолюбивы и ни за что не примут в свою среду недостойного кан-

дидата. Его будут гонять из месяца в месяц от одного экзамена к другому. Дети — судьи чрезвычайно строгие. Обидный отказ в приеме очень чувствителен для тех, кто перерос возраст, установленный для данной трибы. После шестимесячной отсрочки и повторных испытаний они, в случае неудовлетворительных результатов, зачисляются в хоры половинчатых характеров. Родители не смогут закрывать глаза на отсталость, ни превозносить, как это делается теперь, качества ребенка-идиота. Соревнование глушится в корне, пока *баловство* родителей не имеет никакого противовеса.

Перевод в хоры половинчатого характера хотя и не очень лестен для ребенка, однако не оскорбителен, потому что в этих хорах есть много индивидов, обиженных природой в смысле пониженного восприятия внешних чувств, но одаренных умом. Этот класс детей содержит также ценные переходные типы, относимые к двум характерам и дублирующие как один, так и другой.

Впрочем, так как полноценный характер образует весьма многочисленную корпорацию, где продвижение весьма затруднено, то дети интеллектуально слабые легко соглашаются оставаться в хоре половинчатого характера, где фактическая слабость ребенка в каком-либо отношении оказывается скрытой в переходной форме.

Кроме того, когда ребенок переходит в хор половинчатого характера высшей трибы, то это реальное продвижение не помешает ему перейти в хор полноценного характера этой же трибы, когда он даст требуемые показатели.

Некоторые индивиды могут провести всю свою жизнь в хорах половинчатого характера, но это не помешает их счастью и не подорвет уважения к ним, потому что эта категория, как я уже сказал, имеет в своем составе индивидов чрезвычайно большой ценности. С другой стороны, известно, что часто характер, слабо выявленный в раннем возрасте, со временем разовьется и вознесет своего обладателя на чрезвычайно высокую ступень.

Впрочем, в хоре полухарактера, как и в хоре полного характера, многочисленные средства промышленного притяжения (см. средства для раннего детства) сохраняют все свое влияние. Одного стремления перейти из аспирантов в неофиты данной группы, из неофитов в бакалавры достаточно, чтобы воодушевить ребенка в мастерских, садах, на скотном дворе и на маневрах. Придется не то что возбуждать в нем соревнование, а скорее умерять его пыл и утешать в неудачах, которые будут его расстраивать и которые он постарается изжить. Какой контраст с якобы очаровательными детьми цивилизации: в 4 года они только и умеют, что ломать и пачкать и противиться труду, к которому их можно принудить только кнутом и моральными наставлениями!

Судьба их столь печальна, что они все мечтают о рекреации (recreation)[1] — вещь, которая покажется смешной гармоническим детям. Последние не будут знать иной забавы, как бегать по мастерским и участвовать в собраниях, где развертываются производственные интриги. Одним из изумительных чудес в опытной фаланге будет зрелище детей, никогда не желающих отдыхать, но всегда готовых перейти от одной работы к другой, только и думающих о том, какие собрания состоятся на бирже для обсуждения завтрашних работ хорами херувимов, дающих импульс бамбэнам, потому что последние не выступают самостоятельно на бирже и не ведают еще единым видом труда.

Полная свобода, которую предоставляют детям гармонии, не распространяется на вольности опасного характера; было бы смешно позволить бамбэну брать в руки заряженный пистолет. Гармонийцы не злоупотребляют словом *свобода,* как цивилизованные, которые, под предлогом свободы, разрешают торговцу все мошенничества.

Разрешение пользоваться огнестрельным оружием, малорослыми лошадьми, режущими инструментами дается только по степеням, когда ребенок поднимается из одного хора в другой, из эшелона в эшелон; и это является одним из средств соревнования, которое пускают в ход, чтобы побудить ребенка к индустрии, к учебным занятиям, никогда не прибегая к принуждению.

Это соревнование не развернется в полной мере в опытной фаланге, потому что ей не будет хватать возбудителей, обусловленных внешними отношениями и активирующих самолюбие и соперничество между детьми. У ребенка такой фаланги нет надежды достигнуть к 12—13 годам столь высоких должностей, как командование 10 000 ребят на парадных или военных маневрах. Результатов, достигаемых вначале, уже весьма блестящих, окажется достаточно, чтобы судить о том, что даст новый строй, когда он будет снабжен всеми средствами и когда механизм будет полноценным вследствие всеобщей организации по этой системе.

В воспитании бамбэнов и бамбин есть отрасль, которой я не мог осветить: это — искусство определять характер и темперамент ребенка, место, занимаемое им в лестнице характеров из 810 полных, 405 смешанных, да еще находящихся выше обычного уровня. Это — за пределами нынешних знаний. Я должен был этого избежать, и я упоминаю об этом только для того, чтобы отметить высокое значение воспитателей (менторов обоего пола), которым предназначены эти научные исследования.

Можно ли удивляться тому, что природа, отводящая менторам столь выдающуюся роль, внушает им отвращение ко

[1] Рекреация — «освежение» (лат.) — промежуток времени между уроками в учебных заведениях, перемена. — *Прим. ред.*

второстепенным занятиям воспитательного характера, каков уход за колыбельными младенцами. Как могли бы они наблюдать проявление характеров и индустриальных наклонностей, производить классификацию темпераментов и чрезвычайно тонкие испытания, требуемые этими различными занятиями, если бы им пришлось тратить все свое время на кормление младенцев кашей, снимание пены с супа и починку брюк, чтобы быть достойными мужа, придерживающегося морали? Значит, в порядке вещей, чтобы женщины, предназначенные для этих высоких функций, гнушались мелочами домашнего очага и, не находя в строе цивилизации занятий, достойных их таланта, бросались на развлечения, балы, зрелища, любовные интриги, дабы заполнить пустоту жизни; эту скудость цивилизации чувствуют все возвышенные характеры. Зря обвиняют их в разврате; обвинять надо режим цивилизации, который в области воспитания, как и во всех других областях, открывает поприще только для женщин, склонных к мелочности, к угодничеству и лицемерию. Выставление напоказ материнской любви зачастую не более, как лицемерие, арена мнимой добродетели для женщин, не обладающих никакой реальной добродетелью, никакими талантами.

Диоген говорит, что любовь — это занятие для ленивцев; то же можно сказать об излишествах материнской любви. Ревностная забота некоторых женщин о младенце порождена лишь бездельем. Если бы они участвовали в двух десятках промышленных интриг, домогались выгоды и славы, они были бы чрезвычайно рады освободиться от ухода за маленькими детьми, конечно, при условии обеспечения детям соответствующего ухода.

Строй гармонии не совершит, подобно нам, глупости — он не лишит женщин возможности работать в области медицины и народного образования, не ограничит их шитьем и приготовлением пищи. Ему будет известно, что природа наделяет оба пола в равной доле способностью к наукам и к искусствам; склонность к наукам в большей мере присуща мужчинам, а склонность к искусствам в большей мере — женщинам, примерно, в следующей пропорции:

Мужчины $^2/_3$ к наукам,	$^1/_3$ к искусствам.
Женщины $^2/_3$ к искусствам,	$^1/_3$ к наукам.
Мужчины $^2/_3$ к крупному земледелию,	$^1/_3$ к мелкому земледелию.
Женщины $^2/_3$ к мелкому земледелию,	$^1/_3$ к крупному земледелию.
Мужчины $^2/_3$ к работе ментора,	$^1/_3$ к работе бонена.
Женщины $^2/_3$ к работе бонин,	$^1/_3$ к работе ментора.

Таким образом, философы, которые хотят тиранически не допускать женский пол к какой-нибудь профессии, уподобляются злым колонистам Антильских островов, которые своим зверским обращением довели до полного одичания негров, уже и так забитых (abrutis) варварским воспитанием, а затем ты-

тались доказать, что эти негры не похожи на людей. Мнение философов о женщинах столь же справедливо, как мнение колонистов о неграх.

Гармоническое воспитание в части выявления и правильного развития склонностей заканчивается в ту пору, когда у нас воспитание еще не начинается — в возрасте около $4^1/_2$ лет. С этого возраста ребенок, попав в трибу херувимов, будет дальше преуспевать под влиянием только притяжения и соревнования. Без сомнения, ему придется еще многому учиться до 20 лет, но он сам будет добиваться образования и самостоятельно будет приобретать знания в научных и индустриальных собраниях. Никакой наставник не будет наблюдать за ним, чтобы руководить им, как бамбэнами и лютэнами; с 5 лет ребенок будет настолько самостоятелен, как у нас человек 25 лет, который учится по собственному желанию и благодаря этому лучше успевает.

Добавим, что между этими двумя видами воспитания существует следующее различие: наше воспитание ставит водораздел между наукой и промышленным трудом, в ассоциации они всегда сочетаются. Тут ребенок занимается одновременно земледелием, фабричным производством, наукой, искусством; такова особенность выполнения работы по трудовым операциям и короткими сменами. Это — методы, не осуществимые на практике, вне серий, построенных на влечении.

Заключение

Прежде чем итти дальше по линии воспитания, отметим противоречия между методами цивилизации и заветами природы. Далеко не желая кроить всех женщин на один лад и наделять их материнскими склонностями, готовностью заботиться о маленьких детях, природа желает посвятить этому занятию приблизительно восьмую часть женщин и это маленькое число распределить по чрезвычайно противоположным функциям, функциям — нянь, вожатых, воспитательниц, не связанных между собой и из которых каждая еще подразделена на дробные занятия в различных ролях, выбор которых для них свободен. Кроме того, природа хочет создать конкуренцию между полами и инстинктами; инстинкты трех вышеуказанных корпораций чрезвычайно различны, а между тем они способствуют образованию серий, где сотрудничают оба пола на почве первоначального воспитания.

Таким образом, с младенческих лет человек не укладывается в рамки простой природы: чтобы его воспитать, нужен обширный ассортимент противоположных и постепенно расположенных средств, даже с самого раннего возраста, в котором он не создан для колыбели. Жан-Жак Руссо возмущался этой тюрьмой (колыбелью), в которой держат детей спеленутыми, но он не сумел изобрести ни режима эластичных цыновок, ни

комбинированных забот о детях, ни развлечений, необходимых в подкрепление этого метода. Таким образом, философы умеют противопоставлять злу только бесплодные разглагольствования, вместо того чтобы изобретать пути добра, которые, будучи весьма удалены от простой природы, порождаются только сложными методами.

Чем более мы будем углубляться в исследование гармонического воспитания, тем явственнее выступит перед нами это противоречие между моралью и природой: здесь следует напомнить некоторые подробности, относящиеся к воспитанию детей с периода младенчества и раннего детства.

Мораль хочет положить в основу системы воспитания детей самый маленький домашний союз — брачную пару. Природа хочет построить воспитание на основе наикрупнейшей домашней комбинации, распределенной на три ступени: группы, серии групп и фаланги серий. Вне этого обширного объединения нельзя образовать двух лестниц занятий: исполнителей, выполняющих, в порядке соревнования, каждую отдельную операцию, и удовлетворить характер и темперамент ребенка, имеющего потребность в залах, в обслуживании, сообразно этой двойной лестнице, обслуживании, не осуществимом на практике вне фаланги промышленных серий. Недаром в семье ребенок до того скучает, что днем и ночью кричит, и ни он, ни родители не могут угадать, какие развлечения ему нужны; эти развлечения он найдет в серистере младенчества.

Морали угодно, чтобы, будучи в семье, отец готов был слушать непрерывный, вечный гам маленьких ребят, которые не дают ему спать и мешают работать. Природе, напротив, угодно, чтобы человек, как бедный, так и богатый, был освобожден от этого морального кошачьего концерта и чтобы он, блюдя свое достоинство, мог бы отправить в отдаленный уголок этот дьявольский выводок — поместить детей так, чтобы они содержались в условиях здоровых и приятных, сообразно новому общественному методу, обеспечивающему отдых отцам, матерям и детям. Всех их терзает режим цивилизации, так называемый сладкий домашний очаг, — подлинный ад для народа, когда нет в доме ни отдельной комнаты для младенцев, ни денег, чтобы удовлетворить их потребности.

Моралистам угодно, чтобы мать кормила грудью своего ребенка. Это предписание совершенно излишне там, где дело касается бедных матерей, составляющих $^1/_8$ общего их количества. Им не только нечем оплатить кормилицу, но и сами они готовы кормить за плату посторонних грудных детей. Что касается богатых матерей, составляющих $^1/_8$, то им следовало бы запретить это занятие, потому что они являются убийцами своих детей. Вследствие своего безделья они изощряются в тысяче вредных выдумок, и этот яд медленно убивает большинство детей богатого класса.

Очень часто удивляются тому, что смерть уносит единственного сына зажиточного дома, щадя в то же время жалких детей хижин, лишенных куска хлеба. Этим деревенским ребятам здоровье обеспечено бедностью матери, которая, будучи вынуждена уходить на полевые работы, не может уделять время их фантазиям и, еще меньше, создавать свои собственные, как это делают владелицы замков. Таким образом, Жан-Жак Руссо апеллируя к чувствам, к нежной морали матерей, установил моду кормления грудью в классе женщин, которым следовало бы это занятие запретить, потому что в богатом классе женщины обычно лишены либо необходимого здоровья, либо холодного и благоразумного характера, предохраняющего от зла мать и ребенка.

Мораль запрещает отцу баловать ребенка; напротив, это единственное занятие, предназначенное отцу, так как его дитя получает достаточно критики и наставлений в ассоциации со стороны групп, которые он посещает (II, 158, до 163), а если он очень мал, то со стороны нянь, которые за ним ухаживают в серистере раннего возраста.

Мораль хочет, чтобы отец был прирожденным наставником ребенка; эту заботу природа на него не возлагает, она поручает ее боненам и менторам, людям, подготовленным к этому занятию своим инстинктом и корпоративным духом.

Мораль хочет, чтобы вокруг ребенка вертелось с полдюжины бабушек и теток, сестер и кузин, соседок и кумушек, поощряя его вредные для здоровья фантазии и портя ему слух французской музыкой. Природа же хочет, чтобы в серистере, приспособленном ко всем инстинктам первого возраста, ребенок жил весело и в здоровых условиях, при использовании менее $^1/_{30}$ этого окружения.

Моралисты хотят, чтобы ребенок с раннего возраста гнушался богатства, но уважал торговцев; природа, напротив, хочет, чтобы ребенок с ранних лет научился ценить деньги, чтобы он старался их приобрести честным путем, который в строе цивилизации не может привести к богатству и который несовместим с извращенной торговлей или нынешним методом.

Мораль хочет, чтобы детям не позволяли никакой утонченности, особенно в отношении лакомств, и чтобы они ели без разбора все, что им дают. Природа хочет, чтобы их приучали к требованиям гастрономии и к тонкостям этого искусства; в строе гармонии это — прямое средство внушить страстное влечение к земледелию (II, 213, 215).

Значит, ясно, что мораль, даже при наличии добрых намерений, играет роль невежественного врача, который дает только гибельные советы, действует вразрез с природой и убивает больных, щеголяя прекрасными теориями. Но верно ли, что мораль и ее корифеи имеют добрые намерения? Прежде чем высказаться по этому поводу, продолжим анализ

противоречий, существующих между этой наукой и природой; и лишь после того как мы вполне убедимся в ее постоянном противодействии природе, исследуем ее вероломство, равное ее невежеству.

ШЕСТОЕ СООБЩЕНИЕ

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА, ОТРОЧЕСТВА И ЮНОСТИ КОНКУРЕНЦИЯ ИНСТИНКТОВ И ПОЛОВ

Предварительное замечание. Я довольно пространно останавливался на воспитании первой фазы, или раннего детства, потому что это — выигрышная сторона опытной фаланги, которой она сможет сразу блеснуть, встретив лишь слабое противодействие со стороны предрассудка: дети 3, 4 и даже 5 лет еще чужды предрассудка; они менее начинены моралью, менее испорчены, чем дети 10—15 лет, поэтому будет легче открыто развивать их естественные наклонности и оценить в них правильность притяжения.

С возраста пяти лет цивилизация начинает вбивать детям в голову святые доктрины, которые извращают их характер, особенно у девочек. В силу этого опытной фаланге будет очень трудно классифицировать характеры и различать полный характер от полухарактера. Ясно, что с первого года ей это не удастся.

Переходим к 2, 3 и 4-й фазам воспитания:

Вторая фаза — среднее детство, обнимает две трибы — *херувимов* и *серафимов* — в возрасте от $4^1/_2$ до 9 лет.

Третья фаза — отрочество, обнимает две трибы — *лицеистов* и *гимназистов* — в возрасте от 9 до $15^1/_2$ лет.

Четвертая фаза — юношество, обнимает трибу молодых людей обоего пола в возрасте от $15^1/_2$ до $19^1/_2$ или 20 лет.

Возрастные пределы вначале будут менее высокими; сверх того они не одинаковы для двух полов.

Я буду рассматривать совокупно фазу вторую и третью, потому что в основном система здесь одна и та же, за исключением того, что во второй фазе более активно должны развиваться способности физические, а в третьей фазе — способности духовные.

Только в четвертой фазе система воспитания должна подвергаться изменениям, потому что здесь вмешивается любовь. Следовательно, нужно изучать вторую и третью фазу совокупно, а четвертую изолированно.

Чтобы надлежащим образом разработать этот предмет, нужны не четыре главы, а, по крайней мере, двадцать: вот почему я не могу обещать даже краткого изложения вопроса, но смогу дать характеристику основных принципов; я часто буду ссылаться на трактат, содержащий подробные данные

о воспитании второй, третьей, четвертой фаз гармонического детства.

Мы сейчас увидим, что мораль не использовала всех положений, на которых должны базироваться операции, относящиеся к этим трем фазам, и отнесла, согласно своему обыкновению, к разряду пороков все импульсы, которые природа хочет использовать для создания добродетелей.

Чтобы установить борьбу инстинктов и полов, порождающую чудеса в индустрии и в добродетели, все среднее детство и отрочество подразделяются на четыре трибы — *гимназистов, лицеистов, серафимов* и *херувимов* — и две корпорации по инстинкту, а именно:

маленькие орды, назначаемые на работы, внушающие отвращение или уязвляющие самолюбие;

маленькие банды, предназначенные служить идее коллективной роскоши.

Эти две корпорации в силу своего контраста с пользой употребляют инстинкты, которые мораль напрасно стремится подавить у представителей каждого пола: наклонность к грязи у маленьких мальчиков и склонность к нарядам у маленьких девочек.

Противопоставляя друг другу эти вкусы, новое общественное воспитание приводит один и другой пол к одной и той же цели различными путями:

маленькие орды к прекрасному путем добра,

маленькие банды к добру путем прекрасного.

Этот метод предоставляет детям возможность выбора, свободу, которой нет у них в нынешнем строе, где им всегда навязывают одну и ту же систему нравов. Ассоциация им открывает два контрастных пути, благоприятствующих противоположным наклонностям, — страсть к нарядам и к нечистоплотности.

Среди детей, примерно, две трети мальчиков имеют склонность к нечистоплотности; они любят валяться в грязи и играть грязными вещами; они сварливы, непослушны, сквернословы, говорят дерзким тоном, употребляют грубые выражения, любят шум и, ради удовольствия произвести опустошение, не считаются ни с какими опасностями, непогодой и т. д.

Эти дети вступают в маленькие орды, функция которых — выполнять с честью и неустрашимо всякий отталкивающий труд, который сочли бы для себя унизительным обыкновенные рабочие. Эта корпорация является своего рода полудиким легионом, который контрастирует с утонченной гармонической вежливостью только по тону, а отнюдь не по чувствам, так как она исполнена самого горячего патриотизма.

Другая треть мальчиков имеет склонность к хорошим манерам и мирным занятиям. Они вступают в маленькие банды. В противовес этому одну треть составляют девочки, которым свойственны мужские наклонности, их называют нежен-

ственными, они любят втираться в игры мальчиков, общение с которыми им запрещают: эта треть девочек вступает в маленькие орды. Таким образом, состав этих двух корпораций таков:

маленькие орды — $^2/_3$ мальчиков, $^1/_3$ девочек,

маленькие банды — $^2/_3$ девочек, $^1/_3$ мальчиков.

Каждая из этих двух корпораций будет подразделяться на три вида, которым нужно дать название: маленьким ордам придется присвоить 3 названия простонародные, а маленьким бандам — романтические названия с тем, чтобы эти два союза, будучи рычагами чрезвычайной важности в промышленном притяжении, контрастировали между собой во всех отношениях.

ГЛАВА XXI

О МАЛЕНЬКИХ ОРДАХ

Рассмотрим сначала присущие им особенности и их гражданские добродетели. Чем грандиознее покажутся нам эти добродетели, тем интереснее исследовать, какими средствами притяжение может добиться этих великодушных усилий, о которых цивилизация не смеет даже мечтать, невзирая на ее склонность к моральным и филантропическим химерам.

Маленькие орды играют роль своего рода *милиции бога*, состоящей на службе у промышленного единства: в силу этого титула они должны быть первыми всюду, где единству угрожала бы опасность. Мы увидим в пятом разделе, что для сохранения единства они должны взять на себя все те отрасли производительного труда, которые, вследствие своего чрезмерно отталкивающего характера, заставили бы восстановить категорию наемных рабочих и презираемых людей.

При выполнении этих работ они подразделяются на три группы: первая предназначается для крайне грязных работ: очистки сточных вод, работы трубочистов, сортировки кишек и т. д.; вторая предназначается для опасных работ — преследования пресмыкающихся, работа, требующая большой ловкости; третья участвует в работах того и другого рода; необходимо, чтобы все лицеисты и гимназисты обоего пола выезжали верхом на пони.

К их компетенции относится содержание в *прекрасном порядке* больших дорог. Строй гармонии будет обязан самолюбию маленьких орд наличием по всей земле больших дорог, более пышных, чем наши аллеи цветников, дорог, обрамленных кустарникам, а в некотором отдалении — даже и цветами. При малейшем повреждении почтовой дороги немедленно бьют тревогу, и маленькие орды являются произвести легкий ремонт и водружают флаг, указывающий на неисправность дороги, чтобы путешественники, заметив неисправность, не обвинили кантон в наличии у него плохой орды; подобный

упрек был бы брошен кантону и в том случае, если бы было обнаружено вредное пресмыкающееся, клубок гусениц или квакающие лягушки вблизи больших дорог. Эта нечисть навлекла бы презрение на фалангу и понизила бы курс ее акций.

Хотя работа маленьких орд и самая трудная ввиду отсутствия *прямого притяжения,* однако они получают вознаграждение меньшее, чем все другие. Они отказались бы от вознаграждения вовсе, будь это принято в ассоциации; они берут себе минимальную долю дивиденда, что, однако, не мешает каждому из их членов зарабатывать большие дивиденды в других отраслях труда. Но в качестве союза филантропического единства они, согласно своему уставу, обязаны работать самоотверженно, по возможности бесплатно.

Чтобы привлечь общее внимание к этому самопожертвованию, маленьким ордам дают возможность (хотя бы они состояли из детей младшего возраста), начиная с девяти лет, жертвовать восьмую часть своего состояния на служение богу, или единству; эти термины однозначущи, так как единство, или гармония, является целью бога. Таким образом, ребенок, обладающий 80 000 франков, которыми он может располагать только по достижении совершеннолетия, имеет право уже в возрасте девяти лет пожертвовать 10 000 франков в казну маленьких орд, членом которых он состоит. Добиться принятия пожертвования нелегко богатым детям, невзирая на предложение ими больших сумм, в строе цивилизации обеспечивающих блестящий прием.

На сеанс по распределению маленькие орды приносят свою кассу в натуре, и если какая-нибудь серия жалуется на убыток в сумме 100 или 200 луидоров, маленький хан приносит корзину с 200 луидоров и ставит ее перед руководителями этой серии. Последняя должна их принять. Ее отказ обидел бы общество, которое заранее решило, что милиция бога имеет право жертвовать свое состояние для поддержания единства, для исправления ошибок, возможных при людских оценках. Для серии, получающей пожертвование, это позор, предупреждение — лучше сорганизоваться в следующем году, лучше распределить свой ассортимент характеров и соперничеств с тем, чтобы на сеансе по распределению не возникало спора, способного подорвать единство. Фаланга, о которой стало бы известно, что в решительный момент, в день распределения у нее происходят недоразумения, рассматривалась бы общественным мнением как неправильно организованная в отношении лестницы характеров; ее акции упали бы в цене, от них старались бы избавиться, потому что в строе гармонии известно, что материальные ценности или индустрия в опасности, если в страстях произошел разлад, и что равновесию страстей грозит опасность, если материальные ценности неудовлетворительны.

Так как маленькие орды — очаг всех гражданских добродетелей, то ради счастья общества они должны практиковать *самопожертвование,* проповедуемое христианством, и *презрение к богатству,* рекомендуемое философией; они должны сочетать в себе и осуществлять на практике все виды добродетелей, о которых грезят и которые симулируют в цивилизации. Будучи хранителем социальной чести, они должны раздавить главу змия в физическом и моральном отношении: очищая поля от пресмыкающихся, они в то же время очищают общество от яда, худшего, чем яд гадюки; своими денежными сокровищами они гасят вспышку жадности, способную нарушить согласие, и, выполняя отвратительные работы, они тем самым глушат гордость, которая, лишая уважения промышленный класс, стремились бы, таким образом, возродить дух касты, подорвать общую дружбу и помешать слиянию классов. Это слияние классов — одна из четырех основ нового общественного механизма. Остальные три основания суть: промышленное притяжение, уравновешенное распределение, равновесие населения.

Может показаться, что добиться от детей чудес добродетели можно лишь сверхъестественными способами, как это делают наши монастыри, которые приучают послушника к самоотречению, предписывая ему чрезвычайно суровые условия жизни во время искуса. В новом общественном строе будут итти совершенно противоположным путем, действуя на маленькие орды только приманкой удовольствия.

Рассмотрим, какие импульсы побуждают их к добродетели: этих импульсов четыре. Все они осуждены моралью. Это нечистоплотность, гордость, бесстыдство и неповиновение. Именно, отдаваясь этим мнимым порокам, маленькие орды поднимаются на ступень добродетели. Исследуем этот вопрос, используя одну примету.

Я сказал, что теория притяжения должна ограничиться использованием страстей в том виде, как они даны богом, ничего в них не изменяя. В подкрепление этого принципа я постарался оправдать ряд прирожденных влечений раннего возраста, которые нам кажутся порочными; таковы *любопытство* и *непостоянство.* Они имеют целью привлечь ребенка в различные серистеры, где будут развиваться его призвания. Склонность *водиться с повесами старшего возраста;* именно от них ребенок должен в строе гармонии получить толчок к увлечению индустрией (Восходящий корпоративный тон, II, 169). *Неповиновение отцу и наставнику;* эти лица не должны его воспитывать; его воспитание должно совершаться на почве соперничества групп, основанного на интриге. Таким образом, все импульсы юного возраста в раннем и даже в позднем детстве хороши, лишь бы дети были организованы в серии, построенные на влечении.

Не с первого дня удастся вовлечь орду в отталкивающие работы; нужно будет ее к этому привести постепенно; сначала ее гордости будет льстить высокое положение, отводимое ей в фаланге; всякий представитель власти, даже сами монархи, должны первыми кланяться маленьким ордам; у них есть пони, и они являются первой кавалерией земного шара. Ни одна промышленная армия не может приступить к кампании без маленьких орд; им принадлежит прерогатива первого почина во всякой операции единства. Они прибывают в армию в день, назначенный для открытия. Инженеры составили план работ, и маленькие орды, выйдя на передовые позиции, производят первый натиск под крики радости, испускаемые армией. Они проводят здесь несколько дней и принимают участие во многочисленных работах.

Они имеют первенство перед другими отрядами, и при всякой утренней операции командование передается одному из маленьких ханов. Если легионы разбили лагерь в какой-либо фаланге, то на следующий день, после торжественной первой трапезы, все собираются на парад, и командование доверяется маленькому хану. Он имеет свой штаб, как генерал, — прерогатива, которая очаровывает детей, равно как и допущение в армию. Это преимущество предоставляется только маленьким ордам или некоторым избранным из маленьких банд, которые здесь принимаются только по протекции орд.

В храмах маленькая орда занимает место у алтаря, и в богослужениях ей всегда отводится почетное место.

Эти отличия имеют целью использовать их склонность к работе, внушающей отвращение. Приходится льстить их тщеславию (что не трудно), чтобы пристрастить их к этим работам, создать для них почетное поприще; вот почему нужно поощрять их склонность к гордости, бесстыдству и неповиновению.

Они имеют свой жаргон, или язык, основанный на интриге, и свою маленькую артиллерию. Они имеют также своих жрецов и жриц — помощников, избираемых из среды пожилых людей, сохраняя склонность к очень грязным работам; эти услуги обеспечивают им много преимуществ. Метод, которого нужно придерживаться в обращении с маленькими ордами, это использовать их порыв к грязи, но отнюдь не убивать его слишком утомительными работами. Чтобы не ослабить этого порыва, его надо использовать в веселой обстановке, с почетом для действующих лиц и в коротких сеансах. Например:

Если предстоит чрезвычайно отталкивающая работа, то собирают орды четырех или пяти соседних фаланг. Они участвуют в утреннем завтраке, который подается в $4^{3}/_{4}$; затем после религиозного гимна в 5 часов и парада групп, отправляющихся на работу, извещая о начале работ маленьких орд, звонят в колокола, бьют в барабан, трубят в трубы, собаки

лают, быки мычат... Тогда орды, под предводительством своих ханов и жрецов, с громкими криками бросаются вперед, мимо главного жреца, который их окропляет. Они неистово набрасываются на работу, которая выполняется как богоугодное дело, как акт милосердия по отношению к фаланге, как служба богу и единству.

Окончив работу, они принимают душ и приводят в порядок туалет, затем — около 8 часов — рассыпаются по садам и мастерским и возвращаются, чтобы торжественно присутствовать на дневном завтраке. Тут каждая орда получает дубовый венок, который прикрепляется к знамени; после завтрака садятся на лошадей и возвращаются в свои фаланги.

Они должны быть связаны с богослужением в качестве религиозного братства и во время исполнения своих обязанностей носить религиозный знак на платьях — крест или другую эмблему. В числе промышленных стимулов не нужно пренебрегать религиозным духом, чрезвычайно сильным возбудителем для детей, толкающим их на акты самопожертвования.

Корпоративно воодушевив их для этих тяжелых работ, уже не трудно их приспособить для повседневных функций отталкивающего характера: в комнатах, на бойнях, в кухне, на скотном дворе и в прачечной; они всегда на ногах с трех часов утра, проявляя инициативу в работе как в фаланге, так и в армии.

Им поручается верховное наблюдение над животными. Они следят на бойнях за тем, чтобы животных не заставляли страдать, чтобы их убивали, не причиняя им лишних мучений. Тот, кто плохо обращается с четвероногим, птицей, рыбой или насекомым, мучая животное во время работы или заставляя его страдать на бойне, подлежит суду Дивана маленьких орд. Каков бы ни был его возраст, он вынужден предстать перед трибуналом детей в качестве человека, в умственном отношении ниже самих детей. В гармонии считается, что так как животное производительно лишь постольку, поскольку с ним хорошо обращаются, то тот, кто, согласно французскому обычаю, плохо обращается с животными, лишенными возможности сопротивляться, — сам хуже преследуемых им животных.

Опытная фаланга, чтобы воодушевить свою маленькую орду, не будет располагать средствами, вытекающими из вышеописанных общих взаимоотношений, но она будет добиваться цели с помощью случайных средств, каковы контрасты, устанавливаемые между маленькой ордой и маленькой бандой, например, в костюмах. Маленькие банды носят рыцарские и романтические платья и строятся по современному способу, образуя прямолинейную колонну, называемую эскадроном; маленькие орды строятся по татарскому способу и образуют криволинейную колонну. Они имеют странные украшения и, вероятно, костюм наполовину варварский и наполовину венгерский: доломан и брюки ярких цветов и разнообразных для

каждого индивида, так что орда производит впечатление клумбы разноцветных тюльпанов. Сто кавалеристов должны выступать в одежде двухсот цветов, артистически контрастированных. Эта задача чрезвычайно затруднительна для прекрасной Франции, которая со своими торгашескими усовершенствованиями никогда не умела найти сорока цветов, чтобы методически установить на основе двух ярких цветов отличительные знаки полков.

Самые обширные подробности по этому предмету можно найти в моем труде (II, 233 до 258). Из сказанного мной ясно, что корпорация детей, предоставленная всем склонностям, запрещаемым в их возрасте моралью, является силой, которая позволит осуществить все химеры добродетели, которыми упиваются моралисты:

1) *Нежное братство.* Если бы чувство гадливости подорвало уважение к какому-нибудь виду труда, то серия, этот труд выполняющая, стала бы классом париев, людей уничиженных, и богатые не захотели бы с ними встречаться на работах. Любая функция, чреватая столь пагубным следствием, облагораживается маленькими ордами, которые берут ее на себя и, таким образом, содействуют сохранению близости, единству, или слиянию классов богатого, среднего и бедного.

2) *Презрение к богатству.* Маленькие орды презирают не богатство, но эгоизм в пользовании богатствами. Они жертвуют частью своего состояния, чтобы увеличить денежные средства фаланги в целом и поддержать истинный источник богатства, коим является промышленное притяжение, простирающееся на три класса и обусловливающее их дружественное объединение во всех работах, даже отталкивающего характера, возложенных на детей, потому что дети богатых, так же как и бедных, будут стремиться попасть в орду; в корпорации характер играет решающую роль при таком выборе.

3) *Социальное милосердие.* Мы увидим, что маленькие орды, выполняя эту добродетель, увлекают всех на путь косвенного ее применения в деловых отношениях. (См. в разделе V, равновесие распределения в обратной форме или путь щедрости, приводящий богатых к объединению для помощи бедному, которого в строе цивилизации все они сговариваются грабить.)

В следующих разделах мы убедимся, что победы добродетелей зависят от хорошей организации маленьких орд. Только они могут в общем механизме уравновешивать деспотизм денег, укрощать мирового тирана, презренный металл; подлый в глазах моралистов, он станет чрезвычайно благородным, когда будет употребляться для поддержания индустриального единства. Деньги — камень преткновения в наших цивилизованных обществах, где людьми *comme il faut* называют тех, кто благодаря богатству ничего не делает и ни к чему не годен. Их прозвище — люди *comme il faut,* к сожалению, весьма

обосновано: так как товарооборот в режиме цивилизации зиждется исключительно на фантазиях праздных людей, то они воистину являются подлинными людьми, какие нужны для того, чтобы поддерживать товарооборот навыворот и потребление навыворот.

Резюмируя сказанное о маленьких ордах, нам остается проанализировать силу движущих их стимулов; об этом можно будет судить только после того, как я опишу контрастную, или противоположную им, силу, представленную корпорацией маленьких банд. Я сейчас дам краткое их определение, после чего нужно будет еще определить две корпорации *весталат* и *дамуазелат,* прежде чем объяснять систему равновесия страстей среди различных детских дружин.

Предварительно заметим, что никакая страсть в маленьких ордах не подавляется; напротив, их господствующие наклонности получают полное развитие, в числе прочего и наклонность к грязи.

Если бы наши моралисты изучили природу человека, то они признали бы эту склонность к грязи у большого числа мальчиков и настаивали бы на целесообразном ее использовании, как это делает ассоциация, которая использует эту наклонность, чтобы образовать корпорацию индустриальных Дециусов [1], поощряя эти отвратительные наклонности, которые нежная мораль подавляет свирепыми ударами бича, не ища способов использования страстей в том виде, как их дал нам бог. Именно вследствие упрямого нежелания изучать природу мораль упустила в воспитании первоначальную силу, прогрессивное влечение вверх, или корпоративный импульс, присущее всем детям стремление подчиниться руководству группы от ступени к ступени старших детей. Корпоративная лестница возрастов — единственный наставник, охотно признаваемый ребенком; он с восторгом следует ее наставлениям. Вот почему природа, предрасположившая его к этой дисциплине (см. гл. XXIII, опера, хореография), побуждает его прямо не повиноваться приказам родителей и учителей и резервирует эту дисциплину для образования, которого он сам будет добиваться.

ГЛАВА XXII

О МАЛЕНЬКИХ БАНДАХ

Деятельность и соревнование маленьких орд усилятся вдвое, если им противопоставить контраст, который природа должна была им уготовить. Большинство мальчиков склонны к гнусностям, бесстыдству и грубости; в противовес этому большинство девочек тяготеет к нарядам и хорошим манерам.

[1] Знаменитый плебейский род в древнем Риме. Публий Дециус старший и Публий Дециус младший во время битвы сознательно пошли на смерть, чтобы этой ценой обеспечить римлянам победу.

Вот зародыш весьма резко выраженного соперничества; остается его развить в применении к индустрии.

Чем в большей мере маленькие орды отличаются добродетелями и гражданским самоотвержением, тем больше качеств должно быть у соперничающей корпорации, чтобы установить равновесие в общественном мнении. Маленькие банды — хранители *социального очарования;* это пост менее блестящий, чем пост поддержания *социального согласия,* предназначенный маленьким ордам. Но заботы о коллективных украшениях, о роскоши целого становятся в ассоциации столь же драгоценными, как и другие отрасли индустрии. Маленькие банды с большой пользой участвуют в труде этого рода; в особенности заботятся они об украшении кантона в целом, в *материальном и духовном смысле.*

В строе гармонии каждый вполне свободен в выборе платьев, но на корпоративных собраниях все должны быть одеты одинаково. Их выбор служит предметом обсуждения в каждой группе и в каждой серии. В конкурсных состязаниях, предметом которых служит материальное украшение или выбор и обновление костюмов, используется любовь к куклам, подобно тому как при воспитании маленьких детей используется любовь к игрушкам. Маленькие банды, в большинстве из девочек, представляют куклы и манекены, из числа которых будет сделан выбор после критического ознакомления.

Являя прямую противоположность маленьким ордам в отношении выговора, маленькие банды увлекаются чистотой языка, искусством оборотов; они столь вежливы, что мальчики уступают дорогу девочкам. Это чрезвычайно полезная привычка, открывающая детям глаза на сущность галантных манер, свойственных молодым людям в 20—30 лет. Дети не подозревают причины такого поведения, потому что они видят ту же изысканную вежливость в маленьких бандах, состоящих из подростков, не достигших зрелости. Эти банды блещут своими манерами, особенно в школах.

Представители мужского пола составляют только одну треть банды, в нее войдут юные ученые, скороспелые умы, вроде Паскаля, рано обнаружившего склонность к научному исследованию, и мальчики с женственным складом характера, с ранних лет склонные к изнеженности.

Менее деятельные, чем маленькие орды, они встают позже и являются в мастерские только к четырем часам утра. В более ранний час они здесь и не нужны, так как они уделяют мало внимания уходу за крупными животными, а занимаются только теми видами животных, которых трудно воспитывать и приручать; таковы почтовые голуби, различные птицы, бобры и зебры.

Они имеют верховное наблюдение за растительным царством; за сломанную ветку дерева, несвоевременно сорванный

цветок или плод, небрежное затаптывание растения виновного судит Сенат маленьких банд, который выносит приговор, руководствуясь уголовным кодексом, применимым к этому роду преступлений; точно так же Диван маленьких орд творит правосудие, неся охрану животного царства.

Имея задачей духовное и материальное украшение кантона, они играют роль академии французской и флорентийской (Accademia della Crusca), они налагают дисциплинарное взыскание за искажение языка и неправильное произношение. Каждая рыцарская представительница маленькой банды имеет право действовать, как некая перепродавщица Афин, которая вышучивала неправильные словообороты Теофраста. Сенат маленьких банд имеет право литературной цензуры даже по отношению к взрослым. Он составляет список грамматических ошибок и ошибок произношения, допущенных каждым членом ассоциации, и канцелярия маленьких банд посылает ему этот список с предложением не повторять этих ошибок.

Успеют ли они приобрести достаточно знаний, чтобы справиться со столь трудной критикой? Без сомнения. Но я прерываю обсуждение этого вопроса, относя его к главе об образовании.

Побуждаемые великими образцами добродетели и социального самоотвержения маленьких орд, они стремятся сравняться с ними в том, что входит в их компетенцию; богатая участница маленькой банды в юности и в момент принятия ее в кавалерию (в возрасте 9 лет) подарит своему отряду какое-либо украшение, а если средства ей это позволят, то сделает подарок и всему эскадрону. Она навлечет на себя презрение, если даст основание заподозрить ее в эгоизме, характерной черте цивилизации, в силу которой женщины склонны презирать свой пол, радоваться его неудачам, его рабскому положению и лишениям и дорожить безделушкой лишь постольку, поскольку нет такой же у бедных соседок. Маленькие банды имеют нравы, совершенно противоположные нравам цивилизованных женщин. Они увлекаются украшениями лишь как стимулом всеобщей дружбы и убранства кантона, рычагом энтузиазма в индустрии и корпоративного великодушия.

Маленьким бандам необходимо иметь корпоративный фонд для практики такого великодушия.

Если маленьким ордам разрешается употреблять восьмую часть своего состояния на филантропические цели, то на том же основании можно разрешить маленьким бандам употреблять на те же цели одну шестнадцатую, а в случае надобности и доход от повышения стоимости акций; тем более, что доход от повышения детских акций обыкновенно накапливается, потому что дети всегда зарабатывают больше, чем расходуют.

Маленькие банды принимают в свой состав и сотрудников зрелого возраста, называемых *корибан* и *корибант* в проти-

воположность жрецам и жрицам маленьких орд. Тот же контраст царит среди их странствующих союзников, крупных отрядов странствующего рыцарства, посвятившего себя изящным искусствам. С другой стороны, маленькие орды имеют, в качестве странствующих союзников, большие орды авантюристов и авантюристок, занятых общественными работами.

При распределении характеров природа подготовила основное подразделение их на яркие оттенки, или *мажорные*, и мягкие, или *минорные;* это различие существует во всем творении, в цветах — от темного к светлому; в музыке — от низкого тона к высокому и т. д. Этот контраст, естественно, образует у детей различие между маленькими ордами и маленькими бандами, несущими противоположные функции.

Работа маленьких орд производит великое чудо слияния классов; маленькие банды оказывают нам не менее выдающуюся услугу, рафинируя серии с самого раннего возраста, что является целью воспитания.

В главах V и VI мы видели, что индустриальная серия была бы порочной, если бы в ней отсутствовала компактность. Чтобы сделать ее компактной, нужно использовать тончайшие различия вкусов по разновидностям, оттенкам, едва уловимым признакам (minimites); дети заблаговременно будут приучаться различать оттенки в страстях. Это — задача маленьких банд, которые собирают детей, склонных к тончайшей изощренности в нарядах, вызывающей обычно споры среди маленьких девочек и женщин; подобно нашим литераторам и художникам, они усматривают резкое нарушение эстетики там, где рядовой человек не видит никакого недостатка.

Маленькие банды умеют устанавливать разрывы в оттенках вкуса, классифицировать тонкие художественные оттенки и добиваться, таким образом, компактности серий благодаря рафинированию фантазий и установлению постепенности. Это свойство менее присуще маленьким ордам, не считая гастрономии.

Таким образом, гармоническое воспитание черпает свои средства сохранения равновесия в двух противоположных склонностях — в склонности к грязи и в склонности к утонченному изяществу; обе эти склонности осуждены нашими софистами в деле воспитания. Маленькие орды действуют в отрицательном смысле, как маленькие банды — в положительном смысле; одни устраняют препятствие на пути к гармонии, уничтожают дух касты, который породил бы отталкивающие работы; другие создают зачатки серий благодаря своей способности организовать лестницы вкусов и разрывы оттенков между различными группами. Отсюда очевидно, что маленькие орды идут к красоте путем добра, строя свои расчеты на работах, внушающих отвращение; маленькие банды идут к добру по пути красоты — нарядов и прилежных усилий.

Это контрастирующее действие — всеобщий закон природы. Во всякой ее системе мы находим противовесы и равновесия сил; в прямой и обратной игре, в восходящем и нисходящем колебании; в форме преломляющей и отражающей; в ладе мажорном и минорном; в силе стремительной и центробежной и т. д. Всюду мы видим прямую и обратную игру, принцип, абсолютно неизвестный в строе цивилизации, которая хочет формировать всю массу детей по одному шаблону: в Спарте она хочет, чтобы все любили черную кашу, а в Париже, чтобы все были друзьями торговли без контраста и конкуренции инстинктов.

С другой стороны, цивилизация применяет путаную форму вместо сложной; навязываемую детям мораль она сообразует с той или иной кастой, а различные принципы — с переменами министерства. Сегодня их воспитывают по Бруту, а завтра — по Цезарю. Другими словами, вместо единства системы стараются кроить по одному шаблону характеры и тем самым вносят путаницу в методы. В воспитании, практикуемом цивилизацией, не найти и следа естественного и контрастного метода инстинктов и полов, применение которого в дальнейшем мы исследуем на юношеском возрасте. Предварительно нужно остановиться на рассмотрении нового общественного образования, средства и методы которого не имеют ничего общего с нашим.

Я дал мало подробностей о маленьких бандах (см. II, 258, 276). Что касается доказательств, то они те же, что и для всякого другого мероприятия: нужно проверить, образована ли серия, и обеспечено ли полное развитие трем механизирующим страстям. Серия маленьких банд, как и серия маленьких орд, образуется в составе трех подразделений, из коих два для контрастирующих занятий и одно для смешанных занятий; а вся серия должна контрастировать с серией маленьких орд. Если это правило полностью соблюдено, то трем механизирующим страстям будет легче развиваться, чем в случае, описанном выше, где речь шла о самой неблагодарной функции воспитательного характера. Эти подробности я отношу к концу раздела.

ГЛАВА XXIII

О ГАРМОНИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

До сих пор я рассматривал новое общественное воспитание только по частям — хор за хором, функция в отдельности за функцией; теперь нужно рассмотреть всю совокупность триб, не достигших еще зрелости; импульсы, способствующие их соревнованию; сопоставить это с воспитанием при цивилизации, где мы отметим 5 неполадок: 1) движение против смысла,

2) упрощенство действия, 3) порочная основа, 4) порочная форма, 5) отсутствие материального притяжения.

1. *Движение против смысла.* Цивилизация ставит теорию впереди практики; все системы цивилизации впадают в это заблуждение. Не умея приохотить ребенка к труду, они вынуждены оставлять его праздным до 6-или 7-летнего возраста, к которому он должен был бы стать искусным работником. Далее, в 7 лет они хотят обучать его теории, наукам, дать ему знания, к которым его совсем не тянет. Эта тяга к знаниям не может не зародиться у ребенка строя гармонии, который в 7 лет знает уже три десятка различных ремесл и испытывает потребность опереться на точные науки. Таким образом, воспитание при цивилизации находится в противоречии со здравым смыслом, ставит теорию впереди практики; это — подлинный *мир дыбом,* как и вся система, частью которой оно является.

2. *Упрощенство действия.* Ребенка ограничивают одной работой — изучать, чахнуть за букварем и грамматикой с утра до вечера, целые десять-одиннадцать месяцев в году. Может ли он не проникнуться отвращением к учению? Это может оттолкнуть даже тех, кто имеет склонность к учению. В хорошее время года ребенку хочется работать в саду, в лесу, на лугах; он должен заниматься науками только в дождливые дни и зимой, к тому же он должен разнообразить свои занятия. Не может быть единства действия там, где есть упрощенство функций.

Общество, которое творит преступление, запирая отцов в конторы, имеет к тому же глупость держать целый год ребенка в пансионате, где на него наводят скуку как занятия, так и учителя. Если бы наши творцы систем имели представление о страстях, я бы их спросил, как согласовать с двумя страстями — *папийон* и *композит* (гл. V) — это вынужденное затворничество детей, эту монотонность занятий? Наши политики и моралисты беспрестанно толкуют о природе, а сами совершенно не хотят с ней считаться. Пусть посмотрят на детей, приехавших на каникулы, когда они гурьбой бросаются в своих блузах на сено, весело участвуют в сборе винограда, сборе ореха и других плодов, в охоте на птицу и т. д. Попробуйте в такой момент предложить детям учебник: тогда вы поймете, соответствует ли природе ребенка это вечное затворничество зимой и летом в комнате с книгами и педантами.

Мне возразят: неужели дети в юном возрасте не должны учиться, чтобы удостоиться прекрасного звания свободного человека, достойного торговли и хартии вольностей? Что вы мне говорите? Занимаясь науками по влечению и в силу соперничества, основанного на интриге, они в течение зимы за 100 уроков, с двухчасовыми сеансами, усвоят больше, чем за 330 дней, проведенных в заключении, именуемом пансионатом.

3. *Порочная основа* выражается в практике принуждения. В цивилизации ребенка можно принудить к учебе только лишениями, наказаниями, поркой ремнем. Только в последние полвека наука, устыдившись этой отвратительной системы, старается подрумянить ее менее жесткими приемами. Она учится маскировать скуку детей в школах, создает подобие соревнования у учеников и насаждает мнимую любовь к учителям. Другими словами, она поняла, что требуется, но бессильна это осуществить.

Дружественное согласие между учителями и учениками может зародиться только там, где ученики *добиваются образования, как милости.* Этого никогда не будет при цивилизации, где все преподавание извращено и противно здравому смыслу вследствие того, что теория преподносится раньше практики, а также в силу односторонности и непрерывности учебных занятий.

Некоторые дети, максимум $^1/_8$ общего числа их, послушно усваивают образование, хотя они его и не просили. На этом основании учителя заключают, что $^7/_8$ детей испорчены. Это значит аргументировать исключениями, выводя их в правило: обычная иллюзия всех, воспевающих совершенства цивилизации. Во всех классах имеются исключения, составляющие приблизительно $^1/_8$ общего числа; это те, кто не придерживается общих привычек и кому легко привить новые нравы. Но изменение становится реальным лишь тогда, когда оно касается подавляющего большинства, $^7/_8$ общего числа, а этого наши системы не умеют добиться. Я уже отметил, что эти системы приводят ученика к *усвоению,* а отнюдь не к *требованию* образования. Что касается $^7/_8$ детей, составляющих большинство, то они те же, что и во все времена: школа им надоела, и они только и думают, как бы от нее освободиться. Я видел и беседовал с детьми — питомцами знаменитых школ Песталоцци и других, и я нашел в них только скромную дозу знаний и полное равнодушие к науке и к учителям.

4. *Порочная форма* — применение исключительного метода ко всем ученикам, как если бы их характеры были все однородны. В моей работе (II, 340) я описал серию из 9 методов, к которым можно было бы добавить много других. Каждый из них хорош, лишь бы только он соответствовал характеру ученика; и серии из 9 или 12 методов вполне достаточно для того, чтобы ребенок мог сделать свой выбор. В этой же работе (стр. 341) я отметил, что Д'Аламбер был осмеян, когда осмелился предложить при изучении истории *синтез обратный,* в прямой противоположности к хронологической последовательности; он восходит от настоящего к прошлому в противоположность *прямому синтезу,* который отправляется от прошлого к настоящему. Д'Аламбера упрекали в желании *разрушить очарование истории* и внести математическую сухость в методы образования. Странный софизм! Никакой метод не

вносит сухости; все они плодотворны, при условии их применения к характерам, способным их усвоить. Если детям не предоставить на выбор целой серии методов, многие характеры не приохотятся к науке. Контрасты будут весьма по вкусу: книге, полной лести, озаглавленной *«Красоты истории Франции»*, следует противопоставить правдивое описание *обманов французской политики,* хотя бы в царствование Людовика XIV и Бонапарта, два царствования однородных. И мы увидим, что изучение обманов прельстит учеников в 10 раз больше, чем изучение мнимых красот.

О гармоническом образовании я дал три главы в книге (II, 334—356); можно обратиться к ним для определения пути развития опытной фаланги; надо пытаться приблизиться к конкурирующим методам, невзирая на невозможность применения их полностью вначале.

5. *Отсутствие средств материального притяжения.* Выше было показано, что наши методы лишены сердечного, или духовного, импульса; точно так же лишены они и средств материального притяжения, оперы и чревоугодия, поставленных на службу ассоциации.

Опера обучает ребенка ритму, который становится для него источником выгоды и залогом здоровья. Она, значит, является проводником двух видов роскоши — внутренней и внешней, первой цели — притяжения. Она увлекает детей с самого раннего возраста во все гимнастические и хореографические упражнения. Притяжение их сильно сюда влечет, здесь они приобретают ловкость, необходимую в работах серии, где все должно выполняться с апломбом, соблюдением размера и единства, царящими в опере. Следовательно, опера занимает первое место среди средств практического воспитания раннего возраста.

Под словом *опера* я разумею все хореографические упражнения, даже упражнения с ружьем и кадилом. Дети ассоциации значительно обогатят наши приемы этого рода; мы зачастую не знаем самых элементарных упражнений, которые входят в серию комбинированных па. Например, каждая фаланга образует для богослужения корпорацию из 144 участников, а именно:

Ладононосные	*Цветочницы*	*Па*
Гимназистов 24	Гимназистки 24	Отрывистое
Лицеистов 20	Лицеистки 20	Неполное
Серафимов 16	Девочки серафимы. 16	Полное
Херувимов 12	Девочки херувимы. 12	Двойное.

Так как число 12 дюжин чудесно согласуется с разнообразием эволюций, то в кантоне строя гармонии религиозная процессия будет значительно более пышной, чем в наших больших столицах, где она весьма жалкая, особенно в Париже.

Хореографические упражнения с кадилом, ружьем чрезвычайно нравятся детям. Допущение к ним — большая милость.

Опера объединяет все виды упражнений, и надо не понимать природу человека, чтобы не отводить опере первое место в ряду средств воспитания раннего возраста, который можно вовлекать только в занятия материального характера.

Новое общественное воспитание рассматривает в ребенке тело как вспомогательный и дополнительный элемент к душе; в его представлении душа — это как бы большой вельможа, который приезжает в замок только после того, как управляющий подготовил дороги. Общественное воспитание начинает с того, что приучает тело в молодом возрасте ко всем услугам, в которых будет нуждаться гармоническая душа, т. е. к точности, правильности, к комбинациям, к размеренному единству. Чтобы приучить тело ко всем совершенствам, прежде чем их усвоила душа, пускаются в ход две пружины, весьма чуждые нашим моральным методам, это — *опера* и *кухня*, или чревоугодие, поставленное на службу ассоциации.

Ребенок должен упражнять:

два активных чувства — вкус и обоняние — посредством *кухни;*

два пассивных чувства — зрение и слух — посредством *оперы* и чувство осязания — в работах, где ребенок достигает превосходства.

Кухня и опера — две точки, куда его ведет притяжение в режиме серий, построенных на страстях: волшебство оперы и феерий сильно влечет раннее детство. В кухнях фаланги, распределенных по последовательным ступеням, ребенок приобретает ловкость, смышленность при мелкой обработке продуктов двух царств, которыми он заинтересовался в гастрономических спорах за обеденным столом и в агрономических спорах в саду и на скотном дворе: кухня — связующее звено этих занятий.

Опера является объединением материальных аккордов, тут мы находим полную гамму:

Хореографическое выступление всех возрастов и полов:

1) пение, или размеренный человеческий голос;
2) инструменты, или размеренные искусственные звуки;
3) поэзия, или размеренные мысль и слово;
4) пантомима, или гармония жеста;
5) танец, или размеренное движение;
6) гимнастика, или гармонические упражнения;
7) картины и гармонические костюмы. Правильный механизм, геометрическое исполнение.

Значит, опера является совокупностью всех материальных гармоний и действенной эмблемой божественного духа, или духа размеренного единства. Поскольку же воспитание ребенка должно начаться развитием материального элемента, то, знакомя его с раннего детства с оперой, можно освоить его

со всеми отраслями материального единства, что ему поможет подняться к духовным единствам.

Не знаю, сколько расходов и неудобств вызвало бы использование оперы для воспитания при строе цивилизации; это был бы чрезвычайно опасный рычаг, малопригодный для образования народа при режиме отталкивающей индустрии. Но другие времена, другие нравы; в гармонии подобает, чтобы народ состязался в учтивости с богатым классом, с которым он смешивается во время работ. Грубый народ разрушил бы очарование оперы, и двенадцатая страсть, называемая *композит*, не могла бы развиваться.

Так как у нас опера — только место для любовных ухаживаний и источник больших расходов, то неудивительно, что моралисты и религиозно настроенные люди ее не одобряют. Но в строе гармонии опера будет дружеским собранием; она не может дать повода для опасных интриг между людьми, которые ежеминутно встречаются при выполнении различных работ индустриальными сериями (II, 194).

Опера, столь дорого стоящая теперь, почти ничего не стоит гармонийцам. Каждый из них вкладывает свою долю труда в ее строительство: в механизм, в изготовление декораций, в хор, в оркестр, в танцы; все они с раннего возраста, в силу одного притяжения, каменщики, плотники, кузнецы. Каждая фаланга, не прибегая к услугам ни соседних когорт, ни проходящих легионов, будет иметь приблизительно 1 200—1 300 актеров для сцены или для оркестра и для механической части. Беднейший кантон будет иметь лучшую оперу, чем наши большие столицы. Широко распространенным сценическим навыком гармонийцы будут обязаны большей частью единству языка и правильности произношения, установленного на всемирном конгрессе.

Резюмируя сказанное относительно путей и средств гармонического образования, я отмечаю, что здесь применяется практика задолго до применения теории и что эта практика покоится на двух родовых сериях, из коих каждая содержит много серий видовых.

Опера дает возможность образовать обширные серии в музыке, танце, живописи и т. д. (см. выше ее 9 делений).

Кухня тоже обладает сериями всякого рода: по кухонной посуде, по механическим приборам; вся материальная часть огромной кухни фаланги распределена по сериям; например, здесь, наверно, окажутся вертела 7 ступеней, от таких, где жарятся огромные туши, до тончайших — для маленьких птиц; эти маленькие вертела находятся в ведении опытных бамбэнов. Что касается приготовления пищи, то я уже отметил выше, что оно может служить основанием для образования до 60 серий, хорошо заинтригованных и работающих беспрерывно.

Но каким образом дети примут участие в работах на кухне, если не будет дано толчка к этому гастрономическими

спорами о кулинарии? Такие споры могут возникнуть лишь постольку, поскольку ребенка с самого раннего детства приучают к изощренному чревоугодию, склонность к чему преобладает у всех детей. Значит, по образовании серий всякого рода достаточно предоставить детей притяжению. Сначала оно приведет их к обжорству, к участию в интригующих партиях, со вкусами различных оттенков. Страстно увлеченные каким-либо способом приготовления, они приобщатся к поварскому делу, и поскольку интриги, расположенные по ступеням, распространятся на потребление и приготовление, то на следующий же день этот метод распространится и на работы с животными и растениями, куда ребенок придет сильный знаниями и призваниями, выявившимися у него как за обеденными столами, так и на кухне. Таково естественное переплетение различных занятий.

Соответствующие подробности можно найти в главах о приманках, которые ребенок найдет в кухнях серий (II, 210—220), о детских сельскохозяйственных работах в строе гармонии (II, 204), о гармоническом воспитании животных (II, 197) и в трактате о гармоническом воспитании (II, 137—362).

Мне следовало бы дать главу об учителях цивилизации, которые умудряются загнать себя на задний план и выполнять работу каторжников, скупо оплачиваемых и несущих ярмо на шее. Духовенству приходится не лучше: за исключением нескольких епископов и чрезвычайно малого числа их любимцев, масса священников и викариев прозябает в состоянии, близком к нищенству, лишенная возможности улучшить свое положение. Насколько оба эти класса заинтересованы в основании опытной фаланги нового общественного строя, который сулит им большое богатство (см. II, 334)!

ГЛАВА XXIV

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Мы подошли к щекотливой части воспитания — к воспитанию переходного возраста, к пункту, где терпят крушения все наши репрессивные методы; они умеют устанавливать в любовных отношениях только всеобщее лицемерие с самого начала и на всем протяжении периода любовных увлечений.

Надоедает вечно ставить в упрек наукам их немощь; но поневоле приходится вдвойне усилить эти упреки, когда речь идет о любовных делах, где они обнаруживают еще менее способности, чем в какой-либо другой области.

Против злоупотреблений администрации, финансистов, кляузников философы, по крайней мере, пытались применять противоядия: не так обстоит дело в отношении любви; здесь они должны краснеть за свою работу, потому что они устано-

вили только общее лицемерие и опасное нарушение закона; не видя иного пути удовлетворения, кроме лжи, любовь становится вечным заговорщиком, беспрестанно работает для дезорганизации общества, попирает ногами все его предписания.

Необходимость сократить изложение заставляет меня дать здесь только суммарную оценку предмета, который довольно полно изложен в трактате (II, 296). Там я доказал, что цивилизация даже в сфере любовных отношений имеет сплошь невыполнимые законы, обеспечивает всюду безнаказанность лицемерию и покровительствует нарушителям закона в меру их смелости.

Вместо позора, порождаемого принудительным законодательством цивилизации, надо, чтобы гармония сумела использовать полную свободу первой любви для возникновения: 1) влечения различных возрастов к индустрии; 2) конкуренции добрых нравов между полами; 3) для награждения подлинных добродетелей; 4) использования этих добродетелей в интересах общественного блага, которого они чужды в строе цивилизации.

Втягивать в промышленность два крайних возраста — юный и старый — такова самая важная роль первой любви в ассоциации. В юной трибе обоего пола организуются две корпорации, где, как в маленьких ордах и маленьких бандах, конкурируют инстинкты и полы. Этим двум корпорациям я даю название: *весталат* — из $^2/_3$ *весталок* и $^1/_3$ *весталов*, *демуазелат* — из $^1/_3$ *демуазел* и $^2/_3$ *демуазо*.

Корпорация *весталат* соблюдает целомудрие до условленного возраста, 18 или 19 лет. Корпорация *демуазелат* отдается любви раньше: выбор свободен для каждого. Можно по желанию вступить в ту или другую корпорацию и выйти из нее. Но во время пребывания в корпорации нужно соблюдать ее устав: девственность в весталате, верность в демуазелате. Гармонийцы имеют в этом отношении достаточные гарантии даже верности мужчин, еще более сомнительной, чем верность женщин.

Молодые люди мало склонны подражать целомудренному Иосифу. Поэтому будет правильно, чтобы они составили меньшинство в корпорации весталата. Эта корпорация должна обеспечивать большие преимущества, чтобы молодой человек добровольно согласился блюсти целомудрие до 18 или 19 лет. Рассмотрим эти преимущества весталата; повторяю, обычаи, которые я буду описывать, не могут установиться в начале гармонии; *частично* они будут введены по истечении 10 лет, а полностью лишь по истечении 40 или 50, когда поколение, воспитанное в цивилизации, исчезнет.

Как общее правило, вступающие в весталат и остающиеся там до окончания срока — люди сильного характера; люди с мягкими характерами обычно предпочитают демуазелат, или ранние любовные связи. Приличия ради молодая девушка,

выходя из хора гимназисток, вначале обыкновенно вступает в весталат, чтобы пробыть там, по крайней мере, несколько месяцев.

Члены демуазелата, поддавшиеся искушению, вынуждены отсутствовать на утренних собраниях детей, потому что, посещая один из зал дворца любви, где сеанс имеет место с 9 до 10 часов вечера, они не смогли бы вставать рано, как дети и корпорация весталат, ложащиеся спать зимой в 9 часов вечера. Вследствие непосещения этого собрания и по другим причинам корпорация демуазелат не пользуется уважением среди детей, которые благоговеют только перед корпорацией весталат. Все юные трибы питают к молодежи весталата дружеские чувства, подобно тому как мы питаем к супружеской паре, которая соблюдает верность после разрыва. Маленькие орды смотрят на демуазо, как на восставших мятежных ангелов сатаны. Они эскортируют колесницу старших весталок.

Трибы старших возрастов, 20, 30, 40 лет, питают к весталату и к подлинной девственности уважение, основанное на других мотивах; так что корпорация весталат пользуется в наивысшей степени благоволением детства и зрелого возраста. Это — чрезвычайно ценный фактор успеха местной индустрии и работ промышленной армии.

Целомудрие членов весталата обеспечено тем крепче, что они совершенно свободно могут оставить корпорацию, отказавшись от преимуществ своего положения. Впрочем, это целомудрие, которое соблюдается максимум до 19 или 20 лет, может быть законно нарушено и в возрасте 18 или 17 лет, если данное лицо нашло себе подходящую пару во время пребывания в армиях, о которых я буду говорить ниже.

Жилища весталата расположены поодаль таким образом, чтобы полностью гарантировать нравы; цивилизация же умеет гарантировать только видимость. Корпорация весталат может занимать только два квартала, предназначенные каждому из двух полов. Фаланга в деле надзора не стала бы полагаться на отцов и матерей; они слишком ослеплены приемами тех, кто умеет им льстить. Впрочем, члены весталата отнюдь не живут затворниками, за исключением часов, отведенных для сна; ежедневные посещения света необходимы для весталов, которые обязаны производить свои обычные работы в 20 или 30 группах одного и другого пола.

Девушки весталата имеют свои сеансы ухаживания и своих признанных поклонников. Юноши весталата также имеют своих поклонниц. Титул *признанного поклонника* дает его носителю право на включение в следующую кампанию в армию, где будет участвовать особа, за которой он ухаживает. Этот титул дается корпорацией весталат при участии должностных лиц обоего пола из дворца любви. Если этого звания добивается мужчина, то его поведение основательно исследуется:

ему не вменяют в вину непостоянство, — в строе гармонии оно имеет свою полезную сторону, — исследуют лишь то, соблюдал ли он в своих связях почтительное и честное отношение к женщинам. Те, кого во Франции называют счастливыми ловеласами, кто похваляется своим надувательством слабого пола, будут отвергнуты; отвергнуты будут и пройдохи, напускная скромность которых является только хитростью для обольщения женщин и девушек. Эти сантиментальные ханжи зачастую хуже развратников; последние ищут только удовольствия, а первые гонятся за деньгами; их добродетель — только комедия, чтобы поймать богатую наследницу. Бесполезно добавлять, что женщина подвергается той же проверке, если она добивается титула поклонницы юношей весталата. Это звание предоставляется только той, которая не торгует своими прелестями прямо или *косвенно,* сообразно методу цивилизации, который присваивает звание женщин *честных* и *comme il faut* таким продажным женщинам, как куртизанки.

Умники ответят: «На ваши собрания весталата никто не будет ходить, если там будет царить такая неприступность. Кто из мужчин захочет иметь дело с комитетом женщин, которые напускают на себя верность и публично на заседании совета обсуждают его действия, его привычки, его характер. Их притворно добродетельная синагога смахивала бы на водевиль». Таковы возражения цивилизованного; но в строе гармонии мужчине невыгодно, чтобы весталат был о нем плохого мнения; день спустя он был бы вычеркнут из завещания 50 стариков, от которых он ожидает наследства (см. раздел V. *Рассеянное наследство*). Старость будет основывать свое благополучие и свои удовольствия на поддержке четырех корпораций: весталата, маленьких орд, факирес и фей симпатиет; она не захочет вернуться к печальной участи стариков при цивилизации, она сумеет хорошо охранять четыре опоры своего счастья. Сверх того блеск весталок будет основан на свойственной всем возрастам страстной потребности кого-нибудь боготворить.

Римлянам, не считая их жестокого обращения с поддавшимися соблазну весталками, пришла в голову счастливая идея — сделать этих жриц предметом общественного боготворения, посредницами, классом между человеком и божеством. Гармонийцы доверяют им также охрану *священного огня,* не материального огня, предмета пустого суеверия, но огня подлинно священного — честных, великодушных нравов и промышленного притяжения.

Ничто не внушает к молодым девушкам 16—18 лет такого уважения, как не вызывающая сомнения девственность, горячая преданность полезным трудам и учебным занятиям. Что касается работ, то весталки являются сотрудницами маленьких орд, за исключением работ отталкивающего характера. Но, когда бьют тревогу, когда есть работа, не терпящая отлага-

тельства, как, например, снятие урожая, при угрозе надвигающейся грозы, корпорация весталат и маленькие орды являются первыми на поле.

Каждая фаланга старается дать наиболее знаменитых весталок. Чтобы выявить их различного рода заслуги, их подразделяют на четыре категории: 1) девственницы пышности или красоты, 2) таланта, 3) милосердия или самопожертвования, 4) благосклонности.

По поводу этого ассортимента моралисты скажут, что благосклонность не заслуживает никакой награды. Именно потому, что наши законы ничего не жалуют благосклонности, они в конце концов отдают ей все. С благосклонностью надо поступать, как с огнем: когда вспыхивает пожар, ему отдают кое-что, чтобы он не поглотил всего. Строй гармонии будет иметь даже троны, предоставляемые специально благосклонности. Те, кто стремится ее исключить, весьма невежественны в механике страстей.

Каждый месяц весталки избирают четверку — президиум, который восседает на колеснице во время церемонии, а в дни больших празднеств (aux jours de gala) принимает в фаланге гостей, присутствуя на званых обедах и собраниях. Когда появляется монарх, то ему не надоедают, как у нас, бесстрастные говоруны, разглагольствующие о прелестях торговли, о хартии свобод, о своей восторженной любви к пенсиям и синекурам. Вместо этого глупого эскорта каждая фаланга делегирует к нему своих самых любезных весталок, которые встречают его на границе территории; если же это принцесса, то ее встречают юноши весталата.

Когда собирается армия, весталки вручают ей хоругвь и играют главную роль как на всех празднествах, так и в индустриальных работах. Присутствие в армии самых знаменитых весталок — одна из приманок, привлекающих молодых людей в эти армии, где работа выполняется под подвижным навесом и отнюдь не утомительна. Так как каждый вечер здесь устраиваются великолепные празднества, то молодых людей не приходится тащить сюда с цепью на шее, наподобие наших новобранцев, столь гордых своим прозвищем свободного человека. Так как промышленная армия на одну треть состоит из вакханок, баядерок, факирес, паладинок, героинь, фей, волшебниц и других представительниц женских профессий, то для службы в армии найдется молодых людей и молодых девушек больше, чем нужно. Вот почему принятие в армию является наградой, и весталки — первая корпорация, долженствующая в ней участвовать. В армию допускаются весталки, состоящие в корпорации второй год и даже первый год, в случае, когда фаланга находит это выгодным.

Одна из услуг, оказываемая корпорацией весталат, это — побуждение молодых людей деятельно добиваться принятия их в армию. Здесь происходит выбор и заключаются союзы

с поклонниками или с монархами различных ступеней, мужского и женского пола, прибывающими в армию, чтобы выбрать себе супругу или супруга по своему вкусу, потому что в строе гармонии монархи не являются рабами, в отличие от цивилизации, где, сообразно китайской моде, им насильно навязывают супруга или супругу, которых они никогда не видели.

Так как корпорация весталат по всем признакам пользуется благосклонностью детей и зрелого возраста, то неудивительно, что она является предметом социального боготворения, предметом полурелигиозного культа. Человеческий род любит создавать себе идолов (II, 309), и вследствие этой общей потребности корпорация весталат становится в массе идолом фаланги: она занимает место божественной корпорации, *тени бога*. Маленькие орды, не приветствующие первыми ни одного представителя власти на земле, склоняют знамя пред корпорацией весталат, почитаемой ими за тень бога, и служат ей почетным караулом.

Самые прекрасные поприща, открытые для этой корпорации, суть скипетры, расположенные в постепенном порядке, и право наследования; я сейчас дам краткое определение.

1. *Скипетры, расположенные в постепенном порядке.* Строй гармонии располагает скипетрами всех степеней, начиная от царствующей пары в одной только фаланге до царствующих на всем земном шаре: эта лестница, необходимая в равновесии страстей, состоит из 13 ступеней верховной власти (12 и стержневая ступень; см. I, 286).

Устраивать для каждой из 13 ступеней только одну пару монархов, значило бы вызвать неистовство честолюбий, как это происходит в строе цивилизации. Чтобы удовлетворить эту страсть, нужно, по крайней мере, 16, а то и 24 пары верховных правителей для каждой из 13 ступеней. Компетенция в делах управления строго разграничивается, дабы мужской пол не завладел правами, принадлежащими женщине, и королева, императрица, цезарина, супруга всемирного владыки не были бы государынями только по имени и рабынями в действительности, как в строе цивилизации, где они не имеют ни командных должностей, ни реальной власти. Их деятельность сводится к рабской роли *ходатаев*, к роли, которой пренебрегли бы женщины строя гармонии, воспитанные в духе подлинной чести и истинной свободы. У нас супруга президента нигде не председательствует, супруга маршала никем не командует; их почетное звание прикрывает пустоту. Женщина строя гармонии сама осуществляет функции, обозначенные в титуле. Председатель председательствует в каком-либо совете, в каком-либо судебном процессе; женщина-командир командует той или иной армией. Так как женщины составляют в промышленных армиях $^1/_3$ их, то при налачии 300 тысяч легионеров среди них имеется 100 тысяч женщин — вакханок, баядерок, паладинок, фей, волшебниц и т. д., которые не хотят,

чтобы мужчины ими командовали; они имеют своих маршалов и офицеров всех степеней.

То же в отношении 16 верховных пар, расположенных по 13 ступеням. Из этих постов 14 выборные и одна предоставляется корпорации весталат. Таким образом, весталка в короткий период целомудрия может быть избрана на верховный пост всемирной владычицы — *омниарха* земного шара; либо

на пост *августы* первой степени, царствующей на одной трети земного шара;
второй степени — *цезарины*, на одной двенадцатой земного шара;
третьей степени — *императрицы*, приблизительно на одной сорок восьмой;
четвертой степени — *халифы*, приблизительно на $^1/_{144}$;
пятой степени — *суданы*, приблизительно на $^1/_{576}$;
шестой степени — *королевы*, приблизительно на $^1/_{1728}$;
седьмой степени — *кацики*, приблизительно на $^1/_{6912}$.

Эти различные титулы обеспечивают прекрасное содержание и открывают перед весталкой обширное поприще славы. Скипетры 8-й, 9-й, 10-й, 11-й степени, слишком многочисленные, обеспечивают содержание, покрывающее только расходы; последние почти незаметны, невзирая на великолепие и пышность, которыми окружены эти сановные лица [1].

2. *Наследственное право на звание члена царской фамилии*, роль родительницы, избранной государем одной из 13 степе-

[1] Каким образом большая пышность будет стоить мало денег, когда мы видим, что цивилизация расходует огромные суммы на пышность убогую? Это потому, что роскошь в ассоциации сочетается с индустрией, которая теперь изолирована. Например, во всякой фаланге весталки разъезжают в колеснице, запряженной 12 белыми лошадьми, по три в ряд и украшенными розовой сбруей, с блестящим кортежом музыкантов, кавалерии и колесниц; они носят драгоценные камни, принадлежащие государству в силу дарственных завещаний покойных богачей ассоциации. Их кортеж, который я не стану описывать, пышнее кортежа французского короля, отправляющегося в церковь на богослужение в парадной карете.

Между тем он обойдется очень мало: по окончании торжественного выезда весь инвентарь будет использован для труда; белые лошади будут работать так же, как и черные; эта блестящая орда, эти факиры и паладины, образующие кортеж, часом позже будут в садах, в мастерских. Даже сам монарх, которого так торжественно встречали, примет участие в работах, к которым он питает влечение; он захочет узнать приемы, применяемые в работе той фалангой, где он находится, и сравнить их с приемами своей фаланги.

Что касается расходов на парад, колесницы и костюмы, то они являются частью движимого имущества фаланги: красивая колесница служит поочередно всем весталкам; никому не приходится, как в строе цивилизации, покупать инвентарь для парадов отдельно для каждого лица, содержать лошадей, телохранителей и лакеев, бездельничающих большую часть времени. Наши обычаи порождают тунеядцев, дорого оплачиваемых народом; в строе гармонии должностные лица занимаются в то же время производительным трудом, все они — люди, которые по окончании чрезвычайно краткой церемонии производят полезные работы, к которым питают страстное влечение; вот почему в новом строе будет установлено в двадцать раз больше высоких постов, чем в цивилизации, вместо того чтобы их упразднить, как этого хотят наши политики.

ней. Наследственные монархи, подобно нынешним королям и государям, отправляются в армию для выбора родительницы или родителя, если это государыня. Обыкновенно предпочтение отдается весталкам и юношам весталата, хотя монархи и вполне свободны в своем выборе (см. раздел V о гармониях отцовства: почему они обязаны производить выбор в армии и каким образом эта формальность благоприятствует их страстям, давая возможность выбрать и супругу и преемника; свободы такого выбора лишены наши монархи цивилизации). Титул родительницы может смениться титулом супруги государя, если весталка станет матерью. Наши короли тоже делают это различие, расторгая бесплодный брак. Вдаваться в пространное объяснение вопроса излишне, так как ни опытной фаланге, ни нынешнему поколению этих знаний не требуется (II, 311).

Отметим, что функция членов корпорации весталат, как и всякая другая функция, должна способствовать развитию трех страстей — к интриге (cabaliste), к переменам (papillonne) и к творчеству (composite). Она должна компенсировать их за долгое целомудрие шансами на высокий пост и на большое богатство; иначе это будет не роль, избранная по влечению, а моральный пост, скучный, удручающий, как у наших барышень, которых вынуждают быть философами, умерять свои страсти, подавлять свои сердечные склонности, ничем не вознаграждая их за эти тягостные лишения.

Перечень почестей, оказываемых в строе гармонии девственности, следовало бы сопоставить с тем презрительным отношением, которое уготовано ей в цивилизации, где благосклонно относятся лишь к девственности притворной, к проделкам распутниц, которые в ряде любовных связей научились выжимать деньги у мужчин, импонировать дуракам и снискивать похвальные отзывы плутов, руководящих общественным мнением (II, 313).

Поощряем ли мы порядочную девушку блюсти девственность после 16 лет? Если она бедна, ей не обольстить женихов: все они хорошо умеют считать и понимают, что на добродетель провизии не купишь. Родителям придется искать ей супруга — какого-нибудь 60-летнего старца или пьяницу, который ее развратит и будет эксплоатировать; ей не найти честного человека даже средних лет; ее красота станет предметом тревог для мужа, ее добродетель в будущем будет взята под подозрение.

Если она обладает средним состоянием, то в течение долгого времени она будет предметом омерзительного торга для сватов и свах, а затем будет выдана замуж за человека полного пороков, потому что плохих мужей гораздо больше, чем хороших.

Если она в течение десяти лет не выходит замуж, то над нею начинают публично издеваться: стоит ей достигнуть

25 лет, как начинаются пересуды насчет ее девственности, взятой под подозрение, и в награду за молодость, проведенную в лишениях, ее, как старую деву, осыпают непристойными шутками. Несправедливость, вполне достойная строя цивилизации. Унижать человека за жертву, которой от него требовали. Неблагодарная, как республиканцы, цивилизация платит молодым девушкам за самоотвержение оскорблениями и притеснениями. Можно ли после этого удивляться тому, что всякая мало оберегаемая барышня носит лишь маску целомудрия и повиновения закону, повиновения, за которое девственница несет на старости лет несправедливую кару по вине общественного мнения, требовавшего от нее в годы юности жертвы в угоду предрассудку.

Что может быть бесполезнее вечной девственности! Это — плод, которому дают сгнить, вместо того чтобы употребить его в пищу: чудовищная нелепость, достойная строя цивилизации, который претендует на мудрость и экономию! Но даже и в том случае, если бы скромной девушке гарантировали брак в награду за целомудрие, — будет ли это подлинной наградой? Она сильно рискует встретить мужа грубого, капризного, игрока, хулигана; честная девушка редко обладает проницательностью, чтобы понять лицемерие претендентов, подлинную цену их мнимой нежности, которыми нельзя было бы обмануть женщину более опытную. Сверх того, если попался хороший муж, его скоро отнимет у нее какая-нибудь интриганка, умеющая околдовать любовника. Скромная девушка терпит крушение, ее удел — бесплодная дань уважения и одинокая старость.

Следовало бы дать здесь одну главу о юношах весталата, другую — о членах корпорации демуазелат. Но от меня требуют краткости, а потому приходится опускать многое из необходимого. Вопросы, касающиеся любовных отношений, нельзя рассматривать поверхностно. На первых порах они оскорбляют предрассудок. Значит, эти вопросы нужно разработать основательно, чтобы доказать, что непристойность, лицемерие и плохие нравы — удел цивилизации и что обычаи гармонии, непристойные только на первый взгляд, в действительности порождают добродетели, о которых напрасно мечтает цивилизация.

Я должен был остановиться преимущественно на режиме гармонического детства, потому что принципы, на которых он построен, идут вразрез только с системами и редко с предрассудками. Например, там где я характеризую функции боненов и бонин, менторов и менторин, способствующих выявлению промышленных призваний ребенка и наилучшим образом направляющих его по пути здоровья и богатства, соревнования добрых нравов, притом безо всяких расходов, всякий отец, прочитав это, воскликнет: «Вот чего я хотел бы для моих детей!» Но если бы я стал описывать любовные обычаи, кроме весталата, сварливые моралисты стали бы кричать, что

я нарушаю приличия. Они непременно будут задеты любым сравнением. Так будет, например, если мы проведем параллель между браками членов весталата и браками цивилизации, где мораль устанавливает только непристойные и позорные обычаи: сочетанию брачущихся предпосылается непристойная церемония, именуемая *свадьбой,* куда приглашаются местные каламбуристы и пьяницы, являющиеся сюда, чтобы напиться и отпускать двусмысленные шутки по адресу молодой.

Эти бесстыдные обычаи не приемлемы для столь благороднейшего общества, как весталки. Они умеют заключать союз, не оповещая об этом каламбуристов и пьяниц, которые узнают о нем только на следующий день, когда не остается уже повода ни для их вечной игры слов, ни для высоконравственной прожорливости.

Юноши весталата. В стране гармонии немыслима такая непоследовательность: создание одной корпорации без другой — весталок без корпорации весталов. Это значило бы подражать нашим противоречивым обычаям, которые предписывают целомудрие девушкам и относятся терпимо к прелюбодейству молодых людей. Это значит толкать, с одной стороны, на то, что запрещается, с другой — поощрять двуличие, достойное цивилизации.

Какие молодые люди войдут в весталат? Те, кто, подобно сыну Тезея, будучи увлечены энергичной деятельностью, будут питать мало склонности к любви. Если одной охоты было достаточно, чтобы отвлечь Ипполита от любви, тем легче это будет в социальном строе, где всякий юноша будет вовлечен в добрые три десятка промышленных и честолюбивых интриг, более интересных, чем посредственное удовольствие от охоты.

Для мужской части весталата имеется много других шансов. Прежде всего любовь к весталке, поклонником которой вестал является, включаясь вместе с ней в большие армии. В строе гармонии армии имеют 12 ступеней, и одна кампания засчитывается весталам и весталкам за две, 12 кампаний обеспечивают звание паладина или паладинки, офицеров всеобщего единства.

Весталы, хотя бы и мало выдающиеся, имеют в армиях прекрасную возможность вступить в связь с царствующей особой. Какая-нибудь носительница верховной власти может сохранить за ними права родителей — наследников, и они могут достичь титула супруга, если родится ребенок. Если государыня теряет наследницу, она является в армии выбрать родителя, и обычно ее выбор падает именно на юношу корпорации весталат.

Девственности юношей будут рукоплескать даже те женщины, которые теперь над этим смеются. Это совсем не то, что дамы цивилизации, которые, не будучи уверены в будущих наслаждениях, спешат использовать молодых людей. В статье «Факират» мы увидим, что женщины гармонии имеют

благопристойную возможность доставить себе удовольствие и что развитие страстей обеспечено в этом строе всем возрастам того и другого пола.

Напомним, что эти обычаи, которые при чтении могут показаться романтическими, имеют целью учетверить реальное богатство и увеличить в 20, 40 раз богатство относительное, заставляя любовь, во всех ее разновидностях, содействовать промышленному прогрессу. Богатство будет возрастать в соответствии с свободным развитием всех страстей. Именно поэтому старики, которые в строе гармонии будут любить богатство и удовольствия больше, чем их любят теперь, первые потребуют установления свободы любви, когда общественная гармония поднимется на ступень, необходимую для правильной организации этого рода свободы, укрепит ее всеми противовесами, могущими гарантировать разные возрасты от злоупотреблений и приспособить ее во всех отношениях для поддержания индустрии. Эти противовесы слагаются из большого числа корпораций, которые я здесь не могу рассматривать и которые устанавливают конкуренцию инстинктов и полов.

С другой стороны, старики очень скоро заметят, что они — жертва принудительного режима и коварства цивилизации. Законы цивилизации были во все времена делом рук старости, и странно, что она их сделала совершенно невыгодными для себя и что наши старики организовали любовные и семейные отношения таким образом, чтобы дать повод молодежи их ненавидеть, осмеивать и толкать в гроб. Редкие исключения только подтверждают правило. Я знаю, есть семьи, где дети не желают смерти старикам; но сколь редка такая привязанность, особенно в народной среде! В этом же произведении я не могу, основываясь на наличии нескольких добродетельных людей, опустить критику пороков, имеющих всеобщее распространение.

Я еще вернусь к этому предмету, потому что в отношении любви нам предстоит разрешить большую проблему, проблему обеспечения отцам и матерям радостей отцовства и материнства, которых они почти целиком лишены в строе цивилизации, вопреки иллюзиям, которыми они упиваются. Так как гармонии отцовства чрезвычайно тесно связаны с гармониями любви, то эти два предмета следует рассматривать одновременно и сначала осветить семейные гармонии — предмет страстного желания нынешних отцов, которые, однако, далеки от их достижения. Убедившись в том, что любовные и семейные согласия нераздельны, они станут терпимо относиться к новшествам в любовных отношениях, без чего не достигнуть семейных радостей, в которых они усматривают свое счастье. Я отсылаю их к разделу V, чтобы рассеять их иллюзии и их самообман, ярко освещенные мной в трактате (II, 369 и 398). При цивилизации нет класса, более ушибленного и имеющего больше оснований для жалоб, чем отцы.

РЕЗЮМЕ ИЗЛОЖЕННОЙ ТЕОРИИ

Чем новее и ослепительней предмет, тем более необходимо помогать читателю частыми повторениями и укреплять его знание принципов, которые он легко забывает, чтобы вернуться к моральным предрассудкам, которыми он пропитан.

Мы видели, что в отношении принципов моя теория *едина* и неизменна во всех случаях; какая бы проблема ни возникла относительно согласования страстей, я всегда даю одно и то же решение: образовать серии свободных групп, развертывать их сообразно трем правилам *компактной шкалы, разделения труда по операциям и коротких смен* (гл. VI) с тем, чтобы дать простор трем страстям — *кабалист* (к интриге), *композит* (к творчеству) и *папийон* (к разнообразию), которые дают направление всякой серии (гл. V).

Вот вполне определенное правило для образования и развертывания серий. Что касается их цели, то я сказал, что они должны всюду устанавливать конкуренцию полов и инстинктов; я применил этот метод к различным возрастам детей и к персоналу, обслуживающему их, начиная от колыбели до зрелого возраста.

Таков мой ответ клеветникам, которые обвиняют мою теорию в туманности, говоря: «Непонятно, как будут функционировать эти серии». Правило едино для всех и, когда мы придем к наиболее важной проблеме — к удовлетворительному распределению сообразно трем способностям каждого — капиталу, труду и таланту, я постоянно буду придерживаться того же метода — использования серий, построенных на страстях, в соответствии с вышеуказанными правилами.

Я должен был применить мою теорию к детскому возрасту, потому что последний не знает таких двух страстей, как половая любовь и отцовство. В период жизни первого и второго поколения их труднее будет гармонизировать; гармония здесь установится лишь постепенно. Читателя шокирует идея свободы любви, последствием которой было бы смешение детей различных колен. Чтобы рассеять опасения этого рода, следовало бы разработать чрезвычайно обширную теорию; касаться этого вопроса поверхностно я не хочу; моя теория докажет, что только режим цивилизации порождает все пороки, которые якобы принесет свобода любви, а эта свобода, установленная в фаланге страстных серий, будет как раз предохранять от распутства, которое она породила бы в цивилизации.

Мы видим, что 10 других страстей гармонизируются у детей благодаря полной свободе, сочетаемой с развитием по сериям свободных групп; если бы две страсти — *любовь* и *отцовство* — были неприменимы в этом режиме свободного развития по сериям, мы имели бы двойственность в системе бога. Выходило бы, что бог предназначил 10 страстей для пользования свободой, лишив этой свободы две других; он

совершил бы акт, противный здравому смыслу, предоставив свободу детям и обрекши на угнетение родителей, зрелых людей.

Я сказал, что метод цивилизации создает камни преткновения. Желая избежать их в любовных и семейных отношениях, применим наше положение к четырем возрастам, ограничившись указанием для каждого возраста одного препятствия из ста.

1. *Незрелый возраст.* Ему не обеспечено наличие отца. По данным парижской статистики, одна треть мужчин отрекается от своих детей и покидает их; на 27 тысяч рождений приходится свыше 9 тысяч незаконнорожденных и покинутых. И, однако, Париж — центр просвещения, морали, совершенствуемой способности к совершенствованию. Если бы всюду существовало столько совершенств, как в Париже, одна треть детей всюду была бы обречена на сиротство.

2. *Юность.* В строе цивилизации этот возраст становится жертвой сифилитических болезней. Этот бич исчез бы по истечении 4—5 лет общего карантина, установить который способна только ассоциация. Обычаи цивилизации настолько приучают молодежь ко лжи, что она шутя распространяет эти болезни, опасность которых диктует всякой благоразумной особе избегать людей легкого поведения.

3. *Возраст возмужалости.* Этот возраст, в свою очередь, находится в заблуждении относительно верности женщин, обманутых ранее. Они платят мужчинам той же монетой. Если в Париже, этом очаге нравственности, ежегодно 9 тысяч отцов покидают своих детей, то и случаи мести со стороны матерей должны достигнуть той же цифры: из 27 тысяч рожениц 9 тысяч преподнесут мужу или любовнику чужого отпрыска. Взаимный ущерб несут дети, отцы и матери.

В результате мы имеем:

9 тысяч детей, обманным образом лишенных отцовской поддержки,

9 тысяч матерей, обманным образом лишенных поддержки мужа,

9 тысяч отцов, обманутых относительно реальности их отцовства и обремененных чужими детьми, после того как они бросили своих собственных.

4. *Пожилой возраст.* Старики, пережив возраст любви, питают забавное намеренье отдаться семейным привязанностям в среде своих милых детей и племянников, воспитанных в духе священных доктрин. Привязанности этого рода сулят им только обман и призрак взаимности. Почетом пользуется только их состояние, а отнюдь не они сами. Чтобы в этом убедиться, им следовало бы проникнуть на тайные собрания, где любовники и любовницы занимаются пересудами о своих родителях. Их там приравнивают к смешным Гарпагонам или докучливым Аргусам; они поняли бы, что эта компания с не-

терпением ждет мгновения, когда можно будет насладиться богатством, которым, если верить молодежи, не умеют пользоваться старики.

Мне ответят, что *почтенные* семейства от этих тайных оргий избавлены. Да! — пока в них царит принуждение. Но стоит только умереть или отлучиться отцам, как молодежь предается оргиям, а зачастую даже при жизни отцов. Молодые люди убеждают отца, что они отнюдь не собираются совращать девиц, что они — подлинные друзья законности и морали. С другой стороны, они убеждают мать, что она так же молода, как и ее дочери, *и это иногда верно.* Опираясь на эти два аргумента, они организуют в доме замаскированные оргии. Отец чует здесь интриги и пытается дать отпор, но жена доказывает ему, что он лишен здравого смысла, и, в конце концов, он умолкает.

Даже в тех случаях, когда отцам удастся избежать этой западни, разве они не попадают в два десятка других неприятных положений, в порочном кругу моральных глупостей? Здесь покорная дочь оказывается жертвой, чахнет и умирает благодаря отсутствию связи, которой требует природа; там похищение или беременность расстраивает все расчеты родителей; в другом месте целая вереница дочерей-бесприданниц, сидящих на шее отца; чтобы от них избавиться, он закрывает глаза на похождения самых красивых, лишь бы они перестали требовать от него денег на наряды; менее красивых он обрекает на вечное затворничество, суля им счастье общения с богом. А иной брак оказывается ловушкой, в результате чего на шее у отца оказывается дочь и ее разоренная семья. Он думал, что устроил своего ребенка, а получилось совершенно обратное: он имеет полудюжиной детей больше.

Можно было бы привести сотни таких отцовских и супружеских невзгод (см. II, 369 и 398); мораль, всегда лживая и хвастливая, противопоставляет им несколько существующих в виде исключения счастливых семейств. Они доказывают лишь то, что счастье возможно, но подавляющее большинство семейств лишены его в строе цивилизации. Отцы, как и дети, оказываются здесь в ложном положении, так как все благополучие построено на принуждении, более или менее замаскированном. Принуждение же убивает привязанности и сводит все к призрачной связи. Искренние отношения между отцами и детьми устанавливаются только в строе, соответствующем заветам природы; моралисты никогда не хотели исследовать их в делах любви. Вот недавний пример их заблуждений относительно этой страсти:

Пансионат в Ивердоне, в Швейцарии, повсюду расхваливался. Там обещали чудеса. Руководителем пансионата был знаменитый *Песталоцци,* а его помощниками — знаменитые *Крузи* и *Бюсс,* которые воспитывали молодых людей обоего пола по *интуитивному* методу. Случилось так, что молодежь,

неудовлетворенная методом интуитивным, втайне присоединила к нему *метод чувственный*. В результате получилась страшная чушь: многие девицы забеременели от учителей или товарищей по пансионату, к сильному разочарованию трех *знаменитых* профессоров, которые в своих интуитивных тонкостях забыли учесть интуиции любовные. Таким образом, страсти, которые философия думает уничтожить, неожиданно уничтожают системы бедной философии.

Девушек, которые не были беременны, тем не менее подозревали в испробовании *чувственного метода* с большей осторожностью, чем это делали их подруги. Пришлось распустить всю эту массу новых Элоиз, влюбленных в своих наставников. Как только цивилизованные хотят приблизиться к свободе в области любви или какой-либо другой страсти, они совершают бездну глупостей, потому что свобода создана только для режима страстных серий, о которых мораль не имеет никакого понятия. Без сомнения, свобода является уделом человеческого рода, но прежде чем ее применить в домашнем быту или в воспитании, надо знать механизм противовесов, чтобы противопоставить их злоупотреблениям свободой. До сих пор человеческий разум пребывает во мраке, его новаторы попадают из Харибды в Сциллу; это достаточно доказано политическими опытами революционеров, моральными опытами Песталоцци[1], Оуэнов и других сорви-голов в деле политических и любовных свобод. Если мы хотим установить реальную свободу в отношении практики честолюбия, любви или других страстей, то метод, которого нужно придерживаться, совершенно неизменен. Я его резюмирую в следующем правиле, предусматривающем 9 условий *подготовительного* характера; условия общей механики я дам в пятом разделе.

Образовать серии, построенные на страстях, в них развивать:

Глава V.	*A страсть кабалист* *B страсть папийон* *C страсть композит*	*Три причины или радикальные средства гармонии.*

Установить в них конкуренцию инстинктов и полов;

действовать посредством:

Глава VI.	*A компактной шкалы* *B коротких смен* *C выполнения работ по операциям.*	*Тяготения и следствия трех механизирующих страстей.*

Достигнуть единства действия.

---

[1] Я не знал этой развязки в 1822 г., когда я писал трактат, иногда мною цитируемый. Я видел тогда людей, увлеченных интуитивным методом Песталоцци, который расхваливали в газетах. Я полагал угодить вкусу читателей, расположив мои первые два тома по интуитивному методу. Речь шла об изложении вопроса, касающегося распределения контрастирующих серий: в первом томе я описал серию сложную или размеренную и во втором — простую серию. Читатели были отпугнуты этим интуитивным новшеством, и я не хотел придерживаться его в следующих томах: я применил этот метод, зная пристрастие к нему публики.

Это единство существует лишь постольку, поскольку данное устройство полностью удовлетворяет каждый пол и каждый возраст, на которых оно распространяется и касается прямо или косвенно. Указанное условие нарушается при всех свободах цивилизации, особенно в избирательной системе, которая лишает права представительства 99% населения.

Отсюда следует, что цивилизованные не имеют точного представления о свободе честолюбия; каким образом могут они составить себе понятие о свободе любви, свободе семейной и других страстях, если они никогда не занимались их изучением? Оба философа — Оуэн и Песталоцци, производящие опыты со свободой любви, не знают, что раньше чем явится возможность выполнить только первое из девяти условий, образовать серию любви, требуется, по меньшей мере, 50—60 лет существования строя гармонии. Красивая старость, чрезвычайно крепкие женщины и другие элементы, которые существуют у нас, — это только исключения.

Что касается семейных серий, то потребуется 100—120 лет, прежде чем удастся их полностью образовать. Это будет достигнуто только тогда, когда человеческий род, постепенно возрожденный, вернет себе силу и свое первоначальное долголетие и когда, как общее правило, люди будут при жизни видеть свое пятое поколение.

Я должен дать эти подробности для опровержения измышлений клеветников, которые утверждают, будто я предлагаю свободу любви с начала установления гармонии, тогда как прямо противоположное черным по белому написано в 20 местах моего трактата 1822 г. Далекий от таких высказываний, я единственный человек, способный объяснить, почему эти свободы недопустимы в начале гармонии, как и в цивилизации. Прежде всего существует материальное препятствие — сифилис, который надо будет коренным образом уничтожить на всем земном шаре. Далее имеется политическое препятствие — привычки. Но еще более сильной помехой является корпоративная тайная оргия, возникающая немедленно всюду, где предоставляют любви некоторую свободу. Любовная оргия для серии любви, что гусеница для бабочки; это переворот всех промышленных навыков и всех положительных характеров серий, построенных на страстях. И, однако, секта Оуэна осмеливается погружаться в эту клоаку пороков своими попытками установления расплывчатой свободы, без знания естественных противовесов; она пришла бы только к корпоративной оргии, результат неизбежный, пока мы не сможем образовать серии возрастов и функций любви.

В очерке любви первого возраста гармонии мы видели, что корпоративная оргия из нее исключена не репрессивным путем, но вследствие преобладания добродетели и чести; то же самое будет со всеми любовными корпорациями гармонии. Неизвестная наука, алгебра существенных и случайных сим-

патий, преобразует в ангелов добродетели эти корпорации, которые, ввиду присваиваемого им вульгарного названия вакханок и баядерок, могут быть заподозрены в разврате. Если я эти названия употребляю, то лишь потому, что я не мог бы приискать других, не прибегая к неологизмам, разрешаемым во Франции только привилегированным представителям академического мира.

Что касается намерений бога относительно этих будущих изменений, то я разработал этот предмет в моем труде (II, 385 и 397); кроме того, я коснусь его в статье *Подтверждение на основе священного писания,* где, не предвосхищая божественных велений судьбы, которые могут выплыть на сцену после перерождения общества, я рассею сомнения и опрокину возражения, опираясь на общеизвестные факты и неопровержимые авторитеты.

Сверх того, не следует думать, что бог создал прекраснейшую из страстей, чтобы ее обуздывать, притеснять, укрощать в угоду законодателям, моралистам и пашам. Что дает принудительный режим цивилизации? Лишь то, что тайный и незаконный порыв любви в семь раз более распространен, чем законный, из которого я исключаю браки по расчету или принудительные, не являющиеся любовной связью. Разумен ли, естественен ли строй, где правонарушения в семь раз превышают действия, дозволенные законом? И если моралисты избирают такой режим как самый мудрый, как смеют они хвастать своим знанием природы и объявлять себя ее друзьями?

Они организовали любовь таким образом, что она отвлекает от труда и от научных занятий. Она побуждает молодежь только к лености, легкомыслию и безумной расточительности. Первая любовь гармонийцев удвоит их порыв к земледелию и к научным занятиям (см. главу XXVIII).

Что касается семейной гармонии, к которой они хотят нас привести, не зная любовных гармоний, с нею нераздельных, то я им отвечу в разделе равновесий описанием серий фамилизма, или семейной гармонии (II, 527), которые должны распространиться на домашнюю прислугу — этот источник невзгод, на который жалуются семейства цивилизованных (в параграфах II, 369 и 398 можно видеть, сколь далеки от счастья эти семейства).

В этой статье я выполнил важную задачу, напомнив читателю, что во всех проблемах социальной гармонии следует придерживаться единого приема — образования серий согласно вышеизложенным условиям. Если бы я уклонился от этого метода, мои проекты приобрели бы характер произвольный и предвзятый. Пусть мне докажут, что я в каком-нибудь пункте уклоняюсь, тогда у моих противников будет основание меня критиковать и исправлять мою теорию; но какой клеветник дерзнет это утверждать?

Можно уже сопоставить мой метод с их методом. Они умеют и могут действовать только посредством принуждения, они не имеют никакого представления об естественном пути, или о притяжении. Если они хотят воспитать целомудренных девушек-весталок, они используют надзирательниц, моралистов, замки, палачей в древности и угрозу геенны огненной в новейшее время. Какие средства употреблял я? Свободу, честь, очарование, приманку славы и величия, развлечения жизни деятельной и полной интриг.

Точно так же во всех фазах жизни. Моя теория использует только благородные стимулы, чтобы вести к добродетели и истине. Философы цивилизации хотят и *могут* прибегать только к принуждению и торгашескому обману. Они беспрестанно говорят о свободе, о либерализме и не находят им никакого применения. Например, в *любовных* отношениях малейшая свобода, будучи предоставлена молодым женщинам цивилизации, приводит к тайной оргии, этому источнику всех пороков.

В делах честолюбия свобода порождает неистовства партий, коммерческие обманы. Свобода умеет бороться с излишествами лишь путем позорных притеснений, вроде закона об избирательном цензе; он предоставляет пассивное избирательное право интригану, награбившему 300 тысяч франков, и лишает этого права почтенного человека, который имеет только 250 тысяч франков.

В семейных делах в 9 из каждых 10 домашних очагов было бы столько скандалов, как в семье атридов, если бы принудительные законы не превращали раздоры в судебные процессы, всегда благоприятствующие наибольшему плуту.

В дружеских отношениях одни играют роль одураченных, другие — негодяев, столько лжедрузей, столько ловушек, что родители запрещают детям посещать общество друзей и проповедуют эгоизм, необходимость которого они усвоили.

Таковы плоды философских теорий способности цивилизации к совершенствованию. Этот строй может покоиться только на принуждении и недоверии и порождает все пороки, как только он уклоняется от принуждения. Пусть после этого сделают выбор между теорией ассоциации и моральными науками, которые на нее клевещут, ненавидя ее за то, что она действует посредством притяжения и не пользуется другими средствами, кроме свободы и истины. Употребление этих средств приводит всякого цивилизованного к неизбежной гибели, по крайней мере, если только он не могущественен и не богат, — это единственный случай, когда цивилизованный имеет возможность *иногда* применять на практике справедливость и истину.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

МЕХАНИЗМ И ГАРМОНИЯ ПРИТЯЖЕНИЯ

СЕДЬМОЕ СООБЩЕНИЕ

СПЛЕТЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРИТЯЖЕНИЙ

ГЛАВА XXV

ИНИЦИАТИВЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО ПРИТЯЖЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ, ОРГАНИЗОВАННОМ ПО СЕРИЯМ

Разделим на две серии классы, которые нужно будет привлечь к производительному труду, а именно: серию трех полов — мужчины, женщины и дети — и серию трех имущественных состояний — богатые, средние и бедные.

Среди полов слабый увлекает сильного (I. 386). Значит, нужно сначала соблазнить детей, они втянут в производство матерей, затем матери и дети вместе увлекут отцов, более неподатливых вследствие недоверчивости, присущей цивилизованным более зрелого возраста. Среди разных классов более состоятельный увлекает менее состоятельного. Значит, надо соблазнить богатых, потому что средний класс и народные массы будут охотно работать, когда увидят, что богатые горячо берутся за работу. Посмотрим же, соблазнят ли работы в ассоциации для начала детей и богатых людей.

Первая приманка для детей — лакомства; специальная для них кухня и свободное проявление своих вкусов, которые будут выполняться, как бы фантастичны они ни были, лишь бы та или иная группа из семи детей, заказала то или другое блюдо, такого-то приготовления на завтрак, обед, ужин и т. д. Когда фаланга будет полностью укомплектована, фантазии детей будут выполняться даже при наличии требования от группы из трех детей. С первых же дней их будут приучать к образованию партий в отношении каждого блюда, хорошо разбираться в своих вкусах по линии каждого способа приготовления; эта новая мудрость им покажется столь восхитительной, что они станут сеидами фаланги.

Мы видели, каковы будут другие приманки — индустрия в миниатюре, маленькие мастерские, маленькие инструменты, короткие смены, хореографические упражнения и т. д.

Богатый класс сначала будет колебаться. Он включится мало-помалу в некоторые мелкие работы, так называемые дробные. Присмотримся к результатам этого на такой рядовой культуре, как разведение капусты.

Природа дала Мондору склонность и способность к части *земледельческого труда,* называемой *семеноводством,* т. е. к сбору и хранению семян. Мондор любит красную капусту, он видел красивые грядки этой капусты в фаланге и нашел ее чрезвычайно вкусной за столом. Он просит, чтобы ему показали семена этой капусты, он рассуждает относительно способа их хранения и дает группе, занимающейся семенами, полезные указания. Эта группа благодарит Мондора, самолюбие которого чрезвычайно польщено тем, что ему удалось блеснуть в этом маленьком деле. Он приобщается к работе группы, ведающей семенами капусты, но не других групп, тоже работающих по разведению капусты; так как его страсть в этой отрасли дробная и ограничена семенами, то он скорее вступит в серию общего семеноводства, чем в различные группы, культивирующие красную капусту.

На следующий же день по вступлении Мондор видит на утреннем параде, как к нему приближается детская духовая музыка, в составе 8—10-летних музыкантов. Барабанным боем она объявляет о состоявшемся производстве его в члены, затем девушка-герольд из серии по разведению капусты объявляет Мондора бакалавром по красной капусте, так как он освобожден от стажа, установленного для начинающих, ввиду обширности его знаний. Затем весталка парада, раздающая членские значки, обнимает Мондора и преподносит ему букет искусственных цветов капусты; затем он принимает поздравления от начальствующих, сопровождаемые торжественной детской музыкой. (Этот прием представляет собой обратное обычаю цивилизации, где церемонии смазываются и где молодого бакалавра поцеловал бы 80-летний представитель муниципалитета.)

По истечении двух недель у Мондора будет уже несколько трофеев этого рода; он не захочет более покидать фалангу, он в ней завяжет интриги и приобщится к начинаниям различных групп.

Таким образом, каждый богатый мужчина или женщина, ознакомившись за несколько дней с работами фаланги, к своему крайнему удивлению заметит в себе самом 20 промышленных притяжений, которых он раньше в себе не знал; это — притяжения *дробные, а не интегральные,* потому что они не распространяются на всю совокупность работ, как этого требовал бы механизм цивилизации, идущий всегда наперекор заветам природы.

Под влиянием выполнения работ по операциям $^7/_8$ женщин будут страстно увлекаться домашним хозяйством, к которому они теперь питают отвращение: та или иная женщина, которой не нравится уход за маленькими детьми, охотно примет участие в группе, занимающейся каким-нибудь видом шитья; другая, с пренебрежением относясь к приготовлению супа, страстно увлечется приготовлением сахарных кремов, превзойдет в этой работе других и станет председателем группы, хотя бы она и была чужда другим кулинарным работам. Шумовка и кастрюля для супа также найдут страстных охотниц среди членов фаланги, когда этот труд не будет обязывать к выполнению двадцати других работ, которыми перегружают хозяек в цивилизации; эта сложность работы их возмущает, так же как и недостаток денег; ведь и мужья и мораль подают домашним хозяйкам много советов и мало денег. У домашнего очага женщина находит только хлопоты и лишения, мужчины в земледельческой работе встречают только обман и неприятности. Удивительно ли, что все испытывают отвращение к этим работам, несмотря на то, что таково их природное предназначение.

Хотя выполнение работ по операциям и является главным источником инициативы в производственном притяжении, однако на путь инициативы будут наталкивать и многие другие приманки; таковы интриги контакта и выполнение домашних работ по страстному влечению.

Интрига контакта вовлекает в работу человека, который о ней никогда бы не подумал. Хлоя, обслуживавшая членов серии по производству струнных инструментов при их обедах, связанных с интригой, в конце концов заинтересовывается этими интригами, о которых обедающие говорят с таким жаром. Ей приходит в голову фантазия посетить мастерские этой компании; там она видит разные мелкие работы по дереву, по слоновой кости и перламутру; они ей нравятся, как и общество работающих; она включается в какую-нибудь дробную операцию; между тем она к этой работе не приобщилась бы, если бы до посещения мастерской она предварительно не соприкоснулась с интригой членов этой серии.

Вскоре производство струнных инструментов втянет Хлою и в другие операции, которые безразличны ей вначале; стимулом для этого послужит ее соприкосновение с интригами, совершенно неизвестными цивилизации, где каждая категория рабочих относится с безразличием и с насмешкой к интригам других категорий.

Окольное домашнее обслуживание — одно из самых блестящих следствий гармонии страстей и могучая пружина промышленного притяжения. Человек, вынужденный теперь, для добывания средств существования, обслуживать другого, переносить грубости и терпеть притеснения от хозяина, внезапно сможет пользоваться услугами полусотни страстно увле-

ченных его обслуживанием людей, работающих на него в силу симпатии и без какого бы то ни было вознаграждения с его стороны.

Бастиан, неимущий молодой человек, зацепив за гвоздь свое самое красивое платье, разорвал его. На следующий день группа горничных, убирающих комнату Бастиана, относит это платье в починочную мастерскую, во главе которой стоит Селианта, богатая дама в возрасте 50 лет, страстно увлекающаяся сложными починками, по части которых она считается незаменимой.

Селианте нравится Бастиан, которого она часто встречает в различных группах, где он отличается в работе; это он ухаживает в птичнике за любимыми фазанами Селианты и за гвоздикой, с запахом левкоя, в группе, занимающейся этой разновидностью. Она хочет с ним познакомиться и, видя на платье этикетку с надписью Бастиан, она берет эту работу и выполняет починку с высоким совершенством.

Эту нужную для Бастиана работу выполнила дама-миллионерша, которая обслужила его, руководствуясь страстью и совершенно бесплатно, потому что фаланга оплачивает каждую услугу, выдавая дивиденд, причитающийся группе. Никто не получает индивидуального вознаграждения за труд; это было бы бесчестьем.

Бастиан, несмотря на свою крайнюю бедность, всюду обслуживается таким образом. Стлать ему постель, чистить платье и ботинки будут женщины и дети, которые в группах горничных, чистильщиц платья и ботинок предпочтут чистить платье Бастиана и других, к кому они питают симпатию. Так как всякий домашний труд выполняется свободной группой, то каждый по желанию выбирает лиц, которых он хочет обслуживать, и так же свободно их оставляет. Тот, чье платье никем не взято в чистку, будет обслужен дополнительными группами, которые по очереди выполнят работы, не нашедшие исполнительниц по выбору.

В дополнение к этому очерку остается доказать, что каждый старый или молодой, бедный или богатый, находит страстных служителей всякого рода и действительно имеет около 50 привязанных к нему услужающих, зачастую во сто раз богаче его. Домашнее обслуживание при цивилизации, приводящее в отчаяние и слуг и порой самих хозяев, становится в фаланге источником неисчислимых связей, часто любовных связей, потому что молодой Бастиан, чтобы показать себя признательным в отношении Селианты, которой он обязан за различные услуги, не преминет ей представить доказательства своей благодарности, которые молодой человек 20 лет может предложить даме 50 лет.

В новом общественном строе бывает, что представители старого поколения обоего пола имеют много таких удачных случаев, вследствие многочисленных услуг, которые они оказы-

вают в различных группах неопытной молодежи, страстно увлеченной работами, в которых старики достигли совершенства.

Это любопытное сближение двух крайних возрастов должно дать представление о другом, еще более ценном сближении, по линии воспитания, которое все строится на страсти: каждый бедный ребенок в течение юности втягивается в добрых 3 десятка и даже в 100 различных занятий; всюду он встречает стариков, которые, будучи заинтересованы в продолжении этих работ, с удовольствием инструктируют того или иного бедного ребенка, видя в нем преемника своего излюбленного дела; таким образом, зачастую маленький мальчик без средств становится одним из приемышей пожилой женщины, которая признала в нем продолжателя какого-нибудь из ее любимых трудов, вследствие чего и завещает ему некоторую сумму.

Чтобы умело подготовить это прекрасное сближение, природа дает детям склонности, отличные от склонностей отцов, на что последние горько сетуют в цивилизации. Скоро они станут восхищаться мудростью творца и чудесных гармоний, которые ассоциация породит на почве этого различия вкусов в одном и том же поколении (раздел V).

В противоположность этим блестящим созвучиям, раздробленное производство всюду ведет к раздорам между противоположными возрастами и противоположными классами; заработная плата становится предметом бесконечных споров, а индивидуальное командование — предметом ненависти. Всякое произвольное приказание унижает того, кто ему подчиняется. В строе гармонии человек повинуется лишь в порядке сознательной дисциплины, коллективно согласованной и принятой всеми со страстным увлечением; в этом случае нет ничего произвольного в отданном приказе, ничего оскорбительного в повиновении. Между тем как метод цивилизации, или режим личного домашнего обслуживания на началах найма, порождает всегда двоякого, а часто и четвероякого рода раздор там, где новый общественный метод производит двойное и четверное очарование, связи и согласия всякого вида.

Переходя к начальным элементам коллективного притяжения, я полагал описать три движущие силы:

использование промежуточных страстей (I, 439),
любовные отношения в армиях и
лестницу материнской любви.

Ограничиваюсь первым. Промежуточными (ambigu) группами, промежуточными сериями называются объединения, движимые побочными вкусами, пренебрегаемыми у нас и не находящими никакого применения. Докажем полезность этих мнимых пороков, ценных в комбинированном производстве.

Предположим, предстоит трудная работа, например насаждение леса, чтобы покрыть растительностью оголенную возвышенность, которая обезображивает пейзаж: для образова-

ния серии, которая со страстным влечением взяла бы на себя выполнение всей совокупности работ, людей не найдется; нужно будет пустить в ход серию промежуточную, установив последовательные смены.

Прежде всего в дело будет пущена когорта наемных рабочих для первой насыпки земли и проведения вчерне всей работы. (Речь идет об опытной фаланге, потому что по истечении трех лет не будет надобности в когорте наемных рабочих.)

Затем в работу включатся *инициаторы,* люди, которые все начинают и ничего не кончают, которые загораются быстро, как солома, и выдыхаются в несколько смен. Не беда, они весьма ценны для одоления первых этапов пути, наиболее тернистых. Этих людей очень легко побудить к участию в деле, их не устрашит никакая работа. Итак, они примутся за дело, поработают несколько смен по два часа и к концу полумесяца сбегут, как это можно было предвидеть. Между тем работы уже некоторым образом развернулись; инициаторы с помощью наемных рабочих значительно продвинули вперед черную работу и в различных пунктах посадили несколько групп деревьев.

Тогда фаланга обращается к людям *непостоянного* характера, или ветрениках, людям неустойчивым, идущим туда, куда ветер дует, склоняющимся к мнению последнего собеседника и признающим новшество только после того, как оно приобретает популярность. Они сочтут предприятие вполне заслуживающим внимания, когда увидят его на ходу, и присоединятся к уцелевшим инициаторам, опирающимся на помощь наемных рабочих.

Затем фаланга обратится к *беспокойным,* или к фантастам, людям, которые стремятся вмешаться в то, что сделано наполовину, изменить и переделывать, перестроить дом, наполовину построенный. Они готовы опрометчиво изменить свое занятие, оставить даже хорошую должность для плохой безо всякого иного повода, кроме прирожденного беспокойства, причина которого им самим неясна. Они с горячностью включатся в работу по насаждению деревьев, когда увидят, что дело значительно продвинулось вперед; чтобы им польстить, будут допущены некоторые незначительные изменения, и в течение некоторого времени они будут участвовать в этой работе вместе с оставшимися прежними ее участниками.

Далее придут *хамелеоны,* или *протеи,* — тип промежуточный, чрезвычайно распространенный в строе цивилизации; эти люди включаются в дело, когда видят, что оно хорошо налажено. Они не пожелают проявить равнодушие к начинанию, выполненному на две трети, и настойчиво будут стремиться к участию в нем, не дожидаясь его окончания. Их вмешательство продвинет дело настолько, что оно приблизится к завершению.

Тогда наступит момент привлечения *заканчивающих* людей, которые страстно увлекаются делом, когда они видят, что оно почти окончено. Вначале они никогда не выскажутся в пользу начинания; они кричат о невозможности, о смехотворности и желчно критикуют органы власти, стремящиеся к улучшениям, называют сумасшедшим собственника, который строит, осушает болота, вносит новшества в производство.

Когда же дело на три четверти сделано, эти аристархи меняют тон, начинают хвалить то, что так порицали, и, подобно *мухе, усевшейся на вола,* утверждать, что они «пахали». Они зачастую расхваливают предприятие тем самым людям, которых они резко критиковали за поддержку его в самом начале. Они не замечают своей непоследовательности, будучи увлечены страстью, которая зарождается у них только при развязке дела. Именно во Франции эта черта чаще всего встречается; недаром французы задним числом претендуют на роль инициаторов всех новшеств, осмеянных ими при первоначальном появлении.

Французы не преминут показать себя *завершителями* в деле основания гармонии, или производственного притяжения. Для начала они опорочили изобретение и автора; в дальнейшем они будут глумиться над акционерами-основателями; затем, видя, что строительство опытного кантона подвигается, они одумаются, и, наконец, к моменту окончательного устройства они закупят акции по тройной или четверной цене и станут доказывать, что именно они покровительствовали автору, что они восхищались его открытием и поощряли его в работе.

И так как крайности сходятся, то французы проявляют себя крупными *инициаторами* того, что уже известно; ни один другой народ не склонен до такой степени за все браться и ничего не кончать, менять план, когда работа наполовину уже сделана. У них сын никогда не выполняет плана, составленного отцом, и архитектор не продолжает работу по плану своего предшественника. Французы — беспокойный народ: они не могут долго придерживаться одного вкуса, мнения; они внезапно впадают из одной крайности в другую и сочетают противоположное. Полвека тому назад они были полны презрения к торговле, теперь они ей льстят и перед ней преклоняются.

Коротко говоря, мы видим у них в изобилии все черты двуличия, которые я только что описал; двойственность во всем — национальная черта французов. И когда гармонийцы будут писать историю цивилизации и разместят народы по лестнице характеров, французы будут фигурировать в этой классификации как образец двойственности, а отнюдь не честности.

Можно предугадать, что наши вкусы, наиболее критикуемые моралью, будут использованы и станут драгоценными добродетелями в строе ассоциации. Цивилизованные не перестают насмехаться друг над другом по поводу того или иного странного вкуса; в ответ на эту критику я только что описал одну из самых тяжелых и отталкивающих работ, выполненную со страстным увлечением при помощи людей всех промежуточных характеров.

По мере углубления в исследование механизма серий, мы все более и более убедимся, что существует сверхизобилие средств для вовлечения в производство как масс, так и индивидуумов, что наши наклонности, наши инстинкты, наши характеры, даже наиболее странные, будут хороши такими, как их создал бог, при условии применения их в сериях, построенных на страстях; что царство зла есть плод не страстей, но строя цивилизации, который их употребляет в производстве разобщенном, или семейном; отсюда столько бедствий, сколько божественный режим принес бы благодеяний.

Резюмируя сказанное в этой главе, я мог бы указать и много других начальных элементов производственного притяжения. Но достаточно и этих четырех.

выполнение работ по операциям;

интрига контакта;

окольное домашнее услужение;

использование промежуточных характеров (I, 439), чтобы убедиться, что социальный мир сбился с естественного пути, раздробив производство между семьями. При этом методе обман во взаимных отношениях, продолжительность смен, грязь в мастерских, сложность работ, неблагодарный характер подначальных функций, несправедливость и эгоизм хозяев, грубость сотрудников — все способствует превращению производства в пытку и, что еще хуже, сокращению продукта на $^3/_4$ по сравнению с производительностью в новом общественном строе. Значит, цивилизация — антипод провиденциальной судьбы, *мир дыбом, социальный ад*. Только пораженные философской катарактой могут не видеть этого заблуждения человеческого разума.

ГЛАВА XXVI

СПЛЕТЕНИЕ СЕРИЙ ПОСРЕДСТВОМ ГАСТРОНОМИИ, ПОСТРОЕННОЙ НА ИНТРИГЕ

На протяжении предшествующих разделов и во введении много раз повторялся тезис, кажущийся смешным с первого взгляда, именно, *что в ассоциации чревоугодие есть источник мудрости, просвещения и социальных созвучий*. Я могу подтвердить этот странный тезис самыми планомерными доказательствами.

Ни одну страсть не расценивали так низко, как чревоугодие. Можно ли предположить, чтобы бог считал пороком страсть, которую он наделил наибольшей властью? (Потому что нет другой, которая так широко господствовала бы над народом.) Другие страсти — любовь, честолюбие — оказывают гораздо большее влияние на возрасты зрелый и возмужалый; но чревоугодие всегда сохраняет свою власть над различными возрастами; это — страсть наиболее постоянная, только она владеет человеком от колыбели до могилы. Чрезвычайно могущественная уже в просвещенном классе, она верховно властвует над народом и над детьми, которые всюду являются рабами желудка. Солдат делает революции в пользу того, кто готов его опоить; и дикарь, столь презирающий цивилизованных, приобщается к их производству ценой бутылки водки. Он готов, при случае, продать им жену и дочь за несколько бутылок крепкого ликера.

Разве бог поработил бы столь властно людей этой страстью, если бы не отвел ей выдающейся роли в механизме, нам предназначенном? И если этот механизм сводится к производственному притяжению, не должна ли эта страсть тесно связываться с гастрономическим притяжением, называемым чревоугодием? В самом деле, именно чревоугодие должно служить общим связующим звеном для производственных серий, быть душой их соревновательных интриг.

В строе цивилизации чревоугодие не связано с индустрией, потому что производитель, занятый физическим трудом, не пользуется отборными продуктами питания, которые он вырастил или произвел на фабрике. Значит, среди нас эта страсть становится принадлежностью праздных; в силу одного этого она была бы уже порочна, не будь порочной благодаря расточительности и излишествам, которые она порождает.

В строе ассоциации чревоугодие играет совершенно противоположную роль: это — награда не за праздность, а за производство, беднейший земледелец участвует там в потреблении ценнейших предметов питания. Сверх того, оно будет только предохранять от излишеств, порождая разнообразие и побуждая к труду, связывая интриги потребления с интригами производства, приготовления и распределения. Так как производство наиболее важно из всех четырех, то установим сначала принцип, который должен им руководить: это — всеобщее распространение чревоугодия.

В самом деле, если поднять весь человеческий род до гастрономических утонченностей, даже по линии наиболее простых блюд, каковы капуста и репа, и обеспечить каждому человеку достаток, позволяющий ему отказываться от предмета питания, посредственного по качеству или приготовлению, то в результате этого в каждой культурной стране по истечении нескольких лет изобиловали бы отборные продукты, потому что посредственные продукты — горькие дыни,

горькие персики, произрастающие на почвах, негодных для этих культур, не имели бы сбыта и там не разводили бы ни дынь, ни персиков. Всякий кантон занялся бы выращиванием тех продуктов, которые могут достигнуть наилучшего качества на данной почве; он произвел бы мелиорацию почв или превратил бы данный участок в лес, в искусственный луг, или сделал бы из него другое употребление, благодаря которому получался бы продукт хорошего качества. Это не значит, что серии не потребляют простых съестных припасов или простых тканей; но они хотят, чтобы даже самые простые вещи, как бобы или грубошерстное сукно, были возможно наиболее совершенного качества, в соответствии с пропорциями, которые природа установила в данной отрасли притяжения.

Принцип, от которого нужно отправляться, сводится к следующему: *к общему совершенству производства привели бы всеобщая требовательность и утонченность потребителей в отношении пищи, одежды, меблировки и удовольствий.* Этот принцип признан самими моралистами, потому что мы видим, как классики мечут громы и молнии против дурного вкуса публики, увлекающейся мелодрамами и уродствами, которыми пренебрегало бы общество с хорошим вкусом.

В этой области, как и во всякой другой, мораль находится в противоречии с самой собой, потому что она требует от нас только чутья в литературе и искусствах и грубости в главной отрасли социальной системы — отрасли средств существования, являющихся той частью отношений, где должно зародиться индустриальное притяжение, чтобы отсюда распространиться на все другие отрасли. Таким образом, моралисты, всегда злополучные в теории, как и на практике, применили принцип совершенствования, или необходимость утонченного вкуса, к предмету, к которому нужно было бы его применить в последнюю очередь, к изящным искусствам. Я ставлю их на последнее место в социальной политике, потому что утонченность, которая в них внесена, вдвойне порочна:

1) Она развращает самые искусства; вследствие торгашеской спекуляции они все более и более увлекаются ложной мишурой, утрированным романтизмом и всякого вида уклонами; это разложение сообщается гению, который более чем когда-либо заражен духом системы и пренебрегает природой, или притяжением.

2) Если утонченность более или менее царит в искусствах, то там ей и поставлен предел, и она отнюдь не распространяется на главную область — на отношения потребления и приготовления, откуда она распространилась бы и на производство. Таким образом, развитие хорошего вкуса, или утонченности, совершенно искажено и нейтрализовано этим промахом моралистов, которые хотят ограничить ее изящными искусствами раньше, чем вводить в гастрономию, от-

куда она распространилась бы всюду, при условии применения серий, построенных на страстях.

В подкрепление этого двойного упрека заметим, что Париж, будучи очагом изящных искусств, есть в то же время очаг дурного вкуса в гастрономии. Парижане потребляют без разбора хорошее и дурное [1]. Это — муравейник с 800 тысячами философов, которые принимают пищу только для того, чтобы умерять свои страсти и благоприятствовать коварству торговцев, с рабской покорностью принимая все их обманы и все яды, которые торговле угодно изобрести.

[1] Мое утверждение может показаться обидным для парижан, я сейчас подкреплю его бесспорными фактами. Начиная с 1826 г. парижские булочники и кондитеры выпекают все тесто только наполовину. Значит, Париж был очень невежествен в гастрономии в то время, когда он заставлял хорошо выпекать хлеб и кондитерские изделия. Однако в это время жили Гримо и Бершу, и, следовательно, их можно обвинить в гастрономической тупости, если нынешний способ выпечки теста соответствует святым доктринам. Где же разгадка этой уродливости? Дело в том, что тесто, наполовину выпеченное, содержит в себе много воды, оно тяжелее на вес и лучше сохраняется при отсутствии покупателей. Плохая выпечка выгодна торговцу, но отнюдь не потребителю. Если бы парижане не были варварами в гастрономии, подавляющее большинство их восстало бы против этой торгашеской дерзости и потребовало бы надлежащей выпечки. Но их уверяют, что это — хороший способ, мода, заимствованная у англичан.

В 1797 г. их так же приучили, по английскому же способу, есть полусырое мясо с помощью вилок, загнутых в обратную сторону, которыми почти невозможно пользоваться. Именно англомания отучила их есть за завтраком хорошие блюда отечественного происхождения и заменила их дрянью, называемой чаем, зельем, к которому англичане прибегают в силу необходимости, не имея ни хорошего вина, ни хороших фруктов, разве только за большие деньги. Они вынуждены пить чай, наподобие больных, и есть масло, наподобие маленьких детей, которым бедная мать жарит гренки на масле.

Можно ли назвать гастрономами людей без определенного вкуса, повинующихся любому глупому внушению моды или торгашеской хитрости. Доказательством тому — слава прогорклого клея, называемого вермишелью; он стал общеупотребительным продуктом в Париже, потому что на нем зарабатывает бакалейщик и экономят время кухарки. Таков уровень понимания парижан в гастрономии: они повинуются всякому мошеннику, который хочет их обмануть. Недаром нигде нет такой фальсификации вина, уксуса, ликеров, пива, молока, масла, сахара и т. д. Их мясо преет и издает зловоние вследствие усиленных перегонов животного, которого торговец старается гнать без остановки; их зелень пропитана ароматом того продукта, которым унаваживают сады в окрестностях Парижа; у них бывают порой хорошие фрукты, потому что торговля не может их фальсифицировать, как вина, которые приготовляются из краски, поташа, окиси свинца, винного осадка, спирта, патоки, лакрицы, меда, квасцов, ириса и других торгашеских ядов, худшим из которых является вино из Лангедока Сен-Жиль. Впрочем, их земледельцы настолько невежественны, что портят половину картофеля еще при сборе; из 20 корзин картофеля, приобретенных на рынке, 10 несъедобны, потому что картофель горек, кисл, клеек. Есть ли нация более невежественная, более варварская в гастрономии?

Пятилетний ребенок, воспитанный в строе гармонии, нашел бы 50 грубых оплошностей в обеде так называемого парижского гастронома. Что сказать о других англоманах, об их письме, где только и видишь и... и и и и и.

Другой род испорченности, свойственный Франции, также парижского происхождения — это возрастающее пренебрежение женского пола гастрономией. Это будет чрезвычайно большим недостатком в начале гармонии, потому что невозможно проникнуться живой страстью к земледельческим работам и принимать близко к сердцу интриги земледельческих серий, если не увлекаешься гастрономией, начальным элементом индустриального притяжения. Проповедники морали и хорошего тона убеждают французских дам, что чревоугодие — страсть дурного тона. Нужно будет, чтобы дамы отказались от такого взгляда в строе гармонии и поднялись до утонченности, основанной на интриге, по крайней мере, в отношении 10 страстей, дозволенных обычаями цивилизации. Женский пол менее порочен в Германии и более откровенно предается там чревоугодию даже в отношении вин, а прекрасный пол Франции считает для себя честью ими пренебрегать.

Все эти умеренные вкусы — лишь извращение природы; она умело подготовила в твердых и жидких предметах питания ассортимент, способный возбуждать страсти трех полов, и сверх того переплела вкусы, наделив мужскими вкусами $^1/_8$ женщин и женскими $^1/_8$ мужчин. Это сплетение существует, хотя и в замаскированной форме. Я знаю девочку 9 лет, которая любит чеснок и с жадностью на него набрасывается. Без сомнения, в 15 лет она лишит себя этого угощения; но это доказывает, что, вопреки правилам, устанавливаемым модой, женщины наделены в надлежащей пропорции всеми необходимыми вкусами для сплетения страстных серий, согласно правилам, изложенным в первом разделе.

Значит, нужно эти вкусы развивать в опытной фаланге, способствовать проявлению у женщин их естественных наклонностей, часто противоречащих хорошему тону. Для начала надо будет в области гастрономии вернуть их к природе, чтобы без промедления добиться сплетения индустриальных серий и равновесия страстей. Молодая девушка любит чеснок, невзирая на насмешки; стройте свои расчеты на этом пристрастии для получения двойного сплетения, что вполне осуществимо:

1) Сочетание полов в одной серии, потому что серия, которая будет разводить луковичные овощи — лук, чеснок, немецкий лук, лук-порей, испанский лук, будет состоять из мужчин. Нужно посредством сплетения ввести туда, по крайней мере, $^1/_8$ женщин; последних надо искать среди подростков, потому что вкус к чесноку девушки приобретают не в 16 лет.

2) Сочетание работ у отдельного человека. Допустим, что молодая девушка любит чеснок и не любит изучать грамматику. Ее родителям хочется, чтобы она отказалась от чеснока и усердно занялась грамматикой. Это значит дважды перечить ее естественным наклонностям. Постарайтесь лучше их раз-

вить в том и в другом направлении. Втяните эту девушку в застольную и садовую интригу любителей чеснока, а затем преподнесите ей оду в честь чеснока, написанную Де-Марцеллом. Она с готовностью ее прочтет, будучи живо задета хулителями чеснока. Этим моментом нужно воспользоваться, чтобы слегка познакомить ее с лирической поэзией, с особенностями стихосложения.

Вполне естественно, что она увлечется сначала поэзией, а не грамматикой; но одно скоро приведет к другому. Таким образом, сосьетарный метод преподавания пользуется духом интриг и самыми странными наклонностями, чтобы возбудить в ребенке вкус к науке и привести его окольным путем к тому предмету, который он упрямо отверг бы, не будь стимулов со стороны интриги.

Я настаиваю на принципе связывания всех этих интриг с чревоугодием; для детей это—естественный путь инициативы и втягивания в производительный труд. Без сомнения, следует пускать в ход и другие двигатели, но это средство имеет первостепенное значение для детства. Пренебрегая этим принципом, опытная фаланга пошла бы по ложному пути. Она продвигалась бы вперед черепашьим шагом; и ей достаточно было бы совершить другую серьезную ошибку, чтобы уже потерпеть крушение.

ГЛАВА XXVII

О ГАСТРОСОФИИ, ИЛИ МУДРОСТИ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ СЕРИЙ

Наши так называемые гастрономы, как писатели, так и практические деятели, — отнюдь не на высоте предмета; они умаляют его значение, говоря о нем в шутливом тоне. Правда, в цивилизации гастрономия может играть только весьма второстепенную роль — здесь она гораздо ближе к распутству, чем к мудрости. Но в строе гармонии она будет представлять собой главную пружину равновесия страстей.

Чувство вкуса, это — колесница на четырех колесах, таковы:

1) *гастрономия,*
2) *кухня,*
3) *консервирование,*
4) *земледелие.*

Сочетание этих четырех функций, выполняемых в сериях, построенных на страстях, порождает *гастрософию,* или гигиеническую мудрость, гигиену, расположенную по ступеням, применимую к шкале темпераментов, совершенно неизвестных медицине строя цивилизации (см. примечание, т. II, 214).

И в этой области цивилизация движется в соответствии с ее свойством *мира вверх дном.* Она хочет начать тем, чем

нужно кончить. Всякий отец весьма одобрил бы сына или дочь, которые отличились бы в третьей и четвертой отраслях — в *земледелии и консервировании;* родители хотят даже, чтобы молодые девушки упражнялись во второй отрасли — на *кухне.* Таким образом, признаются три отрасли науки, которые не могут создать промышленного притяжения, и изгоняется первая отрасль — *гастрономия,* где зародилась бы страсть, нужная трем остальным. Этот промах — тоже один из геройских подвигов морали, стремящейся сделать нас врагами наших чувств и друзьями торговли, усиленно толкающей нас на злоупотребления чувственными удовольствиями.

С другой стороны, предосудительные писатели дают наставления по части чревоугодия нашим лукуллам, которых собственные повара настолько просвещают, что они совершенно не нуждаются в помощи со стороны поэзии и риторики. Эта литературная проституция компрометирует гастрономию, как бредни секты Оуэна компрометируют ассоциацию.

Гастрономия станет почтенной наукой только тогда, когда она сумеет удовлетворить запросы всех и каждого. Между тем известно, что масса, вместо того чтобы успешно приближаться к хорошему столу, питается все хуже и хуже. Она лишена самых необходимых и здоровых съестных припасов: в Париже 3—4 тысячи обжор питаются как нельзя лучше, а наряду с этим 300—400 тысяч простонародья не имеют даже натурального супа; для них приготовляют некое подобие бульона, составные части которого пахнут тухлым салом, свечей и застоявшейся водой. Торгашеский дух все усиливается, и его мошенничества все более и более гнетут низшие классы.

Гастрономия будет достойна похвалы лишь при двух условиях: 1) когда она будет *прямо* применяться к производительным занятиям, будет *сплетена,* объединена с трудом по возделыванию земли и приготовлению пищи. Это будет вовлекать гастронома в земледелие и кулинарию; 2) когда она будет содействовать благополучию рабочей массы и приобщит народ к утонченностям хорошего стола, которые цивилизация резервирует для праздных.

Чтобы достигнуть этой цели, нужно переплетать функции вкуса, увязать их все с самой привлекательной из четырех страстей — чревоугодием. Можно быть уверенным, что последняя функция не будет заброшена, что она всегда будет привлекательной. Итак, следует положить ее в основу здания, чтобы оно было правильно и прочно построено.

Наши философы в принципе признают, что все *связано в системе природы;* но в нашей производственной системе ничто не увязано со страстью. Производство должно устанавливать свои связи через гастрономические серии; они приводят от страстных споров за обеденным столом к страстным занятиям на кухне и по консервированию, затем к земледельческим работам и, наконец, к созданию шкалы темпераментов

и к кулинарным приготовлениям, приспособленным к санитарному режиму каждой ступени. Значит, в строе гармонии необходимо будет постараться заблаговременно завлечь каждого индивида в круг четырех вышеуказанных занятий, и чтобы он не ограничивался низкой ролью *обжоры,* позорной для наших *апициусов,* чье уменье сводится к работе челюстями без способности действовать в трех других отраслях вкуса.

Ни одна страсть не обладает большей возможностью производить сплетения функций, чем страсть вкуса. В главе XXVI я дал пример с чесноком, показав, как девушка втягивается в занятия поэзией благодаря интриге, связанной с защитой ее вкуса, и благодаря энтузиазму, вызванному в ней отраслью литературы, похвалившей этот вкус. (Влияние *кабалист* и *композит.)* Строя свои расчеты на гастрономических причудах каждого ребенка, используемых в страстных сериях, в одной только этой области фантазии мы найдем средства вовлечь ребенка в различные отрасли знания, а вместе с ним и отца и мать. Дело в том, что в начале гармонии придется не только воспитывать детей, но и перевоспитать родителей. Поэтому необходимо часто напоминать, что прежде всего должна быть использована гастрономия как зерно притяжения, более действенное, чем любое другое, и как средство, с помощью которого можно скорее достигнуть цели, переплетать на почве страсти функции, увлекать от одной к другой стимулами интриги и энтузиазма, наконец, установить общие связи, о которых мечтает философия, не умея установить ни одной, особенно в деле образования, которое она не умеет увязать ни с удовольствием, ни с практическим земледелием.

Досадным пробелом в этой области является неумение связать медицину с удовольствием и особенно со вкусовой утехой. Ежегодно мы видим появление многочисленных медицинских систем, из коих ни одна, за исключением системы, изучающей деятельность сердца, не стремилась выйти из рутины. Совершенно новым поприщем, но мало плодоносным для факультета, была бы *медицина вкуса,* теория приятных противоядий, предписываемых для каждой болезни. Известны случаи излечения вареньями, виноградом, яблоками ранет, хорошими винами. Я видел, как лихорадка была приостановлена и ликвидирована маленьким стаканчиком старой водки. Народ имеет против простуды приятное лекарство — это бутылка старого вина, согретого и подслащенного, и немедленно после этого сон. Эта медицина будет отраслью науки — гигиенической гастрософии, — способ одновременного предохранения от болезни и лечения ее, потому что эта медицина предотвратит все излишества стола благодаря обилию и разнообразию хороших продуктов питания, быстрому чередованию удовольствий, сменяющих застольные наслаждения.

Именно для того чтобы с раннего возраста привести нас к этому режиму, природа наделяет детей в качестве господ-

ствующей страсти — обжорством. Говорят — они маленькие лакомки; ничего подобного: это не лакомки, а *обжоры* и жадюги. Они с жадностью едят зеленые фрукты и другую дрянь; будь это лакомки, знатоки, они отдали бы эту грубую пищу свиньям. Их обжорство — зародыш, который нужно привести к чревоугодию, к рассудочной гастрономии, связанной с тремя другими функциями вкуса.

Всюду наблюдается, что люди, наиболее умеренные за столом, — это повара; они — строгие судьи, хорошо разбираются в блюдах и не позволяют себе никакого излишества. Из людей, располагающих в неограниченном количестве хорошей пищей, это самые воздержные. Значит, наилучшим предохранителем от злоупотреблений за столом был бы для детей, как и для отцов, такой порядок вещей, когда все они стали бы поварами и утонченными лакомками, связав гастрономию с тремя функциями — кухней, консервированием, земледелием — и с гигиеной, градуированной сообразно шкале темпераментов.

Этот гастрономический метод встретит наибольшее число противников среди акционеров; одни в силу морального предрассудка, другие в силу плохо понятой экономии будут настойчиво возражать против поощрения или терпимости чревоугодия; следовательно, я должен их серьезно предупредить против этого заблуждения; это самый опасный камень преткновения при организации опытной ассоциации.

Может показаться удивительным, что я приписываю столь крупное влияние гастрономии, делая из нее условие sine qua non для успехов опытной фаланги, условие, о котором не упоминается в трактате 1822 г.

Это мнение является результатом углубленного изучения силы влияния, которое будет оказывать каждая из 12 страстей на проявление и сплетение производственных притяжений в опытном кантоне, функционирование которого будет затруднено многочисленными пробелами притяжения (II, 631). Попытаемся шаг за шагом обозреть силу влияния каждой страсти.

Честолюбие. В отношении производственного соревнования оно даст многочисленные и блестящие средства, но не вначале. Например, лестница скипетров, указанная выше, будет великолепным стимулом, но он начнет действовать только после полного преобразования социального строя по всей земле. Значит, употребление этого рычага откладывается на срок от 4 до 5 лет. Между тем нужны средства, которые можно было бы пустить в ход в первую же 15-дневку. И чтобы оказать эту быструю услугу, наиболее применима для всех классов — гастрономия. Честолюбие с самого начала даст 4 чрезвычайно важных возбудителя, а именно: перспектива наград, связанных с основанием опытной фаланги, прибыль от любознательных крестьян, мелкие почести (вроде тех, которые получает Мондор) и серевновательные интриги. Но чтобы

вдруг создать индустриальное притяжение и сплетать эти притяжения на почве интриги, никакое средство не будет равноценно *прикладной гастрономии*.

Любовь. Она создает индустриальные стимулы столь могущественные, столь целесообразные, что к моменту образования любовных серий, организации свобод и противовесов в любви, менее чем в два года доход фаланги увеличится наполовину. Я уже говорил, что этот доход вначале возрастает в 4 раза по сравнению с нашим; он увеличился бы в 6 раз в случае *уравновешенной* свободы любви. Но мы видели выше, что свободное утоление этой страсти будет отложено на полвека. До этого времени она останется в разряде преступлений. Значит, любовь не может служить предметом умозрения для немедленного претворения в жизнь, как это будет с гастрономией, которая не имеет в себе ничего преступного даже в глазах ее антагонистов, потому что мы видим, что проповедник, по окончании прекрасной проповеди против чревоугодия, чрезвычайно охотно садится обедать за обильно сервированный стол. Сверх того, эта страсть перестанет быть пороком, когда она будет уравновешена, будет чужда излишеств, помимо того гигиенична, поскольку удовольствие будет итти на пользу здоровью.

Отцовство. Использование его в индустриальном притяжении начнется лишь по истечении века, не считая исключений, потому что к концу первого десятилетия народится одна из его отраслей — отрасль *индустриальных усыновлений*. Другие отрасли отцовства, как симпатические усыновления, лестница отцовской любви, будут отодвинуты еще более. Все это далеко не соответствует требованиям немедленного использования, возможного для всех классов.

Дружба. Она будет большим подспорьем, но средством развить ее в короткое время будет применение гастрономических лестниц и интриг. Ничто не образует столь быстрых связей, как сходство вкуса в отношении тех или иных блюд, того или иного приготовления, в особенности когда дело касается странного вкуса, промежуточного, осмеиваемого большинством. Таким образом, чтобы благоприятствовать дружбе, нужно использовать гастрономию в социальной механике. Было бы благороднее приписать дружбе систему сплетений индустриального притяжения, в основу которой я кладу чувство вкуса; но отвести первенство дружбе значило бы поместить следствие в первом ряду, а причину — во втором. Я остерегусь этой ошибки.

Давайте более правильно судить о наших чувствах; не будем стыдиться их влияния, когда они приводят к благу, к индустрии и к социальным согласиям. Бог хочет не обесчестить материю, но ее использовать, формируя чувства для надобностей души и предоставляя им инициативу, как мы предоставляем слугам, подготовляющим дом к встрече хозяина.

Именно так нужно рассматривать инициативу, которую я предоставляю гастрономии, используя ее как путь к завязыванию первых дружеских связей между индустриальными группами, которых объединяет сходство вкусов в отношении потребления, приготовления и выращивания каждого вида или разновидности.

Я не исследую, каким образом три механизирующие страсти станут источником сплетения индустриальных функций; так как все три действуют на девять других, то вначале достаточно проанализировать силы каждой из девяти. Я взвесил силу действия четырех нежных или трогательных страстей сравнительно с силой действия чувства вкуса. Оценим теперь силу действия остальных четырех внешних чувств в начальной фаланге: *осязание, зрение, слух, обоняние;* рассмотрим их совокупно.

Ни одно из четырех не будет иметь заметного влияния на крестьян и рабочих, которые образуют подавляющее большинство опытной фаланги и придут туда, получив грубое народное воспитание. В начале строя гармонии придется мириться с этими животными в образе человека, которых создает цивилизация, с этими неповоротливыми людьми из Лимузена и Нижней Бретани, у которых никогда не будет ничего общего с музами. Безучастные к тонкостям зрения, слуха, обоняния и осязания, они жаждут только вкусовых утех и денежного дохода: жирная навозная куча, сулящая плодородие, имеет для них больше очарования, чем весенние цветы, которые не приносят никакой пользы. Красивейший ландшафт в их глазах не стоит хорошего обеда; они вам уступят изящные искусства, лишь бы стол был обилен.

Пусть же сойдет в могилу это грубое поколение, созданное совершенствуемой цивилизацией; выждите 10—15 лет, прежде чем использовать в общей системе власть четырех внешних чувств, называемых — осязанием, зрением, слухом и обонянием. До того времени по возможности их надо использовать у индивидов, которым свойственна такая тонкость восприятия; но этих людей наверно немного, между тем как обжоры составят подавляющее большинство *во всех трех классах.* Значит, вначале придется исходить из наличных средств, а отнюдь не из будущих совершенств. С этой точки зрения гастрономия вполне заслуживает внимания основателей; она будет *временно зачатком социальных согласий,* пока не народится поколение, менее извращенное, менее грубое и способное к совокупному действию 12 страстей. Наши законы допускают только 10, устанавливая изъятия для свободной любви и свободного отцовства. Две нежные страсти минорного характера цивилизация лишена возможности использовать.

Наряду со страстью, самой сильной в деле образования промышленных сплетений, следует указать страсть, отличающуюся противоположными свойствами, страсть, которая

стремится порвать связи и в силу этого дорога моралистам. Это — дух семейства, или отцовства, источник всех социальных неурядиц. Беглая характеристика пороков этой страсти необходима в сообщении о промышленных сплетениях, главным препятствием которых она является.

ГЛАВА XXVIII

О ЗАРОДЫШЕ ОБЩЕГО НЕСОГЛАСИЯ, ИЛИ СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ ПРОСТОГО ВИДА

Рассматривая зародыши новых общественных согласий, которые займут весь четвертый раздел, необходимо определить зародыш общего несогласия, зародыш совершенно неизвестный, — семейную связь, столь восхваляемую моралистами. Цивилизованный мир столь сильно расположен в пользу семейных связей, что образумить его можно, лишь дав доказательства раньше теории и отложив изложение принципов до конца главы. Исследуем наиболее осязательные пороки семейного производства общественной *организации, наименьшей из всех мыслимых* и, следовательно, наиболее противоречащей предначертаниям бога экономии связей.

1. *Неустойчивость.* В нашей индустрии нет ничего устойчивого: случайная смерть главы семьи может со дня на день расстроить все его предприятия. Раздел наследства, различие характеров отца и сына, неравенство их знаний и двадцать других причин перевернут вверх дном дело, созданное отцом. Его плантации будут заброшены, раздроблены, запущены; в его мастерских воцарится беспорядок, его библиотека будет продана букинисту, а его картины — старьевщику. Совершенно иначе обстоит дело в светских или религиозных корпорациях: все здесь поддерживается, совершенствуется, непостоянство или смерть отдельного человека отнюдь не нарушают правильного хода существующих предприятий.

2. *Неприятности с потомством.* Человек, любящий свое дело, жаждет хотя бы одного сына, который заступил бы его место и продолжал бы его труды; но по воле судеб в законном браке он имеет только дочерей, а мальчики у него — все незаконнорожденные, лишенные права наследовать его имя, и таким образом его роду суждено угаснуть. Он мог бы найти страстных продолжателей своего дела, но среди класса людей, отличающихся от него по состоянию и условиям жизни. В других случаях его дети отказываются помогать ему или на это неспособны. Зачастую обилие детей, расходы на их воспитание парализуют предприятие отца. Его неблагодарный труд не дает возможности их воспитать и устроить. И в награду за столько трудов он замечает, что некоторые из его детей желают его смерти, сгорая от нетерпения воспользоваться наследством.

3. *Невзгоды семейные и домашние.* Этот предмет настолько обширен, что приходится его опустить (см. II, 376 и 398). Трудолюбивый человек будет обескуражен непристойным поведением жены или детей, мошенничеством сотрудников, клеветой завистников. Его приведет в отчаяние смерть ребенка, на которого он возлагал все свои надежды. Отцы и матери строя цивилизации доходят до сумасшествия, теряя любимого ребенка. Этой невзгоде и многим другим они не могут противопоставить никакого противовеса. Значит, семья — своего рода западня, шкатулка Пандоры. Мыслимо ли, чтобы богу угодно было построить индустрию на порядке вещей, столь пагубном для тех, кто ею управляет, и еще более пагубном для подначальных, которые ее осуществляют?

4. *Индустриальная западня.* Политика и мораль, не умея создать индустриальное притяжение, прибегают к хитрости: они восхваляют прелести брака для неимущих и располагают всю социальную систему таким образом, чтобы побудить бедного жениться, дабы, обремененный детьми, он был поставлен в необходимость трудиться для их пропитания. Вот почему все отцы, принадлежащие к бедному классу, во всяком случае $^{7}/_{8}$ из них, могут воскликнуть: «На какую каторгу я попал!» Ввергнуть людей в эту западню есть тайная цель моралистов, восхваляющих прелести брака. Они на это толкают народ, чтобы иметь обилие рекрутов и голодных рабочих, занимающихся трудом за низкую плату для обогащения нескольких предпринимателей.

5. *Растущее отвращение к индустрии.* Отвращение уже весьма сильно в ребенке; он не работал бы вовсе, если бы не угроза наказаний. Но эта неурядица возрастает с наступлением зрелости; любовь, наряду с отвращением к индустрии, создает склонность к расточительству и к знакомствам, противоречащим намерениям отца и семейной гармонии. Этот новый импульс, проявляющийся в пятнадцатилетнем возрасте, должен был бы улучшить индустриальный механизм, потому что когда добавляют к какому-нибудь механизму ту или иную деталь, то делается это для того, чтобы усовершенствовать его работу. У гармонийцев любовь будет усиливать промышленное притяжение двояким путем: вследствие нового очарования, которое совершеннолетний найдет в собрании двух полов в мастерских, на скотном дворе и т. д., и благодаря посвящению его в самую привлекательную из наук — в *аналогию,* о которой нельзя дать понятие не достигшим зрелости. Эта чрезвычайно соблазнительная наука пробудит в молодых людях неистовое желание работать, которое утихнет только по истечении двух десятков лет, когда они будут знать все царства и 100 тысяч эмблем страстей, представленных в продуктах различных царств. Вместо этих двух стимулов — к индустрии и к науке — любовь в цивилизации порождает только два противоположных порока и становится му-

чением для отцов, вынужденных беспрестанно наблюдать за поведением детей, давать деньги на наряды, готовить приданое, зачастую расплачиваться за долги и иные сумасбродства молодежи. Значит, можно считать установленным, что брак является для отцов тернистым путем, за редкими исключениями богатых семейств, и что любовь зарождается в молодых людях, достигших совершеннолетия, только для того, чтобы их развратить.

От этих признаков перейдем к точному анализу зла. Брак, база нашей социальной системы, — самое маленькое сочетание из возможных. Нельзя вообразить комбинацию меньше брачной пары. Между тем, сам бог, как мы имеем основание это полагать, желает образовать возможно большие общественные комбинации и установить возможно большую свободу; отсюда следует, что зачатком зла — организацией, наиболее противоположной намерениям бога, — будет небольшой и наименее свободный из союзов. Таков исключительный супружеский строй, где зарождается *простая* семейная связь, ограниченная одной только отраслью, связь, однородная с цивилизацией, самым несогласованным из обществ.

Зародыш зла должен непременно находиться в одной из 12 страстей. Это может быть только в той страсти, которая устанавливает положения, наиболее противоположные намерениям бога. Механизм вселенной с очевидностью показывает, что бог *хочет свободы и сочетания целого* сообразно законам геометрической справедливости; мы же устанавливаем семейный строй, где царят произвол, ложь, несправедливость, разъединение, гнет, противоречие коллективным и индивидуальным интересам каждого семейства.

Другой коренной порок семейной группы — это то, что она не свободна, между тем как другие три группировки свободны: можно по желанию менять друзей, любовниц, деловые связи, но ничего не полагается менять в отношениях, вытекающих из кровного родства; эта связь вечна и противоположна свободному выбору. Вот порок, которого совершенно не замечали; он столь серьезен, что режим гармонии противопоставит ему много поглощающих противовесов, в числе прочих — индустриальные усыновления и участие в наследовании.

Эти приметы помогут нам разобраться в царстве зла: оно господствовало во все времена, его власть даже возросла в наши дни благодаря триумфу торгашеского духа, который сделал цивилизованных более гнусными и лживыми, чем они были вначале. По этому поводу софисты выдвигают вопрос, не порочен ли человек по своей природе? Большинство отвечает утвердительно. Это значит рассуждать, наподобие фаталистов-магометан, которые решают, что чума — зло неизбежное, поэтому они не хотят озаботиться устройством санитарных карантинов. Наши философы впадают в ту же ошибку: чтобы не искать противоядия от этого зла, его объявляют

неизбежным уделом человечества и в то же время публикуют тысячи целебных систем, которые должны усовершенствовать цивилизацию посредством любви к торговле и других бредней, выдаваемых за потоки света и за откровения святой истины. Наиболее верное средство запутать вопрос или дело — это впутать в него умников. Никогда гусеницы не размножались в некоторых кантонах Франции так сильно, как с момента основания 300 сельскохозяйственных академий.

Законы всеобщего движения доказывают, что зло или ложный порядок участвует в количестве $^1/_8$ в механизме вселенной, что его царство охватывает $^1/_8$ времени, места и вещей. А так как все в системе природы увязано, то зло неизбежно должно связываться с совокупностью системы в какой-то точке, где оно коренится. В социальных делах эта точка и есть семейная группа, соединение самое ограниченное и самое принудительное. Можно ли видеть источник зла в одной из трех других групп? Нет, потому что все три стремятся к свободе и к широким сочетаниям, к чрезвычайно обширным связям, изменяемым по усмотрению. Сама мораль нам хвалит расширение этих связей: ей хочется, чтобы наша дружба распространялась филантропически на все человеческие существа, образуя единую большую братскую семью, и чтобы наше честолюбие соединило нас с друзьями торговли всюду на земном шаре. Любовь, в свою очередь, не знает границ, лишь только ей дают возможность итти по естественной наклонности. Человек свободный и богатый скоро будет иметь, подобно мудрому Соломону, тысячу жен, а свободная женщина пожелает иметь подобный ассортимент мужчин. Это многообразие любви столь естественно, что султан, даже в состоянии дряхлости, ни за что не ограничится одной женой; все сохраняют свой гарем. Значит, любовь, как и другие группы, стремится к наиболее обширным сочетаниям.

Так будет развиваться семейная связь, когда люди сумеют и смогут поднять ее от простой формы к форме сложной, от принудительной формы к свободной и доставить каждому семью столь многочисленную, как семья персидского Софи Фет-али-Шах. В будущих поколениях, после трех или четырех веков строя гармонии, каждый старик, хотя бы ограничившийся двумя-тремя детьми, непосредственно ему принадлежащими, будет иметь детей побочных и усыновленных в количестве свыше трехсот, считая внуков и их потомство. Тогда люди будут наслаждаться всеми прелестями отцовства, которых они напрасно ищут при существующем положении вещей; очаровательным единством интересов, где жадность уживается с благородными чувствами и где наследник в силу личной заинтересованности желает долголетия завещателю (см. 10-е сообщение).

Цивилизованные, только и думающие о равновесии и противовесах, должны видеть, что их семейная система совер-

шенно лишена равновесия, потому что привязанность родителей к детям всегда втрое сильнее привязанности детей к родителям. Это — истина, на которую горько жалуются все отцы. Каким образом эта диспропорция осталась незамеченной нашими теоретиками равновесия, которые хотят все сбалансировать и взвесить? Каким образом удовлетворят они отцов, обеспечив им сыновнюю любовь, равную по силе любви отцовской? Разрешение проблемы заключается в том, что сыновняя любовь должна иметь источником три ветви:

1. Единоправных, или сыновей и внуков по прямой линии; теперь это единственный источник сыновней привязанности.

2. Промышленных приемышей, или наследников различных вкусов отца, продолжателей его промысла в трех десятках групп и серий, где они были его учениками.

3. Близких в силу симпатии двоякого рода: вытекающей из тождества характеров и обусловленной их контрастом. Наши мечтатели о родстве душ не уяснили себе этого неминуемого двойственного характера.

Вторая и третья ветви — дети в гармонии, усыновляемые и получающие по завещанию наследство. Ничего подобного не существует в цивилизации, где люди не имеют приемышей по страстному влечению и где не выявляются симпатии того и другого рода (тождество и контраст), так как все характеры извращены моральным воспитанием, которое их глушит, или народной грубостью. Кроме того, семьи столь эгоистичны, столь завистливы, что ни за что не стали бы делиться отцовской привязанностью с другими. Вынужденный ограничиться своими прямыми детьми, отец зачастую встречает в них антипатичные ему характеры, врагов, разрушителей его дела. С помощью последовательного исследования лестницы характеров, при наличии у человека троих детей и троих внуков, а всего 6 человек по прямой нисходящей линии, можно биться об заклад 200 против 1, что среди этих 6 не найдется ни одного симпатичного отцу по характеру или по промышленному тяготению, ни одного страстного преемника его дела, в особенности там, где человек не ограничивается одним промыслом, как это бывает в цивилизации. Какая печальная перспектива для отцов цивилизации, какая западня — эта отцовская любовь!

Учитывая все эти пороки, присущие семейной группе, ассоциация лишает ее всякого влияния в денежных делах и в сфере распределения, куда она вносит только несправедливость и хищения. Эта группа должна раствориться для согласования ее с целым; нужно уничтожить семейный эгоизм путем создания и развития трех вышеописанных разветвлений. Этот метод я объясню в сообщении, касающемся организации соединений.

Некоторые читатели в силу неразумной щепетильности отвергнут эту доктрину, усматривающую зародыш зла в супружеских узах. Это — древо зла не по причине порождаемых им

пороков (II, 376, 382, 398), но потому, что, будучи наименьшим из возможных сочетаний, супружеский союз в силу этой причины наиболее антиэкономичен, наиболее противоположен намерениям бога, *верховного эконома*. В качестве такового он не может положить в основу (pivot) системы чрезвычайную запутанность и раздробленность 300 хижин с враждующими между собой семействами, вместо одного здания для комбинированных взаимных отношений. Видя, как науки, называющие себя экономическими, упорно отстаивают этот союз, наиболее порочный из всех мыслимых, не уместно ли здесь сказать вместе с Бомарше: «*Как умные люди бывают глупы*».

Но, возразят мне, мы не знаем другого союза; значит, нужно искать: «Ищите и обрящете», и исследовать теорию единственного человека, который искал и обрел.

ВОСЬМОЕ СООБЩЕНИЕ

ПРЕДНАМЕРЕННАЯ СОГЛАСОВАННОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Предварительные замечания. Мы приближаемся к проблеме распределения, разрешение которой ложится в основу механизма ассоциации. Если бы согласие в этом пункте ослабело, вскоре все здание рухнуло бы. Опытная фаланга распалась бы уже к концу своей первой кампании. Чтобы ей гарантировать согласованность распределения, мы имеем два средства более чем достаточных: 1-е средство — *жадность,* в которой у людей никогда не будет недостатка; если же найти способ превращения ее в залог справедливого распределения, то можно быть уверенным, что воцарится справедливость. 2-е средство — равновесие в распределении, это — *великодушие,* не применяемое в цивилизации. Цивилизованные, основываясь на собственных нравах, сочли бы это равно невозможным в гармонии. Следовательно, необходимо кратко описать для них согласованность, основанную на великодушии, предумышленную созвучность — еще до того, как приступить к распределению. Это исследование и составит содержание четырех маленьких картин, рисующих согласия — материальные, сердечные, механизирующие и сливающиеся в одно целое.

ГЛАВА XXIX

О ПРЕДНАМЕРЕННОМ СОГЛАСИИ, ОСНОВАННОМ НА МАТЕРИАЛЬНЫХ НАСЛАЖДЕНИЯХ

Первый путь согласия в ассоциации — обогащение. Недаром во всякой торговой компании участники ссорятся и расходятся, когда предприятие не дает прибыли. Значит, преднамеренное согласие сможет установиться в фаланге лишь по-

стольку, поскольку каждый будет видеть, что его состояние и его наслаждения колоссально растут, что его реальный доход увеличивается в 4 раза, а относительный в 30 и 40 раз. Я докажу, что таково свойство строя ассоциации, объяснение которого дано во введении (§ 2). Здесь я провожу только параллель между доходом эффективным и относительным.

Семья, живущая в пригородных районах Франции (Турени, Анжу), в смысле удовлетворения материальных потребностей в 10 раз богаче, чем если бы она жила в Лондоне. В деревнях, соседних с Туром и Сомюром, фрукты и вина стоят в 10 раз дешевле, чем в Лондоне. Недаром многие английские семейства поселяются в Турени, чтобы сделать сбережения, несмотря на широкий образ жизни. Значит, бывают обстоятельства, когда некоторые отрасли богатства возрастают относительно в 10 раз, без увеличения реального состояния в целом; если же вдобавок к этому эффективный доход возрастет в 4 раза, то относительное богатство увеличится в 40 раз, потому что, имея в 4 раза больше денежных средств, мы увеличим свое благосостояние в 40 раз.

Относительное богатство может в различных отраслях подняться на невообразимую ступень, увеличиться даже в 100 раз при четырехкратном увеличении реального дохода. Вот два примера, взятые из наиболее ярких и из наиболее мелких предметов роскоши.

Транспорт. В Париже семейство, желающее разъезжать в карете и иметь хотя бы три выезда — один для города, один для деревни и один кабриолет, содержать лакеев, обновлять лошадей и экипажи, должно расходовать не менее 6 000 франков в год. Та же семья в строе гармонии сможет за 600 франков в год пользоваться абонементом на кареты всех степеней, даже на парадные выезды и на верховых лошадей. Это увеличение в 10 раз, увеличение материальных благ при уменьшении материальных расходов становится двадцатикратным увеличением, если учитывать преимущество выбора из ассортимента многочисленных карет всякого вида, избавление от споров с обманщиками торговцами и рабочими, устранение лакеев, их воровства и интриг, их соглядатайства и других неприятностей, связанных с наблюдением за слугами и дающих полное основание утверждать, что челядь — бич для сильных мира.

По линии транспорта экипажи и лошади — не единственный предмет вожделений; зачастую карета только надоедливое неизбежное зло, как это мы видим в Париже и Лондоне, где карета представляет собой скорее удовольствие отрицательного характера, средство избежать грязи, непогоды и длинных переходов, а также неудобств парижских окрестностей, где богатый класс чувствует себя в своих замках точно в заключении из-за плохих дорог и утомительных мостовых, обрамленных двумя отвратительно грязными изгородями. До-

роги в окрестностях Парижа — подлинное наказание для гуляющего и для охотника; это клоаки грязи в зимние месяцы и море пыли в остальные пять месяцев, иногда начиная с марта, как это было в 1825 г.

В ассоциации имеет место обратное; там имеется целый ряд дорог, специально приспособленных — одни для ломовых извозчиков, другие для легковых карет, третьи для пешеходов и, наконец, специальные аллеи для верховой езды на лошадях и на зебрах. Все дороги тенисты, тротуары для пешеходов поливаются и т. д. В этой третьей отрасли транспорта, как и в двух предыдущих, благосостояние возрастает, по крайней мере, в десять раз, по сравнению с нашим, что даст тридцатикратное увеличение возможности пользования им, по сравнению с тем, что имеется сейчас. Четвертая прелесть — крытые коридоры, связывающие между собой все жилые помещения, скотные дворы, магазины и мастерские; удовольствие ходить на работу, в церковь, в гости, на зрелища, балы и т. д., не зная, тепло или холодно, не рискуя получить насморк или воспаление по выходе с бала, откуда вы идете домой отапливаемыми коридорами. Если от вашего дома вас отделяет целая миля, вы садитесь в карету у отапливаемого подъезда, где животные под навесом чувствуют себя так же хорошо, как и люди. Не скажу, чтобы этот вид наслаждений гармонийцев десятикратно превышал наши, потому что у нас это совершенно отсутствует. Переезды почти всегда неприятны, зачастую опасны — даже для короля, потому что у короля Франции нет крытого и отапливаемого подъезда, и во время посадки в карету он подвергает себя снегу и ветру. Женщины часто получают воспаление легких при выходе с бала. В течение утра, используемого для визитов и деловых встреч, человеку приходится двадцать раз садиться в карету, непрерывно ходить по лестницам вверх и вниз. Неудобство такого образа жизни люди поймут только тогда, когда они смогут сопоставить его с прелестью крытых галерей и убедиться, что в отношении жилищ, как и во всем остальном, цивилизация — это *мир навыворот*.

Учитывая этот двадцатикратный рост благосостояния, наряду с вышеприведенным тридцатикратным, мы видим, что общая сумма наслаждений в части транспорта и перемещений увеличивается в 50 раз, а так как для пользования этим благосостоянием люди будут иметь учетверенный доход, то, помножив четырехкратный реальный доход на пятидесятикратное относительное увеличение пользования, мы получим суммарное улучшение в *двести раз*. Другими словами, рост благосостояния в строе гармонии неисчислим. Продолжим исследование материальных вопросов. Я перехожу к мелким деталям.

Короли, несмотря на свой штат поваров, не могут пользоваться столом столь изысканным, как простой народ в строе гармонии. Короли не могут выбирать себе по вкусу бульон

с натуральным или с овощным ароматом. Их бульоны приправляются подливкой и крепким бульонным экстрактом, их повара не обладают ни талантом, ни терпением, чтобы готовить им ассортимент чистых бульонов из мяса и зелени. Эти придворные повара еще хуже готовят многие другие блюда, считая, что приготовление последних унижает их достоинство. Между тем, желудок государя, как и желудок человека среднего состояния, нуждается в разнообразии, ибо изысканными блюдами пресыщаешься так же, как и обыкновенными. Недавно одна путешествующая великая княгиня, усевшись за стол, обильно сервированный заботами префектов и мэров, сказала: «Все это прекрасно, но я предпочла бы картошку». Ее не легко достать в Париже, где этот вид овощей столь неискусно выращивается и собирается. Сверх того, знают ли повара способ сохранить аромат картофеля, т. е. печь его в золе, — труднейшая операция, совершенно пренебрегаемая королевским поваром? Интересуется ли он, на какой именно почве и по какому способу выращивался данный вид овощей? Эти утонченности качества, недоступные королю цивилизации, будут обеспечены беднейшему из гармонийцев. Если он ест только яичницу да салат, и тут он сможет себе сказать: «*Эти блюда приготовлены лучше, чем у королей строя цивилизации*». В самом деле, у нас не различают вкуса яиц от кур разных систем питания; король вынужден довольствоваться яйцами, купленными на рынке, порой с неприятным привкусом, хотя и красивыми на вид.

В вычислениях механики страстей точность требует, чтобы доказательства строились на двух крайних каждой серии. Сопоставляя наслаждения цивилизации и ассоциации, я оперировал такой роскошью, как парадные экипажи и кареты. Сейчас я спущусь к удовольствию самому простонародному, рискуя не понравиться умникам, которые никак не могут примириться с тем, что крайности сходятся; это правило, по их мнению, не на высоте философии. Она готова отнестись с пренебрежением к пошлой параллели, к сюжету, заимствованному из шуточного завещания Скарона, который изрек:

«Мольеру быть рогоносцем,
а толстому Сен-Аману есть сыр».

Если сыр достоин поэзии и даже лирической музы (см. оду Лебрэна о триумфе наших пейзажей, включая сюда сыр из Ванвра, приготовленный руками Галатеи), тем паче это деревенское блюдо может с большим успехом фигурировать в моей мещанской прозе, где читатель увидит, как корка сыра взлетает на вершину философской мысли, обличая никчемность величия цивилизации.

Говоря по-человечески, все дело в том, что король, со всеми своими сокровищами, не может потчевать своих званых гостей сыром удовлетворительного качества, потому что гармоническое угощение сыром должно представить три серии:

одну — видов, вторую — разновидностей каждого вида, третью — возрастов каждой разновидности. Это различие по трем лестницам потребует приблизительно 50 кусков сыра, свеже приготовленных, даже в том случае, если довольствоваться тремя видами, *грюер, жэ (Gex) и бри,* наиболее распространенными в Париже, где в лучших домах и, без сомнения, у самого короля вряд ли подают больше трех сортов сыра, и то без соблюдения постепенности вида, качества и возраста. Беднейшие гармонийцы будут пользоваться этими разновидностями, недоступными нашим королям. Так как сыр либо чрезвычайно полезен, либо чрезвычайно вреден, в зависимости от соответствия пищеварительной способности каждого человека, то 12 гостям потребуется 12 сортов сыра, которые можно найти только на витрине, где под стеклянными колпаками дан ассортимент в 50 разновидностей по трем сериям — вида, качества и возраста; это разнообразие будет повседневным уделом самого рядового гармонийца, а теперь оно недоступно даже королю.

На примере таких мельчайших деталей, как разновидности сыра, важно отметить, что простой народ в гармонии будет получать наслаждения более многообразные и тонкие, чем наши вельможи и верховные правители. Кто за столом у короля осмелится заявить, что наличные три сыра ему не подходят, что он хочет *очень соленого со средними глазками, с обильной слезой, компактного, не эластичного и красноватого у корки?* Заяви он это — его сочтут неотесанным провинциалом, так как за столом короля все должно нравиться, если хочешь получить синекуру. Так на каждом шагу цивилизованные стеснены приличиями и вынуждены умерять свои страсти. Очарование гармонии будет заключаться в том, что страсти ни в чем не придется умерять и что можно будет потребовать сверх того или иного качества корки и мякоти. Гармонийцы найдут любое качество в ассортименте трех серий любого блюда.

Подведем теперь итог тому, что сказано о преднамеренном согласии, порождаемом материальными наслаждениями, расположенными в постепенном порядке, с тем чтобы каждое мгновение доставлять всем очарования, потому что прелесть *материальной жизни* состоит в возможности удовлетворять в любой момент свои мельчайшие фантазии. Короли чрезвычайно далеки от этого рода счастья; его могут дать только серии, построенные на страстях, и это будет одна из причин, в силу которых король, ознакомившись с жизнью опытной фаланги, будет взирать с глубоким презрением на свои дворцы, на свой двор, на свой придворный этикет.

Читатель видит, что я недооценил, говоря *четверное увеличение* эффективного богатства и *сорокакратные* суммы наслаждений, потому что во многих отраслях, например, в средствах сообщения и в транспорте, улучшение будет больше сто-

кратного. Термин двадцатикратное, сорокакратное несколько смягчает ослепительный блеск истины.

Читатель видит также, что механизм ассоциации точно соблюдает правила контакта крайности и связи частей: доставляемые им наслаждения распространяются на все классы и на мельчайшие детали.

Комбинируя с этими чувственными удовольствиями отсутствие материальных забот, от коих освобождены родители; удовлетворение отцов, избавленных от расходов на домашнее хозяйство, воспитание и приданое дочерям; радость женщин, освобожденных от скучного домашнего хозяйства без гроша в кармане; довольство детей, свободно отдающихся притяжению, побуждаемых к изощрению удовольствий, даже гастрономических; наконец, удовлетворение богатых как вследствие возрастания богатства, так и благодаря исчезновению всякого рода риска и западни, которыми окружен богач в строе цивилизации, — легко предвидеть, что опытная фаланга с первого же месяца будет заботиться только о том, как бы поддержать столь прекрасный порядок. Зная, что сохранение его зависит исключительно от согласованного распределения дивиденда, фаланга будет изыскивать средства осуществить это согласие, в котором будут сомневаться в первую кампанию, потому что это — вещь, дотоле невиданная; распределение может иметь место только в январе или феврале по заключении баланса.

Значит, серии, группы, отдельные лица будут сосредоточивать свое внимание на этом согласии, наперебой выносить самые великодушные решения, брать на себя денежные жертвы, *которые, однако, не будут необходимы:* каждый постарается перещеголять другого по части *преднамеренного* самопожертвования и бескорыстных решений. Мысль вернуться в цивилизацию будет страшить каждого, как геенна огненная, каждый заранее будет готов отдать, если это нужно, половину своей прибыли. Жажда единства, дружный сговор о поддержании единства поднимется на высочайшую ступень; к тому же результату, как мы это увидим, ведет ассоциация в области нематериальных отношений.

ГЛАВА XXX

СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ СЛИЯНИЯ ТРЕХ КЛАССОВ

От чувственных удовольствий переходим к удовольствиям душевным, к порождаемым ими импульсам великодушия, предрасполагающим к преднамеренному согласию в распределении.

Первое средство уничтожить антипатии между классами — маленькие орды; они достигают этой цели, беря на себя самые грязные работы; это значит убрать главное пре-

пятствие к слиянию классов и уступчивости при дележе прибылей.

Чтобы показать легкость этого слияния, возьмем в качестве отправной точки уже наличный факт. Самые благородные характеры, вроде *Генриха IV*, наиболее склонны держать себя на равной ноге с подначальными, со слугами или иными, лишь бы те были достойны этого благожелательства. *Людовик XVI* также держал себя запросто с подданными, например, со слесарями, которые помогали ему в его кузнице. Он забавлялся, бросал подушкой в голову своего лакея Клери, а тот отвечал ему тем же.

Эти примеры показывают, что богатый класс был бы счастлив, если бы его окружали подчиненные, достаточно честные, достаточно бескорыстные, чтобы беспрепятственно сблизиться с ними в некоторых отношениях. Как раз обратное имеет место в строе цивилизации, где домашние слуги являются надоедливым и подозрительным окружением для вельмож, вынужденных поддерживать чрезвычайно строгую дисциплину среди этих опасных служителей.

Я уже описал очарование домашних услуг, выполняемых по страстному влечению. Подчеркнем некоторые детали.

Дамон — любитель цветов; когда он жил в Париже, он расходовал много денег на уход за цветочными клумбами, никто ему не помогал, продавцы цветов его обманывали, садовники или лакеи обкрадывали; в конце концов он проникся отвращением к цветоводству, не переставая однако любить цветы.

Устроившись в опытной фаланге, Дамон особенно страстно увлекается цветами, потому что ему помогают пылкие единомышленники, которые не только не возбуждают его недоверия, но и предупреждают все его желания и искусно выполняют все работы, которыми он не хочет себя обременять. У него с ними нет никакого недоразумения, связанного с материальным интересом, потому что все расходы идут за счет фаланги; его любят и уважают за его знания, весьма для них ценные. Его почитают как опору корпорации. Он привязывается к каждой из подгрупп, особенно к детям, всегда готовым, когда надвигается ливень, бежать в поле для установки навесов над цветочными грядками. Эти любители цветов являются для него второй семьей, среди них он выбирает себе индустриальных приемышей.

Приведу пример: Аминта, бедная девушка, один из наиболее искусных членов группы, восторгается Дамоном. Забывая, что ему 60 лет, она видит в нем опору ее любимых культур. Ей хочется выразить ему признательность, а так как она состоит членом группы камеристок, то она берет на себя заботу о комнате Дамона и об его гардеробе (обязанности по уборке комнаты выполняют маленькие орды). Значит, Аминта становится камеристкой Дамона по влечению. Он ей за это не платит. Она считала бы для себя позором брать с него деньги;

она, как и другие, получает свой дивиденд в группе камеристок, обслуживая не только Дамона; но его она обслуживает с особой любовью. Ее страсть к культивированию цветов замечена Дамоном; благодаря своим знаниям и богатству, он — центральная фигура в этой индустрии.

Дамон получает здесь двойное очарование; двоякого характера услуги по влечению — на цветочных клумбах от Аминты и других кооператоров, прекрасно помогающих осуществлению его планов и намерений, другие — в своем аппартаменте, который убирает прекрасная Аминта.

Это не значит, что Аминта будет любовницей Дамона; ее отношения к нему находятся вне круга любви. Весьма вероятно, что Дамон полюбит Аминту, но, что бы ни произошло на этой почве, он будет очарован ее двоякого рода услугами, выполняемыми с воодушевлением на цветочных клумбах и в комнатах. Таким образом, он будет счастлив установить дружбу с девушкой, делающей для него то, для чего потребовалось бы *двое слуг в строе цивилизации* — садовник и лакей, и он не преминет признать ее своей индустриальной *приемной дочерью,* что обеспечит ей право на часть наследства Дамона.

Здесь я ввел в действие только дружественные связи, индустриальное сотрудничество, куда более сильное у детей, чья дружба может стать очень сильным стимулом: здесь не мешает ей ни жадность, ни любовь, ни семейные интересы. Дружба в раннем возрасте смешала бы все состояния, если бы отцы не вмешивались в это дело, уча сыновей гордости.

В юности любовь уничтожает различия и ставит монарха на один уровень с пастушкой, сближения с которой он ищет. Следовательно, даже в нынешнем строе мы имеем зародыши слияния неравных классов, вплоть до честолюбия; оно приучает представителя высшего класса вести себя запросто с представителями низшего класса в делах партии, в предвыборных интригах; известно, что Сципионы и Катоны шли навстречу простолюдинам, пожимали им руки, чтобы получить их голоса. Какие низости совершают английские лорды, подкупая *избирателей* захолустного городка!

Значит, в нынешнем строе мы имеем много зародышей сближения, слияния классов, но на почве отвратительного, гнусного корыстолюбия. Этими низменными способами уже добиваются сближения между людьми антипатических классов; сближение будет в 20 раз легче, когда оно будет происходить на благородной основе, на почве открытого доброжелательства, подобного тому, которое питают друг к другу Дамон и Аминта.

Кроме этих связей, возникших у Дамона на почве культивирования цветов, создадутся и два десятка других — на почве различных работ, в каждой из которых он свяжется с большинством членов данной секции. У него возникнут корпоративные привязанности, и этого рода связи тем активнее в гар-

монии, что каждый получает от своих сотоварищей дань весьма искренней лести, потому что выполнение работ по отдельным трудовым операциям, ограничение определенной областью труда вовлекает каждого члена ассоциации в ту отрасль, где он может отличиться.

Постоянная лесть или ежедневное получение похвал — одно из главных очарований богатого гармонийца. Оно обусловлено искусностью в отдельных трудовых операциях (каждый отличается в операциях для него привлекательных) и услугами, которые он оказывает своим сериям, своим группам, создавая пышную обстановку для труда. Дамон, как человек богатый, может позволить себе расходы, связанные с выпиской из отдаленной страны ценных видов цветов, — расходы, на которые управление фаланги не пошло бы. На этом основании все члены его уважают, выбирают его руководителем, полковником большой серии любителей цветов. Каждый из них является страстным хранителем этих редких видов, которые выписал Дамон и которые в цивилизации были бы украдены или испорчены лакеями. Значит, Дамон за свой подарок вознагражден двусторонней сердечной связью: он питает благодарность к ревностным и искусным кооператорам, и они, в свою очередь, как и соперничающие соседи, питают дружбу и уважение к нему: со всех них он собирает дань лести, точно так же и от других серий, где он является членом первого разряда вследствие своей искусности в отдельных операциях труда. Таким образом, этот мнимый порок, проклятый моралью —

«льстец ненавистный, посланный на землю небесным гневом, — злополучный дар» — становится, как все так называемые пороки, поощрением для индустрии, источником новой общественной гармонии. Даже бедные получают много похвал в группах, где они отличаются; но в цивилизации фимиам воскуряется только богатому, и его восхваляют только для того, чтобы обмануть или побудить ко злу.

Если столько мотивов привязывают богатых к бедным, то еще гораздо больше мотивов привязывают бедных к богатым. Перечислим их кратко:

дух общественной собственности, участие в прибыли;
косвенное обслуживание богатым бедного;
воспитание бедного ребенка богатым, который его усыновляет;
индустриальное усыновление или приобщение к наследству;
польза, получаемая фалангой от расходов, произведенных богатым;
дессерт стола первой степени, отпускаемый за полцены;
корпоративные празднества, оплачиваемые богатыми;
лесть, основанная на интриге, расточаемая богатыми;
передача части доходов бедным детям (раздел V).

Такое множество новых связей вскоре установит един-

ство между этими двумя классами, отношения которых порождают теперь только взаимную ненависть, грабеж и предательство.

Особенно очаровательна для богатого человека в ассоциации возможность оказывать полное доверие всем окружающим, забыть все хитрости, которых он должен был остерегаться в цивилизации, где человека умудряются обмануть. В фаланге богатый человек, вполне доверяя всем, не будет бояться западни и надоедливых приставаний с просьбами. В случае надобности к нему на помощь приходят маленькие орды; это — случай чрезвычайно редкий, потому что гармонийцы обеспечены достаточным *минимумом* и не имеют надобности обращаться к кому-либо с просьбами материального характера; они уверены в получении в каждой отрасли привлекательной индустрии вознаграждения, пропорционального их труду, таланту и капиталу. Какое наслаждение сознавать, что ничье покровительство не нужно, быть уверенным, что всякое покровительство бесполезно и для них и для соперников, что распределение и выдвижение будут совершаться справедливо, вопреки интриге! Об этом механизме читатель узнает в сообщениях 9 и 10-м.

Таким образом, связи между неравными людьми в гармонии чрезвычайно облегчены: собрания будут заманчивы для богатых благодаря веселости, благосостоянию, учтивости и честности низших классов, благодаря роскошной обстановке труда и согласию среди членов нового общества. Беднейшие будут гордиться своим новым положением и высоким назначением их фаланги, которая изменит лицо мира. Они постараются не походить на цивилизованных, отличаясь от них своей честностью, справедливостью, единственным путем получения прибыли (см. 5, 8, 9-е сообщения). В короткое время они приобретут дух и манеры тех, кто, благодаря счастливой случайности, внезапно переходит из хижины в особняк, и этот хороший тон очень легко усвоится бедным классом первой фаланги, если он будет навербован в районах, где народ учтив, как в окрестностях Тура и Парижа.

Отчасти в силу своей ненависти к простонародью строя цивилизации богатые сразу проникнутся страстным влечением к простонародью фаланги; они будут его рассматривать как людей другого рода и обращаться с ним запросто, вдвойне ужасаясь лживости и грубости цивилизации. Среди гармонического народа они забудут свой ранг так же легко, как они его забывают теперь в обществе вежливых гризеток, которые хотя и вышли из народа, но усвоили хорошие манеры.

Таким образом, я полагаю, что слияние вчерне произойдет уже на втором месяце, что богатый класс первым восстанет против политического принципа цивилизации: *должно быть много бедных, чтобы было несколько богатых*. Этот принцип вскоре уступит место следующему: *надо, чтобы бедные поль-*

зовались постепенно увеличивающимся достатком, *дабы богатые были счастливы.*

Напомним, что одним из главных средств такого слияния будут успехи детей в естественном воспитании или вовлечении их в индустрию и в учебные занятия, причем безо всякого принуждения со стороны отцов и учителей. Это чудо особенно приведет в восторг отцов богатых семейств и расположит их к слиянию.

Согласованное распределение не рушится даже в том случае, если не удастся произвести слияние в первый год. В девятом сообщении мы увидим, что для этого согласия существует средство, независимо от слияния трех классов; оно не могло бы совершаться быстро, если бы опытная фаланга состояла из грубой черни.

Но и при подборе в фалангу вежливых людей из народной среды это слияние будет лишено еще двух двигателей, потому что народ, воспитанный в цивилизации, всегда будет отсталым в смысле требований, предъявляемых к воспитанию в фаланге; с другой стороны, богатые семейства при переходе в ассоциацию не будут иметь с представителями народа связей, возникших еще в детские годы.

Невзирая на эти два препятствия, слияние будет уже возможно вследствие общего энтузиазма; вскоре богатые пожелают сохранить свой ранг только для публичных церемоний и торжественных собраний. Всюду в других случаях коллективная дружба одержит верх и зародит неизвестный цивилизованным унитеизм, о котором я даю некоторое представление в главе XXXII.

Если социальные отношения являются у нас предметом общего раздора, то это потому, что всюду большинство угнетается в угоду меньшинству. Сотня бар развлекается на балу, а сотня кучеров и лакеев мерзнет под открытым небом, наравне с лошадьми, стоящими в снегу и на ветру; то же мучение для поваров и лакеев, готовящих празднество без всякого интереса к этой работе. Она стала бы привлекательна в сериях, построенных на страстях, будь то благодаря интригам приготовления, будь то благодаря интригам по распределению помещений, но главным образом вследствие косвенных домашних услуг, которые в ряде случаев превращают богатого в страстного слугу бедняка.

А так как эти согласия будут очаровательны для богатого, как и для бедного, то оба они проявят одинаково великодушные намерения, чтобы облегчить распределение, отчего будет зависеть поддержание прекрасного порядка ассоциации. Но каково будет удивление кооператоров, когда они узнают, что для установления согласия и справедливости в этом распределении нет иного средства помимо жадности или любви к деньгам и желания получить возможно более крупную сумму. В пятом разделе читатель найдет геометрическое истол-

кование этой странной загадки; не в обиду будь сказано морали, мы увидим, что любовь к деньгам является путем справедливости и добродетели в сериях, построенных на страстях.

ГЛАВА XXXI

О ПРЕДНАМЕРЕННОМ СОГЛАСИИ БЛАГОДАРЯ ОЧАРОВАНИЮ МЕХАНИЗМА

Мы затрагиваем одну из чудесных сторон новой общественной связи: это уже не просто чудесно, но чудесно вдвойне. Наши умники оспаривают способность бога творить; мы увидим, что новый общественный мир способен обладать еще более изумительной способностью — творить чудеса двойные, вершить в любой сфере отношений два чуда совокупно, а не одно.

Недаром природа вселила в нас склонность к феериям; романтические иллюзии в природе нового человека, но в смысле, чрезвычайно отличном от принятого романистами, рисующими нам чудеса только простые. В этом отношении они менее прозорливы, чем сам народ, который прекрасно подмечает и определяет провиденциальную судьбу человека. Принцип гласит: *счастье или несчастье, сложное и ни в коем случае не простое.* Этот принцип выражен в двух простонародных поговорках; одна из них приложима к богатству, другая — к бедности:

1. Деньги всегда идут к деньгам.
2. Нищему — сума. Abyssus Abyssum invocat.

В самом деле, если человек богат, то на него, как из рога изобилия, сыплются синекуры. Бонапарт раздавал крупным банкирам сенаторские должности с окладом в 25 тысяч франков. Если же человек беден, ему даже не хотят дать работу; его честность берут под подозрение, к его бедности прибавляют еще оскорбления. Добро и зло в обществе никогда не бывают *простыми.* Удел человека в обществе — двойственность счастья или несчастья, форма *сложная,* а отнюдь не *простая.*

Не зная этого принципа, наши политические, моральные, метафизические науки все впали в упрощенчество и ошибки, рассматривают социальное движение и человеческую природу как форму простую, считая, что человек создан для простого счастья или для простого несчастья. Этот ложный принцип, который я называю *симплизмом,* вел их от одного заблуждения к другому, вплоть до самого постыдного изо всех — *материализма* и *атеизма* — двух простых концепций, сводящих природу к одному началу — материальному. И век, впавший в это безрассудство, осмеливается еще похваляться высоким парением ума. Я к этому еще вернусь. Рассеем сначала предрассудок, будто назначение человека весьма несложно. На

трех примерах, относящихся к богатству, здоровью и экономии, я докажу, что в нашем домашнем индустриальном быту все будет сложным счастьем и двойным очарованием, когда человек вернется к своей природе — в механизме ассоциации.

1. *Двойное чудо богатства.* Цивилизованные почитают за счастье, когда, в результате своих трудов, они достигают достатка после нескольких лет лишений. $^{7}/_{8}$ из них обречены на лишения в течение своей молодости для того, чтобы в конечном счете на старости лет жить в бедности. Значит, можно назвать привилегированным класс, который ценой труда в молодости приобретает *достаток или маленькое состояние* в среднем возрасте — к сорока годам, когда человек еще в силах пользоваться благами жизни. Такой успех близок к чуду ввиду трудностей, которые приходится для этого преодолевать. Подлинное чудо, если человек, начав работу без капитала, достиг в индустрии большого богатства к сорока годам. Вдвойне очаровательно достичь крупного богатства в раннем возрасте, не вложив капитала, без иного усилия, кроме неумеренного пользования удовольствиями всякого рода. Не чудо ли собрать большой урожай, как будто ничего не посеяв? Таково чудо приобретения богатства в результате наслаждений, которые в цивилизации столь часто разоряют обладающего богатством.

В гармонии это двойное чудо творится на глазах у каждого. В самом деле, так как труд здесь превращен в доходное и привлекательное удовольствие, то каждый достигает богатства, предаваясь наслаждениям, и это — в возрасте 20, 10 и даже 5 лет, потому что гармониец пользуется всеми благами, порождающими в нас зависть: каретами, лошадьми, сворами собак, хорошим столом, беспрерывными зрелищами и празднествами. Все эти наслаждения в гармонии — удел беднейшего из людей: он имеет кареты, своры собак и лошадей, входящие в минимум, равноценный стоимости жизни парижанина с рентой в 30 тысяч франков, все же не имеющего возможности выбора из ассортимента.

А так как в этом социальном строе удовольствия оплачиваются тому, кто их получает, подобно тому как выплачивается дивиденд группам, занимающимся охотой и музыкой, в равной мере как и тем, которые работают за плугом, — этот труд тоже становится привлекательным, и отсюда вытекает:

1) что гармониец с раннего возраста собирает жатву, не сея и помышляя только о своем развлечении;

2) что он обогащается, наслаждаясь многочисленными видами удовольствий, которые теперь разорили бы его в короткое время.

Значит, приобретение богатства для нас вдвойне чудесно, это очарование сложное, а не простое.

Перейдем к другим *сложным* чудесам.

2. *Двойное чудо здоровья.* Правило, на наш взгляд весьма мудрое, заключается в том, чтобы умеренно пользоваться удовольствиями, щадя свое тело; большим и редким чудом считается сохранение здоровья тем, кто погрязает в разврате. Древность дивилась тому, что Нерон сохранил полностью свои силы после 18 лет непрерывных излишеств.

Если бы неумеренное пользование наслаждениями стало средством сохранить здоровье, если бы человек, безудержно предающийся наслаждениям, приобрел наибольшую крепость, такой эффект был бы двойным чудом, совершенно недоступным пониманию цивилизованных, чьи удовольствия обычно ведут к излишествам, подрывающим здоровье. Между тем, в сериях, где всюду существуют противовесы, основанные на разнообразии наслаждений, сила человека возрастает в зависимости от его живого участия в утехах всякого рода.

Я постараюсь это доказать. Получая в течение дня 30 различных удовольствий, человек уделяет каждому из них, примерно, полчаса; тот, кто ограничится 15 удовольствиями, тот уделит каждому из них вдвое больше времени, приблизительно 1 час на сеанс или 2 часа, если он ограничится 8 удовольствиями. Очевидно, что, ограничивая каждое удовольствие получасом, первый гораздо меньше будет злоупотреблять наслаждением, будет больше избегать излишеств, чем третий, который каждому удовольствию посвятит 2 часа. Четыре человека жалуются на несварение желудка после званого и длинного обеда; можно быть уверенным, что трое из них избежали бы расстройства пищеварения, если бы обед продолжался вдвое меньше. Генералы Александра устроили оргию пьянства и обжорства, которая продолжалась всю ночь; 40 из них на следующий день скончались. Если бы оргия продолжалась только 2 или 3 часа, никто бы из них не умер, потому что они избежали бы излишеств, обычных к концу трапезы и когда очень долго засиживаются за столом.

Сообразно этому принципу, чем многочисленнее и разнообразнее будут удовольствия, тем меньше шансов ими злоупотребить, потому что удовольствия, как и работа, становятся залогом здоровья, если ими пользоваться умеренно. Обед, продолжающийся один час, оживляемый беседами, которые мешают быстро есть, предупреждая прожорливость, непременно будет умеренным и послужит восстановлению сил. Наоборот, длинный обед истощил бы силы, дав повод к излишествам, как званые обеды цивилизации — эти банкеты избирателей, франкмасонов, гильдий и иных, где люди проводят полдня за столом во имя нежного братства. Эти длинные празднества цивилизации, эти нескончаемые трапезы и балы — свидетельство лишь убогости, отсутствия развлечения и разнообразия средств.

Гармония, дав возможность, особенно богатым людям, менять по выбору удовольствия каждый час и даже каждые чет-

верть часа, предупредит все излишества в силу многообразия удовольствий; их частая смена будет залогом умеренности и здоровья. Сила каждого будет возрастать в зависимости от числа забав — эффект, противоположный механизму цивилизации, где класс, отдающийся неге и наслаждениям, наиболее слаб физически. Виной тому не удовольствия, но только их редкость, откуда рождается излишество, которое дает моралистам мнимое право порицать эпикурейство. Они проповедуют умеренность *навыворот*, или сопротивление соблазну наслаждений; им неведом режим умеренности в *прямом смысле* или безудержного пользования разнообразными удовольствиями, взаимно уравновешиваемыми и гарантируемыми от излишеств, в силу своего многообразия и переплетения.

Этот механизм не может установиться в цивилизации, он осуществим только в сериях, построенных на страстях. Вся наша мудрость — обратного порядка. Так именно обстоит дело в медицине, где мы проповедуем умеренность, нарочитое самоограничение, вместо гастрософии, или чревоугодия, уравновешиваемого разнообразием, которое утоляет одновременно вкус, воображение и желудок; пищеварительные способности последняго возрастают, когда он имеет дело с лестницей разновидностей, приуроченных к темпераменту.

Здоровье будет, таким образом, непосредственным результатом обилия удовольствий, ныне столь пагубных ввиду излишеств, обусловленных их редкостью. Такой результат будет двойным чудом, или *сложным очарованием,* в сфере здоровья: 1) залогом крепости станет эпикурейская жизнь, в нынешнем состоянии ведущая к потере как здоровья, так и имущественного состояния; 2) изобилие и беспрерывное чередование удовольствий сделает богатство путем к здоровью, тогда как теперь богатство лишь ослабляет, и богатый класс всегда более подвержен заболеваниям. Свидетели тому — подагра, ревматизм и другие болезни, которые обрушиваются на прелата и министра, минуя хижину крестьянина, куда болезни, например лихорадка, проникают только вследствие избытка труда, а отнюдь не удовольствий.

3. *Двойное чудо экономии.* Я на него уже указывал: это свойство серий усиливать экономию прямо пропорционально многообразию прихотей и утонченностей. Фаланга может выпекать 20 сортов хлеба с меньшими затратами, чем если бы она выпекала один. Последний страдал бы тем недостатком, что не мог бы вызвать соперничества, основанного на интриге: в этом случае работы были бы лишены очарования и не приводили бы в действие экономический рычаг индустриального притяжения.

С первого взгляда может показаться странным, как это 50 сортов салата обойдутся дешевле одного и 50 видов карет, предоставленных абонентам, дешевле одного вида; несколько строк рассеят эти сомнения.

Фаланга выращивает много сортов салата и ежедневно получает другие сорта от своих соседей, сообразно правилу, изложенному выше. Значит, для обслуживания 1 600 человек (маленькие дети исключаются) она может подать 7 сортов салата, приправленных каждый 7 или 8 способами, чтобы удовлетворить все вкусы; таким образом, мы получим около 50 салатов различного качества и способа приготовления. Стóит по соображениям мнимой экономии сократить число салатов с 50 до трех,— и весь механизм индустриального притяжения будет опрокинут. Если не будет вызванных интригой споров о качестве и характере приправы, если не будет согласий для образования мелких подразделений, выращивающих салат сообразно различным методам и разнообразящим его вкус; если не будет активного соперничества с соседними фалангами,— тогда соревнование ослабеет, серия, занимающаяся салатом, не будет иметь импульсов, ее продукты понизятся качественно, ее работой будут пренебрегать, и выполнять ее можно будет только с помощью дежурных рабочих, производящих тяжелую работу, и один скверный салат будет стоить гораздо дороже 50 сортов тонкого качества и приправы. То же можно сказать о каретах и о всяком другом предмете пользования.

Умение вести роскошный образ жизни, расходуя не больше, чем при скромном образе жизни, уже само по себе — чудо. Что же сказать об искусстве расходовать на роскошь и великолепие меньше, чем при мелочной бережливости. Это двойное или сложное чудо: двадцатикратно, стократно увеличить наслаждения и при этом сократить расход ниже уровня однообразной жизни, полной лишений.

Эти чудеса нового общественного механизма, которые я здесь ограничиваю *сложным,* или удвоенным, видом, поднимутся в различных отраслях до чуда *сверхсложного,* или тройного, и *двояко-сложного,* или учетверенного (I, 477). Непостижимые чудеса! И однако они будут удостоверены теми, кому доведется видеть фалангу; весть об этих чудесах так ошеломит весь земной шар, что всем состоятельным людям захочется совершить путешествие и увидеть своими глазами результат столь невероятный. Это обеспечит опытной фаланге доход в 40 миллионов от любопытных, допускаемых в фалангу за плату в 100 франков в день, в случае если фаланга примет меры, чтобы развернуть операции в полном масштабе и распространить гармонию страстей на все отрасли, которые удастся охватить вначале.

При виде этих волшебных результатов ассоциации, этих *согласий,* этих чудес, этого океана упоений, обусловленных одним только притяжением, или божественным импульсом, люди будут неистово восторгаться богом — создателем столь прекрасного строя; и всеобщие проклятия станут уделом презренной цивилизации, претендующей на совершенствование. Ее политические и моральные библиотеки будут оплеваны,

разорваны в клочья в первые мгновения гнева и использованы на самую низкую потребу, вплоть до того, что их вновь напечатают с резкой критикой, помещаемой параллельно тексту, — на вечное посмешище роду человеческому (II, 553 и 617).

Здесь уместно будет отметить основное заблуждение философских наук — их упрощенство, или *симплизм*. Они всегда рассматривают природу и назначение человека в простой форме. Упорно маскируя социальное зло, они хотят видеть в нем только невзгоду, или *простое лишение*, в то время как оно бывает обычно двойным, четверным, удесятеренным. Что касается перспектив морального или политического счастья, которыми они нас манят, то это всегда счастье только простое или обманчивое, как счастье любить добродетель, как таковую, независимо от материальной выгоды, славы и величия, связанных с практикой этой добродетели. Такая убогость не может удовлетворить человека, его назначение — сложная форма в счастье, как и в несчастье.

К этой картине следовало бы добавить контрастное зрелище, или параллель, сложных несчастий, которые гнетут цивилизованного. Но мы никогда не добрались бы до конца, если бы в каждой главе говорили хотя бы только необходимое (I, 481 и II, 107). Черновой набросок этой картины заключает 24 невзгоды, удручающие бедных людей при цивилизации. Легко увеличить вдвое эту серию нынешних бедствий, это неизбежное следствие пагубного режима, приводящего всюду к результатам, прямо противоположным благу ассоциации.

Восхищение, которое возбудит механизм серий, построенных на страстях, будет говорить о готовности членов, которые пожнут плоды этого механизма, итти на всякую жертву, необходимую для обеспечения согласованности распределения. Я добавлю специальную главу об этой преднамеренной гармонии; в этой главе, впрочем, не будет никакой надобности, потому что жадности, как таковой, уже достаточно, чтобы установить строгую справедливость, когда индустриальные серии будут правильно организованы

ГЛАВА XXXII

О ПРЕДНАМЕРЕННОМ СОГЛАСИИ, ОСНОВАННОМ НА ТРЕХ ЕДИНСТВАХ — МАТЕРИАЛЬНОМ, СЕРДЕЧНОМ И МЕХАНИЧЕСКОМ

Единство — это слово, наиболее опошленное научным миром. Убежденные в том, что единство должно быть целью социальной механики, но не зная, каким путем его достигнуть, ученые ограничиваются мечтанием об единении людей в социальных согласиях; всякое такое единство призрачно,

одно больше другого, от единства трех властей, из которых одна поглощает две другие — слабые, до единства семейного очага, где один пол — сильный — притесняет два других — слабых.

Одним из чудес, которым будут восхищаться в опытной фаланге любопытные со всех концов земного шара, будет единство действия, согласие страстей, пользующихся полной свободой.

Насильственный порядок вещей, где сыщики и полиция не допускают споров, не есть согласие страстей: грозя тюрьмой и виселицей, мы умеем водворить мир среди 400 семейств какого-нибудь городка; от этого они не станут дружественнее, сердечнее, не станут едины. То же самое относится к внутреннему укладу семейств, где отец, с помощью кнута и морали, водворяет мир, не имеющий, однако, ничего общего с согласием по влечению.

Значит, в фаланге из 1 800 человек нужно, чтобы каждый отдельный человек страстно любил всех других, чтобы он был готов их поддержать в случае надобности своим кошельком.

Любить всех членов ассоциации, скажут мне, физически невозможно, потому что каждому характеру противостоят антипатические характеры. В связи с этим напоминаю, что всякое общее положение, касающееся социального движения, подразумевает наличие исключения в размере $^1/_8$. Любить всех, при наличии 1 600 членов старше 4 лет, значит любить 1 400 в силу прямой привязанности, а 200 остальных в силу косвенной привязанности, в силу тех или иных услуг, ими оказываемых. Если прямая привязанность распространяется только на $^7/_8$, то здесь будем иметь единое согласие. Нарисуем сначала это единство, а затем исследуем его свойства.

Миллионер Доримон, живя в своем особняке, совершенно не интересуется в наши дни живущей рядом рабочей семьей. Это — семья столяров; если Доримон приглашает их на какую-либо работу, он их оплачивает, и этим все кончается; никаких дружественных отношений между ними нет.

В фаланге все эти лица оказывают Доримону ценные услуги: отец семьи отчасти руководит индустриальным воспитанием старшего сына Доримона, который в возрасте 6 лет хочет перейти из дружины *херувимов* в дружину *серафимов*. Ребенку надо представить 7 доказательств своей способности работать в различных отраслях; к столярному делу у него ясно выраженная склонность, и он избрал этот труд для одного из своих испытаний. Столяр Жак так хорошо им руководил, что он сразу допущен к этой отрасли индустрии.

В шести других отраслях его точно так же обучали шесть лиц, в отношении которых Доримон считает себя обязанным, так как их услуги не оплачивались непосредственно. Ребенок и учитель встречаются по взаимному согласию, в силу притяжения и симпатий, и так как старший сын Доримона имеет

с шестилетнего возраста более 30 страстных влечений к различным видам индустрии и искусств, то Доримон чувствует себя обязанным уже не в отношении 30 учителей, но в отношении 100, в силу чистой привязанности содействовавших этому обучению, потому что ребенок в гармонии обычно находит трех-четырех учителей, страстно увлекающихся его обучением в каждой избранной им отрасли.

Доримон имеет еще двух детей 4 и 2-х лет, и заботы по их воспитанию обяжут его по отношению к 200 других лиц, состоящих в сериях нянь, вожатых, воспитателей (менторов) и т. д. Он увидит, что его дети успевают в 10 раз скорее, чем дети цивилизации. Очарованный их успехами, он в силу своей любви к детям проникается любовью ко всем тем, кто их успехам способствует.

Таким образом, в одной этой отрасли отношений по линии воспитания детей Доримон установит 300 дружественных связей с мужчинами, женщинами и детьми фаланги, в которой он живет. В это число я включаю детей потому, что между наставниками всегда оказывается много детей, по дружбе обучающих младшего тому, чему сами они научились у старших годом раньше.

Добавим, что Доримон сам является наставником многих детей, в которых он открывает инстинкт и призвание к своим любимым отраслям индустрии. Очаровательно — обучать молодых, смышленых и ревностных учеников, в которых видишь индустриальных наследников. Заботы, уделяемые им детям, вызывают со стороны их родителей привязанность к нему, равную той, которую он сам питает к учителям своих детей. Таким образом, само по себе обучение создает для Доримона массу дружественных связей, которые распространяются на четверть фаланги. Если Доримон — пожилой человек, имеющий маленьких детей во втором и третьем поколении, его связи, основанные на благодарности за услуги по воспитанию, будут еще более многочисленны.

Исследуя другие отрасли отношений, где Доримон мог бы установить сердечные связи, какова гастрономия, науки и искусство, земледелие, любовь и т. д., мы видим, что он связан корпоративной любовью $^{7}/_{8}$ членов фаланги и что те немногие, с которыми он не имеет прямой связи, пользуются его уважением вследствие оказанных ему косвенных услуг. Он не любит Жиронта, между ними резко выраженная антипатия. Но оказывается, что Жиронт — самый искусный член фаланги по выращиванию спаржи, большим любителем которой является Доримон. По этой причине он покровительствует работам Жиронта, уважает его, имеет с ним косвенное духовное сродство, питает к нему рассудочную дружбу.

Это многообразие связей, этот альянс по страстному влечению со всеми членами фаланги основаны на применении трех средств, указанных в главе VI, а именно: *короткие и разно-*

образные сеансы, выполнение работ по операциям, компактные серии. Иными словами — это есть действие трех механизирующих страстей (глава V), с которыми система индустриального притяжения согласована во всех подробностях. Разве мыслимо без такого разделения труда тесно связать каждого отдельного человека с 30 сериями, с сотней групп или подгрупп и, следовательно, с фалангой в целом?

Именно на этом многообразии отношений, и в частности на интригах гастрономии, комбинированных с интригами земледелия, зиждется общая связь членов. Одному не было бы никакого дела до другого, если бы каждый из них работал изолированно во всех областях, как это бывает при цивилизации, и без многочисленных сотрудников.

Философы нам говорят, что все связано и должно быть связано в системе природы. Значит, нужно сначала установить связи на наиболее низкой ступени отношений, т. е. в сфере домашнего хозяйства. Мы не умеем создать связи даже в маленькой семье из 6 лиц: не будь закона, кнута или морали, в ней воцарился бы раздор. А надо, без помощи этих трех средств, организовать связи по влечению между 1 800 лицами, занятыми домашним хозяйством, самой низшей ступенью общественных объединений. Если это удастся, то ясно, что подобную же гармонию можно установить между 1 800 фалангами, насчитывающими 3 миллиона человек, и между 18 000 и 1 800 000 фалангами, так как механизм — один и тот же для одной или для совокупности фаланг всего земного шара, число которых достигнет 3 миллионов, когда общее население его дойдет до своего предела — 5 миллиардов.

Когда по состоянию первой фаланги будет ясно, что она достигла домашнего и индустриального единства, созвучия характеров, материальных интересов и согласия в распределении дивидендов, то это позволит заключить, что единство скоро установится во всех взаимоотношениях на земном шаре. И чтобы судить об энтузиазме, который вызовет эта надежда, достаточно перечислить здесь некоторые применения единства. Оно воцарится:

1) в языке, типографских знаках и в путях сообщения;

2) в санитарных и карантинных мероприятиях, в коллективных очищениях человеческого рода;

3) в уничтожении враждебных и вредных видов животного царства, а также некоторых растений, болот и т. д.;

4) в восстановлении видов животных и растений, в замене дурных пород ценными;

5) в *сложном* восстановлении климатов (см. примечание А, т. I, стр. 53);

6) в материальных отношениях, в монетах, весах, мерах, меридианах и т. д. вплоть до диапазона;

7) в индустриальных отношениях, общественных работах армий, в начинаниях, относящихся к наукам и искусствам;

8) в отношениях коммерческих и налоговых, в комбинированном снабжении земного шара, в гарантировании пропорционального *минимума* всем классам;

9) в общих согласиях страстей, в искусстве их объединять и развивать на кооперативных основах на всем земном шаре.

Взять хотя бы первое из этих согласий — согласие в области языка, типографских знаков и других средств общения. Как осмеливается цивилизованный мир говорить о единстве, похваляться совершенствованием, возвышенностью мыслей, когда он не достиг даже самого низкого средства гармонии — в средствах общения? Двое цивилизованных — один француз, другой немец, причисляющие себя к самой усовершенственной породе людей благодаря знакомству с метафизикой Канта или Кондильяка, не могут ни понять друг друга, ни договориться. В этом отношении они стоят значительно ниже животных, потому что каждое животное умеет сразу установить между собой и себе подобными все формы общения, доступные данному виду.

Между тем, единство языка и письменности, служащее преддверием для установления всех других видов единства, материально вполне возможно в цивилизации, потому что здесь мы видим прекрасные зародыши. Итальянский язык является теперь общим для всего побережья Средиземного моря и даже Португалии, Марокко и Черного моря. Английский язык — для всего морского побережья к северу от Ламанша. Музыкальные ноты и их итальянская музыкальная терминология переняты во всех цивилизованных странах, невзирая на различия шрифтов.

Таким образом, если цивилизация терпит неудачу в сфере установления самых неотложных единств — единств общения, всеми зародышами которых она обладает, что же сказать о единстве тех мероприятий, где встречаются реальные препятствия? Я имею в виду санитарные карантины, общее искоренение всех случайных болезней — чесотки, оспы, сифилиса, эпизоотий и т. д., которые будут искоренены по всей земле, начиная с 5-го года строя гармонии. Еще более отстает цивилизация в деле избавления от материальных бичей, не неотъемлемо присущих человеческому роду: уничтожение волков, диких зверей, вредителей вроде саранчи, крыс, гусениц, насекомых-паразитов, болотных пресмыкающихся и других, которые чрезвычайно быстро исчезнут при первом же поколении строя гармонии.

В отношении единств можно смотреть соответственные параграфы I, 114 и II, 130; именно, примечание II, 130 о ложной метрической системе, установленной, или *затеянной,* французами, которые избрали ложную базу — число *10* вместо *12* — и которые, сообразно обычаю цивилизации, написали гигантские труды в поисках того, что у них было под рукой, а ме-

жду тем *естественную меру* представляет собой ступня французского короля.

Чтобы установить различие между едиными методами и методами цивилизации, я показал (II, 135, 136), что выборы, которые в нынешнем строе связаны для каждого избирателя с потерей 5—6 дней на проезды, предварительные интриги, предвыборные обеды, баллотировки и т. д., потребуют в строе гармонии меньше одной минуты — даже *всеобщие* выборы, в которых будут участвовать 300 миллионов мужчин, или 300 миллионов женщин, или 300 миллионов детей всего земного шара.

Подробности о единстве наук можно видеть в моей работе I, 268—276 и на основании этого судить о глупости ученых; огромному богатству, которое им сулит строй гармонии, они предпочитают унизительную роль льстецов цивилизации, которая их держит под надзором, как школьников и певцов биржевой спекуляции, которая третирует их, как ученых прохвостов, достойных лишь чердака стоимостью в 50 франков в месяц. Законодательный корпус платит этим «чердачным писателям» по 1 200 франков в месяц. Это — явное противоречие: имея 1 200 франков, никто не станет жить на чердаке.

Ясно одно — ученые попираются другими классами, которые за потоки просвещения платят потоками презрения. Сколько же надо раболепства, чтобы страстно увлекаться цивилизацией, которая топчет их в грязь? Почему не воспользоваться случаем — не выйти из цивилизации и не подняться вдруг на ступень большого богатства, содействуя основанию ассоциации, которая, нуждаясь в их талантах, вынуждена будет их привлечь большими щедротами и к этому неожиданному колоссальному богатству присоединит три других источника: эксплоатацию новых наук, единые премии, дающие миллионы там, где цивилизация наделяет только бесполезными медалями, и выпуск в свет критических произведений о цивилизации и о философских науках, благодатный сюжет которых свыше 20 лет будет для опытных писателей путем неисчислимых прибылей (см. Послесловие).

В этих четырех главах я доказал, что преднамеренное согласие будет царить в четырех сферах:

материальной, или денежного интереса;

духовной, или сердечных связей;

внутреннего, или домашнего, механизма,

и, следовательно, в стремлении к единству внешнего действия, источнику очарования и гигантских прибылей для всего человеческого рода. Когда желание коллективного согласия будет столь общим, то будет очень легко достигнуть согласия в распределении, лишь бы методы были правильны и приурочены к направлениям страстей. В следующем разделе читатель сможет судить, удовлетворяют ли эти методы данным требованиям.

РЕЗЮМЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИМЕНЕНИЯ ИЗЛОЖЕННЫХ ПРИНЦИПОВ

Для характеристики отношений гармонии, для применения изложенных в первом и втором разделах принципов я установил три деления:

Раздел III рассматривает отношения незрелого возраста, ограниченного десятью страстями, не знающего ни любви, ни отцовства.

Раздел IV рассматривает отношения зрелого возраста, наделенного всеми 12 страстями, из коих две — свободная любовь и свободное отцовство — будут в начале гармонии ограничены.

Раздел V займется взаимоотношениями двух классов, обеспечивающими равновесие страстей, распределение прибылей и сочетание социальных антипатий.

Я должен был сначала описать незрелый возраст, потому что он наиболее доступен полной гармонии, будучи освобожден от двух страстей, которые при наших нравах преступны и которые придется обуздывать при первых поколениях.

Говоря о зрелом возрасте (раздел IV), я должен был держаться в узких рамках, не имея возможности говорить ни о свободной любви, ни о свободном отцовстве — двух страстях, которые будут запрещены в течение полувека и подавление которых вызовет огромные пробелы в механизме гармонии.

Отношения зрелого возраста я увязал с двумя крупными проблемами механизма, именно: сплетением индустриальных притяжений (7-е сообщение); преднамеренными согласиями в распределении (8-е сообщение). Повторим кратко наиболее важные моменты этих двух разделов — следствия, наиболее чуждые нашим нравам.

Воспитание. Мы видели, что наши системы грешат во всех пунктах; люди не осознают даже цели, к которой они стремятся, вернее, они не решаются открыто смотреть на вещи. Речь идет о воспитании ребенка для выполнения им своего индустриального предназначения. Если человек должен жить трудом земледельческим или фабричным, то нужно из него сделать земледельца или промышленника, прежде чем сделать его ученым. Таков ход гармонического воспитания, где ребенок, будь он хотя бы наследник мирового трона, воспитывается в садах, птичниках, мастерских и кухнях фаланги с момента, когда он начинает ходить. Здесь он становится земледельцем и промышленником, прежде чем заняться науками. К последним он приступает только мало-помалу, они для него являются как бы вспомогательными к производительным трудам, в которых он постоянно участвует в возрасте с 2 до 4 лет. Затем он жаждет образования, чтобы применить знания к своим трудам, горя нетерпением в них усовершенствоваться. Он получает общее *интегральное* образование,

преподаваемое различными методами, из которых он может выбрать наиболее для него подходящий, без подчинения системе того или иного софиста.

При таком воспитании движение не извращено, ребенок идет прямо к цели — индустрии, добивается научных знаний для применения их к индустрии, чтобы усовершенствовать работы, в которых он находит свое счастье. Вне этого применения учебные занятия всегда вызывают скуку у ребенка, в каком бы виде их ему ни преподносили; а наши методы к тому же не умеют этого делать. Ученикам наших лучших школ надоедают учебные занятия, и учатся они с отвращением. Учителям преподавание надоедает не меньше, чем детям учение. Заработная плата — единственный импульс для учителей; им совершенно чуждо взаимное притяжение, или двойное духовное сродство, между учителем и учеником, как личное, так и в плоскости преподаваемого предмета.

Теперь каждый учитель, каждый пансионат претендуют на роль изобретателя новых методов, а между тем несомненно, что ни один из них не приближается к цели, заключающейся в приложении науки к индустрии и во взаимном притяжении, как я это только что объяснил.

В новейшем воспитании мы видим только одну новую идею — это взаимное обучение, главный метод гармонии. При этом методе профессор, ведя преподавание, в силу притяжения не может разбрасываться и заниматься одновременно с сотней учеников; он занимается не больше как с 7—8—9 слушателями, из коих некоторые передают полученные им знания такому же числу товарищей и т. д.

Уверяют, что этот метод заимствован у греков, чьи идеи мы зачастую воспроизводим, выдавая за новые (см. произведение Дютана об открытиях, приписываемых современным народам. Эта книга мало распространена, потому что она изобилует истинами, неприятными для гордецов и для плагиаторов. Он доказывает, что современные гениальные идеи во всех деталях — не что иное, как перепевы греческой школы, которой нехватало средств для углубления наук, все зародыши которых она открывала. Так, например, теория Ньютона о силе тяготения предугадана была Пифагором).

Школа строя цивилизации, где едва $^1/_{10}$ учеников занимается с увлечением и жаждет науки, может применять метод взаимного обучения только в весьма ограниченном масштабе, потому что здесь нет возможности расположить массу учащихся по группам, отличающимся между собой различными оттенками и увлеченным как приобретением знаний, так и передачей последних.

Антагонисты этого нововведения изображают его как плагиат, взятый у Пифагора. Но если даже допустить, что это — творчество новейших философов, тем позорнее для них: понадобилось 3 тысячи лет, чтобы проникнуть в самую малень-

кую тайну природы, — а ведь этот метод инстинкт подсказывает каждому учителю, выполняющему свои прямые обязанности. И едва этот способ начинает применяться на практике, как возникают шум и споры:

одни признают его бесполезным и опасным,

другие относятся к нему отрицательно как к заимствованному у древности,

для третьих он становится рычагом партийного духа,

и, наконец, признают, что он заимствован у Ланкастерской школы.

Сколь вреден ум цивилизованного! Какая медлительность в изобретениях, какая неурядица в их применении! Какой хаос немощи и пороков — это хвастливое общество, превозносящее свое преуспеяние в деле совершенствования! Если бы оно знало законы социального движения, оно понимало бы, что в воспитании, как и во всем, нужно сначала вести человека к первой цели притяжения, к внутренней и внешней роскоши (здоровью и богатству). Между тем, класс, получающий наилучшее воспитание, наиболее враждебно относится к активному труду (в земледелии и ремеслах) и наименее крепок здоровьем. Он, значит, лишен двух путей роскоши — богатства внутреннего, или здоровья, и богатства внешнего, которое может получиться только в результате производительного труда. Поэтому системы воспитания при цивилизации ложны — как одни, так и другие; некоторые легкие различия не избавляют их от капитальных ошибок, которые мною перечислены.

Восьмое сообщение, трактующее о четырех родах преднамеренных согласий, рисует поразительный контраст между механизмом гармоническим и механизмом цивилизации. Последний, чрезвычайно нуждаясь в преднамеренных согласиях в качестве противовесов для порождаемых раздоров, все же не создает ни одного из этих согласий; между тем как гармония создает эти согласия в избытке, хотя она в них и не нуждается, имея другие удовлетворительные средства для примирения честолюбивых претензий.

С первого взгляда природа кажется здесь непоследовательной: она лишает средств общество, которое в них нуждается, и щедро наделяет ими другое общество, которое может обойтись без них. Порочно ли это распределение? Нет. Оно весьма справедливо, сообразно правилу сложного или двойственного движения (гл. XXXI). Мы видели, что человек создан для двойного счастья или двойного несчастья, но не для простого: отчасти вследствие незнания этого правила философы впали в атеизм; они склонны взять под подозрение существование бога, не зная причины этого закона сложного движения. Закон этот сводится к следующему.

Так как бог создал страсти для нового общественного строя, который будет продолжаться в 7 раз дольше, чем социальный хаос, и так как он наделил этот строй сложным

счастьем и двойными чудесами (гл. XXXI), то строй цивилизации с его разрушительной игрой страстей должен действовать навыворот. Импульсы же 12 страстей, будучи одни и те же в том и в другом строе, не могут не приводить к двоякого рода следствиям по линии добра или зла. Если бы несчастье цивилизованных было только простым, отсюда следовало бы, что и счастье гармонийцев будет только простым. Но было бы досадно, если бы бог, мирволя к временам несчастья, упростил счастье счастливых времен, которое будет продолжаться в 7 раз дольше.

Сверх того, чем выше громоздятся наши бедствия в строе цивилизации, тем лучше осведомлен гений о своем заблуждении, о необходимости искать выхода из лабиринта. Если бы несчастье и несправедливость были только посредственными и простыми, можно было бы полагать, что строй цивилизации действительно способен совершенствоваться, как это уверяют софисты, чтобы избавить себя от труда изобретать лучший. Мы должны предохранить себя от этой ошибки; чтобы мы ее заметили, полезно, чтобы сложное несчастье, или двойное зло, было постоянным плодом всех наших философских реформ.

Читая главу XXIX, мы видели несостоятельность предубеждений цивилизованных против промежуточной разновидности, встречаемой в страстях и характерах, как и в продуктах всех царств. Во все времена ею пренебрегали; не было составлено таблицы промежуточных; а в последнее время один писатель, бросаясь из одной крайности в другую, хотел выделить промежуточное в отдельное царство под именем *психодиер* (psychodiaire).

Это ошибка: промежуточное — не особое царство, но нечто, связующее все царства, подобно логическим переходам в сочинениях, связующим различные их части.

Другая ошибка умников — стремление унизить тривиальное, как и промежуточное, и требовать исключения из исследования движения тривиальной части по той причине, что она не находится на высоте философии. Вернее будет сказать — философия не на высоте движения; она не знает правила *контакта крайностей,* согласно которому система доказательств в механике страстей должна переходить от наиболее возвышенных следствий к наиболее тривиальным.

В теории движения нужен не цвет академической мудрости, но математическая точность и интегральность. Доказательство же является полным, интегральным лишь постольку, поскольку оно применяется к двум крайностям и, следовательно, к промежуточным степеням. Исключить тривиальное значит рассуждать, подобно хирургу, который не захотел бы оперировать те или иные части тела на том основании, что они тривиальны, или химику, который отказался бы анализировать тривиальные вещества. Нужно остерегаться этого за-

блуждения парижских критиков, порицавших меня за то, что я вывожу на сцену, *когда это нужно,* промежуточное и тривиальное, согласно законам о контакте крайностей. Если бы я исключил из моих исследований эти два рода, я не мог бы определить ни корпораций весталат, ни корпораций маленьких орд — двух самых мощных пружин естественного воспитания, хотя их функция тесно связана с промежуточным и тривиальным.

Литераторы цивилизации говорят чепуху, когда касаются вопросов движения. На этот счет у них нет твердых, определенных взглядов, нет разумной установки, как очень хорошо говорит евангелие — *это слепые, которые ведут слепых* (от Матфея, глава 15). Если бы в этом возникло сомнение, то в качестве доказательства достаточно сослаться на изменчивость их доктрин, которые во все времена проповедовали презрение к богатству, а теперь побуждают нас любить торговлю.

Одна газета «Газет де Франс» вполне основательно вскрыла разложение морали, сказав: «Она хорошо гуманизировалась; нежная, угодливая — отныне она нас учит уже не бороться, а уступать». Таковы именно заветы природы, которая желает, чтобы мы уступали притяжению, лишь бы это счастье распространялось на всех в социальном строе, где каждый имел бы способность отдаваться притяжению и *где все было бы связано* сообразно принципу философов, которые учат, что все связано в системе природы и, следовательно, точно так же должно быть связано в социальной системе.

Чтобы создать эту связь, надо, чтобы народ участвовал в наслаждениях, чтобы последние не были привилегией богатого класса. Чего же хочет народ? Прежде всего он дорожит питанием, хорошим столом. Выше я доказал, что даже монарх не может получить полного удовлетворения в отношении питания, если плохо питается народ. Значит, нужно было открыть индустриальный строй (серии, построенные на страстях), который обеспечил бы этот род благосостояния всем классам, в зависимости от их денежных средств, строй, который установил бы связь, рекомендуемую философией, и применил бы ее сначала к средствам существования народа, откуда она должна была бы распространиться на общие средства существования всего земного шара (II, 113), организуя тут связанную систему и сложную форму, соответствующие природе человека (гл. XXXI).

Вместо того чтобы выдвигать эти крупные проблемы, наши моралисты проповедуют презрение к народу и безразличие к его потребностям в угоду коммерческим обманам, жертвой которых он является. Они думают только о том, как бы проникнуть в салоны финансовой аристократии; золотой телец приковывает к своей колеснице весь ученый мир. Наши философы с презрением относятся к моральным похлебкам (gargotte), к жидкой кашке спартанцев, к репам Курия Дентата, к рагу на воде по рецепту гражданки Фоссион. Избалованные

теперь птицей, начиненной трюфелями, за столом финансовых дельцов, они забывают, что народ страдает и что для приобщения его к благосостоянию нужно создать систему, *где все было бы связано,* где счастье распространилось бы вплоть до низших народных классов.

Я соблюдал это правило общей связи в разделах III и IV; я всегда выдвигал параллельно прекрасное и доброе, непрерывно их сочетая. Я не пренебрег цветами ради картофеля, как это было в золотые дни 1793 года, когда сажали картофель в саду Тюильрийского дворца. Не пренебрег я и картофелем ради цветов, как это делают теперь наши усовершенствователи, запрещая, под предлогом стремления к философской высоте, некоторые занятия, которые они называют тривиальными и отсутствие которых обрекает на неудачу благородные занятия. Недаром парижане одинаково нечувствительны и к прекрасному и к доброму; их цветочные клумбы заполнены древовидными одуванчиками и содержатся так же плохо, как и их огороды; вандалы в цветоводстве, они уничтожают цветы осенью, когда они могли бы еще цвести целый месяц (в особенности ноготки); они, равным образом, вандалы и в своем уходе за картофелем, который философия считает ниже своего достоинства. Таким образом, все связано. Если терпишь неудачу в отношении прекрасного, то потерпишь неудачу и в отношении доброго. Это — неизбежный камень преткновения вне серий, построенных на страстях.

Следовательно, нужно переделать воспитание в сфере прекрасного, как в сфере доброго. Мораль хочет занимать женщин только супом; нужно их приучить разбираться в цветах, которых они совсем не знают. Они интересуются только розами, а их мужья уважают только капусту. Отсюда следует, что для гармонического перевоспитания отцов и матерей, вступивших в первую фалангу, нужно использовать цветочные поля совместно с *гастрономией,* поднятой к *гастрософической форме.* И вот по каким соображениям:

Каковы отрасли сельского хозяйства, в которых опытная фаланга сможет работать? Их всего девять:

крупные зерновые культуры,
виноградники,
цветы и оранжереи,
плодовые сады,
сады,
леса,
скот,
птичники, рыбные садки и охота,
кухни и консервирование.

Большинство этих отраслей дадут вначале очень мало поводов для индустриальных интриг: лесами заниматься еще будет нельзя; плодовые сады не представят интереса, разве только пересадки, указанные в смете; животноводство отняло бы слишком много времени в малоопытной фаланге, которая

должна быстро создать активные интриги; крупное земледелие, злаковые растения и виноградники будут иметь тот же недостаток; рыбные садки, вероятно, будут сведены к весьма немногому, цветы и оранжереи представят некоторые приманки. Но самое сильное притяжение сможет иметь место в садах и птичниках — в двух отраслях, тесно связанных с работами на кухне и по консервированию. Эти три отрасли, вместе взятые, связаны с гастрономией. Значит, нельзя будет живо и быстро создать в них интриги без применения интриг гастрономических.

Когда я писал свой трактат 1822 г., я недостаточно углубил этот вопрос: уступая предрассудкам, я слишком мало настаивал на необходимости гастрономии — на средстве, наиболее целесообразном вначале. Я боялся, что эта часть теории покажется недостаточно серьезной, и я ее подкрепил чрезвычайно точными вычислениями (I, 439).

Теперь, после 6 лет наблюдений, которые способствовали созреванию теории, я настаиваю на необходимости базироваться, главным образом, на гастрономии, приложенной к кулинарным и земледельческим работам: это — наиболее верное средство выявить в короткое время промышленные притяжения.

Особенно необходимо разубедить женщин, сплошь предубежденных против этой страсти, приучить их к чревоугодию посредством корпоративных трапез и чередующихся фантазий, смешения полов и подбора приятного обслуживающего персонала. Собравшиеся за столом 10—12 человек сразу веселеют, когда за обеденным столом им прислуживают две-три красивые девушки. Трапеза будет гораздо менее веселой, если прислуживать будут две-три ханжи.

В опытной фаланге стол, за которым обедают женщины, должен в свою очередь обслуживаться красивыми, молодыми людьми. Это — еще один способ привить женскому полу гастрономические утонченности. В дальнейшем я коснусь песен — средства чрезвычайно мощного (9-е сообщение). Помимо того, трапеза понравится женщинам вследствие подбора компаний по страстному влечению путем переговоров, происходящих ежедневно на бирже. Женщины не будут скучать в мужском обществе, которое за столом ведет разговор о конституции, бюджете, трехпроцентной ренте, выборах, о торговле и других тяжелых предметах, убийственных для женщин. Что касается мужчин и детей, то их удастся без труда быстро увлечь гастрономией.

Есть еще много средств промышленного притяжения, которые сильно повлияют на женщин и детей. Таковы *в сельском хозяйстве* цветочные поля, обрабатываемые под подвижным навесом с целью использования цветов для парфюмерии и для семян; *в мастерских* — женщин легко увлечь работой из любезности, доброжелательства, учтивости, какова работа Селианты для Бастиана. Каждой женщине обеспечена воз-

можность работать для того или иного молодого человека, втянуть многих из них в работу, которой они пренебрегали бы без этой приманки; любовь внушит им к этому склонность и толкнет их на путь инициативы.

Из материалов, содержащихся в III и IV разделах, можно сделать заключение, что чем больше свободы предоставляет мужской пол двум другим полам — женщинам и детям, тем он богаче и счастливее. В строе гармонии отец освобождается от разорительного бремени, называемого домашним очагом, от содержания жены и детей, от расходов по воспитанию, устройству, по обеспечению дочерей приданым и т. д.; все находят себе применение в той же фаланге, работая в сельском хозяйстве, на фабрике, в научной области, в сфере искусства, извлекая отсюда большой доход. Отцу остается лишь радоваться за своих детей, не расходуя на их содержание ни гроша. Получаемый каждым членом семьи доход сильно возрастает в ассоциации, как это видно из нижепомещаемых цифр:

	Теперь	В ассоциации	Разница
Ребенок	1	7	+6
Мать	1	9	+8
Отец	5	12	+7
	7	28	21

Таков результат истинной свободы, основанной на силе притяжения. Богатство и счастье расцветут еще пышнее, когда можно будет по истечении полувека организовать свободную любовь и свободное отцовство.

Встречая помехи на пути развития этих двух страстей, ассоциация не встретит затруднений в отношении честолюбия, которое кажется нам страстью самой неукротимой. Мы увидим в разделе V, что эта страсть — самая гибкая и что чрезвычайно легко примирить Цезаря и Помпея, Бонапарта и Людовика XVIII. Эта проблема должна вызвать большой интерес к пятому разделу, к которому мы сейчас перейдем и который научит искусству устанавливать тем больше справедливости и социальной гармонии, чем ненасытнее будут честолюбивые стремления к величию и богатству. Проблема может показаться философам гигантской, но это лишь детская игрушка для того, кто знает теорию механизма *серий*, построенных на страстях.

Я опустил одно весьма полезное предварительное замечание, которое следовало бы предпослать описанию способа распределения: это — исследование соединений на почве страстей, или согласия 16 социальных антипатий. Одно из этих соединений я объяснил при рассмотрении домашней работы по влечению. Я слегка коснулся и некоторых других, этот предмет в целом можно отложить до 9-го сообщения и немедленно перейти к механизму распределения, описания которого читателю, вероятно, уже надоело ждать.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ОБ ОБЩЕМ РАВНОВЕСИИ СТРАСТЕЙ

ДЕВЯТОЕ СООБЩЕНИЕ
О СОГЛАСИИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ

ГЛАВА XXXIII

О КЛАССИФИКАЦИИ СЕРИЙ

Нет ничего легче, как распределить соразмерно капиталу — это операция чисто арифметическая, хорошо известная всем. Но вознаграждение по труду и по таланту, искусство удовлетворить каждого по этим двум статьям столь неведомо, что все цивилизованные жалуются на несправедливость и на убийственное нарушение прав по той и по другой линии: невозможно удовлетворить эти две претензии, если давать каждому отдельному человеку *прямой* продукт его труда в 30 сериях и в сотне групп, где он состоит кооператором. Пришлось бы продавать отдельно каждый урожай и делить выручку за грядку капусты между многочисленными группами, которые ее выращивали на основе выполнения работ по отдельным операциям: одна группа вскапывала грядки, другая сажала капусту, третья поливала, четвертая заботилась о семенах и т. д. Это привело бы к невероятной путанице. Нужен быстрый метод, сокращающий работу, как алгебра по сравнению с арифметикой.

Чтобы объяснить этот механизм упрощенного распределения, нужно научиться сначала классифицировать серии сообразно степени их важности и праву на более или менее крупный дивиденд. Так как каждая серия входит в состав ассоциации, но не является арендатором фаланги, то она получает дивиденд не от продуктов своего особого труда, а от совокупного продукта труда всех серий, размеры ее вознаграждения зависят от места, которое она занимает в таблице функций, подразделяемых на три категории: *необходимых, полезных и приятных.*

Например, серия, производящая злаковые растения, не получает ни половины, ни трети, ни четвертой части дохода от

собранного ею зерна; оно входит в массу продуктов для продажи или для потребления; если же серия, производившая зерно, признана имеющей высокое значение в индустрии, она вознаграждается по первому разряду категории, где она состоит. Серия, производящая зерно, очевидно, относится к первой категории так называемых *необходимых;* но в этой категории можно различать 5 разрядов серий, и вероятно, что серия, производящая зерно — пшеницу, рожь, ячмень, овес, маис и т. д., — окажется в лучшем случае в третьем разряде по лестнице необходимости, потому что труд землепашца и труд по сохранению семян не являются отталкивающими и им должно быть отведено место после отталкивающих работ, которые относятся к первому разряду в числе 5 категорий необходимых работ.

Труд маленьких орд идет впереди всех; затем идет труд работающих на бойне, где маленькие орды участвуют в наиболее грязном деле — в разборе кишок. Работа кормилиц, нянь и санитаров, в качестве отталкивающей, должна занять преимущественное положение перед работой земледельца. Занятия хирургов и медиков, а также дежурных, выполняющих тяжелые работы, которые охватывают много серий, должны быть отнесены к первому разряду — к категории необходимых.

Повторяем, что расположение по рангам регулируется вне зависимости от стоимости продукции; учитывается влияние труда в механике притяжения и гармонии. Я задам сейчас задачу, разрешение которой недоступно цивилизованному. Какой из двух серий, *плодоводов* или *цветоводов,* должно быть отведено первое место? Каждый ответит, что тут не приходится сомневаться, что фрукты бесконечно более ценны, чем цветы; значит, серия, культивирующая фруктовые сады, должна не только быть впереди серии, разводящей цветы, но и находиться в категории полезных, а серия цветоводов — в категории приятных, оплачиваемых ниже. Так будут рассуждать цивилизованные; не имея надобности ни в промышленном притяжении, ни в гармонии, они не умеют ценить их движущие силы.

Это рассуждение никуда не годится и вдвойне нелепо. Серия плодоводов, хотя и бесконечно производительная, останется в категории приятных, между тем как серия цветоводов, производящая едва столько, сколько расходует, перейдет в категорию полезных. Объясним мотивы такой классификации, вытекающие из влияния притяжения.

Фруктовые сады в гармонии — упоительное местопребывание. Уход за ними более всяких других трудов укрепляет здоровье. Встречи с соседними когортами и любовные отношения, о которых я не говорил, присоединяются здесь к тысяче других приманок. Любой фруктовый сад усеян цветочными алтарями в обрамлении кустарников. Работа здесь мо-

жет производиться без подвижных навесов: их заменяют деревья. Ввиду особой прелести этого вида земледельческого труда, соревнования, соединения полов, весьма веселых трапез, устраиваемых в *замке* к концу смены, из 1 000 лиц 990 будут ухаживать за фруктовым садом *по влечению,* по крайней мере, в одной какой-либо части: это будет *бесконечная* серия, или общее притяжение, как серия птицеводства (II, 446).

Значит, серия плодоводов, независимо от ее дохода, должна быть последней по величине дохода, потому что она — самая привлекательная. Другие серии будут прибегать к различным средствам, чтобы укрепить у себя притяжения: она же постарается ослабить интенсивность приманки и всеобщую готовность в нее вступить.

Что касается серии цветоводов, то ее слишком низко оценивают в цивилизации. Ее продукция очаровательна, но ее работа отнюдь не такова. Она требует большой аккуратности, знаний и неослабного внимания, и все это ради весьма кратковременного удовольствия. Но эта работа ценна тем, что приучает детей и женщин к требованиям земледелия, к наукам и к агрономическим утонченностям. Чтобы использовать цветоводство в качестве школы земледелия, природа вселяет любовь к цветам у женщин и детей. Кроме того, труд во фруктовых садах не вполне доступен детям, между тем как работа по разведению маленьких цветочков и даже больших цветов во всех отношениях подходит для раннего возраста. В силу этого серия цветоводов будет помещена во вторую категорию, в разряд полезных.

Эта параллель между плодами и цветами показывает, что гармонийцы в оценке труда руководствуются мотивами, совершенно отличными от тех, которые приняты у цивилизованных, и что количество или реальная стоимость продукта, которая у нас была бы исключительным мерилом для оценки труда, отнюдь не будет таковым в ассоциации.

Она отведет последнее место плодоводству, которое, может быть, является наиболее ценной отраслью индустрии, потому что два пола гармонийцев — женщины и дети — будут жить плодами, как сырыми, так и в компоте и в мармеладе, в большей мере, чем злаковыми растениями. Показатель тому — нынешняя цена сахара, производимого туземцами в Индостане. Засахаренные фрукты — основная пища гармонийцев (II, 113). Хлеб — общераспространенный продукт питания, это — типичное блюдо цивилизованного ломового извозчика, он составляет основную пищу народа и производится из рядовых сортов муки.

С другой стороны, занятия, которые кажутся нам совершенно излишними, например, *опера,* будут в гармонии во втором рязряде необходимых, непосредственно после отталкивающих. Однако, скажут цивилизованные: «обойтись без оперы можно, а без булочников и мукомолов нельзя». Воз-

ражение справедливо с точки зрения цивилизации, чуждой промышленного притяжения.

Однако в главах о воспитании мы видим, что опера — одно из могущественных средств приучить ребенка к ловкости, к единству в промышленных занятиях. В этом отношении опера принадлежит к первому разряду необходимых занятий и в соответствии с этим вознаграждается.

В конечном счете, классификация серий регулируется сообразно общим удобствам, а не продукту. Установим более точно принцип: сериям отводится то или иное место в сложной зависимости от следующих оснований:

1) в прямой зависимости от их содействия связям единства и социальной механики;

2) в смешанной зависимости от отталкивающих препятствий;

3) в обратной зависимости от силы притяжения и сплетения, которую может обеспечить та или иная индустрия.

1. *Прямая зависимость. Содействие единству.* Целью является поддержание новой общественной связи, которая дает богатство и счастье. Значит, наиболее ценной серией будет та, которая, будучи *производительной* или *непроизводительной,* наиболее эффективно содействует укреплению связи ассоциации. Такова серия маленьких орд, без которой весь механизм слияния трех классов и преднамеренная гармония были бы неосуществимы на практике. Значит, эта серия — первая в *прямом смысле,* так как она прямо содействует связям единства; первая она и в смешанном отношении.

2. *Смешанное отношение. Отталкивающие препятствия.* Таков труд шахтеров, санитаров и нянь. Чисто промышленное препятствие часто является предметом развлечения, различные атлеты делают из этого игру; но нельзя себе делать игру из отталкивающей работы, утомляющей чувства, каковой была бы очистка сточных вод, спуск в шахту. Можно преодолеть отвращение в силу долга, чести, религиозного духа, как это делают маленькие орды и санитары. Тем не менее, это наносит ущерб чувствам; между тем как простая усталость без отвращения, какова усталость рабочего, взбирающегося на орешники или вишневые деревья, может стать забавой, реальным удовольствием. На этом основании ассоциация выдвигает на первое место работы утомительные и отталкивающие.

3. *Обратное отношение. Количество притяжения.* Чем сильнее притяжение труда, тем меньше его *денежная* ценность. Поэтому опера и уход за фруктовыми садами должны быть двумя сериями третьей категории — занятий приятных: в деревне нет ничего привлекательнее ухода за фруктовыми деревьями, а в городах — приятнее театра, закулисной интриги: все богатые люди любят участвовать в этих учреждениях хотя бы в качестве акционеров, рискуя потерять значительные суммы.

Серия фруктовых садов отодвигается на третье место — приятных занятий, потому что она имеет заслуги только в *обратном отношении,* обладает сильной дозой притяжения. Она содействует единству не более, чем другие земледельческие занятия. Что касается серии оперы, она оказывает единству исключительные услуги благодаря своему свойству приучать ребенка ко всем видам материальной гармонии. Значит, эта серия ценна и *в прямом отношении и в обратном.* Она относится к первому разряду категории необходимых.

Хорошо комбинируя вышеуказанные три правила, можно притти к точному распределению серий по разрядам в плоскости претензий на денежный дивиденд, выдаваемый труду. Впрочем, некоторые ошибки по этой линии не нанесли бы значительного ущерба опытной фаланге. Этот недостаток метода она компенсирует силой преднамеренных согласий (8-е сообщение), благородной гордостью от сознания, что она изменяет лицо земли и что к ней устремляются мудрецы всех стран света — восхищаться зародышем всеобщего единства. Такое стечение любопытных даст опытной фаланге сумму в 40—50 миллионов при взимании за пропуск только 100 франков в день, не включая стоимости питания.

Я должен повторить, что ошибки в деле классификации серий не нанесут ущерба коллективному согласию, потому что эти второстепенные споры будут растворяться в общей страсти унитеизма (гл. XXXII), которая неизвестна цивилизованным и которая зародится у гармонийцев с первых же дней. Полагая, что они знают все страсти, наши философы уподобляются десятилетним ребятам, которые, восхищаясь своими мраморными шариками, думают, что и в двадцатилетнем возрасте у них не будет более заманчивых утех. Судить о страстях в гармонии, основываясь на страстях в цивилизации, значит подражать крестьянину, который никогда не выходил из своего гнезда и воображает, что его деревенская колокольня — красивейшая в мире, а его кюре — ученейший человек на земле; когда этот крестьянин увидит мир и побывает в столицах, ему придется сильно разочароваться и в колокольне и в ученых.

Так и с будущими страстями, в особенности с либерализмом. Этот термин у нас профанируют, не вникая в сущность этого понятия (гл. XXXV). Среди страстей, которые зародятся в гармонии, главной будет *унитеизм,* или реальная филантропия, основанная на полноценности, полнокровности счастья, на потребности распространить вокруг себя очарование, которым проникнут сам. Тень этой страсти мы видим в событиях, вызывающих радость целого населения. Когда, после десятилетней осады, Троя, наконец, освобождена от осаждающих, троянцы выходят толпой, panduntur portae, juvat ire; опьянение так велико, что ранги смешиваются, все поздравляют друг друга и пересказывают подробности осады: «Здесь были Ахилл и фессалийцы; здесь были долопы». Это — поистине момент брат-

ства, о котором мечтали моралисты. Это — тень страсти *унитеизма,* слияния классов, полнокровного счастья, которое будет беспрестанно царить у гармонийцев и устранит все препятствия, относящиеся к согласиям распределения. Впрочем, мы сейчас убедимся, что для установления гармонии в распределении достаточно, как я уже сказал, любви к богатству.

ГЛАВА XXXIV

О ПРЯМОМ СОГЛАСИИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ, ИЛИ О РАВНОВЕСИИ, ДОСТИГАЕМОМ БЛАГОДАРЯ КОРЫСТОЛЮБИЮ

Наконец-то мы добрались до главного предмета — колоссальной проблемы, как установить ярко выраженную справедливость, полную гармонию в распределении доходов и удовлетворительно вознаграждать каждого, сообразно его трем производительным способностям — труду, капиталу и таланту. Это чудо стремится поднять корыстолюбие от простой формы до сложной.

Вот триумф корысти и жадности, столь оклеветанной моралистами! Бог не наделил бы нас этой страстью, если бы не предусмотрел ее полезное употребление в общем равновесии. Я уже доказал, как чревоугодие, тоже хулимое философами, становится путем к мудрости или к промышленному согласию в сериях, построенных на страстях. Мы сейчас увидим, что корыстолюбие способно производить тот же эффект, что оно ведет к справедливости в распределении и что, создавая наши страсти, *бог сделал хорошо то, что он сделал.*

Цивилизованный человек, находя выгоду только в хищении и в грабеже, должен предаваться этим порокам, пока никто не создал для него других стимулов справедливости, кроме чести быть философом и подчиняться Сенеке и Диогену. Это не противовесы для жадности. Известно, что мир уважает только богатство, хотя бы и приобретенное *правдой и неправдой,* и что, действуя по справедливости, станешь предметом насмешек и обмана. Поэтому цивилизованный остерегается справедливости, как западни. Значит, для того чтобы его вернуть на путь справедливости, нужен режим, где каждый находил бы свою личную выгоду в справедливом распределении; он станет на этот путь только при таком условии. Гармонийцы будут справедливы в распределении, потому что это им даст прибыль, честь и удовольствие. Далее, она доставит те же преимущества массе, которая теперь со всех сторон ущемлена домогательствами отдельных лиц. Значит, наша жадность *проста, эгоистична,* равнодушна к интересу соседа; она станет сложной, когда будет служить одновременно и их интересам и нашему. Исследуем вопрос.

Если бы каждый гармониец, подобно цивилизованным, был занят только одной профессией, если бы он был только каменщиком или плотником, или садовником, то каждый в распределительном сеансе выдвигал бы на первое место свое ремесло и требовал бы наиболее крупного дивиденда для каменщиков, если он каменщик, для плотников, если он плотник, и т. д. На таком порядке распределения настаивал бы всякий цивилизованный. Но в строе гармонии, где каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок, состоит участником сорока серий, выполняя работы промышленные, художественные, научные, никто не заинтересован в неумеренном выпячивании одного из этих занятий; каждый, ради своей личной выгоды, будет рассуждать прямо противоположно цивилизованным и голосовать по всем пунктам за справедливость. Опишем сначала этот механизм в действии, его теорию я объясню потом.

Импульсы, которые увлекают каждого гармонийца к справедливости, я подразделяю на общие и специальные.

1. *Общие импульсы,* применимые к трем способностям — капиталу, труду и таланту. Алипп — один из богатых акционеров; капитал, внесенный им в фалангу, приносил бы ему в строе цивилизации 3—4% (доход от недвижимости), а в фаланге 12—15%, согласно предварительному подсчету, если удастся достигнуть согласия в распределении. Значит, ему выгодно настаивать на справедливости распределения и отвергать любое мероприятие, ущемляющее одну из трех способностей. Если бы в качестве крупного капиталиста он добивался начисления половины прибылей на капитал, примерно так: капиталу $^{6}/_{12}$, труду $^{4}/_{12}$, таланту $^{2}/_{12}$, то два обширные класса, которым приходится получать дивиденд только по остальным двум способностям — *труду и таланту,* остались бы недовольны; притяжение ослабеет, доход и согласия уменьшатся и, начиная с третьего года, общественные связи распадутся. Алипп увидит, что в его собственных интересах установить распределение так: капиталу $^{4}/_{12}$, труду $^{5}/_{12}$, таланту $^{3}/_{12}$. При таком исчислении доход Алиппа в четыре раза превысит его доход при цивилизации; кроме того, оно гарантирует довольство двух малосостоятельных классов и сохранение новой общественной связи. Алипп тем более склонен к такой справедливости, так как он сам имеет возможность получить значительное число долей в различных сериях на капитал и на талант, потому что такие удовольствия, как охота, рыбная ловля, музыка, драматическое искусство, уход за цветами, за птичником, оплачиваются здесь, как и труд на полях и в виноградниках. Кроме того, он установил много дружественных связей с классом неимущих, он им покровительствует и хочет, чтобы им была оказана справедливость.

В этом случае корыстолюбие, которое толкнуло бы его голосовать за начисление половинной доли дивиденда на капитал, находит себе противовес в двух благородных импульсах, а именно: в его привязанности к различным членам серий, которые он посещает и где ему причитается больше всего долей на труд и на талант; затем в убеждении, что его интерес совпадает с интересом коллективным, с удовлетворением фаланги в целом, с ростом промышленного притяжения как источника будущих богатств.

Таким образом, жестокий импульс — корыстолюбие, которое теперь толкнуло бы на преувеличенные претензии, — встречает здесь два противовеса, которые удерживают его в справедливых рамках, направляют его на путь равновесия и справедливости, удовлетворяющий три производительные способности и различных индивидуумов. Это прекрасное согласие страстей — слепок с основного свойства математических серий, что *сумма крайних равна удвоенному среднему.* (В серии 2, 4, 6, $4 \times 2 = 2 + 6$.)

Проанализируем те же противовесы, то же равновесие в импульсах бедного класса.

Жано не имеет ни капитала, ни акций: будет ли он настаивать на предоставлении преимущества труду в ущерб капиталу и таланту? Будет ли он требовать, чтобы дивиденд распределялся в пропорции — труду $^{7}/_{12}$, капиталу $^{3}/_{12}$, таланту $^{2}/_{12}$?

Здесь господствующий импульс благоприятствует труду в ущерб двум другим способностям — капиталу и таланту. Таково было бы мнение всякого бедного человека при цивилизации: крестьянин говорит: *произвожу все я,* он считает принадлежащим ему по праву все то, что он украдет у помещика, который, с своей стороны, считает себя в праве грабить крестьянина. Таково равновесие страстей в строе цивилизации: борьба между грабежом и коварством, называемая совершенствованием.

В строе гармонии бедный Жано будет думать совершенно по-иному. Его самый сильный импульс будет благоприятствовать труду, потому что он не может рассчитывать на дивиденд, выдаваемый на капитал, но два других импульса создают противовес этому грубому порыву алчности. Жано причитается дивиденд на талант, он блестяще выполняет некоторые трудовые операции; для него важно, чтобы талант сохранил свои права. С другой стороны, он знает, каково значение капиталистов в фаланге, какие преимущества извлекает бедный из всех их расходов: участие в бесплатных зрелищах, пользование каретами и лошадьми, участие в корпоративных трапезах, пользование дессертами за столами богатых, индустриальное усыновление его детей. Даже и в том случае, если бы он был не в состоянии сам оценить все эти выгоды, ему растолковали бы это те сорок групп, которые он посещает: корпорации не обманываются в отношении своих интересов.

Эти два импульса настраивают Жано осторожно относиться к таланту и к капиталу и свести долю труда с $^{7}/_{12}$ до $^{5}/_{12}$. Это сокращение, полностью уравновешенное, оказывается для него выгодным, потому что он может быть счастлив только поддерживая фалангу и притяжение, которым грозила бы гибель, поскольку капитал и талант плохо бы вознаграждались. Здесь грубая алчность, преобладающая страсть, которая у нас поглотила бы все, уравновешивается двумя противовесами, двумя импульсами, благоприятными таланту и капиталу, — способностями, на которые Жано имеет меньше всего претензий. Так у Алиппа влияние двух крайних сил уравновешивает двойное влияние средней силы. Гармонийцы всех трех классов — богатого, среднего и бедного — постоянно увлекаются этими соображениями справедливости, благодаря импульсу двух коллективных интересов, борющихся против безрассудной хищности, которая у цивилизованных не встречает никакого противовеса, никакого шанса на выгоду для поддержания общего интереса, на справедливость в распределении.

В ближайших двух главах я буду настаивать на этой склонности всякого бедного гармонийца поддерживать богатый класс и долю на капитал. Я дам неопровержимые доказательства наличия этого импульса. Пока заметим, что в строе гармонии бедный имеет множество шансов стать богатым. В противоположность нашим наемным рабочим, не видящим никакого средства подняться к роли хозяина, он питает надежду видеть своих детей на высоких постах благодаря их знаниям, таланту, красоте, монаршим связям; его небольшое состояние возрастает благодаря его сбережениям, которые сберегательная касса получает копейка в копейку. Он не производит расходов, потому что хорошо питается и хорошо одевается за счет фаланги, снабжающей его в полной мере производственной одеждой и тремя парадными костюмами для трех сезонов. Он не думает, подобно нашим рабочим, о посещении кабаков, потому что он имеет прекрасный стол в фаланге 5 раз в день, вина на выбор и веселую компанию. Поэтому он делает сбережения и помещает в доли акций все, что останется ему после уплаты необходимых расходов. Он — маленький собственник, ему присущ дух собственности, он имеет право голоса в различных советах (conseils) и право участия во всех выборах. Значит, он не может чувствовать отвращения к богатым, с которыми он встречается, которых он беспрестанно хвалит, равным которым он надеется стать. Без этой надежды добиться богатства жизнь становится для человека тяжелым бременем.

2. *Специальные импульсы.* Проанализируем теперь равновесие корысти во всех подробностях. Филинт состоит членом 36 серий, которые он подразделяет на 3 категории: *A, B, C:* в 12 сериях категории *A* он — старый член, опытный — занимает первые места по своей роли, по праву на доход. В 12 сериях *C* он — новый член, малоопытный — может надеяться

только на небольшую долю дивиденда, а в 12 сериях категории *B* он занимает среднее место как по времени пребывания там, так и по таланту и претензиям, которые он может предъявить. Эти трояко рода интересы противоположного характера толкают Филинта в трех разных направлениях и заставляют его, в силу алчности и самолюбия, отстаивать строгую справедливость.

В самом деле, при неправильной оценке реальной заслуги каждой серии Филинту будет нанесен ущерб сначала в части дивиденда, причитающегося ему в 12 сериях, где он занимает превосходное положение и имеет право на наиболее крупные доли. Кроме того, ему будет обидно видеть, что их труд и его собственный недооценены. Правда, эта несправедливость выгодна для 12 серий *C*, но так как тут он занимает второстепенное положение и вознаграждается низким дивидендом, то он не будет компенсирован за ущерб, понесенный им в 12 сериях *A*, где он получает высшую долю. С другой стороны, он не хочет, чтобы серии *C* были унижены, так как он недавно вступил туда по склонности. Он уважает их и помогает их производству, он их поддерживает из дружбы, интриги и самолюбия. Что касается 12 серий *B*, где он член средней руки и получает среднюю долю дивиденда, то в его интересах, чтобы они получили то, что им следует, не нарушая прав категорий *A* и *C*.

В силу всех этих соображений он жаждет строгой справедливости в распределении; это — единственное средство удовлетворить одновременно его интересы, его самолюбие и его привязанности. Добавим еще доказательство детального характера.

Если бы ему удалось поставить в исключительно благоприятное положение 12 серий *A*, где он получает высокие дивиденды, он был бы в проигрыше; в хорошо организованной ассоциации несправедливость обращается во вред ее автору. Я это докажу.

12 серий *A* принадлежат к трем разрядам: примерно, 4 относятся к категории *необходимых*, 4 — *полезных*, 4 — *приятных*. Если бы Филинту удалось установить начала наибольшего благоприятствования, этим не могли бы воспользоваться все три категории, но только одна из них. Таким образом, получая большую выгоду от 4 из 12 серий *A*, он столько же потерял бы на 4 сериях противоположного разряда и ничего не выиграл бы на 4 средних сериях. На совокупности же 12 серий он не получил бы никакой реальной выгоды. Эта несправедливость принесла бы ему только бесчестие, общее недоверие и потерю шансов быть избранным на различные выгодные должности, число которых велико. Потеря общественного доверия чрезвычайно убыточна для гармонийца. Оно безразлично для цивилизованного, потому что выгодные должности в строе цивилизации — не выборные, а если бы и были выбор-

ными, то достались бы они нечестному человеку, так как в цивилизации масса избирателей — всегда игрушка в руках интриганов.

Значит, потребность в справедливом распределении распространяется как на частности, так и на целое. Режим серий, построенных на страстях, естественно *рождает справедливость* и превращает в жажду справедливости мнимый порок, называемый *жаждой золота*. Все наши страсти становятся хорошими, если они развиваются в новом общественном строе, для которого бог их предназначил. Но это развитие должно соответствовать правилам сцепления (гл. V и VI и сообщение 7-е). Если эти правила строго соблюдать, то каждый индивидуум будет вовлекаться в массу серий, правильно построенных по ступеням во всех направлениях — необходимости, полезности, приятности; он будет в них участвовать в различных ролях: в $^1/_3$ из них в качестве опытного члена, в другой трети — в качестве новичка и, наконец, в смешанной роли. Вовлеченный в них таким образом, он будет испытывать только импульс справедливости как в отношении целого, так и в отношении деталей распределения по трем способностям: капиталу, труду и таланту.

Чтобы достигнуть этой цели, забота основателей должна сосредоточиться на средствах сцепления страстей: моих инструкций в этом отношении будет достаточно, если их точно соблюдать, если основатель не будет нагонять экономию на расходах по подготовке почвы для притяжения, по установлению разнообразия в занятиях и по вовлечению членов в большое число серий. Каждый член должен по влечению последовательно побывать во всех сериях: оставляя одну и входя в другую, он остается заслуженным членом или запасным в сериях, где перестал работать.

Метод распределения между группами серий и между членами одной группы таков же, как и при распределении между категориями и разрядами серий, так как движение, по идее Шеллинга, *есть зеркало самого себя во всех отношениях, есть всеобщая аналогия.*

Доля, причитающаяся таланту, ограниченная $^3/_{12}$, а может быть, и $^2/_{12}$, еще чрезвычайно обильна, потому, что в каждой отрасли промышленности имеется масса вновь поступивших членов, не получивших права на доли дивиденда за талант. Число их достигает, по крайней мере, $^1/_3$ по каждой отрасли труда, а зачастую и половины, что обеспечивает большую часть дивиденда другой половине, единственно вознаграждаемой за талант. Доли, причитающиеся труду, не представляют такого шанса, потому что всякий член группы, работая в ней больше или меньше, имеет право на какую-нибудь часть дивиденда. Вот почему труд заслуживает, по меньшей мере, $^5/_{12}$ прибыли, и надо полагать, что доля труда поднимется еще выше до пропорции: *труду* $^3/_6$, *капиталу* $^2/_6$, *таланту* $^1/_6$.

Из сказанного уже ясно, что наши страсти это — колеса механизма, работающего с математической точностью. Я отнюдь не прибегал к помощи систем для преодоления трудностей распределения, я ограничился тем, что применил к игре страстей элементарные правила механики и арифметики: *весы и серию,* что одно и то же. Потому что весы, как и серия, представляют согласие двух крайних сил, создающих противовес удвоенной средней. Если каждая из чаш весов должна поднять один квинтал, нужно, чтобы коромысло могло поднять два квинтала.

Клеветники утверждают, что моя теория покоится на странных и непонятных идеях. Что может быть проще элементарных математических теорем? Вычисление механики страстей будет во всех отношениях подкреплено доказательствами этого рода. Новая наука о притяжении страстей во всех частностях согласована с математикой; страсти, будучи распределены по сериям, это — математика в действии. Например: свойства 4 элементарных кривых, называемых коническими сечениями, чрезвычайно точно отображают свойства 4 групп, лада мажорного и минорного.

Мажорный: Дружба, *круг. Минорный:* Любовь, *эллипс*
Честолюбие, *гипербола;* Отцовство, *парабола.*

Следовательно, моя теория, чуждая духу систематики, напротив, первая и единственная избегла этого порока и сочетает изучение страстей с принципами, почерпнутыми у природы. Она, наконец, прокладывает путь этим равновесиям, о которых столь тщетно мечтала философия. Действительно, мы видели выше, что в механизме распределения основное свойство заключается в следующем: *растворить индивидуальную алчность в коллективных интересах каждой серии и фаланги в целом, а коллективные претензии каждой серии — в индивидуальных интересах каждого члена во множестве других серий.*

Этот блестящий эффект справедливости может быть сведен к двум импульсам, из коих один прямо пропорционален числу серий, посещаемых членом фаланги, а другой — обратно пропорционален продолжительности сеансов каждой серии.

1. *Прямая пропорциональность числу посещаемых серий.* Чем больше это число, тем более член фаланги заинтересован в том, чтобы не жертвовать всеми ради одной, но ограждать права всех 40 дорогих ему компаний против претензий каждой из них в отдельности.

2. *Обратная пропорциональность продолжительности работ.* Чем короче и реже смены, тем больше возможности у члена вступить в значительное число серий; влияния их не смогли бы уравновеситься, если бы одна из них, вследствие длинных и частых рабочих смен, поглощала бы время и заботы своих членов и не оставляла бы места для других страстей.

В этих равновесиях механизма серий господствует *единый* принцип. Это — всегда строгое следование порывам трех руководящих страстей, развивающихся так, чтобы друг друга удовлетворять: *страсть к переменам* (Papillonne) — максимальным разнообразием привлекательных занятий; *страсть к интриге* (Cabaliste) — тройным расположением интриг серии, их методическим контрастом и последовательным расположением по оттенкам видов и разновидностей; *страсть к творчеству* (Composite) — двойным очарованием, удвоенными чудесами, откуда рождается сложное счастье (см. главу об одном дне счастья, 10-е сообщение).

В этой XXXIV главе я описал только прямое равновесие, которое будет немного неполным в первый год. Недостаток опыта и пробелы притяжения обусловят некоторые неправильности. Но сила преднамеренных согласий широко это восполнит, и к концу первых двух лет у людей будут экспериментальные и вполне определенные данные о всех деталях, относящихся к согласию в распределении. Только что охарактеризованные средства достигнуть прямого согласия нуждаются в двух опорах, которые мы найдем в двух последующих главах, где я освещаю вопросы косвенного равновесия и сочетания антипатий.

ГЛАВА XXXV

ОБ ОБРАТНОМ СОГЛАСИИ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ, ИЛИ РАВНОВЕСИЕ БЛАГОДАРЯ ВЕЛИКОДУШИЮ

Согласие может быть прямое и обратное. Согласие, достигнутое благодаря корыстолюбию, — прямое, потому что оно рождается из первой страсти, руководящей человеком при дележе дохода. Оно порождается эгоистическим импульсом. Идеологи именуют его *я* и на нем основывают свои системы. Это *я*, этот эгоизм чрезвычайно неприятен в цивилизации, где он толкает только к хищничеству и к несправедливости.

Наши метафизические науки прославили это *я эгоистическое*, вместо того чтобы искать ему заменителя — *я справедливое*. Таков их обычай: превозносить каждый господствующий порок, чтобы избавить себя от труда искать от него лекарства. Когда восхваляется коммерческая и лживая анархия, то можно вполне возвести в *систему* апологию эгоизма.

Перейдем к *косвенному* согласию в распределении. Природа никогда не ограничивается одним средством равновесия; великодушие, сообщающее второй импульс, обеспечит согласие, противоположное природному импульсу, заставляющему нас желать наибольшей части или, по крайней мере, части, причитающейся нашей индустрии.

Сейчас я рассмотрю чувство великодушия, которое, основываясь на том, что трудовые собрания были сеансами удовольствия, побуждает богатого члена ассоциации отказаться от

причитающегося ему за сотрудничество в этих сеансах. Мы увидим, как этот импульс порождает великодушные и геометрически расположенные согласия, подобные предыдущим. Это применение знаменитой ньютоновой теоремы о равновесии вселенной на основе всемирного тяготения прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния.

Я опишу такое согласие в маленькой группе из 10 человек *A, B, C, D, E, F, G, H, J, L.* Предположим, что они занимаются разведением цветов: их труд вознагражден 216 франками, откуда вытекают следующие доли, рассчитанные только на труд; вознаграждение же на капитал и на талант образует две отдельные доли.

A очень богатый	28 фр.	*F* нуждающийся	36 фр.
B богатый	32 »	*G* бедный	40 »
C зажиточный	24 »	*H* бедный ребенок	12 »
D средний	20 »	*J* ребенок-новичок	8 »
E сводящий концы с концами	16 »	*L* подготовляющийся (aspirant)	0 »

A и *B* хотя и богаты, однако получают большие доли — отнюдь не вследствие особого благоволения к ним; самые богатые иногда работают больше и имеют больше заслуг. Так как все делается по влечению, то нуждаемость не является мерой труда.

И вот *A* и *B*, люди состоятельные, заявляют, что они довольствуются доходом на капитал и не желают брать вознаграждения за труд, выполняемый ими удовольствия ради, совместно с друзьями, обслуживающими любимую ими культуру цветов; они согласны получить только *минимум*, или $^1/_8$ своей доли, потому что обычай запрещает отказываться от вознаграждения вовсе. Этот *минимум* составляет 4 франка; от их двух долей, таким образом, остаются 24 и 28 = 52 франка для распределения.

C и *D* придерживаются тех же взглядов, но, будучи менее богаты, ограничиваются получением половины. Остается для распределения две суммы 12 и 8, а всего 52 + 20 = 72 франка, обращаемых в пользу бедных членов в следующей пропорции, утвержденной голосованием: *E* — 24; *F* — 18; *H* — 12; *J* — 9; *L* — 9.

Благодаря такому великодушию бедные люди, в свою очередь, не чувствуя себя вправе получать высокие доли дивиденда, любят передавать их богатым, потому что эти доли косвенно вернутся к бедным и их детям. Мы видим, что здесь дети *H* и *J*, которых я предполагаю бедными, получают дополнительные доли — 12 и 9 франков из части денег, оставленных богатыми. Аспирант точно так же получает из этих денег небольшую часть, в которой он, может быть, нуждается. Предположим, что бедный ребенок получает в 30 группах такую дополнительную приплату приблизительно в 12 франков; это составит 360 франков сверх его дохода. Благодаря этому у отца будет 30 поводов проникнуться любовью к богатым.

Главная часть отдается *G*, члену, занимающему только посредственное место в индустрии, — это доля благоволения, согласно обычаю гармонии. Вопреки морали, в гармонии следуют влечению своих страстей: группа, или серия, всегда имеет любимцев того и другого пола. Предположим, что *G* — знаменитая весталка, украшение данной местности. Богатым *A* и *B* хочется приобщить ее к своему любимому труду, бедные ее также любят. Все группы стараются ее привлечь в свою среду. Может быть, ей полагалась доля всего в 24 франка, но ей дают долю в 40 франков. Богатые *A* и *B*, довольные этой уступчивостью, тем охотнее отдают свои доли, из которых получают бедные 72 франка в возмещение 16, уступленных ими весталке Галатее. Протекция (faveur), ныне источник несправедливостей, становится в гармонии одним из самых обильных источников согласия. Поэтому будут установлены скипетры всех степеней *фаворитизма* для мужчин и женщин, начиная с низшей ступени, представляющей верховную власть только над фалангой или кантоном, до высшей, или 13-й, ступени, дающей верховную власть над всем земным шаром (омниархат).

В моем трактате (II, 569) это косвенное распределение более пространно изложено и применено к группе в 30 человек, которая дает более разнообразные виды согласия, лучше расположенные в последовательном порядке. Но этого небольшого числа в 10 человек достаточно для анализа косвенного механизма в распределении.

Исследуем теперь геометрическую часть этого равновесия. Если самые богатые члены хотят получить самую меньшую долю дивиденда, если, не претендуя на самую высокую часть дивиденда, причитающегося на их капитал, они отдают все, причитающееся им сверх *минимума,* значит, они стремятся к роскоши, к прибыли *обратно пропорционально расстоянию капиталов,* потому что они — обладатели наибольшей части акционерного капитала. Если они хотят получить в долях, причитающихся таланту, только наименьшую часть прибыли, значит, их стремление к роскоши, в *этих двух плоскостях — таланта и труда,* обратно пропорционально расстояниям капиталов. Это — одно из двух условий косвенного равновесия в распределении.

Другое условие — стремиться к роскоши — *прямо пропорционально массе капитала.* Из суммы $^{1}/_{12}$, которая будет распределена на капитал, богатые акционеры получат тем больше, чем больше у них акций, средние же и бедные в незначительной степени участвуют в распределении этой доли. Богатые по этой линии стремятся к роскоши *прямо пропорционально массе:* чем они богаче, тем больше прибыли они получают. Это второе условие образует противовес первому, и оба, вместе взятые, составляют *косвенное равновесие* распределения, соответствующее распределению звездного мира.

Во всей системе природы равновесия устанавливаются при помощи противоположных сил, которые в физике называются центростремительными и центробежными; равновесие распределения также имеет свой центростремительный импульс, импульс алчности, и свой центробежный импульс, импульс великодушия (закон аналогии).

Во всем механизме цивилизации, где наблюдается отсутствие контрастирующих импульсов, мы наблюдаем нечто противоположное. Богатый стремится и добивается прибыли *прямо пропорционально* массе и *прямо пропорционально* расстоянию капиталов, потому что во всяком предприятии, куда богатый вносит одновременно и свой капитал и свой труд, как в торговом доме, управлении общественного банка, наконец, во всяком акционерном обществе, тот, кто сотрудничает двумя способами — активно ведя дела и внося капитал, — хочет получать не только дивиденд пропорционально массе наличных у него акций, что вполне справедливо, но и домогается оклада жалования более высокого, чем у служащего, не имеющего капитала и выполняющего, однако, наиболее трудные функции.

Значит, он стремится к прибыли *прямо пропорционально массе капитала и прямо пропорционально расстояниям капиталов;* благодаря этому отсутствует противовес, разрушается принцип косвенного равновесия, обусловленный великодушием. Вследствие этого порока механизм цивилизации может породить только уродливости, только муравейники нищих, бок о бок с отдельными колоссальными богатствами. Поэтому, к стыду наших разглагольствований о балансе, противовесе, гарантии, равновесии, мы видим лишь нищету, обман, эгоизм и двойственность действия.

Согласие, только что мною описанное, великодушие, которое побудит богатых людей отказаться от $^{7}/_{8}$ их дивидендов на труд и талант, а средних людей отказаться от половины своей доли, это согласие, говорю я, покажется романтическим мечтанием, если судить о нем на основании нынешних нравов. Сомневающимся я отвечаю, что я еще не познакомил читателя с пружинами этого великодушия. Я авансом отверг упрек в романтизме, указав, что *прямого* согласия, согласия алчности достаточно для первого поколения гармонии и даже для второго. Тем не менее, я должен описать согласие великодушия, или косвенное согласие, чтобы полностью объяснить механизм ассоциации. Это второе согласие можно будет установить только в ту пору, когда человеческий род перейдет к гармониям свободной любви и свободного отцовства, откуда зародятся серии *прогрессивные* и *размеренные*. Объясним эти слова. В математике известны ряды двух видов:

арифметические — 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16,

геометрические — 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256.

Ряды второго вида, это — геометрическая прогрессия, потому что каждое последующее число есть произведение пре-

дыдущего члена на первый. В рядах первого вида каждый последующий член представляет собой сумму предыдущего и первого члена. Значит, второй ряд — более высокого порядка. Именно таковы будут серии, которые сочетают в себе минорное созвучие свободной любви и свободного отцовства с мажорными — дружбой и честолюбием, коими ограничен незрелый возраст.

Когда удастся сочетать аккорды мажорные с минорными, комбинировав в игре те и другие, и привлечь их совокупно к участию в распределении, они дадут во всех отношениях косвенные гармонии, описанные в этой главе; романтические, с точки зрения нынешних нравов, они станут обязательной нормой поведения, основанного на страстном влечении у поколений, достигших полной гармонии.

Размеренные серии, которых я не рассматриваю в этом кратком очерке, будут образованы, как и прогрессивные, только тогда, когда можно будет комбинированно применять созвучия мажорные и минорные.

На это косвенное согласие мне могут возражать, ссылаясь на мнимый недостаток математической аналогии, так как здесь равновесие *обратно* пропорционально расстоянию, а не *квадрату расстояния.* В моем трактате я доказал, что эта кажущаяся аномалия в действительности есть закономерность согласно лестнице существ (см. II, 582, главу, отвечающую на это возражение и на другие).

Остается сказать об особой доле, выдаваемой таланту. Это большое преимущество для малосостоятельных стариков, которые всегда имеют опыт в различных отраслях и ценны для управления теми работами, в которых молодые члены не успели приобрести значительных знаний. Производство, требующее таланта и призванное установить равновесие прибылей для капитала и труда, у нас служит только ступенью к несправедливости, потому что каждый, занимающий высокий пост, приписывает себе знания, заимствуемые у младшего сотрудника, у своего бедного подначального.

Второй способ распределения, согласие благодаря великодушию, или косвенное созвучие, — наиболее эффективное средство для установления тесной дружбы между классом богатым и бедным. Эта дружба будет столь сильна, что монарх в строе гармонии улыбнется с состраданием, если ему предложат телохранителя. Все окружающие будут его телохранителями по сердечному влечению, без всякой оплаты. Они его сопровождают на возглавляемых им торжественных парадах. Таким образом, без всяких расходов, в силу чистой привязанности, он имеет то, чего монархи цивилизации не могут себе обеспечить никакой ценой, — личную безопасность. Наши короли не считают себя в безопасности среди своих подданных, они окружают себя иностранными наемниками и, несмотря на это, их часто убивают.

Именно в силу крайнего неравенства имущественных состояний достигается это прекрасное согласие великодушия. Достаточно тени равенства, сближения богатств, чтобы помешать согласию этого рода. Ни один человек среднего достатка не подал бы пример, отказавшись от причитающегося ему дивиденда сверх *минимума*. Для этого акта доброжелательства нужны члены, могущие удовлетвориться крупным доходом от акций. Таким образом, вопреки резким нападкам морали на крупное богатство, фаланги, где имущественные неравенства будут наибольшими и наилучше расположенными в постепенном порядке, наилучшим образом достигают двойной гармонии — корыстолюбия и великодушия. Бедная мораль! Как далека она от понимания этой тайны природы, гармонии распределения, как и всех других видов гармонии, основой которым она служит!

Разрешив главную проблему новой общественной гармонии, я с достаточным основанием могу выступить против клеветников, которые утверждают, что моя теория — странная и непонятная. Мы видим обратное: она всюду чужда произвола и приложима к геометрическим теоремам, кои, как они говорят, вполне для них понятны. Впрочем, неудивительно, что моя теория кажется странной писателям, которые во всех своих социальных концепциях подменяют правила фантазией и в качестве средства выдвигают насилие, подрумяненное именем закона. Какая из двух теорий — более верный толкователь природы, какая из них достойна доверия и опытной проверки на практике: их ли наука, которая, действуя законным насилием, порождает только бедность и ложь, или моя теория, которая действует посредством свободы и притяжения и которая ограничивает опыт кантоном с площадью в одну квадратную милю? Софисты всегда хотят распространить опыт на целую империю, зачастую это ведет к кровопролитию вместо счастья, которым они соблазняли. Здесь нечего бояться соблазна, потому что опыт серий, построенных на страстях, в худшем случае удвоит доход под влиянием воистину новых средств, как короткие сеансы, выполнение работы по отдельным трудовым операциям, расположение групп в последовательном порядке, основанном на интригах, промышленное притяжение, рождаемое этими 3 средствами в их совокупном действии, широкое развитие механизма, разумное использование полов, неисчислимые экономии этого нового строя и совершенствование, которое он гарантирует во всех отраслях индустрии.

Зачем вы противоречите сами себе, философы? Вы превозносите Ньютона выше всех новейших гениев, потому что он начал исследовать притяжение, ограничиваясь одной отраслью. Зачем же унижать человека, который продолжает это исследование и распространяет исследование с материи на страсти — отрасль, куда полезнее той, которую разработал Ньютон.

Ваши энциклопедисты превозносят серию (ряд), они взяли себе девизом: tantum series juncturaque pollet, они заявляют себя сторонниками серий и применения серий к социальным отношениям. Они взывают к науке, которую я приношу, — средство установить *серии и связь* во всех отраслях социального механизма.

Вы превозносите аналогию как правило точности. Я единственный соблюдаю это правило; только моя теория отображает неизменные законы природы, математические гармонии. Нет ни одной геометрической теоремы, которая не была бы приложима к притяжению страстей. Нет ни одной отрасли аналогии, ключ к которой не дала бы моя теория.

Но вы боитесь, что эта новая наука повредит торговле философскими системами. Успокойтесь! Цель торговли — только заработать. А поскольку все вы достигнете внезапно богатства, не все ли вам равно, какими системами торговать? Впрочем, чтобы здраво судить о ваших денежных интересах, ждите объяснения, дважды обещанного и отложенного до послесловия; оно вас убедит, что ваша нынешняя промышленность полна терний. Вы превозносите дух ассоциации; так как вы обладаете искусством писать, а не изобретать, то присоединитесь к тому, кто обладает искусством изобретать и давать вам темы и открывать вам девственные кладези наук, более многочисленных, чем известные ныне.

ГЛАВА XXXVI

О СВЕРХЧУВСТВЕННЫХ СОГЛАСИЯХ, ИЛИ СОЧЕТАНИИ 16 АНТИПАТИЙ

Говоря о косвенном согласовании распределения (согласие в силу великодушия), я указал на чрезвычайно мощные и совершенно неизвестные средства, которые этому будут содействовать. Я сделаю беглый их обзор (см. более пространные подробности II, 7).

Создатель настолько стремится установить гармонию страстей, что он нам предоставил в избытке средства для согласий с тем, чтобы социальное гармоническое согласие было доведено до наивысшей ступени энтузиазма.

Из всех согласий, неизвестных цивилизации, отрасль наиболее благодарная, это — отрасль *соединений,* искусство примирять наиболее антипатические классы, установить дружественные отношения между богатыми и бедными, любовные отношения между молодыми и старыми.

В новом общественном строе все эти отношения удастся образовать благодаря одному только влиянию числа и серий, построенных на страстях, применяемых к массам от 1 600 до 1 800 человек.

В строе цивилизации наблюдаются, в виде исключения, отдельные сближения. Например, в области любви мы видим,

как вельможи снисходят до встреч с мещанками. Задача наша в том, чтобы создать во всех отношениях сближение крайних и разнородных классов, привести их к полной интимности, невзирая на антипатии, неравенство состояний и положения.

Я указывал, что достигнуть этого результата чрезвычайно легко: надо только действовать на большие массы людей, организовав их в серии, построенные на страстях. В этом случае страсти, теперь самые непримиримые, придут к полному согласию. Я сейчас это докажу на примере четырех соединенных антипатий: антипатия в дружбе, в честолюбии, в любви и в отцовстве.

Дружба. Этой темы я коснулся в статьях о *домашней работе,* выполняемой по влечению. Я там доказал, что личное услужение, которое в нынешнем строе является источником ненависти, может стать зародышем дружбы, даже между лицами чрезвычайно различного возраста.

Любовь. Эта группа равно как и три другие, подвержена четверной антипатии: простая прямая, простая обратная, сложная прямая, сложная обратная. Этот методический набор антипатий может отпугнуть читателя: я ограничусь описанием одного из этих четырех видов, не определяя, к какому роду антипатий он принадлежит.

Валеру 20 лет; Уржеле — 80; если она любит Валера, то она в нем встретит *естественную антипатию* в области любви. Посмотрим же, каким образом приуроченная к некоторым обстоятельствам связь преодолеет это отвращение, противопоставив ему четыре сердечные связи: две связи дружественного характера *A* и две связи федеральные *F*.

A. 1. Валер состоит членом 40 групп, и в некоторых из них он оказывается в очень интимных отношениях с Уржелой. С пятилетнего возраста он вступил в группу голубых гиацинтов, он здесь отличается, и своим талантом он обязан Уржеле, руководительнице этой группы. Она была его учительницей по страстному притяжению, она его обучила всем тонкостям искусства.

A. 2. Валер имеет некоторые способности в граверном искусстве, он делает успехи в этой отрасли, этой победой он опять-таки обязан Уржеле. Будучи старшиной этой группы, она с удовольствием инструктировала ребенка, в котором с раннего возраста признала выдающиеся способности.

F. 3. Валер имеет склонность к науке, совершенно неизвестной в цивилизации, *к алгебре любви,* или вычислению случайных симпатий в любви. Это искусство подбирать массу мужчин и женщин, которые должны питать друг к другу страстное влечение, но которые друг друга никогда не видели; сделать так, чтобы каждый из 100 данных мужчин сразу определил ту из 100 женщин, к которой он будет испытывать сложную любовь, полное созвучие чувств и души, и случайную симпатию, вытекающую из соотношений характеров и случай-

ных причуд. Эта наука требует долгой практики и теоретического осмысливания. Уржела, наиболее опытная из *симпатисток* страны, обучает Валера. От ее помощи он ждет успеха в этой науке, которая в новом общественном строе является путем к известности и к богатству.

F. 4. Валер хочет поступить в индустриальную армию 9-й степени (приблизительно 300 тысяч душ, из коих 100 тысяч женщин), которая предпринимает кампанию с тем, чтобы на Рейне построить в течение весны и лета мосты и плотины и давать каждый вечер великолепные празднества. Чтобы быть принятым, Валер должен был бы иметь стаж 8 компаний, он же насчитывает только 2. Он может быть допущен в армии 9-й степени только в виде исключения.

Уржела занимает пост *высокой матроны, или гиперфеи,* Рейнской армии, заведуя отделом случайных симпатий среди 300 тысяч мужчин и женщин. Она заявляет, что Валер ей будет полезен в такой-то отрасли труда. Таким образом, в виде исключения он будет принят в эту прекрасную армию, хотя и не имеет требуемого стажа. Он отправляется в качестве атташе при квартире гиперфеи.

Вот между Валером и Уржелой четыре связи, содействующие соединению и стремящиеся поглотить естественное отвращение: две дружественные связи *A,* относящиеся к минувшим услугам, две связи федеральные *F,* относящиеся к будущим услугам. В результате Валер почувствует к Уржеле не прямую любовь, но чувство благодарности, косвенное духовное сродство, нейтральную связь, которая заменит любовь и приведет к той же цели. Между Уржелой и Валером установятся отношения на почве только привязанности. Ее 80 лет отнюдь не будут препятствием для Валера, который привык бывать вместе с Уржелой с раннего возраста. Молодость неустрашима в любви, когда у нее есть достаточные стимулы. И Валер первый заявляет Уржеле, что он счел бы себя счастливым, если бы мог выразить ей свою признательность за все то, чем он ей обязан. Он не станет для нее обычным любовником, но он за ней будет иногда ухаживать. Для Уржелы эта победа будет лишена корыстного интереса, низких соображений и совершенно отлична от побед, которые может одержать теперь женщина 80 лет, достигающая связи с молодым человеком только силой денег, без возможности добиться *сложной любви,* связи, удовлетворяющей запросы и чувственные и душевные.

Примечание. Заметим, что в этом соединении я мыслю красивую старость, какая возможна в строе гармонии, где мужчины старше 80 лет будут ухаживать за такими женщинами, как Нинон, и старики будут столь же крепки, как уроженец Валлиса Зуммерматтер, который имел детей от брака, в который вступил в возрасте 100 лет. Некоторые философы предвосхищают эти будущие гармонии: моралист Делиль Дессаль,

автор так называемой *философии природы,* женился 77 лет на девушке 17 лет. Разница возраста составляла только 60 лет. Таковы наши истинные мудрецы, свободные от страстей оракулы разума, восстановители совершенствуемого совершенства.

В любовной связи Уржелы и Валера четыре средства соединения поглотили естественную антипатию и превратили ее в чрезвычайно активную симпатию. Для сочетания было бы уже достаточно двух поглотителей вместо четырех. Этого было бы достаточно, чтобы создать сложное очарование (гл. XXXI).

Нынешнее поколение не будет в должной мере располагать средствами гармонии, чтобы противопоставить *четыре поглотителя* каждой естественной антипатии. Но можно будет более или менее приблизиться к цели, пустив в ход *два поглотителя.* Для начала это уже будет великолепно. Этого будет достаточно, чтобы дать представление о чудесах будущей гармонии и наметить уже в этом поколении систему регулярных соединений уравновешенных, *обусловливающих поглощение коллективных соперничеств и антипатий каждого класса посредством согласий, образуемых отдельными представителями, рассеянными в различных группах, где они в лице антипатичных им лиц имеют прямых и страстных сотрудников, как Валер и Уржела, или косвенных, как Жеронт.*

Остается описать два вида сближений из области честолюбия и отцовства. Я их применю к антипатиям еще более сильным, чем любовная антипатия между возрастами 20 и 80 лет. Сначала рассмотрим честолюбие и свойственные ему черты ненависти. В цивилизации существует 16 классов, не включая рабства (II, 486). Между всеми этими классами наблюдаются взаимные отношения корпоративной ненависти. Строй цивилизации, со своей болтовней о нежном братстве торговли и морали, порождает только лабиринт раздоров, которые можно подразделить на

восходящую лестницу ненависти и

нисходящую лестницу презрения.

Рассмотрим эту лестницу, состоящую из пяти классов — двор, дворянство, буржуазия, народ и чернь. Эти пять каст друг друга ненавидят, и каждая из них подразделяется на три группы, как то: высшее, среднее и низшее дворянство, крупная, средняя и мелкая буржуазия и т. д. Высшая презирает среднюю, которая в свою очередь презирает низшую; затем низшая ненавидит среднюю, которая в свою очередь ненавидит высшую.

Исследуем подробно этот рикошет ненависти и презрения в восходящей и нисходящей лестнице. Придворная знать презирает дворянство, не имеющее доступа ко двору; дворяне военные презирают дворян-чиновников; крупные помещики презирают мелкопоместных; последние презирают выскочек, получивших дворянство, а эти в свою очередь презирают

мещанство. Среди буржуазии опять подобная же лестница презрения: банкиры и финансисты, презираемые дворянами, утешаются тем, что презирают крупных торговцев и крупных собственников; последние, гордясь своим положением *избираемых*, презирают мелкого торговца и мелкого собственника, которые являются только избирателями; последние на том же основании презирают ученых и другие малоимущие классы; затем мелкая буржуазия презирает народные массы и гордится тем, что она отличается от них своими манерами. Наконец, между народом и чернью сколько подразделений ненависти: ненавидят друг друга сотрудники по *цеху*, по *танцам* и т. д. Таково нежное братство торговли и морали. Такова практическая применимость наших филантропических наук; рикошет презрения от высших к низшим и рикошет ненависти от низших к высшим.

В строе цивилизации мы видим некоторые проблески сближения каст; например, в Неаполе дворянство помогает бедным, а в Испании богатое духовенство помогает нищим; но такое сближение крайних каст является только источником пороков. Строй цивилизации создает только разрушительные и вредные связи как в *любви*, где сближения между вельможами и женщинами из народа суть только зачатки беспорядка вследствие появления незаконнорожденных детей или раздоров, вносимых в семьи неравными браками, так и по линии честолюбия: богатый класс сближается с народом только для того, чтобы устраивать интриги, гибельные для общественного спокойствия, стряпать партийные дела, создавать союзы для нападения на противника.

Задача заключается в том, чтобы в интересах общего блага соединить все эти разнородные касты, особенно в случаях честолюбивых споров. По этому поводу установим совершенно новое положение: цивилизованные люди, даже наиболее ненасытные в отношении власти, завоеваний или богатств, не имеют и четверти честолюбия, необходимого в строе гармонии.

После падения Бонапарта в качестве примера его сумасбродства приводили отданный им в Москве приказ отчеканить медаль с надписью: *Бог на небе, Наполеон на земле*. Значит, он хотел оставить богу власть на небе, а себе захватить власть на земле: претензия ужасная в глазах французов, которые не осмеливаются приобрести даже *французскую* провинцию, находящуюся в семи переходах от их столицы (Льеж — по языку и территории — французский).

Жажда всемирного владычества, выявившаяся в этом примере о медали, была самым разумным в стремлении Бонапарта. Каждому гармонийцу, женщине или мужчине, безразлично, будут с детства внушать честолюбивое стремление к мировому владычеству. Жалким субъектом, политическим евнухом будут считать того, кто склонен довольствоваться второстепенной верховной властью, вроде трона Франции.

С первого взгляда мой тезис может показаться странным; его исследование поможет нам уяснить себе одно из прекрасных соединений честолюбия, о котором я уже говорил: *Нет ничего легче, как примирить Цезаря и Помпея.* Этого удается достигнуть благодаря разнообразию и множеству скипетров, которые откроют каждому поприще, соответствующее его гению. Цезарь и Помпей будут оба царствовать, может быть, в одном и том же месте, но на различных постах и в различных степенях. О постах или титулах монархов см. примечание [1].

Эти скипетры всех титулов и всех степеней будут доступны для любого мужчины или женщины, не исключая титула *наследственного,* титула монархов цивилизации и титула *преемника,* которым наши верховные правители не имеют возможности пользоваться; это лишение часто делает их несчастными: это — мучение для их старости.

Так как верховные правители обоего пола с титулом наследственным должны избирать себе родителя или родительницу в каждом территориальном делении их государства поочередно, то каждый гармониец может надеяться, что этот выбор падет на него или, если он человек пожилой, на одного из его сыновей или внуков. С другой стороны, так как всякий наследственный монарх имеет возможность выбирать частичного наследника по своему усмотрению для передачи ему некоторых отраслей верховной власти, то каждый гармониец может также претендовать на эту должность преемника, которая не наносит ущерба ни государю, ни гражданам, в отличие от цивилизации, где граждане не могут претендовать на

---

[1] В строе гармонии скипетры будут 16 видов и титулов, образуя 16 различных должностей и столько же тронов: титул наследственный, преемника, фаворита, весталат, Сибиллы, или воспитания, титул царька, или детства и т. д. и т. д.

В каждом из указанных скипетров различается 13 ступеней или целая лестница суверенов, из которых наивысший правит всем миром, самый низший — только одной фалангой; 11 промежуточных степеней имеют прогрессирующие сферы управления: от одной фаланги до всего земного шара. Так что по степени 1-й, дающей право управлять одной фалангой, будет 500 тысяч пар, занимающих эту должность в начале гармонии, ибо всего будет 500 тысяч фаланг, и каждый скипетр обеспечит женщине право на определенную функцию, вместо нынешней власти номинальной, почетной и лишенной функций.

В этой лестнице должностей и степеней очень легко примирить таких соперников, как Цезарь и Помпей, потому что одному могут присвоить выборный титул любимца народа, другому — артиста и т. д.; они слишком различаются по талантам, чтобы подвизаться на одном и том же поприще. Наконец, один может царствовать в качестве монарха избираемого, другой — в качестве наследственного. Оба они (и все четверо, если имеется четверо соперников) смогут царствовать в Риме, либо с одними и теми же титулами, но в различных степенях, 1-я, 2-я, 3-я и т. д., либо в тех же степенях и с различными титулами; соответствующие разъяснения дали бы, по крайней мере, дюжину таблиц о степенях, титулах, вариантах, скрещиваниях и других шансах, которые могут удовлетворить все характеры и все претензии. Но в кратком изложении заниматься такими подробностями неуместно (см. I, 286).

трон на основании связи с монархом, а монарх в свою очередь не может передать кому угодно свой скипетр или часть своих функций.

Но где взять необходимые сокровища для оплаты стольких коронованных голов? Я уже сказал, что степени 1, 2, 3, 4, 5-я каждого титула не оплачиваются, за исключением местных расходов. Оклад жалования присваивается только степеням 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12-й и 8 стержневой, которые требуют сравнительно небольших расходов вследствие их малочисленности, потому, что 6-я, охватывая приблизительно 500 фаланг, требует в 500 раз меньшего числа монархов, чем 1-я. Экономия возрастает при переходе к 7-й, содержащей приблизительно 1 700 фаланг; 8-я — приблизительно 7 000; 9-я — приблизительно 20 тысяч; 10-я — 83 тысячи; 11-я — 250 тысяч. Вначале не будет монархов 12-й степени, которые управляли бы приблизительно 1 миллионом фаланг, их будет только 500 тысяч. Значит, будет установлена только одна пара для степени 11-й, 3 пары для степени 10-й, затем 12 пар для степени 9-й и т. д. по каждому из 16 титулов. Эта лестница поднимется до 12 степеней и 8, когда население земного шара достигнет 5 миллиардов человек.

Оклад жалования монарха слагается из суммы, взимаемой со всех фаланг при составлении годового отчета до распределения дивиденда и без прямых издержек со стороны народа. Последний сильно поддерживает этот налог, находя в нем шанс вечной лотереи и счастливой случайности, почти не ставя ничего на карту, потому что этот налог бьет по капиталам, из которых народ владеет только небольшой частью, и по доле, причитающейся таланту, являющейся уделом старости, более богатой, чем молодежь.

Благодаря перспективе этих верховных должностей, почти сплошь выборных, молодой человек, молодая девушка могут надеяться стать монархами земного шара, избранниками первой степени (омниарх). Отец предрекает, что его дети получат эту должность с тем или иным титулом, той или иной степенью, если не должность омниарха, то, по меньшей мере, должность монарха второй степени, царствующего на одной трети земного шара, или монарха третьей степени, царствующего на $^1/_{12}$. Впрочем, скипетров различных видов и степеней имеется столько, что есть полное основание надеяться на получение одного из них. Та или иная молодая девушка может обладать скипетром маленькой царицы с 12-летнего возраста, затем скипетром весталки с 16—17—18 лет, далее скипетром факиресс в 20—25 лет, потом скипетром армии главной паладинки, гиперфеи и т. д., наконец, скипетры по линии наук и искусств. Есть даже скипетр особого вида, титул *характера,* которым наделяет природа (см. гл. XXXVII); он непременно достанется тем, кто будет одарен характером особого рода и степени. Значит, каждый, не впадая в иллюзии,

может убедить себя в том, что он или его дети достигнут какой-нибудь из высших корон. Тот, кто не обладает талантом, чтобы стать крупнейшим поэтом, крупнейшим художником, может надеяться, что его сын этого достигнет и получит троны, присваиваемые этой функции, скипетры, присваиваемые только на один или два года, дабы можно было последовательно их предоставлять достойным.

В таком строе каждый может в любой момент рассчитывать на приятные сюрпризы видеть своего сына или дочь, или друга на высоком выборном посту верховного правителя; и следовательно, вполне нормально, чтобы человек многого желал, честолюбиво домогался обладания скипетрами мира, а не троном среднего порядка вроде трона Франции. Достоин осмеяния человек, который стремится стать посредственным поэтом, посредственным живописцем: художник должен домогаться первой роли, следовательно, мирового трона, когда различные венцы всех степеней будут наградой за успехи в искусствах и науках. Отсюда следует, что те, кто питал честолюбивые замыслы мирового владычества, как Александр, Цезарь, Бонапарт, наиболее близки природе. Не наши страсти нужно критиковать, но цивилизацию, которая не открыла для них никакого поприща, особенно по линии удовлетворения честолюбия. Теперь человек не может подняться выше ранга *сменяемого* министра, притом сотня терпит неудачу и только один преуспевает. Какая бедность шансов, предоставленных честолюбивым людям!

Другая отрасль народного честолюбия, неуместно критикуемая, это — счастливые случайности лотереи или романтических приключений. Этот род удачи предназначен народу. Ежедневно бедный простолюдин сможет для себя лично или для своих детей или для друзей получить какой-либо видный пост, неожиданное богатство; это — лотерея, где можно только выиграть, но не проиграть и где на долю каждого периодически выпадают счастливые находки. Например, девочка 11—12 лет назначена маршалом маленьких орд в государстве, обнимающем 3—4 таких халифата, как Франция; назначение тем более почетное, что оно является результатом голосования приблизительно 20 миллионов детей, большинство которых не может пленить никакая интрига. Для нее это путь к должности маленькой верховной царицы земного шара, должности, которую она сможет получить в следующем году благодаря какому-нибудь выдающемуся поступку. Присвоенный этой должности оклад, хотя и довольно скромный, явится уже большим богатством для ребенка; получая в 12-летнем возрасте гонорар в 3 франка с каждой из 20 тысяч фаланг, маршалом которых она в течение года состоит, она приобретает сумму в 60 тысяч франков; если в 13 лет она будет назначена маленькой мировой царицей с окладом в полфранка, это соста-

вит 250 тысяч франков, вносимых 500 тысяч фаланг земного шара, что будет большим богатством для бедного ребенка.

Народ любит лелеять надежду на получение подобных должностей для себя и для своих близких. Все эти счастливые случайности, будучи в гармонии наградой за истинную заслугу, заставят отцов и матерей воспитывать в детях любовь к наукам и искусствам и всем видам полезного труда, готовность к выдающимся благородным поступкам всякого рода. Низший класс с радостью согласится на установление небольшого налога в размере $^1/_{50}$ прибыли на покрытие расходов по содержанию многочисленных чиновников, занимающих посты верховных правителей, министров, генералов, в лице мужчин, женщин и детей; прелесть этих должностей ясна детям, как и отцам, в любом возрасте. Маленькую девочку начинают назначать на высокие должности уже с 12 лет; она и ее отец отсюда заключают, что 12 годами позднее она может стать любимицей всего мира[1]. Так как выбор на такую должность основывается только на слепом предпочтении, то нужно уметь очаровать область, государство, цезарат, весь мир, представленные в больших армиях и конгрессе из 5 десятков государств. Молодая женщина, которая умеет поставить у своих ног 50 армий, избирается фавориткой земного шара. Все невинные средства, талант, красота, любезность ей дозволены, она может даже, сообразно решению Саншец (Sanchez), пустить в ход *прозрачную косынку*, которую этот казуист допускает, когда речь идет о воздействии на судей и о выигрыше процесса. Он тем более это разрешит, когда речь будет итти о пленении армий и о возвышении к трону мира.

Какое поприще для милых женщин, власть которых столь ограничена в цивилизации, и точно так же для выдающихся мужчин по уму или по таланту! Какое могущественное средство приблизить народ к вельможам и к высоким положениям, к которым он теперь относится враждебно, потому что не может рассчитывать когда-либо их занимать! Эта перспектива скипетров и положений (II, 518) поглотит всю ненависть народа по отношению к высшим кастам, она произведет одно из наиболее прекрасных сближений по линии честолюбия. Сейчас я приведу четвертую группу сближений, наиболее трудную из всех.

Отцовство, отцовская и сыновняя любовь. Этот предмет невозможно точно изложить в сокращенном виде. Я могу

[1] Скажут: возможно ли, чтобы верховные правители согласились на создание стольких новых скипетров? Праздный вопрос! Всякое постановление решается в гармонии согласно индивидуальному и коллективному желанию верховных правителей и народов. Нужно, чтобы каждый вид верховной власти или каждый вид должностей был наследственному монарху столь же приятен, как теперь должности министра и маршала, которым он завидует не больше, чем большой палец завидует другим пальцам, которые он отнюдь не хочет отрезать в обеспечение своего превосходства.

здесь только упомянуть о нем, отослав за подробностями к трактату (II, 527—540), который также слишком краток для этой проблемы.

Опишем факты, прежде чем установить принципы. Нужно принять во внимание людей в возрасте 140—150 лет: в гармонии таких 1 на 12. Они встречаются уже и теперь. Недавно британский журнал привел список зарегистрированных не так давно 50 человек возраста от 140 до 180 лет.

Итурьель, умерший в 150 лет, видел свое 7-е поколение, имел 120 потомков. Имея в первом поколении только сына и дочь, уже разбогатевших, он завещал крупные доли наследства потомкам 6-го и 7-го поколений. Если бы он завещал все первому поколению, члены 6-го поколения стали бы в силу этого желать смерти родственникам из первого поколения. Своему прямому потомству, насчитывавшему уже 7 поколений, он оставляет, примерно, 120 долей наследства различной величины, что в совокупности равняется половине его состояния; две остальные четверти распределяются между сотней индустриальных преемников, которым он присвоил этот титул при жизни, и сотней друзей и боковых родственников, включая в это число его жен, которые сами богаты и не нуждаются в больших долях наследства.

Распределенное таким образом наследство косвенно пойдет на пользу всей фаланги, потому что оно достанется более чем 300 лицам, из коих каждый может иметь в фаланге либо единокровных, либо усыновленных 5—6 наследников, сверх 300 наследников Итурьеля. Благодаря этому рикошету наследство со временем распределится между 1 800 членов. Даже и в том случае, если бы $^1/_8$ часть не участвовала в этом распределении, наследство все же будет распределено унитарно, потому что распространится косвенным путем на $^7/_8$, которые в социальном движении считаются за целое. Сверх того, эта исключенная $^1/_8$ часть приобщится к наследствам других богатых людей. Значит, если фаланга насчитывает в своем составе 40 богачей, то всякий бедный человек их рассматривает в массе как своих дарителей, потому что он может надеяться на получение части наследства от 35 из них либо прямо, либо косвенно; и он становится сторонником богатых людей, рассчитывая на приобщение к наследству 35 богачей из 40. Именно таким образом установится равновесие в семейной любви, и она станет способом сближения неравных. Это равновесие и равновесие страстей может быть установлено лишь постольку, поскольку оно развивается по линии удовлетворения массы населения, коллективно и индивидуально. Но, чтобы привести к этому семейные отношения, нужно будет с режимом серий сочетать долголетие, которое осуществится только постепенно в 7-м и 8-м поколениях. До этого момента придется ограничиться приближениями к механизму.

Мораль учит нас рассматривать себя как члена большой братской семьи. Эта болтовня лишена смысла. Лазарь — молодой человек чрезвычайно бедный: может ли он считаться братом богатого патриарха Итурьеля, не получая никакой доли из огромного состояния этого патриарха, ни из наследства, ни из других источников? В строе гармонии Лазарь может надеяться на эти преимущества. Он может быть одним из прямых потомков или одним из промышленных преемников Итурьеля, или одним из его боковых родственников, или одним из *косвенных* наследников. Пока Лазарь встречается с Итурьелем в различных группах, где они — товарищи по работе, и за трапезами, которыми этот старый магнат угощает свои группы в качестве старшего ветерана отрасли промышленности, в которой он в свое время блистал и о которой любит беседовать.

В наши дни Лазарь не получил бы и крохи со стола этого богача; в строе гармонии он приобщится к его состоянию. Он будет испытывать братское чувство к нему и равным образом к другим магнатам фаланги, на которых он возлагает подобные же надежды. Но *теперь* может ли Лазарь чувствовать какую-нибудь братскую привязанность к эгоистам, от которых ему нечего ожидать ни в настоящем, ни в будущем? Философы нам говорят, что все должно быть связано в хорошей системе. Какую же связь видят они между богатыми и бедными в их цивилизации, насквозь пропитанной ненавистью и эгоизмом?

Одно из следствий, вытекающих из сближения по линии отцовства, это — открытая любовь наследника, его искреннее желание, чтобы даритель дольше жил. В строе цивилизации нет ничего более отвратительного, чем тайные чувства наследников к своим благодетелям. Нынешний строй сталкивает *любовь и интерес*. Ясно, что $^{9}/_{10}$ наследников будут прислушиваться только к голосу интереса и желать смерти тому, от кого они ждут наследства. С другой стороны, цивилизация приучает каждого отца глушить в себе человеколюбие, милосердие для обогащения потомства по прямой линии, сосредоточивать свой общественный интерес исключительно на детях, а зачастую только на старшем сыне, принося ему в жертву младших сыновей и дочерей. В стране, где отцы не обуздываются законом, они своих детей подкидывают и продают, разыгрывают их в кости и уродуют посредством кастрации, чтобы на этом наживаться. Связь между семьями должна служить лекарством от этой двойной развращенности — отцов и детей. Задача такова: *установить между завещателями и наследниками, как единокровными, так и усыновленными, достаточно живую привязанность, чтобы наследник желал долголетия завещателю, которого теперь он торопится спровадить на тот свет.*

Эта задача решается так же, как и предыдущая: лотерея хороших выигрышей, периодические наследства. Радость получить наследство, столь редкая в цивилизации, в строе гармонии явление столь же частое, как чередование четырех времен года. В самом деле, каково бы ни было долголетие гармонийцев, ежегодно кто-нибудь будет умирать, хотя бы $^1/_{100}$ из 1 800. Среди них будут трое очень богатых, четверо среднего достатка, пять с маленьким состоянием и шесть бедных. Если наследство распределится, как я это уже сказал, $^1/_8$ по прямой линии, а $^6/_8$ косвенно, то каждый будет получать в течение года, по меньшей мере, 1—2 наследства по прямой линии и 4 косвенно. Эта периодичность наследований необходима в общественном строе, который должен повысить все удовольствия до бесконечности.

Жажда наследств полностью утоляется этим рассеянием, только что мною описанным. Оно приучает молодого человека к периодическим счастливым находкам в долях наследства по прямой линии или по усыновлению. Частое получение наследств делает его менее алчным, ибо он имеет чрезвычайно мало неудовлетворенных потребностей в строе гармонии, где он без всяких расходов получает удовольствия, интересные его возрасту в большинстве случаев, к тому же выгодные для него. Он приучается рассматривать наследство как плоды, постепенного созревания которых люди терпеливо ожидают. Когда есть вишня и земляника, то не хочется винограда; но если в течение целого года имеешь только один вид фруктов и то лишь в продолжение недели, то в течение 50 недель будешь испытывать живое нетерпение. Таково положение наследников в строе цивилизации, оно еще хуже для тех, кто не может рассчитывать ни на какое наследство; а таких людей много.

В строе гармонии молодежи совершенно чужд гнусный и прожорливый характер наследников цивилизации, желающих смерти дарителю. Гармониец, ежегодно собирающий несколько долей наследства, без труда, спокойно ожидает будущих наследств. Он их рассматривает как обеспеченный резерв, как лес, рубку которого откладывают, чтобы увеличить его ценность. Наследник гармониец в своих собственных интересах желает долголетия завещателю, чье богатство неуклонно растет. И когда наследство ему выпадает, он может искренне сказать: «Я желал бы подольше его не получать: таким образом я имел бы одним другом больше и становился бы богаче, потому что этот друг сохранял и увеличивал бы мою часть, в которой я не нуждаюсь».

Примечание. Обилие должностей и общественных функций обусловливает в строе гармонии такое же великодушие со стороны всех претендентов, ныне столь нетерпеливо ожидающих смерти лиц, занимающих эти должности или выполняющих эти функции. Когда обладаешь двумя десятками должно-

стей, нельзя быть жадным и желать 21-й ценою смерти друга или уважаемого старшего товарища.

Выразим кратко сущность семейного сближения, предмета вожделений всех отцов. Она сводится к следующему: *так как новый общественный строй обеспечивает каждой страсти самое широкое развитие (подъем во всех степенях, II, 394), то в нем должны зародиться залоги общего согласия и сближения между наиболее антипатичными классами — богатыми и бедными, завещателями и наследниками и т. д.*

Но чтобы приложить этот принцип к семейной связи, сколько условий нужно выполнить; большинство из них потребует больше века. Таковы: *долголетие,* которое будет достигнуто только в восьмом поколении гармонии, и *потомство, составляющее большинство.* Это последнее нуждается в определении.

Из 1 800 человек фаланги патриарх Итурьель приходится родственником большинству: живых потомков по прямой линии у него насчитывается 120 человек, усыновленных им родственников столько же, всего 240, т. е. свыше $^1/_8$ кантона. Добавляя сюда боковых родственников, которых должно быть в 4 раза больше, чем родственников по прямой линии, мы имеем всего 1 200, или $^2/_3$ фаланги, состоящих в родстве с Итурьелем. Его потомство образует большинство, так что, *в силу семейного духа,* он вынужден желать *общего блага,* блага всей фаланги; $^1/_3$ ее не состоит с ним в родстве, она слагается из его старых друзей и подруг и их детей. Здесь семейный интерес сказывается в согласии с общественным интересом, с которым он всегда расходится в системе цивилизации.

Мы видим, что это сближение, это слияние семьи с государством стремится поглотить семейный дух, рассеять его и потопить в огромной массе разветвлений Это подтверждает принцип, что *созвучие антипатий образуется тогда, когда коренная страсть получает широчайшее развитие, на которое только она способна.*

Эта теория, признаюсь, становится чрезвычайно сухой в применении к семейной группе. Она стала бы чрезвычайно веселой, если применить ее к группе любви, развитие которой, охватывая большое число участников, по крайней мере 1 000 человек, дает самые красивые, самые интересные сочетания, существующие в игре страстей. К несчастью, эта очаровательная часть теории не может быть изложена цивилизованным: наша социальная политика — такой пигмей, она столь пропитана предрассудками, что ей не разобраться в этой волшебной книге. Считаясь со взглядами цивилизованных, я должен установить любовную связь для наименьшего сочетания, ограниченного двумя лицами, хотя три других сближения — дружба, честолюбие и отцовство — распространяются на более многочисленные сочетания и являются в любви путем наивысшей гармонии.

Хотя сближение по линии отцовства и является трудно достижимой теорией, с ней следует познакомить, чтобы гарантировать читателю, что ни одна часть исследований не была пропущена. Я должен настаивать на этом созвучии еще более определенно, чем на других согласиях, потому что семейная группа — стержневая в механизме цивилизации; ее роль среди двенадцати страстей та же, что роль *Иуды* среди 12 апостолов. Именно эта группа порождает коренной порок — *дробление и фальшь*. Значит, именно этой группе нужно нанести удар посредством режима ассоциации, способствующего полному поглощению влияния семьи в интересах массы.

Заканчивая очерк сближений, теории которых я только поверхностно коснулся, заметим, что согласия этого рода из всех явлений, обусловливаемых страстями, наиболее способны рассеять предрассудки, говорящие о непостижимости и непроницаемых завесах: они показывают, что для поднятия завесы достаточно набраться смелости и выйти из философской рутины, строить свои расчеты не на наименьшем из возможных домашних союзов, а на наибольшем и применить здесь построение, рекомендуемое самими философами, tantum series juncturaque pollet — *серия и связь*, серия — метод, принятый богом при построении царств, порождающий божественные связи, сближение антипатий, пружины индустриального энтузиазма и соревновательного совершенства, когда серия применяется к массе членов ассоциации, насчитывающей 1 800 человек.

ДОПОЛНЕНИЕ

Равновесие населения

Среди непоследовательностей и нелепостей новейшей политики нет ничего более раздражающего, как забвение установить равновесие населения, пропорцию между числом потребителей и производительными силами. Тщетно открывали бы мы способы достигнуть учетверения и даже стократного увеличения продукции, если бы роду человеческому было суждено размножаться, как теперь, всегда в 3 или 4 раза превышая норму, соблюдение которой необходимо для зажиточности различных классов.

Равновесие населения было во все времена камнем преткновения или, вернее, одним из камней преткновения для политики цивилизации. Уже древние, у которых было вокруг столько необработанных земель для колонизации, не видели иного средства борьбы с избытком населения, как допуск подкидывания, убийств детей и умерщвления избыточных рабов, как это делали добродетельные спартиаты, или уничтожения рабов в примерных морских боях для развлечения римских граждан, гордо носящих прекрасное звание свободных людей, но чрезвычайно чуждых справедливости. Не так

давно мы были свидетелями того, как новейшие политики расписывались в неумении разрешить проблему равновесия населения. Я приводил выше Стюарта (Stewart), Уоллеса (Wallace) и Мальтуса — единственных писателей, достойных внимания в этом вопросе, потому что они признаются в бессилии науки. Их мудрые тезисы о порочном круге населения заглушены жонглерами-экономистами, которые устраняют эту проблему, как и многие другие. Стюарт, более честный, очень хорошо осветил эту проблему в своей гипотезе острова, который при хорошей обработке мог бы дать достаточно продуктов для питания тысячи жителей, неравных по состоянию; но, говорит он, если это население увеличится до 3—4 тысяч, до 10—20 тысяч, как его прокормить?

На это экономисты отвечают, что надо будет заняться колонизацией, посылать избыточное население в другие страны. Это значит разрешать вопрос иезуитскими способами, потому что, если весь земной шар будет заселен, если его население достигнет предела, куда же тогда посылать партии переселенцев?

Софисты отвечают, что земной шар полностью не заселен и будет заселен не так скоро. Это одна из уловок секты Оуэна, которая, суля счастье, увиливает от проблемы равновесия населения и говорит, что пройдет, по крайней мере, 300 лет, прежде чем земной шар будет *полностью заселен*. Эта секта ошибается, население достигнет предела уже через 150 лет. Но как бы то ни было, отложить решение на 300 лет без гарантии, что к тому времени оно созреет, значит уклоняться от разрешения проблемы. Но даже и в том случае, если бы понадобилось 300 лет, чтобы население земного шара достигло своего предела, все равно надо признать весьма порочной теорию, которая, суля счастье или мнимое счастье, заявляет, что по истечении 300 лет это счастье улетучится по вине социальной политики, вследствие избытка населения.

Но так как несомненно, что этот бич не заставит себя ждать 300 лет, а обрушится уже по истечении 150 лет, при наличии всеобщего мира и всеобщего изобилия, сопутствующих новому общественному строю, то необходимо, чтобы теория этого нового порядка вещей дала бы чрезвычайно эффективное средство для предупреждения избыточного населения, дабы свести число жителей земного шара к точной соразмерности средств и потребностей, к количеству приблизительно в 5 миллиардов, не допуская увеличения этого количества до 6, 7, 8, 10, 12 миллиардов; такая плодовитость неизбежна, если бы на всем земном шаре установился строй цивилизации.

Устанавливая цифру 5 миллиардов жителей богатых и счастливых, я имею в виду восстановление температуры, которая освободила бы арктический полюс от льдов; иначе земной шар не мог бы обильно кормить свыше 3 миллиардов населения. Какими средствами можно будет превратить полярные

области в плодородные земли? Я берусь указать эти средства, если серьезно захотят их узнать. (Предварительные указания я дал в трактате I, 53; примечание А.) Не вдаваясь здесь в подробности, остановимся на существе вопроса, на проблеме сохранения большой зажиточности, растущего богатства и гарантированного *минимума* для массы жителей, ограждаемой от избытка населения, этого камня преткновения для системы цивилизации.

Это средство отчасти зиждется на свободе любви, которая начнет устанавливаться, примерно, только через 60 лет после полного вымирания людей, воспитанных в строе цивилизации; следовательно, почему бы не дать об этом определение. Тем более, что потребность в свободе любви почувствуется только по истечении 100 лет, когда земной шар приблизится к предельной норме своего населения. Пока нужно доказать, что теория ассоциации непогрешима в этом вопросе, как и во всех других; ее не следует смешивать с теми теориями, которые с самого начала увиливают от разрешения важнейших проблем, каковы равновесие населения, приличный *минимум* и т. д.

В новом общественном строе природа противопоставляет излишку населения 4 плотины, а именно: 1) крепость женщин, 2) гастрософический режим, 3) фанерогамия, или многобрачие, 4) гармоническое упражнение всех физических органов.

1. *Крепость женщины.* Влияние крепости мы уже наблюдали среди горожанок; из 4 бесплодных — 3 крепкого здоровья, между тем как хрупкие женщины обладают чрезмерной и досадной плодовитостью. Бесплодны обыкновенно те, кто по внешнему виду наиболее способен рожать детей. На это могут возразить, что в деревне крепкие здоровьем женщины отнюдь не бесплодны. Да! Я это знаю. Это — лишнее доказательство естественного метода, который должен действовать путем сцепления четырех средств, применяемых комбинированно, а отнюдь не посредством изолированного употребления одного из них.

2. *Гастрософический режим.* Откуда эта усиленная плодовитость крепких здоровьем крестьянок? Это — следствие умеренной жизни, грубой пищи, сплошь растительной. Горожанки имеют более утонченную пищу, и это способствует бесплодию; это средство станет более могущественным в строе гармонии, где каждый будет утонченным гастрономом. Поэтому, комбинируя чрезвычайно крепкое здоровье дам строя гармонии с вкусной пищей, которой они будут пользоваться, мы будем иметь уже два средства, ведущие к бесплодию. (Я кратко отвечаю на возражения, подробный анализ которых потребовал бы статьи более длинной, чем настоящая. Нужно помнить, что эта книга — краткое изложение.)

3. *Явное многобрачие* (фанерогамия). Свободная любовь и обилие любовников явно мешают плодовитости. Доказатель-

ством могут служить куртизанки, которые очень редко имеют детей; едва $^1/_{10}$ из них рожает детей, между тем как девушка или женщина, верная своему мужу, очень легко беременеет. Гармонийцы же будут иметь (по истечении только одного века) много женщин, отдающихся большому количеству мужчин в силу *корпоративной добродетели, полезной обществу:* таковы вакханки, баядерки, факирессы и другие корпорации, на обязанности которых лежит обслуживание армий и караван-сараев; они непременно будут многобрачными; с их стороны это будет акт самопожертвования, который доставит государству большие выгоды. Этот род нравов, благодаря своему распространению на $^2/_3$ женщин, будет третьим и чрезвычайно сильным средством бесплодия.

4. *Гармоническое упражнение физических органов* достигается благодаря коротким сеансам и чередованию занятий. До сих пор не обращали внимания на влияние различия в физических упражнениях на половую зрелость и плодовитость: контрасты в этом отношении поразительны. Мы видим, что деревенские жители достигают половой зрелости гораздо позже, чем горожане или дети богатых сельских жителей; плодовитость также зависит от гимнастики тела. Если физически упражняется безраздельно все тело, поочередно и пропорционально, то половые органы развиваются позже. Доказательство тому мы видим у детей царствующих фамилий, которые вступают в брак в 14 лет, между тем как молодые деревенские парни зачастую способны к супружеской жизни только в 16 лет. Эта задержка развития обусловлена различием физических и умственных упражнений, находящихся в обратной пропорции у этих двух классов. (Раннюю половую зрелость принцев нельзя объяснить характером их питания, потому что они питаются чрезвычайно умеренно.)

Так как дети высокого происхождения занимаются, главным образом, умственными упражнениями и мало физическими, то отсюда вытекает, что их физические и жизненные способности, будучи чрезвычайно подавлены, переключаются на половую сферу и обусловливают раннее наступление половой зрелости. В строе гармонии эффект будет совершенно противоположный. Гармонийцы будут достигать половой зрелости позднее, чем крестьяне в цивилизации, потому что беспрерывное и чередующееся упражнение всех членов тела долго будет поглощать жизненные соки и задерживать момент наступления половой зрелости, тогда как теперь, вследствие их обилия и недостатка поглощения, они обусловливают половую зрелость раньше времени, предназначенного природой. Дети, воспитанные в строе гармонии, достигнут зрелости: мужской пол не ранее 16 лет, женский в 15 лет; по истечении трех веков зрелость будет наступать еще позднее, соответственно в 18 и 17 лет, даже в жарком поясе.

Почти так же будет влиять интегральная гимнастика на плодовитость, она сильно ее затруднит, так что женщина строя гармонии, чтобы стать матерью, должна будет готовить себя к этому, соблюдая в течение 3 месяцев спокойный диэтический режим с тем, чтобы соки, менее поглощаемые *интегральным упражнением,* индустриальным движением всех частей тела, сосредоточились в половой части организма. В этой части сильно концентрируются теперь соки у класса богатых горожан, не встречая противовеса со стороны всех других частей тела, поочередно упражняемых в активном труде.

Когда люди научатся комбинированно применять вышеизложенные четыре средства, шансы плодовитости и бесплодия изменят в обратном направлении существующий порядок вещей, т. е. вместо избытка населения будет основание опасаться *дефицита* населения, и придется принимать меры к возбуждению этой плодовитости, которой всякий благоразумный человек теперь страшится. Разумный человек хочет иметь только небольшое число детей с тем, чтобы обеспечить им состояние, без которого счастье невозможно. Безрассудный человек и человек сугубо чувственный порождают детей дюжинами, как Фэт-Али, шах персидский, оправдываясь тем, *что их посылает бог и что честных людей никогда не будет слишком много.* Бог, напротив, желает ограничить число людей в соответствии со средствами питания, а человек спускается к уровню насекомых, порождая муравейники детей, которые вследствие большого их числа вынуждены будут пожирать друг друга. Они станут пожирать друг друга не так, как это делают насекомые, рыбы и дикие звери, но политически, посредством хищений, войн и вероломств совершенствуемой цивилизации.

К чему этот избыток населения, когда совершенно твердо установлено, что, каков бы ни был строй цивилизации, его население никогда не справляется с обработкой своей территории. Во Франции свыше $^1/_3$ земель не возделаны; в Китае встречаются обширные пустыни в 4 милях от Пекина (и я готов побиться об заклад, что много пустошей имеется в Ирландии, в стране с наиболее плотным населением в Европе).

Когда люди глубоко мыслящие, вроде шведа Хэреншванд (Herrenschwand), восстали против двойного бича — численного избытка населения и бедности, когда они заявляли, что политика не использовала всех путей социального улучшения, их голоса были заглушены, их обвинили в сумасшествии. Их выступления имели слабую сторону: они вскрыли зло до того, как открыли лекарство для его лечения. Обскуранты, называемые философами, ответили, что следует закрывать глаза на эти бедствия, неразлучные с совершенствуемой цивилизацией; поэтому нищенство не переставало возрастать даже в Англии, невзирая на большое развитие промышленности и на ежегодные пособия бедным в сумме 200 миллионов. Сму-

щенная этими результатами философия защищается гнусным принципом: *нужно много бедных, чтобы было несколько богатых*. Мы видели, рисуя механизм гармонии, какого отношения заслуживает этот взгляд, как и все наши политические афоризмы, за которые скоро будут краснеть их авторы, именно те, кто побуждает накоплять муравейники бедноты, прежде чем обеспечить им приличный *минимум*.

В этом девятом сообщении я рассеял предрассудок, согласно которому идея равновесия страстей — несбыточные мечтания. Я доказал, что это равновесие зиждется на широком их развитии, а отнюдь не на их глушении; что наклонности, признанные порочными, как жажда всемирного господства, лотерейного выигрыша или внезапного богатства, желание получить наследство и много других наклонностей, теперь толкающих на путь порока, станут источником добродетели в новом общественном строе. Этого достаточно, чтобы смутить тех вольнодумцев, которые полагают, что движение и страсти — дело случая и что бог нуждается в наставлениях Платона и Сенеки, чтобы научиться создавать миры и направлять страсти к гармонии.

ДЕСЯТОЕ СООБЩЕНИЕ

ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИКИ СТРАСТЕЙ

ГЛАВА XXXVII

ЛЕСТНИЦЫ ХАРАКТЕРОВ И ТЕМПЕРАМЕНТОВ

Чтобы кратко ответить на возражения, которые неминуемо последуют, уместно показать в этом последнем сообщении, насколько теория сокращена и изуродована рамками краткого изложения. Такое исследование страстей — наука чрезвычайно обширная. Те, кто хочет, чтобы она была изложена кратко, должны мириться с недостаточным объяснением. Это, однако, не дает им права обвинять науку в туманности. Я обязуюсь дать в других томах все разъяснения, которые потребуются, не входя, однако, в такие мелочи, как вопрос о том, совпадает ли тот или иной пункт моей теории с теорией Эпикура или Зенона, Мирабо или Платона. Философия, бродившая вокруг тысячи вопросов, могла лишь расплывчато мечтать о некоторых следствиях режима притяжения, но не постигнуть его в целом; она ничего не могла сказать о торжестве подлинных добродетелей, связанном со свободным упражнением 12 страстей благодаря совершенно неизвестной философам пружине — *индустриальным сериям*.

Здесь чувствительным пробелом является классификация характеров. Знание ее чрезвычайно необходимо для облегчения игры серий, построенных на страстях. Я сейчас дам очерк лестницы, или общей клавиатуры, характеров. Она слагается

в домашнем быту из 810 полных и 405 смешанных характеров (согласно таблице, приведенной выше). Я указываю число и род страстей господствующих; каждый имеет 12 страстей, но характер бывает различен в зависимости от господства тех или иных страстей.

810 характеров домашней гармонии

UT, однотональные	576	1 какая-нибудь господствующая страсть
d, b, смешанные	80	1 душевная, 1 чувственная
RE, с двумя тональностями	96	2 душевные
d, b, двояко смешанные .	16	1 душевная, 2 чувственные
MI, с тремя тональностями	24	3 душевные
FA с четырьмя тональностями	8	4 душевные
d, b, трояко смешанные . .	8	2 душевные, 3 чувственные
SOL с пятью тональностями	2	5 душевных.

Буквы *d, b,* обозначают диез и бемоль — промежуточные ноты в музыкальной и страстной гамме.

Сюда нужно было бы добавить таблицу 405 промежуточных характеров. Но мы ограничимся определением полных характеров. С первой строчки мы видим 576 однотональных людей, которые имеют одну только господствующую страсть. Их число неодинаково по каждой из 12 страстей, оно должно было бы быть 48, но распределение здесь прогрессивное. Можно встретить гораздо больше однотональных с доминантой честолюбия или любви, или обжорства, чем с доминантой слуха, страсти к слуховым наслаждениям. Однако встречаются *уисты*, или меломаны слуха, которые живут только для музыки, воспитывают своих детей только для музыки и никогда не взяли бы зятем не-музыканта.

Коротко говоря, однотональные имеют одну господствующую страсть, к которой они сводят все. Их склонности не отличаются разнообразием, им нравятся преимущественно серьезные труды. В лестнице характеров они занимают такое же место, как рядовые в полку. Напротив, два пятитональных человека — мужчина и женщина — равноценны полковникам. *Оба* должны активно вмешиваться во все серии фаланги. Если всех серий 400, то каждый пятитональный должен посещать 200 серий. Значит, настроенные на пять тональностей должны обладать умом активным, тонким и чрезвычайно обширным, вроде ума Вольтера, Лейбница, Фокса и других. Цезарь относится к степени еще более высокой — семи тональностей с семью доминантами. Бонапарт и Фридрих — оба шести тональностей, с шестью доминантами.

Фаланга не имеет особенной надобности в шеститональных шестой степени, семитональных седьмой степени и универсально тональных восьмой степени. Достаточно, чтобы она имела пятитональных. Более высокие степени характера,

в силу естественного права и общего согласия, управляют 3—4 фалангами, 12 фалангами, 40 фалангами и т. д. Они являются агентами внешней гармонии, хотя и живут в одной фаланге.

Продолжая таблицу от *соль*, мы имеем следующие характеры внешней гармонии:

d, b,	четырехтональные смешанные	2 душевные, 4 чувственные
LA,	шеститональные	6 душевных
d, b,	пятитональные смешанные	2 душевные, 5 чувственных
SI	семитональные	6 душевных, 1 чувственная
UT	универсально тональные	7 душевных

Эту лестницу можно продолжить значительно дальше; вся она имеет внешнее назначение, и, однако, она выгодна для фаланги.

Я не говорил ни о 405 промежуточных, которых надо присоединить к первой лестнице, ни о вариантах, возможных в ассортименте страстей различных степеней. Это значило бы вдаваться в слишком большие подробности; я же хочу дать только несколько поверхностных очерков этих распределений, которые наиболее противоречат нашим предрассудкам.

Заметим прежде всего, что мораль объявляет порочными все наиболее выдающиеся характеры, наиболее высокие звания, главных должностных лиц. Она их терпит среди монархов или сильных людей, но в массе граждан она желает видеть только однотональных, ограниченных одной только страстью. Природа же помещает большие характеры не обязательно среди великих мира сего, она рассеивает их, по воле случая, повсюду; человек богатый тонально, занимающий верхнюю ступень этих двух лестниц, может быть и пастухом. Существа, наделенные этими великими характерами, политически глушатся воспитанием, они возмущаются существующим обычаем, а их называют преступными элементами, врагами морали.

В новом общественном строе каждый из них, будь то мужчина или женщина, находит себе надлежащее место и занимает его с общего согласия, потому что тот, кого природа сделала однотональным, не питает никакого стремления к президентству по линии характеров в фаланге; эта должность обязывала бы его невероятно разнообразить труды. Он не нашел бы здесь своего счастья; к тому же человек не любит насиловать свой характер. Поэтому никто не питает зависти, видя на президентском кресле по линии характеров, на *посту короля страстей и королевы страстей,* двух лиц, по своему происхождению, может быть, самых бедных во всем кантоне. Несмотря на их убогое материальное положение, они, несомненно, возвысятся на пост, предназначенный им природой, к президентству по линии характеров, на одной из 13 ступе-

ней, начиная от ступени, соответствующей одной фаланге, т. е. наиболее низкой степени, до омниархата, или президентства на всем земном шаре. Это также чрезвычайно интересная лотерея для бедного класса; беременная женщина может себе сказать: я, может быть, буду матерью верховной правительницы, по линии характеров, всего земного шара; следуя только своему характеру, она без усилий достигнет мирового трона или одного из главных скипетров.

Воспитание имеет задачей развивать эти характеры и сверх того темпераменты, располагающиеся по той же лестнице, но не в том же ассортименте: пятитональные, которые относятся к 5-й ступени по характеру, не могут быть уверены, что и темперамент у них 5-й ступени; иногда их темперамент противоположен их роли в отношении страстей.

Наши науки сводят темпераменты к четырем, и, однако, лекарство, прописанное 20 желчным людям, произведет 20 различных действий. Чтобы классифицировать темпераменты, нужно их развивать с раннего возраста, главным образом, по линии питания. Порой у детей бывает испорченный вкус, например, склонность есть мел. Это значит, что им недостает чего-то в организме, потребность в этом природа дала им почувствовать, но они не могут точно определить, чего именно им нехватает. Отсутствие соответственных предметов питания вызывает обратное движение инстинкта и толкает ребенка заменять вредными веществами те предметы питания, которые природа ему предназначила.

Поэтому детям будет предоставлено большое разнообразие предметов питания, чтобы на основании их пищевых инстинктов определить, к какому подразделению они принадлежат. Об этом можно будет судить по легкости пищеварения, когда ребенок поест любимые кушания; основываясь на этой первой лестнице родов и видов, нужно будет постараться классифицировать виды по лестнице разновидностей и мельчайших оттенков; одно из средств, которые для этого будут применяться — это *гастрософическая прелюдия*. Так называю я предпосылаемую трапезе небольшую закуску, вызывающую через полчаса яростный аппетит. Мы видим, что цивилизованные пытаются применять это средство, выпивая перед обедом стакан абсента. Это — не настоящая прелюдия, последняя должна состоять из твердого и жидкого, с вариантами сообразно состоянию желудка. Каждого мужчину и каждую женщину научат умело подбирать нужные им закуски, дабы ели они с аппетитом и легко переваривали пищу. Гармония произведет столько съестных припасов, что нужно будет приучать человеческий род есть в четыре раза больше, чем в строе цивилизации.

Чем искуснее будут классифицированы характеры и темпераменты, тем легче станет методически создавать интриги в сериях, как это я описываю в следующей главе. Вообще

надо заметить, что если характеры обуздываются, они портятся и развиваются в обратном направлении. Нынешнее воспитание, сообщая им моральный лоск, делает их чрезвычайно скверными, хотя они могли бы быть прекрасными. Сенека и Буррус не изменили, но испортили характер Нерона, который был четырехтональным, с четырьмя совершенно различными доминантами: страсть к *интриге — кабалист*, страсть к *творчеству — композит*, страсть *честолюбия* и страсть *любви*. Генрих IV был, как и Нерон, четырехтональным, но его характер не был испорчен моральным воспитанием.

В цивилизации характеры становятся дурными, когда они имеют в качестве доминант страсти механизирующие в числе большем, чем страсти аффективные. Женщина трехтональная с доминантами в виде любви, кабалист и папийон обычно чрезвычайно порочна.

Теория характеров больше, чем что бы то ни было, приводит в замешательство умников, которые считают, что страсти созданы случайно и что для приведения их к гармонии богу нужна помощь моралистов. В домашнем механизме страсти — что оркестр с 1 620 инструментами. Наши философы, желая ими управлять, уподобляются легиону детей, которые забрались бы в оперный оркестр, завладели бы инструментами и устроили бы там страшный кошачий концерт. Можно ли на этом основании заключить, что музыка — враг человека, что нужно уничтожить скрипки, остановить басы, заглушить флейты? Нет! Нужно выгнать маленьких глупышей и вернуть инструменты опытным музыкантам. Страсти столь же мало враждебны человеку, как и музыкальные инструменты: единственный враг человека — философы, которые хотят управлять страстями, не имея ни малейшего понятия о механизме, уготованном им природой. Когда этот механизм будет проверен, люди признают, что характеры, наиболее осмеянные, как характер *Гарпагона*, здесь чрезвычайно полезны.

ГЛАВА XXXVIII

О ГРУППАХ ВЫСОКОЙ ГАРМОНИИ, ИЛИ О КОМПЕНСАЦИОННОМ РАВНОВЕСИИ

Оптимисты всех времен выдвигали нелепые компенсации. Если им верить, бедный, не имеющий ни кола, ни двора, может обрести в своих лишениях столько же счастья, как богатый в своем дворце.

До сих пор бедняки, видимо, с этим несогласны, а тем паче богачи, потому что ни один Крез не пожелал до сих пор сменяться участью с бедным. Значит, компенсации существуют только в мечтах моралистов, которые, подобно Делилю, утверждают, что природа полна взаимопомощи и взаимных благодеяний. Мы не видим ее благодеяний ни на голод-

ном населении Ирландии, ни на народностях, находящихся во власти палачей, как греки под владычеством Ибрагима или негры острова Мартиника, закованные в цепи французскими колонистами.

Богачи, чтобы замаскировать свой эгоизм, тешат себя мыслью, что народ счастлив, что его бедствия компенсируются. Эта иллюзия, внушаемая ими монархам, все же приличнее положения, гласящего: *нужно десять бедных, чтобы был один богатый.* Любой софист пользуется успехом, говоря о компенсациях, которых и тени нет в строе цивилизации. Подлинная компенсация должна быть *факультативна, прочувствована и признана,* как она была бы в группе, описанной мной в трактате (II, 563), в группе, отношения в которой могут служить образцом компенсации. Жаль, что я лишен возможности включить сюда эту довольно длинную статью, которая содержит позитивную теорию компенсаций, предмет, чрезвычайно затуманенный софизмом. Я заимствую из нее только несколько строк, которые дадут небольшое представление о предмете.

Три человека — Апициус, Мецен и Виргилий — сидят за трапезой вместе с дюжиной приглашенных. Апициус целиком ушел в еду и принимает мало участия в разговоре; Виргилий, напротив, уделяет мало внимания материальной части трапезы, много говорит, проявляет большое остроумие, он имеет большой успех, очаровал гостей, его самолюбие польщено; Мецен разделил свое внимание между двумя удовольствиями — беседой и гастрономией: дозы удовольствия были в следующем соотношении:

у Апициуса	беседа	1,	чревоугодие	3	= 4,
у Мецена	»	2,	»	2	= 4,
у Виргилия	»	3,	»	1	= 4.

Здесь имеется совершенная компенсация для всех трех, хотя каждый наслаждался двумя удовольствиями в чрезвычайных дозах. Но каждый имел выбор и избрал ту часть, которая ему больше нравилась. Допустим, что имеется 9 гостей, у которых эти дозы расположены в постепенном порядке в виде правильной лестницы, и все удовлетворены в порядке компенсации. Один больше по линии чревоугодия и меньше беседы, другой — больше беседой, меньше чревоугодием.

Таковы должны быть регулярные группы: они должны сочетать, по крайней мере, два удовольствия, из коих каждый участник мог бы взять ту дозу, которая ему подходит. Этот принцип должен применяться ко всем ситуациям жизни. Это и есть счастье, уравновешенное в порядке компенсации лишь постольку, поскольку каждый может себе выбрать удовольствия в различных сочетаниях; равновесие страстей не допускает ни равенства и соответствия вкусов, ни простоты средств.

Если вышеописанная компания ограничится одним удовольствием — остроумной беседой, то Апициус будет тосковать; Мецен будет удовлетворен наполовину, и только один Виргилий найдет в ней большое удовольствие. Таково положение, в которое нас ставит мораль. Она никогда не дает возможности компенсационного выбора; она нам преподносит в качестве единственной утехи — любовь к умеренности; но подлинная умеренность нуждается в противовесе, как мы это видели выше в случае с Меценом, который вкушал оба удовольствия умеренно и в равной дозе. Если бы он вкушал только одно удовольствие, умеренность породила бы у него тоску. Именно уравновешивая два удовольствия одно другим, он наслаждался столько же, как и его сотрапезники — Апициус и Виргилий, неумеренно вкушавшие одно из двух удовольствий и слабо другое.

Но верно ли, что Мецен умерил свои желания? Нет, потому что сумма полученного им удовольствия составляет 4, он вкушал столько же, сколько и двое других, хотя в различных и в уравновешенных пропорциях. Таким образом, все эти люди, именуемые умеренными и похваляющиеся своей умеренностью, суть либо мечтатели, либо шарлатаны; это характеры, которым нравится вкушать в равной дозе два удовольствия. Некто вам говорит: «Я — образец нравственности, я умеряю свои страсти, я избегаю развлечений и люблю только торговлю». Да! Он ее любит, потому что на ней он зарабатывает миллион или надеется заработать, обманывая покупателей. Под маской умеренности он сосредоточил все помыслы на мошенничестве, на хитрости, только и думает, как бы обмануть покупателя. Вот кого называют у нас нравственным человеком, добродетельным сторонником торговли и конституции! Это — существо, источающее ложь изо всех пор; при ближайшем рассмотрении оказывается, что он не умеряет ни одной своей страсти, потому что одна страсть поглощает у него другую, как это было у Виргилия и Апициуса; или, вернее, он уравновешивает обе страсти, удовлетворяя их в равной дозе, как это сделал Мецен, не более умеренный, чем два его сотрапезника — Апициус и Виргилий, потому что общая сумма наслаждений у него, как и у них, равна 4. Слагается ли эта сумма из 3 и 1 или из 2 и 2, она всегда равна 4.

Вместо этого маленького параграфа следовало бы посвятить этому предмету много глав, чтобы рассеять господствующие предрассудки относительно умеренности и компенсаций, баланса и равновесия, противовесов и гарантий в игре страстей. Обязанный опустить все эти подробности, я настаиваю лишь на том положении, что умеренность — химера, что страсти допускают уравновешенные наслаждения, но отнюдь не лишения; что человек, с виду самый умеренный, зачастую наиболее изощряется в наслаждениях. Наши теории морального равновесия и моральной компенсации — сплошной вздор,

и слушающие его будут краснеть, когда узнают точные методы равновесия страстей.

Эти методы настолько неизвестны, что старшее поколение, которое устанавливает законы, преследуя при этом свои интересы, не нашло средства установить равновесие, которого оно больше всего ищет, — равновесие двух привязанностей: отцовской и сыновней, между которыми существует вопиющая диспропорция: привязанность ребенка обычно в 3 или 4 раза меньше привязанности отца. Такое нарушение равновесия диктует восстановление его косвенными путями: отцы должны черпать привязанность из четырех источников: от детей по прямой линии, по крайней мере, в четырех и пяти поколениях, от усыновленных по идентичности или контрасту характера, от индустриальных приемышей или продолжателей работ по страстному влечению, от продолжателей по прямой линии или боковой. Страсть достигнет равновесия, когда отец будет получать по одной четверти дани любви от каждой из этих четырех групп. До этого момента отцовская любовь будет наиболее лишена равновесия, редко вознаграждаемая в размере хотя бы $^1/_4$ прямыми потомками. Если философы не видели этой неурядицы или не могли ее устранить, как может их наука установить столько других равновесий, которые она даже не предусмотрела, например, равновесие съестных припасов (II, 113), которое должно быть основано на комбинированных продуктах нескольких зон.

Что касается компенсаций, составляющих часть равновесия, то разве мыслима компенсация без наличия выбора? Мораль нам говорит: будьте счастливы с деревянной миской в качестве единственной утвари. Диоген уверял, что этого достаточно. Так пусть же Диоген даст человеку на выбор серебряную суповую миску и деревянную; мы поверим этому хваленому счастью только в том случае, если человек, при полной свободе выбора, предпочтет деревянную миску серебряной. В примере, приведенном выше, каждый из 3 лиц — *A*, *M* и *B* — может выбирать из двух удовольствий; ясно, что каждый из них компенсирован, в какой бы дозе он ни пользовался двумя удовольствиями. Этот выбор должен распространяться на все ситуации жизни, на страсти трех полов. Но какую возможность выбора предоставляет им мораль? Где компенсации для ребенка, который заперт в комнате и которому грозят розгой? Где компенсации для старухи, лишенной необходимого и тем более удовольствий? Где компенсации для массы бедняков, заключенных в дома призрения, где с ними грубо обращаются? Как мало еще посвящена философия в теорию компенсаций, как и во всякий другой вопрос социального движения! Что же это за компенсация, которая не предоставляет факультативного выбора? Вы даете народу, в возмещение за его страдания, счастье жить под защитой конституции, любить конституцию, восхищаться ее красотами.

Но если он не умеет читать или если он не имеет 2 су, чтобы купить конституцию, каким образом он будет восхищаться ее красотами, в особенности, когда он голоден? Что означает этот вздор о компенсации, который нам дает возмещение наших бедствий — воображаемые удовольствия, без всякой возможности выбрать удовольствия реальные? Обходиться без того, чего нет, это талант *гасконской лисицы*. И из этой чуши делают науку, называемую моралью! Сколько фиглярства и изобретательности исключительно для того, чтобы продавать книги! Книги будут продаваться в сто раз успешнее, когда они будут обучать истине.

ГЛАВА XXXIX

ОБ ИСТИННОМ СЧАСТЬЕ

Мне известен только один писатель эпохи цивилизации, немного приблизившийся к определению истинного счастья. Это — Бентам, который требует реальностей и отбрасывает иллюзии. Все другие столь далеки от цели, что не заслуживают даже критики. В Риме, во времена Варрона, существовало 278 противоречивых мнений относительно того, что такое истинное счастье. В Париже встречается еще больше этих противоречий, особенно с тех пор как наши ученые спорщики идут по диаметрально противоположным путям. Одни проповедуют презрение к богатству и любовь к удовольствиям, которые можно вкусить под сенью хижины, другие возбуждают ненасытную жажду к богатству; моралисты проповедуют святую истину, экономисты — торговлю и ложь.

Разберемся немного в этом старом споре о счастье, в этом вавилонском столпотворении туманной философии. Бог наделил нас 12 страстями, и мы не можем быть счастливы, не получая полного и гармонического их удовлетворения. Если хоть одна из них не удовлетворяется, тело и душа от этого страдают. Но далекий от возможности ежедневно удовлетворять 12 страстей, наш народ скорее испытывает 12 невзгод, потому что существуют 24 невзгоды, которые ему грозят и беспрестанно его преследуют (I, 481, II, 107). Богатые люди, без сомнения, более щедро наделенные, еще очень далеки от счастья и не могут себе его обеспечить хотя бы *на один день*. В качестве доказательства я подробно описал один день истинного счастья (II, 598 и 604), откуда было видно, что даже встать утром богачи не умеют с удовольствием. Они начинают день борьбой между удовольствием и скукой: в прекрасный летний день каждому хочется встать на рассвете, но его останавливают скучное одевание и необходимость покинуть кровать, которая является *простым удовольствием*. Таково жалкое начало дня — простое удовольствие и перспектива четвертичасовой скуки. Всем цивилизованным недостает пылкой страсти, которая их подняла бы с кровати приманкой

сложного удовольствия, достаточно сильного, чтобы вызвать пренебрежение к простому удовольствию — пребыванию в кровати.

Так как игра трех механизирующих страстей требует коротких смен, то в течение дня нужно, по крайней мере, 14 сеансов, а именно, большинство из них — 8 на сложные удовольствия, 5 на простые удовольствия для отдыха от сложных, плюс один или два *пробега:* род наслаждения, совершенно неизвестный цивилизованным и который нужно определить.

Пробег — это соединение некоторого числа удовольствий, вкушаемых последовательно в течение короткого сеанса, искусно сплетенных, усиливаемых одно другим и занимающих столь сближенные мгновения, что точно скользишь по каждому из них. В течение одного часа можно испытать массу различных удовольствий, связанных, однако, между собой и иногда объединенных в одном и том же месте. Например:

Леандр только что имел успех у женщины, за которой он ухаживал. Это — удовольствие сложное для чувств и души. Минуту спустя она вручает ему удостоверение на занятие выгодной должности, которую она для него достала. Это — второе удовольствие. Через четверть часа она его вводит в салон, где он находит приятные для себя сюрпризы — друга, которого он считал умершим, это — третье удовольствие. Немного погодя входит знаменитый человек Бюффон или Корнель, с которым Леандр хотел познакомиться и который приходит к обеду, — четвертое удовольствие. Затем следует восхитительный обед — пятое удовольствие. Леандр здесь оказывается соседом могущественного человека, который может ему помочь своим кредитом и обещает ему свое содействие — шестое удовольствие. Во время обеда он получает весть о выигрыше процесса — седьмое удовольствие.

Все эти удовольствия, сгруппированные на протяжении одного часа, составят *пробег,* который должен вращаться вокруг *основного удовольствия, преемственно продолжающегося в течение всего сеанса.* Здесь Леандр достигает цели благодаря сообществу своей новой подруги и удаче, о которой он узнал во время трапезы. Это стержневое удовольствие, которое переплетает все и входит преемственно во все остальные удовольствия. Этот вид удовольствия, называемый *пробегом,* неизвестен цивилизации. Даже короли не могут себе доставить пробеги, которые чрезвычайно часты в гармонии, где богатый человек ежедневно уверен в своем участии в пробегах, по меньшей мере, в двух, — независимо от сеансов *сложного* удовольствия из двух наслаждений, *сверхсложного* из трех и *двояко-сложного* из четырех, сгруппированных вместе. Судите же сами о плачевной участи цивилизованных в погоне за счастьем! (см. I, 475 — методическое определение подлинного счастья).

Пробеги в семи вариантах, это — удовольствия, резервированные для высокой гармонии. Вначале пробеги будут едва в 4 вариантах, но это уже будет чудом для спасшихся от цивилизации, которые не могут себе доставить даже единого дня истинного счастья; чтобы составить для цивилизованного порядок такого дня, мне пришлось предположить (II, 598) совокупность удовольствий, более многочисленных и более сближенных, чем это возможно в строе цивилизации. Прибегая к этой гипотезе, я должен был совершить две ошибки: вмешать сюда любовь — преступление согласно законам цивилизации — и допустить в распределении этого дня 9 изъянов равновесия страстей, 9 ущербов, которых не испытает ни один гармониец. Я их допустил потому, что цивилизация столь ограничена в удовольствиях, что я не нашел в наличных у нее ресурсах никакого средства для заполнения кадра одного дня в полной мере счастливого, каким беспрерывно будет пользоваться беднейший из гармонийцев. Цивилизованные настолько лишены наслаждений, что, имея какой-нибудь повод для очарования, какой-нибудь посредственный праздник, они твердят о нем в течение целой недели. Но эти празднества — не скверная ли это карикатура на подлинные удовольствия, на равновесия страстей, которые гармония устанавливает во всех своих трудах, трапезах и празднествах? В этом можно убедиться, прочтя очерк 9 изъянов (II, 604), которые я вынужден был ввести в порядок одного счастливого дня, ограниченного ресурсами скудной цивилизации.

Не говоря уже о редкости удовольствий, цивилизация совершенно не умеет их использовать. То или иное удовольствие исчерпывается 15 днями, а оно могло бы продержаться несколько месяцев, будь оно распределено разумно и в многочисленных вариантах. Но цивилизация в деле удовольствий *съедает хлеб на корню,* исчерпывает удовольствие в короткое время за отсутствием разновидностей для смены ему. Недаром богатые люди цивилизации подвержены болезням в результате этих излишеств. В гармонии использование удовольствий вычисляется высокой социальной политикой, это — функция главных носителей власти. Тут ни одно удовольствие не исчерпывается до конца благодаря изобилию смен и новшеств. Если какое-либо развлечение представляется заманчивым только с месячным промежутком, то тысяча других заполняют промежуток, художественно варьируя оттенки счастья от сеанса к сеансу, от трапезы к трапезе, со дня на день, с недели на неделю, из месяца в месяц, из сезона в сезон, из года в год, из возраста в возраст и т. д., до полного завершения жизненного поприща, состоящего из 144 лет. Этого возраста богатые гармонийцы достигнут легче бедных вследствие крайнего разнообразия удовольствий, вернейшей гарантии против излишеств.

Какая богатая тема для размышлений этой философии, которая видит счастье в цивилизации и рассуждает о равновесии страстей столь же разумно, как слепорожденный рассуждал бы о цветах!

В заключение следовало бы поговорить о печальной участи стольких цивилизованных, которые, обладая здоровьем, богатством и средствами благосостояния, достигают только крайнего несчастья. Всякого рода помехи и невзгоды иногда обрушиваются на богатого, как и на бедного: игра, западни, смерть ребенка, недостойное поведение жены, болезни, уколы честолюбия и другие неурядицы отравляют жизнь тех, условия существования которых превозносятся как высшее счастье. Что же сказать о тех, кого одолевает бедность, и какую параллель можно провести между столькими бедствиями и безмерностью удовольствий, щедро расточаемых всем, как только основатель приступит к опыту, от которого зависит выход из цивилизации и переход к счастливым судьбам человечества?

ГЛАВА XL

КОМПАС ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТРАСТЕЙ: СМЫКАНИЕ С ПРЕДНАЧЕРТАНИЯМИ БОГА

Чтобы поймать массу в западню, ее во все времена уверяли, что предначертания бога непостижимы и что человеку незачем даже стараться познать бога. Здравый смысл требует обратного, он диктует нам первым долгом изучать бога, и это изучение — самое легкое из всех.

В древности, когда предания извратили представление о создателе, смешав его с 35-тысячным сонмом ложных богов, тогда, без сомнения, стало трудно распознать в этом небесном маскараде истинные намерения бога. Недаром Сократ и Цицерон ограничились тем, что отмежевались от глупостей своего века и поклялись *неизвестному богу,* не углубляя дальше исследований, которые противоречили бы духу времени. Сократ пал жертвой этого противоречия.

Теперь, когда эти суеверия рассеяны и когда христианство нас привело к здравым идеям, к вере в единого бога, мы имеем точный компас, чтобы приступить к изучению природы. Взяв за исходный принцип, что всякое знание идет от бога и что рассудок может вступить на путь просвещения, только соприкоснувшись с разумом создателя, нам остается определить существенные черты бога, его атрибуты, его намерения и методы установления мировой гармонии, причем некоторые уже известные правила могут привести нас к неизвестным.

В этом случае нужно действовать постепенно, сначала проанализировать чрезвычайно небольшое число характерных черт бога, останавливаясь на наиболее очевидных, а именно:

1) *интегральное управление движением;*
2) экономия сил;
3) справедливость в распределении;
4) универсальность провидения;
5) *единство системы.*

1. Интегральное управление движением. Если бог — высший руководитель движения, если он — единственный хозяин вселенной, единственный создатель и распределитель, то ему и надлежит управлять всеми частями вселенной, в том числе и наиболее благородной частью — социальными отношениями. Следовательно, законодательство человеческих обществ должно быть делом рук бога, а отнюдь не людей; и чтобы управлять нашими обществами и вести их ко благу, нужно руководствоваться социальным кодексом, который от века установлен богом.

Это — предмет великого спора с философией! В результате выяснилось бы, что не она должна диктовать законы, а нужно найти социальный кодекс, составленный богом. В этом случае бог оказался бы на первом месте, а человеческий разум — на втором. Но философия изменяет этот порядок; ей хочется, чтобы бог был на втором месте, а человеческий разум на первом. Следовательно, она лишает бога законодательной прерогативы, чтобы передать ее философам — Диогену и Мирабо.

2. *Экономия сил.* Если бы механизм обществ регулировался богом, мы видели бы в них большую экономию сил, так как, называя его *верховным экономом,* мы ему приписываем эту способность. Экономия же требует, чтобы он оперировал с большими общественными организациями, а отнюдь не с самой маленькой, которую мы называем *семьей, домашним очагом.* Она, в частности, требует, чтобы бог выбрал в качестве двигателя притяжение, основанное на страстях, применение которого гарантирует ему экономию 12 видов, чего мы не встречаем в строе, основанном на насилии, а именно (I, 184 и 210):

1) Компас перманентного откровения, потому что притяжение нас побуждает во всякое время и всюду, где бы мы ни находились, импульсами столь же постоянными, сколько импульсы разума изменчивы.

2) Способности толкования и комбинированного импульса, средство открывать и стимулировать одновременно.

3) Дружественное согласие между создателем и его творением или примирение свободы воли человека, подчиняющегося, удовольствия ради, власти бога, распоряжающегося удовольствиями.

4) Сочетание прибыли с очарованием благодаря вмешательству притяжения в производительные труды.

5) Устранение путей принуждения, виселиц, полицейских сыщиков, судов и моралистов, которые станут бесполезны,

когда притяжение приведет к труду, к источнику хорошего порядка.

6) Поднятие человека на уровень счастья свободных животных, которые живут беззаботно, работая только удовольствия ради, и наслаждаются иногда большим изобилием, которого не удается достичь нашему народу, невзирая на все усилия.

7) Гарантия *минимума,* которого лишены свободные животные и залогом которого будет необозримое количество продуктов в новом общественном строе, опирающемся на равновесие населения.

8) Счастье, обеспеченное человеку, если бы мудрость бога была меньше нашей, потому что его законы, соблюдаемые в силу притяжения, обеспечили бы нам счастливую жизнь вместо принуждения, налагаемого на нас конституциями философов.

9) Полное и безраздельное познание провидения благодаря открытию путей социального счастья наряду с открытием путей спасения душ мессией и священным писанием.

10) Гарантия богу свободы воли, его способность управлять вселенной, включая сюда человеческий род, посредством притяжения — единственного средства, достойного его мудрости и его великодушия.

11) Награда послушным мирам вследствие очарования привлекательного режима и наказание бунтующих миров посредством возбуждения притяжения, всегда стойкого.

12) Сочетание разума с природой, или гарантия богатства, согласно заветам природы, посредством применения на практике справедливости и истины, согласно велению разума.

У. Внутреннее единство, конец внутренней междоусобной войны, где страсть или притяжение воюют с мудростью и законом, без возможности их примирения (I, 184).

Л. Внешнее единство или достижение блага под управлением притяжения, единственного средства, употребляемого богом в видимых гармониях вселенной.

Такова канва, на которой должна быть установлена некомпетентность человеческого разума в области законодательства (подробности см. I, 185—230) и отрицательные аргументы (там же, стр. 197).

Этих прекрасных свойств притяжения достаточно, чтобы доказать, что бог, который экономит средства, не мог бы выбрать принуждение — путь, одобренный законодателями цивилизации и варварства, и что для уяснения себе социального и индустриального кодекса бога непременно надо изучать притяжение.

3. *Справедливость распределения.* В законодательстве цивилизации, увеличивающей бедность народов вследствие развития индустрии, не видно и тени справедливого распределения. Первым признаком справедливости было бы гарантиро-

вание народу *минимума*, возрастающего в зависимости от социального прогресса. Мы видим обратное следствие — рост влияния меркантильного духа, который стремится заполнить жаркий пояс черными рабами, отрывая их от родного очага, а умеренный пояс наводнить белыми рабами, установив промышленную каторгу — обычай, зародившийся в Англии и мало-помалу привившийся во всех странах благодаря жадности торгашей. Впрочем, можно ли видеть какую бы то ни было справедливость в социальном строе, где индустриальный прогресс не гарантирует даже бедному возможность получить работу?

4. *Универсальность провидения.* Она должна распространиться на все нации, как на дикие, так и на цивилизованные. Всякий индустриальный режим, отвергаемый дикими людьми, воистину свободными, противоположен намерениям бога. Индустрия, которую мы им предлагаем, земледельческое и домашнее раздробленное хозяйство не соответствуют намерениям провидения, так как этот режим не удовлетворяет импульсов, которые провидение дает людям, наиболее близким к природе. То же самое можно сказать о всяком общественном строе, покоящемся на насилии. Всякий класс, подвергающийся прямому насилию, как рабы, или косвенному, как наемные рабочие, лишен поддержки провидения, которое не уготовило себе на нашей планете иного проводника, кроме притяжения. Поэтому строй цивилизации и варварства, основанный исключительно на насилии, противоречит намерениям бога, и должен существовать другой строй, применимый ко всем кастам и всем народам, если верно, что провидение универсально.

5. *Единство системы.* Оно диктует применение притяжения, известного агента бога, пружины социальных гармоний вселенной, начиная от гармоний светил до гармоний насекомых. Значит, надо изучать притяжение, чтобы постичь божественный социальный кодекс. Некоторые умные люди похваляются этим исследованием, как Вольтер, который, обращаясь к богу, в стихотворной форме, говорит:

«Если я и ошибался,
то в поисках твоего закона».

Это — совершенная неправда. Вольтер никогда не искал божественного социального закона, потому что никогда не изучал притяжения, основанного на страстях, хотя и принадлежал к числу людей, наиболее способных к такому труду.

Другие ученые, как Ж.-Ж. Руссо, вопят о непроницаемости и недостаточности разума. Это — опять-таки ложь: разума будет весьма достаточно, когда ему отведут естественное место — во втором ряду, а не в первом и когда он соблаговолит искать божественный социальный кодекс, а не создавать свои кодексы. Но вместо того чтобы выполнить эту задачу, он нам платит либо бахвальством, как Вольтер, который по-

хваляется исследованиями, которых он не пожелал делать, либо *обскурантизмом,* как Ж.-Ж. Руссо, который обвиняет разум в неспособности, когда в действительности он только ленив и горделив; он пренебрегает исследованием притяжения, основанного на страстях, клевещет на него, выдавая его за порок, чтобы оправдать свое собственное невежество в отношении анализа и синтеза притяжения.

Следовало бы добавить здесь очерк бесчисленного множества нелепостей, которые допустил бы бог, если бы не создал социального кодекса для индустриальных отношений человека (I, 197). Я говорил об этом достаточно, чтобы было ясно, что путь правильного исследования состоит в стремлении к богу и осторожному подходу к предначертаниям и установкам, которые принято приписывать богу. Но так как этот метод со всех сторон приводит к изучению притяжения, то неудивительно, что философия, желая блюсти свои собственные законы, глумится над той отраслью науки, которая привела к открытию божественных социальных законов, и отрицает принцип: *всякое духовное просвещение — от бога,* как материальный свет от солнца — эмблемы бога, чувственного изображения отца вселенной.

Устремление к богу в наших исследованиях привело еще к акту справедливости, о котором философы не хотят и слышать: к признанию за ним *свободы воли,* которой мы требуем для самих себя. Если допустить, что он этой свободой пользуется, значит, он имел право выбора между принуждением и притяжением в качестве агентов социального движения. Если бы он выбрал принуждение, ему было бы легко создать свою полицию, более могучую, чем наши земноводные гиганты, — ростом в 100 футов, покрытые чешуей, неуязвимые и посвященные в наше военное искусство. Неожиданно появившись из морских пучин, они разрушили, сожгли бы наши порты, уничтожили бы наши эскадры и в одно мгновение заставили бы бунтующие государства отказаться от философии и подчиниться божественным законам общественного притяжения. Если бог не счел нужным обзавестись этими гигантами, которых ему было бы так же легко создать, как и крупных китообразных животных, следовательно, бог имел в виду только притяжение и что оно должно быть первой наукой для века, который захотел бы следовать предначертаниям бога, изучая природу и человеческие судьбы.

Во всяком случае вопрос *о свободе воли,* оспариваемой у бога человеческим разумом, чрезвычайно нов и заслуживает длинного исследования; очень досадно урезывать себя при обсуждении этого вопроса, одного из крупнейших в плане изучения бога.

В этой главе мы могли видеть, что познание бога и его действий, которые философы нам рисуют как непроницаемые тайны, является, напротив, наиболее легкой и наиболее эле-

ментарной из наук, можно сказать, наукой для детей, потому что она требует только маленькой дозы здравого смысла, которую легко найти у детей 10 лет, но невозможно встретить у отцов, сплошь сбитых с толку философией; чтобы вернуться на путь здравого смысла, они должны, как очень хорошо говорит Кондильяк, *переделать свой разум и забыть все то, чему их научили философские науки.*

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ, ВЗЯТОЕ ИЗ СВЯТОГО ЕВАНГЕЛИЯ

> Это слепые, которые ведут слепых (от Матфея, глава XV).
>
> Потому говорю им притчами, что они, видя не видят, и, слыша, не слышат и не уразумеют — и сбывается над ними пророчество Исаии, который говорит: слухом услышите и не уразумеете, глазами смотреть будете и не увидите (там же, глава XIII).

Какова причина такого ослепления цивилизованных народов? Отсутствие веры и надежды на бога. Даже те, которые нам кажутся благочестивыми, только половинчато верят в божественную мудрость. Они воображают, что бог предусмотрел не все, они спрашивают философов о путях социального счастья, и сомневаются в универсальности провидения, и не надеются на открытие божественных законов.

Что означает это аскетическое начало? Не богомолец ли это возвращается из святых мест, не отшельник ли это пришел из пустыни? Нет! Этот человек привык жить среди нас, но обладает неведомым вам компасом — новой наукой, которой не знают ваши вольнодумцы; он может вам указать выход из политического лабиринта, в котором вы блуждаете в течение стольких веков, разубедить вас относительно пышного титула вольнодумца, которым щеголяют умы слабые и поверхностные. Скоро наступит момент, когда в любой век всякого ученого, не верившего в универсальность провидения, сочтут извращенным умом.

В главе XL я доказал, что две добродетели, находящиеся в пренебрежении и служащие чуть ли не предметом глумления, — вера и надежда на бога — прямо привели бы к открытию теории общественного механизма! Я продолжаю на тему о человеческих судьбах и о недостатке веры, которые в течение столь долгого времени мешали нам сделать это открытие.

Благочестивые люди, сомневающиеся, как Моисей, который два раза ударил по камню, точно опасаются, что бог будет мешкать со вмешательством в дела человечества, когда они будут взывать к нему о помощи. Это — те маловеры, которых Христос укорял, говоря: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Потому что отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде всего царства божьего и правды его, и это все приложится вам» (от Матфея, глава VI). «По-

смотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и бог питает их; насколько же вы лучше птиц?» (от Луки, глава XII). И, следовательно, вы более достойны заботы бога.

Моисей, в качестве кары за сомнения, оскорбительные для провидения, был лишен земли обетованной. Так и род человеческий, в наказание за недостаток веры, изгнан из земли, обещанной ему евангелием. Царство небесное, или общественная гармония, было возвещено людям; они могли войти туда немедля, если бы хотели *видеть своими глазами и слышать своими ушами. Видеть* нелепость философского режима, называемого цивилизацией, всегда благоприятствовавшего несправедливости и угнетению; *слышать* божественное слово, обещающее им царство небесное в этом мире, если они захотят его искать, — ищите и обрящете (quaerite et invenietis).

Я пытаюсь открыть им глаза в этом поучительном толковании евангелия, где я поясню тайный смысл притчи, непонятной до сих пор, притчи о царстве небесном, которое мессия понимает в двояком смысле. Он возвещает царство справедливости в *загробном мире и в здешнем.* Это с очевидностью явствует из обещания земных благ, которые он формально гарантирует людям с момента, когда они найдут *царство бога и его справедливости,* общественную гармонию, образ царства небесного и провозвестник счастья, обещанного избранным в другой жизни.

Иисус знал, что в другом мире мы не будем нуждаться ни в платье, ни в предметах питания. Значит, он пророчествует не о грядущей жизни, когда обещает земные блага; чтобы предотвратить всякое кривотолкование, он настаивает на этом, говоря: «Имеющий уши — да слышит». Этого достаточно, чтобы понять, что притча имеет двоякий смысл и что необходимо ее комментировать, чтобы раскрыть ее истинный смысл.

Ряд причин, которые будут объяснены мной ниже, помешал людям *услышать* это аллегорическое откровение судьбы общества, а Христу — более подробно высказаться по этому вопросу: Иисус явно возвещает царство небесное в этом мире, независимо от счастья, обещанного в другом мире. Он признает, что, если мы упустим земные блага, бог будет менее великодушен к человеку, чем к птицам небесным. Я сейчас поясню истинный смысл этих слов мессии в двух следующих статьях, где я исследую: 1) ошибки в толковании священного писания; 2) неумение применять его мудрые предписания к нашим исследованиям.

1-й пункт. Ошибки в толковании священного писания

«Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное». Эта притча наиболее известна и наименее понятна. Кто эти нищие духом, которых превозносит Христос? Люди, которые

предохраняют себя от ложного знания, называемого неточной наукой — философией. Это — камень преткновения для гения, путь, ведущий к гибели; он отклоняет нас от всяких полезных исследований, могущих содействовать зарождению общественной гармонии, царства небесного и справедливости, которые Христос велит искать. Он хочет предохранить нас от злоупотреблений ума, от лабиринта этой философии, осужденной самими ее авторами, которые к ее стыду говорят: «Но какой густой мрак окутывает еще природу!» *(Вольтер).* «Эти библиотеки, мнимые сокровища возвышенных знаний, — лишь жалкие скопища противоречий и заблуждений» *(Анахарсис).*

Иисус учит нас, что истинность знаний, открытие общественного механизма резервировано для праведников, которые пренебрегут софизмом и будут изучать притяжение. Таков смысл стиха: «Славлю тебя, отче, господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (от Матфея, глава XI).

Значит, есть знания, которые уготованы для простых смертных, и в их числе открытие социальной гармонии, до которой философские умы не могли подняться. Таким образом, говоря: Блаженны нищие духом! Иисус отнюдь не восхваляет невежество, как клевещут насмешники; ученые изумлялись глубине его эрудиции. Следовательно, он отнюдь не поборник невежества. Но он свидетельствует свое презрение к ученым обскурантам, упорно коснеющим в рутине цивилизации и не желающим искать новых наук, которые бог откроет людям, достаточно справедливым, чтобы проникнуться сомнением к человеческому разуму, и достаточно скромным, чтобы вознестись к божественному разуму, или коллективному притяжению. Это подчинение удвоит их силу и приведет их к цели: humilem corde suscipiet gloria.

Никогда не понять аллегорического языка священного писания тем, кто не знает, что надлежит открыть новые науки и новые общественные механизмы. Непонимание грядущих судеб мешает понять ряд мест священного писания, где они предсказаны *косвенно и аллегорически;* самые тонкие толкователи не могут удовлетворительно пояснить эти пророчества вследствие незнания ими грядущей социальной метаморфозы, царства справедливости и гармонии, прогноз которого содержат эти места.

Как, например, объяснить стих евангелия, где Иисус нам говорит: «Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех: отец будет против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей... Огонь пришел я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (от Луки, глава XII).

Однако *бог есть бог мира, а не беспорядка,* говорит святой Павел, поэтому странно слышать, что ангел мира — искупитель — объявляет, что он несет в мир беспорядки всякого рода! Сколько других мест священного писания могут вызвать такое же удивление, пока не знаешь истинного смысла, который я сейчас изложу в общей системе, потому что я не могу здесь вдаваться в подробные толкования!

Человечеству необходимы два откровения, которыми оно могло бы руководствоваться; одно касается спасения душ и было сделано Христом и пророками; оно не может быть предметом изучения, но предметом *чистой и простой веры.* Откровение, касающееся судьбы обществ, дано нам притяжением; это — предмет изучения и *умозрительной веры,* надежда на вмешательство бога и методическое искание его общественного кодекса (гл. XL).

Это второе откровение — условное. Социальный мир может проникнуть в тайну счастливых судеб, если захочет их исследовать. Но он не вознесется на эту ступень знания, пока его не ищет. Вот почему Иисус говорит: *«Ищите, и обрящете, просите, и дано будет вам, стучите, и отворят вам».* «Думаете ли вы, что бог менее предусмотрителен для вас, чем для ворон — птиц небесных (от Луки, глава XII).

Для чего послужило бы это искание, если бы перспектива была не что иное, как цивилизация, пучина бедствий, воспроизводящая все те же социальные бичи, только в различных формах. Без сомнения, остается открыть некоторые более счастливые общества, так как спаситель нас побуждает активно к поискам. Но почему сам он не просветил нас в этом вопросе, зная прошлое и будущее, весь план судеб, согласно стиху: «Все передано мне отцом моим» (Матфей, глава XI)? Неужели не мог он осведомить нас о судьбах нашего общества, вместо того чтобы заставлять нас их изобретать? А это изобретение, вследствие нашего безрассудного доверия к философам, было отсрочено на столько веков!

На это возражение я отвечаю: уполномоченный своим отцом дать религиозное откровение, Христос не имел полномочия на откровение социальное, формально исключенное из его атрибутов, как это он сам говорит в следующих словах: «Воздайте кесарю кесарево и богу божеское». Он вполне положительно устраняется от функций, уготованных либо светской власти, либо социальной политике. Он не мог бы информировать людей об их общественной судьбе, не нарушив предписаний отца, который хотел, чтобы это открытие было задачей разума и наградой за исчерпывающее изучение притяжения (гл. XL). Иисус знал эту счастливую провиденциальную судьбу человечества, но не имел возможности ее открывать и часто тяготился установленным для него пределом, потому что, согласно евангелию от Иоанна (глава III): «Не послал бог сына своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен

был через него». Значит, его миссия ограничивалась спасением душ; это — наиболее благородная часть нашей судьбы — и именно поэтому бог доверил эту возвышенную функцию своему любимому сыну, оставив на долю человеческого разума второстепенную отрасль — политическое спасение общества и, следовательно, изыскание божьих путей в социальной механике, путей, открываемых исследованием притяжения.

Не будучи обязан просвещать нас относительно этого предмета, ни избавлять нас от исследований, к которым его отец нас понуждает, Христос ограничивается возвещением в притче общественного назначения человечества именем царства небесного. Социальный строй, предназначенный человечеству, действительно составляет часть царства небесного в качестве царства справедливости, прообраза небесных гармоний. Намекая на эту счастливую судьбу, Иисус нам говорит *по существу* так: «Я вам открываю путь спасения душ, это для вас важнее всего; что касается тел, что касается светских обществ, то они все еще пучина несправедливости, называемой цивилизацией; оставить вас там значило бы принести вам древо раздора. *Отец будет против сына и свекровь против невестки*» и т. д. Обязавшись таить от вас выход из этого социального ада, «*огонь пришел я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся*» (от Луки, глава XII).

Это пожелание чуждо недоброжелательства, это свидетельствует о благородном нетерпении Христа при виде того, как философия переполняет меру своих заблуждений, усугубляет недуги, которые она якобы стремится исцелить, и вынуждает нас, с краской стыда за наше безрассудное доверие к ней, искать выхода из политического лабиринта, в который она нас ввергла.

Поэтому божественный учитель с жаром восстает против софистов, отклоняющих нас от этого исследования. Он их проклинает, говоря: «Горе вам, книжники и фарисеи! Что вы — как гробы скрытые! Горе вам, законникам, что взяли ключ разумения; сами не вошли и входящим воспрепятствовали» (от Луки, глава XI).

Нет сомнения, что философы завладели ключом науки потому, что они начали вычислять притяжение в его бесполезной отрасли и не хотят, чтобы это вычисление было закончено в полезной отрасли, в той, которая откроет нам врата царства небесного. Чтобы нас туда не пустить, они стараются затруднить изучение человека метафизическими тонкостями, в то время как это изучение наиболее просто, требует только ума, свободного от предрассудков и верящего в притяжение, как верят дети. Именно для того чтобы нас привести к этому естественному разуму, Христос нам говорит: «Пустите детей ко мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть царство божие. Истинно говорю вам: кто не примет цар-

ства божия, как дитя, тот не войдет в него» (от Марка, глава X).

В чем состоит эта способность детей воспринимать царство божие? В том, что они целиком стоят за притяжение и нисколько не интересуются моралью. Значит, их ум таков, что может исследовать притяжение, что ведет к открытию царства божьего, или режима ассоциации. Отцы, напротив, пропитаны философскими предрассудками и неспособны исследовать притяжение. Такого рода упрек бросают им разумные писатели, вроде Кондильяка, говоря: «Те, кто ничему не учился, поймут лучше тех, кто много занимался науками, и в особенности тех, кто писал». В самом деле эти люди, будучи пропитаны софизмом, сбиваются с толку при малейшем новшестве, выходящем за их узкую сферу, между тем как простые смертные и дети, менее предубежденные против притяжения, более расположены предаваться изучению его, не представляющему никаких трудностей.

Большой помехой надлежащему исследованию служит у философов эгоизм, которым они пропитаны под маской филантропии: Иисус их в этом горячо упрекает, говоря: «Как вы можете говорить доброе, будучи злы» (от Матфея, глава XII). «Лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (там же, глава XXIII). В самом деле, их цивилизация, к которой они чувствуют пристрастие, покоится на самых гнусных принципах вроде следующих: «нужно много бедных, чтобы было несколько богатых, не нужно огорчаться бедствиями, неотделимыми от цивилизации» и т. д. Пропитанные этими эгоистическими доктринами, они не могут вознестись к первоисточнику — к идее справедливости, каким является гарантирование народу *минимума,* недвусмысленно требуемое Христом; когда фарисеи упрекают его в том, что его ученики делают в субботу то, чего «не должны делать», он отвечает: «Неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? Как вошел он в дом божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним» (от Марка, глава II). Этими словами Христос освящает право брать необходимое там, где его находишь. И это право обязывает обеспечить народу *минимум;* пока эта обязанность не признана, общественного договора не существует. Это — первое правило милосердия; философия упорно отказывается его признать, потому что она не знает способа обеспечить народу *минимум.* Эта уступка народу действительно невозможна, пока мы не можем подняться к одному из обществ, стоящих выше цивилизации, хотя бы к обществу солидарных гарантий, которые будут зарей счастья (см. Введение).

Постигнув пути социального счастья и режима ассоциации, Иисус открыто допускает вытекающие отсюда следствия, каковыми являются приобщение народа к благосостоянию и практика добродетелей, связанная с наслаждением благами этого мира; они нам возвещены в следующих словах Исаии: «Дух господа на мне, он меня послал лечить, у кого разбитое сердце, объявить пленникам свободу, слепым возвращение зрения и освободить тех, кто находится в угнетении». Но каким образом дать пленникам, рабам, неграм свободу, если не посредством режима индустриального притяжения, который заставит всех рабовладельцев в собственных интересах освободить рабов (за исключением коммандитных товариществ) и освободит нас от всех видов социального и домашнего гнета?

При всяком удобном случае мессия побуждает нас жить беззаботно, лишь бы мы искали царство справедливости, где будет обилие всех благ. Иисус дает предвкусить его верующим: на свадьбе в Каннах он превращает воду в восхитительное вино. А когда надо накормить пять тысяч человек, которые, веруя в него, последовали за ним в пустыню, он творит ради них чудо с хлебами и умножает количество рыб: это в награду за их веру и за их беззаботность. Сам он жалуется, что не обладает благами этого мира. Он говорит: «Лисицы имеют норы, птицы небесные имеют гнезда, но сын человеческий не имеет где преклонить голову» (от Матфея, глава III). Он отвечает на упреки евреев в том, что он любит хорошие трапезы, и говорит им: «Пришел Иоанн Креститель; ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес. Пришел сын человеческий; ест и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино» (от Луки, глава VII). Иисус им отвечает: «И оправдана премудрость всеми чадами его». На его взгляд мудрость вполне совместима с благосостоянием. И чтобы подкрепить наставление примером, он садится за стол, уставленный изысканной пищей, у пригласившего его фарисея; куртизанка приходит и натирает его душистыми маслами. Иисус порицает фарисея, который ее критикует, и говорит этой женщине: «Простятся тебе грехи твои, вера твоя спасла тебя». Сочувствуя угнетенному полу, он прощает прелюбодействующую женщину и грешницу Магдалину; недаром он говорит: «иго мое благо, и бремя мое легко!» (от Матфея, глава XI).

Эти слова священного писания показывают, что божественный учитель никогда не выказывает себя врагом богатства или удовольствий; он требует только, чтобы к наслаждению этими благами люди присоединяли живую веру, потому что именно вера (глава XL) должна нас привести к открытию режима ассоциации, *царства справедливости, где эти блага будут даны в изобилии*. Он порицает не богатства, а только пороки, которые приводят к богатству при цивилизации, и говорит: «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в царство небесное». Эта притча имеет в виду

несправедливости и насилия, творимые цивилизованными, чтобы добиться богатства. Он порицает эти преступления, говоря: «От дней Иоанна Крестителя доныне царство небесное силою берется, и употребляющие насилие восхищают его» (от Матфея, глава XI). Здесь царство небесное — эмблема благосостояния, захваченного несправедливо. Но чтобы побудить гения к исканию царства небесного, чтобы гарантировать нас от внушений философии, которая кричит о непроницаемости, Иисус опровергает это зловещее предсказание, говоря: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы» (от Луки, глава XI).

В самом деле, все легко открыть, лишь бы исследователи обладали двумя качествами, рекомендуемыми Христом, — простотой детей при изучении притяжения и верой в обещание мессии, который нам гарантирует наступление царства справедливости, лишь бы мы его искали с полным доверием и с той живой верой, *которая двигает горами;* намек на силу, которую дает интеллекту вера, чтобы разрешать гигантские проблемы всеобщей гармонии, слывшие непроницаемыми. Они, наконец, разрешены, но они были недоступны поколениям слепых, которые, согласно евангелию (от Марка, глава VII): «Оставивши заповедь божию» (божественный маяк притяжения), «держитесь предания человеческого» (ложного философского просвещения).

Я доказал, что смысл священного писания не мог быть хорошо понят, пока неизвестна была счастливая провиденциальная судьба, туманно им предсказываемая. Напрасно противопоставили бы этому толкованию некоторые изречения, где мессия выражается вроде следующего: «*Мое царство не от мира сего*». Если оно не от мира сего теперь, то лишь потому, что божественный закон о механизме страстей никому не известен и не установлен. Но этот низменный мир может подняться к гармонии, или к царству добродетелей: тогда он будет царством Христа, подобно тому как мир цивилизации, варварства и дикости является царством сатаны и молоха.

Конечно, Иисус не хочет царствовать над мирами, представляющими образ ада, но он нас признает достойными его скипетра, когда, послушные его голосу, *мы будем искать и обретем* это царство справедливости, прелести которого он нам аллегорически рисует в параллели, предметом которой является Иоанн Креститель: «Из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя; но меньший в царствии божием больше его» (от Луки, глава VII). Точно так же беднейший в царстве справедливости и гармонии, которое должно быть основано, превзойдет, в отношении счастья, богатейшего цивилизованного (см. таблицы, гл. XXXIX).

Закончим это толкование, говоря вместе с Христом цивилизованным нациям: «Этим ли приводитесь вы в заблуждение, не зная писаний, ни силы божией»? (от Марка глава XII)

(бога, воля которого вам сообщена через притяжение). Поэтому Иисус нам говорит: «И всякому, кто скажет слово на сына человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на святого духа, тому не простится» (от Луки, глава XII), «ни в сем веке, ни в будущем» (от Матфея, глава XII).

Почему такое снисхождение к богохульствам против отца и сына и такая беспощадность к тому, кто хулит святой дух? Потому, что утешитель, святой дух, исходящий от отца и сына, является органом того и другого (согласно единству трех лиц). Поэтому игнорировать святой дух, сопротивляться его *коллективному импульсу,* значит оскорбить всех троих. Этот импульс нам сообщается посредством притяжения, коллективное развитие которого нужно определить, равно. как и коллективную тенденцию к механизму серий и ко всеобщему единству. (Да послужит это ответом клеветникам, которые утверждают, что я даю положительную оценку индивидуальным притяжениям, развивающимся в цивилизации и всегда вредным вне серий, построенных на страстях.)

Именно для того чтобы побудить нас к изучению притяжения, Христос прощает оскорбления, которым подвергается он, но не оскорбления, наносимые святому духу, который через посредство притяжения неуклонно открывает нам предначертания святой троицы о новой общественной гармонии. Тот, кто оскорбляет своими богохульствами отца и сына, вредит только себе самому и заслуживает лишь презрения, а может быть, и снисхождения. Но философ, который поносит святой дух, восставая против исследования притяжения, вредит человечеству в целом, потому что он скрывает от него его назначение, удаляет его от счастья; такой философ не заслуживает прощения ни в этом мире, ни в другом.

Сказанного достаточно, чтобы доказать, что некоторые таинственные места священного писания нуждаются в толкователе, руководствующемся новыми знаниями. Остается отметить наше неумение использовать хорошие наставления, которыми оно изобилует. Это и будет предметом второй статьи.

2-й пункт. Неумение применить заветы священного писания

Я исследую только два: один против слепого доверия к софистам, другой против безразличия в области религии, против апатии, прикрашенной благочестием.

1. *Слепое доверие к софистам.*

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. *По плодам их узнаете их:* собирают они с терновника виноград или с репейника смоквы?!» (от Матфея, глава VII).

Вот в немногих строках компас для надлежащих исследований; если бы люди им руководствовались, то они уже

давно избежали бы цивилизации. Чтобы нас обмануть, философия усвоила это правило и применяет его навыворот. Бог и царь новейших софистов — *Декарт* — прикрылся этой овечьей шкурой. Он притворно проповедовал сомнение, подчинив его опыту; он делал вид, что сомневается в просвещении человеческого разума. Но это была хитрость, чтобы выдвинуться, потому что он отнюдь не хотел подчинить экспериментальному сомнению древо лжи, именуемое *цивилизацией*, которая дает народу только колючки и тернии, а социальному миру — только несправедливость и обман. Невзирая на эти гнусные черты цивилизации, он упорно нас в ней хоронил, вместо того чтобы искать из нее выхода.

Если бы он, согласно евангелию, судил о дереве по его плоду, мог бы он колебаться хотя бы одну минуту, чтобы осудить цивилизацию и искать царства справедливости, обещанного священным писанием? Но смысл евангелия, только что мной истолкованный, в ту пору не был известен. Благодаря этому благочестивые люди оставались *пассивны*, видя царство зла. Этого недостаточно. Следовало взять на себя *активную* роль, искать в социальном механизме царства справедливости, открытие которого Христос нам так ясно обещает. Бесплодное благочестие ограничивается разглагольствованиями против заблуждения человеческого разума. Этого мало. Нужно открыто и активно прибегнуть к божественному разуму, изучать естественные импульсы, или притяжение и отталкивание. Благочестивые люди должны их изучать хотя бы уже потому, что философия их осуждает.

Разве церковь не имела в изобилии чрезвычайно ученых людей, которые могли бы выполнять задачу, которую новейшая философия отвергла, не посмев за нее взяться, задачу, от которой с хитростью уклонились Вольтер и Руссо?

У церкви было много даровитых людей — Боссюэ, Фенелон и многие другие; они не толкнули на путь исследования притяжения; они не предложили ни конкурсов, ни премий для этой отрасли исследований. Иисус их хорошо определил в этих словах: «Они говорят и не делают» (от Матфея, глава XXIII). Благочестивые и нечестивые одинаково оскверняют религию, узурпируя как те, так и другие права создателя на законодательство. Единственное различие между ними — активная роль, которую играют софисты. Вольтер своими насмешками над религией и Руссо своими реакционными предубеждениями ведут нас к одному и тому же подводному камню; оба в различных выражениях учат нас о недостаточности разума для познания бога и проникновения в его предначертания, что в действительности как нельзя легче (читатель мог это видеть в главе XL). Христос сам нас в этом уверяет, говоря: «Нет ничего сокровенного, что не стало бы явным, ищите, и обрящете». Но лжепророки в овечьей шкуре глушат всякую мысль об исследовании. Один уверяет нас, что

он занимался изысканиями, на самом деле этого не было. Другой разрушает надежду и отвращает нас от поисков. Разочарование, с одной стороны, неспособность, с другой — таковы характеры тех, кто управляет человеческим разумом.

Этот Протей, называемый философией, будучи побежден в одной форме, принимает другую; за изношенными химерами свободы и равенства следует новый софизм, приукрашенный именем *ассоциации, духа ассоциации.* Мы открываем тут две различные секты, и та и другая *суть волки хищные в овечьей шкуре.* С одной стороны, это — дух индивидуализма, который под маской ассоциации стремится воссоздать рабство в виде торговой каторги, коалиции дельцов, торгующих доходами государств, стремящихся поглотить будущее, и т. д. Дух изобретений этой секте чужд. Она не сумела открыть средства, позволяющие захватить имущество, территорию, поставить всю массу нации в вассальную зависимость от нескольких главарей торговли и основать феодальную монополию, которая знаменовала бы вступление в четвертую фазу цивилизации. Тогда преступление и обман совершались бы в большем масштабе, чем в третьей фазе, где мы находимся теперь. Почему же запоздали с открытием этих сугубых социальных подлостей? Потому, что отличительная черта управляющих нами философов — это никчемность, даже в преступлении.

Другая секта, якобы основывающая ассоциацию, имеет в виде агентов новых философов, называемых *оуэнистами* по имени их вождя. Эти люди, под флагом ассоциации, образуют антиобщественные союзы, отвергая методы, порождающие согласие страстей и индустриальное притяжение, каковы цели нового общественного строя.

Эти учреждения не выполняют ни одного условия, обязательного для всякого основания ассоциации; первое — это действовать посредством притяжения, толкая на путь подражания дикарей и в особенности рабовладельцев, из коих ни один не примкнул к режиму оуэнистов. Значит, этот режим — только новый обман, как и все философские концепции. Впрочем, чего ожидать от секты, которая начала с того, что изолировала себя от бога — отказала ему в публичном почитании! Глава этой секты, усиленно чванясь милосердием и филантропией, упрямо отказывался от предосторожности, которую диктовало подлинное милосердие: я имею в виду учреждение конкурса на изобретение естественного метода ассоциации и всемерное содействие этому открытию или приближениям к нему.

Роберт Оуэн из самолюбия тщательно этого избегал. Он хотел быть одновременно изобретателем, основателем и оратором ассоциации. Объединив в своем лице три роли, требующие трех различных лиц, он хотел присвоить всю славу себе. Он завладел *словом* ассоциация, не заботясь о его *содержании;* думал только о том, как бы присвоить себе честь буду-

щего открытия, и старался отвлечь внимание других от этого исследования, уверяя, что он самостоятельно решил эту задачу.

Все несчастье в духе софистов.

Эта чрезмерная гордость могла бы еще долго удерживать новейшие народы от исканий в области ассоциации, если бы по счастливой случайности не подоспело изобретение в то самое время, когда Роберт Оуэн присваивал себе честь изобретателя ассоциации. В действительности, он только посредственный софист, копирующий Пэнна (G. Penn), основателя квакеров, человек столь же чуждый изобретательности, как и лишенный подлинного чувства филантропии. Понятие об этом дает краткий анализ его методов в моем послесловии.

Его безрассудная претензия принесет ему такую же честь, как Герострату сожжение храма в Эфесе, чтобы прославить свое имя в истории. Итак, чтобы прослыть, подобно Пэнну, главой секты, Роберт Оуэн старался поймать на удочку промышленные общества, отвлечь их от исканий, от чего зависело достижение ими общественного благоденствия. К счастью, его замысел был своевременно раскрыт.

Временный успех этого фиглярства должен объединить благоразумных людей вокруг идеи, выдвинутой евангелием, идеи экспериментального сомнения, вернейшего путеводителя в исследованиях ассоциации, как и всякого другого предмета. Нужно *судить о дереве по его плодам и не доверять волкам в овечьей шкуре*. Каковы же плоды этой новой секты? Увлекла ли она за собой дикарей и рабовладельцев? Нет. Если бы Роберт Оуэн, обладая возможностью основать большие учреждения, имел некоторое понятие о новом общественном механизме, он за эти 20 лет распространил бы его на весь земной шар — приманкой прибыли и удовольствий. В мире не существовало бы уже ни дикарей, ни варваров, ни цивилизованных. Он же, напротив, только опошлил *термин*, не сделав ничего *по сути дела;* он внушил только такое недоверие к идее ассоциации, что в наши дни приходится исключить это *слово* из теории, которая раскрывает *содержание* — метод естественной ассоциации.

Таков наш XIX век, превозносящий свой умственный прогресс и умеющий организовать только научную анархию, из которой он немедленно бы вырвался, пожелай он присоединиться к евангельскому завету с *недоверием относиться к лжеученым и судить о дереве по его плоду*. Вместо такого благоразумия он переходит от одной химеры к другой. Он поощряет только вредные изобретения, налоговую изворотливость и западни ажиотажа. Увлеченная потоком торговли, наша философия не замечает, что социальный мир идет к четвертой фазе цивилизации, еще более злодейской, чем нынешняя — третья фаза. Новейшие философы, очень хорошо говорит евангелие, *суть слепые, которые ведут слепых*.

Эта секта мнимых вольнодумцев, раздраженная тем, что

она обладает только остроумием, но лишена гения изобретательности, образовала тайную лигу, чтобы глушить открытия, исходящие из академических кругов. «Они, — говорит Христос, — взяли ключ разумения. Сами не вошли и входящим воспрепятствовали». Они ставят в упрек своим соперникам принцип *compelle intrare* и приемлют еще худший принцип *prohibe intrare*. Недаром, суля целые потоки просвещения, они отказываются учредить конкурс на многочисленные изобретения, которые нужно сделать, и, в особенности, на продолжение и завершение исследований притяжения, начатых Ньютоном. Таково состояние разума XIX века. Такова пропасть, в которую он погрузился благодаря своему упрямому нежеланию выполнять завет евангелия — *судить о дереве по его плоду;* этот порок неизбежно открывает поле всем шарлатанствам и закрывает доступ подлинному просвещению.

Проверка применения евангельского завета — *судить о дереве по его плоду* — достаточно ясно доказывает, что цивилизованные не хотят правильно применять достоверные учения. Я мог бы продемонстрировать это и на 20 других заветах. Достаточно, однако, еще одного исследования, чтобы показать, что наш век, делая вид, что он ищет истины, на самом деле старается ее глушить; недаром из всех писателей, превозносивших сомнения, ни один не взял под сомнение необходимость существования двух обществ — цивилизации и варварства, не задался вопросом, являются ли они конечным назначением человечества или только временными уродствами, этапами на пути дальнейшего движения для перехода к социальным периодам менее несчастным.

Относительно евангельских заветов следует заметить, что они являются источником, из которого черпают даже те, кто опровергает их. Что в конечном счете представляет собой доктрина Декарта, этого реставратора новейшей философии? Высокопарное изложение лаконического евангельского завета, призывающего *не доверять софистам и судить о дереве по его плоду*. Декарт построил на этом принципе обширную систему, которой он сам не придерживался; он выдавал себя за новатора, тогда как в действительности он только перефразировал мысль, заимствованную у Христа; он ее изуродовал и приспособил к своим доктринам, не делая, однако, из нее правильного применения, согласно повелению творца. Все наши философские науки точно так же покоятся на плагиатах, подлинники которых можно найти в священном писании: в книге Бытия, в евангелии и т. д. Именно таким образом идеологи, чтобы создать себе науку, извратили слово *душа* в готическую перифразу — *восприятие ощущения, познавательная способность человеческого я*. Так как философия есть лишь спекулятивное предприятие книгоиздательства, то ей полагается усложнять и запутывать каждый предмет, расточая столько многословия.

сколько лаконичности в источниках, откуда она эти предметы почерпнула.

Повторяю, философы не единственные виновники запаздывания гармонии; возложим на каждого его долю вины. Приходится исследовать второй завет: *ищите и обрящете* — и заблуждения, в которые впали благочестивые люди благодаря игнорированию этого совета, троекратно данного спасителем, который сказал: *Ищите, просите, стучите в дверь.*

Если бы класс людей, называющий себя благочестивым, имел некоторую дозу веры и надежды, он попытался бы принять буквально предсказания Христа, который беспрепятственно предвещает нам открытие божественного кодекса *тем, кто станет его искать;* и дает нам понять, насколько несправедливо с нашей стороны подозревать его отца в некотором недостатке предусмотрительности, полагая, что о нас он менее заботится, чем о столь презренных существах, как вороны. Иисус нам говорит обратное, что бог вникнет подробно в наши потребности вплоть до учета каждого волоса на нашей голове (намек на крайнюю предусмотрительность бога). Как же мог он не озаботиться удовлетворением самой безотлагательной потребности человеческих обществ, потребности в кодексе, регулирующем наши промышленные отношения, гарантирующем справедливость? Я уже говорил: бог устанавливает законы социальной гармонии для творений столь необъятных, каковы звездные миры, и для столь ничтожных, как пчелы и муравьи; мог бы он не создать такого кодекса для человека, как это он сам говорит?

Такова главная проблема, над которой должны были работать классы, проникнутые верой и надеждой. Сколько существенных споров возникло бы в связи с этим вопросом, сколько света это бы внесло, какой толчок это бы дало ревностным изысканиям, согласно завету *ищите и обрящете!* Я заимствую из трактата (I, 192) несколько положений по этому вопросу.

Если человечество должно творить себе законы, если нет надобности, чтобы бог вмешался в это дело, значит, он ставит наш разум выше своего в области законодательства. Одно из двух: либо он не смог, либо он не хотел дать нам социальный кодекс, благоприятствующий справедливости. *Если не смог,* то как мог он думать, что наш разум справится с задачей, которую он побоялся взять на себя, не будучи уверен в успехе? *Если не хотел,* как могут наши законодатели надеяться построить здание, которого бог хотел нас лишить?

Можно ли предполагать, что бог хотел оставить разуму одну часть управления, поприще в социальном движении, что он нам предоставил законодательные функции, хотя он мог бы лучше выполнить их сам; что он хотел оставить этот шанс нашему политическому гению? Но наши опыты на протяжении трех тысяч лет ясно доказывают, что гению цивилизации эта задача не по-плечу. Бог должен был предвидеть, что все

наши законодатели, начиная от Миноса до Робеспьера, только укоренят всем известные бедствия человечества — нищету, обман, гнет, бойню.

Зная еще до нашего сотворения эту неспособность и эти плачевные результаты человеческого законодательства, бог для забавы что ли возложил бы на нас задачу, непосильную для нас и столь легкую для него! По каким мотивам отказался бы он дать нам кодекс, основанный на притяжении? Относительно этого пробела возможны 6 случаев: 1) *или он не смог* нам дать кодекс, гарантирующий справедливость, истину, индустриальное притяжение. В этом случае с его стороны несправедливо вселить в нас потребность, не имея средств нас удовлетворить, как животных, для которых он составляет социальные кодексы, привлекательные и регулирующие социальную систему; 2) *или он не хотел* нам дать этот кодекс; в этом случае он — наш мучитель, преднамеренно вселяющий в нас потребности, которых мы не можем удовлетворить, так как ни один из наших кодексов не может искоренить известные бичи человечества; 3) *или он мог, но не хотел;* в этом случае он — соперник дьявола, умеющий делать добро, но предпочитающий делать зло; 4) *или он хотел и не мог;* в этом случае — он неспособен нами управлять, так как он знает и желает блага, которого не сможет создать и которое мы еще того менее сумеем произвести; 5) *или он и не мог и не хотел;* в этом случае он ниже дьявола, которого можно смело обвинить в злодействе, но не в глупости; 6) *или он мог и хотел;* в этом случае кодекс существует, и он должен был нам его открыть, потому что к чему же этот кодекс, если ему суждено остаться скрытым от людей, для которых он предназначен?

Рассмотрев эти 6 альтернатив, мы приходим к заключению, что кодекс существует. Значит, его должны были искать, потому что Христос нам говорит, что мы обретем только то, чего будем искать — quaerite et invenietis, pulsate et aperietur vobis.

Мы ни единой минуты не сомневались бы в наличии этого кодекса, если бы учитывали, насколько богу легко оказать нам такую милость. В самом деле, что стоило бы богу избавить нас от бича ложного просвещения, дать нам кодекс, способный привести в гармонию наши домашние, индустриальные и социальные отношения? *Ничего. Ровно ничего.* Он не нуждается даже в гениальности, которой он без сомнения обладает; ему достаточно *пожелать.* Потому что, благодаря возможности, которой он один располагает, благодаря его *власти создавать притяжение,* наихудший кодекс, им составленный и основанный на притяжении, поддерживался бы сам собой и распространился бы на весь человеческий род, в силу приманки удовольствия. А наилучший кодекс, составленный людьми и нуждающийся для своего укрепления в принуждении и наказаниях, становится источником раздоров и несчастий, исключительно благодаря отсутствию притяжения для

выполнения законов. Поэтому все конституции, выработанные людьми, рушились бы мгновенно, лишившись подпоры в виде сыщиков и виселиц.

Отсюда можно вывести странное, но весьма справедливое заключение: наше счастье может быть следствием только божественных законов, даже в том случае, если бы бог был менее искусен в законодательстве, чем философы. Что же будет, если бог окажется равен им по гениальности, что можно предвидеть, не нанося им оскорбления. Его кодекс, хотя бы и равный кодексу философов по мудрости, всегда будет иметь неоценимое превосходство: он будет опираться на притяжение, основанное на страстях, — единственный залог счастья для тех, кто ему подчиняется. Больше счастья подчиняться любовнице, чем повелевать рабом. Удовлетворение рождается не от одной только свободы, но также от соответствия функции со вкусами того, кто ее выполняет.

Таким образом, бог наверное знает, что счастье принесет нам *привлекательный* кодекс, хотя бы и не столь мудрый, как людской. С другой стороны, бог уверен, что при всех кодексах, исходящих от человеческого разума, нас постигнет несчастье, потому что такие кодексы *не привлекательны,* ибо законодатель-*человек* не может сделать для нас привлекательными своих сборщиков налога, сыщиков, гарнизонных солдат, рекрутские наборы и другие совершенства так называемых либеральных конституций цивилизации.

Этот ход мыслей не мог ускользнуть от божественной мудрости, должен был побудить ее дать нам какой-нибудь специальный кодекс, опирающийся на притяжение, основанное на страстях. Те же соображения должны побудить людей выяснить, не существует ли такой божественный кодекс, который управлял бы всем посредством притяжения, и не остается ли он за семью печатями вследствие порочных методов науки, которая не сумела ни открыть его, ни даже искать. Значит, нужно поставить вопрос, какими путями искать и определить этот кодекс. Всякое рассуждение по этому предмету привело бы к учреждению конкурса *на аналитическое и синтетическое исследование притяжения, основанного на страстях,* — исследование легкое; будучи пугалом для философов, оно, однако, единственно прямой и методический путь, чтобы подняться к изобретению плана научной гармонии.

Если бы мы присутствовали при первом опыте, если бы мы наблюдали первые века цивилизации, было бы, пожалуй, простительно возлагать некоторую надежду на достижение социального блага через наши собственные знания, через философские конституции, так сильно размножившиеся за последние полвека. Но мы полностью разочарованы длительным опытом; нам, очевидно, не приходится ожидать ничего хорошего от наших четырех наук: морали, метафизики, политики и экономики. Опыт двадцати пяти веков доказал, что все

эти науки — порочный круг, что они не только не выполнили ни единого из своих обещаний, но дают только призрачные гарантии, порождают только новые бедствия, умножают все бичи, которые они обещали искоренить.

Напомню еще раз: в Англии, в этом очаге индустриализма, в одной только столице имеется 230 тысяч нищих, соответственное число приходится на провинции, и ежегодная помощь бедным в сумме 200 миллионов только увековечивает нищенство и рабство, зрелище которых внушает нам ужас. Вот плоды новой химеры индустриализма и клеймо проклятия для этого века, который, вопреки заветам евангельским, не хочет *судить о дереве по его плоду, продолжает доверять лжеучениям, не хочет надеяться только на бога и искать его кодекс, если он полагает его открыть* (см. I, 197 — перечень бесчисленных нелепостей, в которые впал бы бог, если бы он пренебрег составлением и открытием привлекательного социального кодекса).

Согласно этому очерку, заблуждения человеческого разума в деле исследования своих судеб совершенно очевидны. Здоровая часть цивилизованных — люди набожной категории, впали в то же заблуждение, что и безбожники: они не доверяют провидению и, в частности, не признают его *универсальным*. Наибольшее оскорбление для провидения — считать его ограниченным, частичным, недостаточным, как это делают цивилизованные. Даже противники религиозного индиферентизма повинны в апатии, которую они обличают; они повинны в недостатке веры и надежды, поскольку они отказались искать божественного социального кодекса и *на деле* помогли философам, препятствующим изучению девственных наук, находящихся в пренебрежении и ведущих к изобретению этого кодекса.

Христос говорит нам о философской секте: *это — слепые, ведущие слепых*. Какой рост безрассудства! Действительно, философия вела этих слепых по ложному пути; действительно, этот век осуждает неверие, и в то же время он поддерживает богохульную претензию философов — лишить бога функции законодательства; этот век сомневается еще во вмешательстве бога, когда очевидно, что бог посредством притяжения диктует социальные законы всей вселенной. Теория Ньютона, которой наш век гордится, ему открыла эту истину, а он упорно ее не признает. Он отвергает божественный кодекс, ему данный. Не к нашему ли веку применимы слова евангелиста: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (от Иоанна, глава I).

Читателю могло показаться странным, когда в начале этого поучения на религиозную тему я сказал: *Новейшие нации погубили себя вследствие отсутствия у них веры и надежды на бога*. Эти слова кажутся смешными поколению, привыкшему смеяться над тем, чего оно с первого взгляда не

понимает. Вольтер смеялся над предсказанием, что Новый Иерусалим будет иметь 500 миль высоты, не зная, что это намек на 500 тысяч фаланг, которые образует в своем начале общественная гармония, или Новый Иерусалим.

Сколько аллегорий восточного стиля заставляют смеяться наших вольнодумцев, а между тем, люди поймут, что эти образы и приемы верны, как только человеческий разум сойдет с пути ложных знаний! Мы видим, что Христос пользуется преимущественно числами 12 и 7. Он выбирает 12 апостолов и им обещает 12 тронов в день возрождения; это — эмблема гармонии, которая будет покоиться на царстве из 12 страстей. По аналогии Христос должен был выбрать 12 столпов своего учения и среди них одного изменника Иуду — образ страсти, называемой *семейной связью,* источник зла, зародыш дробленой индустрии и фальши социальных отношений.

Не будем вдаваться в подробности, выходящие за предел нашего предмета. Ограничимся указанием поступков, непонятных с точки зрения нынешних знаний: очевидно, под мишурой религиозных чувств наши благочестивцы — те же, только несколько более умеренные, философы, скептики, отрицающие известные свойства бога. Эти виновники неверия сомневаются в способности бога и санкционируют претензию людей на стряпание социальных законов, точно бог мог забыть, что их надо создать.

Они приведены в замешательство открытием божественного социального закона. Если они упорствуют, поддерживая философию, которая хочет похитить у бога прерогативу законодательства, то следует им сказать: *судите о дереве по его плоду,* посмотрите, какие плоды дало человеческое законодательство: *нищенство, обман, угнетение, резню и столько других бичей, неотъемлемо присущих режиму цивилизации и варварства.* Поймите же, наконец, что давно пора искать выход из лабиринта, в котором заблудился разум.

Когда, наконец, человек искал и нашел кодекс, найти который вы отчаялись, какого поведения должны вы держаться по отношению к этому изобретению? Разумно ли вы поступаете, клевеща на него, прежде чем тщательно исследовать? Атеистическим нелепостям секты Оуэна вы предоставляете возможность 20 испытаний в 20 учреждениях, основывая их в Европе и Америке, и в то же время вы не даете хода подлинной новой общественной теории! Стыдитесь этого акта вандализма! Это о вас евангелист сказал: «*Свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы!*» (от Иоанна, глава III). Это потому, что их обманчивые науки, мораль и политика не могли выдержать сравнения с истинной наукой, с проводником божественных заповедей, с математическим вычислением притяжения, основанного на страсти.

Вы, претендующие на благочестие и неверующие в универсальность провидения, в передачу его кодекса, вы — в заблуждении. Хотите ли в нем упорствовать? Errare humanum est, perseverare autem diabolicum. Вы осуществляете эгоизм, а не благочестие. К недостатку веры и надежды присоединяется у вас недостаток любви. Порок, о котором святой Павел говорит так: «Будь у меня вера великая, чтобы двигать горами, но не будь любви, я был бы ничем!» (Письмо к Коринфянам.)

Ради любви к ближнему вы должны отдать дань исследованиям и *активно* изучать социальные законы бога. Надо было, по крайней мере, учредить конкурс на их изыскания. Но по небрежности вы уклонились от этой задачи, вы оставили поле свободным для философов, ограничившись несколькими разглагольствованиями против их зловредности и некоторыми тенями религиозного духа. Вы — нечестивцы, о которых Христос говорит: «Приближаются ко мне люди сии устами своими, сердце же их далеко отстоит от меня: но тщетно чтут меня, уча учениям, заповедям человеческим» (от Матфея, глава XV). Вот, в точных выражениях, осуждение человеческих законов и тех, кто верит в мудрость этих законов. Так как социальный кодекс бога вам, наконец, дан, не колеблясь отрекайтесь от своих заблуждений! Разве вы хотите возобновить ужасы веков мракобесия, когда Колумбы и Галилеи подвергались преследованиям? Ваша столица софизма унаследовала дьявольский дух, этот вандализм XV века. О тебе, новейший Вавилон, о тебе, город Париж, Христос сказал: Иерусалим, Иерусалим! ты убиваешь пророков и побиваешь каменьями тех, кто послан к тебе». Твои ученые — это легион зоилов, которых Иисус разоблачил, говоря: «Горе вам, книжники и фарисеи, что строите гробницы пророкам и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков» (от Луки, глава XI; от Матфея, глава XXIII).

Таков теперь ваш язык, софисты, с извращенным образом мыслей! Вы разглагольствуете против поколений, которые преследовали истинных ученых, а вы еще более нечестиво поступаете по отношению к изобретателям, посланным вам провидением. Чтобы препятствовать исполнению их миссии, вы облекаетесь в мантию разума, а это только плащ вандализма — хуже, чем в век Колумбов и Галилеев.

И вы, благочестивцы, думающие служить богу, поддерживая партию философов, врагов всякого открытия, торгующих софизмами! Вы предполагаете построить дом господу, а строите Вельзевулу, благоприятствуя философии, глуша теорию притяжения, эту толковательницу божественного кодекса.

В течение 20 веков вы служили богу суетными словами, бесплодными искупительными жертвами. Сделайте, наконец, что-нибудь для веры и любви, приступите к созданию дома божия — опытной фаланги на базе общественной гармонии:

опыт этот сразу объединит весь земной шар под божественным знаменем и доставит огромные богатства и славу всем основателям, даже второстепенным кооператорам.

Что такое наши нынешние предприятия? Варварские изощрения, чтобы крепче ковать цепи народов путем снижения заработной платы и заточения бедного класса на промышленную каторгу, так называемые большие мануфактуры, не обеспечивающие ему ни благосостояния, ни убежища. Эти преступления торговли осуждены Христом и отцами церкви. Иоанн Златоуст говорит, *что торговец не может быть приятен богу*, а Иисус бил торговцев лозой и выгнал их из храма, говоря им: *вы делаете из моего дома вертеп воров.*

До сих пор вам казалась трудной борьба против протея, называемого торговлей, вы не знали, с какой стороны ее атаковать, потому что она подчиняет своему господству даже правительства, превращая их в своих вассалов. Наконец, провидение вам посылает путеводителя, который знает слабые стороны торговой гидры и который, благодаря открытию истинного режима, освободит вас от этого золотого тельца, идола, достойного слепых, ведущих слепых, новейших философов. «И ты, Капернаум (ты, философия), до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (от Луки, глава X). Вот ваш приговор, софисты, враги притяжения, враги богатства и гармонии. Иисус вам сказал «Вы уподобляетесь окрашенным гробам, которые внутри полны гнили. Змеи, порождение ехидны, как убежите вы от осуждения в геенну?» (От Матфея, глава XXIII.) «Какая секта более заслужила быть ввергнутой в геенну, где только плач и скрежет зубов?»

Предоставим богу вас судить и различать, есть ли между вами достойные его милосердия. А пока посыпьте головы пеплом, спешите, как ересиарх Жантилис (Gentilis), публично отречься от своих заблуждений и разорвать ваши книги. Ваше наказание в этом мире будет состоять в том, что вы увидите, как нации будут подниматься к счастью и богатству, попирая ногами ваши вероломные доктрины. Вы сами предадите пламени *эти библиотеки, жалкие хранилища противоречий и заблуждений;* между тем как нации, освобожденные от своих цепей, воссядут на престолы в Новом Иерусалиме, говоря вместе с Симеоном: «Ныне отпущаеши раба твоего, владыко, с миром, яко видевша очи мои спасение твое», — новый общественный кодекс, уготованный для счастья всех народов. Тогда весь мир огласится проклятиями по адресу человеческих законов и гнусных обществ — цивилизации и варварства. Обладая в избытке богатствами, наслаждаясь вдоволь всякими удовольствиями и идя к богатству путями истины, народы воскликнут в священном опьянении: «Вот пришли дни милосердия, обещанные утешителем, сказавшим: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (от Матфея, глава V). Через общественную гармонию бог нам

являет необъятность своего провидения, и спаситель, согласно своему пророчеству, приходит к нам *во всей славе своего отца.* Это — царство Христа, он торжествует, он — победитель.

Приближение к ассоциации

Я обещал посвятить подробную статью о приближении к механизму ассоциации. Малосостоятельные компании могут пожелать построить товарищество в маленьком масштабе; французы любят делать все сначала вчерне, нащупывая. Большинство выскажется за опыт в половинном масштабе — с 900 человек или с одной третью-600 человек.

Я им скажу, что урезывать механизм значит извращать систему, поскольку не будут на месте все ее части: мы умеем свести огромные башенные часы к маленькой коробочке или к часам диаметром в 1 дюйм, но эти часы содержат все части большого механизма, даже бой; поэтому система, хотя и в сокращенном масштабе, остается неизменной.

Иначе обстоит дело с механикой страстей: чтобы ее свести от размеров больших кафедральных часов до размеров карманных часов, нужно иметь миниатюрных людей, лилипутов, высотой в полфута, животных и растений таких же размеров; было бы легко из них образовать маленькую фалангу в миниатюре — 1 800 пигмеев, живущих в замке и ограничивающихся обработкой квадратного участка размером в 100 туаз. Механизм такой фаланги был бы полноценным, она имела бы в малом масштабе свой ассортимент характеров, она действовала бы точно так же, как люди нашего роста. Но при сокращении ее состава с 1 800 до 900 или 600 мы лишаем себя средств, называемых характерами, и механизм индустриального притяжения и равновесия страстей извращается. Поэтому работа машины усложняется и ослабляется в сложной пропорции к уменьшению средств.

Если три фаланги имеют численность	1 800	900	600,
то движущая сила, или доза индустриального притяжения, питающая серии, будет не в отношении	18	9	6,
но приблизительно в отношении	18	6	3.
Следовательно, наемная когорта, выполняющая пробелы притяжения, должна состоять из	100	150	200
и еще лучше из	100	200	300,

потому что на нее будут возложены все работы, которые не обладают силой притяжения. Этих работ будет больше в маленькой фаланге, чем в большой: маленькая фаланга, ограниченная 600 лицами, имеет серии, плохо сцепленные, слабые средствами (гл. V, VI), и едва может создать притяжение для двух третей работ; этот пробел потребует когорты приблизительно в 300 наемных рабочих для выполнения остальной трети работ.

Чем меньше будет фаланга, тем важнее привлечь в нее

большее число детей, даже если бы пришлось брать их на полное содержание, потому что дети всем сердцем отдаются притяжению и быстрее проникаются страстным влечением к режиму промышленных серий.

Общество, которое не сможет собрать капиталы, необходимые для основания ассоциации в большом масштабе, должно действовать так, как если бы оно было уверено, что достанет эти капиталы в следующем году, потому что оно их действительно достанет, если произведет подготовительную работу *для основания большой фаланги, а не сокращенной.*

Согласно этому плану, она должна будет построить вместо нормального здания (см. выше план) одну его треть, только одно крыло в ожидании двух других частей — центра и второго крыла. Допустим, что она построит часть, заключающуюся между *O* и *a*, затем здание *X* и *z*. В связи с этим надлежит отметить ошибку в плане. Там значится: длина лицевой стороны — 260 туаз, тогда как, очевидно, не 260, а 360; площадь *P* составляет 200 туаз, лицевая сторона двух флигелей почти равна этой площади. Так как маленькая фаланга строит одну треть большого фаланстера, а отнюдь не маленький фаланстер, то ее участок должен быть расположен в том же порядке: начиная с маленькой площади в $^1/_3$ квадратной мили, она должна будет предусмотреть в непосредственном соседстве площадь в целую квадратную милю и освоить ее со следующего года. Если она не примет этой меры предосторожности, ее вскоре предупредят другие компании, которые образуются в порядке конкуренции с нею и которые доказали бы, что она ничего не предусмотрела, что она не посмела охватить все предприятие, что во главе ее люди сплошь малодушные, интеллектуальные недоноски. Эти упреки были бы вполне правильны, и сокращенная фаланга лишилась бы премии учредителя. Кроме того, она не получила бы огромного дохода от любопытных крестьян, которые устремились бы все в фалангу с полным механизмом, которую поспешат основать, поскольку маленькая фаланга даст этому толчок, показав, что механизм серий и промышленного притяжения чрезвычайно легко наладить.

Маленькой фаланге, составив план такого расширения, тем легче будет найти новых акционеров, что уже можно будет судить об экономии, которую сулит большая фаланга. Например, в отношении рабочих мастеров и разного рода наставников будет очевидно, что эти лица, рассчитанные на 600 человек, с таким же успехом будут обслуживать 1 800 человек, при условии постепенной передачи знаний в порядке взаимного обучения.

Чем более маленькая фаланга будет подвергаться опасности из-за недостаточного количества членов, тем больше она должна делать упор на сильную дозу притяжения и учитывать, что нужно умело сеять, чтобы собирать жатву. Зна-

чит, она должна будет сосредоточить свое внимание на гастрософии — главном посеве притяжения. В этой отрасли можно быстро организовать серии и оценить их влияние с первых же месяцев. Этого преимущества не будет ни в земледельческих работах, ни по уходу за животными, ни в птичниках, сокращенных до $^1/_3$ большой фаланги; игра серий здесь будет затруднена, выполнение работы по трудовым операциям будет весьма ограниченным. В группе из 30 членов легко образовать 5—6 подгрупп из 5—6 членов каждая; но если группа состоит только из 10 лиц, чрезвычайно трудно организовать тут подгруппы и выполнение работы по трудовым операциям, что чрезвычайно важно для придания интенсивности промышленным притяжениям.

Думать, что следует сократить число функций, с тем чтобы иметь возможность организовать многолюдные серии, значит рассуждать, подобно моралисту, который воображает, что он может распоряжаться притяжением по своему усмотрению. Природа распределяет притяжение в домашней работе между 1 600 лиц; если сократить это число до $^1/_3$, то притяжение не утроится: тот или иной труд, как уход за голубями, который нашел бы 60 членов, страстно увлеченных этим делом, среди массы в 1 620 человек, найдет только 20 человек, если вы сведете к одной трети число членов, среди которых нужно набрать секту любителей голубей. И если вы думаете довести их число до 40, чтобы облегчить выполнение работ по трудовым операциям, то половина их не будет питать страстного влечения к этому делу; серия будет чрезвычайно дефективна, плохо заинтригована, без пыла, без ловкости, без единства действия.

С другой стороны, если мы имеем слишком мало серий, если для укрепления их путем увеличения численности членов мы сократим количество функций, многие участники фаланги не получат простора для своих влечений и окажутся в ложном положении. Сверх того, фаланга с малым числом серий потерпела бы неудачу в отношении согласованности распределения, потому что серии не были бы достаточно сцеплены. Импульсы жадности не были бы расположены по ступеням, чтобы уравновеситься и путем расчетливости тяготеть к справедливости.

Нечего и говорить, что чем малочисленнее будет фаланга, тем более она должна избегать крупного земледелия и затяжных работ, продукты которых не могут быть собраны в ближайшие промежутки времени: сюда относится хлебопашество и еще в большей мере виноградарство. Для создания общего благополучия необходимы быстрые урожаи, чтобы поддержать и питать интригу. Голуби, которые очень быстро размножаются, и кондитерское производство, продукты которого изготовляются в течение короткого времени, будут в данном случае наиболее подходящими отраслями индустрии; то же преимущество представляют все мелкие овощи.

Я мог бы очень далеко распространить это исследование препятствий, которых нужно опасаться в маленькой фаланге. Сказанного достаточно, чтобы показать, что при управлении этой машиной нужно остерегаться моральных и экономических методов. Нужен механик, который основательно изучал бы теорию и не претендовал бы на командование притяжением и на подчинение его себе. Этим пороком неизбежно страдал бы всякий философ.

Необходимо путем исследования уяснить себе, какие пробелы могут быть допущены сообразно ассортименту характеров и вкусов членов фаланги. Это — одна из наиболее деликатных операций, от которой будет зависеть успех маленькой фаланги. Поскольку мне неизвестно, где она будет основана и каковы будут в точности ее средства в каждой отрасли, я потерял бы много времени на исследование и взвешивание многочисленных шансов заблуждения, которые там имеются.

Я ограничусь указанием двух главных средств, наиболее верных для маленькой фаланги: укрепление ее детьми и гастрософия. Несовершеннолетних детей должно быть достаточно много, чтобы выполнить хореографические упражнения с 72 участниками: народ должен с первых же дней притти в восторженное состояние благодаря гастрософии, организованной по сериям, которая является наиболее быстрым средством соблазна. Ему кажется, что он попал в *божий дом* (так именует народ дом, где царит изобилие и беззаботность). Наконец, руководители должны хорошенько проникнуться стоящей перед ними задачей, как я это уже неоднократно говорил: дело совсем не в том, чтобы выращивать больше или меньше капусты, размеры урожая тоже имеют мало значения, тем более, что серии, если только они правильно организованы, всегда дадут массу продуктов, бесконечно большую, чем цивилизация.

Но чудеса, которые нужно создать с первой же кампании, это — равновесие страстей и промышленное притяжение, цели, которые могут быть достигнуты только благодаря хорошему сплетению серий и активной связи между их трудами по производству, потреблению и приготовлению. Если заблаговременно показать согласия высшего порядка, которые представляет масса хорошо сцепенных серий, дело будет выиграно даже до развязки, т. е. согласованного распределения дивиденда. Как только явится возможность восторгаться в этом зародыше гармонии контрастирующими согласиями страстей, расположенных в последовательном и постепенном порядке, косвенными и антипатическими созвучиями, выгодным использованием раздоров, полезным применением страстей, слывущих порочными, вовлечением детей в индустрию с самого раннего возраста, истиной и справедливостью, ведущими к богатству, наконец, подлинным социальным счастьем, довольством каждого члена, охваченного энтузиазмом, — любопыт-

ные хлынут толпой, чтобы видеть чудо из чудес — механику страстей — и покаяться в своей глупости, в силу которой они верили наукам, утверждающим, что бог создал страсти случайно, не предначертав для них механизма, достойного его мудрости.

План шестого и седьмого разделов, содержащих обратное доказательство

Предварительное замечание. Имея дело с предметом столь новым, как теория притяжения, основанного на страстях, и механизм ассоциации, читатель вправе требовать исчерпывающих доказательств. Я хотел, сообразно математическому методу, добавить к теории обратное доказательство, указав на невежество новейших ученых относительно характеров, свойств, хода и цели цивилизации, от которой они, по своей наивности, ожидают некоторого совершенства; и относительно путей, которыми следовало бы итти, чтобы постепенно подняться по ступеням социальной лестницы к шестому периоду, к периоду гарантии (см. Введение).

Стремления новейших народов к совершенствованию обусловлены желанием выйти из цивилизации и подняться к гарантиям, о которых они отчасти мечтают, не зная, однако, как это осуществить, потому что они располагают только теми гарантиями, которые введены случайно, как монетная система и страхование, обязанные своим происхождением инстинкту, а отнюдь не науке. С другой стороны, ложные методы, усвоенные нашим веком, именно его системы анархической промышленности, индивидуальной и лживой конкуренции и, в особенности, промах, благодаря которому он принял акционерное общество за ассоциацию, приводят нас к четвертой фазе цивилизации, к социальному состоянию, диаметрально противоположному строю социальных гарантий.

Чтобы распутать этот политический хаос, нужен, как я уже сказал, детальный анализ цивилизации и сопоставление характерных черт 5-го периода с чертами двух смежных с ним периодов, а именно 6-го, называемого *солидарные гарантии*, и 4-го, называемого *варварство*. Это — обширный труд, для которого едва ли достаточно одного тома размером настоящей книги. Я рассчитывал дать по этому вопросу два раздела, но их недостаточно, его нужно разработать отдельно, и я ограничиваюсь представлением плана этого труда, по которому можно судить о важности этой отрасли исследования и о безрассудности нашего века, который забывает произвести анализ цивилизации и считает, что ее совершенствует, в то время как он ведет ее к быстрому упадку. Мы расположим характеры этого общества по восьми разрядам; каждому будет посвящен маленький параграф; я хотел изложить этот материал в восьми больших главах, но их приходится заменить краткими очерками.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

АНАЛИЗ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ОДИННАДЦАТОЕ СООБЩЕНИЕ

ХАРАКТЕРЫ ОСНОВАНИЯ ИЛИ СВЯЗИ

ГЛАВА XLI

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЧЕТЫРЕХ ФАЗ

Общества, как человеческие тела, имеют свои четыре возраста, различающиеся по свойствам, которые последовательно сменяют друг друга. Нельзя судить о прогрессе или упадке, пока не установлен чрезвычайно точно характер, присущий данному обществу. Наши натуралисты тщательно проводят различие, когда речь идет о классификации бесполезных растений; почему политики не руководствуются этим методом при установлении для своей любимой цивилизации черт, подходящих для каждой из четырех фаз? Это — единственное средство определить, прогрессирует ли цивилизация, или регрессирует.

Последовательные характерные особенности строя цивилизации

Восходящее колебание

Детство, или 1-я фаза

Зародыш простой, единобрачие, или моногамия.
» сложный, патриархальный или дворянский феодализм.

Стержень, *гражданские права супруги*

Противовес, крупные вассалы, соединенные в федерации.
Тон, рыцарские иллюзии.

Юность, или 2-я фаза

Зародыш простой, коммунальные привилегии.
» сложный, культивирование наук и искусств.

Стержень, *освобождение трудящихся*

Противовес, представительная система.
Тон, иллюзии свободы.

Апогей, или полнота

Зародыши, искусство мореплавания, экспериментальная химия.

Характеры, обезлесение, государственные займы.

Возмужалость, или 3-я фаза

Нисходящее колебание

Зародыш простой, дух меркантильный и фискальный.
» сложный, акционерные компании.

Стержень, *морская монополия*

Противовес, анархическая торговля.
Тон, экономические иллюзии.

Дряхлость, или 4-я фаза

Зародыш простой, городские ломбарды.
» сложный, монополия, численно ограниченная.

Стержень, *промышленный феодализм*

Противовес, фермеры, подчиненные феодальной монополии.
Тон, иллюзии, относящиеся к ассоциации.

Переходы в 6-м периоде { правильные, 12 гарантий (глава 50).
неправильные, 32 выхода (добавление к гл. 52).

Примечание: Здесь не упоминаются перманентные характерные черты, господствующие в течение всех четырех фаз, но только те, которые присущи той или иной фазе, и промежуточные, связанные с другой. Например: цивилизация Афин представляла неполную вторую фазу, видоизмененную в том отношении, что ей нехватало стержневого характера — свободы трудящихся. Это была ублюдочная, или ложная вторая фаза, имевшая в стержне характер варварства. Когда станет известна эта загадочная книга социальных характеров, из которых я описал только 8 разрядов, будет легко рассеять иллюзии, касающиеся социального прогресса.

Современная цивилизация Франции и Англии является третьей фазой — фазой заката. Она давно уже выявила черты третьей фазы; она сильно тяготеет к четвертой фазе, двумя зародышами которой она обладает; но она не знает, как использовать эти зародыши, чтобы войти в четвертую фазу, которая явится чрезвычайно маленьким прогрессом, наименьшим из возможных; между тем как нынешнее состояние есть тягостный застой, где гений как бы скован, ему надоело бесплодие, и он тщательно старается произвести на свет какую-нибудь новую идею. Это состояние изнашивает социальное тело, слишком долго пребывающее в третьей фазе (см. гл. XLVIII, характеры, указывающие на такую утомленность).

За отсутствием изобретательного гения фискальный инстинкт не замедлит открыть средство для организации четвертой фазы, являющейся прогрессом, но не на пути к благу. На путь блага человечество вступит, только организовав промежуточное состояние между цивилизацией и гарантизмом (см. гл. XLVII и XLVIII). Этот маневр нужно будет противопоставлять либерализму, духу застоя, который не умеет двигаться вперед и который влечет к характеру второй фазы, к *представительной системе* — игрушке, годной для маленькой

республики, как Спарта и Афины, но совершенно призрачной в обширном и богатом государстве, как Франция.

Выше я отметил, что антилибералы — люди не менее обманутые, чем либералы, действуют чрезвычайно неискусно, пытаясь бороться против либеральных нелепостей путем возвращения в первую фазу. Это тем более порочное средство, что возрастание государственных долгов непреодолимо влечет нас к четвертой фазе, или к дряхлости.

Детального исследования таблицы указанных в этой главе постоянных характеров было бы уже достаточно для рассеяния наших иллюзий о возвышенном полете и для доказательства того, что наш полет по социальной лестнице напоминает движение рака. Потому что тяготеть к четвертой фазе цивилизации, к состоянию дряхлости, к периоду, порочному по своему существу, это, если угодно, прогресс, но прогресс в сторону упадка, прогресс, сравнимый с успехом женщины, волосы которой поседели в 60 лет, если бы она и сказала, что ее шевелюра совершенствуется, что ее белизна скоро сравнится с алебастром, если бы она воскликнула: «Какой возвышенный полет моей шевелюры к совершенствующемуся совершенству!» Каждый улыбнулся бы с состраданием, потому что тело, старея, не совершенствуется.

Такова иллюзия прогресса, которым гордится наша старая цивилизация, быстро двигающаяся к состоянию дряхлости. Общества, как и отдельные лица, идут к своей гибели, когда запутываются в долгах и отдаются в руки ростовщику. Так именно обстоит дело с нашим веком: он только и делает, что от одних займов переходит к другим.

«Сосуд смочен, ткань приняла свою складку»: фискальные займы — это хорошо заложенная складка; каждое новое министерство делает новый заем, потому что нужно, говорит пословица, *есть, когда пища в зубах*. Какая бы партия ни пришла к власти, финансы, держащие в своих руках вожжи колесницы, не пойдут вспять по дороге экономии. Какова же будет развязка фискальной язвы, этой червоточины долгов, займов, которые то и дело возрастают и округляются во всех государствах? Эта развязка будет освещена в главе, трактующей о четвертой фазе цивилизации, фазе, куда нас влечет силой вещей, в то время как наши путеводители-экономисты не видят пропасти, куда быстро движется социальный мир.

Их можно сравнить с плохим всадником, о котором шутники говорят: *не он ведет своего коня, а конь его ведет*. Таковы наши политические гении. Это не они направляют движение цивилизации, они плетутся в его хвосте. Между тем, им было бы очень легко направить нас по путям реального прогресса, если бы они хотели выйти из рутины, выйти из предрассудков, обусловливающих земледельческое дробление, из торговой анархии или индивидуальной конкуренции и обмана.

ГЛАВА XLII

ПОСТОЯННЫЕ ЧЕРТЫ ПЕРИОДА

Это — очень обширный предмет, который потребовал бы, по меньшей мере, 12 больших глав, потому что у меня в списке насчитывается 144, дюжина дюжин постоянных черт, господствующих в этих четырех фазах. Если бы я их классифицировал в дюжину родов, по 10, 12, 15 в каждом роде, то 12 достаточно больших глав было бы не слишком много, чтобы их описать. Пусть читатель на этом основании судит, сколько места должен занять полный анализ цивилизации. Есть черты, определение которых потребовало бы большой главы, таковы свойства, отмеченные выше (I, 41), *противоречия двух интересов* — коллективного и индивидуального — и *простая лестница в распределении* богатства.

Здравый смысл во все эпохи открывал людям глаза на некоторые из этих перманентных свойств, как-то: *союз крупных воров, чтобы добиться повешения мелких.* Следовало бы заняться составлением таблицы, расположив сотни таких черт по родам и видам, что положило бы начало анализу цивилизации (отрасль перманентных свойств). Вместо того чтобы этим заняться, люди посмеивались над воистину смешными следствиями этих черт. Но разве насмешка исключает тщательную классификацию?

Порою серьезно обличали наиболее порочные черты эпохи, говоря: *добродетель осмеяна, опозорена и преследуема.* Без сомнения, это должно вызвать возмущение, но так как цивилизация изобилует столь плачевными или смешными явлениями, то их следует расположить в стройном порядке, дабы с первого взгляда видеть сущность и плоды этого гнусного общества. Различные писатели считали эти характерные черты мало заслуживающими внимания в силу их неотделимости от цивилизации. Тем более необходимо было составить таблицу под заглавием *разряд перманентных,* отличный от разряда черт, чередуемых по фазам и обрисованных в главе XLI. Например, *сковывание общественного мнения* — это отличительное свойство перманентно даже при господстве философов, не желающих, чтобы народ знал и мог требовать своих первобытных прав, в том числе права пропорционального *минимума;* эта гарантия не осуществима вне режима промышленного притяжения. Несмотря на непрерывные выступления против наших пороков, многие из них остались неподмеченными, пользуются привилегиями и оправданы во имя мнимой свободы; такова *тирания частной собственности в отношении масс.* Собственник позволяет себе сотню действий, оскорбительных для массы; он строит нездоровые, тесные дома, где гибнут дети. Все это освещается, как свобода, потому что цивилизация, не зная социальных гарантий, почи-

тает за справедливость множество личных свобод, дающих повод злоупотреблениям. Эта черта цивилизации осталась неподмеченной.

Другие характерные черты были в пренебрежении и не отмечались потому, что они взаимно связаны и образуют единую цепь; именно таков *косвенный отказ бедному в правосудии. Прямо* в правосудии ему не отказывают, он волен обратиться с жалобой в суд, но ему нечем оплатить судебных издержек; а если он и предъявит справедливый иск, скоро его доканает богатый разбойник, таская из одной кассационной инстанции в другую; он не в состоянии покрыть связанные с процессом расходы и вынужден уступить. Отцеубийце дают бесплатного защитника; следовало бы предоставлять бесплатно адвоката и бедному, возбуждающему дело в суде. Но, говорят, в этом случае возникло бы слишком много процессов. Цивилизация кишит бедными, несправедливо ограбленными, и вздорными кляузниками, которые под предлогом бедности готовы вести судебные дела за счет государства; дать им волю, значило бы попасть из огня в полымя, от косвенного отказа в правосудии попасть в порочный круг. Правда, весь механизм цивилизации таков: порочный круг — один из существенных свойств этого общества, подобно косвенному отказу в правосудии. До сих пор их неотъемлемость для цивилизации осталась неподмеченной, потому что они связаны и рождаются один от другого: тем паче их надо отнести к разряду перманентных свойств.

Таким образом, по соображениям, более или менее легковесным, изучением перманентных свойств совершенно пренебрегали. Это упущение тем пагубнее, что эта часть анализа, как наиболее легкая, очень скоро завершилась бы, и можно было бы приступить к исследованию характеров других разрядов, указанных ниже. Мало-помалу удалось бы развенчать цивилизацию, анализ которой привел бы всех в ужас.

Я опускаю таблицу 144 перманентных черт, потому что все они или почти все требуют пространных комментариев в специальной статье. Эти черты таковы:

1) Меньшинство рабов вооруженных держат в узде большинство рабов безоружных.

2) Неизбежный эгоизм, обусловленный отсутствием солидарности в массах.

3) Двойственность действия и социальных элементов.

4) Внутренняя война человека с самим собой.

5) Неразумие, возведенное в принцип.

6) Исключение, возведенное в политике в правило.

7) Гений рахитичен, извращен, малодушен.

8) Насильственное втягивание в практику зла.

9) Ухудшение там, где исправляют.

10) Сложное несчастье — удел подавляющего большинства.

11) Отсутствие научной оппозиции.

12) Последующая порча климатов.

Каждая из этих черт требует пространных объяснений В противном случае мысль может показаться ошибочной, например, № 12 — *последующая* порча климатов. Конечно, нарождение цивилизации улучшает климат; но по истечении нескольких веков беспорядочная индустрия губит леса, истощает источники, вызывает ураганы и всякого рода атмосферические эксцессы. Поэтому климат Франции заметно испортился: оливковое дерево отступает; полвека тому назад оно росло у Монтелимар, теперь — только ниже Дюранс. Померанцевое дерево почти исчезло в Иере; всем культурам грозит опасность, потому что Альпы, Севенны и другие хребты обнажены. Недостаток места не позволяет мне объяснить эти 12 черт. Значит, бесполезно давать перечень 144. По этому небольшому числу определений читатель уже видит, что точный анализ цивилизации — наука слишком новая, чтобы можно было ее кратко изложить в момент ее нарождения. В этом убедит рассмотрение такой отрасли, как торговля, о которой столько рассуждали и, однако, не дали анализа.

ГЛАВА XLIII

СВОЙСТВА ТОРГОВЛИ ПО РОДАМ

Какова причина этого почитания новейшими философами торговли, втайне ненавидимой всеми другими классами социального тела? Откуда это глупое пристрастие к торговцам, которых Христос бил лозой? Все дело в том, что они заработали много денег и что островная держава простирает на весь индустриальный мир тиранию торговой монополии.

Эти вымогательства, эта тирания, не результат ли это какой-нибудь ошибки, допущенной новейшей политикой? Пресмыкающаяся наука не посмела сделать анализ торговли, ее свойств, которые нужно различать по родам и видам, так что социальный мир не знает, что такое торговля. Низкие льстецы спекулянтов изображают торговцев в виде легиона полубогов, а между тем все знают, что это — легион мошенников. Всеми правдами и неправдами они захватили в свои руки влияние: все философы за них; даже министерство и двор склоняются перед хищниками торговли. Все следует внушениям науки, называемой *экономизмом,* и вследствие этого социальное тело в целом подчиняется торговому хищничеству, подобно тому как птица, завороженная змеей, летит в пасть пресмыкающегося, ее зачаровавшего.

Достопочтенной политике следовало бы учредить конкурс по изысканию средств сопротивления и точно установить промахи, обусловившие передачу скипетра индустриального мира классу непроизводительному, лживому и вредному

Анализ торговли — дело столь новое, что каждый ее смешивает с мануфактурами, которые она старается тормозить и

грабить. Главные негоцианты, так называемые торговцы сырьем, только и делают, что организуют грабеж фабрикантов и потребителей; они выведывают, какие продукты становятся редкими, чтобы их скупить, не выпускать на рынок, вздуть на них цены и, таким образом, вымогать деньги у фабриканта и у покупателя.

Наука, называемая экономизмом, приписывает глубокую гениальность этим скупщикам и спекулянтам, тогда как они — лишь болтуны, игроки и авантюристы, злодеи, которых терпят. Наиболее поразительное доказательство тому мы наблюдали в 1826 г., когда в условиях полного мира, после десятилетия тишины и покоя, вдруг наступили застой и закупорка, тем более непредвиденные, что все газеты трубили о новых шансах, открывшихся для торговли вследствие освобождения обеих Америк. Что было причиной этого кризиса, для нас столь непонятного? Сложная игра двух свойств торговли: *полнокровное расширение и его последствие — крах. Полнокровное разбухание* — периодическое следствие слепой жадности торговцев, которые, когда открывается рынок сбыта, начинают слать туда товаров в четыре раза больше, чем требуется потребителям. Численность населения обеих Америк составляет едва 40 миллионов; не считая дикарей, негров и испанского населения теплых стран, которые ходят чуть ли не голые, в одежде нуждаются менее 20 миллионов людей; если же подвозить туда ткани для 100 миллионов, непременно будут закупорка и обратное течение. Именно так поступили в 1825 г. наши и английские торговцы готовым платьем. Они наводнили Америку своими товарами настолько, что ей хватило бы на 3—4 года. Отсюда продажа в убыток, застой, обесценение ткани и банкротство торговцев, неизбежное вследствие переполнения рынка неблагоразумными купцами, иллюзорно преувеличивающими возможность потребления. Эта толпа торговцев, завистливых, ослепленных жадностью, не в состоянии судить о пределах, которые следует установить для экспорта.

Этого беспорядочного ведения торговли уже достаточно, чтобы вызвать банкротство и потрясение на рынках и фабриках, но тут вмешалось еще одно обстоятельство, чтобы ухудшить зло. Скупщики Нью-Йорка, Филадельфии, Балтиморы, Чарльстона и т. д. задумали захватить в свои руки весь хлопок в согласии со своими доверенными в Ливерпуле, Лондоне, Амстердаме, Гавре и Париже. Но благодаря большому урожаю в Египте и других местах их затея рушилась, повышение цен оказалось только беглым огнем, и американские хищники подавились своим добром, как и их европейские сообщники. Продажа в убыток, вызванная кризисом перепроизводства, остановила фабрики, и скупщики хлопка, рассчитывавшие на повышение цен, разорились, не будучи в состоянии продать хотя бы по пониженной цене. Спекуляция, по-

терпевшая неудачу в Америке, вызвала рикошетом банкротство в Европе.

Коротко говоря, этот кризис, вокруг которого умники так мудрили, был следствием двух характерных явлений:

Полнокровного расширения и его последствия — краха.

Газеты и книги, об этом говорившие, все впадали в одно и то же заблуждение: они сводили к одной причине (иногда чрезвычайно неудачно ее определяя) неурядицу, обусловленную двумя причинами, действующими комбинированно. Ни одной из них не признали *открыто* писатели; они всячески старались оправдать оба класса, причинившие зло своими противоположными маневрами: один — загромождая рынки огромным излишком товаров, другой — лишая рынки необходимого сырья. С одной стороны, бешеное изобилие, с другой — преступное изъятие. Эксцессы всякого рода и запутанность механизма — такова торговля, идол глупцов.

Иногда в торговой махинации комбинированно влияют три-четыре фактора; каким образом можно исцелить недуг, когда наши экономисты не только не желают анализировать эту запутанность средств, но и стараются маскировать сущность дела, видеть в этом нечто разумное?

Я только что определил два свойства анархической торговли, так называемой *свободной конкуренции,* основываясь на недавних событиях, потому что при подобном анализе нужно подкреплять положение известными фактами. Сколько других вредных характерных черт можно было бы указать при строгом анализе нынешней торговой системы. У меня зарегистрировано 72, из коих 36 в трактате (I, 168). Каждому из этих отличительных свойств пришлось бы, даже при кратком определении, посвятить большую главу, итого 72 главы, чтобы привести разнообразные примеры, заимствовав их из известных фактов, вроде вышеприведенного. Кроме того, такие явления, как ажиотаж, банкротство, потребовали бы дюжины глав каждый, если бы мы стали определять разновидности.

И, однако, торговля является только одной отраслью механизма цивилизации: двух томов объема настоящей книги было бы недостаточно для анализа свойств торговли даже в том случае, если бы мы пренебрегли такими деталями практики, как мошенничество каждого ремесла. В свое время Бэкон высказал пожелание, чтобы была дана полная картина этих мошенничеств. И теперь не поздно выполнить эту работу, она заняла бы больше томов, чем энциклопедия, — до такой степени совершенствования торговля рафинировала и умножила мошенничества. Я предполагаю здесь дать только картину характерных свойств, только анализ главных пружин. Я попытаюсь привести только дюжину наиболее крупных, чтобы заклеймить предательство науки, хранящей молчание и санкционирующей режим, откуда рождается столько гнусностей:

Ажиотаж.	Падение заработной платы.
Скупка.	Искусственный голод.
Банкротство.	Нарушение санитарных правил.
Ростовщичество.	Произвольная оценка.
Паразитизм.	Узаконенная ложь.
Несолидарность.	Индивидуальная монета.

Некоторые из перечисленных 12 могут без особого объяснения показаться мало понятными. Но, по крайней мере, 6 из них будут очень хорошо поняты, и о них каждый сможет сказать: каким это образом наука, называемая *экономизмом,* которая изучает торговлю, не посвятила специальных глав анализу этих характеров и многих других?

Здесь, как и в главе XLII, отметим специальные свойства, которые рождаются друг от друга, таковы: *отвлечение капиталов, депрессивное изобилие.* Мы видим, что капиталы стекаются к непроизводительному классу. Банкиры и торговцы часто жалуются, что им некуда девать денежные фонды. Они получают деньги из 3%, в то время как земледелец не может достать даже из 6%; он вынужден обращаться к деловым людям, которые, одалживая ему из 5%, взимают реально 16—17% вследствие дополнительных и косвенных начислений. Вся денежная масса сконцентрирована в торговле, у вампира, который выкачивает кровь из индустриального тела и заставляет производительный класс обращаться к ростовщику. Вследствие этого годы обильных урожаев становятся бичом для земледелия. В неурожайные годы земледелец запутывается в долги, как мы это видели в 1816 г. Изобилие 1817 г. довершило его разорение, заставив поспешно продавать зерно ниже стоимости, чтобы удовлетворить кредитора. Таким образом, этот механизм, отвлекая все капиталы, чтобы сосредоточить их в торговле, косвенно заставляет земледелие стонать от обилия продуктов потребления, которые оно не может ни продать, ни использовать для себя, потому что, поскольку потребление происходит навыворот, класс, который добывает продукты, в этом потреблении не участвует. Недаром земледельцы и землепашцы радуются таким стихийным бедствиям, как град и мороз. В 1828 г. в июне месяце наблюдался большой переполох во всех винодельческих областях, так как виноделы опасались хорошего урожая и, следовательно, *депрессивного обилия.*

Разве этих политических уродливостей недостаточно, чтобы доказать, что нынешняя система торговли — это *мир навыворот,* как и весь механизм цивилизации? Но, поскольку свойства торговли не будут анализированы, как удастся найти выход из этого лабиринта? Мы имеем в избытке делателей коммерческих систем; талант их выражается в восхвалении всех пороков меркантильной гидры. Ознакомившись с нелицеприятным анализом лживой коммерческой системы,

люди будут удивляться тому, что так долго были жертвами неурядицы, наличие которой мы инстинктивно чуяли, потому что торговлю ненавидят все прочие классы.

Ее крайней лживости уже достаточно, чтобы открыть нам глаза; мошенничество и фальсификация всех продуктов доводят до того, что приходится желать установления всеобщей монополии как меры защиты против торговли. Государственная монополия была бы менее фальшива, она дала бы, по крайней мере, натуральные съестные припасы всякому, кто пожелал бы платить за них настоящую цену, между тем как теперь невозможно получить у торговцев ничего натурального. Вы не найдете в Париже головного сахара без примеси свеклы, ни чашки чистого молока, ни стакана чистой водки у парижских молочников и содержателей кафэ. Беспорядок, притеснения уже переполнили чашу, и не за горами уж день, когда торговлю постигнет надлежащая кара: крайний недостаток средств у казны вынудит общество преследовать преступника. Вскоре анархия и мошенничество уступят место *предохранительной монополии*. На худой конец, к этому выходу втайне стремился Бонапарт: и нам пришлось бы к этому прибегнуть за отсутствием подлинного корректива в торговле. Впрочем, все народы утомлены вымогательствами торговли и с восторгом рукоплескали бы наказанию пиявок, именуемых торговцами, падение которых — вступление в четвертую фазу цивилизации, в промышленный феодализм.

ГЛАВА XLIV

СВОЙСТВА ТОРГОВЛИ ПО ВИДАМ

Каждое из родовых свойств, как ажиотаж, банкротство и т. д., может представить большую лестницу видов и разновидностей, которые следовало бы анализировать и классифицировать. Вместо того критики забавлялись некоторыми довольно смешными разновидностями, как банкротство башмачника, который отдает заказчику только один из двух сапог, данных ему для починки. Это — банкротство только на 50%, которое на театральных подмостках возбуждает только *смех;* но нет ли банкротств, заставляющих плакать? Когда банкир похищает вклады, доверенные ему 20 бедными домашними слугами, которые целых 20 лет терпели лишения, чтобы скопить на черный день, смешно ли это или преступно и заслуживает наказания?

Какое разложение в философском мире! Литература — это проститутка, которая только и старается, как бы привить нам порок, рисуя его нам в заманчивых красках, чтобы привлечь зрителей в театры легкой комедии. Мораль — это бестолковая болтунья; потеряв доверие, она не осмеливается выступать против пороков, остающихся безнаказанными, как банкротство, она низко льстит всем вымогателям, чтобы приоб-

рести в их лице благожелателей и этим облегчить себе продажу книг. Что касается экономизма, который ничего не умеет изобрести, то он старается только оправдать пороки своих любимцев — торговцев. Таким образом, ни одна из наук не старается выполнить свою задачу — дать анализ пороков цивилизации и отыскать способы исцеления от них.

Против банкротства, ажиотажа, проделок торговцев есть только одно лекарство (вне новой общественной гармонии) — *это солидарность.* Но это — операция длительная, она потребовала бы 6 лет, и сверх того понадобилось бы изобрести метод ее организации без прямого ручательства. Никто не захотел бы принять участие в этой организации, взять на себя ответственность за других торговцев: всякий богатый негоциант ушел бы из нее. Нужно, напротив, действовать таким образом, чтобы исключить всех бедных, которые не представляют залога, отправить их на производительный труд, на земледельческие работы, на фабрики. Затем нужно применить новые методы, чтобы привить солидарность богатым.

Но новый коммерческий мир, гарантирующий истину и платежеспособность, нужно было изобрести; но там, где надо изобретать, наши философские науки, точно сговорившись, отступают без боя. Конечно, удобнее и выгоднее восхвалять господствующие пороки, как банкротство, чтобы избавить себя от необходимости искать политического противоядия. «Мы не воскуряем фимиама банкротству, — говорят они, — мы клеймим это зло во всех наших сочинениях». Ах! Что толку от этих бессильных разглагольствований. Ограничиваться бичеванием порока значит оказывать ему поддержку. Располагая богатством и видя, что моралисты с большой готовностью посещают его салоны, он смеется над литературными критиками. Вместо критики зла нужно изобрести противоядие.

Чтобы лечить пороки, надо, прежде всего, их определить и классифицировать. В моем трактате (II, 419) я набросал иерархию банкротств в таблице, состоящей из трех разрядов, 9 рядов и 36 видов. Эту таблицу легко увеличить в три и в четыре раза, потому что ежедневно обнаруживаются новые виды, — до того эта индустрия совершенствуется, особенно в отношении банкротств казны, куда Франция недавно внесла нечто новое, — своего рода банкротство *двоякого обмана, двустороннего,* помогая грабить себя различными способами.

Наш век требует, чтобы нападки на порок производились в шутливом тоне (castigat ridendo), чтобы избегали отталкивающих манер моралистов прошлого века; хотелось бы это требование удовлетворить, все же клеймя пороки. Вот почему в вышеупомянутой таблице банкротств я представил в смешной форме каждый из 9 родов и 36 видов, например: 5-й род — *тактики,* охватывающей 5 видов банкротства, 17-й — *рассыпным строем,* 18-й — *беглым огнем,* 19-й — *сомкнутой колонной,* 20-й — *в по-*

ходном порядке, 21-й — *в одиночку*. Эти 5 видов, образующих один из центральных родов серии (II, 419), представляют точную аналогию с военными маневрами. Поэтому я назвал этот род и предыдущий *тактиками* и *маневрирующими*.

Значит, очень легко блюсти ораторское правило, укорять в смешной форме castigat ridendo, оставаясь верным истине и открыто анализируя порок. Согласно методу журналистов, я мог бы дать здесь перечень видов банкротств, чтобы разохотить публику читать о них целые главы. Каждый полюбопытствовал бы прочесть определение банкротств следующих названий: сентиментальное, детское, смешное, космополитическое, галантное, ханжеское, беспринципное, полюбовное, хорошего тона, из благоволения, в большом масштабе, в миниатюре, отчаянное, исподтишка, в духе Атиллы, инвалидное, мошенническое, банкротство висельника, простофили, мечтателя, посмертное, семейное, повторное, шулерское.

Подробное описание этих видов банкротств дало бы забавные главы, тем более, что я сам занимаюсь этой профессией, унаследовав ее от отца; родился и воспитывался я в торговых мастерских; я видел собственными глазами мерзости торговли, и я их описал бы не понаслышке, как это делают наши моралисты, которые видят торговлю только в салонах спекулянтов, а в банкротстве усматривают только сторону, допустимую в хорошей компании. Под их пером всякое банкротство (в особенности банкротство биржевых маклеров и банкиров) становится сентиментальным эпизодом, где сами кредиторы оказываются в долгу перед банкротом, который делает им честь, привлекая их к участию в своих благородных спекуляциях. Нотариус объявляет им о событии, как о чем-то неизбежном, как о непредвиденной катастрофе, вызванной временной невзгодой, критическими обстоятельствами, печальными превратностями судьбы и т. д. (Обычное начало писем, извещающих о банкротстве.) По словам нотариуса и его сообщников, *которые втихомолку получают со всего известный процент*, эти банкроты столь благородны, столь достойны уважения!!! Нежная мать, которая жертвует собой ради своих детей! Добродетельный отец, который воспитывает детей только в любви к конституции! Неутешная семья, достойная лучшей участи, исполненная самой искренней любви к каждому из кредиторов! Было бы воистину убийственно не помочь этой семье вновь подняться, это — долг всякой честной души.

После этого выступают на сцену моральные пройдохи, которым уплачивается известная мзда, они взывают к добрым чувствам: сострадание к несчастью! Им вторят красивые посредницы, чрезвычайно полезные для укрощения строптивых. Поколебленные этими проделками три четверти кредиторов приходят на заседание взволнованные и сбитые с толку.

Нотариус, предлагая им согласиться на утрату 70% их капитала, изображает им уплату остальных 30% как результат усилий добродетельной семьи, которая отдает все до последней капли крови, выполняя священный долг чести. Кредиторам представляют это дело так, будто им следовало бы помириться вместо 30% на 20%, отдавая должное благородным качествам семьи, столь достойной уважения и столь ревностно отстаивающей интересы своих кредиторов.

После этого некоторые варвары еще упорствуют. Но рассеянные по зале тайные агенты шопотом сообщают, что эти строптивцы — люди безнравственные, что один из них не ходит в церковь, а другой содержит любовницу, что этот известен как скряга, ростовщик, что тот уже обнакротился; а у такого-то каменное сердце, без снисхождения к товарищам по несчастью. Наконец, большинство кредиторов соглашается и подписывает договор, после чего нотариус объявляет, *что эта полюбовная сделка выгодна для кредиторов,* так как она избавляет от вмешательства судебных органов, которые поглотили бы все, и что это — прекрасный случай сделать доброе дело, помочь добродетельной семье. Каждый (или по крайней мере каждый из глупцов, которых большинство), уходя, восхищается добродетелью и добрыми чувствами, образцом которых является эта достойная семья.

Так ведется и кончается банкротство *сентиментальное,* где похищается, по меньшей мере, $^2/_3$ вклада, потому что банкротство было бы только *честным,* а не сентиментальным, если бы дело ограничивалось скидкой 50%, — тариф столь обычный, что, ограничиваясь этим умеренным процентом, банкрот не нуждается ни в чьем искусстве. Если банкрот не дурак, то обобрать кредиторов на 50% ему ничего не стоит.

Если бы выпустили книгу с описанием сотни банкротств, более подробным, чем это делаю я, говоря о *сентиментальном* банкротстве, эта книга познакомила бы читателя с одной милой стороной торговли, с одной из ее важнейших черт. Описания других ее черт, как ажиотаж, скупка, заставили бы открыть глаза и взять под подозрение механизм торговли, называемый *свободной конкуренцией,* — форму самую анархическую и самую извращенную, какая только может существовать.

Стыд и позор для нашего века, что ученый мир и в особенности моралисты не учредили конкурса для изыскания естественного корректива банкротства. Их нарочитое замалчивание самых возмутительных мерзостей говорит о тайных намерениях науки. Ей только и надо, что продавать книги, стряпать их в честь порока, потому что общему тону торгаша это соответствует более, чем бичевание порока.

Единственно, кто хорошо разбирался в коммерческом вертепе, это Бонапарт. Он сказал: *В торговле ничего не понять.* Он горел желанием захватить ее в свои руки, но не знал, как за это взяться. Косвенно он уже овладел одной значительной

ее отраслью, отраслью колониальных продуктов, установив на них монополию посредством импортных лицензий. Он замышлял и другие захваты, именно гужевую отрасль транспорта, и т. д. Таким образом, казна усиленно стремится захватить торговлю, ей остается только определить метод, с помощью которого можно было бы схватить добычу без потрясения, к великому удовольствию народов. Во Франции правительство заработало бы 200 миллионов на преобразовании коммерческой системы и миллиард на земледелии.

Одна из коммерческих особенностей пугала Бонапарта, это — *отражение,* или способность торговли перекладывать на массу трудящихся ущерб, который она несет со стороны правительства. Чувствуя приближение опасности, торговля тотчас же стягивает капиталы, сеет недоверие, затрудняет товарооборот. Она подобна ежу, которого собаке не схватить ни с какой стороны. Это втайне удручает все правительства и заставляет их склоняться перед золотым тельцом. Однажды министр Валис попробовал в Вене дать отпор происках биржи подчинить ажиотаж полицейскому надзору. Он потерпел неудачу и вынужден был постыдно уступить. Чтобы бороться против коммерческой гидры, нужны изобретения; это сфинкс, который пожирает тех, кто не разгадывает его загадок. Впрочем, нет ничего легче, как атаковать этого колосса лжи; когда станет известно, какие батареи нужно употреблять для этой цели, он не сможет сопротивляться и даже не сделает к тому попыток.

Мануфактуры, которые ни в коем случае не следует смешивать с торговлей, соприкасаются с ней в различных точках, в особенности по линии обмана, скупки, банкротства и т. д. Они должны быть реорганизованы, подчинены двойной солидарности — против обманов и банкротств и против пренебрежения интересами рабочих. Такой-то фабрикант обладает состоянием в 20 миллионов, хотя и начал без денег. Если бы существовали солидарные гарантии, он заработал бы только 5 миллионов, 5 миллионов были бы отчислены на гарантии и 10 миллионов поступили бы в казну. Таков распределительный режим, откуда зародился бы хороший порядок. Но пока науки будут низко льстить чудовищному строю, при котором 20 миллионов переходят в руки одного только фабриканта, и пока правительства не возьмут под подозрение эту анархию, не посодействуют некоторому изобретению коррективов, народы и правительства будут игрушкой этого торгового колосса, который увеличивается изо дня в день и возрастающее влияние которого служит предметом тайной тревоги для высших каст.

Во Франции создано 30 сельскохозяйственных академий; какова их первоочередная функция? Разработать мероприятие, содействующее возврату капиталов в деревню, учредить конкурс для разработки этой темы. Ни одна из академий об

этом не подумала. Однако какого подъема может достигнуть земледелие, пока оно не имеет возможности получать капиталы по тому же курсу, что и торговля? Сельскохозяйственные общества, не уделяющие этой проблеме никакого внимания, не являются ли они, согласно евангелию, *300 когортами слепых, ведущих 30 миллионов слепых.* По вопросам реформы торговли царит столько слепоты и предубеждения, что невозможно обличить порок. Однажды знаменитый критик Жофруа рискнул в фельетоне *весьма справедливо* посмеяться над пороками торговли. На него набросились и его облаяли другие газеты: он затих и держался, как побежденный. Он был прав, но капитулировал. Так оправдываются слова ныне покойного императора: *В торговле ничего не понять.*

Философия не стремилась к точному знанию в этом вопросе. Ей прекрасно известен путь, которому нужно следовать, она беспрестанно твердит, что надо применять *анализ и синтез,* чтобы достигнуть знаний. Значит, в изучении торговли она должна была начать с анализа ее разрядов, родов и отдельных черт, согласно плану, который я только что начертал и который каждый мог бы начертать раньше меня. Если бы эта работа была проделана, это послужило бы основанием для перехода к синтезу правильного метода, или режима гарантии.

Но при исследовании торговли, как и других отраслей цивилизации, философия, хотя и устанавливала правильные научные принципы, однако никогда не применяла ни одного из них на практике.

Удивительно ли после этого, что новейший гений рахитичен и бесплоден, что движение находится в стадии застоя и часто идет вспять вопреки самохвальству о возвышенном полете мысли и что мы не можем достигнуть никакого улучшения в судьбе народов, когда так легко сделать открытия, которые привели бы к цели? (см. статью о выходах из цивилизации).

Социальный мир — жертва предательства знаменитых умников. Таково будет мое заключение в конце анализа, который убедит читателя в том, что они отказались от изучения вопроса и заключили соглашение с обскурантизмом. Однако, если мир ими обманут, то они сами вдвойне обманываются в своем стремлении добыть состояние посредством отвратительных спекуляций, путем защиты той цивилизации, которую они втайне презирают и которая их угнетает и порабощает, не принося им богатства. Какая постыдная роль — воскурять фимиам старой фурии, которая затыкает им рот, между тем как, разоблачая ее, глумясь над нею, они стали бы освободителями человечества! Они поднялись бы вдруг к вершине богатства и славы и свободного полета мысли, чему никогда не бывать при цивилизации.

В чертах цивилизации я наметил два основных разряда — преемственных и перманентных — и два разряда связи или сделки. Перейдем к четырем другим разрядам, дополняющим анализ.

ДВЕНАДЦАТОЕ СООБЩЕНИЕ
ОСОБЕННОСТИ СИГНАЛЬНОГО СГНЯ И УКЛОНА

ГЛАВА XLV
ЧЕРТЫ ГАРМОНИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

Легко подавлять страсти насилием: философия их уничтожает одним росчерком пера. Замки и сабля приходят на помощь нежной морали. Но природа опротестовывает эти приговоры. Она втайне восстанавливает свои права, страсть, заглушенная в одном пункте, проявляется в другом, как воды, запруженные плотиной. Она дает о себе знать, как гной язвы, слишком рано закрывшейся.

Naturam expellas furca tamen usgue recurret. *Эта возвратность,* или возврат страстей к своим целям, к роскоши, к группам, к механизму и к унитеизму, производит действие, подобное тому, которое в физике называется дифракцией, или отражением цветов на поверхности черных и непрозрачных тел. Цивилизация является *фигурально* непрозрачным телом; она вся черна от обмана и преступлений; тем не менее она являет некоторые проблески гармонии. Описание, которое дано будет ниже, объяснит этот эффект, научит различать разряд черт весьма ценных, но совершенно неизвестных.

Я беру два примера, взятых *из игры и хорошего тона.* Это два следствия отраженных страстей, *два возврата* страстей — *кабалист* и *унитеизм.*

Игра — это искусственная пища для мании интриги, свойственной человеку благодаря наличию в нем 10-й страсти, называемой *кабалист.* Пустоголовые, каковы крестьяне, сильно любят игру; она развивает в них страсть *кабалист,* которой нечем питаться в шалаше. Игра нравится также горячим головам, при отсутствии достаточной деятельности на почве интриги. Она свойственна и светскому кругу, потому что истина здесь вытеснена условностями и страсть не может здесь проявиться. Здесь царит лед; такое общество создает себе искусственную интригу с помощью карт. Но никто не предложит поиграть в карты людям, поглощенным подлинной интригой в действии: тайное собрание биржевых спекулянтов, которые замышляют биржевой грабительский трюк на следующий день; возлюбленные, которые предаются своим утехам, когда их родители отсутствуют; заговорщики, которые собираются в момент, назначенный для мятежа, — все эти лица взглянули бы с презрением на того, кто предложил бы им поиграть в карты. Там, где есть интрига реальная, нет надобности в ин-

триге искусственной, какова интрига игры, романов, комедий и т. д. Поэтому гармонийцы будут пользоваться картами только для больных и слабосильных, не имеющих возможности принять активное участие в индустриальных интригах, которые будут захватывать так сильно, что ни один здоровый человек не захочет играть. Дня будет мало, чтобы справиться с реальными интригами, которых будет до 30 в день, считая только по две интриги на каждый сеанс — индустриальный или иной.

Хороший тон есть следствие страсти *унитеизм,* которая дает плохое отражение за отсутствием простора для развития. В цивилизации хороший тон влечет только к праздности, к образу жизни людей *«ком-иль-фо»* — трутней и притеснителей работящей массы. Однако в хорошем тоне есть чрезвычайно красивая сторона — страстное единство нравов и обычаев. Блестящий результат хорошего тона — усвоение всем избранным обществом Европы единого языка — *французского* в качестве разговорного, а *итальянского* в музыке. В этом отношении хороший тон — опрокинутое изображение новой общественной гармонии, где добрые нравы будут царить только в силу единодушного согласия, без вмешательства морали и законов, а тем паче наказаний. Но хороший тон у гармонийцев будет вызывать влечение к производительному труду, он направит к этой цели все классы и все страсти. У нас, наоборот, он возбуждает только лень и порождает опасные нравы. Значит, это — *опрокинутое* и отнюдь не прямое изображение унитеизма, который привел бы к индустрии.

То же относится к 10-й страсти — *кабалист,* указанной выше. Ее интриги приведут в гармонии только к выгоде промышленности; у нас они производят только зло во всех отношениях, благодаря игре и другим неурядицам, это — прообраз индустриальных интриг гармонии, но прообраз *опрокинутый,* порождающий зло.

Существует большое различие свойств между двумя отраженными действиями, о которых я только что говорил. *Хороший тон* дает блестящие результаты и часто чрезвычайно полезные, их единственный недостаток то, что они не влекут к промышленности. *Игра* имеет весьма неприятные следствия — разорение семейств, преступления, самоубийства. Значит, среди страстей, отраженных, или возвратных, нужно различать совершенно противоположные роды: гармонический и разрушительный. Те из них, которые приводят к согласиям, как хороший тон, относятся к роду ценных, которые я называю *гармоническими,* или прямыми, отражениями по направлению к цели. Те же, которые приводят к раздорам и преступлениям, относятся к роду вредных, которые я называю разрушительными, или обратными, отражениями по направлению к цели. Эти два рода имеют общее свойство весьма замечательное — давать в опрокинутом виде изображения гармонии, рисовать все ее подроб-

ности в игре отраженных страстей. (Их правильное название было бы *дифракционные,* но научные термины не в моде.)

Уточним хорошенько смысл этого выражения: *изображения в опрокинутом виде.* Отраженные страсти, вместо того чтобы вести социальный мир: 1) к роскоши, 2) к сериям групп, 3) к механизму, 4) к единству, ведут его к обеднению, к разъединению, к смешению, к двойственности действия. Они действуют, как зеркало, которое опрокидывает предмет, в то же время правильно его воспроизводя. В самом деле, сильные эмоции картежников в игорном доме поднимают страсть на ту же степень горячности, до которой поднимутся индустриальные интриги гармонии, возбуждающие сильнее, чем наши празднества цивилизации, и точно так же согласие, страстное единство придворного собрания, соблюдающего манеры хорошего тона, несмотря на связанные с ними неудобства; эта взаимная вежливость воспроизводит единое согласие гармонийцев в справедливом распределении индустриальных отношений — столь же полезных, сколь придворные жеманства не нужны.

Чрезвычайно интересная подробность в анализе этих черт, которые я называю отраженными, или возвратными (название, которое им дает Гораций), заключается в распознании *их сцепления,* в различении того, у какого социального периода они заимствованы.

Если правы философы, говоря, что все связано в системе вселенной, то каждый из 9 социальных периодов, упомянутых в введении, должен быть связан с другими, некоторыми, заимствованными у высших или у низших периодов, и способен образовать сцепление своей системы с этими периодами. Афины хотя и были цивилизованным обществом, однако были связаны с варварским обществом через рабство тружеников и через жестокости, которым последние подвергались. Мы связаны с варварством посредством военного устава, обычая совершенно варварского, хотя необходимого. Потребность и инстинкт заставляют каждый период заимствовать у соседних. Так, монетная система, совершенно противоположная правилам свободной конкуренции, заимствована у периода 6-го — *гарантизма,* где будут организованы подлинные социальные гарантии, о которых цивилизация, с ее болтовней о свободе, не имеет никакого представления. Сами варвары осуществляют эту связь, перескакивая через период цивилизации, чтобы заимствовать у 6-го периода — *гарантизма* — его существенную особенность, называемую у нас *монетной системой,* это — только ветвь правдивой конкуренции или управление, *исключительно уравновешенное.* Цивилизация, 5-й период, перескакивает точно так же чрез гарантизм 6-го периода, чтобы заимствовать у 7-го периода — *социантизма — простые промышленные серии,* — прием чрезвычайно остроумный.

Такова почтовая станция с перекладными, подлинная простая промышленная серия, действующая: 1) методом коротких сеансов, 2) выполнением работ по отдельным операциям и 3) компактным порядком. Именно таковы три условия, требуемые для индустриальной серии (гл. V и VI).

Мне, может быть, возразят, что почтовые станции с перекладными введены совершенствуемой цивилизацией, что они, следовательно, являются частью целого и чертой цивилизации. Это неверно. Почтовая станция с перекладными относится к числу заимствований, это — сцепление с высшим периодом. Административные, правительственные потребности подсказали этот метод. Инстинктивно он был изобретен. Тем не менее он выходит за пределы цивилизации, доказывая, как и монетная система, что все, что имеется у нас хорошего в цивилизации, чуждо этому обществу и происходит от сцеплений или от черт, заимствованных у более отдаленных обществ. Метод цивилизации состоял бы в пользовании одними и теми же лошадьми, с помощью которых, чтобы попасть из Парижа в Лион, понадобилось бы, по меньшей мере, 200 часов, между тем как почтовые лошади вас привозят туда в 43 часа. Экономия времени в 4½ раза! Если почтовые лошади обходятся дороже, то лишь по вине промышленных пробелов цивилизации. В строе гармонии поездка на перекладных обойдется значительно дешевле, чем путешествие на одних и тех же лошадях. Но уже и теперь почтовая станция с перекладными в 4 раза сокращает *время* на переезд. Общее свойство промышленных серий — всюду обеспечивать четырехкратные выгоды по сравнению с промышленностью цивилизации.

С какой отраслью страсти неизвестной древним, связано изобретение почтовой станции с перекладными? Оно связано с *честолюбием* и с чувством меры: с *честолюбием* — вследствие важного значения скорости в предприятиях и отношениях; с *чувством меры* — вследствие невыносимости и тягостности езды шагом. Значит, как я сказал выше, это — результат действия страстей, натолкнувшихся в каком-нибудь пункте на препятствие и проявившихся в другом пункте; это — отражение или возврат, относящиеся к гармоническому роду, потому что они производят полезное. Они разрушительны в некоторых случаях, например, при французской привычке перегружать, переутомлять и загонять почтовых лошадей; в гармонии с ними будут обращаться более бережно, чем теперь с любимой женщиной.

Один только вопрос о почтовых станциях с перекладными уже дал бы материал для обширной главы, если бы я хотел его полностью анализировать. Сколько же понадобилось бы глав для анализа 100 намеченных черт, которые я собрал? Посудите теперь, какого огромного труда потребовал бы анализ цивилизации! Только для одного ряда черт понадобилось бы 100 глав.

Без этой сортировки отдельных черт, без этой классификации, которая относит к каждому периоду то, что ему принадлежит, нельзя судить о социальном прогрессе или закате (declins). Вследствие отсутствия этой сортировки философы наперерыв запутываются в своих взглядах на это общество. Оно занимает пятое место на лестнице. Двигается ли оно вперед, когда оно сохраняет черты второй ступени — дикости, третьей — патриархата и четвертой — варварства, от которых ему следовало освободиться?

Оно далеко от этого. Наша цивилизация, называемая совершенствуемой, упрямо продолжает сцепляться с дикостью, отказывая в минимуме и оставляя без помощи стариков и бедных. Этот порок извинителен для дикарей, потому что во время голодовок орде, действительно, нечем кормить того, кто не охотится или не ловит рыбы; но цивилизация, может ли она сказать, что нехватает съестных припасов? К чертам периода дикости она присоединяет другие, заимствованные у периодов патриархата и варварства. Пока эти смешения не выявлены, невозможно разобраться в лабиринте, называемом *цивилизацией.*

В перечне, примерно, 50 черт гармонического отражения есть чрезвычайно мало таких, которые не возбуждали бы живого интереса, вызывая удивление и смущение и доказывая, что то хорошее, что имеет цивилизация, украдено ею у периодов, выше расположенных на социальной лестнице. Таковы нижеуказанные черты заимствования, относящиеся к механизму гарантий 6-го периода:

1. Научное единство, или согласие, научных обществ, невзирая на войны и национальное соперничество.
2. Смешанная война или дружественные отношения в перерыве сражений между воюющими армиями.
3. Рабочие-артисты, выступающие в театрах в качестве актеров и хористов (обычай Италии, Тулузы).
4. Санитарные карантины.
5. Векселя с солидарностью сделавших передаточную надпись.
6. Страхование как индивидуальное, так и взаимное.
7. Защитники по назначению.
8. Сберегательные кассы, мелкая кооперация.
9. Вычеты в пользу ветеранов.
10. Амортизационные кассы.
11. Члены смешанных комиссий (хозяев и рабочих, для рассмотрения конфликтов) и третейские судьи.
12. Залоги в качестве промышленной гарантии.

✕ Черновой набросок единой метрической системы.

Философия будет настаивать, что эти черты, выходящие за пределы цивилизации, являются совершенствованием ее образа мыслей и относятся к области совершенствуемой цивилизации. Ничего подобного. Эти черты перешли из одного

периода в другой, это они являются следующими звеньями для периодов вышестоящих.

Их изобретением, как изобретением почтовых станций с перекладными, мы обязаны инстинкту потребности, а отнюдь не науке, которая не сумела содействовать даже принятию единой метрической системы, которую она пыталась ввести, и совершенно не заметила естественной системы.

Философские ответы: Если, согласно вышеприведенной таблице, мы приняли, благодаря ли инстинкту, или научному рвению, 12 ценных черт вышестоящего периода, черт, принадлежащих гарантизму, то мы, следовательно, отожествляем этот период: неправильно отличать его от цивилизации! Нет! Вы не пришли к этому периоду, вы к нему даже не стремитесь. Вы погрязли в рутине цивилизации. Можно выйти из периода лишь постольку, поскольку отбрасываются его *стержневые черты.* Вы же ни в коей мере не стремитесь расстаться со стержнями цивилизации — с сельскохозяйственным и домашним дроблением и другими общими стержнями, таблицы которых я не дал в главе XLII. Вы даже не думаете оставить частичные стержни или стержни фаз, изложенные в главе XL, потому что вы упорно придерживаетесь характерных черт третьей фазы, таких, как морская островная монополия, которую вы укрепили неискусной борьбой. И вы цепляетесь за некоторые черты второй фазы, например, иллюзии представительного образа правления, которые в ряде случаев приводят к реакции! Значит, вы скорее двигаетесь вспять, чем вперед! Доказательством служит то, что не извлекается польза из двух уже старых зародышей — ломбардов и цехов, надлежащее видоизменение которых подняло бы цивилизацию от ее третьей фазы к четвертой.

Коротко говоря, далекие от того, чтобы итти вперед к гарантиям, к 6-му периоду, мы не продвигаемся даже по линии цивилизации, не умея организовать ее четвертую фазу. Наконец, — это доказывает общую неосведомленность по данному предмету — Европа восхваляла быстрый прогресс Египта по пути цивилизации, в то время как Египет делал лишь то, что делает теперь Турция, — переходил от 3-й к 4-й фазе варварства. Прогресс проявляет не более стремлений к цивилизации, чем цивилизация в своем нынешнем состоянии — к гарантизму, от которого она чрезвычайно неискусно удаляется благодаря меркантильному духу.

Прервем рассуждения на эту тему, так как по этому поводу можно беседовать только с теми читателями, которые полностью знакомы с фазами и чертами различных периодов. Закончим освещение черт цивилизации, прежде чем объяснить, каким образом это общество, подлинная торпеда в политике, только и делает, что препятствует прогрессу социального гения, в то же время льстя себе ежеминутно мыслью о том, что оно способствует быстрому полету к совершенствованию.

ГЛАВА XLVI

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Эти черты я определил в главе XLV. Мне остается привести несколько примеров, вроде примера *игры,* приведенного выше. Эта черта эпохи проявляется в отдельных людях, следует же привести одну из тех, которые проявляются в массах. Я выбираю *политическое янычарство.*

Под этим названием я разумею всякую разветвленную организацию, которая захватывает власть, подчиняет себе правительство и присваивает себе главные функции или заставляет передать их своим агентам на всем пространстве государства, как поступали янычары в оттоманской империи, где они играли, точно в мяч, головами министров и заставляли султана показывать им в серебряном тазу эти головы вельмож, ими осужденных.

Секта якобинцев играла большую роль в *янычарстве.* Она имеет последователей; ее тактика перешла к ее противникам; якобинство, как Илья, завещало свой плащ, и мы видим теперь различных оттенков якобинцев, или политических *янычаров* — братские лиги, которые стремятся над всем господствовать и все захватить, подобно якобинцам: Uno avulso non deficit alter. Это — признак, свойственный цивилизации. Он менее чувствовался в 1788 г., потому что *янычары,* именуемые дворянством, в ту пору были многочисленнее и стремились, как и оттоманские янычары, все захватить. Так, при Людовике XVI они добились изъятия третьего сословия из воинской службы и лишили его доступа к большинству должностей.

Этот бич *янычарства* — следствие отраженной страсти. Честолюбие стремится образовать серии, расположенные по ступеням в иерархическом порядке; они образовались бы в новом общественном строе, чтобы служить целям производительной индустрии; но так как индустрия у нас непривлекательна, то честолюбие действует отраженно и захватывает власть. В строе гармонии никто не будет помышлять о безраздельном (fédéralement) захвате власти, потому что там это невозможно.

Янычарство второстепенного характера мы видим также в торговой индустрии, где богатый класс безраздельно захватывает власть. Он идет к этой цели под маской духа ассоциации. Как только он найдет способ расширить свои индустриальные захваты (открыть его пока не удалось), он тотчас же наводнит административные должности в результате захвата торговых. Эти секты политических янычаров всегда стремятся к правительственной власти, их зловредность возрастает, и они сулят весьма неприятную будущность нынешней цивилизации, которая только и умеет что порождать новые порочные черты или усиливать старые.

Игра по линии индивидуальных страстей и *янычарство* по линии коллективных представляют возможность дать чрезвычайно точное определение загнанных внутрь страстей, производящих только зло.

Это — *два признака разрушительного рода.* Философы думают, что это — пороки случайные. Нет, они являются существенными и присущи всякому социальному периоду, лишенному полезных интриг. Недаром дикари чрезвычайно страстно увлекаются игрой и еще более федеральными союзами для нашествий.

Во всяком действии страсти отраженной, или загнанной внутрь, всегда можно наблюдать *опрокинутое изображение* обычаев гармонии. Укажем ее в третьем характере разрушительного отражения: это — поверхностная монополия, или монополия ощупью. Ее ростки в зачаточном виде имеются в каждом цивилизованном государстве. Во Франции табачная монополия, в России монополия водочная, в Испании монополия трески, в Персии — питьевой воды. Всюду мы встречаем тенденцию к монополии. Явление воистину удручающее: это опрокинутое изображение гармонии, где правительство управляет всей торговлей и где фаланги не потерпели бы, чтобы какой-либо индивидуум торговал в своих личных интересах. Но общая монополия, которую осуществляет правительство гармонии, дает управляемым более полные гарантии, чем гарантии нынешней монетной системы, которая также является монополией и соответствует сокровенному желанию народов, так как никто, за исключением фальшивомонетчиков, не хотел бы, чтобы монета была объектом свободной конкуренции и чтобы в каждом государстве во имя свободной торговли чеканились тысячи низкопробных монет, налагающих цепи на производителя и потребителя.

Значит, все монополии были бы полезны, если бы они могли быть организованы, как монетная система, в виде *государственого управления, уравновешенного противовесом.* Поэтому тенденция к общей монополии ведет к благу, при условии изобретения режима противовесов. Природа должна наделить этой склонностью все правительства, потому что таково их предназначение: монополия — это главная функция, уготованная правительству в строе гармонии. Эта склонность проявляется в проблесках монополии, вроде табачной. Эти частичные монополии, лишенные противовесов, конечно, производят удручающее впечатление и, в силу этого, являются опрокинутыми изображениями режима гармонии, который использует для общего блага метод, употребляемый теперь для частичных притеснений.

Итак, подобно тому как я это делал для черт иного порядка, я добавлю здесь список 12 разрушительных, загнанных внутрь черт, которым мной еще не дано определения. Бесполезно давать списки более обширные, так как каждая черта

нуждается в определении, которое должно занять параграф или целую главу.

1. Веселые вакханки.
2. Периодические эксцессы народа.
3. Рекреации, празднества и каникулы.
4. Спекулятивное нищенство.
5. Тайное многоженство.
6. Публичная и тайная проституция.
7. Гаремы, там, где они терпимы.
8. Подкидывание детей, если это терпимо.
9. Порочные лотереи и монополии.
10. Борьба без причины: мирная и лютая.
11. Ярмо предрассудков, сброшенное высшим классом.
12. Облагораживание домашнего обслуживания короля.
- Дворянская инерция.

Без пояснений непонятно, в каком смысле каждая из этих черт относится к роду *отраженно-разрушительному*. Только о трех из них я сейчас дам некоторое представление.

1. *Веселые вакханки.* Откуда эта народная склонность к расточительству, к беспорядочности в развлечениях? Этой манией опустошения особенно страдают дети, приходя в веселое настроение. Молодые люди богатого класса предаются таким же сумасбродствам. Ни одна трапеза провансальцев или лангедокцев не обходится без битья посуды (если эта трапеза имеет место в ресторане). Это следствие страсти является таким проявлением дружбы, которое ведет к результатам, противоположным цели, потому что первая цель страстей это — *роскошь;* бесполезный же ущерб ведет только к обеднению. Этот бурный взрыв подавленной страсти ведет к ее цели, к энтузиазму, путями зла, за невозможностью утолить *кабалистический* порыв в притягательной индустрии, которую можно было бы найти на каждом шагу в механизме серий, построенных на страстях.

2. *Периодические эксцессы народа* — разнузданные кутежи в воскресенье и во время карнавала, где он пропивает плод своих трудов. Значит, он очень несчастен в другие дни! Видано ли, чтобы богатый класс предавался этим эксцессам? Нет! Потому что он каждый день имеет изобилие, тени которого народ ищет в своих разорительных сумасбродствах воскресения и понедельника.

3. *Рекреации, празднества и каникулы.* Значит, очень надоедает людям будничный труд, если, чтобы чувствовать себя счастливым, хочется ничего не делать! Гармонийцы не будут знать рекреаций.

И, однако, они будут работать значительно больше нас, но в силу притяжения. Трудовые сеансы будут для них тем, чем является обилие празднеств для парижских сибаритов, которых затрудняет лишь выбор зрелищ, празднеств, балов, любовниц и т. д.

Таковы три порочных следствия дружеского порыва, мании беззаботности и коллективной радости, идущих к цели непроизводительными или вредными путями. Следовало бы классифицировать все виды игры страстей, относящиеся к этому разряду; чем полнее будет таблица, тем ощутительнее будет необходимость изобрести порядок вещей, способный повести страсть по путям полезности, дать ей полное развитие, порывистый подъем в работе на поприще производительной индустрии. Этот эффект имеет место только в сериях, построенных на страстях.

Исследуя этот разряд характеров, называемых отраженными или загнанными внутрь, можно оценить незадачливость моралистов, которые стараются подавить страсти.

Что от этого происходит? Встречая препятствие в одном пункте, они прорываются в другом, они идут к своей цели разрушительными путями, вместо того чтобы итти к ней путями благодетельными. Для социального тела это двойной ущерб — потеря продукта, который дала бы страсть, будучи приложена к индустрии, и расходы на репрессию, или кары, которые приходится противопоставить страсти, заблудившейся на путях зла. Если бы прекрасная Франция не совершала ежегодно 120 тысяч уголовных преступлений, она выиграла бы от этого вдвойне: использовала бы для дела, во-первых, судей и жандармов, преследующих преступников, а затем и людей, которых гнет толкнул на преступление.

Моралисты отвечают: нужно любить добродетель и промышленность. Можно им сказать: умейте их сделать приятными; они могут нравиться человеку только в сериях, построенных на страстях. Умейте же организовать такой порядок вещей теперь, когда вас избавили от необходимости его изобретать. Но пока существует режим раздробленной и отталкивающей индустрии, напрасно противопоставлять страстям оракулов вроде Диогена и Мирабо; страсти идут к своей цели *правдой* и *неправдой*. Бог сообщил нашей душе 12 возбудителей движения, которые толкают нас к цели, вопреки наставлениям Мирабо и Диогенов. Давно бы пора философии заняться изучением движущих сил, их свойств, их тенденций, их сокровенных желаний, вместо того чтобы глупо терять века на химерическую попытку подавить страсти.

Но чтобы открыть искусство их развивать в строе гармонии, следовало бы произвести работу по анализу и синтезу; философия это рекомендует, но не хочет осуществить на практике. Она высмеивает проповедников, применяя к ним следующий девиз: *делайте то, что я вам говорю, а отнюдь не то, что я делаю*. Этот девиз более применим к философам, потому что они никогда не соблюдали своих собственных принципов — ни в теории, где они упрямо отклоняют всякий анализ и синтез страстей и их характеров, ни на практике, где они нам проповедуют любовь к умеренности и к посредствен-

ности. Эх! Будь у них малейшая склонность к умеренности или к посредственности, они не нагромождали бы это необозримое количество систем, этот океан ученых споров, который так сильно превышает посредственность бесконечным количеством томов и значительно ниже посредственности бесконечностью противоречий.

ГЛАВА XLVII

ПРИВИТЫЕ РЕАКЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ

Придя в ужас от злоупотреблений ложной свободой, одна партия считает благоразумным вернуться к нравам и обычаям X века, к дворянскому феодализму, к невежественным предрассудкам и т. д. Но можно ли найти теперь такой народ и такую буржуазию, какие существовали в X веке? Конечно, нет. И для изменения нынешних нравов потребуется не один и не два века. Значит, она хочет привить к нравам XIX века нравы и обычаи X века, привить первую фазу цивилизации к третьей фазе, которая всецело сохранит свои нравы и свойства, потому что такие всемогущие пружины, как торговля и финансы, не сдадутся и потащат за собой партию, которая вздумала бы их себе подчинить.

С другой стороны, чемпионы высокого полета — либералы — тоже ретрограды: они копаются в старых лохмотьях Афин и Рима, воспроизводя старые, ложные права человека (см. Введение) и прививая XIX веку иллюзии, которые влекут цивилизацию из третьей фазы во вторую, и устанавливают промежуточную между той и другой.

Таким образом, каждая из двух партий по-своему движется вспять. Одна во имя мрака, другая во имя света. Но которая из них мудрее? Та, которая возьмет на себя роль, на какую неспособны соперники, и будет *итти вперед, а не пятиться назад.* А для того чтобы двигаться вперед, нужно, по крайней мере, подняться к четвертой фазе цивилизации (гл. XLIX). Если бы дворянская каста взяла на себя эту весьма выгодную для нее роль, в какое неприятное положение попали бы либералы, убедившись в своем попятном движении, в котором они обвиняют других?

Таким образом, удалось бы обратить на путь истинный одновременно обе партии, примирить их путем организации четвертой фазы цивилизации, которая, не будучи еще счастливой, имеет уже положительные стороны; таково искоренение и предупреждение нищенства, постоянное обеспечение труда народу, быстрое изыскание достаточных средств для погашения государственных долгов, восстановление лесов, дорог и т. д.

Эти перспективы должны прельщать людей, которые не желают и слышать о выходе из цивилизации. Однако это все еще только крайняя степень социальной нищеты по сравнению

с благами, которые можно получить, поднявшись немного выше к промежуточной фазе — гарантизму. Четвертая фаза цивилизации привела бы в замешательство обе партии: одна из них не могла бы уже усматривать мудрость в глупой реакционной политике, видя благо подлинного прогресса; другая не могла бы уже восхвалять свой высокий полет, когда стало бы явно, что ее методы привели бы цивилизацию к состоянию, промежуточному между третьей и второй фазами, вместо того чтобы толкать ее к четвертой фазе, откуда довольно легко подняться к гарантизму.

Что касается третьей фазы, в которой мы находимся, то это — социальный тупик, откуда человеческий разум не умеет выбраться. Он упражняется в ученых спорах на тему о системах, а в результате все бедствия человечества усиливаются; это — эмблема Сизифа, вечно карабкающегося на скалу и вновь срывающегося, не достигнув цели. Мы, напротив, в целом ряде пунктов явно ретроградируем в силу химеричности представительного образа правления, обусловливающего массу порочных черт. Например: 1) *перекладывать на нацию стоимость подкупа представителей.* Это злоупотребление неизбежно в большом государстве, где правительство располагает огромным бюджетом, какого у него не было в маленькой афинской республике. Этот режим порождает столько злоупотреблений, что сами вожди либерализма порой заявляли, что представительный образ правления для Франции не годится (Бенжамен Констан).

Порицая этот образ правления, я далек от того, чтобы заявить себя сторонником абсолютизма; последний нравится только тем, кто его осуществляет. Я хочу только сказать, что благодеяния, которых безрассудно ждут от представительной системы, могут зародиться только от реального прогресса или перехода в четвертую фазу цивилизации, к промежуточному состоянию гарантизма и к фазам гарантизма. Этот реальный прогресс имел бы то прекрасное свойство, что удовлетворил бы все классы, которые, будучи встревожены ложным прогрессом и устрашены системой, породившей Маратов и Бабефов, теперь скорее пойдут на самые сумасбродные мероприятия, чем примирятся с либерализмом. Отсюда рождаются различные гибельные черты, переплетающиеся с вышеуказанным.

2) Испуг царствующих домов, обезумевших от ужаса, внушаемого им ложным либерализмом.

3) Крайние средства, к которым прибегают царствующие дома, ища поддержки у врагов своей независимости.

4) Мучения обманутых испанцев, португальцев, неаполитанцев и пьемонтцев, отправленных на эшафот.

5) Раздоры между различными классами граждан вследствие предвыборных интриг.

6) Рост государственных расходов, вызванный этой борьбой правительств против народов.

Насчитывается множество вредных черт, совершенно недавнего происхождения, укоренившихся за последние годы и обусловленных ложным либерализмом. Я называю его ложным, потому что он представляет собой политическую реакцию, стремящуюся к олигархии под маской популярности и производящую всегда следствия, обратные своим обещаниям. Например, в 1728 г., благодаря парламентскому мудрствованию, Франция сэкономила 300 тысяч франков, по сантиму на каждого налогоплательщика, и в этом же году она имела 300 миллионов чрезвычайных расходов, а именно:

государственный заем в 80 миллионов,

списание долга Испании — 84 миллиона,

ссуда под призрачные испанские боны — 136 миллионов

Кроме того, такие мелочи, как 1 миллион, посылаемый каждый месяц испанскому двору на его содержание. Все это вместе составляет потерю около 300 миллионов без всякой компенсации, кроме $^1/_3$ миллиона, полученной благодаря ораторской болтовне и такими жалкими путями, как *скряжничество* — урезывание окладов чиновников на несколько экю, тогда как можно было бы собрать 50 миллионов на одних только залогах биржевых маклеров. Один только класс биржевых маклеров должен государству 24 миллиона — разница между размером залогов, взимаемых с них государством, и подлинной ценой проданных должностей. Либерализм совершенно этого не учитывает в своих бесконечных спорах о государственных финансах. Казна терпит много и других убытков — до 100 и 200 миллионов; эту сумму можно было бы ежегодно *взимать*, не устанавливая нового налога. Столь слепая в финансовых делах — предмете своих постоянных занятий, эта партия еще более слепа там, где дело касается других политических пороков, которым она не уделяет никакого внимания. А так как, кроме этих своих недостатков, она повинна еще в том, что ведет социальную колесницу вспять, прививая третьей фазе черты второй фазы, то роль ее призрачна, и от нее нельзя ждать ничего хорошего [1].

Эта иллюзия давно была бы оставлена, если бы был сделан анализ особенностей цивилизации и дана специальная статья

[1] Либералы пытаются оправдываться, говоря: «Разве вы не видите, что без представительной системы и усилий оппозиции мы очутились бы под властью самого жестокого деспотизма?» Я это знаю, но не менее верно и то, что их тактика лобовой атаки реакционеров крайне раздражает последних и толкает их все более и более на путь мракобесия. Таким образом, партия, желающая свободы, косвенно работает против самой себя; это — медвежья услуга. Верно, что этот режим, называемый либеральным, не дает положительного блага и что либеральный дух бесплоден во всех крупных проблемах социального улучшения, как то: освобождения негров и добровольного упразднения торговли рабами. Он порождает только разглагольствования и никогда ни одной новой идеи.

Не рассуждайте так много о социальном прогрессе, а претворяйте его в жизнь, изобретайте легкие средства. За умниками дело не станет, их предостаточно; нужна гениальная изобретательность, а не оратор-

о привитых реакционных чертах. Я здесь указываю их только шесть, не углубляя этого щепетильного вопроса, которого достаточно только коснуться. Заметим только, что обе партии друг друга стоят в отношении политической проницательности, так как обе помещаются под четвертым знаком Зодиака: Созвездия Рака — одна из них должна бы почитать для себя за честь итти вперед, вызывая чувство стыда у другой.

ГЛАВА XLVIII

ЧЕРТЫ ДЕГЕНЕРАЦИИ ТРЕТЬЕЙ ФАЗЫ

Неподвижная секта столь же смешна, как и реакционеры. Социальное движение не любит застоя. Оно стремится к прогрессу: оно, как вода и воздух, имеет потребность в циркуляции. Стоячие воды разлагаются. Недаром нет на свете нации порочнее китайцев, самой неподвижной нации на всем земном шаре. У них считается законным взимание за ссуду 35%; ростовщичество и торговый обман у них в почете, они разыгрывают в кости своих детей и волочат в грязи своих богов. Это — герои морали, согласно Рейналу.

Наше назначение итти вперед: каждый социальный период должен стремиться к вышестоящему. Завет природы такой, чтобы варварство стремилось к цивилизации и постепенно ее достигло; чтобы цивилизация стремилась к гарантизму, гарантизм — к простой ассоциации и так все периоды. То же относится к фазам: нужно, чтобы первая фаза стремилась ко второй, вторая — к третьей, третья — к четвертой, эта к проме-

---

ское красноречие. Если бы у вас были подлинно либеральные взгляды, вы приняли бы меры, чтобы побудить к открытиям подлинно либеральным и обеспечили бы им доступ в массы. Но, как сказал один из вас (г. Де-Прат): *конституция вскружила голову своим любовникам.* Они думают разглагольствовать о конституции, подлинном яблоке раздора, колеблющемся здании, которое никогда не сможет удержаться. Изобретите порядок вещей, который нравился бы всем кастам и который всех их объединял бы на путях подлинного прогресса. Что касается конституций, то фортуна решительно повернулась к ним спиной; они приводят на эшафот все партии, которые хотят их установить (Испания, Португалия, Пьемонт, Неаполь). Всюду мы видим, как либеральная партия терпит неудачу даже в мелких политических вопросах. Если после долгих воплей она добивается смены министерства, то ее одурачивают под другим соусом. Фортуне надоела немощь либералов, надоело бесплодие их гения, и она их изводит, толкая этим на путь раскаяния. Народы, которые становятся на сторону либерализма, в конечном счете терпят бедствия. Каннинг и другие платятся жизнью за поддержку либерализма. Даже верховных правителей ждет несчастье, когда они становятся под это знамя. Россия, после шестилетних колебаний решившаяся с таким запозданием поддержать христиан Востока, потерпела жалкую неудачу и только ухудшила судьбу греков, от защиты которых Франция также хочет отказаться. Всюду счастье изменяет либерализму. Это для него предостережение, чтобы он отказался от своей позиции, удерживать которую дальше невозможно, и шел путем реального прогресса.

жуточной и т. д. Если общество слишком долго томится в одном периоде или в одной фазе, оно начинает разлагаться, как застоявшаяся вода. (Это правило имеет некоторые исключения для низших периодов цивилизации.)

Мы только в продолжение одного века находимся в третьей фазе цивилизации. Но за этот короткий промежуток времени фаза развивалась очень быстро вследствие колоссального прогресса промышленности, так что теперь третья фаза вышла за естественные пределы. У нас слишком много материалов для этапа, столь мало продвинутого вперед; а так как эти материалы не используются согласно их естественному назначению, то в социальном механизме перегрузка и чувство беспокойства. Отсюда брожение, его разлагающее, развитие большого числа вредных черт, симптомы усталости вследствие господствующей диспропорции между нашими промышленными средствами и отсталым этапом, в котором их приходится использовать. Мы имеем слишком много индустрии для столь мало развитой цивилизации, удерживаемой в третьей фазе. Она испытывает сильную потребность подняться, по крайней мере, к четвертой фазе. Отсюда рождаются черты излишества и упадка; наиболее выдающиеся из них я перечислю: в противовес панегирикам совершенству я сейчас укажу следствия явной дегенерации совсем недавнего происхождения:

1. *Политическая централизация.* Столицы, превращенные в бездонные ямы, поглощают все ресурсы, втягивают всех богатых в ажиотаж и заставляют все более и более пренебрегать земледелием.

2. *Рост налогов,* систем вымогательства, косвенные банкротства, авансы под товары, искусство проглотить будущее. В 1788 г. Неккер не знал, где взять 50 миллионов для покрытия годового дефицита; теперь умеют уже найти не 50, а 500 миллионов к бюджету 1788 г.

3. *Консолидация морской монополии.* С нею боролись и ее сдерживали в 1788 г.; теперь она нераздельно господствует, и европейцам не остается шанса на восстановление соперничающих морских флотов.

4. *Посягательства на собственность.* Они входят в обычай под революционным предлогом и возводятся в правило последующими партиями. Франция проводила конфискации, Испания и Португалия ей подражают, и этот метод одержит верх, потому что теперь прогресс обеспечен только беспорядку. Последний является чертой сцепления с варварством.

5. *Падение промежуточных социальных тел:* провинциальных штатов, парламентов и корпораций, которые противопоставляли власти барьеры. Именно благодаря их падению удалось найти ежегодные подкрепления в 500 миллионов там, где Неккер не мог почерпнуть и 50.

6. *Ограбление коммун,* жалко компенсируемое налогами, которые утомляют промышленность, ослабляют связи между городом и деревней и порождают все торгашеские обманы, узаконивая отравления в торговле.

7. *Судебная развращенность,* косвенный отказ бедному в правосудии, рост процессов благодаря подразделению поместий и усложнению законов, все более и более бессильных. Они немы перед поставщиком, ограбившим государство на 76 миллионов, но непоколебимы по отношению к бедному Элиссандро, укравшему кочан капусты; он приговорен к смертной казни.

8. *Непрочность учреждений,* страдающих в силу этой причины бессилием даже в случае мудрого решения и противоречиями вследствие абсолютного отсутствия справедливых методов во всех отраслях управления: неумение правильно произвести территориальное районирование, учтя все интересы. Люди не выработали принципа для этой операции.

9. *Неминуемость раскола.* Галиканцы, опираясь на взгляды святого Людовика и Боссюэ, не замедлят произвести раскол для отпора преувеличенным претензиям. Отсюда гражданские войны.

10. *Внутренняя война,* раздоры, питаемые невежеством социальной политики, которая неспособна нащупать пути примирения посредством подлинного постепенного прогресса.

11. *Наследование зла.* Обычай перенимать пороки, введенные побежденной партией, каковы: лотерея, игры, организуемые государством, и другие ненавистные средства государственной финансовой политики.

12. *Бесстыдство политики.* Низость христианских держав в отношениях с мусульманами и пиратами; пассивное согласие платить налог пиратам и поддерживать торговлю неграми.

13. *Рост духа наживы.* Ажиотаж, возведенный на степень державы, смеется над законами, захватывает весь продукт индустрии, делит власть с правительствами и раздувает всюду неистовство игры.

14. *Благоприятствование торговле пропорционально ее ухудшению.* Марсель строит корабли, чтобы насильно посадить на них христиан и заселить ими африканскую каторгу; Нант фабрикует орудия пыток, чтобы истязать негров, которыми он торгует вопреки законам; другие города усваивают обычай английской каторги, где народ работает по 16 часов с минутными перерывами; чем зловреднее торговля, тем благосклоннее к ней относятся.

15. *Промышленные скандалы.* Рост терпимой фальсификации, частые кризисы депрессивного обилия, оставление урожаев на корню ради выгодной торговли бумазеей, препятствия милосердию вследствие требований сборщиков всех податей, которые одолевают жертвователей.

16. *Поощрение торговли белыми невольниками.* Эта практика разрешается даже тем державам, у которых она не имела раньше места, например египетскому паше, и этому противопоставляется только дипломатический вздор.

17. *Нравы века Тиберия.* Шпионаж, постепенно спускающийся до солдата. Секретные доносы, явный рост лицемерия, низости и пороков, присущих партийному духу.

18. *Якобинская зараза.* Партии, которые боролись против якобинства, усвоили всю его тактику: искусство фабриковать заговоры и изощряться в клевете стало всеобщим и лишило новейших народов той небольшой дозы благородства, которая у них еще оставалась.

19. *Варварское дворянство.* В 1788 г. оно склонялось к идеям разумного прогресса; теперь оно вновь впало в варварство и думает только о том, как бы уничтожить промышленность, которая состязается с ним на выборах.

20. *Примерные морские бои в литературе.* Ученые и литераторы поднимают знамя вандализма и рвут друг друга в клочья ради развлечения публики, которой они привили любовь к злословию и клевете, и объединяются только для того, чтобы душить просвещение и полезные открытия. Наша свобода выбора породила трио новых добродетелей — варварское дворянство, клеветническую буржуазию и ученых, пропитанных завистливым критиканством.

21. *Разрушительная, или ускоряющая, тактика,* которая удваивает опустошения войны, способствует возрождению варварских обычаев вандеи, гверильи, ландштурма, вооружения женщин и детей.

22. *Татарская тенденция,* выражающаяся в наборах и мобилизациях, проводимых уже в Пруссии и предпринятых в более крупном масштабе в России при Аракчееве; метод, который, будучи однажды введен в некоторых государствах, будет по необходимости принят другими из соображений безопасности.

23. *Посвящение варваров в тактику.* Это — верное средство усилить пиратство варварских народов и установить вскоре пиратство турок, которые заставят все слабые державы платить дань при проходе через Дарданеллы.

24. *Четверная чума.* Мы знаем только старую чуму — восточную; к ней нужно прибавить еще худшую болезнь — желтую лихорадку, тиф, производящий большие опустошения, и *холеру,* уже дошедшую из Бенгалии до Алеппо. Это — новая кадриль возрастающих усовершенствований.

Можно приписать эти неурядицы четырем коренным причинам; а именно:

Моральное развращение наук, упрямый отказ разрабатывать отрасли знания, находящиеся в пренебрежении; маневры фокусника, чтобы убедить, что все открыто, все доступно совершенствованию и остается лишь осмеивать изобретателей.

Материальное развращение наук вследствие порочного применения химии, работа которой направлена только к угнетению бедняка: она дает торговле возможность фальсифицировать все общеупотребительные съестные припасы, которыми питается народ, и только богачам дает возможность доставать натуральные предметы питания и напитки.

Интеллектуальный упадок вследствие злоупотребления умом. *Политическая катаракта,* господство ложных принципов, которые, под маской филантропии, отвергают всякую гарантию для бедного и отрицают естественные права человека, права, которые справедливый кодекс должен возместить:

1) охота, 2) рыбная ловля, 3) сбор плодов, 4) право пастьбы, 5) право передвижения, 6) беззаботность, 7) внутренний союз; ⋋) удовлетворительная свобода, К) пропорциональный минимум. Но ложные принципы отвлекают нас от всякого изучения намерений бога и теории судеб.

Политический упадок, дух неподвижности, охвативший царствующие фамилии и вельмож. Они берут под подозрение социальный прогресс, вместо того чтобы отнестись с подозрением к ретроградному методу, к философскому духу. Отсюда рождается двойное заблуждение, заблуждение правительств, которые с недоверием встречают полезные новшества, смешивая их с философией, и заблужения простого народа, упрямо надеющегося получить что-нибудь хорошее от философов — людей, противящихся всякой разработке новых наук, которые могут привести к реальному прогрессу.

Заметим, что вышеприведенные 24 черты вырождения, число которых можно удвоить, *случайны,* а отнюдь не *существенны* для периода цивилизации. Она могла бы избежать этого наводнения пороками, если бы ускорила свое движение и сумела подняться во-время от третьей к четвертой фазе, подняться по социальной лестнице на такую высоту, какой она достигла в промышленности. Это слишком много для третьей фазы, но слишком мало для четвертой фазы. Значит, это полнокровие — порок не основной, но случайный, порок, обогащенный вариантами эксцентричного и концентричного полнокровия. Так, Мюльгауз *эксцентрично* нагромождает в пункте, наиболее удаленном от четырех морей, фабрики, сырье которых доставляется этими морями, чтобы вернуться к их побережьям; а Гавр, благодаря концентрации *мануфактур* на севере, накапливает колоссальные запасы, обусловливающие оскудение областей Луары, Гароны и Роны.

Если между социальной и промышленной ступенями не устанавливается надлежащей пропорции и социальный механизм не работает, между тем как индустриальный механизм делает гигантские шаги, то все движение приходит в расстройство; это порождает уродливости вроде нашего нынешнего состояния. При виде этой диспропорции, за которую наши экономисты должны были бы краснеть, при виде легионов

бедняков, являющихся плодом этой *разбухшей промышленности,* наши философы восклицают: какое быстрое движение к возрастающему совершенствованию! Следует им напомнить их же положение о необходимости пропорции и связи tantum series juncturaque pollet. Если вы хотите неумеренно двигаться вперед в области индустрии, научитесь двигаться вперед тем же темпом по социальной лестнице и подняться по крайней мере к 4-й фазе цивилизации, которая сможет охватить и урегулировать этот промышленный колосс, играющий роль политической опухоли, пока мы прозябаем в третьей фазе цивилизации (см. о четвертой фазе гл. XLIX).

РЕЗЮМЕ О ШЕСТОМ РАЗДЕЛЕ
Необходимость научной оппозиции

Тут кончается анализ известных отраслей цивилизации. Остается говорить о четвертой фазе, которая еще не наступила. Но так как ее еще нужно создать, то это предмет, относящийся *к синтезу* механизма цивилизации, а отнюдь не *к анализу* ее известных фаз, уже проявившихся, черты которых я уже здесь описал. Я считаю уместным перечислить эти восемь разрядов и указать два пробела, которые я вынужден был оставить в таблице, краткости ради.

Распределение черт цивилизации:

Основания	*Последовательные,* управляющие одной фазой XLI
	Перманентные, господствующие в четырех фазах XLII
Связи	*Торговые по родам* XLIII
	Торговые по видам XLIV
Сигналы	*Отражательные, гармонические* XLV
	Отражательные, разрушительные. XLVI
Уклоны	*Ретроградные, привитые.* XLVII
	Дегенеративные, случайные XLVIII

К этим 8 видам нужно было бы добавить еще два, которые составят их дополнение, а именно:

⋊. *Стержневая* группа, которую нужно выделить из перманентных; таковыми являются следующие три:

Сложное следствие, никогда не бывающее простым как в счастье, так и в несчастье (I, 476; II, 598 и 604).

Сочетание коварной политики и насильственной.

Противоречия между коллективными и индивидуальными интересами.

К. Промежуточные, открыто или случайно позаимствованы в нижестоящих периодах; таковы: военный кодекс, заимствованный у *варварства* (четвертый период); право первородства — у *патриархального строя* (третий период); оставление слабого без помощи — заимствование у *периода дикости* (второй период) и некоторые заимствования, сделанные у *первобытного* периода (первый период), которого уже не суще-

ствует. Мы видим некоторые черты этого периода, привитые цивилизации и варварству. Таковы явнобрачные обычаи *Неполя, Явы, Лансерота, Гамиля, Лапландии* и других мест, представляющих проблески явнобрачия, которые полностью установлены на острове Таити.

Все черты цивилизации, которые можно будет указать, принадлежали к одному из этих десяти разрядов. Анализ наиболее обильного разряда, разряда перманентных черт, был сделан только поверхностно, я примешал сюда *стержневые*, которые следовало бы отсюда выделить. В этом разделе я хотел только дать представление о чрезвычайно объемистом труде, которого потребовал бы интегральный анализ цивилизации, и указать безрассудство тех философов, которые, стараясь открыть новый сюжет, не заметили того, о котором я только что говорил и который является наиболее легким из всех вышеуказанных и наиболее совпадающим с их знаниями, потому что он требует только признания истины, признания господствующих пороков, принимаемых за пути совершенствования.

Откуда это бесплодие новейших философов? Оттого, что ученый мир лишен необходимого средства *оппозиции* — корпорации, осуществляющей оппозицию в научных делах и выступающей, чтобы указать ошибки науки, пробелы, оставляемые ею с умыслом в различных родах знания. Философы нам говорят, что оппозиция является палладиумом[1] свобод, почему же исключают они ее из ученого мира, который лишен этого средства и который так мало о нем задумывается, что ни один ученый не скажет, как должна быть организована корпорация научной оппозиции, правильно уравновешенной.

Правительствам, которые имеют основания опасаться злоупотреблений печати, следовало бы подумать о создании такой научной оппозиции и применить против своего прирожденного врага — философии — оружие, которое она употребляет против них, — *оппозицию* и просвещение.

Если бы ученые корпорации стояли за справедливость, за гарантии свободы, они признали бы, что в наши дни несправедливая хула распространена шире, чем в век Колумба, и что никто не хочет и слышать о полезных новшествах. Виновником этого мракобесия является отнюдь не правительство, но ложные ученые. Значит, чтобы уравновесить их влияние, нужна оппозиционная корпорация, которая, напоминая веку о предстоящих исследованиях, обеспечила бы помощь и доступ к науке всякому, кто сделал бы требуемые открытия.

Но ученый мир нарочито вносит путаницу в исследования он даже не желает, чтобы люди ориентировались, чтобы чело-

---

[1] Деревянная статуя Афины-Паллады, от обладания которой зависело благоденствие Трои.

веческий разум осознал пройденный им путь и сделал бы анализ цивилизации. Именно с этого начала бы оппозиционная корпорация, она стимулировала бы такой анализ и анализ периодов, пройденных до цивилизации, с тем чтобы узнать посредством параллели, продвинулись ли мы вперед по линии зла или по линии добра. Этот труд показал бы, что цивилизация совершенствует только промышленность, но развращает нравы по мере прогресса промышленности. Значит, чтобы добиться хороших результатов, должно открыть другой социальный механизм, который воздействовал бы на нравы и способствовал бы зарождению, на базе индустриального прогресса, справедливости и истины.

Вместо того чтобы открыто стремиться к этой цели, наука упорно вводит людей в заблуждение, доказывая, что «первоначальный смысл слова *цивилизация* — это идея *прогресса, развития,* она предполагает народ в *движении;* это — совершенствование гражданской жизни и социальных отношений; это — *самое справедливое* распределение силы и счастья между всеми членами».

В ответ профессору, который высказывает эти мысли с одной из кафедр Парижа, где софизму обеспечен хороший прием, следовало бы показать фабрику зеркал и другие мастерские; каким справедливым распределением, каким счастьем пользуются рабочие, которые обслуживают фантазии праздных людей, из коих состоит аудитория профессора! Если верно, как он это говорит, что строй цивилизации охватывает всякое совершенствование, всякий прогресс, всякое развитие, то варвары оказываются цивилизованными, потому что они значительно усовершенствовали индустрию в Китае, Японии, в Индостане и в Персии. Но, анализируя черты варварства и черты цивилизации, видишь огромные различия между двумя социальными периодами (гл. LII).

Совершенствование должно применяться не только к индустрии, оно должно охватывать также нравы и социальный механизм — две области, куда цивилизация вносит лишь разложение. Ее весьма ограниченная задача заключается только в *дальнейшем продвижении* на тех поприщах наук, искусств и промышленности по пути исследований, которые начаты и продвинуты очень далеко уже варварами. Коль скоро эта задача выполнена, цивилизации не остается ничего больше, как исчезнуть и освободить место для других обществ, которые усовершенствуют все — нравы и социальный механизм, рафинируя в то же время индустрию и науки, которым строй цивилизации не может обеспечить даже в половинном размере развитие, на которое они способны. Об этом можно было судить по картинам труда в сериях, основанных на страстях.

Впрочем, если слово *цивилизация* предполагает народ в *движении,* чем объяснить, что наш век столь неуклюже топчется на одном месте в рамках самой цивилизации, не умея

добраться до четвертой фазы? Между тем, наш век усиленно хлопочет, он фабрикует в изобилии конституции и системы; это — белка, которая прыгает в колесе, не двигаясь с места. Бедный век! Он превозносит дух ассоциации; почему не старается он сочетать свое остроумие, свое бесполезное красноречие со здравым умом какого-нибудь гения-изобретателя, который показал бы ему выход из лабиринта цивилизации и поприще новых наук, где он обрел бы богатство и славу.

АРГУМЕНТ СЕДЬМОГО РАЗДЕЛА
ОБЩИЙ СИНТЕЗ ДВИЖЕНИЯ

АРГУМЕНТ ТРИНАДЦАТОГО СООБЩЕНИЯ
ПЕРВЫЙ ВОЗРАСТ СОЦИАЛЬНОГО МИРА

ГЛАВА XLIX

ПОСТРОЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ФАЗЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕЕ ПЕРЕХОДНОЙ ФАЗЫ К ГАРАНТИЗМУ

В этом разделе мы будем говорить о научной беспомощности. Мы осветим здесь в числе других забавных сюжетов и вопрос о предстоящем крушении колосса, называемого *торговлей*. Всякого, кто не является ни банкиром, ни торговцем, мысль эта радует. Но как приступить к делу, чтобы раздавить гидру, которая наводит ужас на королей и заставляет их склоняться? Приятно думать, что маленькая операция, которая потребует только одного декрета, передаст в руки правительства торговлю, банки и доходы, еще более огромные, чем извлекают из них эти два вампира, которые хиреют благодаря непроизводительным расходам. Эту реформу можно произвести даже и в том случае, если бы организация гармонии задержалась.

Захват этих двух позиций мог бы совершиться двумя способами: внезапным и принудительным способом, порождающим четвертую фазу цивилизации, или методом конкуренции и соблазна, ведущим к промежуточной фазе и первой фазе гарантизма.

Мне скажут, что выбор и так ясен и что второй способ безусловно предпочтительнее. Пусть так: люди выберут, что им больше подойдет. Но я обязан описать все шансы выбора, порочные или нет, и начать с наименьшего прогресса, прогресса, насильственным способом ведущего только к четвертой фазе цивилизации. Затем я укажу конкурентный способ, который остроумен, легок и выгоден и привел бы к социальному строю, значительно выше цивилизации. Во всяком случае я должен ознакомить читателя с лестницей возможного прогресса, с промежуточными периодами и фазами между цивилизацией и гармонией. Это — предмет тринадцатого сообщения.

Выходите на состязание, ловкие атлеты бирж Парижа, Лондона и Амстердама. На этот раз вы пожнете не аплодисменты, а свистки и шикания.

Выходите на сцену, лилипуты грабежа, финансисты, дельцы и обиралы, вы, которые ограничиваетесь миллионами там, где можно загребать миллиарды! Ваш талант ограничивается пожиранием настоящего и будущего дохода. Если бы вы были не такими пигмеями в разбое, вы сумели бы добраться до основного капитала, не ограничиваясь *доходом*. А вы, людишки, этого не сумели! Вы достойны вашего века, вы посредственны в преступлении, как он — в политическом творчестве! Грабя казну, вы ограничились отдельными перестрелками, не осмеливаясь замыслить план решительного боя с *грабежом основного капитала*.

Новейшие государства изнемогают под тяжестью неуклонно возрастающих долгов, все они идут к банкротству; Испания первая из них дает сигнал бедствия. Сомнений нет. Следовательно, даже при неведении пути достижения общественной гармонии приходится искать новых источников для покрытия возрастающих расходов цивилизации. Некоторые софисты говорят: нужно превратить в монету земельные фонды. Но нужно, чтобы правительство ими обладало хотя бы частично, прежде чем превращать их в монету. Сейчас мы увидим, что при наличии у правительства хотя бы одной трети ему нет надобности превращать в монету остальные две части.

В самом деле, допустим, что какому-либо королю надоело бесплодие философов и что он сказал себе: посмотрим, нельзя ли, с помощью здравого смысла, добиться различных благ, от которых нас удаляют философские споры: предотвратить нищенство, погасить государственные долги, уничтожить банкротство и ажиотаж, установить в торговле правдивость вместо лжи! Предположим, что, не будучи наделен талантом изобретателя, этот король обладал бы лишь сильной волей, подобно Тигру Махмуду, и решился бы произвести опыты; сначала, за отсутствием истинной науки, он испытал бы принудительные методы. Мы сейчас увидим, что это отчаянное мероприятие уже привело бы к цели.

Сообразно этому плану он настаивал бы на принудительном образовании экономических объединений, собрал бы воедино всех бедняков, все несостоятельные семейства в *государственные фермы*, где им предоставлялись бы, с небольшими затратами, веселые и чрезвычайно производительные занятия в садах, на скотных дворах и на различных фабриках, при разнообразии занятий по выбору каждого. Эти фермы можно было бы создавать в пропорции 1 : 10 деревенского населения, потому что в деревнях на тысячу семейств приходится 100 и более, которым нечем существовать. Указанные фермы нужно было бы образовать в числе одной на

400 семейств, с тем чтобы в каждой было размещено, по крайней мере, 40 семейств, итого 200 человек. Это число необходимо для достижения трех целей: *хорошей экономной пищи, разнообразных и прибыльных работ, незначительных расходов на управление.*

Бедный класс заставили бы расположиться на этих фермах. На примере принудительно введенного *порядка* мы видим, что цивилизованный народ надо силой принуждать к добру, после чего он благодарен тем, кто его принуждал. Впрочем, ферма в составе 40 семейств была бы приятным местопребыванием, при условии разнообразия работ и предоставления выбора их различных вариантов — в саду, на скотном дворе, в крупном земледелии и на фабрике.

Эти фермы можно сделать прибыльными, взяв в свои руки самую выгодную функцию — торговлю, различные детали которой — банк, ссуды под залог, комиссионные операции, складское дело, продажу, покупку — каждая ферма организовала бы у себя. Правительство содержит ломбарды, это — самая подлая из этих функций; почему бы ему не взять на себя другие функции, более благородные?

Я сказал выше, что два зародыша, подлежащие развитию для поднятия цивилизации к четвертой фазе, это — ломбарды. Я указал, как использовать одно из этих средств, остается осветить другое.

Смешно было бы тиранически устанавливать, что той или иной профессией будет заниматься столько-то лиц, такое-то число сапожников, такое-то — портных, такое-то — мясников и т. д.: это число должно меняться в зависимости от времени и шансов на работу. Цех никогда не должен быть ограничен в числе, ни быть исключительным. Следует только, последовательно удорожая патент, устранить избыточное количество и всех тех, кто не обладает ресурсами для сотрудничества на почве солидарности, которая должна быть целью правительства. Этот принцип должен применяться к классам, способным обанкротиться, к торговцам и фабрикантам; если тот или иной патент стоил в 1829 г. 100 франков, нужно его последовательно повышать до 200 франков в 1830 г., до 300 франков в 1831 г., до 400 франков в 1832 г. и т. д., то же в отношении залога.

Но ведь это устранит всех наиболее бедных: патент им не по силам. Именно такова цель этого мероприятия. Пусть они вернутся к сельскохозяйственному труду, устроившись на государственных фермах в качестве акционеров или, быть может, служащих. Если у них нет капиталов, они должны оставить торговлю, где они могли бы обанкротиться при малейшем ударе, при малейшем застое. Если у них имеются капиталы, они будут продолжать свою торговлю, потому что удорожание патента вытеснит большое число торговцев, увеличит продажу для оставшегося меньшинства, которому эта при-

манка необходима для согласия на взаимное поручительство. Пока социальное тело доверяет торговцам свой ежегодный доход, даже свой капитал, оно должно требовать от них солидарной гарантии. Парижане хотели применить это правило к биржевым маклерам во время банкротства *Сандрие,* когда они сильно поплатились своими кошельками. Но торговля слишком могущественна, чтобы подчиниться репрессивным законам; это — лакей, который держит барина закованным в цепи.

Что касается подробностей организации этих учреждений взаимного поручительства и государственных ферм, способа допущения и участия акционеров, интересы которых совпадают с интересами казны, и всех мелочей, относящихся к этому управлению, то в разделе, посвященном аргументации, я не могу спуститься к таким частностям; я ограничусь установлением основ. Как мы это видим, предлагаемая организация оперирует зародышами вполне реальными, это не воображаемые средства любителей излишеств системы: эти зародыши мы уже давно видим в действии, не предусматривая дальнейшего развития, на которое они способны. По этому поводу заметим, что правительства, находясь в когтях у торговли, должны были бы испытать некоторые средства сопротивления. Наиболее естественным был бы захват торговли с помощью конкуренции.

Архимед сказал: *пусть мне дадут точку опоры, и я подниму мир.* Так и тут: заручитесь точкой опоры и действуйте против торговли, которая не сможет удержаться ни минуты, потому что она не обладает ни единством действия, ни помощью общественного мнения, которое ненавидит ее мошенничества. Точкой опоры правительству будут служить государственные фермы или сельские фермы-приюты и цехи в городах, где они будут подчинены государству посредством круговой поруки и возрастающих залогов.

Я укажу дальше способ захвата торговли. Заметим здесь, что это — дело чести правительств: они во власти и под ножом спекулянтов; маневр ажиотажа, искусственно вызванный голод опрокинул Бонапарта, вызвав крах его похода в Россию, ввиду промедления, которое внушило подозрение туркам и заставило их подписать мир. Точно так же спекулянты могли бы противодействовать всякому другому государю.

С другой стороны, монархи, теснимые долгами и неминуемостью банкротства, должны подумать об увеличении своих доходов. Можно черпать денежные средства только из торговли, которая накапливает столько миллионов, жалуясь в то же время на свою бедность. Прибыльная часть торговли — ростовщичество. В 1800 г. было замечено, что в четырех департаментах по ту сторону Рейна (Майнц, Трев, Кельн, Кобленц) евреи с помощью ростовщичества в 10 лет захватили четверть земельной собственности. Нужно, чтобы прави-

тельство захватило в свои руки эту *отрасль и другие* через посредство государственных ферм. Оно приобретет около $^1/_3$ земельной собственности, в то же время щадя должников. Таким образом, у него будет во Франции земельный фонд, приносящий 2 миллиарда ренты, из коих один — акционерам и агентам и один — государству, помимо текущих налоговых поступлений.

Сверх того, благодаря назначению 80 тысяч чиновников для обслуживания государственных ферм, оно приобретет большое влияние. Оно, правда, лишится некоторых доходов от патентов и от других статей, но это сокращение будет более чем компенсировано развитием земледелия и возвратом к производительному труду 500 тысяч торговых агентов (я имею в виду только Францию). Вот грандиозные операции, которые должны заступить место мелких мероприятий, называемых финансовыми планами, к которым применимо изречение: *блаженны нищие духом,* beati pauperes spiritu, так как нищие духом — люди, лишенные духа изобретательности. Они приобретают известность и синекуры с помощью жалких концепций, называемых финансовыми планами и отдающих государство во власть ростовщикам, *вместо того чтобы передать ростовщичество государству.*

ГЛАВА L

ЧАСТИЧНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ШЕСТОГО ПЕРИОДА, ГАРАНТИЗМ

Вынужденный опустить подробности, я перенесу читателя в эпоху, когда *государственные фермы, фермы-убежища* приобретут устойчивость, начнут действовать в большом масштабе под управлением министра посредничества; в эпоху, когда они приблизятся к своей цели, заключающейся в том, чтобы сделать народ счастливым, заставить его гордиться своими фермами и своим новым положением в той же мере, как он теперь унижен своей философской участью, своей хижиной без хлеба, своими легионами детей, которых он вынужден кормить розгой, когда они просят хлеба.

Что будет стоить ферме-убежищу это превращение? Пустяк, несколько легких улучшений: залы воспитания для маленьких детей (раздел III), навесы или подвижные тенты для садовников, выдача производственной одежды, стоимость которой полностью покрывается доходом. Этих мелочей, вместе с преимуществом здорового и обильного питания и беззаботной жизни, достаточно, чтобы вся категория нуждающихся возненавидела свои маленькие моральные хозяйства и просила принять их на фермы, предлагая ей купить их клочки земли.

С самого начала эти фермы искоренят нищенство в деревнях. Ни один нищий не получит милостыни; каждый ему от-

ветит: «Идите на ферму-убежище, где всякий нищий получает хорошее питание и разнообразный труд по выбору». Что касается слабых, то ферма о них позаботится, сделав для этого дополнительный сбор по несколько сантимов с каждого обитателя кантона, приблизительно с 2—3 тысяч человек.

Никакой угрозы голода! Ферма будет иметь запасы силоса и хлеба в амбарах. Ни одно правительство не будет бояться голода; восстановление климата и лесов будет обеспечено благодаря огромному сокращению потребления дров, и в той же пропорции уменьшится их кража. Несколько печей вместо 50 и 100 очагов бедных семейств, расточительно расходующих дрова, воруемые в коммунах, ибо кража является занятием бедных крестьян и маленьких хозяйств, столь излюбленных моралью.

Во всяком кантоне будет обилие птицы и животных, хороших овощей и плодов, благодаря саду фермы. Чтобы сделать труд своим рабочим более приятным, ферма займется работой в садах и на скотных дворах предпочтительно перед крупным земледелием. Наконец, в малом масштабе зародится большинство благ, которые я описал в кратком очерке ассоциации.

Наиболее замечательным из преимуществ будет крушение торговли. Все фермы-убежища сговорятся, при содействии министров и префекта, обходиться без торговцев, делать свои закупки и продажи непосредственно друг у друга; они будут иметь для продажи запасы съестных припасов, полученных на склад от мелких землевладельцев или собственников, которые не имеют ни хороших хлебных амбаров, ни хороших погребов, ни многочисленных слуг и охотно передадут ферме свои продукты за умеренную плату, покрывающую расходы по хранению и продаже. Сверх того собственник, передавая свои продукты на склад, получит аванс со взиманием с него умеренного процента и будет благодаря этому избавлен от необходимости спешной продажи, которая обесценивает съестные припасы.

Отныне все друзья торговли, легионы торговцев совершенно разорятся и отомрут, как пауки, которые погибают в собственной паутине, за отсутствием мух, когда двери и окна хорошо закрыты и доступ мухам преграждён. Это крушение торговцев будет следствием *свободной конкуренции:* их торговле не будут препятствовать, но никто не будет им доверять, так как фермы-убежища и их провинциальные агентства, *организацию которых я не могу здесь описать,* представят достаточно гарантий истины. Добродетельным любителям торговли не останется ничего другого, как бить отступление, оплакивая *добрые времена лжи,* прекрасные дни философской анархии или свободы торговли без конкуренции (ибо торгашеское своеволие не знает конкуренции, для него существует только соревнование в мошенничестве). Наибольшие мошенники всегда лучше всех преуспевают.

Отступление торговцев приведет к образованию тройного склада или тройного агентства, действующего под управлением министра. Конкуренция будет полностью установлена тремя соискателями: каждый из этих складов будет иметь свои агентства в различных городах и на больших рынках, откуда они будут сообщаться с фермами, из коих каждая вольна по выбору связаться с одним из трех складов. Все свободные капиталы сосредоточивались бы у государственных ферм, за неимением скупщиков, банкиров и торговцев. Капиталисты будут помещать свои деньги только в земельные участки, в фабрики и в солидные предприятия. Три складских хозяйства будут нуждаться только в небольшой сумме, необходимой для покрытия расходов по хранению.

Все фабрики или, по крайней мере, наибольшая часть их оставит города, чтобы рассеяться среди государственных ферм, где рабочие, имея возможность разнообразить свой труд: работать поочередно в садах, на скотных дворах, на фабриках и т. д., будут наслаждаться существованием, столь же приятным, сколь тягостно существование на городских чердаках, где они с утра до ночи, все 365 дней в году выполняют одну и ту же работу с большим ущербом для своего здоровья.

Я не говорю о питании и о благосостоянии народа в фермах-убежищах. Из этого краткого изложения читатель видит, насколько крупные учреждения благоприятны для народа, лишь бы они не были организованы по философскому методу, под управлением *мнимых экономов,* счета и посторонние доходы которых никто не может проверить. Счетоводство государственных ферм будет доступно проверке каждого обладателя известного числа акций, каждого представителя акционеров.

Повторяю, бедный класс поспешит отделаться от своих полосок земли, чтобы купить купоны акций, выпущенных фермой, вступить в нее, вести в ней веселую жизнь и бросить моральное и нищенское хозяйство. Только крупные собственники или зажиточные фермы будут вести индивидуальное хозяйство: но они заплатят дорого наемной прислуге, которая будет более расположена жить на ферме. Ферма присоединит к своим земельным участкам много земельных владений, приобретенных у обремененных платежами должников. Она вскоре будет владеть третьей частью территории и промышленных учреждений, продукция которых, оцениваемая во Франции в 6 миллиардов, даст доход в 2 миллиарда, увеличенный до 3 миллиардов, из коих один поступит государству и 2 миллиарда — акционерам и кооператорам.

Заметим, что прибыльность фермы будет прямо пропорциональна очарованию ее для низших классов. Подобно фалангам гармонии, здесь будут устраиваться для народа *подлин-*

ные празднества в дни торжеств, более изысканные трапезы, танцы, игры и т. д. вместо мучений и наказаний, которым он подвергается в наших домах призрения нищих. Бедный обходится теперь государству 25 су в день. (См. подробную отчетность о доме призрения нищих Клермона и Оверни, учрежденном при Бонапарте.) Здесь, наоборот, бедный будет приносить 25 су фермам-убежищам: его будут поощрять шансами на повышение в степени, приманкой собственности, присущей купонам акций, а также снятием с него забот о воспитании детей, которое взяла на себя ферма. Она приблизится к режиму серий и к промышленному притяжению, как только детей появится достаточно для образования дружин и хоров — хотя бы трех дружин вместо пяти. Я не остановлюсь на деталях, относящихся к гарантии правдивости, которая будет царствовать в фермах-убежищах и которая обусловит захват фермами оптовой и розничной торговли. Этот тиран королей и народов — только колосс на глиняных ногах; он упадет без выстрела, когда сумеют атаковать его обходным путем. Если ударить змею спереди, она непременно укусит; надо схватить ее за хвост, лишить ее точки опоры. Этого не знали ни австрийское министерство, ни все те, кто, подобно ему, пытались пресечь торгашеские проделки. Все они совершали двойную ошибку: *они оставляли торговле ее точку опоры и не создавали никакой точки опоры для правительства.* Когда век действует столь неискусно, можно ли удивляться, что он вместе с Бонапартом говорит: *в торговле ничего не понять!* Скажите лучше, что вы ничего не понимаете в социальной политике.

В этом колоссе, называемом торговлей и грозящем все захватить, должны были, по крайней мере, заметить мерзкие свойства — обман и мракобесие! Если бы наши моралисты искренне стремились открыть истину, они прекрасно видели бы, что ее нет в торговле, этом подлинном отечестве обскурантизма, потому что всякий молодой человек, проявляющий склонность к наукам и искусствам, порицается в конторах коммерсантов и не получит там повышения. Разве здравый смысл не диктовал взять под подозрение этого вампира мракобесия и мошенничества, который мало-помалу захватывает все богатства? Разве не было очевидно, что, не зная способа успешного соперничества с торговлей, меньше ущерба понесли бы, установив общую и предохранительную монополию? Каким образом администрация и философия, понимая опасность обмана в таких профессиях, как медицина и фармация, считают возможным содействовать этим обманам в торговле и поощрять возрастание количества ее агентов, которых уже и сейчас в 20 раз больше, чем нужно? Откуда такая немощь новейших философов, если не от их упорной веры в политические и моральные науки, тактика которых состоит в восхвалении всех господствующих пороков, чтобы избавить себя от искания лекарств?

В этих двух главах мы начертали путь, которым шла бы индустрия в случае подлинного прогресса, предшествовавшего открытию серий, построенных на страстях. На этом пути я мог бы указать много различных ступеней; самая нижняя из них образует четвертую фазу цивилизации, а самая высокая — вторую фазу гарантизма, шестого социального периода, кладущего начало счастью, о котором мы сейчас будем говорить.

На основании данной главы можно судить об умении наших политических писателей: они хотят, как они говорят, *установить равновесие властей*, привести в равновесие социальный механизм, и в то же время они доверяют управление индустриальным движением торгашеской касте, которая, свободно осуществляя на практике обман и мошенничество, захватывает все богатства, подчиняет себе все пружины товарооборота и парализует даже правительство. Наши экономисты не противопоставляют этим промышленным варварам никакого противовеса, никакой корпорации, правдивой в своих действиях. Поэтому ложь беспрепятственно торжествует, и древо лжи растет у нас на глазах; банк, ажиотаж и торговля накапливают все более и более сокровищ, между тем как бедное земледелие прозябает без денежных средств. Таковы плоды работы новейших философов, велеречиво разглагольствующих в своих сочинениях *о балансах, противовесах, гарантиях, равновесиях, любви к святой истине*. Не уместно ли здесь сказать вместе с Бомарше, *что умники глупы, или, вернее,* что *ротозеи поступают глупо, доверяясь умникам, а правительства слепы и не видят, что им нехватает точки опоры для сопротивления торговле!*

ГЛАВА LI

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ШЕСТОГО ПЕРИОДА

Я рассматриваю здесь режим гарантий в целом: здравый смысл нам указывает сначала две гарантии, а именно — гарантию труда, пропитания и благосостояния для бедного класса и гарантию правдивости в социальных отношениях для среднего и богатого класса.

Философия не хочет слышать ни об одной из этих гарантий; она освящает своеволие торговцев, которые устанавливают всеобщий обман в купле и продаже, и затем организует законодательство, отдающее беззащитного и бесхитростного собственника на ограбление дельцам, мелким судебным чиновникам и т. д.

Таково положение класса зажиточного. Что касается бедных, то философия вместо средств к существованию дает им депо нищенства, камеры пыток и промышленную каторгу, именуемую *большими фабриками*. Казематы двух видов, где бедняк испытывает муки ада, раньше чем умереть.

Я показал, что нетрудно придумать два метода, которые создадут гарантию безопасности и правдивости для богатого в денежных делах и гарантию благосостояния для бедного. В цивилизации беднякам гарантирован только расстрел, уничтожение, если они коллективно будут просить труда и хлеба, в котором отказывают каждому из них в отдельности, или осмелятся просить об облегчении им повинностей и пыток, которым их подвергают за жалкое пропитание. Затем в виде знака отличия ему присвоят прекрасное звание свободного человека, посылая его с цепью на шее умирать за дарованную ему вольность. Таковы гарантии, придуманные философией для народа, другом которого она себя называет! Нечего сказать, хороша изобретательность!

Гарантии в общем плане должны применяться к 12 страстям и более или менее обеспечивать свободу действия каждой. Достаточно, чтобы гарантия распространилась на 9 страстей, называемых чувственными и душевными; она распространится затем и на три другие, называемые механизирующими.

В промышленных отношениях существует прекрасный образец гарантии — монетная система, которую следовало бы распространить на всю торговлю. Таков был бы эффект *тройного конкурирующего склада*. Это было бы управление с двумя противовесами, образованными свободой частных продаж и посредничеством наблюдающих акционеров. Государственные фермы или фермы-убежища входят в этот механизм. Гарантии должны распространиться на чувственные удовольствия, как и на другие страсти; философия же, под предлогом индивидуальной свободы, обманным образом лишает чувственного благосостояния весь социальный организм. Исследуем ущербы чувств.

1. *Осязание*. Один из наиболее ценных видов осязания — соприкосновение с воздухом; нездоровый воздух причиняет смерть, и, однако, философы освящают свободу возводить нездоровые постройки, которые в некоторых кварталах Парижа обусловливают гибель $^{7}/_{8}$ общего количества маленьких детей уже на первом году их жизни. Система гарантий в области *осязания* запретила бы эти убийственные постройки, она ввела бы в действие архитектурный кодекс, регламентирующий здоровые условия и украшение зданий как внутри, так и с внешней стороны (см. I, 565, Очерки этого кодекса, над которым никто никогда не задумывался).

2. *Зрение*. Строительный произвол удручает зрение, куда ни глянь. Многие вандалы, сколько душе угодно, обезображивают здания, возводят ту или иную стену, единственный смысл которой заключается в том, чтобы загородить полдюжины соседних. Нет большего счастья для мелких душ; им нравится уродовать квартал, окрестности и изводить соседей, нося прекрасное звание свободного человека. Философия ап-

лодирует этому вандализму, именуя его свободой, тогда как это лишь — беспорядок, как и все индивидуальные свободы без противовеса, без подчинения 12 гарантиям. Считается признаком мудрости презрение к гарантиям *приятного*, например к гарантии в строительстве (I, 565). Человеческий разум в этом деле просчитался, потому что, пренебрегая гармоническими сооружениями, отраслью гарантий зрения, он упустил возможность приближения путем изобретательства к ассоциации, куда привел бы его этот род строительства.

3. *Слух.* У французской нации, чрезвычайно притязательной, слух столь же извращен, как и ум. Только один город составляет исключение: население или, по меньшей мере, часть населения Тулузы имеет хороший слух и поет в оперном хоре. Почему бы возможное для Тулузы не могло бы стать возможным для всей Франции? Почему же на протяжении веков никто не подумал о возрождении слуха? Мораль отвечает, что это ни к чему, что истинный республиканец должен заниматься только посадкой репы. Выдвигая этот глупый принцип, она извратила суждения цивилизованных наций. В строе гарантий *полезное и приятное должны итти рука об руку.* Если отсутствуют гарантии приятного, то в результате этого будут отсутствовать и гарантии полезного; вот почему цивилизованные лишены и тех и других гарантий. Им столь чуждо правильное представление об этом предмете, что, под предлогом свободы, они дают возможность в Париже орудовать трем-четырем тысячам общественных отравителей, называемых виноторговцами, — подлинных торговцев замаскированными ядами, которые подрывают здоровье народа; вот к чему ведет отсутствие гарантий для вкуса.

Отдавшись целиком мечтам о конституции и представительной системе, новейшие философы поражены катарактой в отношении всего того, что касается истинных свобод, солидарных гарантий. Я исследовал здесь только материальные гарантии, потому что их обычно не удостоивают внимания. Перейдя к духовным, к гарантиям честолюбия, любви, дружбы, отцовства, я выявил бы в нашей политике еще больше слепоты, чем мы это наблюдаем в отношении материальных гарантий. Однобокость нашей политики во всех отраслях гарантий заключается в стремлении оперировать полезным, не присоединяя приятного; люди воображают, что можно разлагать систему природы на части, одни из них допускать, другие отвергать, установить гарантии для свирепых республиканцев, не устанавливая таковых для классов менее свирепых. Если бы я дал подробную теорию механизма социальных гарантий, то благодаря ей стало бы ясно, что все страсти действуют одновременно и приятное всегда сочетается с полезным [1].

[1] Здесь следовало бы дать главу о построении 7-го периода *социантизма*, или простой *ассоциации*. Я считал необходимым поместить ее выше под названием *Приближенные организации*, потому что она отно-

Каким образом люди, которые не желают признавать этих коренных правил движения, осмеливаются утверждать, что они изучают природу, что они друзья природы! Посмотрите на прекрасную социальную природу, которую они установили на земном шаре! Четыре общества — цивилизованное, варварское, патриархальное и дикое — суть подлинные исчадия ада. Если бы управление нашим миром было вверено демонам, они не могли бы установить строй более гнусный, чем эти четыре общества — вместилище всяких мерзостей!

ГЛАВА LII

ПОСТРОЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ ПЕРИОДОВ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Анализ этих периодов, называемых *варварство, патриархат, дикость и первобытность,* принадлежит к числу тех, коими наука никогда не соизволила заняться; она энергично ищет старых камней и старых надписей, восходящих к потопу, она с пылом выполняет всякий бесполезный труд и в то же время не желает касаться полезных отраслей археологии — исследований механизма первобытного общества. На всем земном шаре существуют смутные предания о так называемом *рае земном, или Эдеме,* — механизме серий, построенных на страстях, серий бесформенных, организованных вчерне; они просуществовали не более 300 лет. Весьма любопытно знать, какими средствами инстинкт, при помощи некоторых обстоятельств, научил первых людей этому прекрасному механизму, следов которого не умеют отыскать наши науки со всеми их тонкостями. Картинами этого первобытного общества, предшествовавшего маленькому потопу (LIV), можно было бы заполнить несколько весьма интересных глав.

В ту пору существовало обилие фруктов, дичи и рыбы, обилие животных великой красоты и, сверх того, царили свобода любви и меньшая плотность населения. Нужно было сочетание этих средств в весьма умеренных климатах и свобода от диких зверей, чтобы инстинкт мог возвыситься до механизма серий, построенных на страстях. Этому механизму суждено было рушиться по истечении двух веков вследствие роста народонаселения и приближения диких зверей, созданных первоначально на экваторе, вдали от белых племен, населявших умеренную зону, более плодородную тогда, чем теперь.

Философы допустили ошибку, вообразив, что первобытным строем было дикое состояние. Ничего подобного. Растения и животные, окружавшие первых людей, были более совершенного вида, чем те, которые мы встречаем в наших наиболее культурных поместьях. Зубр и дикий кабан — результат выро-

---

сится непосредственно к теории, как таковой, больше, чем к *доказательству от противного,* составляющему содержание 6-го и 7-го разделов.

ждения, а отнюдь не первобытные виды. То же можно сказать о дикаре: он значительно ниже первобытного человека, средний рост которого составлял 73,5 дюйма. Рост людей, уменьшившийся теперь до 63 дюймов, увеличится в гармонии на $^1/_7$ сверх первобытного роста и достигнет 84 дюймов, или 7 парижских футов. Таков будет через 12 поколений средний рост людей гармонии. Что касается нынешней расы, то ее рост — признак крайнего вырождения. Это видно при сопоставлении с некоторыми лучше сохранившимися расами, каковы албанцы и черногорцы: увидев французскую армию, они не могли понять, каким образом столь маленькие люди могли совершить столь крупные завоевания.

Нужна не одна глава, а четыре, чтобы кратко познакомить читателя с четырьмя обществами, предшествовавшими нашему. Об этом читатель сможет судить по очерку о варварстве, чрезвычайно заслуживающем анализа ввиду его смежного положения с нами на социальной лестнице.

В варварском режиме характер общего стержня, образующего контраст с цивилизацией, — *упрощенность действия;* в цивилизации действие всегда сложно.

Можно сделать сопоставление с небольшим числом характерных особенностей варварства, всего с восьмью:

1. Неподвижность.
2. Фатализм.
3. Быстрое правосудие.
4. Простая монополия.
5. Подлинное достоинство человека.
6. Вольный порыв страстей.
7. Смешанная теократия.
8. Вера в бессмертие.

$\asymp$ Простое действие.

К. Управление посредством инстинкта.

Этой маленькой лестницы весьма недостаточно, потому что она не позволяет различить даже последовательные особенности фаз (глава XLI) и дает только небольшое число перманентных черт (гл. XLII). Чтобы правильно осветить эти 10 характерных особенностей варварства, требуется больше страниц, чем я собираюсь посвятить остальной части данного труда. Этот пробел даст почувствовать необходимость второго, более обширного издания. Сопоставление двух периодов — цивилизации и варварства — весьма любопытно; например, в отношении стержневого характера, $\asymp$ *простого действия:* паша требует налога, потому что ему нравится грабить и разрушать. Он не обращается к конституциям Греции и Рима в поисках теорий прав и обязанностей; он лишь предупреждает вас, что, если вы не будете платить, вам отрежут голову, чтобы научить вас жить. Значит, паша употребляет только одно средство — насилие, простое действие.

Цивилизованный монарх применяет двойное средство, сначала сыщиков и гарнизонные войска, подлинную опору конституции. К этому добавляется философский багаж, прозрения морали касательно счастья платить налог во имя равновесия торговли и конституции; для наслаждения нашими незыблемыми правами добродетельные финансисты будут, мол, на-

блюдать за правильным употреблением этого налога. Государь, требующий налога, — нежный отец, желающий только обогатить своих подданных. Он взимает налог только для того, чтобы подчиниться бессмертным народным представителям, которые дали на это свое согласие. Значит, сам народ голосовал за налог и желает его платить. В ответ на это крестьянин говорит, что он посылал депутатов не для того, чтобы увеличили налоги; но ему отвечают, что он должен изучать прелести конституции, из которой он узнает, что достоинство свободных людей заключается в том, что они должны вовремя платить или садиться в тюрьму.

В этом методе действие двойное, оно покоится на двух разнородных средствах — на насилии и на морали. У варваров действие простое, оно опирается только на насилие. Это основное различие красной нитью проходит через режим цивилизации и варварства; оба идут к одной и той же цели, но цивилизация добавляет коварство к насилию, которого достаточно варварам. Нося внешний лоск справедливости, цивилизация не более справедлива, чем варварство.

Было бы очень любопытно проверить это мое положение на 10 чертах, только что мною перечисленных. Но приходится сокращать и опускать исследование трех периодов — варварства, патриархата и дикости, анализ которых ярко выявил бы мерзость лицемерия цивилизации и ее глубокую извращенность, которая лишь лучше замаскирована, но не менее реальна, чем в предыдущих трех обществах.

Впрочем, каким это образом наши философы никогда не занялись анализом этих трех обществ, обнимающих огромное большинство человеческого рода, по меньшей мере, три четверти? Ясно, что наши философы хотели уклониться от анализа человека; эта картина послужила бы к стыду их политических и моральных наук, показав, что совершенствуемая цивилизация своими красивыми масками прикрывает лишь все мерзости трех других обществ.

Интермедия. Выходы из социального хаоса

Если нам невыгодно наше неумение рассекать и анализировать четыре периода, в которых мы находимся, то еще более гибельно не находить и не искать из них выходов, число которых достигает 32.

Четыре пути перехода: 1) социальные утопии или нащупывания; 2) тезис о перевернутом мире; 3) кодекс комбинированной архитектуры; 4) анализ цивилизации соответственно шестому разделу.

Шесть прямых путей гения: 5) исследование интегральной гарантии; 6) исследование земледельческой ассоциации; 7) честная торговля, конкуренция; 8) теория постепенного раскрепощения женщин; 9) исследование свойств бога; 10) изучение отражательных страстей.

Шесть косвенных путей гения: 11) исследование интегрального восстановления климата (I, 53); 12) проблема всемирной цивилизации; 13) изучение аналогии; 14) методическое сомнение; 15) план всемирного страхования; 16) применение монетной системы.

Шесть оригинальных путей: 17) дух противоречия, или гений в образе сорви-головы; 18) допотопная археология; 19) критический анализ торговли; 20) план коротких сеансов в индустрии; 21) проблема свободы совести для бога и человека; 22) абсолютное отречение.

Шесть путей принуждения: 23) насильственный розыск; 24) предохранительная монополия, или меньшее из двух зол; 25) интегральное ростовщичество; 26) простое безраздельное завоевание; 27) сложное завоевание; 28) сложная единая монополия.

Четыре стержневые пути: 29) синтез притяжения, построенного на страстях; 30) интегральное исследование области наук; 31) интегральная вера в бога; 32) социальная алгебра, или исследование истины, о которой догадывается разум.

Для объяснения этих 32 выходов недостаточно 32 страниц. Как бессилен *ученый мир,* если из 32 путей спасения он не умеет найти ни единого; и каково безрассудство *обывательского мира,* который не умеет требовать от ученых никакой гарантии эффективного обслуживания! Только и делают, что рассуждают о гарантиях, но не могут установить ни одной: на словах они многочисленны, а на деле равны нулю. Нет никакой гарантии в отношении основного предмета пропитания, нехватка которого периодически дает себя чувствовать (1808, 1812, 1817 гг.). Нет гарантии и труда, который не обеспечен народу (кризис 1826 г.), то же и в отношении социального прогресса, потому что мы не умеем поднять цивилизацию к четвертой фазе. Не гарантированы и политические свободы, всегда приносимые в жертву интригам. Не гарантировано и разумное использование государственных средств, пожираемых сильными более нагло, чем когда бы то ни было. Не гарантирован прогресс просвещения, так как наши науки уклоняются от своей задачи, выдвигая басни о непроницаемых завесах. Не гарантирована и правдивость, от которой мы все более и более удаляемся благодаря свободе коммерческих хитростей и фальсификациям всякого рода. Не обладают гарантиями и ученые, класс наименее вознаграждаемый, наиболее порабощенный и наиболее лишенный возможности высказаться из всех образованных классов. И, наконец, нет гарантий и у изобретателей, которым софисты мстят за свое бесплодие.

Можно заполнить целые страницы перечнем гарантий, которых нехватает цивилизации и *от которых она все более и более удаляется.* Взять хотя бы обслуживание армий; поставщики съестных припасов и фуража раньше грабили по 100 тысяч экю, теперь они грабят сотни миллионов; и военные по-

ставщики России — Пушкины, Абакумовы — состязаются в этом со своими французскими коллегами. Они морили голодом и ввергли в бедствия несчастную русскую армию. Они убили больше русских солдат, чем турки. Таким образом, только зло преуспевает; доказательство тому — неуклонное ухудшение и фальсификация продуктов народного питания благодаря свободной конкуренции друзей торговли. Теперь пользуется благосостоянием только класс, располагающий золотом. Что касается бедняка, на его долю остается только одна гарантия — быть повешенным за малейший проступок, подобно несчастному Элисандру По, осужденному на смерть за *кражу одного кочана капусты,* в то же время и в том же месте, где поставщик *безнаказанно* украл у государства 76 миллионов. Вот каковы гарантии, придуманные философией для счастья народа и для мудрого использования налогов, у него вырываемых. Вот плод наших прекрасных теорий политической экономии об ответственности и о других химерах баланса, противовеса, гарантий, равновесия. Эти красноречивые теории обеспечивают народу только хлам, промышленную каторгу, галеры и виселицы. Политическая экономия и либерализм либеральны лишь постольку, поскольку дело касается тряпья; это все, что народ получает благодаря их заступничеству. Если вы в этом сомневаетесь, спросите 230 тысяч бедных Лондона и 5 миллионов бедных Ирландии, все население которой составляет 7 миллионов.

Какие академические бредни, какое бесплодие новейшего гения, когда существует 32 пути и более для выхода из лабиринта. Значит, мадам Сталь права, говоря о наших потоках знаний: «неточные науки разрушили много иллюзий, не установив никакой истины; мы вновь впали в неуверенность благодаря рассуждению и в детство благодаря старости». В самом деле, бедная цивилизация очень стара, очень много болтает о совершенствовании, а социальный гений, чтобы приобрести надлежащий размах, сильно нуждается в поприще более широком, чем идейный хлам философии.

АРГУМЕНТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО СООБЩЕНИЯ
ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ ЧАСТЬ ДВИЖЕНИЯ

ГЛАВА LIII

ОБЩАЯ МЕТАФИЗИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО ПЛАНА СОВОКУПНЫХ СУДЕБ

К счастью для поборников непроницаемой завесы, я вынужден, за отсутствием места, оставить невыясненным этот раздел, где я доказал бы, что завеса — только газовая. Как они рассматривали природу? Они изучали в движении только *следствие,* не учитывая *причины.* По каждому вопросу, касающемуся причин, они точно воды в рот набрали (см. I, XXXII).

Если их спросить, почему бог дал Сатурну 7 спутников, Юпитеру только 4, который значительно больше Сатурна, они укроются за мнимо непроницаемой завесой. А между тем, что это за теория движения без познания причин?

Чтобы в них вникнуть, нужно определить план, средства, механизм и цель движения. Что положено богом в основу его плана? Каких правил он придерживался? Какую цель он себе поставил? Они случайно подметили цель — единство действия. Пусть же нам объяснят, почему человек находится вне этого единства и в столь явном диссонансе с системой вселенной, что все ученые это замечают. Недаром лорд Байрон метко сказал: «Наша жизнь — лжеприрода, она не укладывается во всеобщую гармонию».

Божественный план имел в виду привести движение в согласие с его творцом. Для этого единства нужно, чтобы движение представляло бога, чтобы оно находилось в аналогии с богом, с 12 первоначальными страстями, из которых слагается божественная сущность. И когда священные книги нам говорят: «бог создал человека по своему образу и подобию», они знакомят нас с планом бога, не поясняя его подробно. Так как вселенная является образом бога, а человек — зеркалом вселенной, то отсюда следует, что человек, вселенная и бог идентичны и что типом этой троицы является бог: если бы создатель не изобразил самого себя в системе вселенной, что же он мог бы в ней изобразить?

Философы подмечают эти аналогии, но избегают объяснить какую-либо их часть. Если их спросить, в каком смысле репа или капуста представляют человека, вселенную и бога, они ответят, что эти пошлости ниже достоинства философии. Если к ним обратиться с вопросами относительно трансцендентной аналогии, о распределении звезд, они ответят: это выходит за пределы человеческого разума. Искусные лицемеры, снабженные в достаточном количестве непроницаемыми завесами, чтобы уклониться от любой, представляющей трудности, проблемы.

Средства движения были объяснены в первом сообщении, они одни и те же в материальном и социальном отношении: материя, как и страсти, стремится к трем очагам — к роскоши, или солнцу, к группам, к механизму.

Механизм вселенной и всех ее частей двойственен, подвержен изменениям, знает и века гармонии и века хаоса (subversion). Эти двоякого рода явления наблюдаются на планетах и кометах. Кометы, которые теперь находятся в механизме хаоса и бессвязности, когда-нибудь придут в состояние гармонии, подобно планетам. То же можно сказать о человеческих обществах; теперь они переживают эпоху хаоса, лжи и раздоров — в возрасте предельной молодости; скоро наступит эпоха гармонии и единства.

Гармония и беспорядок подразделяются на ступени: *простую, смешанную, сложную* и другие, второстепенные. На планетах простого порядка, называемых спутниками, жители могут довольствоваться простым и умеренным счастьем, но на луноподобных планетах, каковы Сатурн, Уран, Юпитер и Земля, человечество создано для сложного счастья или несчастья, для двойного наслаждения или двойной невзгоды.

Цель движения в том, чтобы обеспечить добру века гармонии продолжительность, по крайней мере, в 7 раз превышающую продолжительность зла, которое имеет свое назначенное место в общем порядке. Оно неизбежно будет царить более или менее продолжительное время в начале и в конце поприща человека, нации, планеты, вселенной (см. следующую главу).

Движение взаимно связано, и его связью является промежуточная форма, которую философы не хотели видеть, хотя она царит во всей системе; между веками гармонии и хаоса, между формой простой и сложной всегда встречается нечто промежуточное. В силу упорного нежелания признать эту форму, философия беспрестанно впадает в систематические уклоны, принимая промежуточное переходы или исключения за основы системы; разве она может не закрывать глаз на промежуточное, если она закрывает глаза на движение в совокупности и на все детали движения! Я не стану дальше углубляться в это рассуждение, мало доступное читателям, даже из категорий ученых.

ГЛАВА LIV

ОБЩИЕ АНАЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ

К числу странностей цивилизованного ума принадлежит неумение подмечать единство, изучать его в бесконечно большом, как и в бесконечно малом. Если цивилизованным сказать, что те же планеты, как Юпитер, Сатурн, Земля, суть творения, имеющие душу и страсти и свой определенный жизненный путь — фазы молодости и старости, эпоху рождения и смерти, — они сочтут вас мечтателем. Это слишком необъятно для их мелочного ума, хотя в принципе они и признают единство и аналогию в системе вселенной.

Если им сказать, что наш звездный вихрь, обнимающий приблизительно 200 комет и планет, — прообраз пчелы, занимающей одну ячейку в улье; что другие неподвижные звезды, окруженные каждая таким вихрем, изображают других пчел, а совокупность этой обширной вселенной, в свою очередь, подобна пчеле в улье, образуемом приблизительно сотней тысяч звездных миров, составляющих вместе *бинивер и т. д.;* что многие тысячи *бинивероб* образуют *триниверы* и т. д., наконец, что каждый из этих миров представляет собой существо, имеющее, как мы, свою душу, свои фазы молодости и старо-

сти, смерть и рождение, и что наши души после смерти нашей планеты пройдут всю эту бесконечность миров, — то они вас не дослушают и обвинят в сумасшествии, в гигантских мечтаниях. И однако в принципе они признают всеобщую аналогию.

Для чего, говорят они, эти экскурсии в бесконечность, ограничьтесь своим предметом. Согласен, но я хочу его трактовать строго правильно, а не так легкомысленно, как наши авторы, которые, фабрикуя системы природы, обещают доказательства и ни одного не дают. Я же должен дать понять, что обладаю доказательствами и, в особенности, главным доказательством всеобщей аналогии, о которой так много говорили любители стряпать системы, вроде Шеллинга и других; признавая в принципе аналогию и рекомендуя ее в качестве компаса для исследования, они, однако, обходят ее молчанием и не умеют устанавливать лестницу аналогий между человеком, вселенной и богом, между страстями и субстанциями, созданными в различных царствах.

(По этому вопросу отсылаю к статье о прикладной космогонии, I,512 до 539, и к статьям *Мозаика в различных царствах,* I,497—505).

Я ограничусь здесь несколькими строками об общем поприще человеческого рода. В предисловии читатель видел таблицу девяти социальных периодов, образующих первую фазу, или детство мира, и наделенных до сих пор тремя актами творения, причем первое творение было разрушено всеобщим катаклизмом, или большим потопом, отличным от малого. Это было опытное творение гораздо более крупного масштаба, чем последующие. Уцелевшие от него окаменелости имеют колоссальные размеры: крокодилы 60 футов длины и другие гигантские формы, которым соответствовали бы люди ростом в 9 футов. Опытом образец был признан слишком крупным; была принята низшая ступень между 16 и 17-м периодами апогея.

В эпоху этого первого опытного творения человеческого рода еще не было, он был сотворен в эпоху двух последующих творений № 2 и № 3; № 2 — на старом материке, № 3 — в Америке. Этими творениями были наделены периоды 1, 2, 3, 4, 5, 6-й. Новое население земной шар сможет получить только для периодов 7 и 8-го; они будут наделены творениями № 4 и № 5. Если бы социальный мир постепенно поднялся к периоду 7-му, называемому *социантизмом,* он тотчас же получил бы творение № 4, хорошее, но мало блестящее; а достигнув периода 8-го — *гармонизма,* он получил бы творение № 5, уже весьма великолепное, но все же уступающее творениям, которые последуют и образуют население периодов 9-го и дальше.

Так как нам предстоит перескочить через периоды 6 и 7-й и непосредственно подняться к 8-му, то мы получим совокупно два творения № 4 и № 5. Они начнутся с водворением полной гармонии: эта полнота наступит 3—4 года спустя по образо-

вании опытной фаланги. Отсюда следует, что если бы подготовка к опыту была произведена в 1823 г., а опыт налажен в 1824 г., то в 1828 г. была бы завершена вся организация, а в 1829 г. творение было бы в полном разгаре и дало бы нам *формы, обратные* творению № 2 и № 3, анти-крысу, анти-клопа и т. д. Прекрасному Парижу, столь богато населенному клопами, крысами и другими прелестями, пришлось бы весьма кстати это творение, освободив нас от всех дьявольских пород, оскверняющих наш земной шар, — 130 видов змей, 42 вида клопов, столько же видов жаб. Созерцая огромное количество этой нечисти, как и при виде 4 существующих обществ, невольно задаешься вопросом, мог ли бы адский дух сотворить нечто худшее, если бы ему дали населить земной шар и управлять им?

Тем не менее, эти ужасные создания сотворены богом, бесконечно мудрым и предусмотрительным. Какие мотивы побудили его к делам, столь вредным для человека? Эти мотивы уже указаны. Это — единство системы, провозглашаемое вашими философами (Шеллинг, упомянутый выше). Для этого единства, для этого зеркала аналогий нужно дать каждому социальному периоду существа, которые служили бы эмблемой игры страстей в данном периоде. Следовательно, бог должен был окружить вас двумя страшными творениями, где представлены все виды игры страстей у цивилизованных, варваров, патриархальных и дикарей. 130 змей представляют 130 следствий клеветы и предательства — подлинной сущности лживых обществ семейного типа. Ваши души теперь, в данный момент, — образ демонов, и бог должен был, по аналогии, в чертах тигра, большой обезьяны и гремучей змеи изобразить страсти Молоха, Белиала и Сатаны, чьим верным зеркалом являются ваши цивилизованные души. Но, как только вы достигнете периодов 7 и 8-го, ваши души постепенно возродятся к добродетели, и вы получите существа, которые явятся зеркалом добродетелей, приуроченных к этим общественным периодам.

А так как вся система движения должна быть связана воедино, то нужно, чтобы адские творения № 2 и № 3 содержали ветвь перехода, образуемую некоторыми добрыми животными, каковы лошадь, бык, баран, пчела; они нам рисуют систему грядущих творений, где все будет приурочено к человеку, и дают нашим обществам средства для создания крупной индустрии и вознесения к периодам 6, 7, 8-му, где другие творения противоположной формы очистят земной шар, его сушу и воды от ужасного населения, данного богом для периодов 1, 2, 3, 4, 5, 6-го, сообразно принципу аналогии и единства.

В силу забавного предрассудка цивилизованные думают, что планета, совершившая акт творения, не может совершить других таких актов. Это значило бы утверждать, что тот, кто насадил один фруктовый сад, не сможет насадить другого,

или что женщина, родившая одного ребенка, не родит другого. *Творения мобильные*, весьма отличные от репродуктивных, являются для каждой планеты периодически повторяемой операцией. Спутники, или малые звезды, знают 15 актов творения; луноподобные, Сатурн, Земля — 28 актов творения; объясняется это тем, что среди наших 36 социальных периодов 8 не получающих мобильных существ: 4 из них переживают фазу детства, а 4 фазу дряхлости планеты.

Примечание. В трактате я насчитал только 32 периода, преднамеренно опустив два периода апогея между 16 и 17-м и 2 переходных до 1-го и после 32-го. Эта разница в исчислении — не ошибка, но сокращение.

Объясним феномен двойного потопа: первый был огромен, он уничтожил опытное творение; второй — слабый, не уничтожил пород, созданных вторым и третьим актом творения.

Повторяю, эта глава, которая возмутит пигмеев, *необходима* в общем синтезе движения. Я перехожу от общей аналогии к специальной, где ученый мир найдет сторону, весьма очаровательную даже для моралистов, на самом деле гораздо менее враждебных богатству, чем они стараются казаться.

ГЛАВА LV

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АНАЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ

Умники утверждают, что *вселенная создана по образцу человеческой души и что идея целого неуклонно отражается во всех его частях (Шеллинг).* Пусть же скажут нам, каким образом кедр или репа, будучи частью вселенной, отражают нам идею целого? Какая часть вселенной изображена в капусте, в луке, в дубе, в померанцевом дереве?

Исследуем сначала репу, назначение которой распространять потоки света и показать себя достойной высокого ранга, отводимого ей моралью. Мещанское семейство репы и свеклы, моркови и пастернака, сладкого корня, сельдерея и всех корнеплодов, питающих человека, — питомник прекрасных аналогий. Их коллекция представляет земледельческих кооператоров. Каждый вид овоща сочетается с классом, портретом которого он является: большая моральная репа остается на столе толстого крестьянина, прообразом которого она является. Брюква, менее деревенская, есть эмблема зажиточного фермера, заключающего сделки с вельможами; недаром брюква, хорошо приготовленная, может фигурировать на богато сервированном столе. Маленькая круглая репа изображает богатого человека, который в деревне поверхностно занимается земледелием и получает о нем слабое представление. Стержневая маленькая репа, или удлиненная, изображает богатого человека, углубляющего предмет и проводящего свой отдых в работах по агрономии. Обе эти репы по аналогии фигури-

руют без всяких приправ на столе у богатого класса, чье поверхностное участие в земледелии они изображают.

Таким образом, каждый сорт репы сочетается с подобными ему; то же самое имеет место в отношении других корнеплодов: морковь представляет утонченного агронома, опытного и полезного всюду; недаром она является драгоценным видом овоща, употребляемого в кондитерском производстве и в медицине, видом полезным во всех отношениях; ее листья — здоровый корм для скота, сама она при поджаривании сообщает аромат супу и т. д.; сельдерей своим терпким вкусом изображает деревенскую любовь, влюбленных крестьян и крестьянок, выражающих друг другу свои чувства сильным ударом кулака.

Изучение аналогии имеет двоякую цель, оно и приятно и полезно. Естествознание остается для нас горестной загадкой, пока мы не знаем действия страстей, иероглифически отображенных в каждом продукте питания, как я это только что кратко показал на нескольких видах овощей. Цветы могут нам нравиться, но мы находим в них новое очарование, когда мы узнаем смысл представляемых ими картин, когда на десятках пояснительных данных о каждом цветке мы начинаем понимать, что роза изображает стыдливую, целомудренную девственницу, гвоздика — девушку, терзаемую потребностью любви, гортензия — кокетку, скабиоза — неприступную и т. д.

Это касается только приятного. Есть цель еще более важная в науке аналогий — это обнаружение скрытых свойств всяких предметов питания из различных царств. Обычно случай приходит нам на помощь, выявляя тайные свойства. В течение 3 тысячелетий кофе было в пренебрежении на полях Мокко, пока козы, опьянев от кофе, не открыли нам это его свойство. Так обстояло дело и с хинной коркой, со ртутью и с другими противоядиями. Только случай открыл нам их лечебные свойства.

Таким образом, перед нами задача — путем общего исследования всей совокупности царств определить все свойства предметов питания. Тогда мы узнаем лекарства от болезней самих неизлечимых: подагры, ревматизма, эпилепсии, водобоязни и т. д. Только теория аналогий может нас привести к этой цели. Меня спросят, почему я ограничил изучение этого предмета только некоторыми частностями. Потому, что для развертывания всей теории надо, по меньшей мере, три года изучать естественную историю, а я не могу посвятить ей столько времени. Я завещаю ученому миру эту новую науку и много других, я даю к ним лишь ключ, а сам ограничиваюсь отраслью индустриального притяжения и социального механизма.

Для краткой характеристики аналогий, касающихся полезного, возьмем свеклу, превозносимую в торговом мире, которому она принесла в подарок суррогат сахара, обусловливающий разжижение и порчу варения по истечении 6 месяцев.

Это растение указывает нам один из методов, которого нужно держаться, отыскивая аналогии, правила, согласно которым крайности сходятся.

Все связано в системе природы, аналогии связаны между собой, и знание одной приводит к другим. Будь нам известно, что сахарный тростник и его сок — эмблема общественного единства в индустрии (единство сложное, где материальное согласие сочетается с согласием страстей), то люди искали бы суррогата сахара или сахара простого и фальсифицированного — эмблемы *простого* индустриального единства, комбинированного действия без страсти, какое мы видим в наших каторгах для негров и фабричных рабочих, где народ, под угрозой мучений или лишений, подчиняется дисциплине комбинированной промышленности. Это значит благодаря избытку бедствий притти к единству действия; в гармонии к этому придут благодаря избытку счастья. В этом контрасте мы находим *контакт крайностей.*

Сочетания простого единства в земледелии должны найти отображение в каком-нибудь иероглифическом растении земледельческого класса. Они представлены свеклой, *кровяным плодом, из которого сочится кровь.* Это — образ раба, муками принуждаемого к простому единству действий. Сок указанного корнеплода знаменует простое ложное единство, *суррогатный сахар,* приторный и лишенный остроты: даже при двойной дозе он дает меньше сладости, чем тростниковый сахар. Это — такая же карикатура на подлинный сахар, как единство материального действия в наших каторгах колониальных рабов — карикатура на единство влечения в работах гармонийцев, производительная сила которых будет вдвое и вчетверо превышать производительность труда цивилизованных.

Следовало бы подкрепить эти аналогии обильными подробностями, сначала в отношении листьев указанных растений. Сморщенный лист свеклы изображает насильственный труд рабов и рабочих. В причудливом листе репы верхняя крона господствует над множеством нижних листков. Это — образ главы деревенского семейства; он присваивает себе всю прибыль во имя морали. Он берет все, ничего не оставляя детям и слугам. В картофеле, который изображает легкий труд групп и серий, построенных на страстях, хорошо сформированный лист, весь изрезанный на мельчайшие листочки, изображает объединение неравных и детей, ассоциируемых в работе вместе с отцами.

Мы только что видели, по поводу суррогатного сахара, что изучение аналогий происходит, как в алгебре, путем рассуждений и сопоставлений и что в каждом предмете питания этот метод дает возможность определить скрытые свойства, естественные противоядия от болезней, камень преткновения для искусства врачевания и способ полезного использования растений в различных областях.

В числе прочих результатов исследования аналогий оно даст нам *теоретическое* доказательство бессмертия души (гл. LVI); этого доказательства никто не надеялся здесь найти и не думал искать.

Чтобы поощрять эту новую науку, которой мы будем обязаны столькими знаниями и очарованием, будет установлена награда за опубликование открываемых аналогий из расчета 1 су за печатный лист после проверки их провинциальным жюри и сведения к простейшей формулировке.

Эта награда в 1 су за лист в 16 страниц in 8° составит, по меньшей мере, 12 тысяч франков за строку; за страницу в 40 строк автор получит приблизительно 500 тысяч франков гонорара, а за целый лист — *8 миллионов франков.*

Труд в целóм может составить 4 тысячи томов размера данной книги и 400 томов — в сокращенном издании. Горя нетерпением узнать аналогии, управление земного шара будет их печатать и издавать отдельными листами, по мере их открытия. Это будет поощрять исследования, потому что, так как в этой науке все связано, то стоит опубликовать в печати лист вновь открытых 30 аналогий — и каждый читатель, будь то мужчина или женщина, сможет отсюда извлечь пользу в своих исследованиях и открыть в свою очередь некоторую аналогию: изложенная в 10—20 строках, она обеспечит ему доход в 125 или 250 тысяч франков. Я спрашиваю вас, моралисты! Эта новая наука — *истинная, полезная и прекрасная* — не лучше ли она ваших унылых доктрин о презрении к богатству и любви к торговле — доктрин, где все ложно и непрактично?

Предстоит открыть свыше миллиона аналогий. Как только будет найдена и опубликована коллекция хотя бы из 500, все этим увлекутся. Сами натуралисты осудят свои системы и объявят их недостаточными, поняв бесплодие нынешних классификаций, страдающих отсутствием *простоты,* классифицирующих материальные черты и не упоминающих о своеобразии страстей. Каждый присоединится к аналогии, связывающей воедино обе классификации. Для начала я мог бы дать сборник на 200 чрезвычайно разнообразных статей. Я мог бы дать свыше 2 тысяч, если бы я мог употребить три года исключительно на изучение естественной истории, в особенности отраслей, находящихся в пренебрежении, промежуточной и т. д.

При вести о том, что новая наука, будучи изложена приблизительно в 400 томах, принесет авторам *12 тысяч франков за строку,* сердце всякого бумагомарателя затрепещет. С него хватило бы и *12 су за строку.* Заметьте, что я имею в виду первое издание, оттиски, контролируемые и сокращаемые жюри. Чтобы поверить в этот гигантский доход, требуется вполне точное доказательство, вполне арифметическое: оно будет

дано дальше в эпилоге, где я должен буду вернуться к аналогиям.

Для более подробных сведений об этом предмете надлежит обратиться к статьям *Мозаика в животном и в растительном царствах* (1,497 до 519), *Прикладная космогония* (1,519 до 539).

ГЛАВА LVI

О БЕССМЕРТИИ ДУШИ

Этим вопросом должно закончиться интегральное изучение природы; это — предмет, при изучении которого новейшие философы терпели больше всего неудач.

Бессмертие должно быть доказано *сложным*, а не простым доказательством. Мы имеем простое доказательство, почерпнутое из религиозных учений, которые гарантируют нам бессмертие. Это, без сомнения, чрезвычайно хорошее доказательство, но оно *простое*. Чтобы его поднять к сложной форме, нужно к нему добавить научное доказательство. Человеческий разум не может его получить, пока он не посвящен в аналогию, откуда можно извлечь 7 категорий доказательств, необходимых в теории бессмертия. Это — чрезвычайно обширное исследование; я ограничиваюсь указанием на него. Оно обнимает 1, 2, 3, 4—4 трактата аналогий, оперируя 4 царствами: животным, растительным, минеральным и аромальным, для сопоставления их с царством страстей, или стержневым *человеческим царством*.

5. Трактат о промежуточном, о переходных.

6. Трактат о контакте крайностей, или дифракции.

7. Трактат о соединении крайностей на высших ступенях и, наконец, математическая аналогия (см. об этом предмете I,231, где я предвосхищаю теорию бессмертия, применяя тут теоремы расстояний ореолов, пропорциональных времени, и квадратного периодического времени, пропорциональных кубам расстояний). Таково сочетание необходимых доказательств. Можно ли удивляться тому, что философы не сумели дать ни одного. Все они почерпнули из аналогий, которым они никогда не хотели посвятить какое-либо исследование.

Недавно поднятый в ученом мире спор о магнетизме может нам служить здесь характеристикой доказательства, относящегося к шестой категории вышеприведенной таблицы, к контакту крайностей.

Так как бог должен нам дать по этому пункту *сложное* доказательство, доказательство материальное и основанное на разуме, то нужно, чтобы некоторые доказательства могли действовать на наши чувства, временно приобщать их к силам, которыми обладает душа в загробной жизни. Для этого мало познать эти силы путем рассуждения, нужны осязательные доказательства.

В поисках их прибегнем к компасу точности и прогрессивной серии. В качестве предмета нашего умозрения возьмем серию из трех состояний души, а именно: одного состояния среднего и двух крайних, которые должны быть между собой в контакте.

Среднее состояние — это *бодрствование*, полноценное существование, когда тело оперирует в сочетании с душой; это — форма *сложная*. Нижнее крайнее состояние это — *сон*, жизнь не настоящая, форма *простая*, состояние, когда тело не приобщается к волевым устремлениям души. Верхнее крайнее состояние, это — загробная жизнь и *сверхсложная*, силы которой приходится определить. Уточним различие между этими тремя состояниями души:

Состояние простое и ниже мирского, сон.

Состояние сложное, или в этом мире, бодрствование.

Состояние сверхсложное, или потустороннее, грядущая жизнь, в которой наши души воплотятся в более совершенные тела. Наши нынешние тела, это — водянисто-земляные, образованные из двух грубых элементов, *земли и воды*. Тела наших душ в другой жизни будут эфирно-аромальные, образуемые двумя тонкими элементами, воздухом и аромами.

Согласно правилу контакта крайностей, два крайних существования, названных *потусторонними*, должны соприкасаться между собой. Более нижнее должно дать образы верхнему. В самом деле, сон может у некоторых субъектов, в известных случаях, посвятить человека в чувственные способности потусторонней жизни. Доказательство этому — искусственные лунатики, или магнетизированные, и натуральные сомнамбулы: одно и другое состояние дают человеку сверхчеловеческие чувства: способность читать написанное, несмотря на закрытие его непросвечивающим телом, видеть то, что происходит на больших расстояниях в закрытом помещении, куда глаз не мог бы проникнуть. Значит, эти сомнамбулы имеют зрительные способности потусторонние. Они находятся в контакте с верхним пределом серии существования, нижний предел которого они образуют. Этого требует закон дифракции, распространенный на всю природу.

Чтобы придать вес этому объяснению, следует, чтобы читатель знал контакты крайностей, сотнями наблюдаемые и сведенные в таблицу. Два из них я описал в главе LV, трактуя о суррогатном сахаре и о рабстве. Печатный сборник, рисующий тысячи контактов крайностей, убедил бы, что контакт, называемый дифракцией, является основным законом природы и что он должен применяться к теории бессмертия, образуя одну из ее отраслей.

В теории бессмертия нужно основательно говорить о смерти, являющейся переходным моментом, и об эмблемах смерти, наиболее отталкивающих во всей аналогии. Французские читатели отнеслись бы неразумно к этому пункту. Они желают

только приятных картин. Это меня обязывает опустить наиболее осязательное из доказательств бессмертия, которое можно почерпнуть в человеческом теле и его механизме.

Что касается вышеприведенного доказательства — магнетизма, то можно покончить спор по этому вопросу. Немецкие врачи имеют полное основание этому верить вопреки скептицизму парижского факультета, сопротивление которого продиктовано корыстным соображением. Пусть успокоятся: магнетизм, хотя и верное средство, общеупотребительное в гармонии, не может применяться усиленно в цивилизации: помехой служит множество материальных пороков, присущих этому обществу. Я укажу четыре из них:

1. Отсутствие метода для распознавания субъектов, способных стать медиумом; никто не умеет развивать в них эту способность с детского возраста; она, напротив, притупляется, портится благодаря воспитанию, препятствующему свободному развитию природных наклонностей; и вместо возможности выбора среди хороших медиумов обыкновенно встречаются только самые несовершенные, побуждаемые стремлением к наживе.

2. Цивилизация не знает и не могла бы образовать симпатический аппарат магнетизированного; он должен слагаться из двух симпатических темпераментов — тожества и контраста — и из двух симпатических характеров, также тожества и контраста. Каким образом цивилизация могла бы образовать этот аппарат, не зная ни лестницы темпераментов, ни лестницы характеров?

3. Магнетизированных портят, истощают и развращают корыстными приманками, которые даже во сне для дачи совета влияют на их сверхчеловеческую способность, извращают их силу и проницательность.

4. Их еще портит неправильное использование — осаждение их разнородными вопросами, не соответствующими характеру их способности.

Еще другие ошибки способствуют неудаче этой операции и сводят на-нет почти все плоды, которые можно было бы извлечь из этого мощного средства. Оно не создано для цивилизации. В этом вопросе, как и во многих других, она выходит за пределы своей компетенции. Всегда злополучная в своей гениальности, она искусно постигает то, что природа ей запрещает, но неспособна вступать на путь подлинного прогресса, куда природа ее зовет.

Препятствия, которые я указал, помешают магнетизму сколько-нибудь широко развиться при цивилизации: он дает повод к насмешливым нареканиям благодаря вышеуказанным порокам и многим другим, но магнетизм будет иметь большой успех и будет полностью использован в гармонии. В эту эпоху врачи станут слишком богаты, чтобы тревожиться, как теперь, по поводу открытия лекарств; их доход будет прямо пропор-

ционален общему здоровью; им не придется уже бояться изобретения действенных противоядий, которых боится жадность цивилизованного, они будут их желать.

Я дал относительно бессмертия лишь доказательство 5-й категории. Таких доказательств будет много по каждой из семи категорий, и ничто не покажется более достоверным, чем эта грядущая жизнь, надежду на которую у нас похищают наши так называемые *вольнодумцы*. Отрицая душу и бога, они тем самым отрицают только свою собственную науку. В своих старых системах они мыслили бога глупым и злым: *глупым*, поскольку он создал мир якобы без плана, без возможности установить всеобщее счастье; *злым*, поскольку он якобы хотел скрыть от нас свои планы относительно наших судеб и осудить нас на вечные муки строя цивилизации и варварства.

Все ложно в этих взглядах: бог хочет нам дать гораздо больше знаний и благосостояния, чем мы этого желаем, но при условии, чтобы мы искали эти блага, изучая человека или притяжение, quaerite et invenietis. Отвергнув такое исследование и упустив благодаря этому все пути знания, наши философы были втайне сбиты с толку своей доктриной, которая, выдавая нам строй цивилизации и варварства за наше предназначение, превращает бога в глупого и злого создателя, а наши души — в демонические создания. Чтобы выбраться из этого научного лабиринта, они отрицают невежественного и вредного бога, которого сами они выдумали, и грязную душу — душу цивилизации, которую они формулировали. Это значит отрицать свою собственную науку и свой бедный гений; развязка, достойная *слепых, ведущих слепых*, очевидный признак интеллектуальной катаракты, которой философия окутывает человеческий разум.

ЭПИЛОГ ОБ АНАЛОГИИ

Доказательство огромного гонорара в 12 тысяч франков за строку

Я предупреждал, что в этих оценках, с первого взгляда чудовищных, я в своих предположениях всегда преуменьшаю действительность. Читатель в этом сейчас убедится.

Этому доказательству надо предпослать несколько деталей из области аналогии. Наши умники, говоря с пафосом о *великой книге природы*, об ее красноречивом голосе и об ее красотах, не умеют нам объяснить ни одной строки из этой *великой книги;* она является для нас только удручающей загадкой без исследования аналогии, которая разъясняет все непроницаемые тайны и весьма забавно, потому что она обличает всякое лицемерие, срывает все маски с цивилизованных и доказывает, что наши мнимые добродетели суть пороки с точки зрения естественного порядка. Значит, Бернарден де-Сен-Пьер

был вполне прав, называя их *легкомысленными добродетелями комедиантов.*

Перейдем к великой книге. Некоторые авторы хотели рассуждать об эмблематическом языке цветов или растений; каким образом могли бы они толковать картины общественной гармонии, для них совершенно неведомой? Цветочек, называемый *анютиными глазками,* рисует отношения пяти дружин детства — херувимов, серафимов, лицеистов, гимназистов, юношей; три старших хора выполняют функции отцов и делают выговоры двум младшим хорам; по аналогии анютины глазки имеют два фиолетовых лепестка под тремя верхними лепестками, сочетающими желтый цвет отцовства с фиолетовым цветом дружбы, сообразно следующей гамме:

X черный, *1* фиолетовый, *2* лазоревый, *3* желтый, *4* красный
эгоизм, дружба, любовь, отцовство, честолюбие,
5 индиго, *6* зеленый, *7* оранжевый, ✕ белый,
кабалист, папийон, композит, унитеизм.

Если наши умники не приемлют этих гамм, с которыми, однако, приходится считаться в музыке, каким компасом будут они пользоваться, чтобы познать язык цветов — эмблему каждого? Пока не признаются элементарные гаммы в цветах и в изучении страстей, нельзя проникнуть в тайну аналогии. Но с помощью гаммы цветов, из которых солнце нам дает только первую, мы имеем с самого начала верные данные, чтобы различить, к какой страсти приурочивается иероглиф животный, растительный или минеральный. Рассматривая канарейку, птицу, всю покрытую желтым, можно уверенно сказать, что эта птица изображает какое-либо из проявлений отцовства. В самом деле, канарейка, это — маленькое балованное дитя, она хочет жить лакомствами, сладостями; балованные дети приятно лепечут, подобно щебетанию канарейки; она повелительна, неистова, как они. Она заставляет себе служить и подчиняться. Поэтому природа возложила ей на голову корону в виде эмблемы балованного ребенка, который является в семье царем, отдающим приказания отцу и матери, сестрам и боннам. Все склоняется перед его законом.

Изучим величайшие тайны посредством желтого цвета, высмеиваемого шутниками. На голове попугая какаду мы видим желтое знамя в виде султана. Мольер сказал, что это — знамя женитьбы. Это верно, но объясним, в каком смысле. Попугаи — эмблема софистов философского толка; по аналогии эта птица очень хорошо пользуется словом, но она только бессмысленно болтает. Таковы блестящие системы философии, представленные противоречивыми вариантами в распределении цветов, которыми пестро наряжен попугай. Один имеет желтое на верхней части крыла и красное на заостренном конце. Другой

имеет расцветку в обратном порядке; так и софисты, вроде Эпикура и Зенона, в своих учениях повторяют друг друга в обратном порядке. На чем основаны все нагроможденные ими системы? На режиме семьи, на дроблении, на маленьких брачных хозяйствах; вся философия вращается вокруг этого порочного стержня, антипода нового общественного строя. Поэтому нужно, в силу аналогии, чтобы стержневой попугай, белый, распускал желтое знамя — эмблему группы отцовства; эта группа есть основание всех социальных систем, задуманных философией. Недаром попугай какаду купается в желтом цвете, окрашивающем все нижние перья его тела.

Изучение попугая было бы благодатным сюжетом в отношении аналогии. Откажемся от него, так как оно открыло бы все слабые стороны философов, которые, проповедуя терпимость и прелести истины, столь же мало склонны практиковать терпимость, как и слушать правдивые оценки их умения работать.

Софистам присуще странное противоречие. Оно выражается в том, что они признают в принципе *единство и аналогию системы природы* (Шеллинг) и хотят, чтобы сигналы-показатели, даваемые природой, вроде семицветной гаммы элементарных цветов, ничего бы не означали. Если единство и аналогия действительно существуют, то вполне уместно, чтобы этот первоначальный сигнал был эмблемой чего-либо; чего же, если не страстей? Можно ли предположить, что эта гамма элементарных цветов представляет только материальные гармонии, как семь комбинированных ребер и ключица, семь костей черепа и лобная кость, семь музыкальных нот, звучащих самостоятельно, и восьмая в качестве отголоска? Это значит собрать против философии четыре упрека в невежестве, потому что, если природа, таким образом, собирает аналогии и в отношении материальном, то нужно, сообразно принципу единства, чтобы они воспроизводились в отношении страстей и чтобы мы умели различать и в страстях гамму из семи первоначальных двигателей, не считая второстепенных гамм из 12 полутонов, 24 мажорных и минорных, 32 переходных и т. д.

Покончим с этими скучными принципами и займемся практикой. Обратимся вновь к деталям аналогии цветов и, переходя от желтого к красному, выдвинем на сцену прелестную эмблему щегленка, голова которого имеет красный убор и купается в красном цвете честолюбия согласно вышеприведенной гамме. Эта птица — прямая противоположность канарейки. Ее оперение грязно-серое, но чистое и блестящее, указывает на трудолюбивую бедность. Она изображает дитя бедных родителей, содержащееся в строгих условиях, воспитанное ими в духе честолюбия, с претензиями выдвинуться. Ребенок поглощен этой мыслью, и по аналогии его мозг купается в красном, в цвете честолюбия. Оперение щегленка — эмблема развитого ума — равно оперению канарейки, которая

является портретом богатого ребенка, имеющего хороших учителей. Таким образом, бедное дитя, побуждаемое честолюбием, поднимается на ту же ступень воспитания и образования, как и богатое дитя: оно сумеет похитить науку, которую в изобилии расточают богатому. И так как оно достигнет этого образования только при помощи своей семьи, природа запечатлела желтым перья его крыла, чтобы указать, что своим возвышением оно обязано поддержке семьи, группе отцовства, изображаемого желтым. Этого бедного ребенка не пугают тернии науки, он преодолевает препятствия, встречающиеся на научном пути, становится искусным юристом, знаменитым врачом. По аналогии щегленок любит садиться на репейник, на растение колючее и симпатизирующее деревенскому люду, привычному к терниям индустрии. Чтобы изобразить эти отношения, природа устанавливает отношения симпатии на репейнике между двумя противоположными персонажами, между щегленком — эмблемой трудолюбивого ребенка, происходящего от крестьянина, и ослом — эмблемой крестьянина, его жаргона, отображаемого смешным ослиным криком, его скудного питания, его покорности плохому обращению, его глупого упрямства в пользовании устарелыми методами.

Здесь репейник представляет двойную аналогию — одну чувственную и другую духовную. Крестьянин любит крепкие напитки, острые блюда и сильные переживания, например зрелище казни. Эмблема крестьянина — осел — любит питаться колючками репейника и смотреть в ужасные пропасти.

Благодаря аналогии существа самые презренные — осел и репейник — внушают интерес. Сказанное Буало о мифологии еще лучше применяется к аналогии: «Чтобы нас очаровать, все пускается в ход, все принимает телесную оболочку, душу, ум и лицо».

Без аналогии природа — только обширное поле терний, системы ботаники — лишь стволы репейника. Руссо хорошо их характеризовал как отталкивающую науку, преподносящую дамам греческую и латинскую тарабарщину. Скажите дамам, чтобы их заинтересовать, что такое-то действие страстей изображено в таком-то растении, покажите им разнообразие любви в ирисе, туберозе, гвоздике, гиацинте, персике, абрикосе, голубе и петухе. Таким образом вы пристрастите их к занятию наукой лучше, чем если вы будете им распространять ваши варварские легенды, щеголяя академическими терминами: tragopogon, mesembryanthemum, tetrandria, rhododendrum. Нечего сказать, приятная музыка для втягивания прекрасного пола в научные занятия!

Не гоняясь за такими великолепными растениями, как те, что растут в рощах Цитеры, можно на самых мещанских растениях — на капусте, на луке — осветить самые прелестные аналогии. Попробуем.

Капуста — эмблема таинственной любви, ее тайных интриг и сотни хитростей, чтобы избежать взора бдительного аргуса и преодолеть препятствия. Так и капуста скрывает свой цветок под покровом сотни листов, вложенных друг в друга. Эти выпуклые и волнистые листья изображают коварные усилия любовников, вынужденных скрывать свою связь. Листья скорее голубые, чем зеленые, потому что лазурь — это цвет любви, лазоревый цвет преобладает в листве гвоздики, которая изображает молодую девушку, утомленную избытком любви, отсутствием любовника.

Цветная капуста, противополагаемая обыкновенной капусте, изображает противоположную ситуацию — любовь без препятствия и без тайны, забавы и увеселения свободной молодежи, которая порхает от одного удовольствия к другому. Недаром цветная капуста представляет океан цветов, прелести цветущей молодости: ее лист не столь лазурен и выпукл, потому что свободная молодость, устраивающая кутежи, мало влюбчива, не имеет надобности прибегать к хитростям, как молодость скованная, символом которой является капуста.

Цветная капуста, как и некоторые другие растения, имеет дурной запах; она отравляет им воду и помещение, где ее варят, артишок заражает неприятным запахом руку, которая его срывает, а спаржа — мочу. В этом пороке, общем для трех цветов, природа изображает различные беспорядки свободной любви. Понаблюдаем эту картину в цветной капусте, эмблеме молодого человека с хорошим состоянием, соблазнителя, имеющего успех, для которого любовь — это океан цветов. Такой человек сеет тревогу в семьях; только и слышно, что о женщинах и девушках, им соблазненных; отсюда болтовня, домашние ссоры, неприятные инциденты, и в виде эмблемы цветная капуста заражает своим запахом символически элемент семейства, согласно нижеприводимой таблице:

Земля	Воздух	Аромы	Вода	⚹ Огонь
Дружба	Честолюбие	Любовь	Семья	Единство

Точно так же, по аналогии с неурядицами любви, объясняются две инфекции, производимые спаржей и артишоком. Но это — вещи слишком пакостные. Нежная и простая природа иногда *слишком проста,* слишком предана святой истине. Среди ее картин есть много таких, которые недопустимы в хорошем обществе. И я не мог бы печатно осветить эмблемы, представляемые спаржей и артишоком; это — иероглифы скандальных любовных похождений, очень хорошо изображаемых их листьями, плодами, всеми их проявлениями. Их можно объяснить только в кругу мужчин, до того картина верна, особенно если сюда добавить также противоположные формы, как испанский артишок, противоположность обыкновенного: один представляет дружку невесты, другой — распутницу.

Однако истины аналогии вполне допустимы в отношении второстепенных классов и характеров. Пусть объяснят картину продажных нравов народа в любви, пользуясь аналогией козы и козла: это оскорбит только людей, не умеющих понимать прочитанное; что касается мерзких скупцов, то никто не побоится представить им зеркало, изображающее свинью и дуб, — два портрета жадности, родственные друг другу, потому что это — один и тот же образ, только с различными оттенками. Поэтому плод дуба — жолудь — находится в сродстве только со свиньей.

Аналогия рассеет наши предрассудки как политические, так и моральные. Два анализа — улья и осиного гнезда — сведут к истинному значению наши предвзятые понятия об административных свободах и гарантиях; единство действия представлено в форме улья, двойственность — в осином гнезде; это — две великолепные аналогии.

Порок умных людей цивилизации, который сбил их с толку при изучении природы, заключается в том, что они не относят все к удобствам человека. Согласно этому принципу, каковы бы ни были картины, представляемые пчелой и осой, — одна изображает добро, так как дает нам сложное богатство в виде меда и воска; другая изображает зло, так как дает нам сложную бедность, внося опустошения. Таков и паук, образ лживой торговли, западни, именуемой свободной конкуренцией.

Аналогии, взятые каждая отдельно, уже чрезвычайно соблазнительны благодаря верности кисти природы. Мы превозносим Мольера за образ Тартюфа; но цветок, называемый амарантом, и пресмыкающийся хамелеон — еще более совершенные образы лицемерия. Чтобы об этом судить, требуется длинное описание всех частей этих двух форм (moules).

Аналогия вдвойне очаровательна, когда дан контраст и постепенность. Орел и гриф — две власти, которые фактически поднимаются к высшему рангу и которые умеют царствовать. Но есть государи дряблые, неспособные царствовать; их эмблемы — скудоумный страус, с большим телом, без головы; и дронт — образ глупого гордеца, с подлой головой, чей ум изображен смешным и бесполезным для человека гребнем, равно как и все тело птицы.

Чтобы облегчить изучение аналогии, нужно собрать об одном и том же предмете целые галереи портретов. Если речь идет о святой истине, то нужно комбинированно изучать эмблемы истины. Таковы: лебедь, жираф, олень, ель, кедр, лилия — все иероглифы различного применения святой истины, столь неблагодарной для тех, кто ее придерживается. Видя ее горестную участь в образе этих различных животных и растений, ни один цивилизованный не испытает искушения применить истину на практике, что бы ни говорили наши фило-

софы, которые, стремясь нас обмануть, не хотят, чтобы люди знали печальную судьбу, уготованную любителям истины.

Образы наших страстей чрезвычайно красивы, когда их изучаешь подробно на сопоставлениях: такова лестница глупости, остроумия и здравого ума, данная головными уборами птиц — их хохолками, гребнями, придатками, султанами, ожерельями, наростами и украшениями головы. Так как птица возносится выше других существ, то именно на ее голове природа изобразила различные виды человеческого ума. Орел, ястреб, павлин, дронт, попугай, фазан, петух, голубь, лебедь, утка, гусь, индюк, цесарка, чиж, щегленок и т. д. внешним видом своей головы изображают содержание нашего ума. Сравнительный анализ их головных уборов даст забавную галерею, картину различных видов ума и глупости, присущих тому или иному человеку, эмблемой которого является та или другая птица.

Орел — образ короля, имеет только редкий отлогий хохолок, — показатель страха, обуревающего монарха, который вынужден окружать себя гвардией, а подданных — шпионами, во избежание заговоров. Фазан изображает ревнивого мужа, всецело поглощенного боязнью измены со стороны жены и исчерпывающего все ресурсы своего ума, чтобы гарантировать себя от этой опасности. Недаром мы видим, что на голове фазана во все стороны торчат перья (это расположение перьев — символ страха). Другое направление имеет хохолок голубя: смело поднятый, он изображает любовника, твердо уверенного, что он любим, гордого успехом и чуждого тревоги.

Среди головных уборов птиц наиболее достоен изучения головной убор петуха — эмблема великосветского человека, баловня женщин. Но так как аналогии интересны лишь при противопоставлении контрастов, то рядом с петухом следует описать противоположную форму — селезня, эмблему мужа, очарованного своей женой и смотрящего на все ее глазами. Природа, лишив селезня голоса, уподобила его покорным мужьям, не решающимся возражать своей жене. Недаром селезень, желая ухаживать за своей крикливой подругой, подходит к ней униженно, сгибая шею и колени, как муж покорный, но счастливый, убаюкиваемый иллюзиями; в знак этого голова селезня купается в переливчатом зеленом цвете, цвете иллюзии. Петух изображает противоположный характер, человека любезного, который, не подчиняя себе женщин, умеет в общении с ними блюсти свое достоинство. Это — человек *здравого ума;* поэтому природа украшает его голову самым красивым и драгоценным убором: *серией красивого и вкусного мяса,* тогда как мясо дронта неприятно на вид и бесполезно, как гордый глупец, которого эта птица представляет. Но оставим этот прекрасный сюжет, который нас завел бы слишком далеко.

Я сказал достаточно, чтобы дать понять, что загадочная книга аналогий, наконец, расшифрована что теория аналогий и

причин творения может быть полностью открыта при условии ее изучения: quaerite et invenietis.

Что касается нынешних натуралистов, ограничивающих себя наблюдением следствий, когда они воспевают красоты великой книги природы, не уподобляются ли они слепому сенатору, развлекавшему двор Домициана? На совещании, обсуждавшем способ приготовления знаменитого палтуса, этот сенатор сидел спиной к рыбе и, не видя ее, восторгался ее красотой. Таковы и наши писатели, восхваляющие красоты большой книги, в которой они ничего не смыслят, не разбираясь даже в столь понятных иероглифах, как гусеница, отвратительная эмблема четырех мерзких обществ, идущих к механизму ассоциации; это — четыре периода сна гусеницы, за которыми следует куколка — эмблема смешанного состояния, или гарантизма, и бабочка — эмблема новой общественной гармонии.

Если писатели ничего не смыслят в образах столь ярких, как поймут они более трудные? Таковы фасоль и горох — образы маленьких орд и маленьких банд (гл. XXI и XXII), корпораций, совершенно неизвестных нашим натуралистам! Чтобы вникнуть в загадочную книгу природы, они должны отбросить академическую гордость и заняться не представляющим трудности изучением страстей и аналогий. Первый, кто пойдет по этому пути, увлечет за собой всех. Какое оскорбление для ученых — быть вынужденным проповедовать обскурантизм, подобно Цицерону (latent ista omnia crassis occultata et circumfusa tenebris и т. д.) и не разбираться в эмблемах вещей, которыми они занимаются изо дня в день, даже в образах *их боевого коня, святой истины;* она изображена лебедем и жирафом, представляющими бесполезную истину, поверхностная оболочка которой только одна и имеет применение; и оленем, представляющим истину, гонимую вельможами и администрацией (человеком и собакой).

Чтобы вовлечь ядро ученых в исследование природы и *причин* ее создания, я в ближайшее время опубликую инициативный труд, озаглавленный *«Первая сотня аналогий»*. Я подберу самые забавные, наиболее способные дать нам представление об этой новой науке, которая одна только и может сообщить очарование изучению природы, дать каждому животному, растению или минералу *тело, душу, ум и лицо.*

Теперь о распространении, которое получат листы, коротко рисующие открытие аналогии, когда наука будет изложена в хорошем трактате и подкреплена тысячами интересных картин и полных описаний, вместо частичных набросков, данных мной относительно репы и попугая. Листы по 3 су за экземпляр, включая 1 су прибыли, будут расходоваться, по крайней мере, в количестве тысячи экземпляров на фалангу, не считая детей, не посвященных в аналогию. Выручка от продажи — 150 франков, будучи помножена на 500 тысяч фаланг, даст

25 миллионов франков. Я же предусматривал только 8 миллионов дохода, а не 25 миллионов. Я предположил сокращенную продажу 320 листов на фалангу вместо тысячи. Это — норма слишком низкая, учитывая жадность к этому роду литературы.

Главным мотивом, побуждающим читателя купить листок с 30—40 новыми аналогиями, будет надежда на участие в *раскрытии дальнейших аналогий*. Я это поясню: такой иероглиф, как собака или кошка, может явить до 100 образов страстей, особенно в его внутреннем строении, невидимом глазу. Добавим, что в видимых частях требуется много времени, чтобы разгадать многочисленные загадки: целых десять лет я знал главные аналогии слона, прежде чем смог объяснить две аллегории его смешных глаз, малого размера и несоразмерных с ростом животного, огромных, приплюснутых, раздражающих ушей. Таким образом, один изучающий объяснит то, чего не заметит другой. Каждый поспешит отметить в листе жюри то немногое, что ему удастся открыть относительно иероглифа; каждый будет бояться, что его предупредит другой толкователь, который приобрел бы, таким образом, преимущественное право на долю дохода, сообразно датам и обстоятельствам.

Значит, каждый будет стремиться передать жюри всякое частичное решение проблем: *X* представляет свои соображения относительно куропатки, принимаемые в размере *5 строк:* эти 60 тысяч франков заработаны без ущерба для последующей работы; никто не помешает ему получить, может быть, 120 тысяч франков на будущей неделе, если он сумеет объяснить другие детали и его объяснения будут приняты в размере 10 строк, но и после него другие сотрудники смогут получить гонорар в *12 тысяч франков за строку,* если добавят некоторые подробности, признанные точными в отношении аналогии. Часто целая дюжина толкователей будет последовательно представлять статью об одном и том же иероглифе; поэтому первый, который откроет путь, указав главный характер куропатки (или другой формы), окажет полезную услугу всем исследователям. Они смогут после него собрать большую жатву, без надобности подбирать оставшиеся колосья, потому что они могут собрать жатву более обильную, чем тот, кто проявил в этом деле инициативу. Именно по этой причине листы с кратким объяснением аналогий будут подхватываться, как открытие золотых россыпей, всеми продолжателями. Эта категория людей будет весьма многочисленной, потому что из каждых 100 человек 99, как истые французы, — мастера по части усовершенствований, но совершенно не изобретательны. Женщины проявят большие способности в труде этого рода.

Таким образом, листы аналогий будут расходоваться *нарасхват* каждый раз при их появлении. Любой богатый мужчина или богатая женщина будут покупать с полдюжины листов, чтобы сохранить 1 для своей коллекции, 1 или 2 исполь-

зовать для своей работы и 2 или 3 отдать своим бедным друзьям, своим индустриальным товарищам. Значит, продажа составит, примерно, *тысячу экземпляров на фалангу;* я же предусмотрел только 320 — число, сокращающее гонорар до 12 тысяч франков за строку. Я всюду применяю эти сокращенные оценки; всякий, кто захотел бы взять перо и арифметически это проверить, убедится, что я всегда значительно преуменьшал реальную сумму. Вот прекрасная тема для размышления ученых о необозримости богатства, путь к которому открывает мое изобретение. Следующая статья покажет им, что в строе ассоциации они смогут зарабатывать миллионы гораздо легче, чем это удается теперь спекулянтам, у ног которых глупо ползает новейшая философия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Об интеллектуальной катаракте

Обман ученого мира и политических партий

Конец непроницаемым завесам; нет больше оправдания академической лености; нет более тайн природы, она капитулировала; у нас в руках ключ от этой загадочной книги, вопреки некоторым духам тьмы. Наибольший осел из трех — не тот, которого таковым считают, сказал наш баснописец; точно так же наихудший обскурант из трех (дворянство, духовенство, философы) не тот, которого таковым считают. Послушаем подлинных обскурантов, обвиняющих самих себя:

«Помни, сын мой, что природа окутана непроницаемой завесой, которой не прорвать усилиями веков» (*Бартелеми — Путешествие Анахарсиса).*

Эта непроницаемая завеса пришлась весьма кстати монополистам гения: не давая себе труда изобретать, предпочитая фабриковать широковещательные системы, они утверждали, что *человеческий разум должен остановиться на таком-то пункте,* что не нужно ни изучать неприкосновенные науки, ни продолжать исследование наук, начатых разработкой, как, например, притяжение, исследованное Ньютоном только в материальной части, а не в духовной.

Этот труд закончен. Я старался укрепить его двойными доказательствами по главным пунктам. Таковы:

Средства серий, построенных на страстях (гл. V и VI).

Средства косвенного притяжения (гл. XXI и XXII).

Средства уравновешенного распределения (гл. XXXIV и XXXV).

Я всюду дал доказательства в сложной, а не в простой форме; причем доводы и доказательства и от противного, как в математике. Никто не упрекнет меня в недостаточности объяснений. Здесь недостает очерка размеренных серий; но этот род согласий слишком обширен и слишком великолепен для начинающих. Им достаточно знать свободные серии. Бла-

годаря этому открытию мир будет освобожден от анархических потрясений и от партийных распрей. Я сейчас дам таблицу степеней возрождения, причем каждый сможет сделать свой выбор: выбрать из 15 фаз реального прогресса, из коих 14 находятся между 3-й фазой цивилизации, в которой мы прозябаем, и 1-й фазой гармонизма, в которую мы можем непосредственно перейти.

Шкала 15 фаз реального прогресса по выбору

1.	3 фаза	9. *Промежуточная между гарантизмом и социантизмом*	
2. *Цивилизация.*	4 фаза	10.	1 фаза
3. *Промежуточная между цивилизацией и гарантизмом*		11.	2 фаза
4.	1 фаза	12. *Социантизм*	*Апогей*
5.	2 фаза	13.	3 фаза
6. *Гарантизм*	*Апогей*	14.	4 фаза
7.	3 фаза	15. *Промежуточная между социантизмом и гармонизмом*	
8.	4 фаза	16. *Гармонизм.*	1 фаза

Чем ближе к первой фазе, тем легче будет операция; то же в отношении прибылей и благосостояния, они будут слабы во второй фазе, организация которой пойдет медленно, и необозримы в шестнадцатой фазе, которую можно организовать с быстротою молнии. При подборе основателей и акционеров нужно соблюдать много предосторожностей. Я сейчас их укажу в 5 небольших статьях, которые послужат инструкцией для ведущих переговоры и которые точно определят интеллектуальную катаракту и обусловившие ее причины.

I. Кандидатура умозрительная

При выборе людей для такой организации следует остерегаться членов политических партий: либералы, абсолютисты и смешанные были бы плохими судьями, всецело поглощенные полемикой и предвыборными интригами; они, выйдя из привычной им сферы, приходят в состояние столбняка, как кошка, очутившаяся на новой квартире.

Либералы, которые придерживаются только слов, а не вещей, взяли бы под подозрение теорию во имя *одного слова.* Они потребовали бы, чтобы 15 фаз реального прогресса были названы *совершенствуемой цивилизацией;* это название подходит только к фазам, где царит коммерческий обман и раздробленное земледелие.

Абсолютисты отличаются *робостью,* опасение революции у них доходит до безрассудства, они уподобляются Пурсоньяку, напуганному аптекарями и видящему всюду клистиры. Таким образом, абсолютистов, только и мечтающих что о репрессиях, пугает идея всеобщей и внезапной метаморфозы, как бы удачна она ни была.

Значит, не приходится рассчитывать на партии. Нужно обращаться к людям, обладающим крупным богатством или большим влиянием, и если им не удалось получить министерского портфеля, их прельстит возможность внезапно подняться на более высокий пост, обеспечивающий в то же время огромный доход. Что касается партий, то из глав L и LI они видят, что, даже ограничившись организацией четвертой фазы предыдущей таблицы, создав в деревнях *гарантирующие государственные фермы,* а в городах тройные конкурирующие *оптовые склады,* можно уже добиться в 10 раз больших улучшений, чем те, о которых осмеливаются мечтать либерализм и философия. Менее чем в три года прекратились бы нищенство, бедность, мошенничество, бандитизм, фискальные вымогательства и т. д.; правительства приобрели бы крупные недвижимые имущества, большие доходы, средства погашения долгов и нерушимую прочность.

Живо заинтересован в этом счастливом новшестве класс парижских журналистов, которые все сидят на вулкане. Если абсолютизм восторжествует, как это видно по всему, он прогонит их всех, без различия партий, и сохранит только одну усыпляющую газету, как это мы видим в Вене или Мадриде. С другой стороны, если будут приняты меры к выходу из цивилизации, тираж газет на следующий же день увеличится втрое, они распространятся во всей стране и никому не будут затыкать рта, потому что политические споры будут мгновенно забыты.

Это изменение особенно важно для чрезвычайно колеблющейся либеральной партии. Если она немного укрепится, то королевский указ или государственный переворот может свести на-нет этот успех. Она забывает, что общественное мнение — ничто, что в цивилизации угнетатель одерживает верх над $^7/_8$ сопротивляющихся и что в политической борьбе нужны новые средства, а не рассуждения. Нужно, чтобы эти две партии были очень слепы, чтобы не признать, что единственный путь спасения — это подняться выше цивилизации, а отнюдь не итти вспять, как обе партии это делают. Что бы ни говорили либералы, организация постоянного раздора между государями и народами — это попятное движение, между тем как операции гарантизма, каковы государственная ферма и конкурирующие оптовые склады, установили бы согласие, единство взглядов, интересов и действия между всеми классами. Тогда абсолютисты поняли бы, что им следует стремиться к подлинному прогрессу, а отнюдь не возвращаться к X веку. Но они непременно будут упорствовать в своем обскурантизме, если им попрежнему будут расставлять сети ложного либерализма, этой подлинной интеллектуальной катаракты, основанной на слепоте 4 категорий ученого мира:

1) слепоте экономистов, которые, чтобы нас обогатить, используют самое маленькое и самое дорогое объединение —

семейное и наибольший из возможных обманов — анархическую конкуренцию торговцев; 2) слепоте моралистов, которые стремятся наделить человека добродетелями, раньше чем дать ему хлеба; хотят вооружить человека против его страстей, превозносят истину и в то же время проповедуют любовь к торговле, т. е. ко лжи; 3) слепоте политических деятелей, организующих разорение народа путем снижения заработной платы, избыточного роста народонаселения и сотнями других уродливостей; 4) слепоте метафизиков, которые утверждают, что бог создал страсти случайно, не открыв человеку законы их гармонии, и которые хотят изучить человека, не изучая притяжения — двигателя человека.

Можно заполнить целые страницы перечнем нелепостей каждой из этих четырех наук, кадриль которых образует интеллектуальную катаракту, служащую путеводителем либеральному духу. Удивительно ли, что этот либерализм только увековечивал зло и что его противники отвергают его, как чашу с ядом! Какая из двух партий более реакционна: та ли, которая открыто идет вспять, или та, которая, суля социальный прогресс, фактически топчется на одном месте, не желая, чтобы человеческий разум выбрался из болота цивилизации, старается вернуть нас во вторую фазу цивилизации, к демократическим потрясениям и толкает вторую партию к движению вспять, внушая ей опасения.

Когда, наконец, средство исцеления от этой анархии будет открыто, каждый почувствует, сколь вредно отсутствие оппозиции вандалам, отсутствие жюри, исследующего изобретение, обязанного в публичном заседании и в присутствии изобретателя возбуждать вопросы, и первым долгом такой: верно ли, что автор продолжил теорию, начатую Ньютоном, — исследование притяжения, что он распространил ее от материального элемента на элемент страстей? В случае разрешения этого вопроса в утвердительном смысле должны быть поставлены другие вопросы; это обсуждение положило бы конец клевете, которая всесильна, пока ей не противостоит никакого противовеса, пока в ученом мире, как и в мире торговом, существует только конкуренция обмана под маской истины и свободы.

Поймаем с поличным этот научный обскурантизм. Недавно французский физик Араго доказывал (Ежегодник бюро долгот, 1829), что изобретение парового механизма принадлежит Папену, французу, родом из Блуа. Несправедливо отвергнутый Парижской академией наук, Папен в 1681 г. был принят Королевским обществом в Лондоне. 80 лет спустя, в 1764 г., Уатт выдал себя за изобретателя этого механизма, несколько видоизменив его, согласно обычаю плагиаторов. Таким образом, Франция задним числом добивается авторских прав на все открытия, даже на самые мелкие, вроде супа *Румфорда*. Почему же она относится к изобретателям столь варварски,

что никто из них *не может при жизни* найти во Франции отклик и добиться методической проверки своего изобретения?

Теперь Франция утверждает:

что вакцина, приписываемая Иенеру, принадлежит французу *Рабо;*

что взаимное обучение, приписываемое Ланкастерской школе, принадлежит французу Сен-Полю;

что энциклопедическое дерево, приписываемое Бэкону, является произведением Савиньи де-Ретель;

что пароход изобретен не Фультоном, а графом де-Жуфруа (версия 1822 года);

что указанный пароход не принадлежит ни де-Жуфруа, ни Уатту, но Папену, умершему 100 лет тому назад (версия 1829 года).

Таким образом, французские академики проявляют свою благосклонность к изобретателю лишь долгое время спустя после его смерти. Араго нам говорит:

Гениальный человек никогда не находит себе признания, если только он опережает свой век в какой бы то ни было области.

Такова ошибка ученых организаций. Тома разоблачил их раньше Араго, сказав: «Провозглашение новых истин есть преступление, которое прощается последним». Будут ли они справедливыми в данном случае и согласятся ли проверить мое исследование притяжения, или, согласно своему обычаю, они станут клеветать на изобретателя в газетах и не будут помещать его опровержения? Во Франции мы только и видим, что клевету в ученом мире, обман в мире торговом и интриги в мире избирателей. Таковы трофеи прекрасной Франции, возрожденной с помощью торговли и философии.

Ни один класс не страдает от этих странностей так, как философы и ученые. Каждый из них мог бы в гармонии получить доход куда выше скромного бюджета в 400 тысяч франков, которые они делят между собой в Париже. Я указал в эпилоге одно из средств колоссального богатства. Добавлю еще четыре:

2) Единые награды. Одобренной книге присуждается, скажем, 1 франк — средняя цифра, установленная голосованием фаланг; это составит 500 тысяч франков.

3) Прямая продажа. Если книга хороша, то каждая фаланга купит от 7 до 8 экземпляров, а всего разойдется, таким образом, 4 миллиона экземпляров. При предусмотренном доходе в 5 су автор получит 2 миллиона франков.

Какой счастливый случай для писателей, которые жалуются, что весь доход попадает в карманы издателей! Какой стимул для парижан принять меры к объявлению французского языка единым языком — предварительно, на первый век гармонии! Это особенно важно для парижских журналистов, которые моментально приобрели бы аудиторию на всем земном шаре: чис-

ло их абонентов утроилось бы, поскольку образование опытной фаланги близ Парижа возбудило бы пылкое любопытство и заставило бы забыть старые политические споры и заняться только обсуждением надвигающегося всеобщего счастья.

4) Другая приманка для писателей: все они жалуются на отсутствие сюжета, они, действительно, его лишены. Они будут иметь, кроме аналогий, много исключительно благодарных сюжетов, новых и легких, в числе прочих — критические комментарии к четырем философским наукам. Все значительные произведения будут вновь напечатаны, причем текст будет сопровождаться критикой (см. два примера: о Телемаке II, 553 и о человеке, работающем в поле). Один только этот сюжет может пару десятков лет быть источником творчества для многочисленных писателей, с распространением их книг по 20 экземпляров на фалангу, а всего 10 миллионов экземпляров.

Наконец, образование будет другим обильным ресурсом для ученых, артистов и культурных людей. Так как науки и искусства станут в гармонии производительными, то вся народная масса должна будет получать высшее образование. Но и $^{20}/_{1000}$ требуемого числа учителей нельзя будет достать. Будет большая нужда в учителях для учреждения учительских школ кантона, для инспектирования провинций и областей; самые рядовые ученые наших городов будут получать значительные дивиденды от нескольких кантонов и только благодаря этой отрасли труда снискают столько денег и славы, которых теперь не получает крупный университетский профессор во Франции. Следовательно, их противодействие исследованию и практической проверке теории промышленного притяжения — подлинный акт сумасшествия. Глупость тем бóльшая, что целых 20 лет они покровительствуют секте ложной ассоциации, руководимой Оуэном: эта секта не выдвинула ничего нового. Нужно по этому поводу сделать выводы из сказанного выше и открыть глаза на *волков, в овечьей шкуре.* Легковерное отношение к этой секте — один из поразительнейших признаков *интеллектуальной катаракты,* которая мутнит зрение нашему веку.

2. Опровержение оуэнистов

Примерно 20 лет внимание общественного мнения сосредоточено на этих сикофантах секты Оуэна — людях чрезвычайно опасных не в силу творимого ими зла, но вследствие помех, чинимых ими добру, потому что, убеждая, что их вождь — человек искусный в социальном механизме, они настолько околдовали общественное мнение, что каждый считает проблему полностью решенной благодаря проницательности Оуэна. Между тем последний не имеет ни малейшего понятия об ассоциации и придерживается взглядов, противоположных естественному методу странной доктрины, сводящейся к трем самым нелепым тезисам. которые я исследую несколькими строками ниже.

Утверждают, что общество, которое его поддерживает, израсходовало за эти 20 лет огромные суммы, восхваляя в газетах добродетели этого мнимого реформатора, представляя его на Венском конгрессе различным государям. Другие говорят, что он сам покрывал все эти расходы благодаря своему огромному состоянию. В этом случае он весьма неискусен, потому что одной четвертью того, что им израсходовано, чтобы быть при жизни *канонизированным,* можно было основать подлинную ассоциацию и подняться к наивысшей ступени богатства, длительной и заслуженной славы.

Добродушная публика, долгие годы прислушивавшаяся к хору апологетов этого нового чудотворца, думает, что отрицать святость Оуэна значит богохульствовать, и считает святотатством всякую попытку дать об ассоциации более достоверные сведения, чем те, которые содержатся в его желчной критике собственности, религии и брака.

Его план коммуны имел вначале некоторый успех, потому что он маскировал партийный дух, вуалировал тайный план упразднения священников и богослужения. Эта перспектива привлекла к проповеднику Оуэну атеистов всех мастей. Что касается двух других его догматов, то догмат об общности имущества столь жалок, что не заслуживает опровержения: догмат же о внезапном упразднении брака также чудовищен (см. выше). Подлинная ассоциация пойдет по трем противоположным путям:

1) Она будет религиозна в силу страсти, будучи убеждена в высокой мудрости бога, благодеяниями которого она будет пользоваться каждое мгновение. Богослужение будет для нее потребностью. Самый незначительный викарий будет тут пользоваться таким же положением, каким ныне пользуются епископы. И во Франции придется создать ускоренным темпом, по крайней мере, 30 тысяч священников, с тем чтобы каждая фаланга имела их достаточно для посменного выполнения этих функций.

2) В противоположность духу коммуны будет возбуждаться дух собственности посредством купонов акций и *экономических голосований,* предоставляемых пролетариям, которые путем усердных сбережений соберут 12-ю часть капитала, дающего право голоса в ареопаге. Это право будет предоставлено еще в силу многих других причин, с тем чтобы не подражать цивилизованным, которые в своей представительной системе придают значение только денежному цензу.

3) Что касается брака, то мы видели выше, что *со временем* он будет видоизменен, расположен по ступеням, но не совсем упразднен. К этой реформе приступят не сразу, а в будущем поколении, когда намечаемые изменения будут приняты совокупными голосами четырех классов — правительства, духовенства, отцов и мужей.

Во всяком случае ярким доказательством интеллектуальной катаракты нашего века служит то, что он позволил себя обмануть по наиболее важному для социального мира предмету — по вопросу о новом общественном механизме — проповедником, который не имеет ни новых доктрин, ни точных догматов. Его план упразднения священников — пережиток революции. Если упразднять все классы, злоупотребляющие своими функциями, то я не знаю, какой класс цивилизованных можно сохранить. Его догмат об общности имуществ — старая погудка на новый лад, подновленная мысль Спарты и Рима; догмат о свободе любви — тоже плагиат у различных народов, между прочим, у неполианцев и жителей Таити и т. д. Замечательная сторона в этих учениях — их двойственность, лазейки для увертов, средство для переделки системы сообразно обстоятельствам. Так, например, в религиозных вопросах Оуэн не утверждает положительно, что бога нет, но заставляет его блюсти *инкогнито*, не иметь ни священников, ни публичного почитания, пока не будет установлено, какая роль ему отводится. Эта роль меняется в зависимости от успехов секты, которая в случае краха предоставила бы ему тень почитания, а в случае успеха дала бы богу полную отставку, как и духовенству. Потому что того, кто изгоняет духовенство, можно заподозрить в желании разделаться и с богом.

Тезис Оуэна о любви также характеризуется неясностью, промежуточностью и анархическим уклоном: мы видим, что этот новатор по каждому догмату хотел оставить себе лазейки, чтобы иметь возможность видоизменить свои методы сообразно обстоятельствам. В особенности это видно из его доктрины об общности имуществ: она не распространяется на все категории членов ассоциации; он освобождает от этого акционеров, прекрасно предусматривая, что у них не будет достаточно филантропии, чтобы отказаться от дохода, приносимого их капиталами.

В своих моральных причудах он старается убедить монахов Нью-Лэнарка (бедных ткачей, ходящих босыми в стране с очень холодным климатом), что они увлекут весь мир своим примером и *обратят в свою веру всех соседей*. Эти бедные люди, получающие от него кусок хлеба, не противоречат его проповедям, но за 20 лет мы не видели ни разу, чтобы их соседи — герцог Гамильтон и богатые негоцианты Глазго — отказались от хорошей кухни и хорошего погреба и согласились пить чистую воду и ходить босыми, чтобы подняться на высоту оуэнистской филантропии.

Нужно все добродушие нашего века, чтобы принять как путь к ассоциации это подновление общих мест филантропии, это сборище странных парадоксов, вроде того, который утверждает, что три источника зла в политике суть — религия, собственность и брак и что их упразднение поднимет нас на высшую ступень мудрости: risum teneatis! Но проповедник, кото-

рый изрекает этот вздор, обещает уничтожить всех священников; он — гигант добродетели, по словам некоторых биографов; это — чудотворец возрождения, это — моральное светило, пред которым бледнеют все светочи добродетели, былые и нынешние.

Я бы воздержался от опровержения этой нелепости, если бы она выводила на сцену только странности, лишенные значения, — по примеру его прообраза Пэнна, который запрещает пришивать пуговицы к платью и допускает только серый цвет. Эти моральные глупости не причинят человеческому роду никакого ущерба; но секта Оуэна ввергла современные народы в гибельное заблуждение, наведя их на ложный след в важном вопросе ассоциации, убедив их, что все сделано по части изысканий в этой области и что всякие дальнейшие исследования бесполезны после Оуэна, несравнимого гения, молниеносного филантропа, которому надо слепо верить, не исследуя его средств, не учитывая результатов опыта, убийственных для него за эти 20 лет, так как дикари и цивилизованные соседи в Шотландии и в Америке отказываются к нему примкнуть.

А так как влияние этого софиста и доверие, которым он завладел, служат главным препятствием к постановке опыта естественного режима ассоциации, то важно опровергнуть его исчерпывающим образом. Я докажу в двух словах безрассудство и лицемерие его учения.

От целого, *коллективно порочного,* от режима цивилизации он хочет отсечь три части: духовенство, собственность и брак. Оздоровит ли эта операция то, что после нее останется? Для суждения об этом прибегнем к сравнению: предположим, что человек заражен инфекционной болезнью — чумой или желтой лихорадкой. Разве можно его вылечить, отрезав ногу, руку или ухо, как зараженные болезнетворным ядом? Каждый ответит, что нужно лечить весь организм, вместо того чтобы ампутировать три части: это вызовет лишь смерть больного. То же самое с цивилизацией. Поражена гангреной цивилизация в целом, а не отдельные ее части: другие ее части — торговля, финансы, суд, полиция и даже двор тоже заражены пороками, как и те три части, которые осуждает Оуэн. Значит, нужно очищать целое, вместо того чтобы ампутировать три части. Если вы отрубите некоторые ветки молочая или манценилы, дерево от этого не станет менее ядовитым: его нужно заменить другим, здоровым видом. Этого не может обещать Оуэн: он не знает обществ выше цивилизации, он слышит, что век смутно толкует об ассоциации, и он строит на этом свою нелепую химеру, режим всецело монастырский, подкрепленный желчными моральными разглагольствованиями.

Разумный век сказал бы ему так: Вы хотите, подобно агитаторам 1789 года, начать с упразднения наших обычаев; где гарантия того, что их место заступят более полезные? Вы говорите об ассоциации, разрешили ли вы связанные с ней

проблемы и прежде всего две главные — проблему промышленного притяжения и пропорционального распределения по трем способностям — капиталу, труду и таланту?

Вот где ясно видны его увертки: что касается притяжения, он отвечает так: мы *постараемся* сделать функции привлекательными по мере возможности; но *стараться* не значит сделать. Три тысячи лет стараются сделать людей добродетельными, а между тем сейчас мы от этого более далеки, чем в первый день; нужны средства абсолютно новые и более верные, чем обещание *постараться* (об этих средствах см. гл. V и VI; три механизирующие страсти, применяемые к сериям, расположенным по ступеням двоякого рода).

Ограничиваясь обещанием *стараться* без всякого верного средства, сумел ли Оуэн предохранить своих учеников от таких общераспространенных пороков, как незаконные поборы? Нет, его учреждения ограблены до того, что о прибыли не может быть и речи, и многие акционеры берут обратно свои капиталы. Между тем, прибыль и сбережения должны быть весьма велики в объединениях, охватывающих свыше 1 000 человек. Но кажется, что в этих *моральных коммунах* среди управляющих некоторые филантропы *так любят общественное имущество, что кладут в карман себе прибыль.* Нужно ли этому удивляться? Всякое большое индустриальное объединение, не распределенное по сериям, подвержено двум коренным порокам:

посредственность продукта вследствие отсутствия промышленного притяжения;

грабеж вследствие отсутствия гарантии управления.

Отсюда происходит то, что оуэнисты не упоминают ни о прибылях, ни о ежегодных дивидендах — первое, о чем они должны были бы говорить. Они усердствуют, восхваляя прелести филантропии, счастье быть полезным коммуне, прибыли которой некоторые мошенники себе присваивают.

Признаем, наконец, что для создания ассоциации надо открыть правильную теорию, математически точную, и установить условия этой организации. Иначе два десятка софистов вроде Оуэна будут восхвалять себя за разрешение проблемы и требовать слепого доверия к их филантропическим иллюзиям. А этого не должно быть: я доказал, что истинная наука, в механизме ассоциации, всюду отличается математической точностью, особенно в отношении главной проблемы, проблемы распределения (гл. XXXIV и XXXV), от разрешения которой оуэнисты мудро уклоняются, выдвигая догмат об *общности имущества.*

Я мог бы добавить много доказательств их подозрительных намерений, но мне кажется, что я достаточно разубедил эту легковерную массу, которая, когда ей говорят об ассоциации, отвечает: *Это Оуэн создает ассоциацию, говорить об этом надо ему.* Теперь можно видеть, какую роль он играет в этой

области: ту же роль, что алхимики до зарождения экспериментальной химии или кудесники до зарождения медицины. Всякая наука вначале является добычей интриганов, пока точная теория не вытеснит шарлатанства. Можно ли удивляться тому, что теория ассоциации, которой занимаются лишь в последние годы, как и все науки, была опошлена шарлатанами в момент ее зарождения!

3. О симплизме, или причине катаракты

Этот упрек в интеллектуальной катаракте, адресованный веку ученому в различных пунктах, мог бы показаться неприличным, не подкрепи я его чрезвычайно осязательными доказательствами. Я буду краток, говоря об этом мало лестном предмете.

Речь идет о разъяснении старого спора, возникающего между каждым веком и его изобретателями. Всякий век спешит оказать, что изобретатели потеряли рассудок, на том основании, что они несогласны с предрассудком, говорящим о неосуществимости. Но обыкновенно, как и во времена Колумба, отсутствием разума страдает сам век.

Причина этих общих заблуждений, этих ложных суждений толпы коренится в пороке, который я назвал *симплизмом,* или манией рассматривать в простой форме всякую систему природы. Этой странности достаточно, чтобы толкнуть на ложный путь величайший гений. Это — *прирожденный грех* человеческого разума.

Например, наши философы предполагают изучать человека, вселенную и бога и делают из бога душу без тела, из человека — тело без души и из вселенной — корабль без кормчего, без двигателя, без главы. Таким образом, человек, вселенная и бог оказываются у них тремя простыми телами.

Теперь философы, боясь власти, видоизменили свои учения; в случае надобности они их отрицают, но известно, каковы были их взгляды в те времена, когда в этом отношении царила полная свобода, в эпоху материализма и словарей атеизма. Существование даже простого бога, духа без тела, отрицалось, а тем паче бога сложной природы, с душой и телом (его тело — огонь).

Тот же симплизм наблюдается в деталях: у тех, кто, допуская душу, приписывает ей только простое назначение в этом мире и осуждает ее на вечное прозябание в пагубном состоянии — в хаосе цивилизации и варварства. В изучении вселенной они допускают номинально аналогию, но реально ее отрицают, будучи несогласны с тем, что социальный мир, как и звездный мир, имеет два назначения, представленные планетами и кометами (гармония и ниспровержение). Отрицают они *фактически* и то, что аналогия распространяется на субстанции, которыми наполнен наш земной шар, и что они являются зеркалом страстей. Отрицают же они потому, что не умеют отыскать их отображение в каждом животном, растении и минерале.

Таким образом, ум их совершенно извращен манией упрощенного мышления, не умеющего связать следствие с причиной и восхваляющего тот или иной фактор, торговлю или что другое, без учета его порочных результатов, каково всеобщее лицемерие и т. д.

Именно на этой странности простых суждений покоятся четыре философские науки. Они утратили бы свое значение и силу с того момента, как их подвергли бы проверке сложного мышления, требующего подтверждения со стороны опыта, сообразно требованию Христа и Декарта. Сложное суждение обнаружило бы ничтожность всякой науки — моральной и экономической, дающей результаты, противоположные обещанным.

Если бы мы вздумали дать картину наших упрощенных (симплистских) суждений и методов, то можно было бы заполнить добрую сотню страниц; таковы: установление гарантий для богатого класса, без установления таковых для бедного класса, которому не гарантированы даже труд и пропитание; гарантии для мужского пола и отсутствие гарантий для женского пола; усвоение индустриальных теорий, отвергающих необходимость какого бы то ни было изучения промышленного притяжения; перспективы счастья, рассчитанные на цивилизованных, а отнюдь не на варваров и дикарей; системы нравов, проповедующие любовь к простой добродетели, игнорируя материальный интерес и удовольствие; ассоциировать производство, не ассоциируя страстей; установить либерализм и наряду с этим денежный ценз, как основу избирательного права; жажда просвещения и в то же время оценка сочинений исключительно по их стилю.

Именно в силу этого навыка ложного мышления человеческий разум вверг себя во все смехотворные поступки и в интеллектуальную пропасть, т. е. *двойственность действия*. Чтобы ее определить, потребовалось бы слишком много времени, я отмечу только главные следствия ее, каковы: противоречие между коллективными и индивидуальными интересами, взаимная ненависть трех классов, образующих социальное тело, раскол между правительствами и народами, раскол между полами, из которых один только и стремится что к угнетению слабого, а другой — к обману угнетателя; разногласия человека с самим собой — следствие сопротивления рассудка порыву страстей; расхождение науки со своими собственными утверждениями, вследствие поисков истины, в апологии торговли или лжи, исследование вопроса о счастье народа, в то же время защита цивилизации, которая не дает народу даже хлеба. Картина этой двойственности действия нескончаема, дело доходит до того, что в одной и той же семье мы найдем, по крайней мере, двенадцать видов двойственности — разногласия между свекровью и невесткой и расхождение вкусов во всем: в области воспитания, питания, желательной температуры

комнат, в занятиях, в отдыхе, в отношении животных и т. д.

Создатель хорошо отобразил судьбу нынешних обществ: по аналогии он обрек все существа земного шара на двойственность системы, и прежде всего физический мир человека, впадающего в двойственность вследствие двоякого цвета рас — *белой, черной и смешанной,* вследствие его разногласия с морской водой, которой он не может утолять жажду, и пресными водами, где он не может легко передвигаться, не будучи земноводным (земноводность связана только с открытием сердечной перегородки; эту способность в числе других приобретет возрожденная раса после 12 поколений гармонии).

Любопытно отыскать источник тех простых суждений, благодаря которым мы не замечаем явной порчи механизма страстей и обществ, обманываясь насчет *мира навыворот.* Народ смутно предугадывает истину, согласно поговорке: беда не приходит одна (Abyssus abyssum invocat).

Философия же напротив, не замечая того, что человек создан для сложной судьбы, для сложного счастья или несчастья и никогда для простого, продолжает превозносить нам простую природу, антипод нашей судьбы.

Я сказал достаточно, чтобы убедить, что упрек в интеллектуальной катаракте не шуточен. Недуг весьма серьезен по своему происхождению, развитию и действию на организм, потому что цивилизация и философия совершенно сбились бы с толку при переходе от простых суждений к сложным, при необходимости опытного исследования и сопоставления наших научных теорий с их результатами; ведь одна из наших наук проповедует истину, а делает нации все более и более лживыми, другая обещает нациям богатства, а увеличивает только число нищих. Без сомнения, умы нашего века погрязли в рутине, мешающей видеть превратность такого социального толкования, и честь освобождения человеческого ума от этого научного кретинизма, исцеление его от катаракты *симплизма* — победа, заманчивая для учредителя.

4. Привычные доказательства катаракты

Я сократил сухой анализ причин явления, называемого *симплизмом.* Читателя легче убедить, ознакомив с его следствиями. Я буду их рассматривать в различных отраслях наших знаний, выбирая из них такие, смехотворность которых ясна всем.

Материальная нужда. Нам восхваляют богатства народов, блеск наук, и, однако, большие столицы — Париж и Лондон — не имеют даже элементарных книг для изучения природы. Нужен был бы труд с сотней тысяч раскрашенных иллюстраций, подобных изображению мозга, данному Виком де-Азиром и знакомящему нас со всеми животными, растениями и минералами в различных стадиях их развития; и сверх того подробные объяснения к каждой иллюстрации. Труд этот составил бы, по крайней мере, 100 тысяч томов in 4°, два-три та-

ких экземпляра должны находиться в каждой из 500 тысяч фаланг земного шара. Это будет одним из первых трудов гармонии, такой труд совершенно неосуществим в цивилизации. Она, со всеми своими усовершенствованиями, не в состоянии покрыть даже четвертую часть требуемых для такого труда расходов. Эти расходы — пустяк для социальной гармонии, которая по одной только отрасли *привлекательных колонизаций* будет иметь прибыль в 4 тысячи миллиардов — сумма, для нашего ума непостижимая. Но мы видели выше, что в оценках я всегда преуменьшаю цифру наполовину, на треть или на одну четверть.

Интеллектуальная бедность. Мы видим, как хорошие писатели всю жизнь мучатся в поисках сюжета, не находят его и вынуждены заниматься комментариями и компиляциями. Покойные Ожэ, Эньян и другие были осмеяны на том основании, что их гений не пошел дальше разбора чужих сочинений: вынужденные ограничиться уже исчерпанными источниками, они, в поисках новизны, прибегали к самым резким парадоксам. Недавно одна парижская газета расхваливала автора, произведения которого я не читал, но в занимающей полстраницы цитате, приведенной этой газетой, я нашел 12 уродливых мыслей, чрезвычайно понравившихся парижанам. Первая из них такова: *В действительности существует единство цивилизации различных государств Европы.* Воистину забавное единство! Все в этих государствах различно: язык, кодекс, монеты и меры, нравы и пр. В одной только Франции насчитывается 16 различных языков. Антипатия европейцев к единству такова, что немцы, занимающие центральное положение и имеющие репутацию здравомыслящих людей, не хотят усвоить римскую азбуку, имеющую всеобщее распространение на Западе и в Америке, а именуют себя преемниками Римской империи. Таким образом, единство хотя бы только в одном пункте, где оно *случайно* делает некоторый успех, отвергается нацией, которая слывет наиболее рассудительной. Что же сказать о других, не признающих даже такого справедливого единства, как единство меридиана, проходящего через остров Ферро!

Я отмечаю только одну из 12 нелепостей, найденных мной в небольшой цитате, сколько же таких нелепостей в произведении, которого я не читал? И, однако, эта страница из лучших, потому что в положительном отзыве об авторе газета обычно приводит то, что есть наилучшего в его произведении.

Забавна любовь парижан к праздным рассуждениям о том, чего нет, или о пустяках, высокопарно выдаваемых за величайшую премудрость, а между тем достаточно легкой дозы здравого смысла, чтобы опрокинуть эти нелепости. Для примера взять хотя бы такие утверждения:

Цивилизация — факт всеобщий, комплексный, трудно поддающийся описанию. Ничего подобного. Мы только что дали

чрезвычайно точное описание цивилизации в девяти главах от XLI до XLIX. Расширьте этот материал на 2—3 тома, что чрезвычайно легко, и вы будете иметь точное описание этой цивилизации, которую я, за отсутствием места, мог охарактеризовать здесь только суммарно, наметить темы, подлежащие разработке.

Есть *ли цивилизация благо или зло? Распространяется ли она на весь мир, на весь человеческий род?* Вопросы праздные. Тема для шуток, а не для рассуждений.

Ясно, что она ограничена шестой частью человеческого рода. Русские и польские крестьяне, работающие под ударом кнута, это — нецивилизованные. *Есть ли она благо?* Да, для некоторых богачей. Есть ли она зло? Да, для подавляющего большинства, которое видит чужое благосостояние, ему недоступное. Цивилизация является на каждой планете благом лишь постольку, поскольку она существует недолго и быстро достигает шестой фазы — гарантизма, с помощью создаваемых ею наук и искусств. Но если она затягивается более чем на 25 веков, она становится страшным бичом вследствие возрастающих бедствий народа, благодаря индустриализму, обусловливающему снижение заработной платы, возрождение рабства в фабричных и земледельческих каторгах, благодаря разрушению лесов, склонов, источников и климатов. Пусть осмелятся после этого поставить вопрос, благо она или зло!

Таков обычай философов: возбуждать академические споры о сущих пустяках и пренебрегать всеми полезными исследованиями. Недаром не выработана даже естественная азбука, совершенно еще неизвестная. А ведь есть у нас виртуозы по общей грамматике [1].

---

[1] В гармонии одной из первых операций будет созыв конгресса грамматиков и натуралистов для составления единого языка, система которого будет построена на аналогии со звуками, издаваемыми животными и другими естественными предметами. Этот труд займет не меньше века; для завершения его у нас будет компас, с которым несвоевременно еще знакомить. Здесь мы ограничимся обсуждением плана алфавита, основы исследований, которые должны способствовать образованию общего языка.

Изобразительный план расположения букв для общего алфавита в 48 знаков

Принудительные	мажорные	F	F		F	F
Согласные	»	CC	CCR		CCCC	CCC
Промежуточные	»	A				A
Гласные	»		VV	PP	VV	
Стержневые						
Гласные	минорные		ΛΛ	dd	ΛΛ	
Промежуточные	»	A				A
Согласные	»	CC	CC		CCCCR	CCC
Принудительные	»	F	F		F	F

В этой таблице я не обозначил буквы, но только план родов и видов. Грамматики смогут спорить о размещении букв в связи с сомнениями, которые я сейчас выскажу:

Это упущение является одним из самых забавных показателей интеллектуальной катаракты, которой поражен ученый мир. Что же они будут помнить, если они забывают алфавит

Стержневые â, a, o, ô — звуки самые громкие как долгие, так и короткие.
Гласные мажорные ê é eu, ou, } всякая другая принятая гласная è ai
Гласные минорные et, i, e, u, } входит в одну из этих 12.
Согласные мажорные zze, ze, b, d, R сухой } que, gue je, ve, le, me, ye,
Согласные минорные sse, se, p, t, Я густой } quieu, guieu, che, fe, lle, ne, gne.
Промежуточные мажорн. ACH, HHA, минорн. OOE, AH.

Каждая из 4 промежуточных обнимает те звуки, которые можно образовать в этом роде. так, AN обнимает носовые, an, en, in, on, un. То же самое о звуках oue, eue, ie, ée, ue, aie, etc., разновидностях от OOE, и таких звуках, как ohe hohen, разновидностях промежуточных HHA и ACH.

Восемь принудительных мажорных и минорных обнимают странные звуки, кудахтанье и другие, существующие у дикарей арабов. Дифтонги или комбинированные гласные не имеют места в алфавите. Каждая из 12 гласных может образовать 22 дифтонга с 11 другими и еще много других посредством соединения с промежуточными.

Мы не имеем знака, изображающего видоизмененный звук, первую согласную: я ее изобразил удвоенной буквой: zze, sse. Согласные и гласные должны иметь своих двойников и быть соединены в идентичные пары по сильному и слабому звуку, как b, p.

Двумя ll я обозначил мягкую l в словах paille, treille. Quieu и guieu не являются звуками слов Montesquieu, Perigueux, употребляющих гласную, эти последние употребляют eu краткое, как leur, gueule.

Ye есть русский звук *эй* в междометии *эй!* Употребляется также в слове rayon.

Я не принял в паре согласные tch и dg итальянцев, это — удвоенные согласные, а отнюдь не чистые звуки. На этот счет могут быть различные мнения, и на этой почве развернутся дебаты. Я сам заявляю, что не буду отстаивать этот алфавит, важен только план его размещения, с которым должен считаться всякий грамматик, желая видоизменить мой набросок алфавита. Звуки слова — размеренная серия третьей ступени, распределенная на две гаммы и четыре подгаммы, подобно 32 хорам фаланги и 32 планетам, вращающимся вокруг своего стержня, или солнца. Я говорю 32 планеты, потому что остается открыть еще четыре (I, 502) и потому что Луна — Феб, будучи мертвым светилом, не входит в счет, так как заменяющая ее Веста уже вошла в план, чтобы вместе с Меркурием, Церерой, Юноной и Паласом сопрягаться с нашим земным шаром, как только на нем воцарится гармония (1,532). Неизвестные четыре планеты суть два спутника Урана и два промежуточных между Сатурном и Ураном.

Кроме буквенного алфавита нужно будет создать алфавит знаков препинания, по численности равный буквенному. Этот алфавит настолько неизвестен, что французы имеют всего 7 знаков препинания ,;:.!?). Скобки уже не в употреблении. Наш язык так беден в этом отношении, что мы вынуждены употреблять точку или две точки, что вносит путаницу.

Я начал труд о гамме знаков препинания и довел его до 25 знаков, которые и подкрепил примерами, показывающими смехотворность и промежуточность наших знаков. Сделанное мной я потерял, не окончив, и более к нему не возвращался. Заметим по этому поводу, что первый из наших знаков, называемый запятой, должен быть диференцирован, по крайней мере, на четыре формы, в связи с различными оттенками запятой, ее значениями, разнообразными до бесконечности и смутно выражаемыми одним знаком: это верх беспорядка. То же самое можно сказать о других знаках, в них совокупно выражены три или четыре значения. Знаки препинания цивилизации, это — подлинный хаос, как и

в грамматике и притяжение в изучении человека? Не желают ли они во всякой науке начинать с конца, кончать тем, с чего нужно было начать?

орфография, которая различна в каждой парижской типографии. Академия, со своим реакционным принципом — не допускать исправления наиболее выдающихся пороков, возмутила умы до того, что произошел общий бунт, водворилась всеобщая анархия в грамматике.

Академическая антипатия ко всякому полезному новшеству заставляет отстаивать все обычаи, враждебные искусствам. Таково употребление 8 ключей в музыке: метод столь сложен, что он отталкивает $^{9}/_{10}$ учащихся.

Эта путаница связана только с порочной привычкой — класть на ноты на 11 строках вместо 12, из коих две были бы промежуточными, расположенными между басами и дискантами. Тогда мы имели бы только один ключ, помещая ключ *соль* на первую строку, где ему гораздо лучше, чем на второй, потому что теперь модуляции более высоки, чем раньше, в особенности с момента введения фортепиано с 6 октавами. Вот пример этого расположения, где обе группы линеек баса и дисканта одни и те же, как для глаза, так и для ноты 1, 2, 3, 4, 5... 6, 7... 8, 9, 10, 11, 12.

Ключ *фа* на пятой, ключ *соль* на восьмой строке. Смешанные части альто и т. д. отмечены либо на 3, 4, 5... 6, 7 или на 6, 7... 8, 9, 10. Здесь метод приобретает единство, потому что употребляется двенадцатинотная гамма, сообразно желанию природы. Я удивляюсь, что наши ученые, столь враждебные гаммам и сериям, не послали судебного пристава на солнце объявить ему, что пора ему стать философом и впредь не давать в своих лучах элементарную гамму из 7 цветов, так как гаммы осуждены истинными философами.

Извращенное чутье обнаруживается во всех навыках цивилизованных, как в *десятичном* счете. Деление на десять противно природе и экономии, так как 12, а не 10, есть число, которое в нижней категории содержит наибольшую сумму простых делителей в наименьшей сумме единиц. Извращение инстинкта сказывается во всех мелочах, представляющих хотя бы ничтожный интерес: они выбрали почетной стороной — правую, хотя почетный внутренний орган находится на левой и планета подставляет солнцу свою левую сторону.

Гений цивилизации, всегда неудачливый во всех родах исследования, даже в математике, где безрассудство мешает ему решать задачи выше четвертой степени, колеблется и робеет, когда случайно попадает на верный путь — борьбы с предрассудком. Вот один свежий пример. *Январь* 1829 года. Одна из парижских газет — «Котидьен» — осмелилась поддержать одно из самых правильных положений (она могла познакомиться с ним в моем трактате 1822 года), что *всякая неограниченная конкуренция в торговле есть не что другое, как западня.* Это значило выбрать блестящую тему; ее было бы достаточно, чтобы расстроить наш коммерческий и индустриальный механизм, наш *мир навыворот.* Но, выдвинув такое прекрасное положение, газета, видимо, усомнилась в своих силах и убоялась упрека в философской ереси. Она испортила дело своей резкой критикой машин, совершенно неповинных в прегрешениях наших экономических наук. Она сделала то же, что покойный Жофруа, высказавший однажды весьма справедливое мнение, что *торговля есть искусство продавать за 6 франков то, что стоит только 3.* (Таково искусство всех спекулянтов, которые одни только вызывают восхищение и квалифицируются как *ловкий малый, хорошая голова;* искусство всех виноторговцев, которые, фабрикуя вино из снадобий с водой, не облагаемой налогом, говорят: верьте истине — *у меня на дворе есть насос, который мне дает 10 тысяч франков в год.)* Жофруа не сумел отстаивать свой взгляд, он отступил перед натиском противников, которые не выдвинули против него ни единого разумного основания. Так и «Котидиен» не сумеет отстаивать свое положение, как нельзя более правильное, несомненное.

Эта катаракта, этот инстинкт ложного, господствующий в ученом мире, достаточно оправдывает мою непочтительность к нему.

Неужели я должен поощрять слепого, когда он идет к пропасти и хочет увлечь за собой в нее других слепых? Но, говорят, нужно усвоить академические формы. Ах! будь у меня ум академиков, я, подобно им, расточал бы только красивые слова вместо хороших открытий. Вынужденный порицать все классы ученых, даже геометров, за их терпимость к четырем лженаукам, я должен был бы коверкать каждую фразу, если бы хотел соблюдать преувеличенную осторожность. Я и так был осторожен, пренебрегая многими параллелями, напрашивающимися при виде философов: в своих сочинениях они взывают к просвещению и открытиям, а в своих действиях оказываются бесстыдными мракобесами. Хочется думать, что все же среди них найдется беспристрастный судья, одного такого я встретил в Париже. Это слабое исключение подтверждает правило, и я приглашаю ученых в собственных интересах оставить причуды обскурантизма, недавно разоблаченные одним из их среды в следующих словах: *гениальный человек никогда не находит признания, когда он опережает свой век в какой бы то ни было области.* Но другие гениальные люди не открывали всем ученым и литераторам шансы колоссального богатства и поприща славы, которые открывает им мое изобретение. Дело за ними: в своих собственных интересах они должны сделать исключение из обычая недобросовестной критики, которая в данном случае была бы с их стороны верхом глупости.

5. Индивидуальная кандидатура

Я обращаюсь с призывом к тем, кто хочет *без промедления* приобрести богатство и славу. Я сказал, что для основания ассоциации на всем земном шаре посредством опытной фаланги нужно содействие четырех лиц: 1) основателя, или главы компании; 2) ведущего переговоры; 3) оратора (один человек может взять на себя обе роли); 4) изобретателя, чтобы гарантировать начинание от ошибок механизма и от философского духа или простого и ложного действия.

Лицо, ведущее переговоры, должно действовать первым. Для этой роли требуется человек, имеющий связи с вельможами и капиталистами, или человек, облеченный общим доверием, вроде доктора Эйнара, *филантропа на деле, а не на словах.* Мы видели выше, что капитал, необходимый для ассоциации, выражается в сумме 15 миллионов, но для начала достаточно будет $^1/_8$ этой суммы, потому что, как только будет приступлено к делу, стоимость акций удвоится; вокруг дела начнется большое оживление, и компания легко продаст за 20 миллионов остальные $^2/_3$ акций. Это будет прибыль в 10 миллионов, независимо от других доходов. Компания найдет деньги до этой реализации из 5%, если будет действовать таким образом, чтобы не оставить никакого сомнения в успехе,

никакого подозрения в философском духе или простом действии, в механизме опытной фаланги.

Ведущий переговоры должен сначала образовать маленькое общество посвященных, подобно многим аналогичным обществам, организуемым в Париже.

Во всех существующих обществах легко найти прозелитов, потому что все эти общества очутились в ложном положении благодаря открытию механизма промышленного притяжения. Укажем только три из них.

1. Общество христианской морали, или уничтожения торговли рабами. Оно убедилось на опыте, что его план призрачен, что его вмешательство только усугубляет ужасы торговли рабами, и присоединило торговлю белыми к торговле черными. На острове Мартинике продают цветных женщин, хотя они и свободны. Совершенно очевидно, что это общество применяет метод *симплизма,* принимая намерение за средства, и что для достижения цели нет иного пути помимо теории промышленного притяжения и учетверенного дохода, побуждающего самих хозяев освобождать своих рабов.

2. *Общество поощрения промышленности* действует тоже в духе симплизма, поощряя только материальную часть, только машины, прогресс которых удваивает нищету пролетариев (пример — Англия). Требуются средства для установления во всех странах повышенной заработной платы, а мы видели, что только промышленное притяжение может дать этот эффект.

3. *Географическое общество.* Оно лицезреет плачевную гибель всех путешественников — Монго-Перков, Клеппертонов и т. д.; чтобы гарантировать безопасность и прогресс науки, нужно быстро просветить варваров и дикарей внутри африканского и других материков. Средством для этого может быть только механизм промышленного притяжения. Отвергая этот метод, географическое общество впало бы, как и общество христианской морали, *в симплизм* или иллюзорно стремилось бы ко благу с помощью бесплодных рассуждений, без действенного метода.

Другие общества также убедятся в *симплизме* своих действий, и опытная ассоциация привлечет к себе их раскольников, потому что массы труднее обратить в новую веру. От общества земледелия, без сомнения, отколется много членов. Согласно опубликованной мной теории ясно, что нынешняя форма земледелия есть отсутствие какой бы то ни было экономии и какого бы то ни было разумного основания, отсутствие средств и знаний: в окрестностях Парижа не умеют выращивать картофель.

Организуемое объединение должно называться *Обществом индустриальной реформы* и стремиться к исправлению раздробленной и ложной системы, царящей во всех отраслях индустрии. Оно должно выпускать газету, которая вскоре станет самой популярной благодаря умелому высмеиванию в теории

ассоциации всех операций и взглядов, связанных с философской системой, семейным и земледельческим дроблением, ложной торговлей и с манией будить раздор среди политических партий, никогда их не примиряя.

Ведущий переговоры в своих предложениях компетентным лицам должен сначала подчеркнуть важность нововведения, которое одно только способно примирить интересы правительств и народов и поэтому с быстротой молнии распространится по всему земному шару; *на худой конец,* даже в случае ошибки в плане притяжения, с первого же года удвоится и *капитал и доход,* капитал — благодаря дани, взимаемой с любопытных крестьян, привлекаемых зрелищем созвучия страстей с индустрией, а *доход* — благодаря материальным прибылям режима серий, совершенно неведомого цивилизации. Значит, даже при наличии ошибки при учете следствий притяжения, план остался бы справедливым в отношении механизма серий, поднял бы доход Франции с 6 миллиардов до 12. *Худой конец, нечего сказать!*

Каковы бы ни были люди и классы, к которым обратится ведущий переговоры, он сможет играть на слабой струнке каждого. Беседуя с государем, он будет прельщать его великолепием награды, возможностью стать императором императоров, Цезарем и Августом. Говоря с министром, он нарисует ему перспективу получить через 2 года империю или наследственный цезарат; финансисту он изобразит честь внезапного погашения всех государственных долгов, сумму заработка, пропорционального оказанной услуге. Банкира он будет соблазнять огромными прибылями, список которых занял бы целую страницу. Филантропу, желающему искоренить нищенство, он нарисует честь изгнать навсегда этот бич со всего земного шара, с первого же года уничтожить бедность, рабство и другие камни преткновения философского гения. Прелату он нарисует честь безвозвратного уничтожения атеизма и материализма. Честолюбцу, страстно жаждущему министерского портфеля, он нарисует очаровательную картину, как через несколько месяцев все монархи и министры засыплют его орденами и наградами. Философу он будет говорить о чести образовать в один месяц школу, увлечь всех и доказать, что новейшая философия, так называемая *эклектическая,* лишь *симплизм.* Она наблюдает только следствие, только поверхностные явления социального движения без изучения *причин,* анализирует идеи, вместо того чтобы анализировать притяжение, являющееся двигателем человека, она изучает притяжение в простой форме, в материальной части, вместо того чтобы его изучать в материальном и духовном отношениях.

Ведущему переговоры придется опровергнуть некоторые софизмы вроде трех нижеприводимых, весьма обычных для француза.

1. *Возведение исключения в правило.* Таковы обычаи всякого задорного и мелочного спорщика, между тем исключение подтверждает правило, но не может само возводиться в правило.

2. *Недостаточность известных нам ресурсов.* Рассчитывать надо на ресурсы, содержащиеся в серии, построенной на страстях, — средства, совершено неизвестные, — и отнюдь не базироваться на слабых ресурсах цивилизации.

3. *Отсутствие капиталов.* Их находят в изобилии, когда они нужны не под заклад недвижимого имущества, а для столь необеспеченного займа, как испанский. Чем рискованней операция, тем охотнее парижане на нее идут, даже на такие сумасшедшие предприятия в 100 миллионов, как улица Империаль от Лувра до Бастилии, даже на сумасшедшие затраты в 300—400 миллионов ради славы видеть большие корабли плывущими в Париж, когда достаточно, чтобы они доходили до Руана, а затем канализовать песчаную отмель Кильбеф (Quilleboeuf), перерезать несколько перешейков. В частных делах они точно так же падки на предприятия без славы и без больших прибылей (см. выше пивные заводы и общества на вере). Жертвой таких сумасбродств оказался недавно пэр Франции, всадивший 3 миллиона в спекулятивное предприятие, из которого он не получит обратно и десятой части. Значит, дело не в отсутствии капиталов, а в неумении их использовать: обычно люди идут лишь на то, что связано с риском.

Чтобы дать понять, какого рода кандидатов нужно искать, приведу в качестве примеров несколько людей, уже сошедших в могилу. В Англии лорд Байрон был бы подходящим для этого дела оратором. Он презирал цивилизацию. В качестве основателя подошел бы покойный герцог Бэтфордт благодаря его состраданию и его подлинно либеральным наклонностям. Во Франции покойный герцог де-Ларошфуко, в качестве основателя, и генерал Фуа, в качестве оратора, привлекли бы доверие и сразу побудили бы к подписке на акции.

Нужны люди, пользующиеся уважением всех партий, таких немало среди живущих. В качестве оратора подошел бы Шатобриан; судя по его выступлениям, он — прирожденный апостол теории ассоциации, которая громит атеизм и в социальной механике устанавливает превосходство бога и некомпетентность человеческого разума. Признай он этот благородный тезис, и ему был бы обеспечен такой же успех, как Августину Блаженному в борьбе против ложных богов. Теория ассоциации подошла бы к тем, кто именует себя эклектическими философами. Если эти философы намерены *подбирать и сочетать* хорошие средства, то *в области притяжения* они должны соединить элемент страсти с элементом материальным и в индустрии сочетать социальную экономию с материальной механикой, единственной отраслью, разрабатываемой нашими индустриалистами.

Англичане *расходуют* порой 600 тысяч франков на предвыборную агитацию. А между тем, выдав аванс в 600 тысяч франков под закладную на недвижимое имущество, можно образовать акционерную компанию, основать опытную фалангу и получить скипетр омниарха и наследственного верховного правителя земного шара, пост — несколько выше депутатского. Между прочим, я намечаю на этот пост сэра Ф. Бурдетт.

Чрезвычайно важно было бы убедить государя, имеющего большое влияние: если бы он согласился взять первую акцию, все остальные разошлись бы в один день. (Нужно реализовать только $^1/_3$.) Из числа монархов общественное мнение намечает баварского короля. Я наметил бы также французских принцев, если бы кто-нибудь мог им дать понять, что теория нового общественного механизма гарантирует крушение философских систем и духа партий. Все монархи одинаково заинтересованы в этой метаморфозе, начиная с крупнейшего из них — русского монарха; она даст возможность заселить огромные территории и умерить климаты его обширных владений, возместит большую часть потерянного и обеспечит ему скипетр омниарха.

Богатейший из них, французский король, нуждается в самом необходимом, несмотря на налоги: прекрасной Франции с ее 1 300 млн. сумм налоговых поступлений, из коих 1 000 *внутрибюджетных* и 300 *внебюджетных,* не на что содержать армию, потому что находящихся на действительной военной службе просят отказаться от части жалования, чтобы на эти средства содержать запасных, число которых сильно уменьшается вследствие смертности. Что касается солдат, то их казармы не отапливаются даже в сильнейшие холода, им дают только немного угля, чтобы сварить суп, и как только обед сварился, казарма остается без огня, что порождает много болезней и большую смертность. За жалобы их сажают в тюрьму или, как в Англии, бьют палками. Сэр Фергюссон тщетно рисовал парламенту ужасную картину мучений, которым подвергаются солдаты.

Вот плод гарантии представительной системы. Она печется о благе народа на словах и творит зло в действительности. Вопреки нашим иллюзиям гарантии зло делает 10 шагов вперед, в то время как добро делает только один шаг.

Сколько монархов, стесненных материально, нуждаются в установлении нового общественного строя, который гарантировал бы им удвоение эффективного налога. Политические партии еще более заинтересованы в изменении. Либералы сидят на бочке с порохом: точно маленькие дети, они — под угрозой великана-людоеда, который явится из Лондона или Капернаума, чтобы их сожрать. Всякий режим, против которого можно безнаказанно строить козни, будет рано или поздно уничтожен. Такой неустойчивый строй не заслуживает доверия. Нужен режим, основанный на интересе и на страстном

согласии царствующих домов. Всякий другой окончится так, как португальская конституция или как глупые кортесы, которые вместо армии противопоставили своим врагам только речи Аргеллеса.

Либерализм говорит, что он работает на народ, а в результате он поддерживает все налоги, которые тяжелым бременем ложатся на бедный класс, и он же больше всего терпит от фальсификации предметов питания и напитков. По мере совершенствования либерализма возрастает грабеж. Франция расходует на содержание 200 тысяч солдат вдвое больше, чем Пруссия на содержание 500 тысяч. Если либералы не знают об этом беспорядке, то какова цена их наблюдениям? Если они не могут его устранить, на что годится их красноречие? Их обильное остроумие, лишенное изобретательского гения, не умеет изобрести даже четвертую фазу цивилизации (гл. XLIV).

В пору их влияния они не справились ни с одной из стоявших перед Францией задач, таких, как правильное и справедливое распределение территории взамен смехотворных и стеснительных наборов, установленных членами Конституанты, облесение склонов и пустырей путем солидарного привлечения окружающих коммун, архитектурный кодекс, заботящийся о санитарном состоянии и украшении зданий и о взаимной гармонии (I, 563); они умеют только волновать сильных мира, побуждая их вымещать свой гнев на нескольких незащищенных городах, фабрики и учреждения которых разрушены предыдущим министерством. Короче говоря, эту партию губит ее мания применять филиппики там, где нужны изобретения. Кроме того, им не везет: они терпят всюду неудачу, невзирая на некоторые проблески былой славы. Они готовят Франции судьбу Пиренейского полуострова своим неумением сочетать интересы народа с интересами двора (гл. XLIX и L). Впрочем, инициатива перешла к их соперникам, более искусным в деле фабрикации заговоров, создания паники, в клевете и т. д.; в цивилизации победу обеспечивают несправедливость и разум. Каннинг уже указал на это в английском парламенте.

Это критическое состояние либералов должно было бы обратить кое-кого из них в новую веру, убедить их в необходимости выйти из пропасти цивилизации и основать одну из фаз, указанных в вышеприведенной таблице.

Что касается противоположной партии, то она, как и ее соперники, сидит на вулкане. Я уже доказал, что ее система мракобесия и реакции ведет не туда, куда она стремится; различные причины, и в особенности финансовые затруднения, могут вновь ввергнуть Европу в революцию, если мы не поспешим подняться по социальной лестнице.

Низкая политика англичан разжигает все смуты в интересах успешного сбыта английских товаров, вновь ввергая континент в полуварварство Пиренейского полуострова. А между тем, путем применения сложной монополии или системы феде-

ральных свобод и снижения налога она могла бы завоевать земной шар почти без боя. Новейшие народы закрывали на это глаза, они избрали в путеводители атеизм и торговлю, вместо того чтобы выбрать бога и честь и строить свои планы на отыскании божественного кодекса и на подавлении торгашеского обмана. Насколько одна и другая партия, либералы и абсолютисты, нуждаются в том, чтобы открытие дало им возможность избавиться от самих себя, от своей собственной немощи, насколько обе достойны титула, который им дает Евангелие, — *слепые, вожди слепых!*

В немногих словах постараемся вернуть их на правильный путь: чего ищут они — как та, так и другая? Богатств, власти, должностей? Я показал, что их полностью удовлетворит режим промышленного притяжения. Но люди боятся иллюзий, потому что наш век в течение 20 лет был мистифицируем Робертом Оуэном в вопросе ассоциации. Это — ошибка века. Он заслужил постигшие его неприятности, так как он не ставил никакого условия, ратовал за человека, а не за дело, — так было с кооперативным обществом в Лондоне. Как оно теперь разочаровалось, видя, что глава его совершенно невежествен в вопросах ассоциации и что его 20 учреждений не в состоянии соблазнить ни одной дикой орды, ни одной провинции цивилизованных.

Заканчивая, напомним ученым, художникам, литераторам, педагогам, что каждому из них представляется случай приобрести большое богатство. Средство, называемое серией, построенной на страстях, *в течение 2 месяцев производственной работы* создает новый общественный механизм, какого оуэнисты не сумели создать и за 20 лет нащупываний; они нам платили фальшивой филантропической монетой.

Этот обман не должен вызвать упадка духа, но должен привести к лучшей ориентации. Разве всякая наука не была вначале добычей шарлатанства? Наконец, в вопросе ассоциации мы имеем правильную теорию, диаметрально противоположную утопиям и филантропическому жонглерству оуэнистов. Надо как можно скорее исправить ошибку, отказаться от слепого доверия. Шарлатанам от ассоциации была предоставлена возможность основать *двадцать* учреждений на основе ложного и отталкивающего метода, пусть же будет создано хотя бы *одно* опытное учреждение на основе привлекательного метода, или серий, построенных на страстях. Оно обеспечит человеку все благодеяния, возвещенные на заглавном листе и описанные на всем протяжении этой книги.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август Октавиан (63 до н. э.—14) — первый римский император — 454.

Августин Блаженный (354—430) — христианский богослов и философ — 161, 455.

Александр Македонский (356—323 до н. э.) — царь Македонии, организатор и руководитель походов против Персии, которые закончились ее завоеванием — 269, 311.

Анахарсис (VI в. до н. э.) — один из семи древнегреческих мудрецов — 340, 435.

Араго, Доминик-Франсуа (1786—1853) — знаменитый французский физик — 438, 439.

Аракчеев, Алексей Андреевич (1769—1834) — военный министр при Александре I, ввел «военные поселения», был крайне жесток по отношению к поселенцам. С его именем связана целая эпоха полицейского деспотизма и грубой военщины — 394.

Аристотель (384—322 до н. э.) — величайший греческий философ и ученый — 8, 67.

Архимед (287—212 до н. э.) — величайший древнегреческий математик и механик — 96, 402.

Аттила (ум. 453) — вождь гуннов — воинственного кочевого народа, создавший под своей властью огромное государство от Волги до берегов Рейна — 374.

Бабеф, Франсуа Ноэль (1760—1797) — вождь заговора «равных» в эпоху термидорианской реакции во Франции (1795—1796) — 389.

Байрон, Джордж Ноэль Гордон (1788—1824) — великий английский поэт-романтик — 415, 455.

Бартелеми, Жан-Жак (1716—1795) — французский археолог и писатель — 37, 435.

Бентам, Иеремия (1748—1832) — английский юрист, экономист и философ — основоположник утилитаризма — 330.

Бернарден де Сен-Пьер (1737—1814) — французский писатель, последователь Руссо — 426.

Бомарше, Пьер Огюстен Карон (1732—1799) — знаменитый французский драматург предреволюционной эпохи — 256, 407.

Боссюэ, Жак Бенинь (1627—1704) — французский богослов и писатель — 156, 347, 393.

Бриссо, Жан Пьер (1754—1793) — французский юрист и писатель, во время революции был в лагере жирондистов, казнен во время террора—23.

Брут, Марк Юний (85—42 до н. э.) — глава заговора против Цезаря и участник его убийства — 209.

Буало, Николай (1636—1711) — французский поэт и теоретик так называемого «псевдоклассицизма» в искусстве — 429.

Бэкон, Френсис (1561—1626) — английский философ-материалист, родоначальник *«английского материализма* и вообще *опытных* наук *новейшего времени»* (Маркс) — 37, 158, 439.

Варрон, Марк Теренций (116—27 до н. э.) — автор многочисленных трудов по всем почти отраслям существовавшей тогда науки от агрономии до истории римской поэзии времен республики — 330.

Вильберфорс, Вильям (1759—1833) — английский парламентский деятель, боровшийся за освобождение негров — 23.

Вольтер, Франсуа-Мари (1694—1778) — знаменитый французский просветитель — писатель-сатирик и философ-деист, один из идеологов французской буржуазии кануна революции — 8, 34, 37, 323, 336, 340, 347, 355.

Галилей, Галилео (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном — 5, 36, 153, 356.

Гарвей, Вильям (1578—1657) — английский врач и физиолог — 5.

Генрих IV (1553—1610) — король Франции — 166, 262, 326.

Герострат — грек, сжегший в 356 г. до н. э. храм Дианы в Эфесе с целью прославить свое имя — 349.

Гораций, Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт-сатирик — 9, 156, 380.

Даламбер, Жан (1717—1783) — французский просветитель, один из энциклопедистов, философ и математик — 211.

Декарт, Рене (1596—1650) — французский философ-дуалист, материалист в физике, идеалист — в метафизике; основатель аналитической геометрии — 6, 161, 347, 350, 446.

Дециусы (IV—III в. до н. э.) — знатная плебейская семья в древнем Риме — 205.

Дидро, Дени (1713—1784) — крупнейший французский материалист, атеист; организатор и редактор французской «Энциклопедии», в которой радикальная буржуазия формулировала свои идеи накануне французской революции — 164.

Диоген из Синопа (414—323 до н. э.) — греческий философ-циник — 193, 291, 329, 334, 387.

Домициан (51—96) — римский император — 433.

Жофруа, Жюльен Луи (1743—1814) — французский театральный критик — 377.

Зенон (336—264 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы стоиков — 322, 428.

Изабелла (1451—1504) — королева Кастилии, покровительствовала экспедиции Колумба — 161.

Каннинг, Джордж (1770—1827) — английский государственный деятель, умеренный консерватор. Занимая пост министра иностранных дел, вызвал на дуэль своего политического противника военного министра Кэстльри и был ранен, что, повидимому, и имел в виду Фурье — 391.

Катон, Марк Порций Утический (Младший) (95—46 до н. э.) — народный трибун, глава республиканской партии, боровшейся против Цезаря — 263.

Клери, Жан Батист (1759—1806) — камердинер Людовика XVI — 262.

Колумб, Христофор (ок. 1446—1506) — мореплаватель, открывший Америку — 5, 6, 34, 36, 113, 153, 158, 161, 356, 397.

Кольбер, Жан Батист (1619—1683) — французский государственный деятель, министр при Людовике XIV, проводивший политику меркантилизма — 44.

Кондильяк, Этьен Бонно (1715—1780) — французский философ, защищавший позиции сенсуализма, что близко подводило его к материализму — 37, 157, 158, 164, 338, 343.

Констан, Бенжамен (1767—1830) — французский политик, государствовед либерального направления и писатель-прозаик — 389.

Коперник, Николай (1473—1543) — гениальный польский астроном, открывший гелиоцентрическую систему мира — 5, 36.

Кребильон, Проспер (1674—1762) — французский драматург — 8.

Крез (VI в. до н. э.) — последний царь лидийский, обладатель несметных богатств — 86, 325.

Лавуазье, Антуан Лоран (1743—1794) — выдающийся французский ученый, основатель современной химии — 96.

Ланкастер, Жозеф (1778—1838) — английский педагог, разработал систему взаимного обучения и применял ее на практике — 280, 439.

Ларошфуко-Лианкур, Франсуа Александр Фредерик (1747—1827) — французский государственный деятель и филантроп — 22, 455.

Лебрен, Понс Дени (1729—1807) — французский поэт — 259.

Лежандр, Адриан Мари (1752—1833) — знаменитый французский математик — 53.

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646—1716) — крупнейший немецкий философ, предшественник немецкого классического идеализма, знаменитый математик — 323.

Линней, Карл (1707—1778) — крупнейший шведский естествоиспытатель — 5, 36, 96.

Лувуа, Франсуа Мишель (1641—1691) — французский государственный деятель — 44.

Лукулл, Люций Люциний (106—56 до н. э.) — римский полководец — 67, 86, 87.

Людовик IX Святой (1215—1270) — французский король (с 1226 г.) — 393.

Людовик XI (1423—1483) — французский король (с 1461 г.) — 166.

Людовик XIV (1638—1715) — французский король (с 1643 г.) — 44, 212.

Людовик XVI (1754—1793) — французский король (с 1774 г.), был казнен по постановлению Конвента во время французской буржуазной революции —262, 384.

Людовик XVIII (1755—1824) — французский король (с 1814 г.) — 285.

Мальтус, Томас Роберт (1766—1834) — буржуазный английский экономист; автор реакционной теории народонаселения, которую К. Маркс подверг резкой критике — 46, 318.

Марат, Жан Поль (1744—1793) — один из вождей революционной буржуазной демократии в эпоху французской революции — 389.

Марк Аврелий (121—180) — римский император; писатель и философ-стоик — 166.

Ментенон, Франсуаза де (1635—1719) — вторая жена Людовика XIV—9.

Метастаз (Метастазио), Петр Антонио (1698—1782) — классический итальянский поэт — 48.

Мирабо, Оноре Габриель (1749—1791) — виднейший вождь оппозиционного дворянства во время французской революции — 322, 334, 387.

Мишо, Жозеф-Франсуа (1767—1839) — французский историк — 53.

Мольер, Жан Батист (1622—1673) — великий французский драматург— 259, 427, 431.

Монтень, Мишель Эйкем (1533—1592) — французский философ — 8.

Монтескье, Шарль-Луи (1689—1755) — французский писатель, теоретик конституционной монархии — 8, 37, 40.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император — 190, 212, 285, 308, 311, 323, 375, 376, 402, 406.

Неккер, Жак (1732—1804) — французский банкир и государственный деятель — 392.

Нерон, Клавдий Тиверий (37—68) — римский император, прославившийся своей жестокостью — 164, 166, 269, 326.

Нинон де Ланкло (1615—1705) — французская аристократка — 44, 306.

Ньютон, Исаак (1643—1727) — величайший английский физик, астроном и математик — 5, 14, 19, 31, 34, 36, 153, 154, 158, 279, 303, 350, 354, 435, 438.

Оуэн, Роберт (1771—1858) — великий английский социалист-утопист — 7, 15, 47, 72, 124, 151—153, 155, 161, 162, 229, 230, 246, 318, 348, 349, 355, 440—444, 458.

Папен, Дени (1647—1714) — французский физик, один из изобретателей паровой машины — 438, 439.

Паскаль, Блез (1623—1662) — французский математик, физик и философ — 206.

Перикл (ок. 500—429 до н. э.) — афинский правитель эпохи наивысшего расцвета афинского государства — 34.

Песталоцци, Иоганн Генрих (1746—1827) — один из крупнейших мировых педагогов, развивал и пытался проводить в жизнь идею соединения обучения с производительным трудом — 211, 228—230.

Питискус, Бартоломей (1561—1613) — немецкий математик — 184.

Пифагор (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ и математик, основатель реакционного религиозно-философского союза — 279.

Платон (427—348 до н. э.) — греческий философ-идеалист — 34, 35, 109, 322.

Помпей, Гней (106—48 до н. э.) — римский государственный деятель и полководец — 285, 309.

Расин, Жан (1639—1699) — крупнейший французский драматург — 6.

Рейнал, Гильом Томас Франсуа (1713—1796) — французский историк и философ, близкий по духу к энциклопедистам — 391.

Ришелье, Луи Франсуа Арман Дюплесси (1696—1788) — маршал Франции, участник Семилетней войны — 99.

Робеспьер, Максимилиан (1758—1794) — вождь французской якобинской партии, возглавлявший революционное правительство в период 1793—1794 гг. — 352.

Румфорд, Вениамин Томпсон (1753—1814) — английский физик — 438.

Руссо, Жан Жак (1712—1778) — знаменитый французский философ и писатель — 37, 48, 164, 170, 194, 196, 336, 337, 347, 429.

Санчес, Фома (1550—1610) — испанский иезуит, автор труда, в котором регламентируются супружеские отношения — 312.

Севинье, Мария де Рабютен-Шанталь (1626—1696) — французская писательница, прославившаяся изданием своей переписки с дочерью — 6, 44.

Сенека, Луций Анней (4 до н. э. — 65) — римский философ-стоик, моралист — 35, 159, 164, 291, 322, 326.

Сен-Поль, Франсуа Поль (1734—1809) — французский деятель в области народного просвещения — 439.

Сисмонди, Жан Шарль Леонард Симон де (1773—1842) — швейцарский экономист — 41, 42.

Скарон, Поль (1610—1660) — французский писатель — 259.

Сократ (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ, учитель Платона — 8, 333.

Соломон (XI—X в. до н. э.) — еврейский царь — 254.

Солон (VII—VI в. до н. э.) — знаменитый афинский законодатель — 40.

Сталь, Жермена де (1766—1817) — французская писательница — 24 37, 414.

Стюарт, Джемс (1712—1780) — английский экономист — 46, 318.

Стюарт, Дугел (1753—1828) — английский философ — 41.

Сципион, Публий Корнелий Старший (235—183 до н. э.) — римский полководец — 263.

Сэй, Жан Батист (1767—1832) — французский экономист — 41.

Тарже, Гюи Жан Батист (1733—1806) — французский писатель и адвокат — 40.

Теофраст (371—286 до н. э.) — греческий философ и естествоиспытатель, современник и друг Аристотеля — 207.

Тиберий, Клавдий Нерон (43 до н. э. — 37) — римский император — 166, 394.

Тиссо, Пьер Франсуа (1768—1854) — французский писатель, академик, подвергался преследованиям со стороны реакции — 53.

Тит, Флавий Веспасиан (41—81) — римский император — 166.

Тома, Антуан (1732—1785) — французский писатель — 6.

Уатт, Джемс (1736—1819) — известный английский физик, изобретатель современной паровой машины — 438, 439.

Фенелон, Франсуа (1651—1715) — французский писатель, в 1675 г. принял духовное звание, ему принадлежат как художественные произведения «Приключения Телемака», так и политические и педагогические сочинения — 347.

Фетх-Али-Шах (1762—1832) — персидский шах — 254, 321.

Фокс, Чарльз Джемс (1749—1806) — английский политический деятель — 323.

Франклин, Вениамин (1706—1790) — известный американский физик и политический деятель — 48.

Фридрих II Великий (1712—1786) — король прусский — 323.

Фультон, Роберт (1765—1815) — известный американский механик, изобретатель парохода — 6, 153, 439.

Цезарь, Гай Юлий (100—44 до н. э.) — римский полководец и писатель, возглавлял антиаристократическую партию, был диктатором — 9, 34, 209, 285, 309, 311, 323, 454.

Цицерон, Марк Тулий (106—43 до н. э.) — знаменитый римский философ и государственный деятель — 8, 333, 433.

Шатобриан, Франсуа Рене (1768—1848) — французский писатель и политический деятель — 455.

Шеллинг, Фридрих Вильгельм (1775—1854) — немецкий философ-идеалист — 24, 47, 296, 417—419, 428.

Эньян, Этьен (1773—1824) — французский писатель — 448.

Эпикур (342—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, продолжатель демокритовской теории об атомном строении материи — 322, 428

Юстиниан (483—565) — византийский император — 40.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие. Помехи, чинимые изобретателям 5
Введение 12

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

АНАЛИЗ ПРИТЯЖЕНИЯ СТРАСТЕЙ

Первое сообщение Элементарные понятия о сериях, построенных на страстях

Глава I О трех целях притяжения и об его двенадцати способностях, или основных страстях 55

Глава II Общие замечания о сериях, построенных на страстях . . . 59

Глава III Распределительные подробности о персонале страстных серий 63

Глава IV Распределительные подробности об отношениях между группами внутри серий 67

Второе сообщение Распределение страстей в сериях

Глава V О трех распределительных страстях, или органических пружинах страстных серий 72

Глава VI О трех обязательных следствиях механизма страстных серий 83

Глава VII О ложных сериях. Коррективы, которые нужно в них внести 91

Глава VIII О видах и о силе притяжения 96

Дополнение к первому разделу. Главы опущенные 100

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОПЫТНОЙ ФАЛАНГИ

Третье сообщение Материальная часть подготовительных мероприятий

Глава IX Подготовка материалов и персонала 103

Глава X Классификация, управление, смета 111

Глава XI Распределение культур на три системы 120

Глава XII Единое распределение зданий 123
План фаланстера большого масштаба 125

Стр.

Четвертое сообщение. Умозрительная часть приготовлений

Глава XIII Исследования о том, какие серии нужно предпочитать в животном царстве 130

Глава XIV Промышленные серии в царстве растительном, по сохранению и общему управлению 134

Глава XV Выбор фабричных производств для внутреннего и внешнего рынка 138

Глава XVI Различие между сериями ложными и рыхлыми 147

Дополнение к первой части Обман клеветников; секта Оуэна

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ГАРМОНИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Пятое сообщение. Воспитание младенцев

Глава XVII Воспитание у цивилизованных противоречит природе и здравому смыслу 162

Глава XVIII Предварительное воспитание. Первые годы, или младенчество 165

Глава XIX Воспитание лютэнов старшими детьми обоего пола (боненами и бонинами) 174

Глава XX Воспитание трибы бамбэнов менторами мужского и женского пола 183

Заключение 194

Шестое сообщение. Воспитание детей среднего возраста, отрочества и юности. Конкуренция инстинктов и полов

Предварительное замечание 197
Глава XXI О маленьких ордах 199

Глава XXII О маленьких бандах 205

Глава XXIII О гармоническом воспитании 209

Глава XXIV Воспитание детей среднего возраста 215

Резюме изложенной теории 226

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

МЕХАНИЗМ И ГАРМОНИЯ ПРИТЯЖЕНИЯ

Седьмое сообщение. Сплетение промышленных притяжений

Глава XXV Инициативы индивидуального и коллективного притяжения в производстве, организованном по сериям 233

Глава XXVI Сплетение серий посредством гастрономии, построенной на интриге 240

Стр.

Глава XXVII О гастрософии, или мудрости гастрономических серий 245

Глава XXVIII О зародыше общего несогласия, или семейные связи простого вида 251

Восьмое сообщение. Преднамеренная согласованность распределения

Глава XXIX О преднамеренном согласии, основанном на материальных наслаждениях 256

Глава XXX Сердечное согласие в результате слияния трех классов 261

Глава XXXI О преднамеренном согласии благодаря очарованию механизма 267

Глава XXXII О преднамеренном согласии, основанном на трех единствах — материальном, сердечном и механическом 272

Резюме относительно применения изложенных принципов 278

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ОБ ОБЩЕМ РАВНОВЕСИИ СТРАСТЕЙ

Девятое сообщение. О согласии в распределении

Глава XXXIII О классификации серий 286

Глава XXXIV О прямом согласии в распределении, или о равновесии, достигаемом благодаря корыстолюбию 291

Глава XXXV Об обратном согласии в распределении, или равновесие благодаря великодушию 298

Глава XXXVI О сверхчувственных согласиях, или сочетании 16 антипатий 304

Дополнение. Равновесие населения 317

Десятое сообщение. Изучение механики страстей

Глава XXXVII Лестницы характеров и темпераментов 322

Глава XXXVIII О группах высокой гармонии, или о компенсационном равновесии 326

Глава XXXIX Об истинном счастье 330

Глава XL Компас при изучении страстей: смыкание с предначертаниями бога 333

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

АНАЛИЗ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Одиннадцатое сообщение. Характеры основания или связи

Глава XLI Последовательные черты четырех фаз 363

Глава XLII Постоянные черты периода 366

Глава XLIII Свойства торговли по родам 368

Стр.

Глава XLIV Свойства торговли по видам 372

Двенадцатое сообщение. Особенности сигнального огня и уклона

Глава XLV Черты гармонического отражения 379

Глава XLVI Разрушительные черты 284

Глава XLVII Привитые реакционные черты 388

Глава XLVIII Черты дегенерации третьей фазы 391

Резюме о шестом разделе. Необходимость научной оппозиции .

Аргумент седьмого раздела. Общий синтез движения
Аргумент тринадцатого сообщения. Первый возраст социального мира

Глава XLIX Построение четвертой фазы цивилизации и ее переходной фазы к гарантизму 399

Глава L Частичное построение шестого периода. Гарантизм 403

Глава LI Интегральное построение шестого периода 407

Глава LII Построение четырех периодов, предшествовавших цивилизации 410

Аргумент четырнадцатого сообщения. Трансцендентная часть движения

Глава LIII Общая метафизика: определение божественного плана совокупных судеб 414

Глава LIV Общие аналогии движения 416

Глава LV Специальные аналогии движения 419

Глава LVI О бессмертии души 423

Эпилог об аналогии. Доказательство огромного гонорара в 12 тысяч франков за строку 426

Послесловие. Об интеллектуальной катаракте. Обман ученого мира и политических партий 435

Указатель имен 459

Редактор-организатор *З. Сумник.*
Техн. редактор *О. Гурова.*
Корректор *М. Покровская.*
Художник *М. Малкин.*

Сдано в набор 15/IX 1937 г. Подписано в печать 2/IV 1939 г.
Формат издания 60×92 1/16. Объем книги 29 1/4 печ. л.
32,946 учетно-авт. л. Тираж 10.000. Огиз № 2017. Заказ № 1119.
Уполномоченный Главлита № А—4821 Серия: Классики философии.
Цена книги 7 р. 60 к. Цена переплета 2 р.

Набрано во 2-й типографии Огиза треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Отпечатано с готовых матриц в тип. им. Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57.